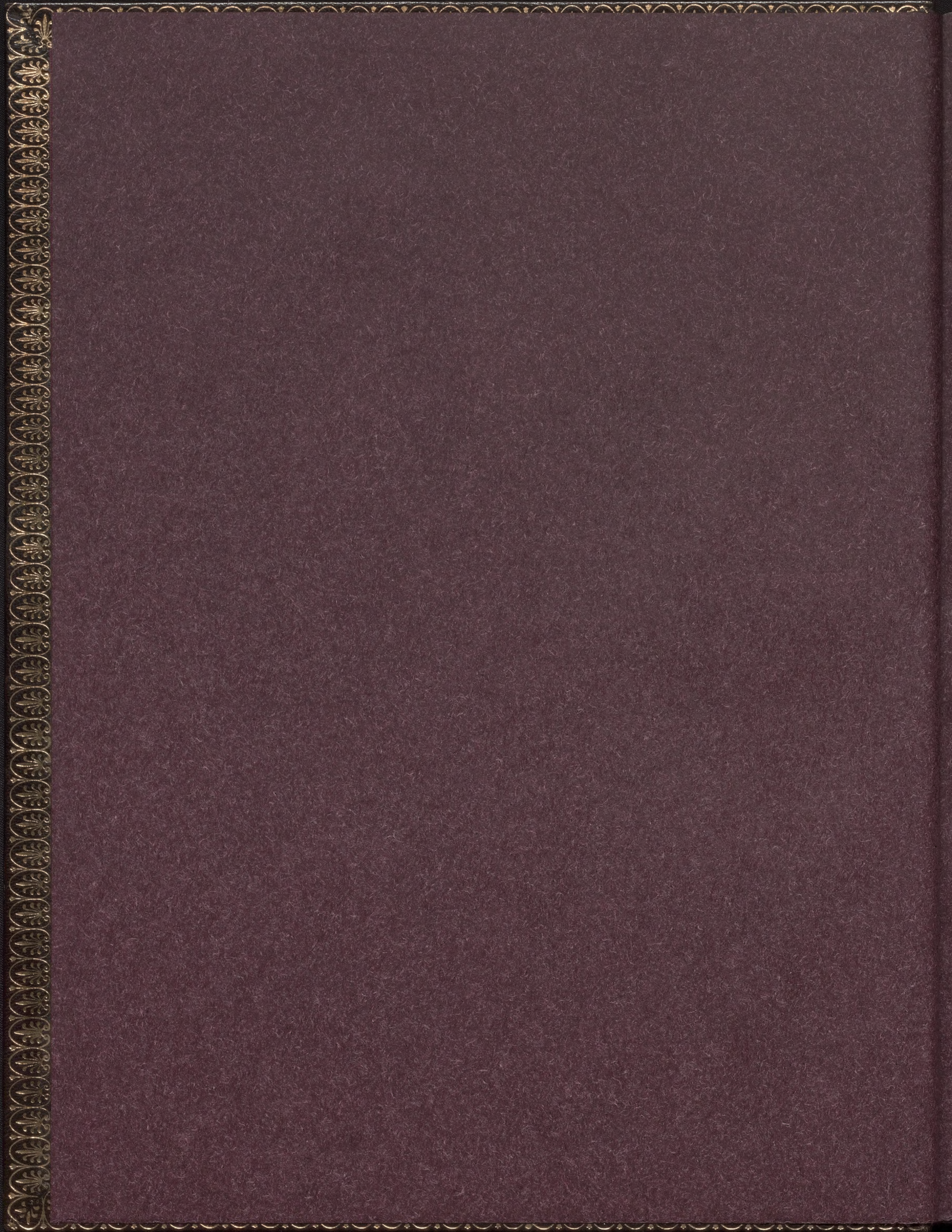
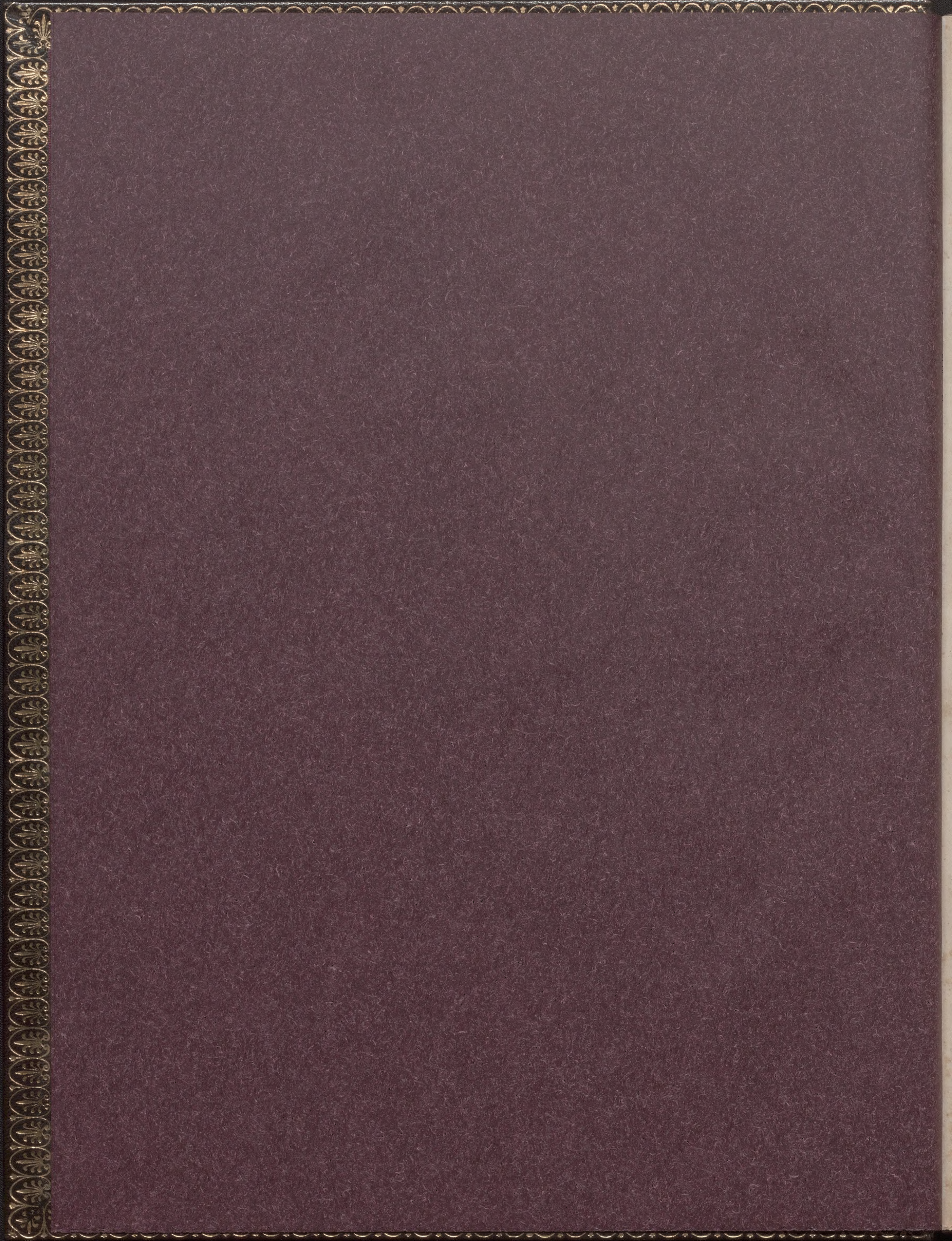

АЛЬБОМЪ
200-ЛѢТНЯГО ЮБИЛЕЯ
ПЕТРА ВЕЛИКАГО

АЛЬБОМЪ

200-ЛѢТНЯГО ЮБИЛЕЯ

ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

РИСУНКИ исполнены художниками «Всемірной Иллюстраціи».

ТЕКСТЪ П. Н. ПЕТРОВА и С. Н. ШУБИНСКАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ ГЕРМАНА ГОППЕ.
1872.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 сентября 1872 г

Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій просп., д. № 53.

Его Величеству

Александру II

Императору Всероссійскому

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ

посвящаетъ

Издатель.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Первое мѣсто въ завершившемся времени русской исторіи — Императору Петру I!

Такъ, и не иначе, слагается общее заключеніе всѣхъ поднимавшихъ голоса свои для того, чтобы судить о Петрѣ. И, — странное дѣло, — даже хулители Великаго монарха, стараясь набросить тѣнь на ту или другую сторону его дѣятельности, стараясь оторвать ту или другую вѣтку отъ густаго лавроваго вѣнка, осѣняющаго ликъ его, — даже эти хулители, въ концѣ концовъ, всегда приходили къ тому-же заключенію и тѣмъ неминуемо противорѣчили себѣ.

Всѣ соглашаются, что для такой гигантской личности, какою является Петръ, способный совершить сразу обращеніе цѣлаго народа на дорогу прогресса, съ которой не сбили уже его ни люди, ни обстоятельства, — нужна и исторія, на столько же всесторонняя, живая, переносящая читателя на мѣсто дѣйствія, знакомящая его со всѣми пружинами, явными и тайными, способствовавшими движенію или останавливавшими его, — нужна исторія, писанная рукою признаннаго бытописателя, которому пришлось-бы по плечу передавать словомъ то, что совершилъ Петръ — дѣломъ. Кромѣ таланта, отъ принимающаго на себя подобную задачу, требуются долгіе годы усиленнаго труда, да и самый трудъ нужно вести такъ, чтобы сохранилась свобода повѣствованія, безъ ущерба увлекательности. Можетъ-быть для такого подвига время еще не наступило: многое не уяснено, не взвѣшено и двухсотъ лѣтъ было недостаточно, чтобы привести не только къ плоду, но даже къ цвѣту все то, что насаждено рукою преобразователя, и полная исторія Петра возможна только въ будущемъ. . . .

Но, если не подъ силу современникамъ нашимъ дать исторію Петра, то монографическія представленія той или другой стороны его дѣятельности; даже систематическій подборъ фактовъ объ его жизни; воспоминанія, болѣе или менѣе полныя, о дняхъ и годахъ его трудовой и геніальной дѣятельности; приведеніе на память лицъ и предметовъ, его окружавшихъ; либо мѣстъ, посѣщенныхъ имъ, и словъ, имъ сказанныхъ или написанныхъ, — намъ доступны. Добросовѣстное выполненіе этихъ задачъ, перечисленныхъ нами, составляетъ, поэтому, обязанность нашего поколѣнія, и каждая изъ этихъ задачъ ускоритъ, въ свою очередь, составленіе полной картины.

Между тѣмъ, кому также неизвѣстно, что до послѣдняго времени самый типъ Петра I еще недостаточно выяснился, а подлинная обстановка быта все еще до того неопредѣленна, что даетъ полный просторъ фантазіи, облекать ее въ произвольныя формы, — по вкусу и наклонности изобрѣтателя. Нужно ли доказывать, что такое положеніе дѣла не обѣщаетъ

въ близкомъ будущемъ уясненія Петра и его времени? Собрать по возможности подлинныя черты этой обстановки, сохранившіяся на современныхъ изображеніяхъ; передать графически эти оригинальныя драгоцѣнныя свидѣтельства эпохи преобразованій, чтобы сдѣлать ихъ общедоступными, да объяснить толково и коротко самые видные фазисы жизни Петра, въ популярномъ изложеніи — вотъ основная мысль нашего изданія. На выполненіе ея употребили мы всѣ наши усилія. Бо́льшаго, чѣмъ это, мы не задумывали и задумывать пока не могли, зная хорошо положеніе русской исторической иконографіи.

Изданіе наше является въ свѣтъ, заключая собою цѣлый рядъ другихъ изданій, вызванныхъ празднествомъ двухсотлѣтняго юбилея; но мы счастливы тѣмъ, что намъ однимъ выпала на долю высокая честь украсить первую страницу **ВЕЛИКИМЪ ИМЕНЕМЪ** нынѣ благополучно царствующаго **ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА.**

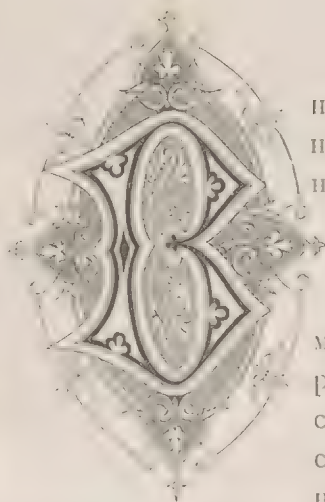
На сколько оправдали мы эту милость — пусть судятъ читатели сами.

ОГЛАВЛЕНІЕ РИСУНКОВЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ТЕКСТА.

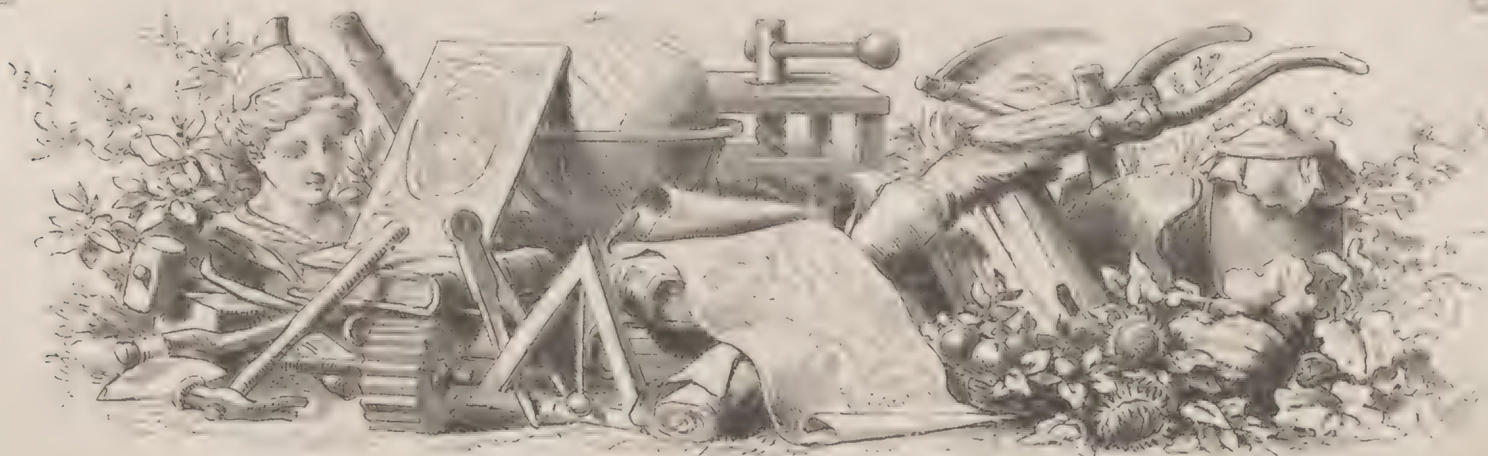

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

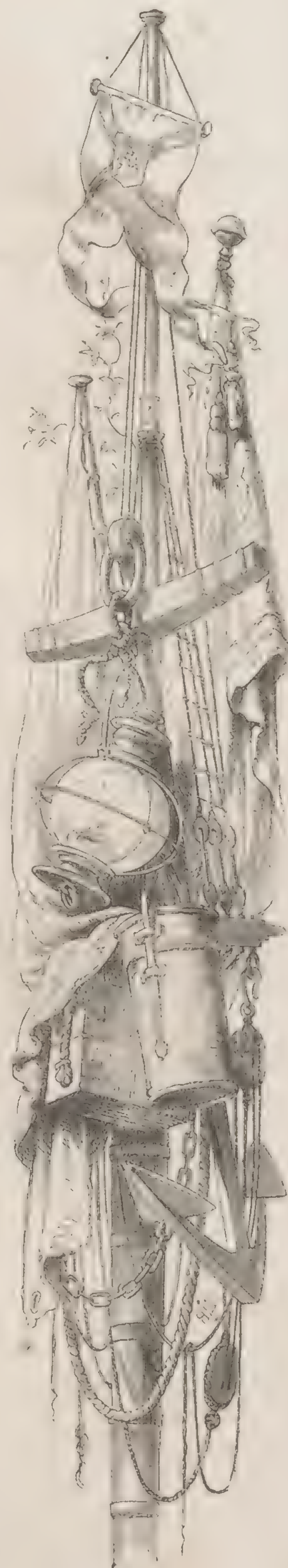
ниманіе наше, къ той или другой исторической личности, возбуждается тѣмъ болѣе, чѣмъ чаще и яснѣе напоминаетъ она о себѣ. Чѣмъ выше эта личность, тѣмъ горячѣе въ насъ желаніе узнать всѣ особенности, всю обстановку ея жизни и всѣ подробности ея дѣятельности. Положеніе это не ново и не выдумано. Оно прямо вытекаетъ изъ потребности удовлетворить, чѣмъ бы то ни было затронутое, наше любопытство. Но, если мы увлекаемся любопытствомъ уже настолько, что начинаемъ розыскивать,—то наблюденія наши непремѣнно перейдутъ далеко за черту прямого отношенія предмета, къ средѣ, его окружающей.

Такое увлеченіе не только одобряется законами логики, но, даже, совершенно необходимо, когда рѣчь касается геніальнаго человѣка, на всемъ проявившаго неотразимую силу своего вліянія. Мы неопредѣлимъ иначе и размѣры этой силы, слѣдовательно, сами станемъ въ ложное положеніе,—если пренебрежемъ наблюденіемъ надъ окружающимъ и не прослѣдимъ: до чего коснулась волна идей генія, или, вокругъ чего болѣе обращалась она, стараясь вовлечь въ свой водоворотъ интересы частные. Можетъ быть и откроется при этомъ, что, сами по себѣ слабыя, какія нибудь личности, въ розмахѣ общаго переворота, совершоннаго геніемъ, сыграли данную имъ роль такъ блистательно, что должны имѣть мѣсто въ изложеніи хода событія. Но бываетъ и другое положеніе: чьи-нибудь личности ярко и рѣзко освѣщаются одною славою генія, даже и не выдѣляясь самою скромною ролью своей, изъ темной массы. Тогда одна сила упавшаго на нихъ луча чужой славы невольно заставляетъ насъ замѣтить этихъ мошекъ, за одну близость ихъ къ свѣтилу, очерчивая его орбиту.

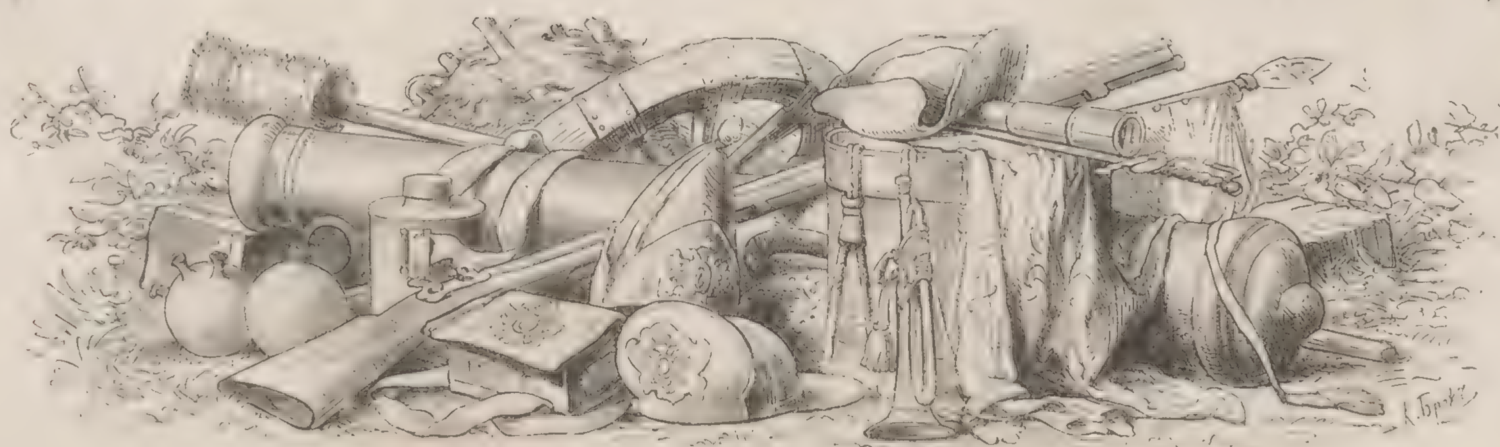

Сравненія эти буквально примѣняются къ Петру I и средѣ, его окружавшей. Самыя родственныя отношенія, темныя интриги ограниченныхъ личностей,—не только уже расположенія ихъ симпатій и антипатій, создающихъ силу враждебную, либо помогающую,—безъ примѣненія къ Петру I, для насъ были бы неимѣющими мѣста. Для него же, и при немъ, все это въ насъ возбуждаетъ интересъ, открывая новыя подробности и точнѣе знакомя съ лабиринтомъ препятствій, встрѣчаемыхъ геніемъ Петра, во всю его жизнь и на всякомъ почти мѣстѣ. Лабиринтъ чисто семейныхъ отношеній, предразсудковъ и предубѣжденій, независимо отъ общебытовыхъ условій прошлаго, для нашего времени также не вдругъ доступныхъ и еще менѣе понятныхъ,—налагаетъ на излагателя также непремѣнное условіе: выяснить и выдѣлить мелкія частности въ своемъ повѣствованіи. Наконецъ, для полноты представленія, прежде всего необходимо очертить хотя сколько нибудь первыя лица въ царской семьѣ, съ которыхъ начинается нить повѣствованія,—каковы родители Великаго Петра.

I.

СЕМЬЯ ПЕТРА I.

[illegible]
[illegible]

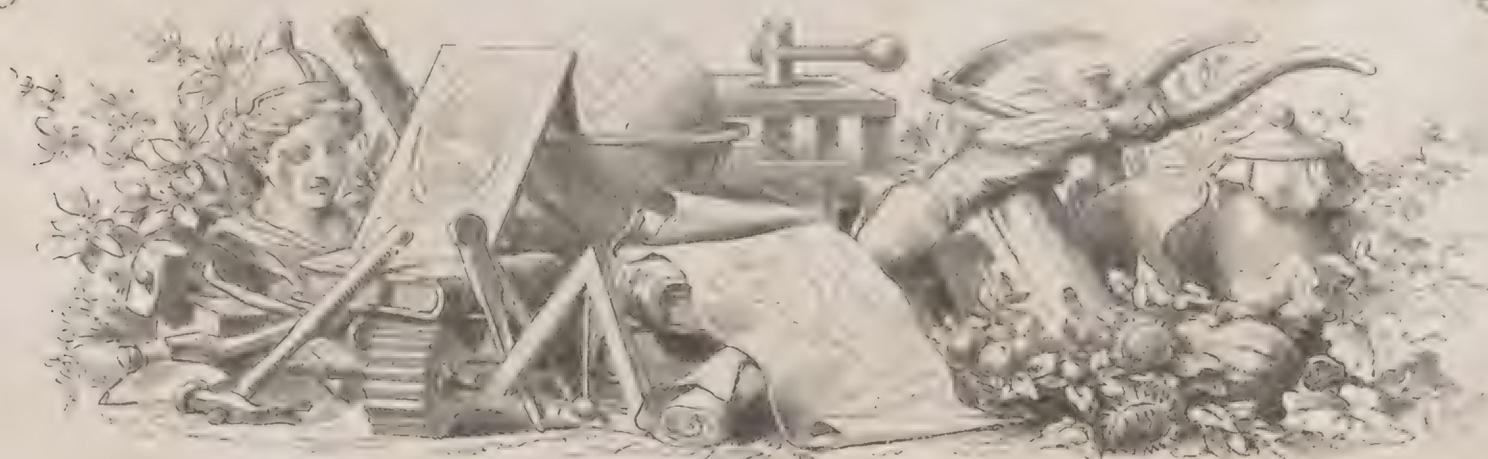
Не родись ни богатъ, ни уменъ, а родись счастливъ.
[illegible]

Находить полное несходство во всемъ—дѣтей съ родителями случается рѣдко. Чаще бываютъ замѣтны въ дѣтяхъ качества, присущія родителямъ, хотя не вполнѣ и видимо одни отъ другихъ розкясь, сообразно темпераменту, характеру, образу мыслей или степени воспитанія каждаго лица. О Петрѣ Великомъ можно сказать одно развѣ, что отца напоминало въ немъ, — только, конечно, въ высшемъ и обширнѣйшемъ развитіи, — *серіозное отношеніе ко всему окружающему*. И это, едва ли не врожденное, свойство ума останавливало вниманіе Петра на всякомъ новомъ предметѣ. Мало того, обративъ вниманіе на что-либо, Петръ добивался: все узнать объ этомъ предметѣ, или, еще точнѣе, получить о немъ полное понятіе. За тѣмъ слѣдовало мгновенное соображеніе: что можно изъ этого сдѣлать? И, только рѣшивъ уже этотъ вопросъ, останавливался и успокоивался умъ [illegible]

Отъ матери,—если также захотимъ мы проводить параллель, — Петръ могъ заимствовать честность и твердое держаніе даннаго слова. Люди и обстоятельства, съ теченіемъ времени, путемъ тяжолыхъ уроковъ, развили въ Петрѣ недовѣрчивость; но, никогда и ничто не было въ состояніи заставить его перемѣнить данное слово.

Такъ мало наслѣдія родительскаго въ характерѣ геніальнаго сына не должно, впрочемъ, приписывать скудному надѣленію дарами природы отца и матери Петра Великаго, а только малому знакомству нашему съ частнымъ характеромъ матери и ранней смерти отца.

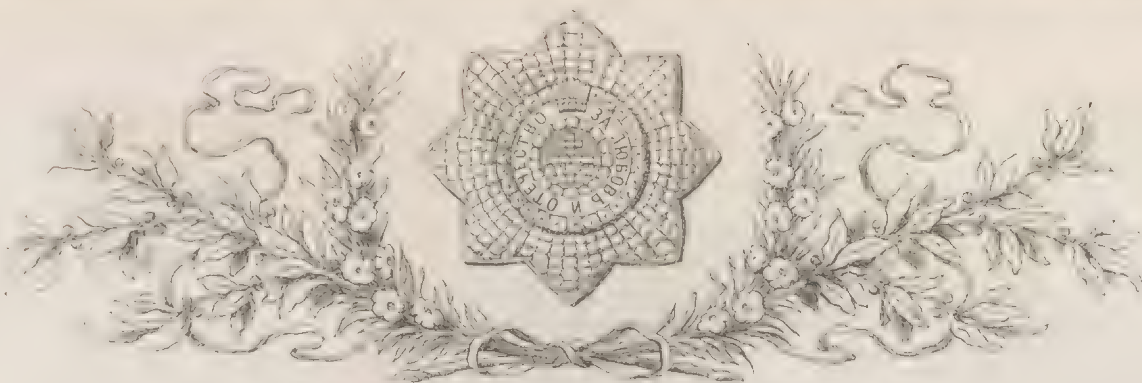
Царь Алексѣй Михайловичъ, какъ человѣкъ, былъ идеалъ всѣхъ добродѣтелей, проявлявшихся въ русскихъ людяхъ въ XVII вѣкѣ. Онъ былъ почтительный сынъ, лучшій мужъ и семьянинъ. По своему же времени былъ онъ человѣкъ крайне любознательный, не только не врагъ, но даже другъ иностранцевъ, охотно заимствовавшій отъ нихъ все намъ подходящее, по его разумѣнію, изъ чужеземныхъ изобрѣтеній. Примѣненія же [illegible]

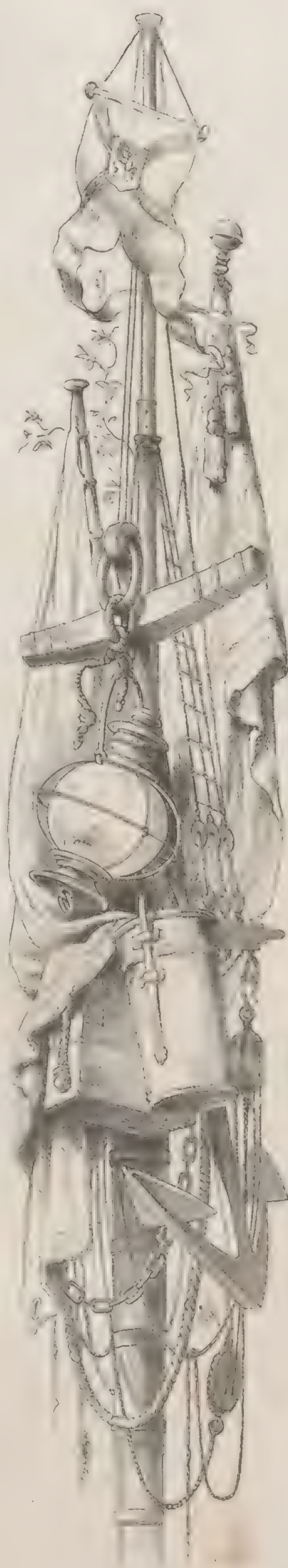

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ

Послѣдній Царь Московскій, первый Императоръ Всероссійскій

мѣста въ обиходѣ чужеземнаго быта, узнать онъ не могъ, конечно, оставаясь въ Москвѣ и посѣтивъ только, во время походовъ своихъ, мѣстности западныя, сосѣдния съ границами русскихъ владѣній. Тамъ же, не было особенно существенной разницы, прямо бросившейся бы въ глаза ему и заставившей измѣнить устоявшійся взглядъ на вещи. Правильный строй войска считалъ, однако, царь Алексѣй Михайловичъ, полезнымъ нововведеніемъ, и, содержа на жалованьѣ, обучавшихъ драгунскіе и солдатскіе полки, иностранныхъ офицеровъ, требовалъ отъ нихъ строгаго наблюденія за воинскою дисциплиною. Съ тою же цѣлью, сознанной пользы и необходимости, издалъ онъ и новый «Уставъ хитрости ратнаго строя»,—сознавая недостаточность стрѣлецкихъ порядковъ въ этомъ отношеніи. Самъ отъ природы кроткій, царь Алексѣй съ молодости еще пристрастился къ охотѣ и устроилъ у себя эту увеселительную часть двора на славу. Удовольствія, однако, не отвлекали его никогда отъ занятій государственными дѣлами и онъ говаривалъ: «время дѣлу, а потѣхѣ часъ!» Одно это изрѣченіе открываетъ намъ глаза, при опредѣленіи взгляда на вещи благодушнаго и мудраго государя. Эта черта рѣзко выдѣляется въ дѣятельности и взглядѣ на жизнь и у Петра Великаго.

Царь Алексѣй любилъ также строиться и сооружалъ все нарядно, пышно, пестро и затѣйливо. Коломенскій дворецъ—лучшій образчикъ архитектурнаго вкуса и стиля украшеній, любимаго родителемъ Петра Великаго. Привлекательная наружность дворца, при самомъ отсутствіи симметріи въ расположеніи отдѣльныхъ частей, давала самое выгодное понятіе о царскомъ жилищѣ. Масса деревянныхъ башень съ шатровыми и бочковыми верхами чердаковъ, перепутанными вдоль и поперегъ линіями низкихъ переходовъ, доводящихъ до высокихъ наружныхъ крылецъ, съ рундукомъ въ нѣсколько ступенекъ, или уходящихъ сквозь заборы въ недоступную среду внутреннихъ дворовъ,—оставляетъ впечатлѣніе полное и даже глубокое во всякомъ неприготовленномъ зрителѣ. Гребни же кровли, увѣнчанные то двуглавымъ орломъ, то львомъ и единорогомъ, то золочеными флюгерами, на лазури неба производили эфектъ самый праздничный, хотя и игрушечный. Роскошь нарядной рѣзной орнаментаціи на наличникахъ оконъ и дверей входныхъ, могла возвышать еще болѣе этотъ эфектъ, даже въ наше время дѣйствуя выгодно. Если же представимъ мы себѣ предковъ, далеко не такъ строгихъ, какъ мы теперь, къ изяществу формъ и чистотѣ стиля, то можно представить себѣ, какимъ казался для нихъ чудомъ яркорасписной, да яркораззолоченный дворецъ Коломенскій; къ тому же еще и расположенный на картинной мѣстности. Еще Грозный живалъ въ селѣ Коломенскомъ, въ любимомъ тесовомъ двухъэтажномъ теремѣ. Крымскій ханъ въ 1571 г. разорилъ эту резиденцію царей, но при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ она является опять устроенною празднично. Передъ дворцомъ тогда поставлены рѣзныя дубовыя ворота, дивившія польскихъ посланниковъ въ 1671 году. Царь же Алексѣй Михайловичъ въ 1672 г. къ зданіямъ предковъ пристроилъ новый дворецъ, изображеніе котораго здѣсь мы представляемъ какъ памятникъ,

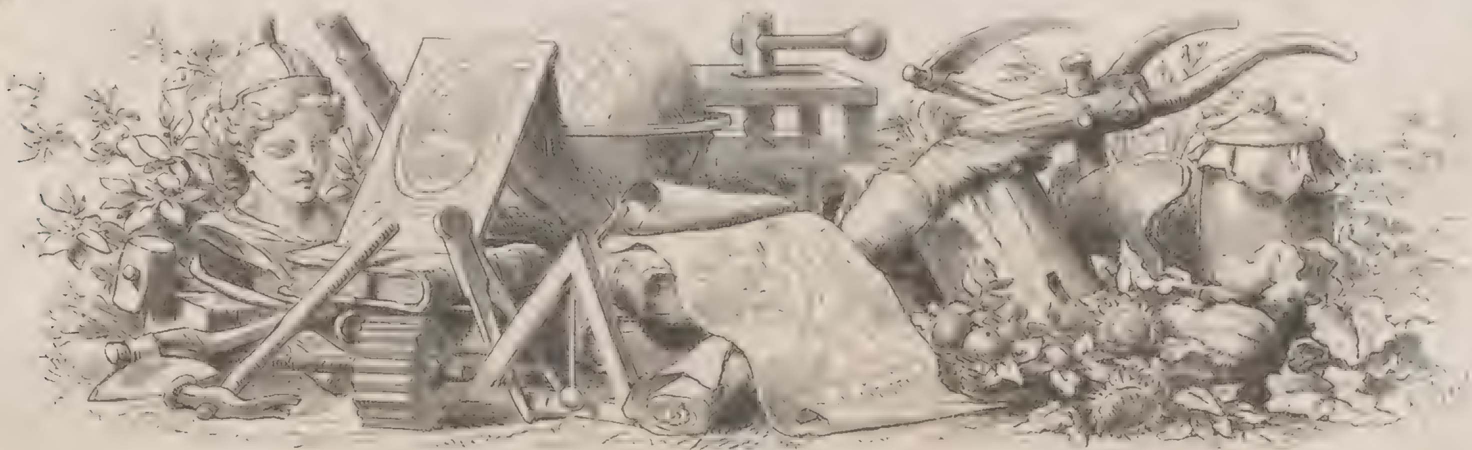
вдвойнѣ замѣчательный. Онъ напоминаетъ намъ годъ рожденія Петра Великаго и вмѣстѣ съ тѣмъ любимую резиденцію его родителя, затѣмъ, «что мѣсто зѣло весело и хорошо. Видѣть поля далече и видѣть вся Москва, монастыри и на Москву рѣку подъ самымъ дворцомъ текущую». Такъ отозвались о Коломенскомъ послы польскіе Янъ Глинскій и Кипріанъ Бржостовскій, въ донесеніи королю Михаилу Висневецкому.

Не приводя здѣсь всего, довольно подробнаго, описанія ихъ всего дворца, прибавимъ только замѣтку ихъ же о самыхъ хозяйственныхъ удобствахъ царской резиденціи. «Въ томъ же мѣстѣ около той рѣки Москвы, сѣнокосы, едва окомъ презрѣти мочно, по которымъ едва разольется рѣка, множество птицъ, которыми царское величество тѣшится и соколовъ на птицъ пускаетъ, поле къ потѣхѣ весьма угодно». Вотъ кажется самое главное побужденіе, заставившее страстнаго охотника, — какимъ былъ царь Алексѣй, — полюбить привольное село Коломенское. Охота же царская, кромѣ пышной костюмировки многочисленныхъ слугъ, отличалась, правду сказать, еще особенною чинностью церемоніала царскихъ выѣздовъ, повторявшихся, конечно, только съ варіяціями и при посольскихъ пріемахъ.

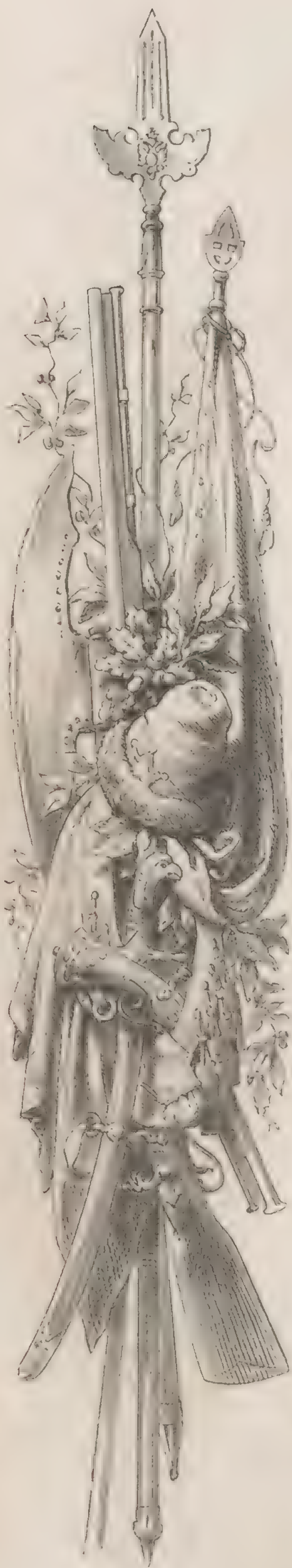
Нарядная же обстановка этихъ церемоніальныхъ пріемовъ пословъ, съ развитіемъ утонченной обрядности при дворѣ Алексѣя Михайловича, дѣлалась имъ также всегда съ цѣлью: произвести на иностранцевъ впечатлѣніе, выгодное для Россіи. При этомъ богатство нарядовъ, не только стольниковъ,—наряжаемыхъ въ парчи и бархаты изъ дворцовыхъ кладовыхъ,—но и самая стрѣлецкая обмундировка яркаго цвѣта давала высокую идею о богатствѣ московской земли, при обширности своей, однако, не могшей похвалиться довольствомъ народа вообще или особою зажиточностью, кромѣ извѣстныхъ классовъ городскихъ обывателей. На выказываніи насъ, лучше, чѣмъ было, нельзя не подмѣтить, впрочемъ, современныхъ взглядовъ политики, какъ извѣстно, въ XVII (даже въ XVIII) вѣкѣ хвалившейся преимущественно *умѣньемъ обманывать противниковъ*, въ замѣнъ прочихъ качествъ, цѣнимыхъ теперь дипломатами. Русскіе не хуже западныхъ ученыхъ подвизались на этой скользкой аренѣ, а иногда озадачивали даже доморощенными стратагемами заморскихъ умниковъ, надменныхъ своимъ мнимымъ гуманитарнымъ превосходствомъ надъ московскими неучами.

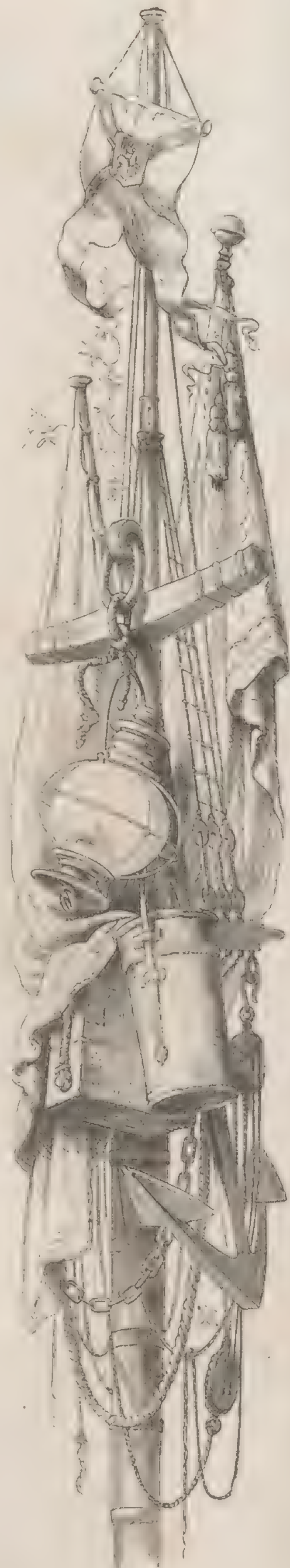
Царь Алексѣй Михайловичъ всегда, впрочемъ, слылъ за одного изъ тонкихъ политиковъ своего времени и удачные его дипломатическіе переговоры постоянно почти приводили къ выгоднымъ результатамъ;—лучшее доказательство умѣнья и находчивости во время. Какъ монархъ, Алексѣй Михайловичъ умѣлъ,—надобно правду сказать,—все дѣлать во время.

Если бунтъ 1648 года или возмущеніе Стеньки Разина, разразившись будто нежданно-негаданно, и показываютъ какъ-бы безпечность правительства, то, для знающихъ московскіе порядки и оффиціозную ложь государю, въ донесеніяхъ грабителей-воеводъ, о мнимомъ благоденствіи ввѣренныхъ имъ областей, и самое разраженіе бунтовъ, чуть не въ расплохъ,—не покажется набрасывающимъ тѣнь на разумность и бдительность главы администраціи.

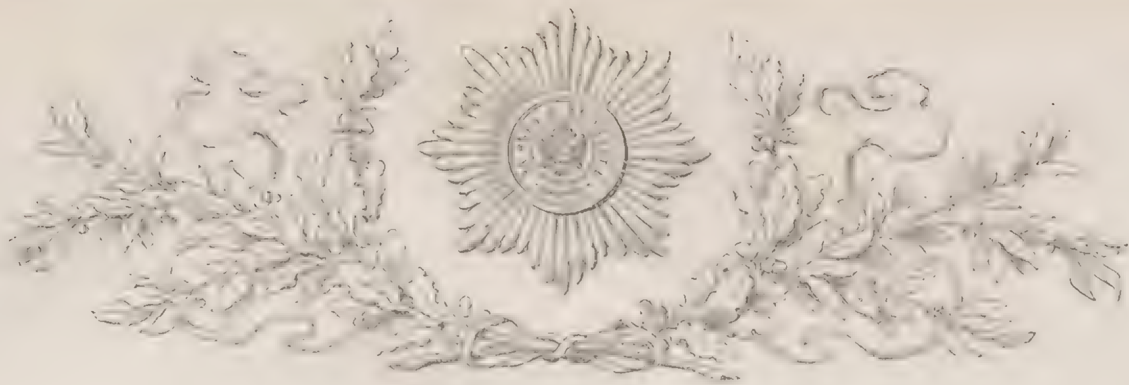
Язвы, вскрытыя погромомъ бунтовъ и мятежа, царь Алексѣй не только залечивалъ безъ траты времени, но законодательнымъ путемъ уничтожалъ и самый источникъ ихъ, или преграждалъ на будущее время удобность развитія подобныхъ бѣдствій. Застраховать же вполнѣ себя отъ нихъ, мы думаемъ, въ то время не было даже средствъ. За то—непосредственно за бунтомъ, возбужденнымъ хищеніями во имя закона—составлено Уложеніе, гдѣ опредѣлились ясно отношенія сословій къ администраціи и утверждены размѣры повинностей народныхъ. Не легки были для земства взносы и сборы на организованіе защиты границъ отъ вторженія хищниковъ, но потребность этихъ жертвъ всѣми сознавалась и самое предпринятіе войны съ Польшею за Малороссію—отвлекавшею отъ насъ часть нападавшихъ,—было популярно. Съ честью же и выгодою окончивъ ее, царь Алексѣй находился въ апогеѣ своей славы; — ни что не предвѣщало въ будущемъ горя. Но, испытанія не замедлили. Начались они съ потерь наиболѣе прискорбныхъ и чувствительныхъ. Сперва умерла старшая дочь царская, Евдокія Алексѣевна, 18-ти лѣтъ, (27 Февраля 1669 года). И потеря эта поразила мать ея—царицу Марью Ильинишну, изъ рода Милославскихъ, — съ которою царь Алексѣй прожилъ душа въ душу 21 годъ. Родивъ дочь, названную тоже Евдокіею, царица скончалась 3 Марта, чрезъ шесть дней послѣ дочери. А 19-го Іюня того же года, не стало 4-хъ-лѣтняго царевича Симеона. Грустный царь получалъ удары за ударами, но испытанія его еще не кончились. Января 16-го 1670 года послѣдовала потеря и наслѣдника престола, объявленнаго уже соцарственникомъ родителю. Оставались еще у грустнаго царя-вдовца 4 дочери дѣвицы, да два сына въ дѣтствѣ. Для нихъ уговорили государя приближонные вступить во второй бракъ. По обычаю московскаго двора, освященному временемъ, для женитьбы государя всегда бывало представленіе невѣстъ — на выборъ: какая приглянется державному жениху. «Явленье невѣстъ» для второго брака царя Алексѣя Михайловича началось съ 28 Ноября 1669 года. Смерть наслѣдника остановила, конечно, смотры невѣстъ скорбнымъ его родителемъ. Только Февраля 1-го 1670 года они возобновились и третьею изъ (четырехъ дѣвицъ) представленныхъ въ этотъ день, значится «Кирилова дочь Нарышкина, Наталья». На ней, 18-го Апрѣля того же года, окончательно остановился царскій выборъ супруги. Ей суждено быть матерью Великаго Петра.

— Кто же она, вы спросите?

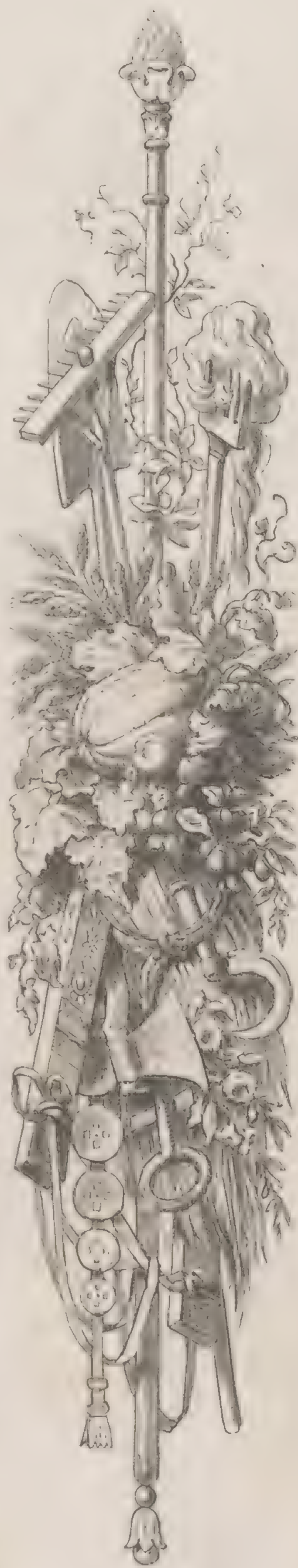
Отвѣтъ будетъ нѣсколько дологъ, хотя и незатруднителенъ.

Въ половинѣ XVII вѣка, по правую сторону дороги отъ Пронска къ Михайлову (Рязанской губерніи), верстахъ въ двадцати отъ этого города, была деревня Старое Киркино. Она была родовою вотчиною дворянъ Нарышкиныхъ, по стариннымъ, наиболѣе вѣроятнымъ, извѣстіямъ, происходившихъ отъ выходца изъ Крыма—мурзы Нарыша. Другое новѣйшее указаніе въ фамиліи Нарышкинъ находитъ звукъ *Норискенъ* и ведетъ отъ западныхъ славянъ происхожденіе рода.

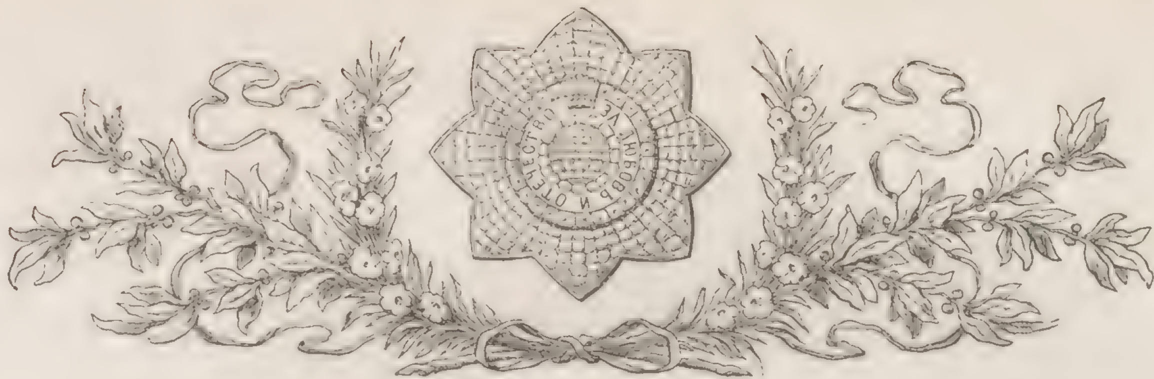

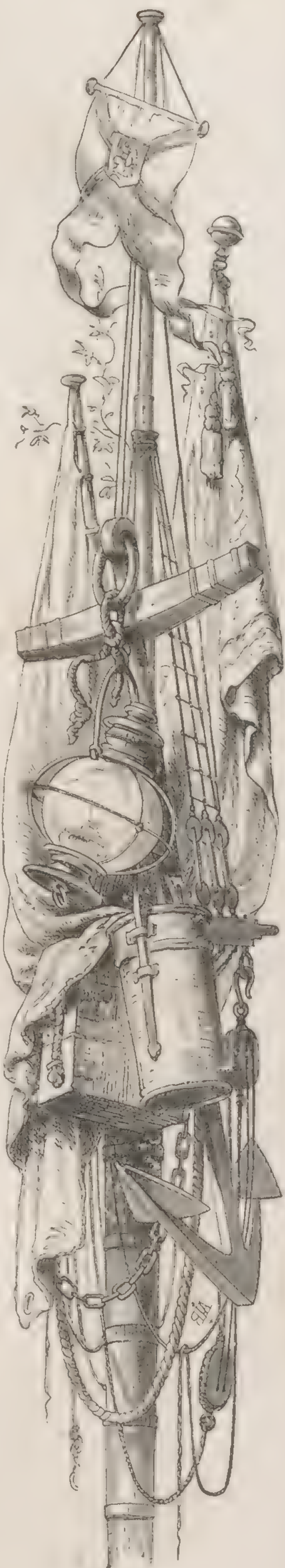

Не вдаваясь въ неумѣстную здѣсь генеалогическую полемику, мы прямо переходимъ къ эпохѣ Смоленской осады при царѣ Михаилѣ, гдѣ положилъ голову за отечество Поліевктъ Ивановичъ Нарышкинъ. Сынъ его Кириллъ, женатый на Аннѣ Львовнѣ Леонтьевой, былъ тарусскій городовой дворянинъ. Значился онъ еще по жилецкому списку, т. е. *на службѣ, но безъ чина*, когда жена подарила ему первую дочь, 22 Августа 1651 года. Новорожденную назвали Натальей. Ей уже было семь лѣтъ, когда отца произвели въ стряпчіе рейтарскаго строя, изъ которыхъ, послѣ пяти лѣтъ службы, перешолъ онъ (1667 г.) ротмистромъ въ новоприборной полкъ, рейтарскій же, Артемона Сергѣевича Матвѣева, давно уже знавшаго и любившаго Нарышкина. Иначе, трудно повѣрить, чтобы всего въ три года службы въ полку его (а не раньше) могъ Кириллъ Нарышкинъ до того сойтись съ начальникомъ, что тотъ даже взялъ къ себѣ его дочь, начинавшую подростать;—да и выхлопоталъ еще ему должность стрѣлецкаго головы, прямо съ прибавкою жалованья при назначеніи.—Такъ не часто въ Москвѣ дѣлалось. Объясняя же это давнею дружбою, питаемою Матвѣевымъ къ своему ротмистру, тутъ непокажется ничего невѣроятнаго. Тѣмъ болѣе, что теперь уже и начиналъ входить въ силу царскій любимецъ, Матвѣевъ. Въ домѣ его дочь Нарышкина считалась какъ родная, не разлучаясь съ хозяйкою; къ тому же приходившеюся съ родни гостьѣ-проживалкѣ, въ это время уже выравнивавшейся. Скоро, въ церкви Николы въ Столпахъ, — къ приходу которой отходилъ домъ Матвѣева,—всѣ стали замѣчать, подлѣ жены царскаго любимца, сановитую, румяную красавицу, съ чорными глазами на выкатѣ. Она была не по лѣтамъ умна и, по словамъ тосканскаго придворнаго Рейтенфельса, бывшаго въ Москвѣ немного позднѣе этого, отличалась—рѣдкою особенностію между столичными дамами — пріятностію обращенія. Въ то время, когда Наталья въ домѣ А. С. Матвѣева вполнѣ разцвѣла съ наступленіемъ 18-й весны своей, государь Алексѣй Михайловичъ понесъ рядъ тяжолыхъ семейныхъ потерь, которыхъ мы уже коснулись. Страдая и тоскуя въ одиночествѣ, царь еще чаще сталъ посѣщать своего друга—Артемона Сергѣевича Матвѣева; являясь въ его домъ, по вечерамъ. Случалось, что государь изволилъ прихаживать даже въ такіе часы, когда въ старинной Москвѣ готовились спать и собирались ужинать. Разъ прибылъ государь какъ разъ къ накрытому столу и, замѣтивъ затрудненіе Матвѣева, просилъ: не стѣсняясь его присутствіемъ, всѣмъ занять обычныя мѣста за ужиномъ. И самъ соизволилъ принять участіе въ семейной трапезѣ. Жена Матвѣева вышла съ сыномъ и дѣвицей Нарышкиной. Царь Алексѣй прямо обратилъ вниманіе на эту красавицу, подносившую ему и хозяину кубки. Принявъ милостиво напитокъ, Алексѣй Михайловичъ сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ дѣвицѣ и остался доволенъ разумными ея отвѣтами. Во весь ужинъ государь не переставалъ смотрѣть на гостью своего любимца. Послѣ сто́ла же, когда она ушла вмѣстѣ съ хозяйкою,—государь спросилъ Матвѣева:

— За кого думаютъ выдать эту дѣвушку?

— Какъ Богъ дастъ.

— Надо подумать объ этомъ, отвѣтилъ государь какъ то особенно привѣтно и самъ задумался. Переговорили потомъ о многомъ, но царь не разъ возвращался въ разговорѣ къ дѣвицѣ Нарышкиной, все о ней и про нее выспрашивая. Уходя же, сказалъ съ многозначительнымъ удареніемъ на первомъ словѣ: «*Я* найду жениха твоей бѣдняжкѣ!»

Прошло нѣсколько дней. Вотъ государь Алексѣй Михайловичъ опять у Матвѣева. Начинаетъ говорить о Нарышкиной и прямо объявляетъ, что нашолъ жениха ей.

Хозяинъ, почтительно кланяясь, благодаритъ за милость, промолвя: — во святой часъ, да въ добрый; былъ бы человѣкъ хорошій!

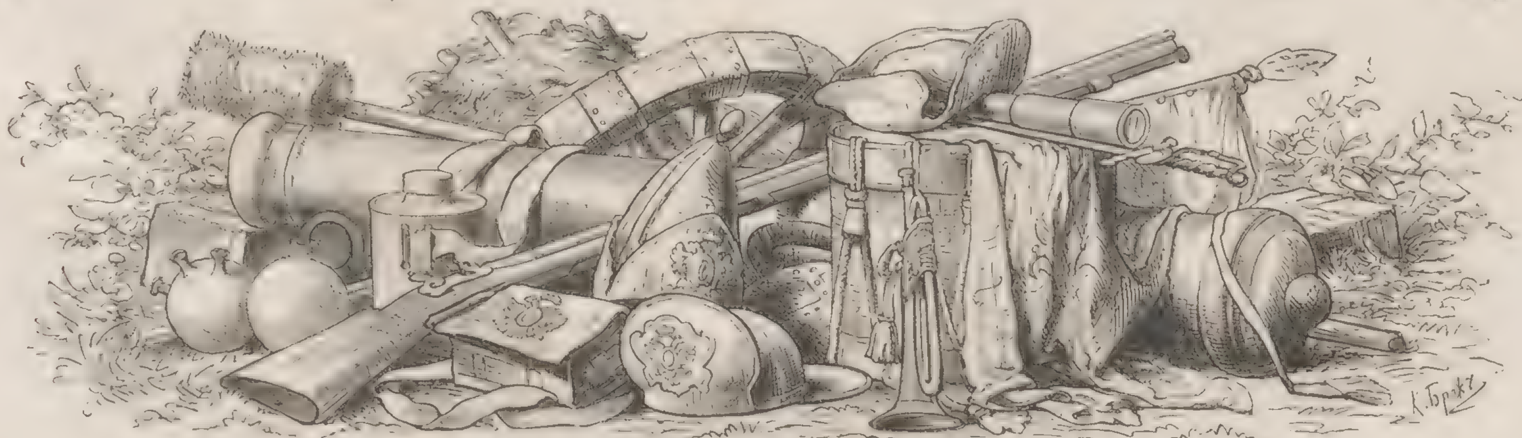
— Кажется, — смѣясь подтверждаетъ государь, — вѣдь знаещь меня не съ дурной стороны. «*Я хочу жениться на ней*!»

Матвѣевъ затрепеталъ отъ неожиданности и грохнулся въ ноги царственному свату.

— Помилуй государь!.... И то уже лиходѣи мои подрываются подъ меня; а узнаютъ это еще?! погибъ я совсѣмъ. Завопятъ, что я обошолъ твое Царское Величество приворотнымъ зельемъ....

— Будь спокоенъ.... поднимая своего друга, уговаривалъ его государь. Можно устроить, никому не въ примѣту. Представляй Наталью по указу.... да, смотри.... поскорѣе....

Матвѣевъ исполнилъ волю царскую, какъ могъ поспѣшнѣе и, представленная съ тремя другими, Наталья удостоилась формальнаго царскаго приказанія: *оставить на верху*, до вторыхъ смотринъ. Еще два мѣсяца съ половиною возили дѣвицъ изъ дальнихъ городовъ, отъ Новгорода—до Вязьмы, Костромы и Суздаля. Представленныя 67 невѣстъ посланы домой только послѣ смотра, 18-го Апрѣля. Оставлены двѣ: Нарышкина, да Бѣляева—Авдотья, привезенная наканунѣ. О выборѣ ея сильно хлопоталъ дядюшка съ материной стороны, какой то Иванъ Шахиревъ, обѣщавшій и врачамъ благодарность за поддержку его кандидатки; самъ заранѣе разгласивъ, что «Нарышкина свезена, а наша взята»!—хотя и зналъ противное. Не проявившись, однако, и этимъ, усердный дядя,—конечно, разсчитывавшій на собственное возвышеніе черезъ племянницу—22 Апрѣля сочинилъ два пасквильныхъ безъимянныхъ письма и подбросилъ ихъ: одно въ сѣни грановитой палаты, а другое прилѣпилъ къ сѣннымъ дверямъ шатерной палаты, «что ходятъ на постельное крыльцо». Письма найдены шатерничимъ истопникомъ, представившимъ ихъ боярину-дворецкому Б. М. Хитрово; а тотъ—Государю. Что вычелъ въ этихъ грамоткахъ царь Алексѣй Михайловичъ—неизвѣстно, но тотчасъ велѣлъ строго разъискивать. На Шахирева, на перваго пало подозрѣніе при разспросахъ ближнихъ людей. Его притянули—и, съ пытки несчастливый хлопотунъ, сознался. Дальнѣйшая судьба его племянницы неизвѣстна; но Нарышкина, продолжала жить *на верху*, хотя и не объявлялась

царевою невѣстою. Не хотѣлъ ли царь Алексѣй дождаться годовщины по сынѣ?—Это всего вѣроятнѣе, потому что, въ слѣдующее же Воскресенье за нею—22 Января (1671 г.) праздновали бракъ государя съ Натальею Кириловной Нарышкиной.

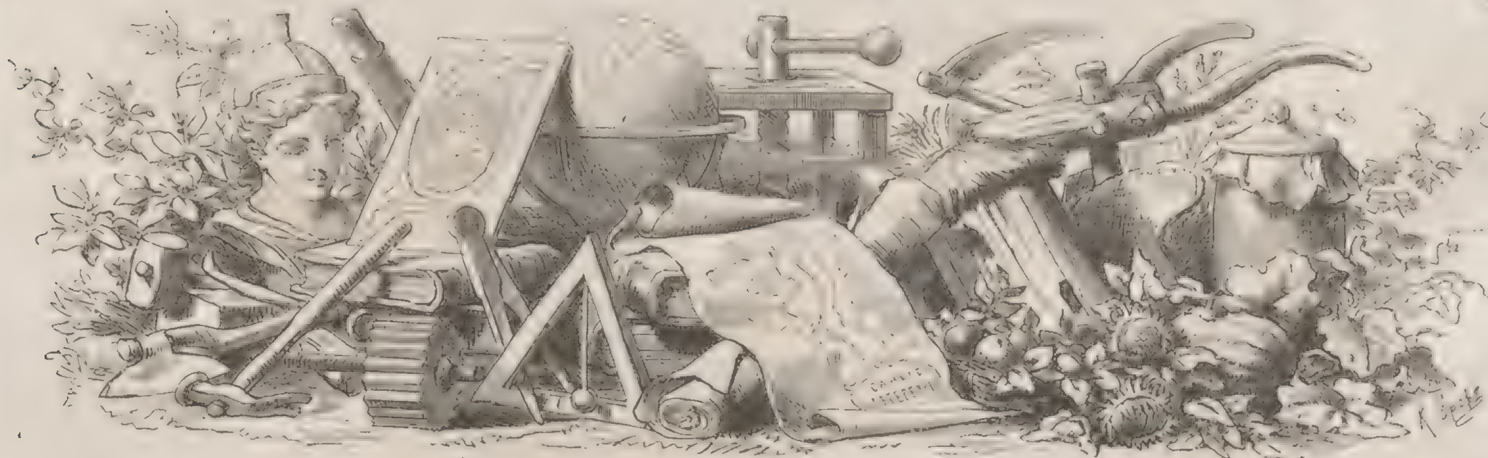
Могли, конечно, влiять на продолженiе необъявленiя ея невѣстою также и серiозные безпорядки на Низовьѣ, производимые Разинымъ;—какъ и затянувшiйся процессъ Шахирева, признанiемъ котораго дѣло не кончилось. Еще собирали подъячихъ, да подъискивали, чья рука подходитъ къ подписи: *Артемошка*—на подметномъ письмѣ. Однако, никто изъ подъячихъ писавшаго не указалъ, не позарившись на щедрую награду царскую и не убоявшись угрозы опалою. Потому, царь остался въ подозрѣнiи, что подписывалъ не подъячiй, а—подымай выше. Можетъ быть и не безъ основанiя подозрѣвалъ государь тутъ штуки дворецкаго (Хитрово)—и долго не забылъ интригъ по поводу второй женитьбы своей.

Февраля 7-го, черезъ двѣ недѣли послѣ *веселья царскаго* (свадьбы), высокой четѣ новобрачныхъ подносили дары, въ золотой палатѣ: патрiархъ, власти, бояре, думные люди, гости и посадскiе, даже—изъ «чорныхъ слободъ». Всѣхъ дароприносителей угощалъ государь въ Грановитой палатѣ. Въ Апрѣлѣ царь съ супругой ѣздилъ по монастырямъ: въ Троицкую лавру, да въ Александрову слободу. Въ концѣ Мая переѣхалъ дворъ въ село Преображенское, а въ Августѣ въ Коломенское. Государь бывалъ въ столицѣ только по праздникамъ, большую часть досуга посвящая семейной жизни и радостямъ ея, еще недавно считая ихъ для себя утратившими все обаянiе. Сентябрь опять посвящонъ былъ молебнымъ хожденiямъ, по обителямъ, съ царицею.

Молебныя хожденiя даромъ не пропали. Благочестивый царь Алексѣй на слѣдующую весну былъ обрадованъ рожденiемъ сына. Оно послѣдовало на 30-е Мая за $2^{1}/_{2}$ часа до разсвѣта, по однимъ источникамъ—въ Кремлевскомъ дворцѣ, а по другимъ—въ Коломенскомъ. Новорожденнаго царевича нарекли Петръ.

По случаю рожденiя его, нѣмецкимъ актерамъ, выписаннымъ изъ Гамбурга пасторомъ Ягановъ Готфридомъ Грегори, велѣлъ радостный государь-родитель 4 Iюня 1672 года «учинити комидiю, и на комидiи дѣйствовати изъ библiи книгу Эсфирь»;—по содержанiю близко напоминавшую, въ его глазахъ, подземныя интриги противъ Натальи Кириловны.

Для этого представленiя, въ селѣ Преображенскомъ построена вновь «комидiйная хоромина», по тогдашнимъ цѣнамъ стоившая дорого. Однихъ лѣсныхъ матерiаловъ пошло на 1000 рублевъ. Еще раньше, именно въ Январѣ этого года,—къ годовщинѣ своей женитьбы на второй женѣ,—царь Алексѣй приказалъ построить такую же «хоромину» въ Кремлѣ-городѣ, для зимнихъ представленiй; но она къ сроку не поспѣла. Вмѣсто того, на другой день дано представленiе на сценѣ въ селѣ Преображенскомъ. Слѣдовательно, годъ рожденiя Петра I есть вмѣстѣ съ тѣмъ и время водворенiя въ Россiи сценическаго искусства.

Съ гравюры Вортмана (1744 г.) рис. на дер. художникъ К. Брожъ, грав. академикъ Л. А. Сѣряковъ.

ЦАРЬ АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ,

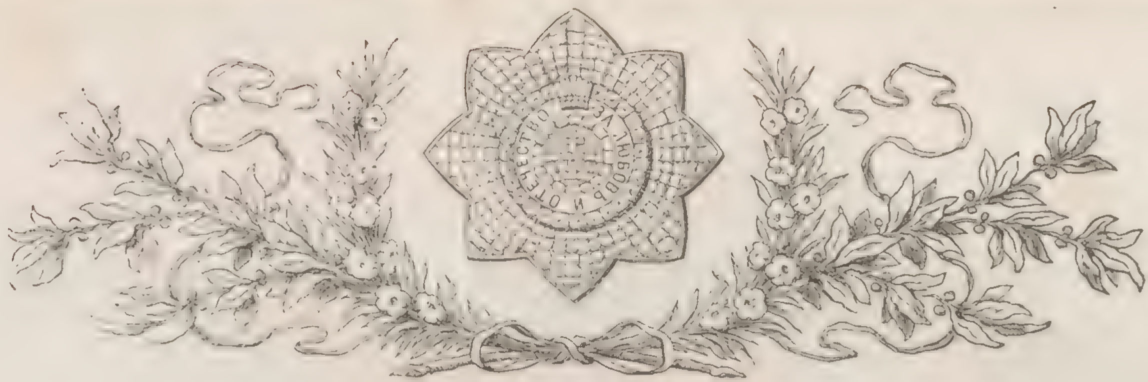
Отецъ Петра Великаго.

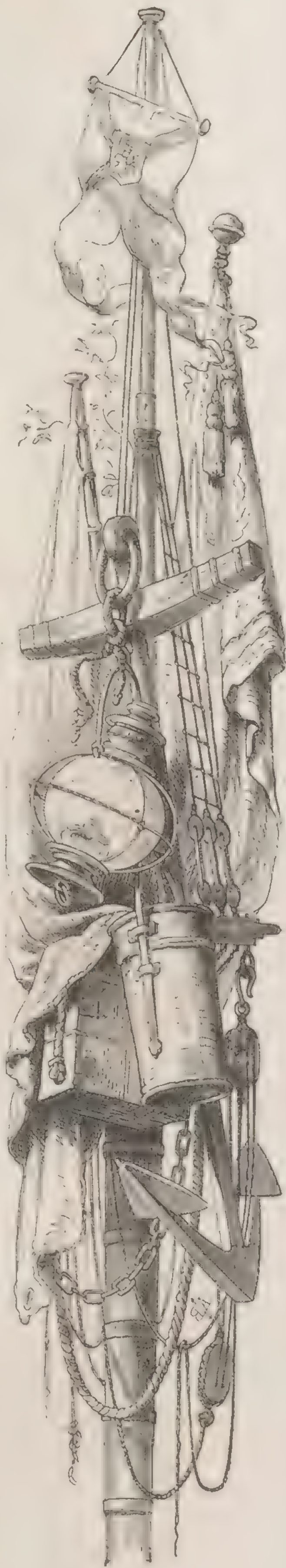
[illegible] Колпакова (1766 г.) рис. на дер. [illegible]

ЦАРИЦА НАТАЛЬЯ КИРИЛОВНА,

Мать Петра Великого.

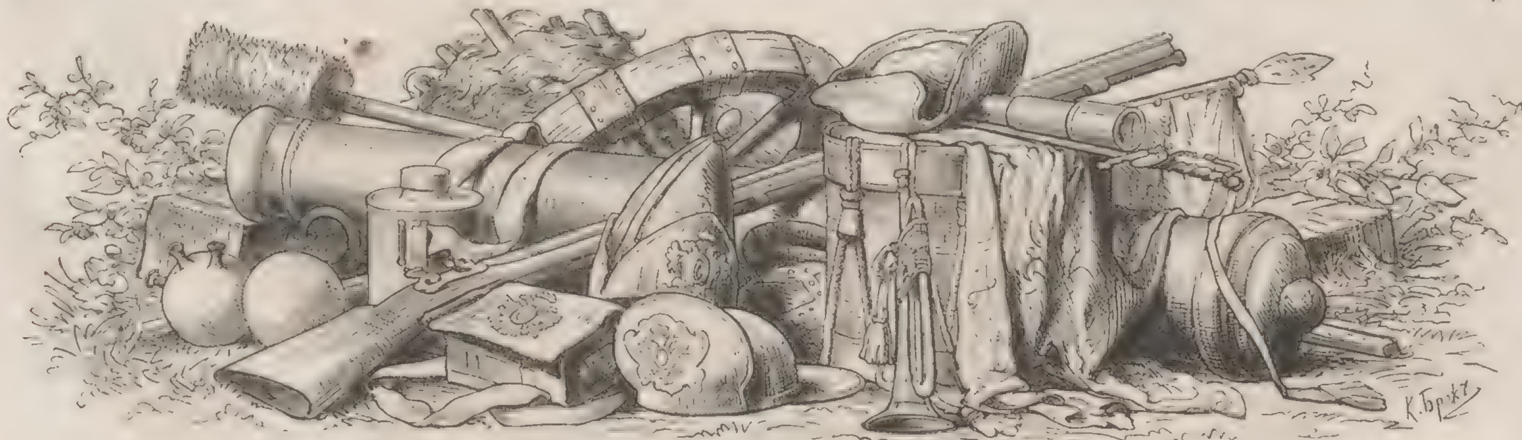

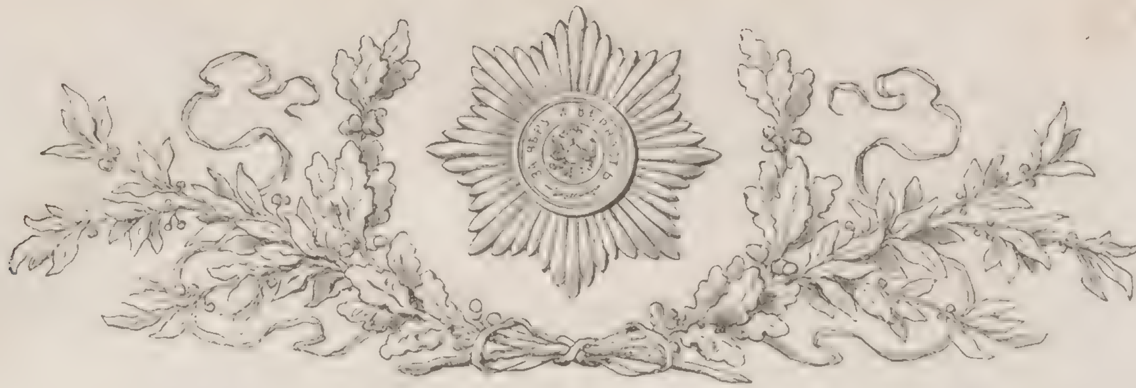

Мѣсто, гдѣ такъ тѣшилъ царь Алексѣй Михайловичъ свою вторую жену—село Преображенское,—понятно, должно было сдѣлаться впослѣдствіи любимою резиденціею царицы Натальи. Прибавимъ, съ своей стороны, что Преображенское и оставлено ей было въ тяжолую годину вдовства, — когда и покровитель ея юности Матвѣевъ,—при жизни царя Алексѣя Михайловича, устроивавшій театральныя представленія, — удаленъ въ ссылку, сыномъ его друга-государя, въ первый же годъ по воцареніи. Покрасовалась за мужемъ привѣтливая царица Наталья Кириловна, какъ извѣстно, только пять лѣтъ. Царь Алексѣй Михайловичъ, не доживъ 40 дней до 47-ми лѣтъ отъ рожденія, скончался послѣ кратковременной болѣзни, 30 Января 1676 года, оставивъ вторую жену съ тремя малолѣтними дѣтьми; изъ которыхъ старшему Петру было менѣе 4-хъ лѣтъ. За то отъ первой жены остались у государя дѣти болѣе взрослые, особенно старшія дочери.

Со вдовствомъ наступили тяжкія испытанія для царицы Натальи. Врагами ея — партіею сторонниковъ Милославскихъ — прежде всего пущенъ былъ въ народъ слухъ, нашедшій мѣсто даже въ сказаніяхъ писателей (Таннера и Залусскаго): будто вдова-царица, при помощи Матвѣева, своего воспитателя, по смерти мужа хотѣла доставить престолъ своему сыну Петру, обойдя пасынка.

Уже это одно обстоятельство — не разсуждая, вѣрно оно или не вѣрно,—способно было поселить между мачихой и пасынкомъ, самое меньшее, холодность; если не враждебныя еще отношенія. По крайней мѣрѣ клевета эта могла служить оправданіемъ для дальнѣйшихъ враждебныхъ мѣръ, принимаемыхъ противъ вдовы-царицы. Враги Матвѣева говорили, что великодушный царь Ѳедоръ, не могши ничего сдѣлать съ мачихой, сослалъ одного Матвѣева; принявъ, конечно, мѣры для наблюденія за вредными для него дѣйствіями со стороны мачихи-царицы. Сплетня эта, при существованіи перваго слуха, казалась вполнѣ правдоподобна, для незнающихъ дѣла. Но, въ самомъ дѣлѣ, стоитъ ли эту сказку и опровергать даже, когда ясно видно, что сочинена она врагами Матвѣева, уже по низверженіи его; даже послѣ ссылки? Какъ видно, враги эти не только не стѣснялись взводить на ненавистнаго человѣка все, что имъ на умъ вспадало, но еще и недумали приводить похожее на дѣло, вѣроятно, неожидая ни откуда повѣрки или заявленія сомнѣній. Взводя, напримѣръ, на царицу Наталью напраслину, они даже высказывали немыслимое при существовавшемъ порядкѣ вещей. Кто не знаетъ, что объявленіе царемъ-отцомъ, котораго либо своего сына наслѣдникомъ, дѣлаетъ уже его, съ упраздненіемъ родительскаго престола, законнымъ государемъ, съ невозможностью всякаго противнаго заявленія? А царь Ѳедоръ Алексѣевичъ, при жизни родителя еще, 1 Сентября 1674 года объявленъ наслѣдникомъ престола. За тѣмъ уже всякое дѣйствіе, даже самаго невиннаго свойства, къ ущербу права его, дало бы врагамъ царицы Натальи вѣрный способъ погубить ее, при самомъ еще воцареніи пасынка. Противъ этого же мы имѣемъ развѣ обратныя доказательства. Пять первыхъ

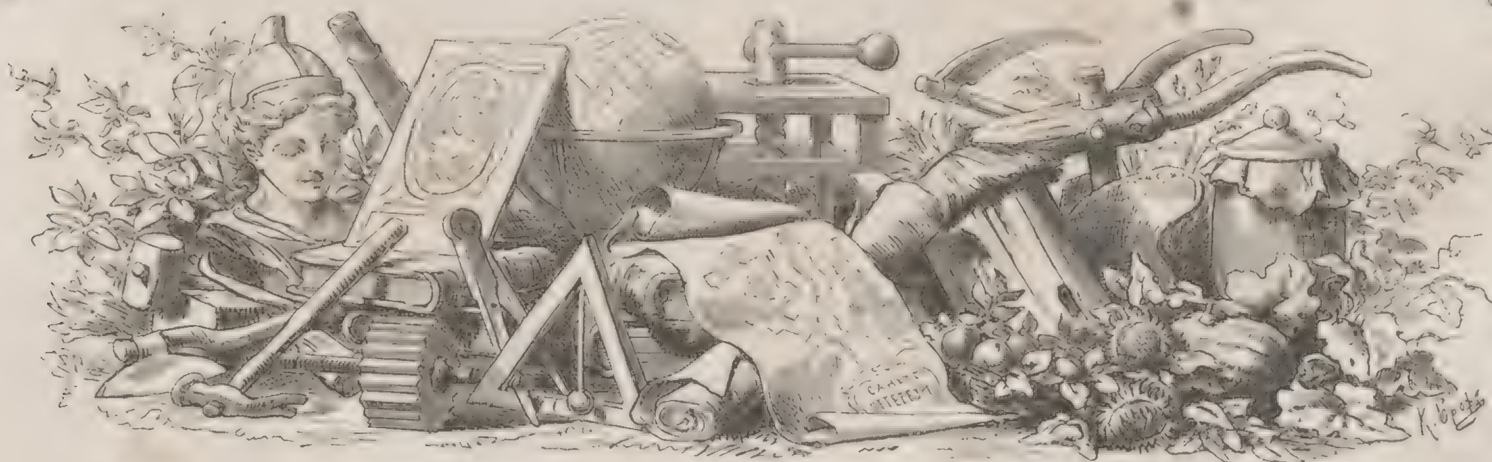
мѣсяцевъ царствованія преемника царя Алексѣя прошли, не предвѣщая никакой грозы,—разразившейся въ Іюлѣ 1676 года.

Первое лицо по вліянію на монарха, боярыня Анна Петровна Хитрово — нянюшка царя Ѳеодора, — изъ видовъ личнаго властолюбія, перешла на сторону клеветниковъ всякаго рода на вдову-царицу и ея надежнѣйшую опору—умнаго Матвѣева. Но и тутъ что же сдѣлали враги его? Оружничій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово, свойственникъ честолюбивой няни враждебницы, да дядька царя, любимецъ его, Языковъ, увѣрили царя-отрока, будто бояринъ Матвѣевъ *хищникъ, много награбившій въ Сибири* и потому недостойный царскаго лицезрѣнія. Успѣвъ черезъ эту клевету выпросить назначеніе Матвѣева на воеводство въ Верхотурье, враги только по отъѣздѣ его прибѣгли къ доносу, неменѣе нелѣпому, какъ и первая клевета. Какой-то выискался лекарь Берловъ съ заявленіемъ: что Матвѣевъ хотѣлъ извести царя *при посредствѣ нечистой силы.* А доказательствомъ тому, будто бы, служилъ мѣшокъ съ какими то травами, который, вѣроятно, не безъ участія доносчика, подкупленнымъ слугой, подброшенъ былъ въ подвалъ боярскаго дома. И этому доносу придана не только вѣроятность, но необыкновенная важность; Матвѣева въ Лаишевѣ остановили, допрашивали: о лечебникѣ, черной книгѣ и т. п., и, не смотря на раціональные его отвѣты, послали въ Пустозерскъ, въ ссылку.

При такомъ положеніи враговъ царицы-вдовы, царь Ѳеодоръ, очень можетъ быть, не придавалъ никакого значенія распоряженіямъ, дѣлаемымъ его именемъ, на самомъ дѣлѣ стѣснительнымъ для мачихи. По характеру онъ былъ дѣйствительно добродушенъ, но никто не усумнится повѣрить, что онъ при молодости своей дѣйствовалъ замѣтно въ намѣреніяхъ окружающихъ, которымъ привыкъ довѣряться. Приближонные же къ царю люди, находя для себя выгоднымъ удалять царицу-мачиху, представляли, напримѣръ, просьбы стольниковъ царицы-вдовы о повышеніи, выставляя ихъ усердіе къ службѣ. При докладѣ заявлялось государю, что въ поощреніе примѣрной службы лучшею наградою былъ бы переводъ ихъ въ штатъ государя; чѣмъ, конечно, переводимые оставались довольны. А уменьшеніе черезъ это наличныхъ стольниковъ у царицы Натальи, при бывшихъ московскихъ порядкахъ, уничтожало ея значеніе въ глазахъ народа и придворныхъ. Подобное же дѣлалось и съ царицыными родными, только обратно. Изъ приказовъ ихъ исключали подъ предлогомъ занятій дѣлами государыни, а повышеній — не дѣлали. Для всѣхъ замѣтно было опальное положеніе вдовы, все рѣже и рѣже являвшейся на выходахъ. Время отъ времени, впрочемъ, царь Ѳеодоръ обращалъ милостивый взглядъ на положеніе мачихи, посѣщая ее.

Въ одинъ изъ такихъ визитовъ предложено ей было, напримѣръ, приступить къ обученію царевича Петра.

Это было на другой годъ по воцареніи царя Ѳеодора и пришолъ государь къ мачихѣ въ сопровожденіи любимаго своего дворецкаго Ѳеодора

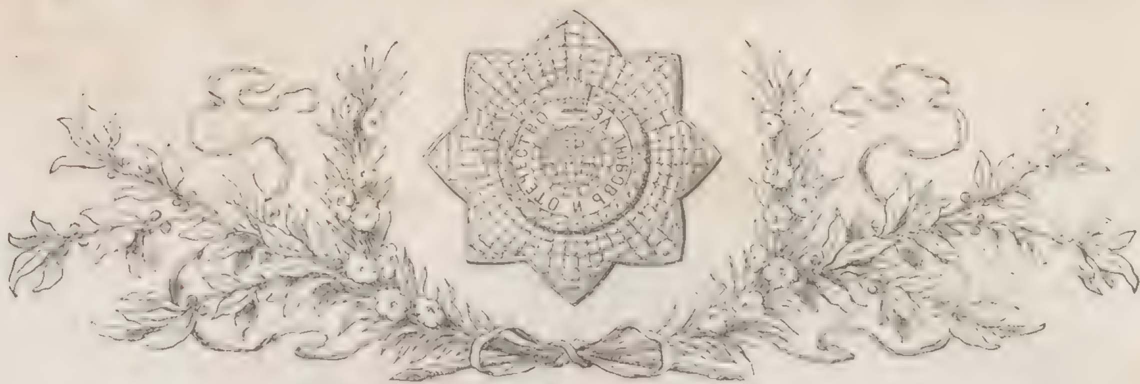

Петръ Великій. Екатерина I Алексѣевна. Петръ Великій (1697 г.).
Павелъ I. Екатерина II. Екатерина II. Петръ III.
Анна Леопольдовна. Петръ II. Анна Іоановна I.
Елизавета I. Анна Петровна.

Представители царственнаго дома въ XVIII вѣкѣ.

Коломенскій дворецъ въ XVII вѣкѣ.

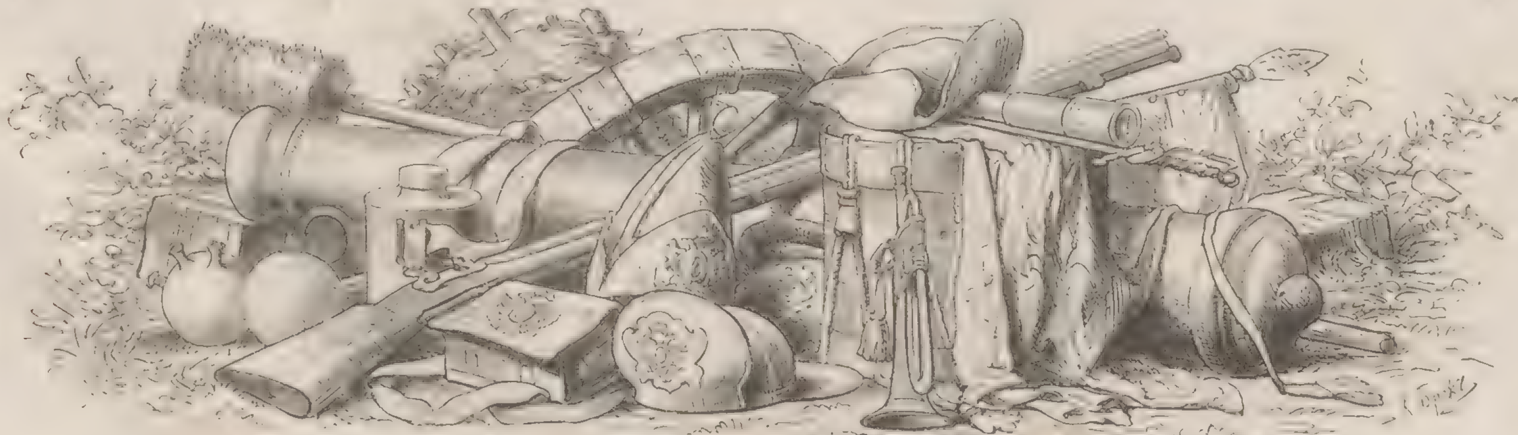

Прокофьевича Соковнина. Заговорилъ объ ученіи пятилѣтняго брата, государь, по всей вѣроятности, по внушенію своихъ же приближонныхъ, которые надѣялись, можетъ быть, встрѣтить оппозицію въ матери и упорство ея опять представить въ невыгодномъ для нея свѣтѣ. Но царица-мать приняла охотно заявленіе государя пасынка, попросивъ *скорѣе пріискать* учителя. Тутъ же представить наставника и взялся Соковнинъ, прямо назвавъ Никиту Зотова, дьяка челобитнаго приказа, какъ лучшаго человѣка для подобнаго порученія. Дьякъ этотъ, дѣйствительно, слылъ между собратіями за дѣльца и краснослова. Представленный царю, онъ долженъ былъ написать, что велѣно Его Царскимъ Величествомъ, а за тѣмъ «честь книги» для пробы. Экзаменаторомъ призванъ былъ учоный Симеонъ Полоцкой, давшій благопріятный отвѣтъ—«яко право того писаніе и изряденъ глаголъ чтенія». Слѣдовательно, читать да писать только и требовалось отъ учителя. По такомъ трудномъ испытаніи Зотовъ представленъ Соковнинымъ же, отъ имени государя, вдовствующей царицѣ, на утро назначившей и приступленіе къ ученію.

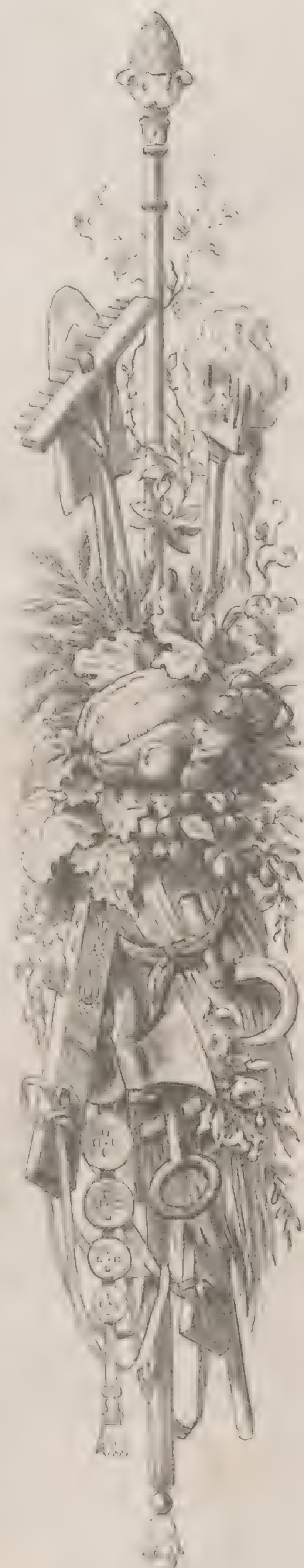
День начала ученія царевича Петра былъ 12 марта 1677 г. По утру, царь и патріархъ пришли въ палаты царицы Натальи, въ Потѣшномъ Дворцѣ «и, Святѣйшій патріархъ, сотворя обычное моленіе, окропя блаженнаго отрока святою водою и благословивъ, вручи Зотову. Онъ же, принявъ государя-царевича и, по семъ, посадя на мѣсто и сотворя земное поклоненіе, началъ ученіе». Патріархъ, въ награду счастливому дьяку-наставнику, для перваго знакомства подарилъ сто рублей; царь Ѳедоръ пожаловалъ домъ, а царица приказала сшить ему «двѣ пары платья богатаго и уборъ весь».

Крекшинъ, передавая эти подробности, никакъ уже не сочинилъ ихъ. Онъ могъ узнать все это точно отъ сыновей самого Никиты Моисеевича Зотова; если еще не отъ него самого. Самый порядокъ приступа «ко книжному обученію» совершенно въ характерѣ русскихъ людей XVII вѣка, когда безъ подарка нельзя было шага сдѣлать въ Москвѣ и приниманье посулъ дѣловыми людьми не считалось совсѣмъ предосудительнымъ; тѣмъ болѣе дары отъ высшихъ низшимъ. Авторъ повѣсти «о рожденіи Петра Великаго» разсказываетъ даже и самый способъ ученія, по поводу котораго мы можемъ возразить одно только, что нѣтъ резона приписывать его исключительно Зотову, когда подобнымъ образомъ учили обыкновенно всѣхъ царевичей. Не зная, вѣроятно, этаго, почтенный авторъ Дѣяній Петра Великаго, И. И. Голиковъ, могъ, положимъ, витійствовать по крайнему разумѣнію, что, хотя Зотовъ «и не зналъ наукъ и языковъ, но былъ искусенъ въ россійскомъ и довольно свѣдущъ въ исторіи, а паче отечественной и при хорошемъ сердцѣ имѣлъ великое усердіе и неутомимую прилежность въ обученіи царевича. Онъ по утрамъ обучалъ его грамотѣ и изъяснялъ первыя начала закона, послѣ обѣда разсказывалъ ему дѣла прославившихся Россійскихъ Государей». Все это одни дешовыя умствованія и парафразы

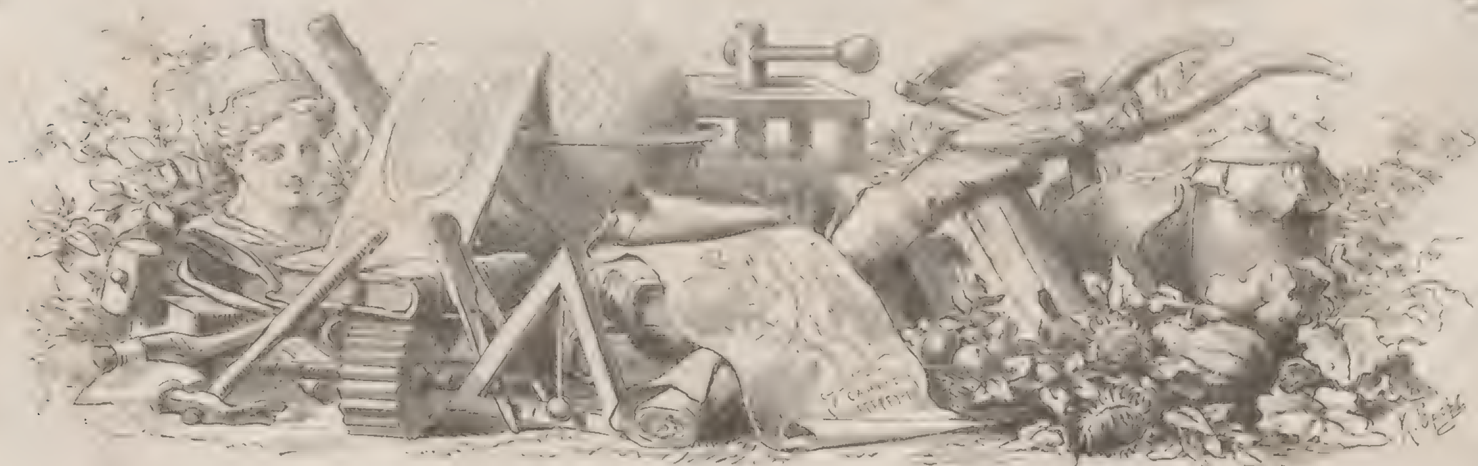

того же Крекшина, у котораго встрѣчается еще опущенная авторомъ «Дѣяній» одна характерная черта. Именно то, что Зотовъ, когда замѣчалъ утомленіе своего ученика за книгой, то водилъ его по комнатамъ, разсказывая содержаніе гравированныхъ изображеній, которыми нарочно обиты были всѣ стѣны жилища царевича. Такая внимательность и сообразительность наставника, по времени явленія, въ высшей степени замѣчательна; и того уже много, если, неразвитый научно, Зотовъ проявилъ такую смышленость въ примѣненіи къ своему царственному воспитаннику. Что онъ былъ человѣкъ далеко неглупый, это доказываетъ, сознанная самимъ Петромъ, возможность поручать ему впослѣдствіи даже важныя дѣла, требовавшія соображенія.

Заговоривъ о наставникѣ и методѣ начальнаго обученія грамотѣ Петра I-го, замѣтимъ кстати, что, на сколько можно догадываться, царевича обучали грамотѣ въ сообществѣ нѣсколькихъ сверстниковъ по лѣтамъ. Двухъ изъ этихъ сверстниковъ: Григорья Лукина и Екима Воронина—мы знаемъ; оба они оказывались вѣрнѣйшими слугами, взросшаго съ ними вмѣстѣ, царя Петра; положивъ за него и головы свои въ Азовскомъ походѣ. Между дѣтьми однихъ лѣтъ, выучившись читать и писать, царевичъ Петръ продолжалъ знакомиться и съ другими предметами курса, по Московскому обычаю.

Въ Москвѣ же, въ XVII вѣкѣ, при обученіи дѣтей, *умѣвшихъ уже читать письмо*, игралъ главную роль *азбуковникъ*. Такъ назывались рукописные сборники, замѣнявшіе христоматіи или книги для чтенія. Они заключали въ себѣ краткія руководства всѣхъ наукъ. Тутъ были, конечно, грамматика и ариометика «рекши россійскимъ языкомъ числительница». Иногда можно было найдти геометрію и астрономію даже,—конечно, въ такой формѣ, которая въ наше время немыслима, а тогда была удовлетворительна. География или космографія, съ исторіею въ видѣ лѣтописнаго перечня царей и главнѣйшихъ эпохъ мірового бытописанія—составлявшія уже верхъ учености,—заключались также въ азбуковникѣ. Слѣдовательно, цѣлую энциклопедію знаній, хотя въ искаженномъ, мало пригодномъ для жизни, объемѣ и въ изложеніи почти невразумительнымъ церковнымъ языкомъ переводчиковъ, непонимавшихъ дѣла,—имѣлъ передъ собою въ дѣтствѣ Петръ Великій. И это не могло не повліять на развитіе въ геніальномъ отрокѣ любви къ чтенію вообще. Пищу же для чтенія, очень обильную, онъ могъ имѣть въ самой царской библіотекѣ, составленной преимущественно изъ рукописныхъ переводовъ,—съ разныхъ европейскихъ языковъ,—сочиненій: богословскихъ, философскихъ, историческихъ, врачебныхъ и естественныхъ. Вотъ чѣмъ объясняется замѣчательная впослѣдствіи начитанность Петра, изумлявшая даже ученаго Лейбница! Не будь этой энциклопедической подготовки въ лѣтахъ дѣтства, очень можетъ быть и неразвилась бы до такихъ размѣровъ неутолимая жажда знаній въ Петрѣ. А она заставила его учиться, при первой мелькнувшей возможности, въ такіе уже годы, когда у большей части молодыхъ людей охота къ ученію совсѣмъ испаряется. Съ Петромъ было напротивъ. Онъ дѣлаетъ неимовѣрныя усилія надъ собою, стараясь

Шесть силуэтовъ Всероссійскихъ императоровъ и императрицъ:

Петра I, Петра II, Екатерины I, Анны I, Елизаветы I и Екатерины II,

въ общей рамкѣ—рѣзьба изъ слоновой кости нѣмецкой работы конца XVIII вѣка.

Съ фот. «Русская фотографія», рисов. на дер. А. О. Адамовъ, грав. Л. А. Сѣряковъ.

Знамя Стрѣлецкое 1764 года,

которое покойный Снегиревъ приписывалъ Сухареву полку. Находится въ оружейной палатѣ, въ Москвѣ.

[illegible]

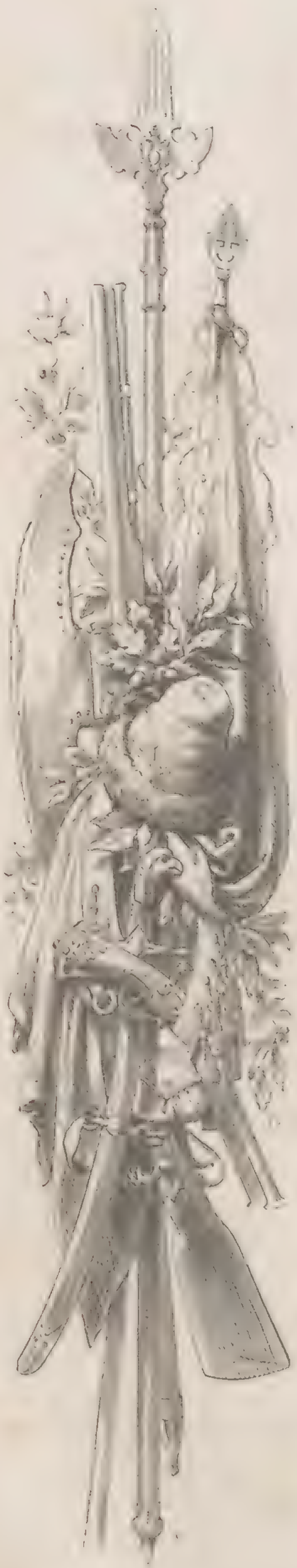
Сухарева башня въ Москвѣ.

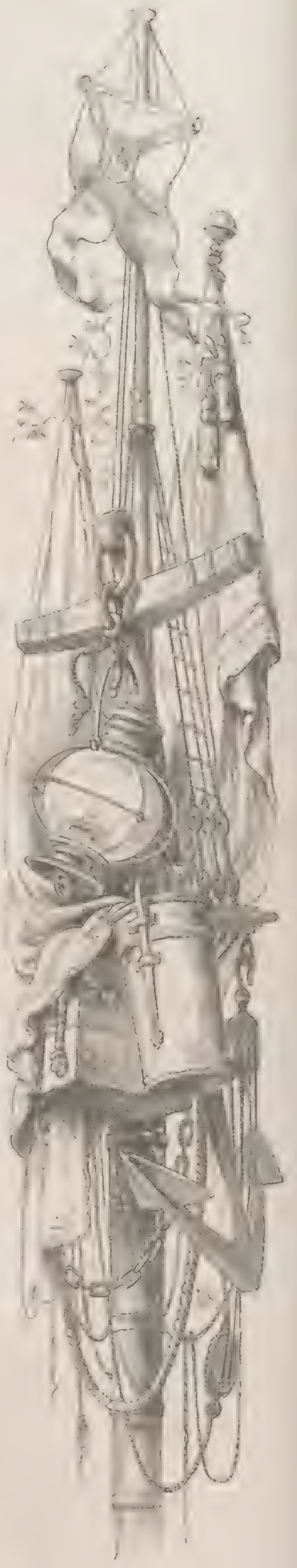
[illegible] Э. Даммюллеръ.

Древняя деревянная церковь въ селѣ Воздвиженскомъ,

[illegible] Петромъ I въ Троицкую лавру.

найдти смыслъ, разгадку и разумный выходъ изъ безтолковыхъ поясненій математическихъ теоремъ и задачъ, дѣланныхъ ему Тиммерманомъ, самимъ знавшимъ не много, да, къ тому же, плохо владѣвшимъ еще и русскимъ языкомъ.

Всякій бы другой умъ потерялся въ такомъ безвыходномъ положеніи. Тысячу разъ могла опротивѣть, даже не юношѣ, эта безцѣльная борьба съ препятствіями, ежеминутно возникавшими; но умъ Петра перемогъ все это и, въ концѣ концовъ, уразумѣлъ самую суть дѣла. Шло же оно, ни болѣе ни менѣе, какъ о началахъ фортификаціи и артиллеріи, для пониманія которыхъ требовались кое-какія математическія знанія, добытыя, наконецъ, тяжкимъ трудомъ, и, мало кому доступнымъ, упорствомъ.

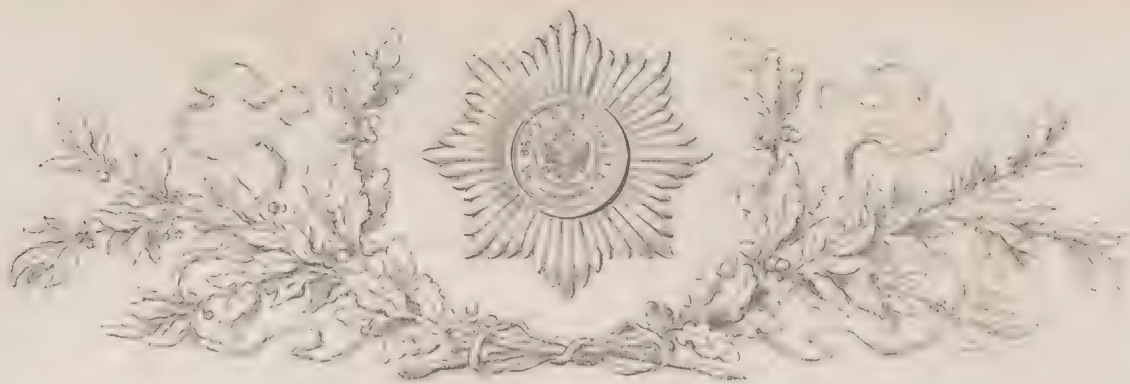
Это, впрочемъ, все происходило уже во второмъ десятилѣтіи жизни царя Петра. Между тѣмъ, конецъ десятаго года принесъ много опасностей для царственнаго отрока, а матери его—стоилъ многихъ слезъ и тяжкихъ сердечныхъ страданій.

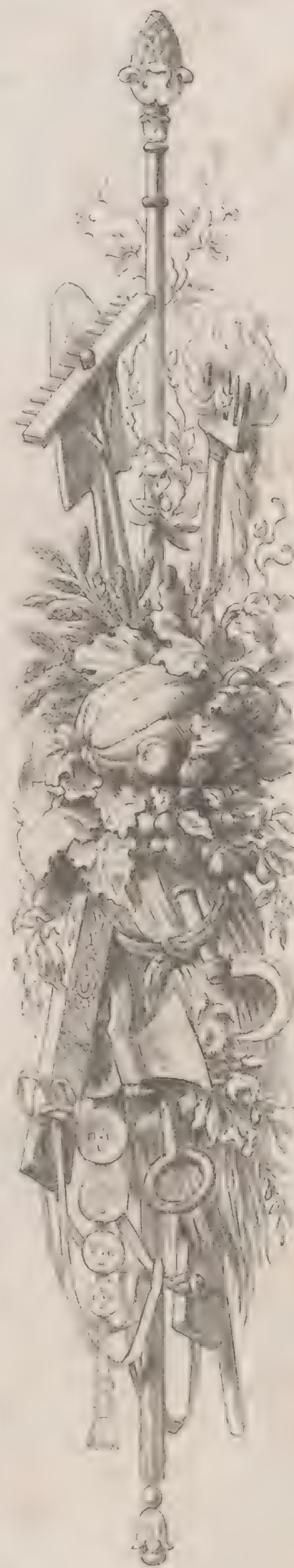
Апрѣля 27-го 1682 года, послѣ 6-ти лѣтъ и 3-хъ мѣсяцевъ царствованія, умеръ, не долго похворавъ, царь Θеодоръ Алексѣевичъ; всего на 22-мъ году отъ рожденія. Болѣзненный организмъ его не перенесъ потери первой супруги, нѣжно имъ любимой — Агафьи Семеновны Грушецкой. Черезъ полгода, правда, присовѣтывали грустному, слабѣвшему день ото дня, государю: вступить во второй бракъ съ дочерью стольника Марфой Матвѣевной Апраксиной. Но это утѣшеніе предложено было уже поздно: черезъ два мѣсяца съ небольшимъ, юной царицѣ пришлось овдовѣть. Тогда, народный голосъ заставилъ патріарха наречь государемъ младшаго изъ царевичей братьевъ, Петра Алексѣевича. Старшій Іоаннъ былъ и 16 лѣтъ, но болѣзненный и неспособный къ правленію. Петръ же Алексѣевичъ, хотя былъ и по 10-му году, «обаче добротою и возрастомъ и остротою ума одаренъ отъ Бога». На немъ и остановили выборъ.

Рѣшеніе это объ избраніи въ цари Петра послѣдовало въ самый день кончины брата и крестнаго отца его—Θеодора Алексѣевича. И тутъ-то выступаютъ на сцену интриги безбрачныхъ представительницъ царской семьи, никогда неявлявшихся на сцену свѣта до этой поры, проводя вѣкъ свой чуть не въ затворѣ—въ теремахъ своихъ.

При Іоаннѣ III дочери его выдавались еще за своихъ,—русскихъ—бояръ; въ три же слѣдующія царствованія царевенъ взрослыхъ не было. Годуновъ уже сталъ искать для своей дочери жениха *не подданнаго.* Царь Михаилъ, для старшей дочери своей Татьяны хотѣлъ составить партію, пригласивъ иностраннаго принца, и неудача въ выполненіи этаго давняго намѣренія, едва ли не была дѣйствительною причиной ранней кончины его. Татьяна Михайловна, Ирина Михайловна и Анна Михайловна остались, такимъ образомъ, безбрачными, проведя молодость въ стѣнахъ своего терема, а подъ старость постриглись. За подданныхъ невыдавали ихъ по предубѣжденію, или по расчотамъ политики. Та же политика мѣшала отыскивать и иностран-

ныхъ принцевъ, со стороны которыхъ боялись встрѣтить отказы или излишнія требованія. Число невольныхъ затворницъ царевенъ еще увеличилось шестью дочерями царя Алексѣя Михайловича, отъ первой супруги. А въ это именно время обстоятельства, казалось, благопріятствовали попыткѣ: выйти на свѣтъ Божій, да показаться въ люди царевнамъ. По лѣтамъ, вторую изъ нихъ была царевна Софья Алексѣевна, по уму же смѣлому и находчивому, безспорно—первая.

Въ царствованіе Ѳедора Алексѣевича, особенно въ послѣдній его годъ, постоянное войско московское,—какимъ оказывались стрѣльцы,—проявляло не разъ недовольство своими начальниками. Никто, впрочемъ, не обращалъ особеннаго вниманія на источникъ этихъ неудовольствій, а оттого положеніе дѣлъ не только не улучшалось, но дѣлалось все хуже и хуже. Съ одной стороны возрастало при безнаказанности своевольство стрѣльцовъ, обижавшихъ мирныхъ гражданъ, а съ другой стороны сами обидчики имѣли достаточно причинъ для жалобъ на своихъ непосредственныхъ начальниковъ, злоупотребленія которыхъ были слишкомъ явны. Одно только высшее начальство въ лицѣ судьи Стрѣлецкаго приказа, ничему невнимало. Между тѣмъ должность эту занималъ человѣкъ лично правдивый — князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукой. Но, онъ былъ уже старецъ, за годами и недугами ни во что не входя и возложивъ управленіе дѣлами на товарища своего, Ивана Максимовича Языкова. Этотъ же дѣлецъ былъ изъ стряпчихъ, дослужившійся до боярства. Былъ онъ тоже въ лѣтахъ, но еще очень дѣятельный и бодрый, къ несчастію привыкшій ни во что не ставить жалобы подчиненныхъ на начальниковъ; при случаѣ даже наказывая самихъ приносителей жалобъ. Отъ взятокъ онъ самъ былъ не прочь и, даже, говорили открыто стрѣльцы—имѣлъ свою долю въ грабительствѣ казны, отпускавшейся на стрѣлецкое войско. Передъ смертью царя Ѳедора, стрѣльцы полка Пыжова подали, наконецъ, челобитную на притѣсненія своего полковника. Языковъ, вмѣсто разбора дѣла, жестоко наказалъ самихъ челобитчиковъ. Но, вслѣдъ за первымъ челобитьемъ, поступила другая жалоба на полковника Семена Грибоѣдова и — Языковъ потерялся. Сперва посадилъ Грибоѣдова подъ арестъ, а потомъ выпустилъ на другой день, ничего уже не сдѣлавъ жалобщикамъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, никого и неудовлетворивъ своимъ полурѣшеніемъ. Неудовольствіе и ропотъ между стрѣльцами теперь стали слышаться больше и больше. Этимъ состояніемъ умовъ и съумѣла воспользоваться царевна Софья. Она вошла въ сношеніе съ недовольными стрѣльцами, чрезъ своихъ сторонниковъ: Александра Милославскаго, да Ивана и Петра Андреевичей Толстыхъ. Самыми вліятельными людьми между стрѣльцами были не богатые, но честолюбивые полковники Циклеръ и Озеровъ. Имъ обѣщала царевна помѣстья, деньги и повышенія, если они только поддержатъ ея требованія, когда велитъ царевна. Она же, вслѣдъ за избраніемъ Петра въ цари, призвала патріарха и членовъ боярской думы и просила ихъ не лишать престола брата ея Ивана. Ей отвѣтили, что

Ботикъ, найденный Петромъ I (1688 г.) въ селѣ Измайловѣ

и возбудившій въ немъ охоту къ плаванію по водѣ. Петромъ [illegible]

Село Измайлово — мѣсто, въ которомъ Петръ Великій провелъ свое дѣтство.

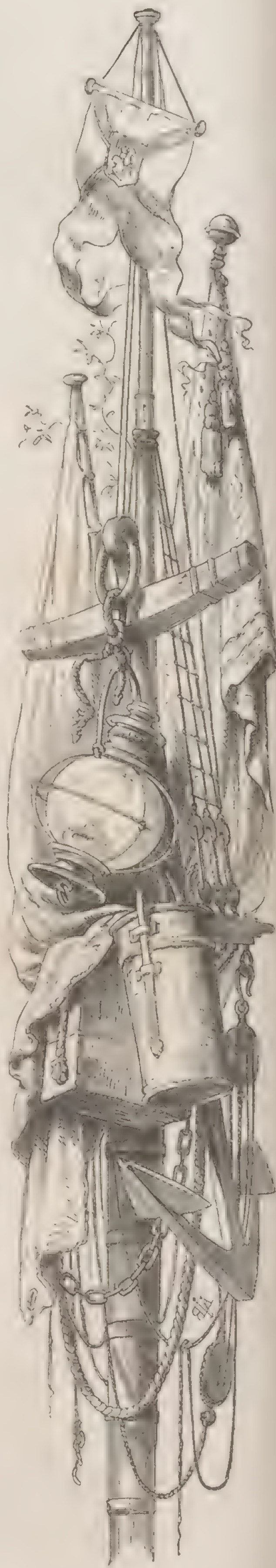

Петръ уже избрáнъ и перемѣнить этаго нельзя. «Смотрите же, чтобы за такую несправедливость не было у васъ мятежей и кровопролитія!»—сказала царевна съ угрозою, надѣясь на стрѣлецкую поддержку. Но и это неподѣйствовало. Тогда, идетъ она поздравлять младшаго брата своего Петра, приказавъ Милославскому возбуждать стрѣльцовъ къ бунту. Чтобы сколько нибудь объяснить умѣстность выходки царевны съ патріархомъ и думою, намъ приходится воротиться нѣсколько назадъ—къ болѣзни царя Θеодора. Боленъ былъ онъ давно уже, а лежалъ въ постели всего нѣсколько дней. Но и этими послѣдними днями жизни царя-брата успѣла таки воспользоваться царевна Софья, для перваго выхода изъ терема въ публику. Она прикинулась нѣжной сестрою и явилась у постели больного брата-государя въ роли сидѣлки. Появленіе царевны внѣ терема—примѣръ, до того неслыханный въ Россіи; но, тутъ были еще извиняющія обстоятельства. Комната умирающаго оказывалась все таки нейтральною почвой, на которой нарушеніе исконнаго обычая могло быть объясняемо излишествомъ родственной привязанности. Тѣмъ болѣе, что видѣть здѣсь царевну могли только самые близкіе люди. Для нее на первый случай и этаго было довольно. Она могла здѣсь съ кѣмъ слѣдуетъ перемолвить и внушить, что и какъ кому дѣлать. На ея несчастье, братъ умираетъ раньше, чѣмъ думала она. А со смертью его выходить изъ терема нѣтъ уже прямого предлога. Что же дѣлаетъ и въ этой крайности царевна?—Она отваживается нарушить уже явно исконный обычай, передъ лицомъ всего народа. На похоронахъ государя обыкновенно присутствовалъ одинъ его преемникъ, а изъ особъ женскаго пола могли находиться только жена, да мать. При погребеніи царя Θеодора Алексеевича, могли, слѣдовательно, быть только: царь Петръ, да царицы Марфа Матвѣевна и Наталья Кириловна; царевнамъ же здѣсь быть не слѣдовало. Между тѣмъ, когда за тѣломъ царя стольники вынесли въ сѣни вдову его на креслахъ, а за нею послѣдовалъ отрокъ царь Петръ,—рядомъ съ нимъ, съ Краснаго крыльца, въ Успенскій соборъ пошла царевна Софья Алексѣевна, изумивъ всѣхъ своею дерзостью. Царица была поражена и обижена больше всѣхъ. Видя въ дѣйствіи падчерицы нарушеніе своего права, царица-вдова рѣшилась показать ей свое неудовольствіе, также для всѣхъ явно. Какъ только гробъ государя поставили на мѣсто въ соборѣ, «царь съ матерью, поцѣловавъ мощи, изволилъ идти къ себѣ и у обѣдни на отпѣваньи не былъ». Оставались только вдова усопшаго, да царевна Софья, успѣвшая потомъ подучить тетокъ: сдѣлать замѣчаніе царю Петру, что ему *негодится* такъ дѣлать—не почтить памяти старшаго брата. Въ отсутствіи мачихи, оставаясь сама въ соборѣ, честолюбивая царевна, между тѣмъ, неупустила также случая произвести своего рода рекламу, при прощаньи съ тѣломъ. Она заголосила передъ народомъ, какъ бы невладѣя собою: «извели покойнаго брата злые люди. Нѣтъ у насъ ни батюшки, ни заступника. Брата Ивана на царство невыбрали! Умилосердитесь надъ нами, сиротами. Если въ чомъ

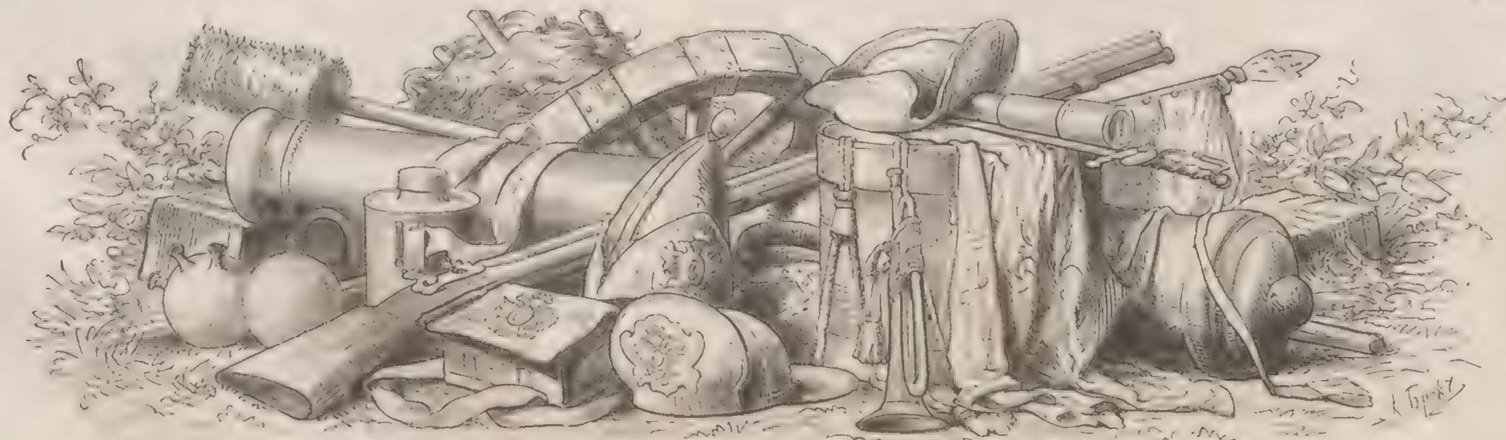

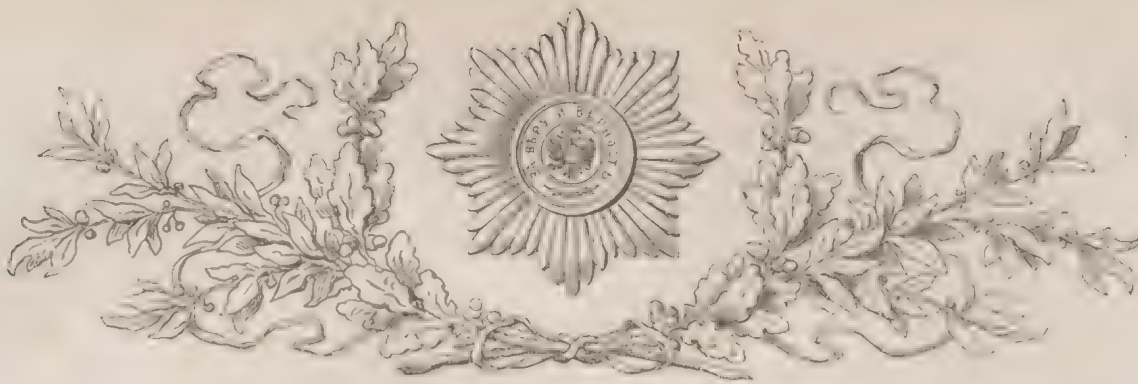

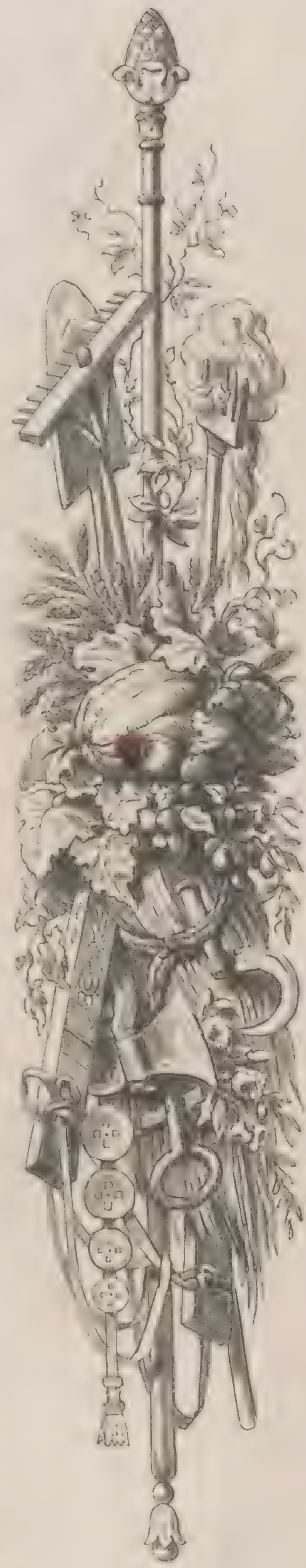
провинились мы передъ вами, отпустите насъ живыхъ въ чужія земли, къ королямъ христіанскимъ!»

Жалоба на мнимое изведеніе царя Θеодора Алексѣевича произвести, конечно, ничего не могла: всѣ знали, что смерть его была естественная. За то Иваново неизбраніе, — причина котораго не могла быть многимъ извѣстна, — должно было сдѣлаться въ народѣ предметомъ не малыхъ толковъ. Съ расчотомъ поставлены были и слова о *неимѣніи заступниковъ* у царевенъ; какъ бы угнетаемыхъ и притѣсняемыхъ. Замкнутая среда дворцоваго быта была тайною для народа, а проникая тайну, какъ извѣстно, допускаютъ самыя невѣроятныя предположенія. Такъ было и тутъ. Многіе, послѣ того, повѣрили слуху, будто Иванъ Кириловичъ Нарышкинъ — съ воцареніемъ племянника только возвращонный изъ ссылки—садясь на тронъ, примѣрялъ уже на себя порфиру. Будто бы, говорилъ онъ, даже, что она къ нему пристанетъ лучше всѣхъ. Что эту его продѣлку видѣли и похвальбу слышали царевна Софья, да царица Марфа Матвѣевна. И когда онѣ стали Ивану Нарышкину выговаривать, то онъ, соскочивъ съ трона, принялся душить царевича Ивана, съ ними бывшаго, такъ что на силу отняли. Понятно, для чего и противъ кого сочинена вся эта нелѣпая басня? Въ легковѣрномъ народѣ, каково было большинство московскихъ обывателей, она не могла не возбудить очень естественнаго раздраженія противъ родни царицы-матери. А этимъ-то и нужно было заручиться прежде всего царевнѣ Софьѣ, приготовлявшей переворотъ. Ей на руку оказалась и слабость правительства царицы ея мачихи, проявившаяся при удовлетвореніи стрѣлецкихъ жалобъ, по челобитью 16-ти полковъ. Всѣ полковники ихъ были смѣнены вдругъ и оштрафованы безъ всякаго изслѣдованія, что, конечно, усилило духъ буйства въ стрѣлецкомъ войскѣ. Вновь назначенныхъ полковниковъ изъ подчиненныхъ никто уже не слушалъ. Стрѣльцы стали явно собираться въ круги въ своихъ слободахъ и повторять, съ прибавленіями да угрозами, внушаемое агентами царевны. Со стороны же правительства не принималось никакихъ мѣръ. Въ это время пріѣхалъ Матвѣевъ, въ дватри дня едва ли успѣвшій всмотрѣться въ положеніе дѣла. Тогда какъ, на ночныхъ собраніяхъ въ домѣ Милославскаго, уже рѣшено было требовать возведенія на престолъ царевича Ивана и *побить всѣхъ, кто бы этому воспротивился.* Къ 16-ти возмущоннымъ полкамъ присоединились теперь и послѣдніе три стрѣлецкихъ, да солдатскій бутырскій полкъ. Достаточно было бросить искру, чтобы произвести взрывъ. Мая 15-го, въ 9-мъ часу дня, (около 3-хъ часовъ по полудни, нашего счота времени), Милославскій съ Петромъ Толстымъ прискакали въ стрѣлецкія слободы и, собравъ стрѣльцовъ къ съѣзжимъ избамъ, возбудили ихъ къ явному бунту, разсказавъ, что Нарышкиными царевичъ Иванъ задушенъ. Съ крикомъ,—«изведемъ Нарышкиныхъ: губителей царскаго рода!»—изступленная толпа вооруженныхъ стрѣльцовъ, предводимая Толстымъ и Милославскимъ, бросилась теперь въ Кремль, захвативъ съ собою пушки. Съ вѣстью объ этомъ прибѣжалъ

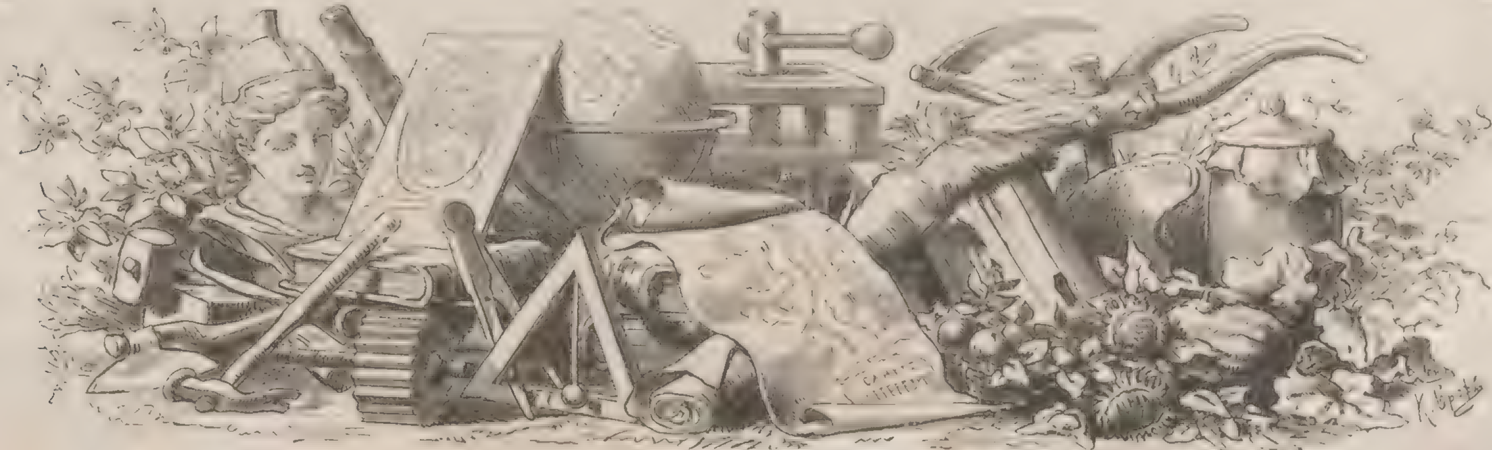

князь Урусовъ, еще во время. Занимавшимъ караулъ стрѣльцамъ Стремяннаго полка, приказано было запереть ворота, но они этого не сдѣлали. Такъ что толпа ворвалась и окружила со всѣхъ сторонъ царское жилище. «Если не выдадутъ цареубійцъ Нарышкиныхъ, мы всѣхъ перебьемъ!» кричали буйные стрѣльцы, волнуясь передъ дворцомъ. Понявъ изъ этихъ криковъ нелѣпую причину возбужденія войска, бояре присовѣтывали царицѣ Натальѣ вывести на Красное крыльцо сына, да пасынка и показать стрѣльцамъ: что царевичъ Иванъ живъ. Появленіе царя и царевича дѣйствительно произвело сперва благопріятное дѣйствіе,—особенно послѣ того, какъ сами стрѣльцы приставили лѣстницы къ мѣсту, гдѣ стоялъ старшій царевичъ, сами переспросили его,—«ты ли государь Иванъ Алексѣевичъ и кто изъ бояръ-измѣнниковъ на тебя посягаетъ?» — Онъ же, назвавъ себя по имени, далъ имъ отвѣтъ отрицательный. Самые буйные стали удаляться и дѣло казалось оконченнымъ. Тутъ вышелъ бояринъ Матвѣевъ, какъ извѣстно, любимый прежде всѣми стрѣлецкими полками. Онъ сталъ убѣждать возбужденныхъ стрѣльцовъ: разойтись и успокоиться, напоминая имъ святость присяги и представляя, сознаваемую теперь самими ими, ложность извѣстія о царевичѣ Иванѣ. Многіе изъ стрѣльцовъ не только послушались, но даже стали просить Матвѣева, чтобы онъ исходатайствовалъ имъ у царя прощеніе за безпокойство, сознавая себя виноватыми.

Въ это время сторонники царевны Софьи, видя свою неудачу, употребили новую хитрость: разбили погреба, выкатили бочки съ виномъ и стали поить стрѣльцовъ. Охмѣлевъ, буйные воители снова забушевали. Начальникъ стрѣлецкаго приказа, смѣнившій Языкова, князь Михаилъ Юрьевичъ Долгорукой, съ Краснаго крыльца, сталъ имъ приказывать разойтись: угрожая наказаніемъ. Эта пылкость его испортила все. Стрѣльцы пришли снова въ бѣшенство и, напавъ на Долгорукаго, сбросили его на копья, а сами, наклонивъ бердыши, устремились въ царскій дворецъ. Въ одной изъ внутреннихъ комнатъ царицы, увидѣвъ царевича Ивана, царя Петра и Матвѣева, котораго держала царица за руку, злодѣи вырвали боярина изъ царственныхъ рукъ плакавшей его воспитанницы, сбросили съ Краснаго крыльца на копья. Защитникомъ несчастнаго страдальца явился одинъ только мужественный князь Михаилъ Алегуковичъ Черкасскій, личный врагъ его. Загораживая собою намѣченную жертву стрѣльцовъ, великодушный бояринъ, избитый самъ, едва спасся отъ ярости ихъ. Царица, съ дѣтьми и пасынкомъ, искала убѣжища въ Грановитой палатѣ. Брата же ея, Афонасія Кириловича Нарышкина, спрятаннаго подъ престоломъ, въ это время указалъ убійцамъ его же карла—Хомякъ. Жертву вывели на паперть и умертвили, выбросивъ обезображенный трупъ изъ дворца.

Внѣ Кремля также произведено стрѣльцами много убійствъ. Языковъ, всѣмъ стрѣльцамъ равно ненавистный, найденъ и умерщвленъ ими въ домѣ священника на Хлыновкѣ. На Замоскворѣчье, въ домъ бывшаго своего начальника, князя Юрія Алексѣевича Долгорукаго, стрѣльцы пришли,—

Памятникъ на озерѣ Плещеевѣ, близъ г. Переяславля,

гдѣ Петръ I съ лѣта 1688 года по 1693 годъ упражнялся въ строеніи судовъ, на маленькой верфи, устроенной при впаденіи рѣки Трубежа.

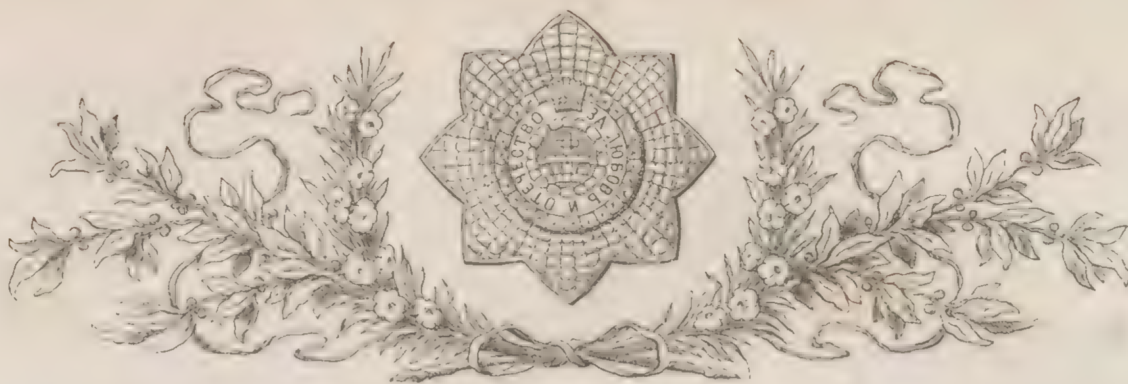

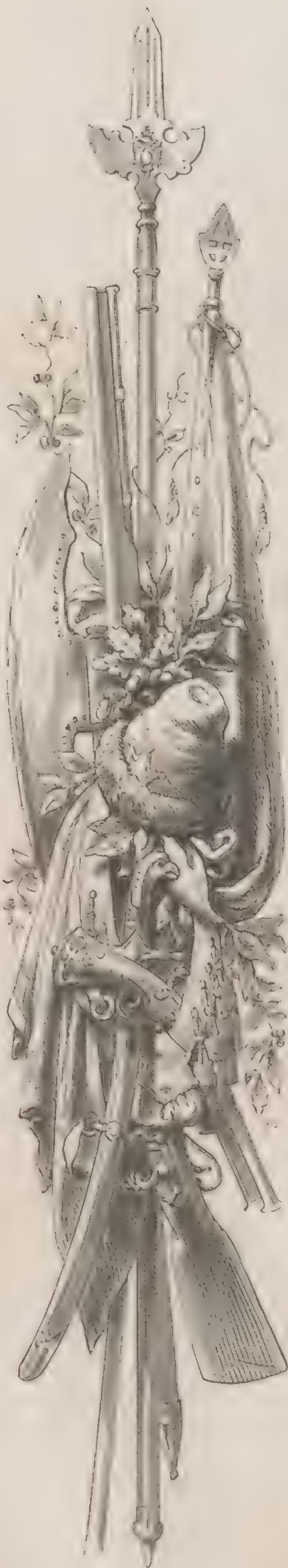
Соловецкій монастырь,

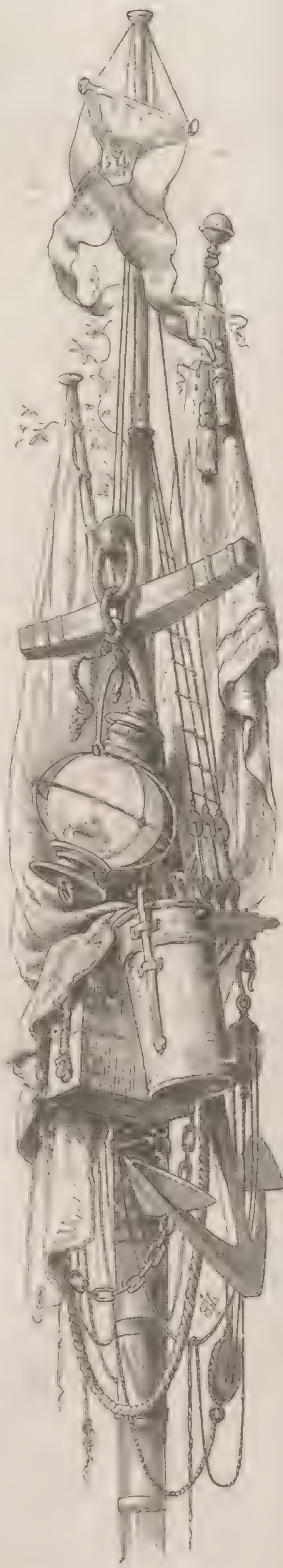
гдѣ былъ Петръ I [illegible] украшеніе [illegible]

Нѣмецкая слобода близъ древней столицы (теперь Москвы) въ 1704 году, во время въѣзда турецкаго посла.

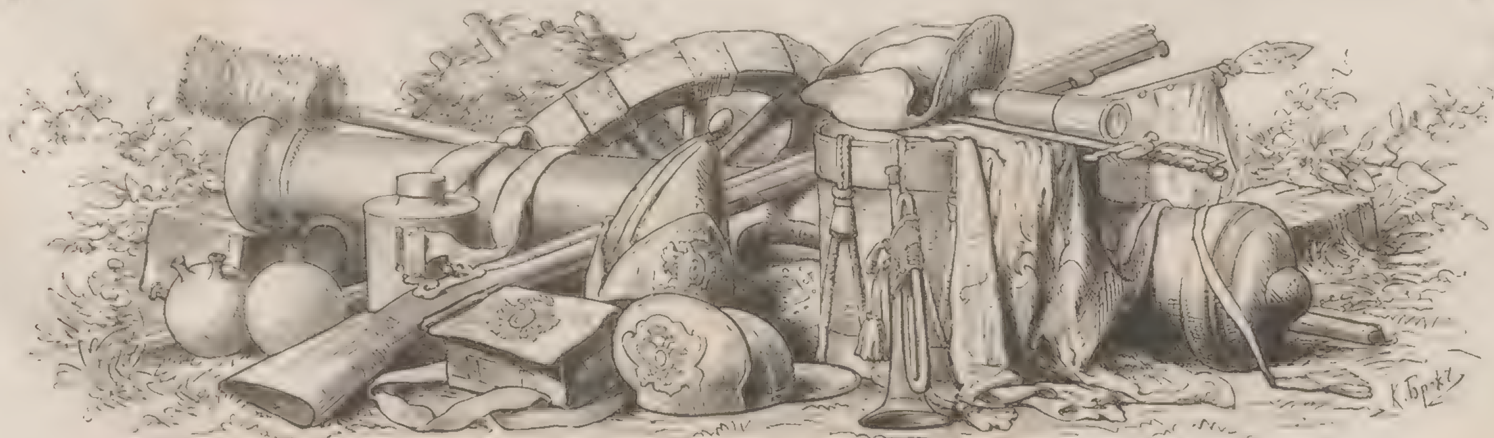
какъ говорили они сами—каяться, что по ошибкѣ убили его сына. Когда же удалились они, отецъ, конечно, не могъ удержаться отъ слезъ и гнѣва на губителей. Одинъ изъ служителей его передалъ слова несчастнаго стрѣльцамъ. Тѣ воротились и убили отца.

На слѣдующій день по всему Кремлю, Бѣлому городу и Китаю бунтовщики разставили караулы и никого не пропускали. Потомъ въ Кремлѣ, окружили дворецъ и потребовали выдачи Ивана Кириловича Нарышкина, грозя придти на слѣдующій день и перебить всѣхъ. Выйдя же изъ Кремля пустились грабить дома; какіе попало.

Мая 17-го, толпы стрѣльцовъ больше прежняго явились въ Кремлѣ, передъ царскимъ дворцомъ, съ требованіемъ выдать Ивана Нарышкина. Малодушные бояре приступили тогда къ царицѣ, прося ее для общаго спасенія пожертвовать братомъ. Царевна Софья Алексѣевна, сама возбудивъ это требованіе, явилась въ роли совѣтчицы и, наконецъ, настояла на выдачѣ жертвы. Сама взяла за руку несчастнаго и передала на растерзаніе стрѣльцамъ. Убійство двухъ братьевъ царицы-мачихи, да ея воспитателя, и невольное постриженіе отца въ монахи,—показались царевнѣ Софьѣ уже достаточнымъ ослабленіемъ противной партіи. Потому, невозбуждая стрѣльцовъ къ новымъ убійствамъ, она заявила теперь прежнее требованіе свое о воцареніи брата Ивана. Трепещущій патріархъ и малодушные бояре не противорѣчили и, на восьмой день по окончаніи мятежа,—26-го мая, представлялись Ивану, прося его раздѣлить престолъ съ братомъ. Такъ совершилось, никогда неслыханное на Руси, двуцарствіе, и съ слѣдующаго же дня царевна Софья вступила въ роль правительницы. Въ грамотахъ стали писать государей: первымъ Ивана, вторымъ Петра, а за ними имя Софіи. Князь Василій Васильевичъ Голицынъ, любимецъ царевны, назначенъ начальникомъ посольскаго приказа и сталъ управлять политическими сношеніями съ иностранными державами. Стрѣльцамъ данъ титулъ надворной пѣхоты и прибавлено жалованья. Убійства, совершонныя безобразниками во время бунта, царевна Софья отважилась назвать даже заслугами стрѣльцовъ государству. Крамольники съ своей стороны подали еще челобитную 6 іюня, въ которой взвели на свои жертвы немыслимыя преступленія. И это принято благосклонно. На Красной площади поставлены столбы, съ надписями именъ и мнимыхъ винъ убитыхъ въ дни мятежа. По полкамъ стрѣлецкимъ розданы за тѣмъ листы похвальные съ красными печатями, чѣмъ гордились и тщеславились отъявленные производители безпорядковъ, къ общему соблазну и ужасу.

Въ Москвѣ всегда бывалъ одинъ государь, а потому не могло отыскаться двухъ одинакихъ коронъ, и приготовленія къ празднованію двуцарственниковъ продлились отъ того цѣлый мѣсяцъ. Вслѣдъ же за коронаціей царей-братьевъ, совершонной 25 іюня, возникли новыя волненія.

Большинство стрѣльцовъ были раскольники и глава ихъ, князь Иванъ Михайловичъ Хованскій, держался самаго нетерпимаго изъ всѣхъ толковъ раскола—

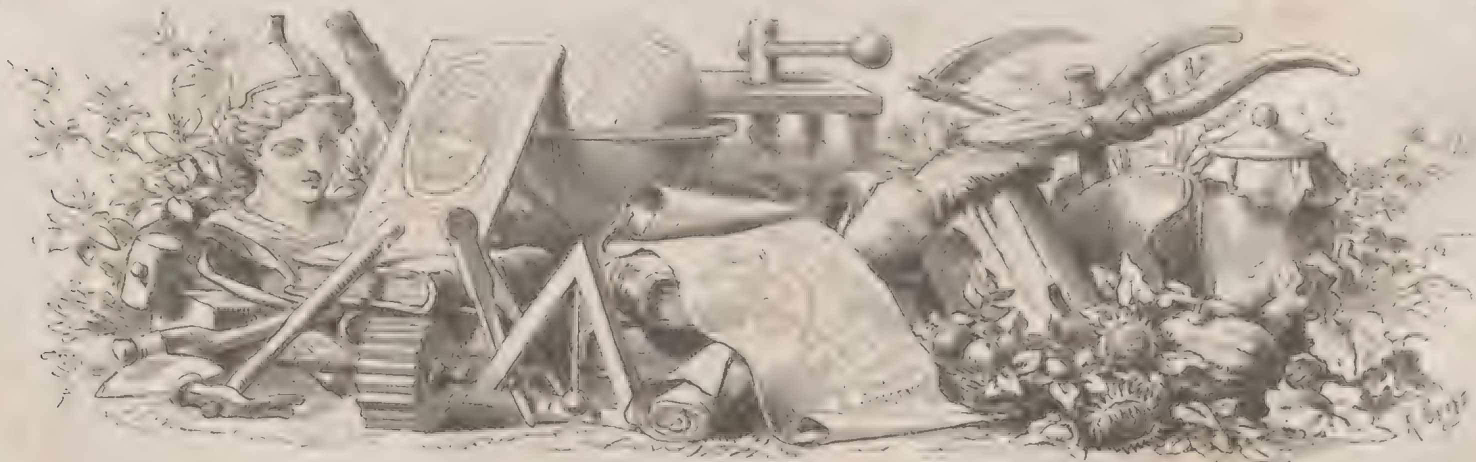

Капитонова согласія. Надѣясь на поддержку Хованскаго, теперь явились въ Москву проповѣдники раскола, подъ предводительствомъ яраго изувѣра—пустосвята Никиты. Самъ онъ, бродя по улицамъ столицы, возбуждалъ своихъ адептовъ противъ православныхъ, особенно же противъ духовенства, крикомъ: «постойте православные за вѣру истинную, коя гибнетъ у насъ на Руси и у грековъ, и по всей земли!»

При возгласахъ, конечно, не щадилъ онъ ни патріарха московскаго, ни вселенскихъ. Дерзость безнаказанныхъ своевольцевъ дошла, наконецъ, до того, что въ день празднованія церковью памяти св. Сергія Радонежскаго (іюля 5) утромъ, толпа раскольничьихъ лжеучителей окружила Успенскій соборъ, гдѣ патріархъ совершалъ литургію. Мятежные старцы съ крикомъ потребовали, чтобы патріархъ вышелъ къ нимъ на состязаніе. Тысячи вооруженныхъ стрѣльцовъ поддерживали это дерзкое требованіе. Хованскій, съ своей стороны, представилъ царевнѣ, что исполнить требованіе это необходимо, въ видахъ общаго успокоенія. Но правительница, какъ видно, разгадала намѣренія хитраго покровителя раскола и, понимая, что патріарху можетъ быть плохо въ толпѣ вооруженныхъ, приказала провести его особымъ ходомъ въ грановитую палату. Хованскаго же убѣдила, что будетъ еще лучше для покровительствуемыхъ имъ, если она сама явится на это состязаніе со всѣмъ дворомъ своимъ. Хованскій долженъ былъ согласиться и состязаніе состоялось не такъ, какъ онъ расчитывалъ. Раскольникоъ велѣно было тогда впустить въ грановитую палату, когда уже патріархъ и власти заняли мѣста свои, а царевна сѣла на приготовленное кресло. Навязчивые состязатели вошли съ шумомъ и гамомъ и толпой подступили подавать свою куріозную челобитную. Предводитель же скопища—разстриженный попъ Никита *пустосвятъ*—не воздерживался отъ ругательствъ и при чтеніи этой челобитной. За чтеніемъ послѣдовали, конечно, возраженія православнаго духовенства, особенно рѣзкія со стороны Афанасія, архіепископа холмогорскаго. Нестерпѣвъ его несокрушимыхъ доводовъ, Никита бросился на іерарха и толкнулъ его въ грудь. Онъ и ударилъ бы его, но выборные успѣли оттащить изувѣра. Воспользовавшись этимъ оскорбленіемъ духовнаго лица, Софья встала и съ гнѣвомъ объявила соборъ закрытымъ.

Эпизодъ съ раскольниками мы указали именно потому, что Голиковъ, основываясь на невѣрномъ анекдотѣ позднѣйшаго сочиненія, заставляетъ, въ грановитой палатѣ, энергически дѣйствовать въ защиту православія 10-ти лѣтняго царя Петра. Существуютъ даже и гравюры, съ представленіемъ государя-ребенка, повелѣвающимъ вязать буйныхъ спорщиковъ. Хотя дѣло вообще съ перваго взгляда кажется крайне сомнительнымъ, но свидѣтельство очевидца Саввы разрѣшаетъ его окончательно—царей даже не было въ палатѣ.

Находилась одна царевна и, по словамъ раскольника Саввы, описавшаго этотъ эпизодъ, она при томъ сказала, будто бы, съ угрозою: «Нето—пойдемъ изъ царства вонъ!» На что стрѣльцы закричали ей насмѣшливо:

Съ фотогр. К. Гильде, рис. на дер. А. О. Адамовъ, грав. Ф. Герасимовъ.

Городъ Архангельскъ, посѣщавшійся Петромъ I въ 1693, 1694 и 1702 годахъ,

гдѣ государь завелъ верфь на островѣ Соломбалѣ и положилъ начало русской отпускной торговлѣ на своихъ судахъ

Рис. на дер. Н. Н. [illegible] грав. Л. А. [illegible]

Петръ I въ Архангельскѣ, на биржѣ, между голландскими и англійскими негоціянтами.

-я картина, изъ [illegible] выставленныхъ на [illegible] лугу, въ С.-Петербургѣ, 30-го мая [illegible]

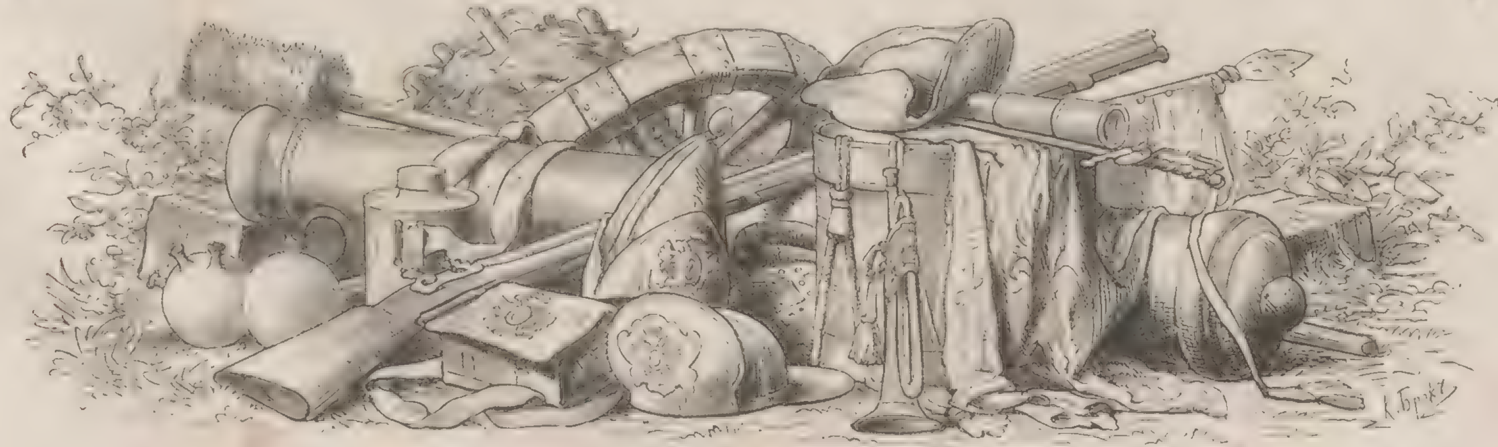
«И пора бы, государыня, давно вамъ въ монастырь! Полно царствомъ-те мутить! Намъ бы здоровы были цари-государи, а безъ васъ пусто не будетъ».—«И бысть ей зазорно вельми и съ великимъ стыдѣніемъ иде на царское мѣсто»—говоритъ Савва.

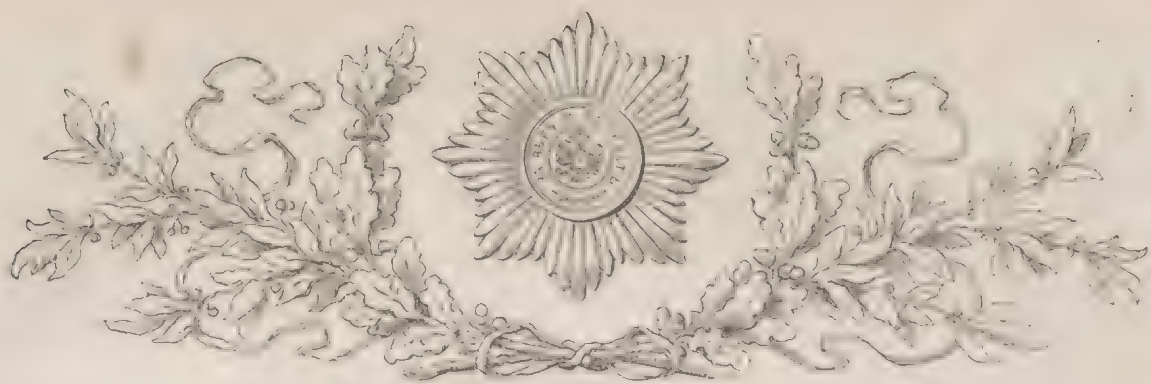
Благодаря такому повороту дѣла, именно обидѣ своей отъ неразборчивыхъ раскольниковъ,—царевна Софья Алексѣевна задумала повести дѣло не такъ, какъ думала было въ началѣ. Пустосвята схватили и 11 іюля казнили.

Но, покаравъ виновника смуты, Никиту, царевна-правительница рѣшилась отдѣлаться и отъ Хованскаго, сознавая въ немъ опасную для себя силу. Прямыхъ уликъ противъ честолюбиваго старика, однако же, не было. Потому, правительница употребила противъ него недостойное коварство. Удалившись съ царственнымъ семействомъ, подъ видомъ богомолья, сперва въ Саввинъ монастырь, а потомъ въ Троицкую лавру,—царевна написала ласковое письмо кн. Ивану Михайловичу Хованскому, приглашая его для совѣщаній пріѣхать сюда, къ себѣ. Тотъ, не воображая для себя опасности, поѣхалъ, и въ селѣ Пушкинѣ былъ схваченъ и казненъ, вмѣстѣ съ старшимъ сыномъ, въ тотъ же день. Это были—имянины царевны. При извѣстіи о казни Хованскаго, стрѣльцы, узнавъ о томъ отъ другого, уцѣлѣвшаго покуда, сына его, задумали укрѣпиться въ Москвѣ и не пускать правительницу. Приступили даже къ укрѣпленію «земляного города», но, черезъ день, одумались и—послали выборныхъ въ лавру: принесли повинную. Ихъ приняла царевна; сдѣлала легкій выговоръ и приказала разнести по мѣстамъ оружіе, которое они было забрали.—Потомъ, черезъ патріарха, приказала принести челобитную за общимъ подписаніемъ. Въ день покрова патріархомъ объявлено стрѣльцамъ рѣшеніе правительницы и потребовано, чтобы они не вступались за Хованскихъ. Сына казненнаго князя, выданнаго стрѣльцами Головину, — сослали.

Ноября 6-го сломанъ столбъ съ хвалебными надписями стрѣльцамъ да съ клеветами ихъ, и, спустя четыре дня, дворъ имѣлъ торжественный въѣздъ въ успокоенную совсѣмъ столицу. Декабря 10-го назначенъ начальникомъ стрѣлецкаго приказа Ѳедоръ Леонтьевичъ Шакловитый, сперва взявшій стрѣльцовъ, что называется, *въ руки*; потомъ же, убѣдившись, что можетъ уже сдѣлать съ ними все, что захочетъ, Шакловитый является вѣрнѣйшимъ пособникомъ честолюбивой правительницы, забравшей себѣ въ голову мысль *сдѣлаться самодержавной государыней;* мимо братьевъ, или, лучше сказать, *съ* окончательнымъ *устраненіемъ Петра.*

Шла царевна къ задуманной цѣли сперва очень осторожно. Такъ, напримѣръ, въ видахъ противопоставить младшему брату потомство отъ старшаго, заставила она болѣзненнаго Ивана жениться на красавицѣ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ Салтыковой 9-го января 1684 года. Въ продолжительности жизни царя Ивана поручиться было трудно и Софья думала имѣть мужское потомство отъ него, покрайней мѣрѣ. Но и этого не послѣдовало.

Петра думала царевна-правительница сдѣлать неспособнымъ для правленія, предоставивъ ему возможность: необузданно предаваться потѣхамъ. Живой темпераментъ царя-отрока дѣйствительно дѣлался въ дѣтствѣ пристрастнымъ къ игрѣ въ войну. Окруживъ его, думала Софья, сотнями потѣшныхъ, можно закружить совсѣмъ дѣтскую голову. Но и эта затѣя оказалась несостоятельною. Игра съ потѣшными привела опять царя-юношу къ противоположнымъ результатамъ. Петръ, выростая, дѣйствительно все время посвящалъ обученію своихъ потѣшныхъ дѣйствіямъ правильнаго строя, но выучка эта обратила потѣшныхъ въ лучшее войско. Въ своей ипотезѣ объ участіи въ учрежденіи потѣшныхъ правительства царевны Софіи, мы руководились больше всего тою идеею, что, еслибы здѣсь была одна воля Петра, то едвали бы могъ послѣдовать публичный кличь на службу въ Преображенское «охочихъ людей»; какъ сдѣлано въ великомъ посту въ 1687 году. Сверхъ того, если бы допустили мы даже предположеніе о невозможности со стороны царевны прямо воспретить произвести кличь, то отъ нея зависѣло бы сдѣлать эту мѣру недѣйствительною.—Стоило запретить родителямъ пускать дѣтей записываться—никто бы не пошолъ изъ молодыхъ людей. Но запрета такого не было, потому что нѣтъ слѣда чьего либо преслѣдованія отъ правительства, за записку въ потѣшные. Поэтому, мы охотно раздѣляемъ мнѣніе автора «житія Петра Великаго» (на итальянскомъ языкѣ) Ѳеодози, что князь Василій Васильевичъ Голицынъ, въ видахъ пріученія царя Петра къ пустякамъ и отвлеченія отъ дѣлъ серіозныхъ, государственныхъ, присовѣтывалъ царевнѣ окружить младшаго брата въ селѣ Преображенскомъ «единолѣтными съ нимъ, рѣзвыми и избалованными, ребятами, въ чаяніи, что и онъ съ ними развратится и сдѣлается презрительнымъ и къ правленію царствомъ неспособнымъ. Царь же Петръ, какъ мы видѣли, хотя и ввѣренъ былъ очень недалекому въ книжной премудрости первому учителю,—да и того на цѣлый годъ отнимали безъ нужды, — самъ, однако, читая все, что попадалось, сталъ доходить до того, чего величайшимъ московскимъ умникамъ и не снилось. Послѣ оспы,—поразившей воспріимчиваго царя-отрока вслѣдъ за женитьбою брата,—организмъ выздоравливавшаго сталъ замѣчательно развиваться. Томила его только еще сильнѣе жажда знанія. Не часто являясь въ Москвѣ, царь-отрокъ любилъ обстоятельно бесѣдовать наединѣ съ представлявшимися ему въ селѣ Преображенскомъ. Отправляясь куда либо въ посольства, сановники по необходимости являлись къ царю на поклонъ въ Преображенское. Такъ, уѣзжая посломъ во Францію и Испанію, явился и кн. Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукой, въ февралѣ 1687 г. Представляясь Петру, въ разговорахъ съ государемъ, до всего допытывавшимся, Долгорукой упомянулъ, что у него у самого былъ снарядъ, «которымъ можно бы было брать дистанціи или разстоянія издали, не доходя до самаго мѣста». Петръ принялся разспрашивать, куда дѣвался этотъ снарядъ и велѣлъ посланнику *непремѣнно купить* себѣ такой же точно, во Франціи. По возвращеніи, князь Долгорукой поднесъ государю эту диковину.

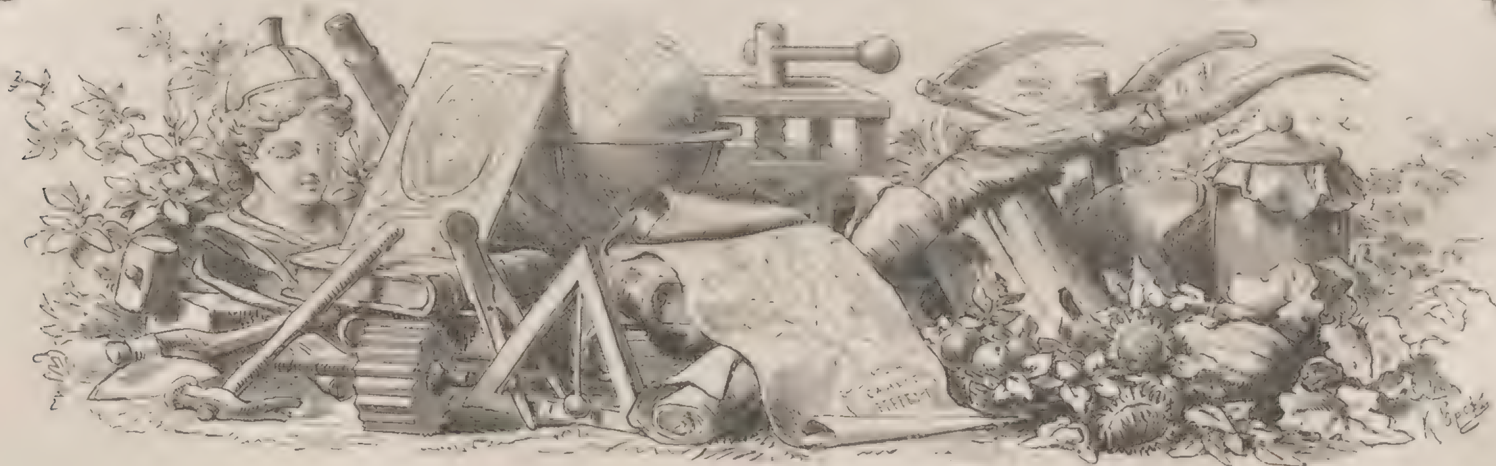

Рис. [illegible] Г. [illegible], грав. К. [illegible].

Цейхгаузъ въ Воронежѣ,

единственный, уцѣлѣвшій отъ пожаровъ, ост[illegible]къ Петровской верфи и морскихъ кораблестроительныхъ складовъ 1695—1713 гг., [illegible] центромъ движен[illegible] по [illegible] Азовскаго флота.

Съ фот. Шерера, рис. на дер. Н. И. Соколовъ, грав. К. Вейерманъ.

Новодѣвичій монастырь (на Дѣвичьемъ полѣ) въ Москвѣ, съ видомъ келій,

гдѣ провела безвыходно послѣдніе годы жизни (съ сентября 1689 по іюль 1704 г.) царевна Софья Алексѣевна, заключенная Петромъ I за вторичное возбужденіе стрѣльцовъ къ мятежу, постриженная (1698 г.) подъ именемъ Сусанны.

Серебряный вызолоченный ковшъ,

пожалованный Петромъ I въ 1701 [illegible] бывшему таможеннымъ головою при сборахъ и произведшему приращеніе ихъ на сумму 8[illegible] А. Б. Лобанова-Ростовскаго.

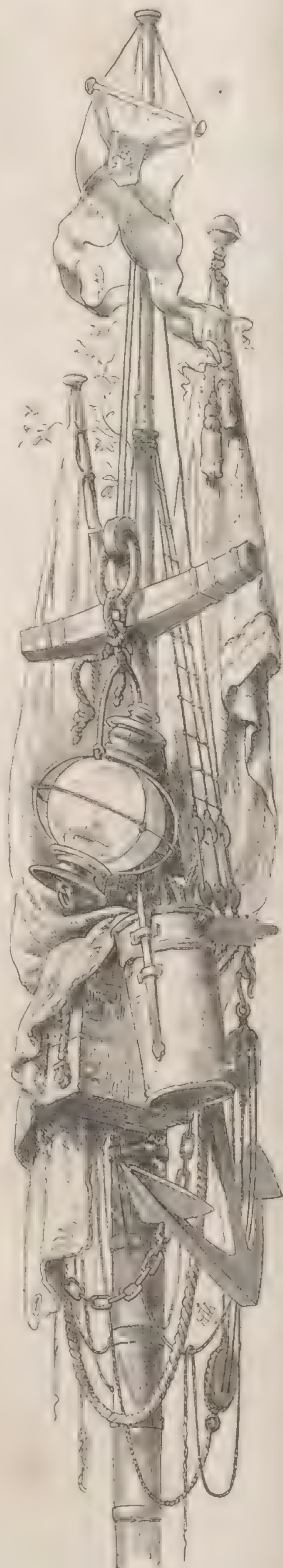

Съ гравюры Адріана Шонебека, рис. на дер. И. Ф. Борель, грав. К. Вейерманъ.

Штурмъ города Азова 18 іюля 1696 года.

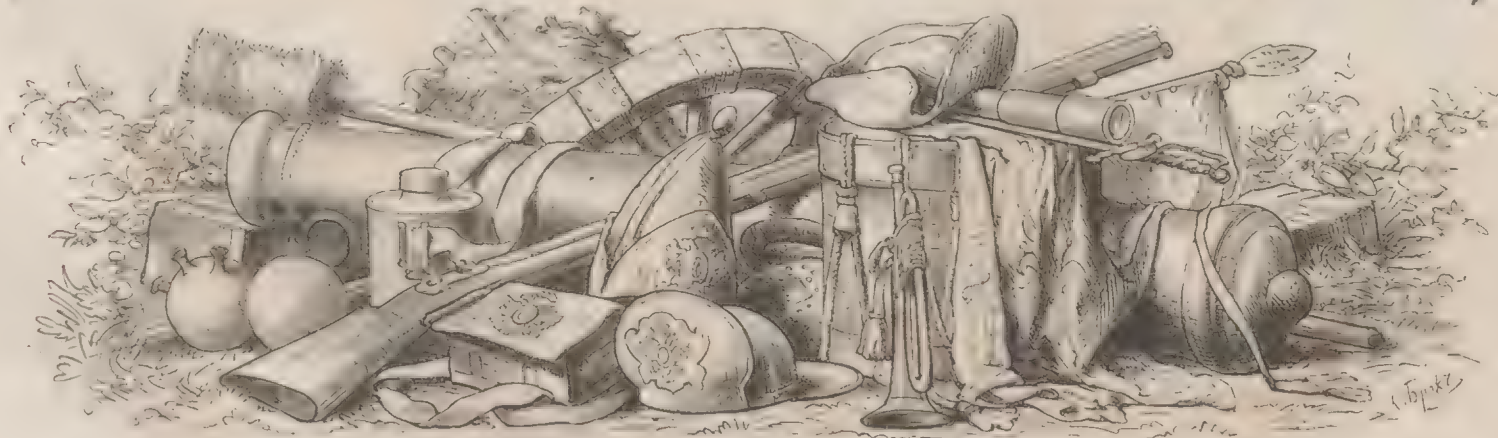

Оказалось, что то была астролябія и при ней математическая готовальня. Какъ и что дѣлать съ этими инструментами, ни кто не зналъ изъ окружавшихъ царя,—даже и самъ привезшій. Къ счастію, оказался при этомъ во дворцѣ лекарь, голландецъ Даніилъ фанъ-деръ Гульстъ, и взялся привести человѣка, умѣющаго обращаться съ ними. Онъ рекомендовалъ и представилъ голландца же, Франца Тиммермана, который съумѣлъ не только уставить астролябію, но, объясняя устройство и цѣль инструмента, настолько затронулъ любознательность государя, что Петръ пожелалъ брать у него уроки изъ геометріи: «И тако», говоритъ самъ Петръ въ собственноручной запискѣ (о началѣ морского дѣла, писанной 1719 года) «сей Францъ, чрезъ сей случай, сталъ при дворѣ быть безпрестанно и въ кампаніяхъ съ нами». Безспорно, былъ онъ для кампаніи человѣкъ полезный, хотя, при своихъ знаніяхъ, дѣлалъ ошибки въ простомъ сложеніи, да и объяснялся не совсѣмъ понятнымъ въ Москвѣ ломанымъ языкомъ. За всѣмъ тѣмъ, такова была охота къ ученію въ Петрѣ, что и съ трудомъ понимая учителя, онъ добился таки самъ до разумѣнія сущности дѣла; смекнулъ какъ и для чего устроиваются углами укрѣпленія, — чтобы бить съ нихъ изъ орудій. Тутъ уже для опыта заложилъ онъ самъ съ своими потѣшными земляное укрѣпленіе за селомъ Преображенскимъ, и назвалъ его иностраннымъ словомъ Презбургъ, вѣроятно, повторивъ названіе, встрѣченное въ иностранной книгѣ.

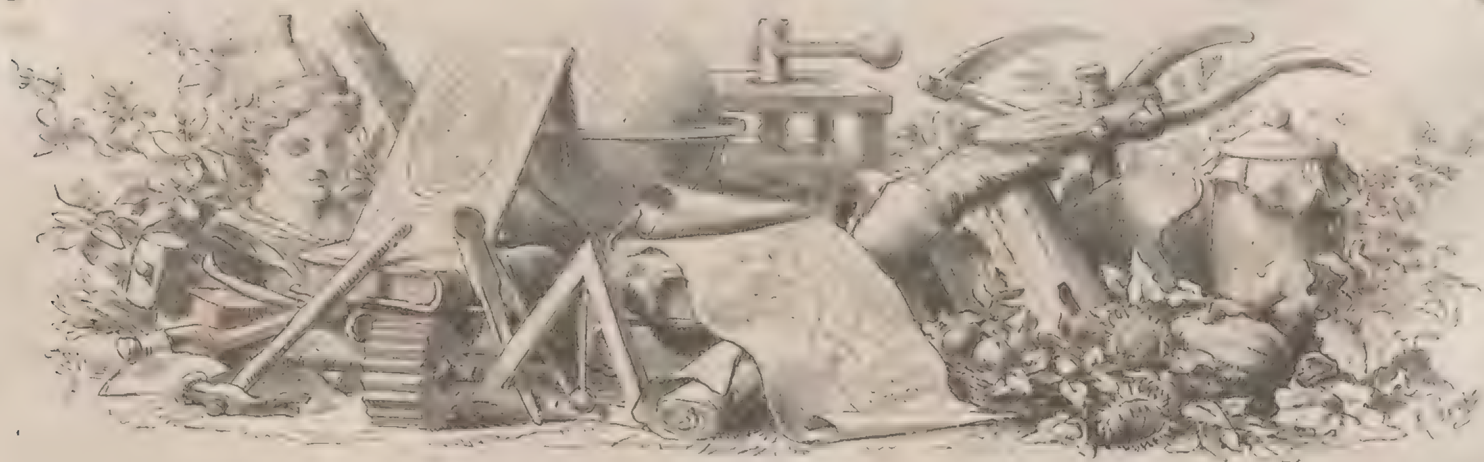
Число потѣшныхъ, благодаря публичному призыву, дошло до нѣсколькихъ сотъ; такъ что дома Преображенскаго не вмѣщали въ себѣ всѣхъ царскихъ служивыхъ. Потому, часть потѣшныхъ переведена въ сосѣднее село Семеновское, и образовались, сами собою, два ополченія,—зародыши первыхъ гвардейскихъ полковъ: Преображенскаго и Семеновскаго. Въ первое же время по узнаніи Тиммермана, Петръ, ѣздя съ нимъ всюду, случайно прибылъ въ село Измайлово, составлявшее прежде вотчину послѣдняго изъ бояръ Романовыхъ Никиты Ивановича. Послѣ смерти же его, царемъ Алексѣемъ обращено Измайлово въ образцовый хуторъ, гдѣ вводились всякаго рода улучшенія, даже механическія приспособленія, въ свое время дивившія и иностранцевъ. Вѣроятно, этихъ диковинокъ и пріѣхалъ искать Петръ въ амбарахъ. Любопытствуя видѣть наслѣдство послѣ отца и дѣда, царь Петръ зашолъ въ одинъ амбаръ на льняномъ дворѣ. Здѣсь, между разнымъ скарбомъ, остановился взглядъ царя-юноши на какомъ-то суднѣ. Бывшій съ государемъ Тиммерманъ объяснилъ, что это судно называется *англійскій ботъ;* что ходитъ оно подъ парусами, по вѣтру и противъ вѣтра. Хожденіе *противъ вѣтра* показалось Петру до того чудеснымъ, что онъ желалъ поскорѣе испытать ходъ судна. Но, для этого потребовалось прежде починить ветхій ботъ. Для починки призванъ былъ Тиммерманомъ голландецъ же, корабельный плотникъ Карштенъ Брандтъ, давно уже бывшій въ Москвѣ безъ дѣла. Въ скорѣйшее время починивъ ботъ, Брандтъ спустилъ его на Яузу и лавировалъ передъ царемъ; однако, не совсѣмъ удачно. По узкости рѣки трудно было судну поворачиваться, не задѣвая берега.

Чтобы помочь этому горю, Петръ приказалъ перетащить ботъ на обширный «Просяной прудъ», въ Измайловѣ же, гдѣ ширина воды доходила до 400 сажень. Когда же и это не удовлетворило любопытство государя — приближонные сказали, что есть за Лаврою широкое озеро Плещеево, въ Переяславлѣ. Дѣло было въ юнѣ мѣсяцѣ 1688 г. Послѣ имянинъ своихъ Петръ присталъ къ матери, прося пустить его къ празднику Сергія въ Лавру «помолиться». Оттуда же проѣхалъ въ Переяславль. Въ первый разъ увидѣвъ передъ собой 10-ти верстную длину и 8-ми верстную ширину озера, казавшагося безграничнымъ моремъ, Петръ почувствовалъ новое, незнакомое доселѣ чувство, выказывающее природное призваніе моряка. Съ головой, полной тьмою идей и плановъ, поспѣшилъ молодой государь скорѣе къ матери въ Москву: проситься пожить подольше въ Переяславлѣ, чтобъ настроить тамъ судовъ и плавать по озеру. Говоря словами Петра,—«мать и нехотя согласилась».

Кромѣ Карштена Брандта, теперь взялъ съ собою въ Переяславль царь еще другого мастера Корта (на слѣдующій годъ и умершаго) и выбралъ мѣсто для стройки судовъ, при устьѣ рѣчки Трубежа. Весь іюль и часть августа на этой игрушечной верфи провозился юный царь-кораблестроитель, къ осени воротившись въ Преображенское. Тамъ же, съ новой земляной крѣпостцы его, скоро послышались первые пушечные выстрѣлы, встревожившіе правительницу. Сентября 7-го Петръ потребовалъ къ себѣ всѣхъ барабанщиковъ Бутырскаго полка, а ноября 13-го перевелъ въ Преображенское большую часть стрѣльцовъ полка Сухарева, забравъ изъ конюшеннаго приказа всю упряжь подъ свою артиллерію. Неудовольствіе царевны-правительницы на своего младшаго брата достигло крайней степени; тѣ же чувства питалъ къ нему и любимецъ ея, кн. Голицынъ. Онъ и она стали понимать, что управиться съ неугомоннымъ Петромъ будетъ не такъ-то легко. Царевна, между тѣмъ, распространяла вездѣ слухъ, что братъ ея сталъ совсѣмъ пьяницей, *ни къ чему путному неспособный*, по этому вѣрили очень немногіе. Она же, еще въ указѣ 26 апрѣля 1686 года, назвала себя самодержицей, а къ 1 сентября 1686 года пущена была Шакловитымъ по рукамъ стрѣльцовъ челобитная—для собранія какъ можно больше подписей—о предложеніи престола Софіи Алексѣевнѣ. Подписка эта шла, однако, и между стрѣльцами очень туго, такъ что, наканунѣ новолѣтія, Шакловитый объявилъ, будто государыня *не согласна*, «чтобы не было братьямъ ея въ гнѣвъ и въ безчестье». Другими словами,—это значило, что правительница отчаялась въ успѣхѣ достиженія этимъ путемъ короны. Но совсѣмъ оставить свои намѣренія ей и въ умъ не приходило. Въ головѣ у ней уже созрѣвалъ планъ: извести младшаго брата, становившагося поперегъ дороги.

Съ рисунка XVIII вѣка, рис. на дер. А. И. Нисчинковъ, грав. Э. Даммюллеръ.

Домикъ, гдѣ обиталъ Петръ I въ городкѣ Зоондамѣ, съ 8 по 15 августа 1697 года,

нанявъ его у кузнеца Геррита Киста

Съ современной гравюры, рис. на дер. И. С. Пановъ, грав. Ф. Герасимовъ.

Торжественный въѣздъ „великаго московскаго посольства“ въ Амстердамъ 16 августа 1697 года.

Сцена представляетъ слѣдованіе каретъ пословъ черезъ Маансъ-Бругъ, къ гостинницѣ Уде-Зейдсъ, у которой поставленъ почотный караулъ.

II.

Участь наша — лоттерейный выигрышъ у судьбы!
Изъ драмы.

Кому много дано — многое еще прибавится.
Изъ церковнаго поученія.

Съ самаго заключенія мира съ Польшею, царевна уже *спала и видѣла,* какъ бы *ей вѣнчаться на царство.* Съ совершеніемъ священнаго обряда думала она показаться въ глазахъ народа имѣющею яко бы право на захваченную власть; сама же, въ душѣ, Софья сознавала всю незаконность присвоенья ея, предъ лицомъ царей-братьевъ. Тогда какъ ближайшіе пособники правительницы поддерживали въ ней честолюбивыя стремленія, каждый, въ свою очередь, разсчитывая на извѣстную степень власти, при достиженіи ею горячо желаемаго престола. Съ княземъ Василіемъ Васильевичемъ Голицынымъ и сама она хотѣла раздѣлить корону; постригши въ монахини жену его, Авдотью Ивановну (урожденную Стрешневу). Монахъ Сильвестръ Медвѣдевъ—писака и краснословъ, съ честолюбіемъ очень развитымъ,—хотѣлъ быть не меньше, какъ патріархомъ; столкнувъ Іоакима, съ своей стороны его выдававшаго еретикомъ. Самый же дѣятельный слуга царевны—Ѳ. Л. Шакловитый, разсчитывалъ смѣнить, при случаѣ, и самого князя Голицына, занявъ его мѣсто при царевнѣ, въ интересахъ которой оказывался онъ ревностнѣйшимъ дѣльцомъ, не останавливаясь и передъ тяжестью преступленія. Онъ даже не остерегался говорить царевнѣ прямо, въ присутствіи ея женщинъ: «Чѣмъ *тебѣ,* государынѣ, *не быть,* — лучше царицу известь».

Умный же Голицынъ только разъ всего проговорился: — «какъ худо поступили, что не уходили царицу Наталью вмѣстѣ съ братьями!»

Партія противниковъ царевны и ея настолько откровенныхъ дѣльцовъ, была не такъ многочисленна и отважна, но за то къ ней принадлежалъ патріархъ, отъ Софьи не ожидавшій себѣ ничего хорошаго. Нарышкины, конечно, стояли уже противъ правительницы, зорко слѣдя за всѣми ея затѣями, особенно Левъ Кирилычъ. Да и князь Борисъ Алексѣевичъ Го-

лицынъ — дядька царя Петра, привязавшійся къ нему искренно и беззавѣтно, не смотря на близость родства съ временщикомъ, княземъ Василіемъ Васильевичемъ.

За этими уже, передовыми въ партіи Петра и его матери, стояли родные братья—вдовы царя Ѳедора — Апраксины, да Стрешневы—родня воспитателя младшаго царя; со свойственниками своими Шереметевыми.

Всѣхъ ихъ озадачивала отвага Софьи Алексѣевны—*назвать себя самодержицей,* при объявленіи наградъ по случаю мира съ Польшею. Она же не ограничилась и этимъ, а 26 апрѣля 1686 г. разослала еще наказныя памяти съ прописаніемъ этаго титула. «Для чего учала она писаться съ великими государями обще? У насъ люди есть и того дѣла не покинутъ!» отозвалась на это посягательство одна царица Наталья. Софья не сочла за нужное и обратить вниманія на слова мачихи, но, еще 19-го мая, вмѣстѣ съ братьями, простояла въ Чудовомъ монастырѣ вечерню и пошла вслѣдъ за мощами, переносимыми самими царями въ церковь Св. Михаила Архангела.

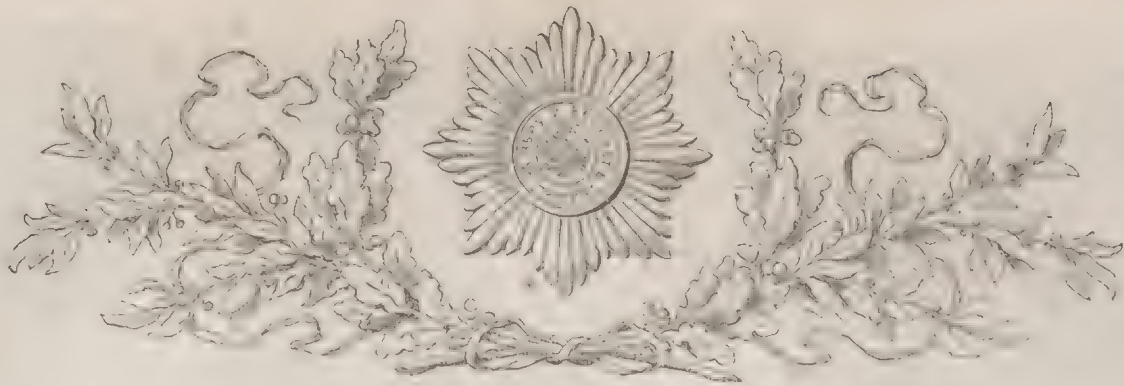
Съ этого дня стали замѣчать въ народѣ, что, когда царевна являлась въ подобной процессіи въ городѣ, съ нею бывалъ одинъ только царь Иванъ. Зная и видя изъ этого, что Петръ неравнодушенъ къ присвоенію ею власти, Софья сама удвоила шпіонство за каждымъ шагомъ его и матери. Шакловитый, въ Марьиной рощѣ, устроилъ пыточный застѣнокъ и сталъ туда хватать за всякое нескромное слово, проявлявшее сочувствіе къ младшему царю. Исчезновеніе людей дѣлалось примѣтнымъ, но никто не смѣлъ спрашивать о подобной пропажѣ. Одинъ изъ первыхъ поплатился за неосторожность — стольникъ Григорій Языковъ. Промолвилъ онъ только: «Государское имя царя Петра Алексѣевича видимъ, а бить челомъ ему ни о чомъ не смѣемъ!» и—его увели въ домъ къ Шакловитому; пытали и сослали въ деревню. Дьяконъ дворцовой церкви Воскресенія, Никифоръ, тоже пропалъ, привлечонный въ Марьину рощу. Много и другихъ безвѣстно погибло, за что и про что, никто не провѣдалъ даже. Подозрительность Софьи перешла всякую мѣру. Изъ показаній Елизарьева съ товарищами открылось, въ послѣдствіи, какъ подговаривалъ ихъ Шакловитый писать челобитную отъ приказовъ стрѣлецкихъ великимъ государямъ о вѣнчаньѣ царскимъ вѣнцомъ царевны Софьи.

Какъ ни тайно она это дѣлала, но царица Наталья, однако, вѣроятно узнала про всѣ закулисныя приготовленія, потому что Софья, чрезъ нѣсколько дней, подговаривала уже стрѣльцовъ убить мачиху, выражаясь категорически: «Зачинаетъ царица бунтъ съ братьями и съ княземъ Борисомъ Голицынымъ; да и патріархъ на меня посягаетъ!»

Шакловитый предлагалъ стрѣльцамъ: *этихъ бы воровъ принять!* (что значило убить). «Жаль мнѣ ихъ — прикидываясь милосердою, промолвила царевна, какъ бы противясь этому — и безъ того уже Богъ убилъ!»

— Воля твоя, что изволишь, то и дѣлай, государыня! — съ поклономъ повторили стрѣльцы, расходясь. Не такой, однако, скорой сдачи и миролюбія ожидала отъ нихъ царевна Софья.

Еще настойчивѣе сталъ возбуждать Шакловитый, угрожая нерѣшительнымъ грядущими бѣдствіями отъ матери и выроставшаго Петра. — «Всѣхъ насъ хотятъ перевесть; царевну—Нарышкинъ Левъ, да Голицынъ Борисъ, дѣвкой называютъ; выгнать хотятъ. Безъ нея же мы всѣ пропадемъ. А всѣмъ царица мутитъ!» Но и это не подвинуло къ бунту.

Клевреты Шакловитаго, Гладкій и Чермный, передъ стрѣльцами иначе не называли теперь мать-царицу, какъ *медвѣдицей*, а Петра—*пьяницей*. «Его съ ума споили», повторялъ Гладкій,—«только на органахъ, да на скрипицахъ знай дуетъ!»

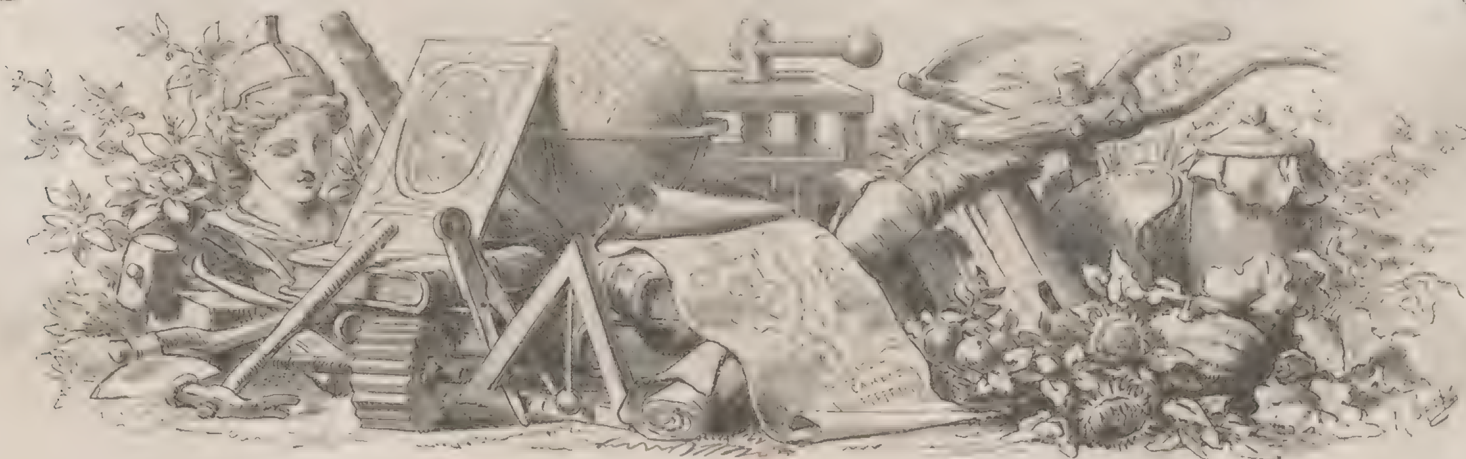
Никто не вѣрилъ, однако, этимъ наглымъ клеветамъ, а умъ царевны заняла корона со всѣмъ очарованіемъ власти, такъ что она до того забыла осторожность, что приказала вырѣзать свой портретъ на мѣди, въ коронѣ и со скипетромъ. Да заказала съ него еще сдѣлать гравюру въ Голландіи, съ витіеватыми подписями подъ аллегорическими изображеніями несуществовавшихъ у ней добродѣтелей.

Но и этимъ неограничились затѣи ея честолюбія. Воображеніе, разъ возбужденное страстью, вѣритъ въ возможность чудесъ и легко поддается внушеніямъ, отвергаемымъ разумомъ. Величайшій умъ политика, — какой выказывался въ дѣлахъ у князя Василья Васильевича Голицына, — и тотъ поддался до того суевѣрію, что сталъ искать *вѣдуновъ*. Выписавъ изъ Польши какого то Митьку Силина, князь вѣрилъ его бреднямъ и предсказаніямъ, для которыхъ всходилъ мнимый чародѣй на Ивановскую колокольню *смотрѣть на солнце*. Вѣрилъ этому предсказателю и Сильвестръ Медвѣдевъ, забравъ въ голову патріаршество. И все это творили честолюбцы въ ту уже пору, когда Петръ сталъ явно выказывать стремленіе къ власти и началъ возставать противъ вмѣшательства сестры въ правленіе.

Вопросъ: *кому быть* изъ нихъ на тронѣ: брату или сестрѣ—приходилъ къ развязкѣ.

Со временъ Михаила бывалъ крестный ходъ, 8 іюля, изъ Кремля въ Казанскій соборъ (что у Воскресенскихъ воротъ, въ Китаѣ городѣ, на углу Никольской улицы). Въ этомъ ходу обыкновенно бывали цари, *лично*. Въ 1689 году, Петръ и Иванъ со всѣмъ царскимъ семействомъ были у обѣдни въ этотъ день, въ Успенскомъ соборѣ. Когда кончилась служба, младшій царь подошолъ къ правительницѣ и сказалъ ей: *чтобы она въ крестный ходъ не ходила*. Софья же, на зло ему, взяла еще въ руки икону «о тебѣ радуется» и явилась народу съ образомъ въ рукахъ. Петръ, увидя это, — не пошолъ въ ходу, а уѣхалъ къ себѣ, въ Преображенское. Софья не могла не примѣтить его исчезновенія и приготовилась теперь къ борьбѣ съ братомъ,—уже оружіемъ.

Шакловитый, зная, что Петръ ѣздитъ обыкновенно поздравлять съ ангеломъ тетку, Анну Михайловну (25 іюля), жившую въ Вознесенскомъ монастырѣ, съ наступленіемъ дня имянинъ ея поставилъ 50 стрѣльцовъ у Краснаго крыльца и, по звуку набатнаго колокола на Спасской башнѣ, велѣлъ

Съ гравюры Шонебека, рис. и грав. Ос. Май.

Иллюминація въ новый 1704 годъ въ Москвѣ, на Красной площади, по случаю завоеванія Ингерманландіи.

Главный щитъ и къ нему прилегавшіе транспаранты.

Со старинной гравюры, рис. и грав. Ос. Май.

Кремль московскій въ началѣ XVIII вѣка.

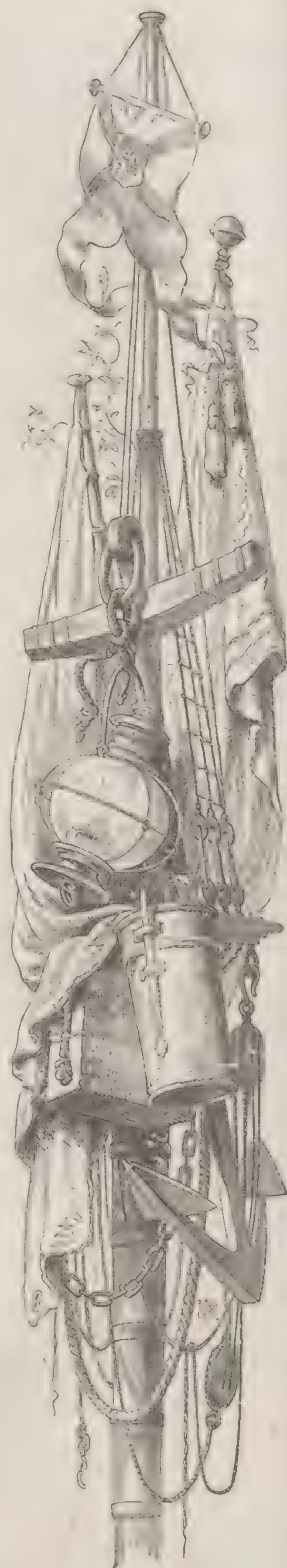
Изъ за стѣнъ, со стороны Москвы рѣки, видны зданія старинныхъ приказовъ, царскій дворецъ съ садами и соборы (до пожара 1737 года).

Штурмъ крѣпости Нотеборга, 11 октября 1702 года.

имъ,—*хватать кого будетъ велѣно*. Въ набатъ же ударить сбирался онъ, если Петръ войдетъ въ Кремлевскій дворецъ. А Петръ у тетки былъ, а ко дворцу и не подошолъ.

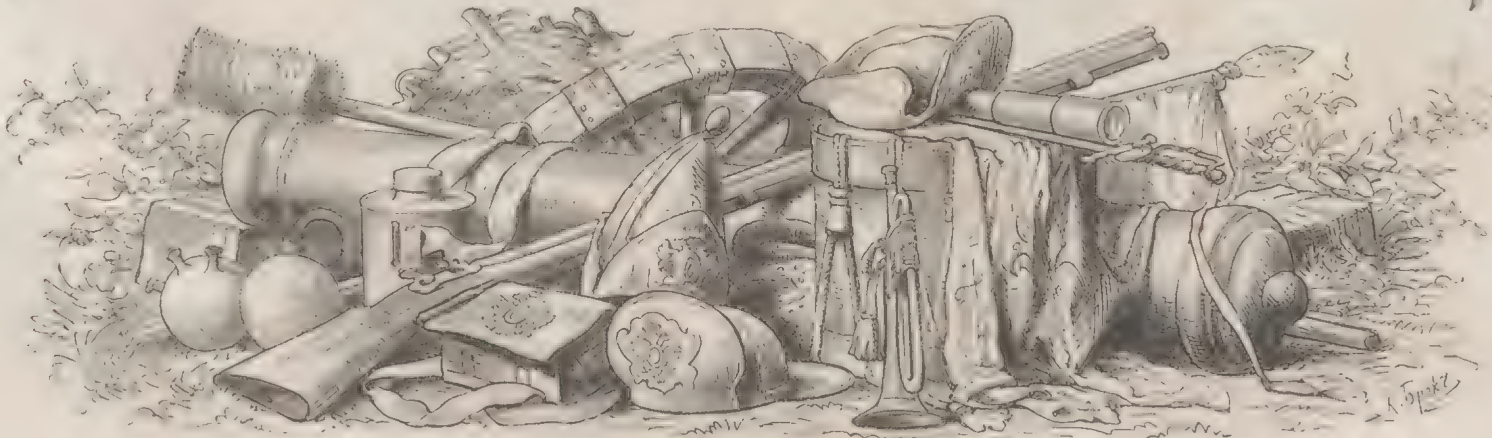
Черезъ три дня Шакловитый призвалъ стрѣлецкихъ урядниковъ и велѣлъ имъ *при удобномъ случаѣ* перебить всѣхъ самыхъ явныхъ сторонниковъ Петровыхъ, но стрѣльцы потребовали царскаго письменнаго указа на то, безъ того отказываясь и слушать набатъ. Петръ узналъ, вѣроятно, послѣдній призывъ и потребовалъ прислать къ себѣ яраго крамольника, стрѣльца Стрижева; за отказъ же въ доставкѣ его арестовалъ, въ Измайловѣ, самого Шакловитаго. Царевна сильно перепугалась, но ея Ѳедоръ Леонтьевичъ какъ то вывернулся на этотъ разъ передъ гнѣвнымъ царемъ и, скоро отпущенный, сталъ самъ уже прятаться; оставаясь и ночевать во дворцѣ, въ грановитой палатѣ. Софья, между тѣмъ, распустила слухъ о намѣреніи Петровыхъ *потѣшныхъ* напасть, будто бы, на Кремлевскій дворецъ. Въ самомъ же дѣлѣ, думала она привести, въ ночь на Преображеніе, вооруженныя толпы въ Преображенское село *пострящать*,—(что на стрѣлецкомъ языкѣ имѣло одно значеніе со словомъ *уходить, пришять, покончить* и проч., т. е. *побить)*.

Однако, праздникъ 6 августа прошолъ тихо. Уже въ ночь на 8-е число, царевна приказала собрать 400 стрѣльцовъ, съ заряженными ружьями, на случай, будто-бы, прихода самого Петра въ Кремль: чтобы дать отпоръ ему. Другимъ же при этомъ говорилось, что царевнѣ ночью охота припала итти помолиться въ Донскомъ монастырѣ, куда и пойдетъ она подъ защитою войска. И этому могли многіе повѣрить, потому что, во время бытности Голицына въ Крымскомъ походѣ, царевна не разъ хаживала ночью молиться въ Донской монастырь. И стрѣльцы полюбили подобные наряды, потому что каждый разъ получалось на человѣка *рубля по два*, за походъ;—по времени деньги большія. Коноводы же небоязненно хвалились уже: какъ они и кого *будутъ отправлять* къ праотцамъ, по звуку Спасскаго набата. Все было, казалось, столковано уже хорошо; расписаны и заучены исправно роли, а трагедія—опять неудалась!

Въ самыхъ толпахъ преданныхъ слугъ царевны нашлись люди, расположенные на столько къ дѣлу Петра, что, не смотря на всю заманчивость обѣщаній Шакловитаго, считавшаго ихъ своими, и ничего отъ нихъ не скрывавшаго, — они разрушили всѣ расчоты коварнаго честолюбца.

Въ *Стремянномъ* полку, на который больше всего расчитывали и Шакловитый, и Софья,—потому преимущественно и назначая его для исполненія своихъ замысловъ, — были люди, въ рѣшительную минуту *вспомнившіе Бога*. Первымъ изъ нихъ оказался, ласкаемый Софьею, пятисотенный Ларіонъ Елизарьевъ, а съ нимъ: пятидесятники Дмитрій Мельновъ, Ипатъ Ульфовъ, да десятники Ладогинъ, Ѳеоктистовъ, Турка, Троицкій и Капрановъ. До 28 іюля, всѣ эти люди были готовы умереть за правительницу, но содрогнулись и они отъ приказа ея *побить сторонниковъ Петра*.

Вечеромъ 7 августа, Гладкій послалъ послѣднихъ троихъ, (изъ перечисленныхъ 8-ми), въ село Преображенское: наблюдать за царемъ. А Мель-

нову удалось видѣть: какъ запирали ворота Кремля, въ которомъ посажены стрѣльцы, и какъ билъ неистовый Гладкій, Петрова стольника Плещеева. Оба эти признака начатья нешуточнаго дѣла, показались Елизарьеву до того подозрительными, что онъ, взявъ клятву съ товарищей *спасти Петра*, послалъ Мельнова и Ладогина въ Преображенское: донести молодому царю, объ угрожавшей ему опасности.

Посланные Елизарьева прискакали въ село Преображенское въ полночь, когда всѣ уже спали. Царя разбудили, однако, и онъ, съ просонья, разомъ услышалъ отъ прибывшихъ весь ужасъ своего положенія. Подъ живымъ ощущеніемъ опасности, босой, въ сорочкѣ, бросился Петръ на коня и, одѣвшись въ лѣсу уже,—куда принесли ему платье,— поскакалъ по Троицкой дорогѣ, искать спасенія въ лаврѣ св. Сергія. У воротъ монастыря сняли государя съ коня совсѣмъ истомленнаго, въ 6-мъ часу утра, и уложили въ постель. По требованію царя ворота монастырскія архимандритъ Лаврентій тутъ-же заперъ, пропуская только прибывавшихъ царицъ, да потѣшныхъ, съ вѣрными стрѣльцами полка Сухарева.

Царевна за два часа до свѣта вышла изъ Кремля и, остановясь въ Китаѣ, у Казанскаго собора, вошла въ него служить молебенъ. Изъ церкви посылала она звать къ себѣ Голицына; но тотъ непріѣхалъ, отозвавшись болѣзнью. Пока ѣздили за нимъ, Шакловитому донесли, что царь уѣхалъ изъ Преображенскаго. «Вольно ему, взбѣсясь бѣгать!» отозвался, притворяясь спокойнымъ, хитрый Шакловитый, вѣроятно, думая не то, что говоритъ, когда, отъ этой же самой вѣсти, пришла въ ужасъ Москва.

Днемъ собралось въ лавру уже такое число вѣрныхъ слугъ государя, что Петръ потребовалъ отъ сестры объясненія о ночномъ сборѣ стрѣльцовъ въ Кремль;—да велѣлъ прислать къ себѣ полковника Стремяннаго полка Циклера, которому царевна во всемъ довѣряла. Сперва, боясь за участь Циклера, Софья не хотѣла его пустить, а отпуская никакъ не думала, что онъ сдѣлается ея уличателемъ;—какъ вышло на самомъ дѣлѣ. Циклеръ же и потребованъ Петромъ, самъ вызвавшись: открыть все ему извѣстное; отчаявшись уже въ успѣхѣ дѣла царевны.

Показанія его и тѣхъ осьми человѣкъ, которые предупредили царя, въ ночь на 8-е августа,—раскрыли вполнѣ козни Софьи. Она же, не подозрѣвая подобныхъ открытій, послала боярина князя Ивана Борисовича Троекурова склонять Петра воротиться въ столицу. Отвѣтомъ царя были грамоты, призывающія въ лавру: «для великаго государева дѣла», на 18-е число, офицеровъ всѣхъ полковъ, съ 10-ю рядовыми, еще, изъ каждаго.

Грамоты посланы 13-го августа прямо въ стрѣлецкія слободы и не велѣно отдавать ихъ въ приказѣ. Не многимъ изъ посланныхъ удалось, однако, исполнить послѣднее въ точности: многихъ посыльщиковъ схватили еще на заставахъ, а грамоты отняли. Царевна же собрала полковниковъ и запретила имъ, говоря словами ея—*мѣшаться въ распрю ея съ братомъ*. Такъ что, до 25 августа, никто не являлся въ лавру. Между

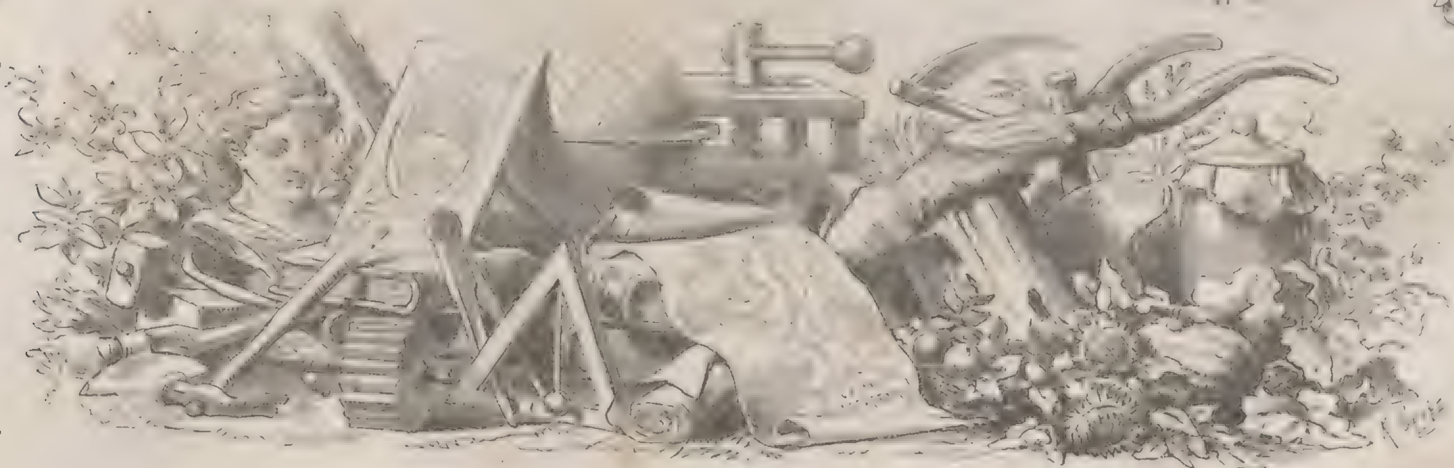

Рис. съ нат. А. Н. Нисченковъ, грав. К. Вейерманъ.

Наружный видъ домика Петра I, въ С.-Петербургѣ,

построеннаго въ первый годъ по основаніи Петербурга (1703 г.), гдѣ и живалъ государь до 1712 года постоянно, во время пріѣздовъ въ свой невскій „парадизъ“.

Рис. съ нат. А. Н. Нисченковъ, грав. Л. А. Сѣряковъ.

Внутренность домика Петра I въ настоящемъ ея видѣ.

Рабочій кабинетъ государя, называвшійся у современниковъ его „токарною“.

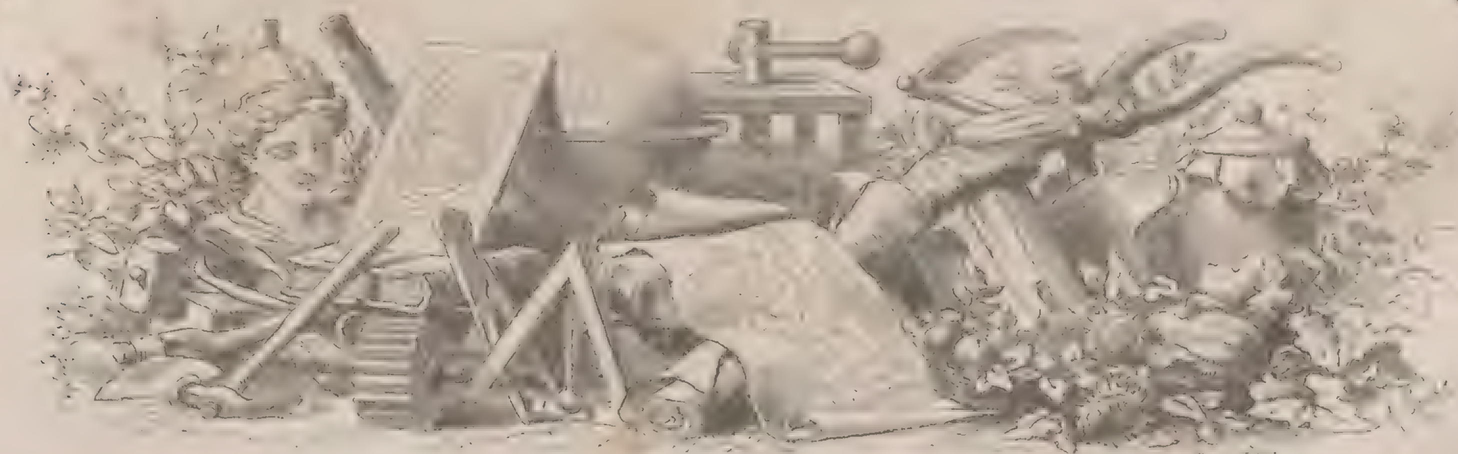
тѣмъ, уговорила Софья брата Ивана, послать отъ себя князя Прозоровскаго—убѣждать Петра къ возврату и примиренію. Когда же воротился и этотъ посланникъ безъ успѣха, послала она патріарха. Но, онъ остался и совсѣмъ въ лаврѣ. Жалуясь на мнимую измѣну святителя, Софья вздумала напугать стрѣлецкихъ жонъ: что мужьямъ ихъ, бывшимъ у Троицы, худо будетъ за ихъ упрямство,—что остаются у царя Петра. Но и эта угроза нисколько не помогла дѣлу. А тутъ прислалъ Петръ новыя грамоты, отъ 27 августа, повелѣвая, чтобы всѣ полковые чины, съ десятью рядовыми выборными, прибыли къ нему изъ каждаго полка «безъ мотчанья и отлошки»—если же кто неявится, «тому быть въ смертной казни.

Пять полковниковъ, да 500 урядниковъ, кромѣ рядовыхъ, не слушая теперь и запрета правительницы, немедленно поскакали къ Троицѣ и были впущены въ монастырь.

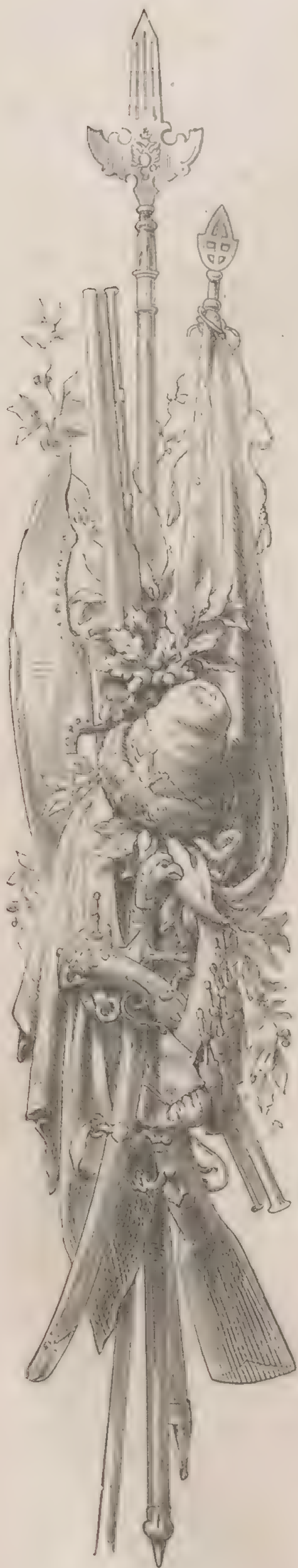
Царь съ матерью и патріархомъ вышелъ къ нимъ изъ палатъ своихъ на нижнюю площадку крыльца и объявилъ объ умыслахъ сестры и Шакловитаго. Дьякъ тутъ же прочолъ вслухъ и распросныя рѣчи повинившихся, послѣ которыхъ не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія о затѣвавшемся страшномъ дѣлѣ. Тронутые стрѣльцы «возопили слезнымъ воплемъ», что «Ѳедькина умысла они невѣдали, великимъ государямъ служить ради и во всемъ волю государскую исполнять готовы!» Братья Сапоговы тутъ же вслухъ разсказали откровенно, какъ подсылалъ ихъ Шакловитый: ѣздить съ переодѣтымъ подъячимъ Шошинымъ, называвшимся Нарышкинымъ и бившимъ стрѣльцовъ, — чтобы озлобить ихъ и подбить на убійство царицы Натальи Кириловны; — *даже самого государя!*

Воспламенившись яростью отъ послѣдняго извѣта, стрѣльцы полка Сухарева просили Петра, позволить имъ итти съ оружіемъ на царевниныхъ приверженцевъ, но царь не согласился, а послалъ только взять Шакловитаго, отрядивъ по 10-ти стрѣльцовъ, отъ каждаго полка, и ввѣривъ отрядъ этотъ полковнику Нечаеву. Это распоряженіе послѣдовало 29-го августа.

Въ этотъ самый день—Усѣкновенія предтечи,—когда въ лаврѣ клялись стрѣлецкіе чины исполнять волю царя Петра, Софья задумала переломить свою надменность и, явившись сама къ младшему брату: употребить все свое умѣнье, чтобы склонить его къ забвенію прошлаго. Въ этихъ разсчетахъ, она выѣхала изъ Москвы на Троицкую дорогу, и у загороднаго двора Шеина простилась со своими наиболѣе приближонными. Вотъ достигла она села Воздвиженскаго, того самаго, гдѣ за семь лѣтъ, по приказу ея схваченъ и казненъ, казавшійся опаснымъ ей, князь Иванъ Хованскій. До лавры оставалось всего десять верстъ и она думала добраться до ней еще къ вечеру. Вдругъ останавливаютъ поѣздъ ея и комнатный стольникъ Петра, И. И. Бутурлинъ, именемъ государя объявляетъ, что запрещено ей далѣе ѣхать. «Конечно, поѣду», отвѣчаетъ гнѣвная царевна и думаетъ продолжать путь, какъ новый посолъ, бояринъ,—ею же посыланный въ лавру—князь Иванъ

Борисовичъ Троекуровъ, вторично передастъ запретный указъ, съ прибавкою угрозы, что, въ случаѣ прибытія, «съ нею поступлено будетъ нечестно!» Злоба закипѣла въ сердцѣ правительницы съ неукротимою силою, но пришлось покориться. Воротясь ночью на 1-е сентября,—тогдашній новый годъ,—царевна позвала къ себѣ коноводовъ стрѣлецкихъ своей партіи. Передъ ними излилась она въ жалобахъ: «чуть не застрѣлили меня», начала царевна, «наскакали на меня въ Воздвиженскомъ съ самопалами многіе люди, такъ что на силу ушла. А все Лопухины, да Нарышкины затѣваютъ извести царя Ивана. И до моей головы доходитъ. Послужите намъ.... не ходите къ Троицѣ.... Да... кому вѣрить! Пожалуй и вы побѣжите. Цѣлуйте лучше крестъ!»—*Крестъ ей поданъ.* Держа сама его, царевна заставила присягать себѣ на символѣ спасенія, промолвивъ грозно: «если побѣжите—крестъ недопуститъ. Письма коли будутъ изъ похода—нести въ верхъ, а у съѣзжихъ избъ не читать!»

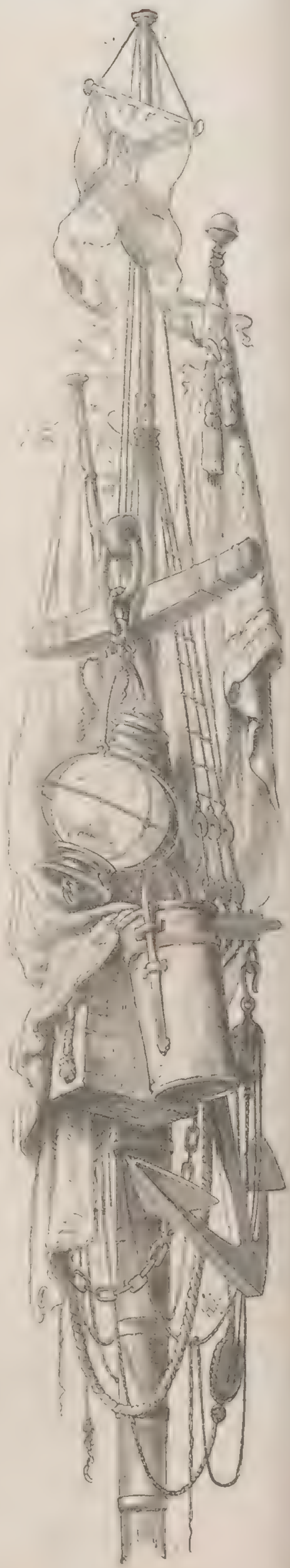
Но и это неисполнилось. Посланные съ Нечаевымъ, объѣхавъ проселкомъ сторожившій ихъ отрядъ Айгустова, прочли воззваніе Петра у съѣзжихъ избъ. А самъ предводитель отдалъ царскій указъ дьяку стрѣлецкаго приказа, на Красномъ крыльцѣ.

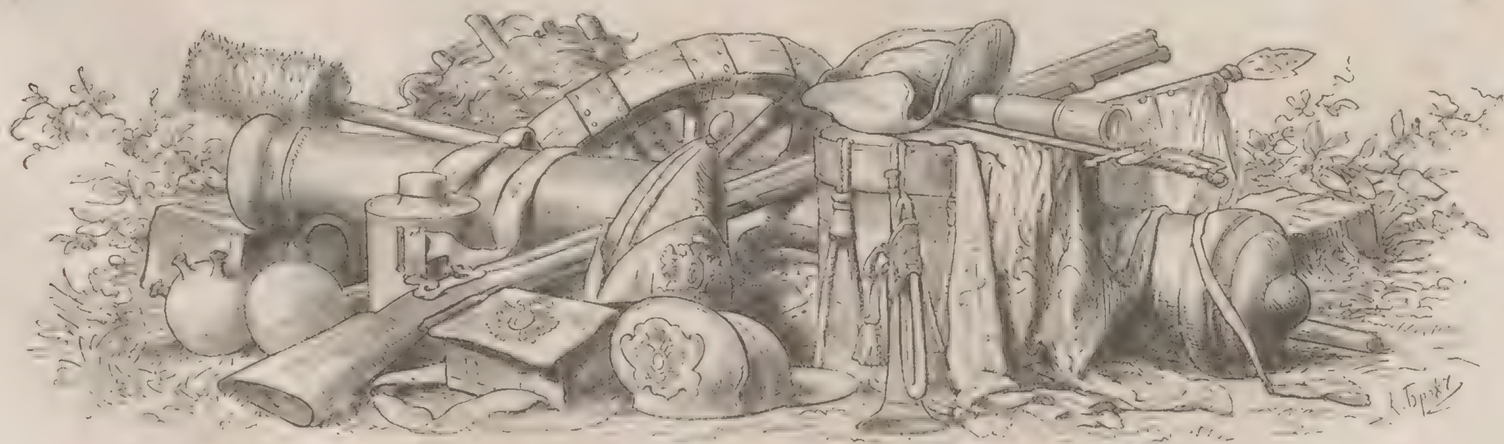
«Какъ смѣлъ ты исполнять такой приказъ?» грозно спросила царевна у полковника, призвавъ его вверхъ къ себѣ. «Я не могъ ослушаться государя», отвѣчалъ ей Нечаевъ.—«Срубить ему голову!» приказала разгнѣванная Софья. Но никого не нашлось, кто привелъ бы въ исполненіе этотъ приговоръ, и полковникъ остался живъ. Стрѣльцы же, которымъ прочитаны грамоты Петровы, отозвались: «мы за воровъ не стоимъ, и буде ихъ сыщемъ, исполнимъ указъ!» Напрасно царевна выходила на площадь, угощала стрѣльцовъ и уговаривала народъ, припоминая дѣянія своего семилѣтняго правленія. Ее слушали, но оставались холодными. Призвавъ иноземцевъ, она подчивала и ихъ виномъ, а потомъ позвала Шакловитаго и съ нимъ вмѣстѣ сочинила воззваніе къ народу, обвиняя въ остудѣ къ себѣ брата Петра—Нарышкиныхъ.

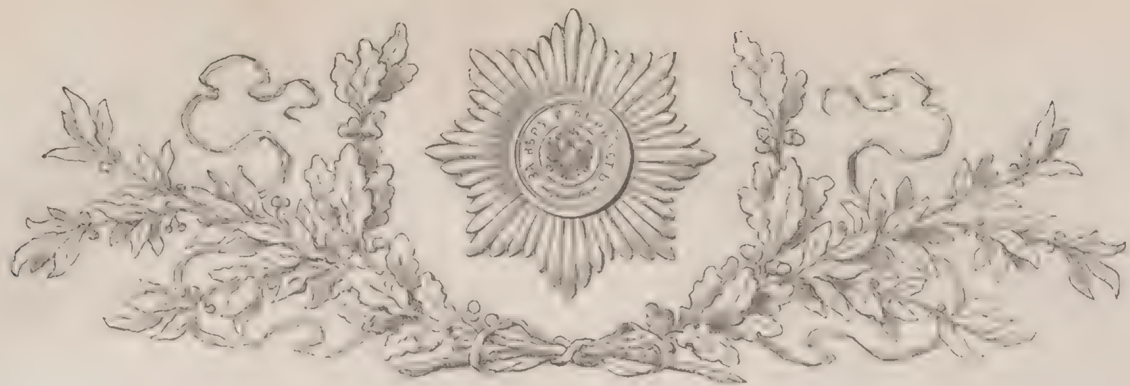
Въ мятежномъ воззваніи взводила царевна на родню своей мачихи нелѣпыя преступленія. Какой-то, будто-бы, Нарышкинъ прибралъ потѣшныхъ конюховъ, отъ которыхъ «чинятца насилія людямъ, а жалобъ царь Петръ непринимаетъ». А другой Нарышкинъ, будто-бы, «забросалъ полѣньями комнаты царя Ивана и изломалъ царскій вѣнецъ».

Но, пока къ этому воззванію придѣлывалъ витіеватое вступленіе Шакловитый, его самого арестовали и 7-го сентября стрѣльцы заставили выдать Петру. Въ тотъ же день сдѣланъ былъ преступнику допросъ, а за тѣмъ — пытка, съ которой клевретъ Софьинъ во всемъ повинился, что показывали на него извѣтчики.

А на слѣдующій день Шакловитый далъ собственноручное признаніе во всѣхъ винахъ своихъ; въ заключеніе упомянувъ и о воззваніи, сочиненномъ имъ, по приказу царевны, для возбужденія мятежа въ народѣ, 1-го сентября.

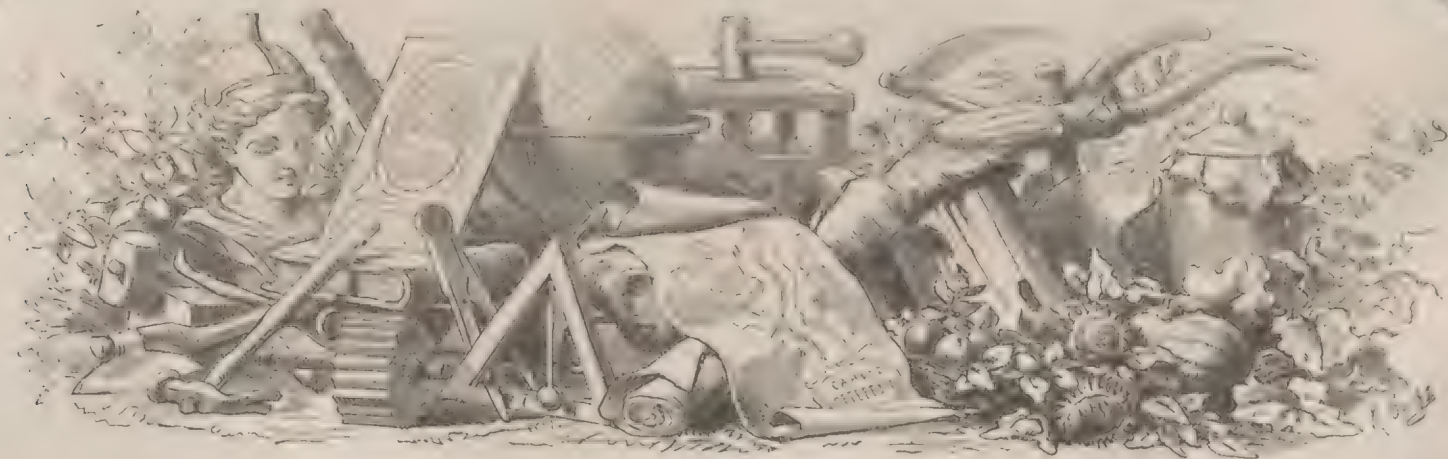

Одни служилые иноземцы, и по полученіи третьей царской грамоты, все еще медлили присоединиться къ сторонѣ царя Петра, до тѣхъ поръ, пока увидѣли уже ропотъ между стрѣльцами, явно порицавшими царевну за невыдачу Шакловитаго. Понявъ, однако, изъ этого, что дѣло Софьи совсѣмъ проиграно и всякое дальнѣйшее промедленіе можетъ кончиться бѣдою для нихъ же самихъ, генералъ Гордонъ, наконецъ, 4 сентября рѣшился распечатать грамоты и прочесть ихъ, въ присутствіи полковниковъ. Но и о томъ онъ счолъ долгомъ представить князю Василью Васильевичу Голицыну почтительную просьбу: вразумить—какъ поступить?—Доложу царевнѣ; ждите указа—отвѣчалъ Голицынъ; но такой отвѣтъ не удовлетворилъ нѣмцевъ, при напавшей на нихъ робости. Вечеромъ же, по взаимному условію, всѣ офицеры тихонько поѣхали къ Троицѣ и къ утру прибыли въ монастырь. Сентября 5-го царь ихъ уже принялъ и обласкалъ, хотя они этого не заслуживали; даже подчивалъ виномъ изъ собственныхъ рукъ. Конечно, въ дневникѣ своемъ; Гордонъ приписываетъ своему пріѣзду въ монастырь рѣшительный поворотъ дѣла въ пользу царя Петра, но обстоятельства представляютъ совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ этотъ переходъ нѣмцевъ на сторону уже явной силы, а не одного права. Оставайся нѣмцы въ Москвѣ, Петръ теперь и безъ нихъ бы обошолся, окружонный народомъ, боярами, служилыми людьми и потѣшными. Сознавая вполнѣ уже свою силу, и имѣя въ рукахъ признанія Шакловитаго, Петръ написалъ въ это время извѣстное письмо свое къ царю Ивану. Высказавъ о самовольномъ захватѣ власти сестрою, «что явилось» особамъ «царскимъ» противное и народу «тягость»—теперь писалъ: «А нынѣ злодѣи наши, Ѳедька Шакловитый съ товарищи, неудоволяся милостію нашею, преступя обѣщаніе свое, умышляли съ иными ворами о убивствѣ надъ нашимъ и матери нашей здоровьемъ, и въ томъ, по розыску и съ пытки винились... А теперь государь, братецъ, настоитъ время нашимъ обоимъ особамъ, Богомъ врученное намъ царствіе править самимъ, понеже пришли есми въ мѣру возраста своего, а третьему зазорному лицу, сестрѣ нашей (ц. С. А.) съ нашими двѣмя мужескими особами въ титлахъ и въ расправѣ дѣлъ быти неизволяемъ; на тобъ и твоя государя моего брата, воля склонилася. Потому что, учала она въ дѣла вступать и въ титлахъ писаться, собою, безъ нашего изволенія; къ тому же еще и царскимъ вѣнцомъ, для конечной нашей обиды, хотѣла вѣнчаться. Срамно, государь, при нашемъ совершенномъ возрастѣ, тому зазорному лицу государствомъ владѣть мимо насъ! Тебѣ же, государю брату, объявляю и прошу: позволь, государь, мнѣ отеческимъ своимъ изволеніемъ, для лучшей пользы нашей и для народнаго успокоенія, не обсылаясь къ тебѣ, государю, учинить по приказамъ праведныхъ судей, а неприличныхъ перемѣнить; чтобъ тѣмъ государство наше успокоить и обрадовать вскорѣ. А какъ, государь братецъ, случимся вмѣстѣ, и тогда поставимъ все на мѣрѣ; а я тебя, государя брата, яко отца, почитать готовъ».

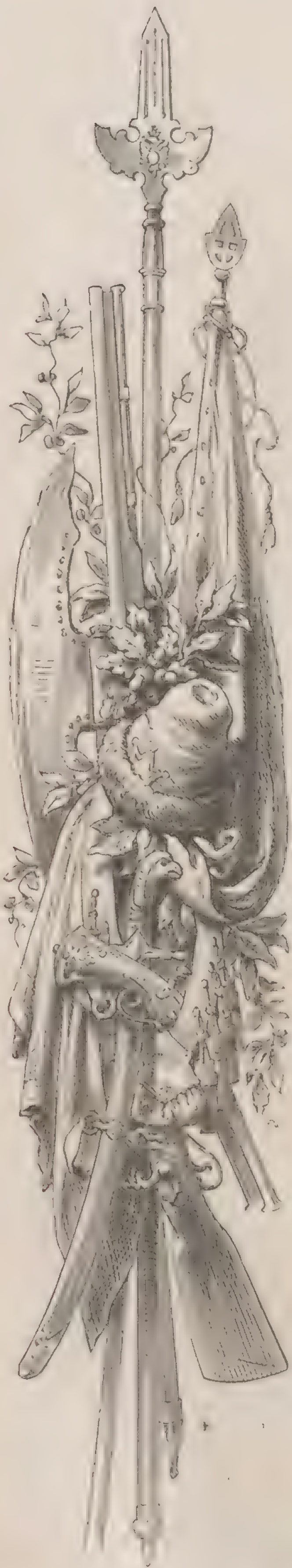
Царь Иванъ принялъ предложеніе брата безпрекословно, предоставивъ

ВЗЯТІЕ КРѢПОЗЫ 9 АВГУСТА 1704 ГОДА.

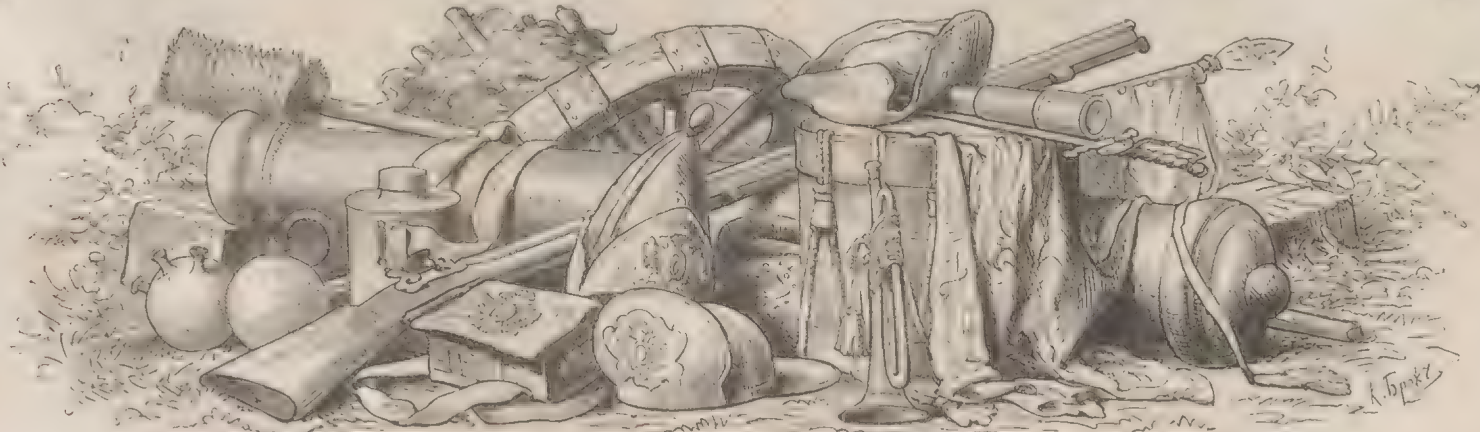
Петру распоряжаться по своей волѣ. Петръ же приказалъ исключить имя Софьи изъ всѣхъ актовъ, гдѣ она упоминалась, и послалъ боярина князя Троекурова просить: удалить сестру въ Новодѣвичій монастырь, назначенный ей для жительства.

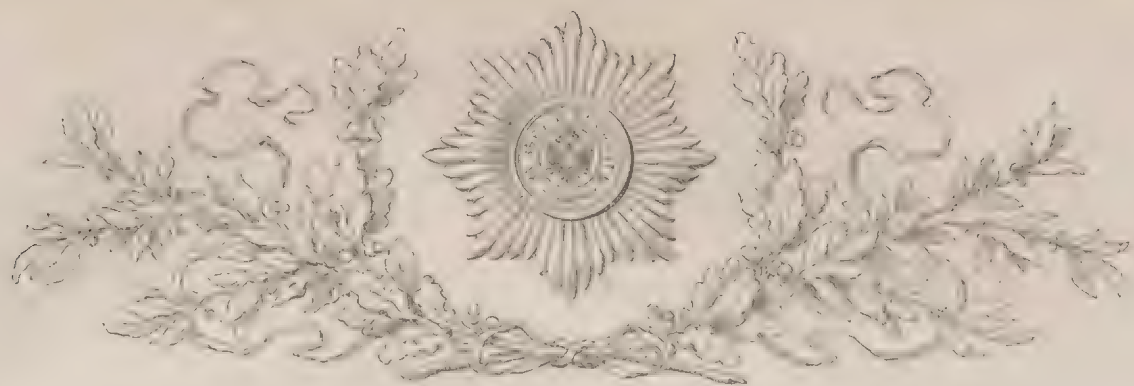
Софья выѣхала изъ Кремля, долго упираясь, уже послѣ 21-го сентября. Для помѣщенія падшей правительницы приготовленъ отдѣльный флигель, окнами на Дѣвичье поле. При ней оставлена прислуга ея и устроены всѣ удобства для жизни, въ замѣнъ свободы. Къ воротамъ же монастыря приставлена стража, подъ командою стольника князя Ѳедора Юрьевича Ромодановскаго, пропускавшаго только тетокъ и сестеръ къ Софьѣ Алексѣевнѣ; и то—по праздникамъ.

Шакловитый казненъ, а князь Василій Васильевичъ Голицынъ лишонъ боярства и посланъ въ ссылку, съ семействомъ.

Не остается ни малѣйшаго сомнѣнія, что со дня казни Шакловитаго (12 сентября 1689 года), началось царствованіе собственно Петрово, такъ какъ царь Петръ въ этотъ же день назначилъ извѣстныхъ ему людей на разные посты въ администраціи. На упразднившееся, со ссылкою Голицына, мѣсто управлявшаго *Посольскимъ приказомъ*, назначенъ дядя царя Петра, Левъ Кириловичъ Нарышкинъ, которому, для выполненія дѣла, данъ въ помощники думный дьякъ Емельянъ Игнатьевичъ Украинцовъ. По другимъ приказамъ, бывшимъ въ завѣдываніи князя Василья Васильевича Голицына, назначены другіе особые начальники: во *Владимірскій судный* приказъ, соединенный съ *Челобитнымъ*, назначенъ князь Михаилъ Григорьевичъ Ромодановскій; *Иноземскій* же, *Рейтарскій* и *Пушкарскій* приказы ввѣрены князю Ѳедору Семеновичу Урусову. На мѣсто Шакловитаго, въ начальники *Стрѣлецкаго* приказа назначенъ бояринъ князь Иванъ Борисовичъ Троекуровъ. Клевретъ же Голицына и Софьи, думный дьякъ Василій Григорьевичъ Семеновъ, распоряжавшійся *разрядомъ*, (по нашему Инспекторскимъ департаментомъ Военнаго Министерства), замѣненъ Тихономъ Никитичемъ Стрешневымъ. Финансовая часть (*приказы Большой Казны, да Большаго Прихода*, гдѣ сосредоточивались государственныя повинности и сборы), со смѣною окольничаго Алексѣя Ивановича Ржевскаго, ввѣрена князю Петру Ивановичу Прозоровскому. *Приказъ Большаго Дворца*, (нынѣшнее управленіе удѣловъ), взятый отъ окольничаго Семена Ѳедоровича Толочанова, переданъ—дядѣ супруги царя Петра,—Петру Аврамовичу Лопухину. *Приказомъ Казеннаго двора* (государственными драгоцѣнностями) велѣно управлять постельничему Гаврилѣ Ивановичу Головкину; впослѣдствіи канцлеру Петра Великаго и графу. Приказъ *Земскихъ дѣлъ*, — управлявшійся думнымъ дьякомъ Даниломъ Леонтьевичемъ Полянскимъ, — переданъ окольничему Михаилу Никитичу Львову, а *Помѣстный*, — взятый у окольничаго Богдана Ѳедоровича Палибина, — отданъ боярину Петру Васильевичу Шереметеву. Сверхъ того, отданы въ управленіе лицамъ, любимымъ Петромъ, приказы: *Московскій судный* (столичная гражданская палата) стольнику князю Якову

Өедоровичу Долгорукову и *Разбойный* (уголовная палата) князю Михаилу Ивановичу Лыкову. Да пятеро остались на прежнихъ мѣстахъ, данныхъ имъ въ правленіе Софьи, а именно: князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ въ приказѣ *Казанскаго дворца*), князь Иванъ Борисовичъ Репнинъ (отецъ будущаго фельдмаршала), *въ Сибирскомъ;* стольникъ Алексѣй Прокофьевичъ Соковнинъ (въ 1697 году участникъ заговора) *въ Конюшенномъ;* князь Василій Өедоровичъ Одоевскій въ *Аптекарскомъ* и думный дьякъ Андрей Андреевичъ Виніусъ, въ *Ямскомъ,* которому подчинены были всѣ сухопутныя пути сообщенія. Еще остался на мѣстѣ же, воеводою въ Бѣлгородскомъ разрядѣ, бояринъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, съ 1702 года фельдмаршалъ. Да удержался на мѣстѣ и гетманъ Малороссіи Мазепа, который былъ въ Москвѣ во время распри царя Петра съ правительницею. Онъ считался любимцемъ и кліентомъ падшаго князя Голицына, и вмѣстѣ съ нимъ пріѣхавъ въ Троицкій посадъ, остановленъ. Петръ долго колебался: смѣнить его, или—оставить; наконецъ принялъ, обласкалъ и отпустилъ съ честью будущаго измѣнника.

Распредѣливъ должности между людьми себѣ преданными, Петръ принялъ предложеніе иноземныхъ генераловъ, — теперь старавшихся показать ему всю свою преданность, — сдѣлать маневры въ окрестностяхъ Александровой слободы. Границы примѣрнаго театра военныхъ дѣйствій,—зрительницами которыхъ были обѣ царицы,—простирались до Лукьяновой пустыни, недалеко отъ Переяславля. Но на озеро, показать женѣ и матери свои кораблики, Петръ почему-то ѣхать теперь удержался.

Между тѣмъ, получено извѣстіе, что царевна Софья водворилась въ монастырѣ и Петръ въѣхалъ въ Москву, встрѣченный жителями столицы еще въ селѣ Алексѣевскомъ, 6 октября. Въ Успенскомъ соборѣ царь Иванъ бросился въ объятія младшаго брата, которому предоставилъ уже полную власть надо всѣмъ.

Съ этаго времени началась для Петра та трудовая, безпритязательная жизнь, когда, оставаясь неограниченнымъ самодержцемъ, онъ работалъ больше всѣхъ и вставалъ раньше всѣхъ.

Изъ людей, удостоенныхъ монаршей довѣренности, у Петра скоро образовался неизмѣнный тѣсный кружокъ, въ средѣ котораго царь являлся за просто: поговорить о дѣлѣ, осушить заздравный тостъ, повеселиться вечеромъ и проститься до новой скорой встрѣчи. Обычнымъ же мѣстомъ собраній кружка бывали дома Лефорта и Головина въ нѣмецкой слободѣ, да городской домъ и подмосковная (село Фили) Льва Кирилловича Нарышкина, дяди государева. Здѣсь происходили веселыя собранія, съ музыкою во всю ночь и танцами, гдѣ Лефортъ чаще всего бывалъ предсѣдателемъ тостовъ, а душою компаніи самъ царь, въ весельѣ-ли, въ трудѣ-ли—всегда первый.

Этотъ кружокъ Петра, кромѣ перечисленныхъ нами начальниковъ отдѣльныхъ управленій, составляли, прежде всего, совоспитанники его; за тѣмъ —

Рис. на дер. А. О. Адамовъ, грав. Ф. Герасимовъ.

Замокъ Ивангородъ,

...шійся Петру I 15 августа 1704 года.

Съ современной гравюры, рис. на дер. А. К. Беггровъ, грав. Л. А. Сѣряковъ.

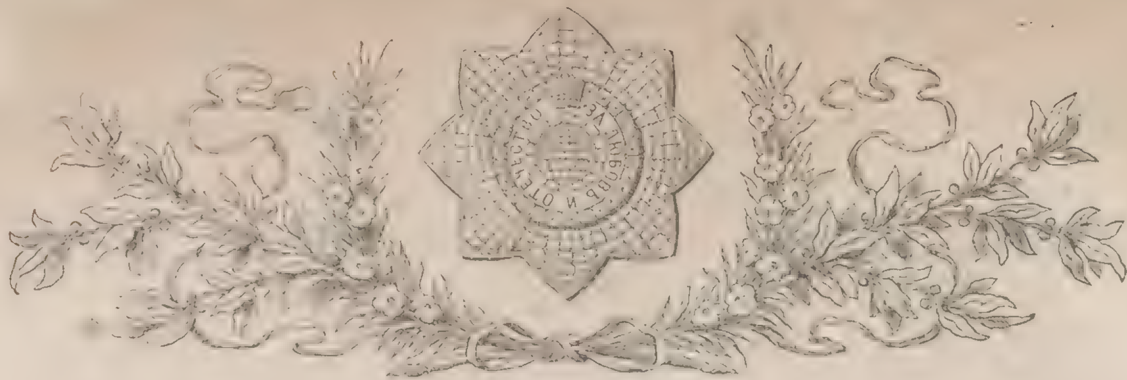
Видъ Адмиралтейства и Исакіевскаго собора,

въ царствованіе Петра I.

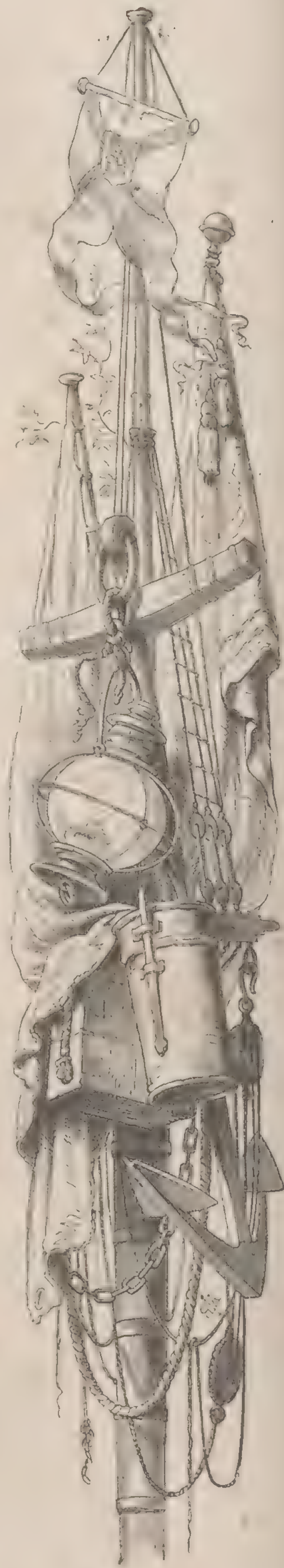

Взятіе г. Риги.

Присяга Рижанъ передъ фельдмаршаломъ Шереметевымъ, на площади передъ Ратушею, Іюля 1710 г.

немногіе иностранцы, рано составившіе знакомство съ царемъ, и офицеры потѣшнаго войска. Нѣкоторые изъ потѣшныхъ — бомбардиры, старались пріобрѣсти, хотя элементарное, знаніе артиллеріи. Были между офицерами занявшіеся и инженерною наукою, какъ напримѣръ, Вейде. Свѣдѣнія его, однако, оказывались очень ограничены по этой части, какъ доказалъ первый Азовскій походъ. Любимцами Петра съ ранняго тоже времени оказывались еще: прапорщикъ Рейтарскій, по происхожденію шотландецъ, родившійся въ Москвѣ же—Яковъ Брюсъ,—впослѣдствіи генералъ-фельдцейхмейстеръ,—да переводчикъ посольскаго приказа Андрей Креветъ, получавшій въ первое время по низверженіи Софьи самыя разнообразныя порученія отъ царя. Фонъ-Менгденъ и Чамберсъ — полковники Преображенскаго, да Семеновскаго полковъ, да Іоганнъ Гуммертъ, измѣнившій при Нарвѣ, были тоже ближними людьми въ Петровомъ кружкѣ перваго времени.

Въ немъ, въ кружкѣ этомъ, проводилъ царь, какъ мы сказали, свои досуги; съ членами своей ратной компаніи производя маневры, ученья, и устраивая фейерверки. Масляница 1690 года была ознаменована первою огненною потѣхою. Лѣто же примѣрнымъ походомъ и штурмомъ Семеновскаго полкового двора. Здѣсь, меча гранаты, царь самъ обжогъ себѣ все лицо взрывомъ одного горшка съ порохомъ, такъ что забава окончилась серіозною болѣзнью, принудившею съ іюля до сентября отложить продолженіе примѣрныхъ боевъ. Такъ и пролетѣлъ весь первый годъ самостоятельнаго правленія.

Слѣдующій—начался спускомъ гребныхъ судовъ, да яхты, съ верфи, устроенной на Москвѣ-рѣкѣ. Въ яхтѣ своей, вмѣщавшей человѣкъ съ тридцать, Петръ не рѣдко доплывалъ до Угрѣшскаго монастыря съ гостями. Катанья эти продолжались до октября, когда начатъ второй Семеновскій походъ, гдѣ отличался храбрый *ротмистръ Петръ Алексѣевъ,* своею особою взявшій въ плѣнъ генералисимуса Бутурлина.

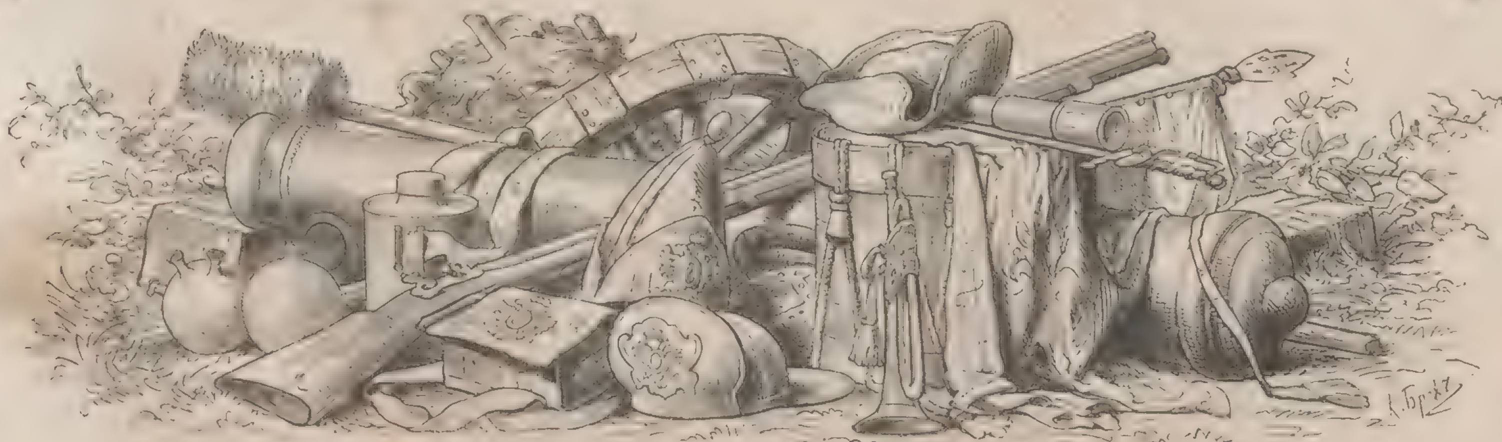
Окончивъ же съ честью на столько грозный походъ, Петръ въ ноябрѣ уѣхалъ въ любимый свой Переяславль и въ теченіе зимы и весны, не смотря на покрытіе озера льдомъ, бывалъ тамъ не одинъ разъ.

Тамъ теперь, царь—титулованный отъ своего князя-кесаря Ромодановскаго *корабельнымъ мастеромъ* — строилъ со своими 16-ю преображенскими *мостильщиками* — первый военный корабль.

И такъ заработался державный мастеръ, что ѣздили нарочно звать его въ столицу Борисъ Голицынъ, да Левъ Нарышкинъ, — для пріема персидскаго посла.

Давъ аудіенцію, царь снова ускакалъ въ Переяславль и тамъ, перваго мая, спустилъ свой корабль. Лѣтомъ же, пригласивъ матушку, да жену съ сестрою, провезъ Онъ ихъ по всему озеру, заключивъ разъѣзды первой парусной флотиліи пирами. На этихъ водяныхъ маневрахъ князь-кесарь получилъ титулъ адмирала — въ прибавокъ къ сану генералиссимуса.

Въ концѣ осени уложила Петра серіозная болѣзнь, продержавшая въ по-

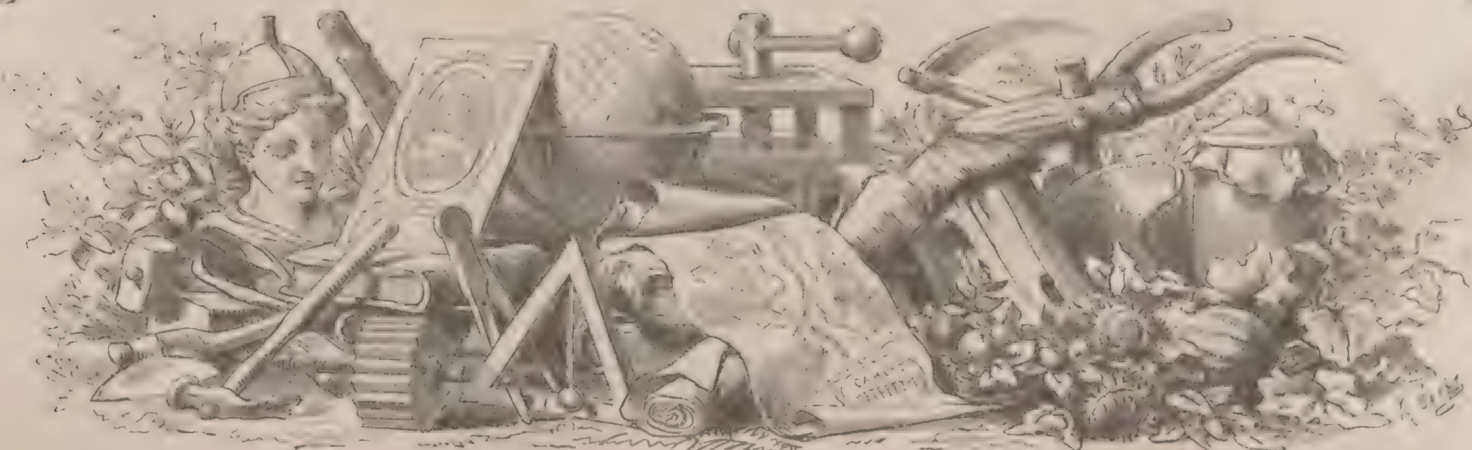

стели его и во всѣ, такъ любимые имъ, рождественскіе праздники. Только уже къ масляницѣ могъ явиться неутомимый дѣлецъ, при своей огненной потѣхѣ, непривычнымъ очамъ матери и двора своего представляя на *Пресни* колоссальную огненную фигуру Геркулеса. Подарокъ отъ матушки—мундиръ сержанта Преображенскаго—былъ наградою юнаго Петра за усердіе и пиротехническую снаровку.

На великій же постъ уѣхалъ въ послѣдній разъ 20 лѣтній государь къ берегамъ своего Переяславскаго озера, чтобы покинуть его совсѣмъ уже, на долгое время.

Домъ Черноголовыхъ въ Ригѣ,

где Петръ Великій вступилъ въ это братство

Съ карт. профессора Коцебу, рис. Н. И. Соколовъ, грав. К. Вейерманъ.

БИТВА ПРИ ДЕРЕВНѢ ЛѢСНОЙ

28 октября 1708 года.

карт. К.Шт[illegible]бена, рис. [illegible]

Петръ Великій на Ладожскомъ озерѣ.

III.

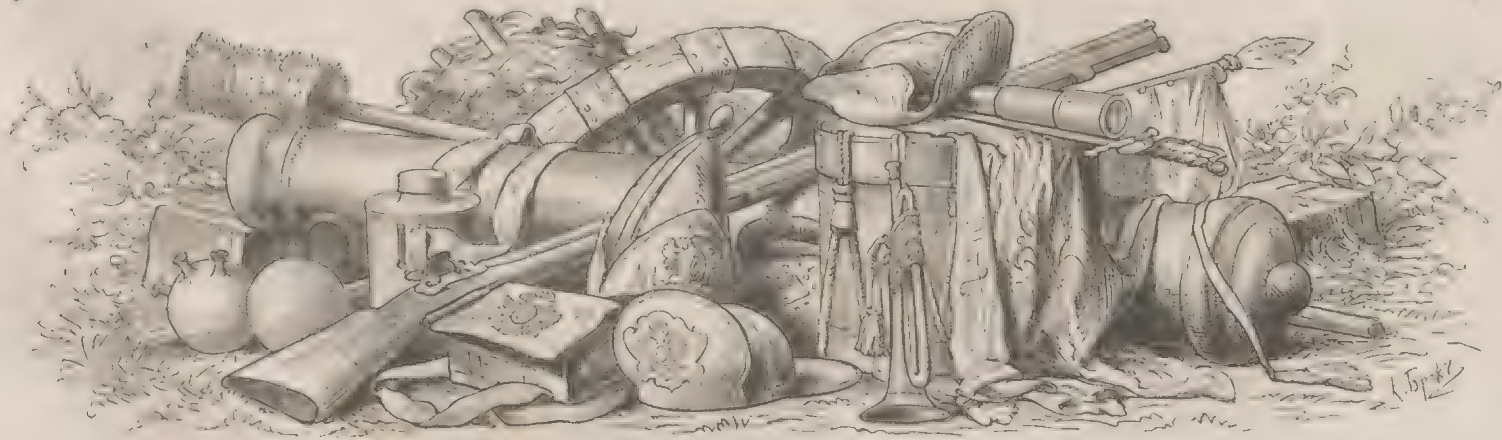
ПЕРВЫЯ ПОѢЗДКИ НА СѢВЕРЪ.

Всякое призваніе въ высокодаровитыхъ людяхъ можетъ не вдругъ проявляться, если счастливый случай какъ-нибудь не откроетъ врожденной наклонности. Но, разъ открытая наклонность эта въ геніальномъ человѣкѣ, не имѣетъ уже границъ предпріимчивости и производитъ дѣла, выходящія изъ порядка вещей.

На Петрѣ I-мъ мы лучше всего можемъ видѣть подтвержденіе этаго положенія.

Увидѣлъ онъ ботъ въ Измайловѣ и самъ принялся строить парусныя суда. Поплавалъ на этихъ судахъ по десяти-верстному озеру, и оно ему показалось уже тѣснымъ. «Тогда», написалъ онъ самъ о себѣ,—«уже положилъ свое намѣреніе прямо видѣть море; о чомъ сталъ просить у матери своей, дабы мнѣ позволила; которая хотя обычаемъ любви матерней въ сей опасный путь многократно возбраняла, но потомъ, видя великое мое желаніе и неотмѣнную охоту и нехотя позволила».

За позволеніемъ слѣдовали быстрые сборы. Море въ распоряженіи русскихъ государей было одно только Бѣлое, у Архангельска. Туда и рѣшено было путешествіе Петра, какъ только исполнилось ему двадцать съ годомъ. На ту пору, былъ въ Москвѣ Холмогорскій архіепископъ Афанасій, и, бесѣдуя съ нимъ о сѣверной сторонѣ, Петръ торопилъ сборами. Высокопреосвященный также поспѣшилъ въ свою епархію, чтобы предупредить царскій пріѣздъ. Вслѣдъ за Афанасіемъ выѣхалъ изъ Москвы, со свитою въ сто человѣкъ, и царь-путешественникъ. Взялъ онъ съ собою всѣхъ своихъ приближонныхъ: кн. Б. А. Голицына, А. С. Шеина, К. А. Нарышкина, Г. И. Головкина, Н. М. Зотова, князя Кесаря, И. И. Бутурлина, Ѳ. М. Апраксина, обоихъ братьевъ жены Лопухиныхъ, Лефорта, Виніуса, лекаря И. И. Фанъ-

деръ-Гульста; священника съ 8-ю пѣвчими; карликовъ своихъ; 40 стрѣльцовъ съ полковникомъ Сергѣевымъ, да 10 потѣшныхъ преображенцевъ съ барабанщикомъ.

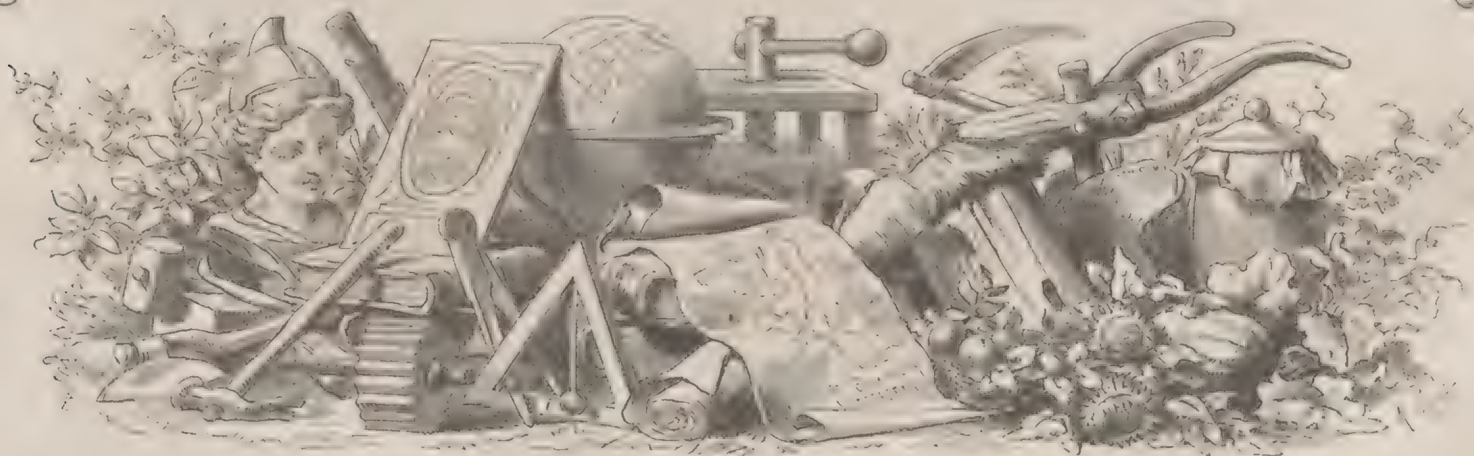
Поѣхалъ государь изъ столицы въ каретѣ, обитой цвѣтнымъ трипомъ, и въ пять дней достигнувъ до Вологды, останавливался тамъ на три дня. Отсюда, изъ подъячихъ воеводской съѣзжей избы, взялъ онъ въ писцы къ себѣ посадскаго Алексѣя Макарова, который и остался при особѣ монарха до конца его жизни, сдѣлавшись потомъ тайнымъ кабинетъ-секретаремъ. Въ Вологдѣ къ прибытію Петра были готовые струга. На нихъ, 12-го іюля, и отплылъ царственный путешественникъ внизъ по Сухонѣ, а отъ Устюга-Великаго по Сѣверной Двинѣ. Іюля 28-го, царь прибылъ въ Холмогоры, резиденцію двинскаго воеводы и архіепископа. Здѣсь воевода Андрей Артемоновичъ Матвѣевъ, вмѣстѣ съ преосвященнымъ, устроили торжественную встрѣчу Петру,—первому изъ царей русскихъ, явившихся такъ далеко на сѣверъ.

Какъ только изъ-за Куръ-острова показался на широкой Двинѣ, шедшій впереди шести судовъ, царскій карбасъ,—въ обѣихъ церквахъ холмогорскихъ раздался благовѣстъ; стрѣльцы, выстроенные въ двѣ линіи,—отъ пристани до Богоявленскихъ воротъ соборной ограды,—открыли пальбу изъ мушкетовъ (ружей), а съ обруба на берегу грянулъ залпъ всѣхъ наличныхъ 13 пушекъ. Залпы повторились, когда царь вошолъ на плотъ, и ему на встрѣчу изъ собора, въ предшествіи архипастыря, двинулось духовенство въ облаченіи. У колокольни сойдясь съ соборомъ духовенства, Петръ приложился ко кресту и вступилъ въ храмъ слушать молебенъ. Осмотрѣвъ достопримѣчательности храма, царь принялъ приглашеніе Афанасія: посѣтить домъ его. Отобѣдалъ съ нимъ; осматривалъ садъ, имъ разведенный, устроенную мельницу и прошолся по городу. Вечеромъ катался государь на шнякѣ, по Двинѣ, и ночевалъ въ Холмогорахъ.

Подобная холмогорской, устроена Петру встрѣча и въ Архангельскѣ, куда прибылъ государь 30 іюля. Здѣсь, въ ожиданіи прибытія царскаго, на Моисѣевомъ островкѣ, противъ впаденія въ Двину рѣки Кузнечихи, противъ города построены нарочно свѣтлицы для помѣщенія государя. Противъ же свѣтлицъ поставлена и новая яхта «св. Петръ», о 12 пушкахъ.

На яхту эту перебрался Петръ на другой же день пріѣзда своего въ Архангельскъ, думая съѣздить, согласно своему обѣщанію, въ Соловки; но 2-го августа уже перемѣнилъ прежнее намѣреніе. Съ перваго же явленія Петра на биржѣ въ Архангельскѣ, голландцы, — пользуясь умѣньемъ царя объясняться кое-какъ на ихъ языкѣ, очаровали его своею любезностію, предлагая тысячи услугъ и между прочимъ тронули самую чувствительную струну моряка по призванію: заявили ему, что теперь представляется прекрасный случай видѣть море. Потому что, нагрузившись русскими товарами, голландскія суда готовы къ отплытію въ море, въ сопровожденіи военнаго корабля, подъ командою капитана Іоле Іолеса

Сраженіе при Полтавѣ I.

Начало сраженія 27-го іюня 1709 года.

Сраженіе при Полтавѣ II.

Конечное разбитіе шведской арміи близъ Переволочны, 30-го іюня 1709 года.

Видъ на Бастейбергъ въ Ригѣ,

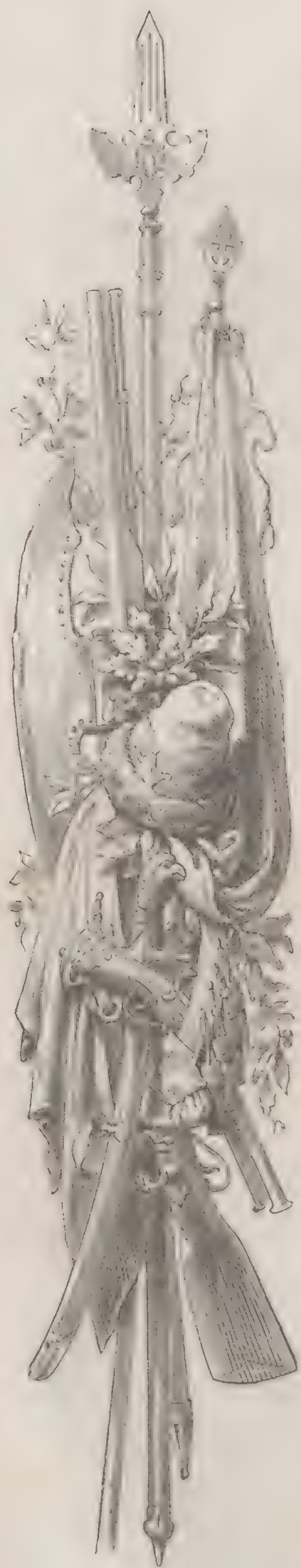
въ которую бросилъ Петръ I [illegible]

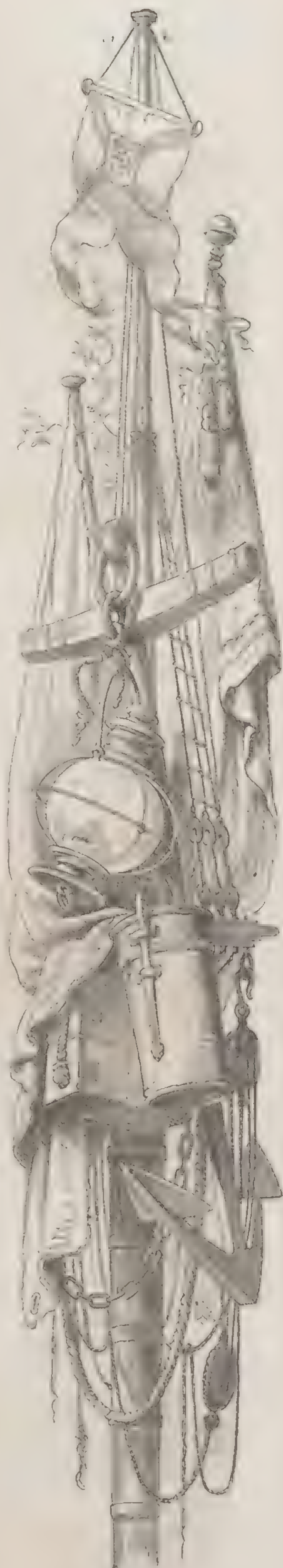

Видъ города Риги.

гдѣ жилъ Петръ Великій [illegible] Екатериною I, по возвращеніи изъ за границы

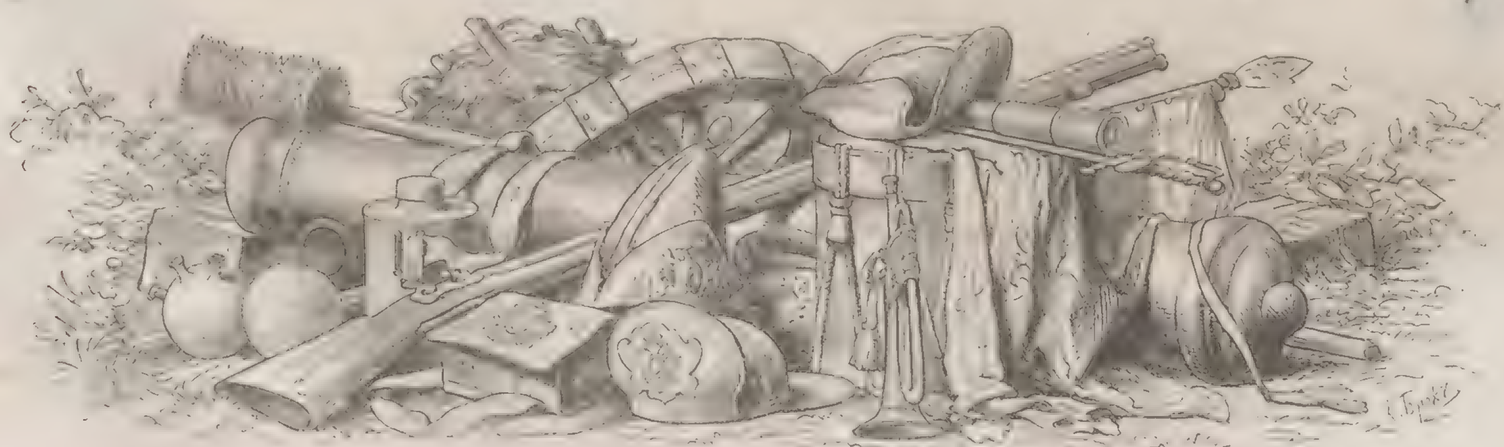

Настолько заманчивый случай увлекъ воображеніе царя такъ, что онъ поспѣшилъ присоединиться къ отплывавшему каравану судовъ и вмѣстѣ съ ними, 4 августа утромъ, при слабомъ вѣтрѣ, пошолъ на яхтѣ къ Березовскому устью Двины. Но, добравшись до него на слѣдующій день, пришлось стать на якорь, за совершеннымъ штилемъ. Только уже въ праздникъ Преображенія задулъ свѣжій *шалоникъ* (южный вѣтеръ), и суда успѣли выйти въ открытое море. Въ разговорахъ съ голландцами, и въ распросахъ о подробностяхъ судоваго хода и значеніи командныхъ терминовъ, исполнявшихся живо и отчетливо привычными матросами, восхищонный всѣмъ, что видѣлъ и узнавалъ, царь не замѣтилъ времени. И когда доложили ему, что онъ уже на Терской сторонѣ, за рѣкою Поноемъ, у *Трехъ островов*, недалеко отъ Святого Носа — выхода въ океанъ, куда пускаться было опасно—Петръ простился съ любезными моряками, не безъ неудовольствія на короткость плаванія. Августа 10, государь благополучно воротился изъ этого перваго своего путешествія по бурному морю, съ неудовлетворенною жаждою пытливости и желаніемъ еще разъ испытать новое, открытое только, наслажденіе—бороться съ суровою стихіею.

На берегу составилось скоро много знакомыхъ у любопытнаго государя, между купцами голландскими. И одинъ изъ нихъ, Янъ Ферколье, при случаѣ, открылъ глаза Петру, на выгоды, извлекаемыя его соотечественниками изъ бѣломорской торговли: къ ущербу русскихъ, разумѣется. Петръ такъ былъ признателенъ этому честному человѣку, за его дружеское сообщеніе, что далъ ему свою жалованную грамоту, съ предоставленіемъ важныхъ выгодъ по коммерціи. Но, самъ тутъ же рѣшился испытать, нельзя ли поправить наше невыгодное положеніе, происходившее отъ неимѣнія своихъ судовъ, для развоза русскихъ товаровъ, по чужимъ землямъ?

Самое большое стеченіе покупщиковъ на наши товары, а слѣдовательно и наибольшій приходъ кораблей, бывалъ къ Успенской ярмаркѣ. Къ ней и приказалъ пріобрѣсти для себя, государь, *непремѣнно* одинъ корабль. Бывая на биржѣ, одѣтый въ костюмъ голландскаго корабельщика, и прислушиваясь къ толкамъ о ходѣ и запросѣ товаровъ русскихъ, царь рѣшился свой корабль нагрузить: поташомъ, смолою, икрою и рыбымъ клеемъ. Нагрузивъ же сталъ выбирать цвѣта для флага, подъ которымъ должно пуститься первое русское торговое судно. Не долго думая, Петръ далъ предпочтеніе цвѣтамъ голландскаго флага, только переставивъ ихъ такъ, что между краснымъ и бѣлымъ—голубой цвѣтъ былъ въ срединѣ *). Отправивъ корабль и заказавъ купить для себя фрегатъ въ Амстердамѣ,—къ будущей навигаціи,—Петръ выбралъ мѣсто въ Архангельскѣ, на островѣ Соломбалѣ, за рѣчкой Кузнечихой, для заведенія верфи. И, взявъ двухъ голландскихъ мастеровъ, заложилъ самъ военный корабль. Для

*) У голландцевъ же между краснымъ и голубымъ была въ срединѣ бѣлая полоса.

того же, чтобы дѣло кораблестроенія не замедлилось у дипломата въ душѣ, какимъ былъ воевода Матвѣевъ, царь замѣнилъ его Ѳедоромъ Матвѣевичемъ Апраксинымъ, бывшимъ съ нимъ въ Переяславлѣ и горячо принимавшимся за всякое дѣло, въ потѣшной службѣ.

Живя въ Архангельскѣ семь недѣль,—долго приходилось ждать прихода кораблей изъ Гамбурга, а не дождавшись ихъ, царю не хотѣлось оставить города;—Петръ во всѣ праздничные дни бывалъ въ церкви у обѣдни. Въ Успеніе *) видѣли государя въ церкви пророка Иліи, на Кего-островѣ, гдѣ читалъ онъ самъ апостолъ и пѣлъ басомъ на клиросѣ. Сбираясь уѣхать уже, обѣдая у преосвященнаго Афанасія 16 сентября, царь подарилъ ему свой стругъ, на которомъ ѣхалъ отъ Вологды, давъ между прочимъ и флаги, изъ которыхъ архіерей впослѣдствіи поднималъ Іерусалимскій флагъ, послѣ него употребляемый при разъѣздахъ водою и его преемниками. Пожаловалъ Петръ архіерею еще и карету свою на рессорахъ, сохранявшуюся до настоящаго вѣка, въ архіерейскомъ домѣ, въ Архангельскѣ.

Въ вечеру 18 сентября, на набережной, называвшейся отъ купцовъ, населявшихъ берегъ, «Англійскимъ мостомъ», Петръ устроилъ иллюминацію и на утро уже оставилъ этотъ первый морской русскій портъ, и вмѣстѣ единственную ярмарку отпускныхъ товаровъ, проживъ семь недѣль на бѣломорскомъ берегу, гдѣ испытано и прочувствовано имъ было такъ много новаго, важнаго и поучительнаго.

Теперь уже спѣшилъ государь въ столицу, гдѣ, судя по письмамъ, сильно безпокоилась о немъ мать, долго не видя и не вѣря, чтобы онъ былъ здоровъ и чтобы все было благополучно;—такъ какъ уже дошло до нея письмо его о поѣздкѣ въ море.

Еще въ первомъ отвѣтѣ своемъ на него царица-мать писала: «сотвори свѣтъ мой надо мною милость, пріѣзжай къ намъ, батюшка мой, не замѣшкавъ. Ей-ей, велика мнѣ печаль, что тебя, свѣта моего радости, не вижу. Писалъ ты, радость моя, ко мнѣ, что хочешь всѣхъ кораблей дожидаться, и ты, свѣтъ мой, видѣлъ которые прежде пришли: чего тебѣ тѣхъ дожидаться? Писалъ ты.... что былъ на морѣ — и ты, свѣтъ мой, обѣщался мнѣ, что было не ходить».

«Радость моя», отвѣчалъ Петръ матери, — «по письму твоему ей-ей зѣло печалился.... Пожалуй — не печалься. А истинно незаживусь».

Между тѣмъ и еще улетѣлъ мѣсяцъ, а онъ не двигался изъ Архангельска. Наконецъ пришли, въ половинѣ сентября, «корабли анбурскіе» и царственный путешественникъ оставилъ Архангельскъ, провожаемый благожеланіями народа, толпами покрывавшаго берегъ.

При пальбѣ пушекъ съ крѣпости и колокольномъ звонѣ городскихъ храмовъ, пошолъ вдоль берега небольшой царскій дощаникъ, а за нимъ, въ трехъ карбасахъ, свита. Преосвященный Афанасій подъѣхалъ на шнякѣ

*) [illegible]

Съ современной [illegible] К. [illegible]

Свадьба Карликовъ,

[illegible] домѣ князя Меньшикова, въ [illegible]

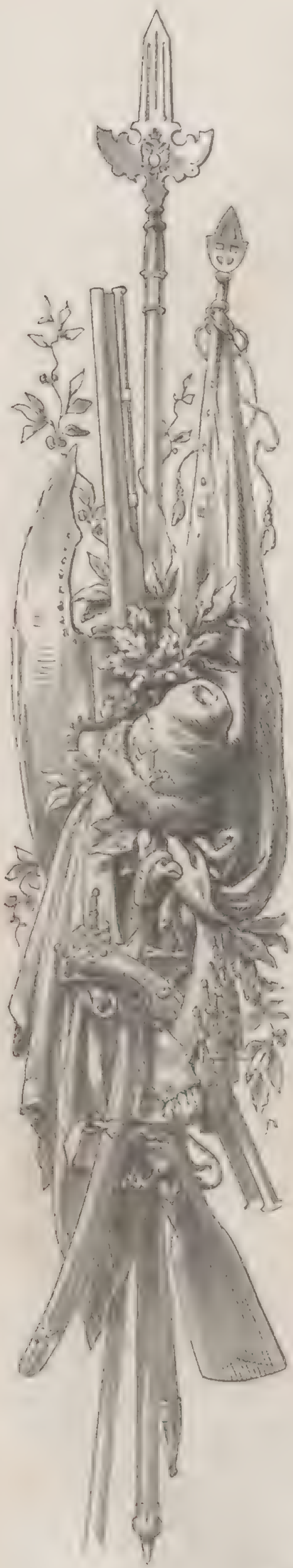

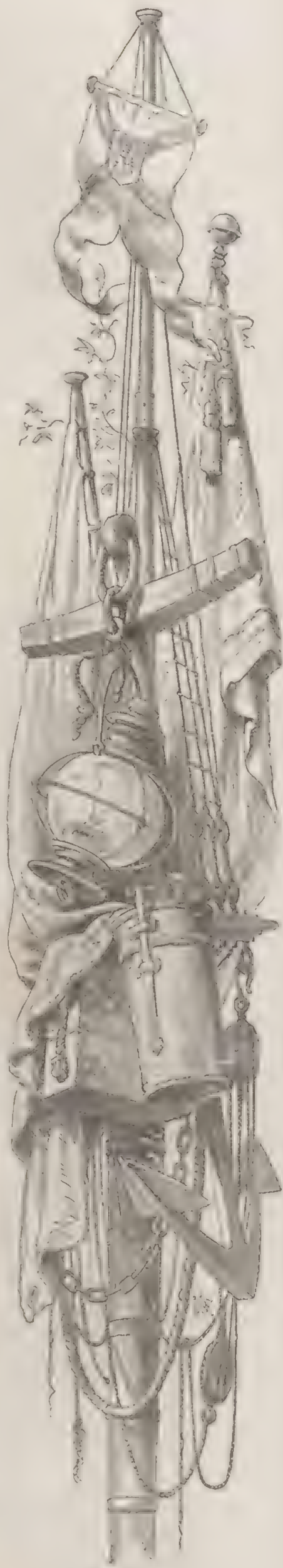
Замокъ въ Выборгѣ.

ЦАРЕВИЧЪ АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ И СУПРУГА ЕГО КРОНПРИНЦЕССА ШАРЛОТТА ХРИСТИНА СОФІЯ.

къ дощанику проститься съ государемъ и Петръ довезъ іерарха до собора, разставшись здѣсь съ нимъ уже окончательно.

Въ Холмогорахъ Петромъ отпущена свита въ экипажахъ, въ столицу, а самъ государь заѣхалъ въ подгородное селеніе Вавчугу. Осмотрѣвъ здѣсь лѣсопильный заводъ Бажениныхъ и верфь ихъ, да заказавъ имъ построить къ будущему лѣту большой корабль,—черезъ Копытово, на легкѣ, Петръ поскакалъ въ Москву, прибывъ домой на девятый день.

Готовя въ Москвѣ такелажъ и вооруженіе кораблю, заложенному на Соломбалѣ, самъ точа блоки и слѣдя за отлитіемъ пушекъ, Петръ внезапно пораженъ былъ въ срединѣ зимы — смертью матери. Царица Наталья Кириловна, послѣ нѣсколькихъ дней нездоровья, не предвѣщавшаго опасности, почти вдругъ скончалась 25-го января 1694 г., въ тотъ день, когда Петръ сбирался куда то не надолго уѣхать.

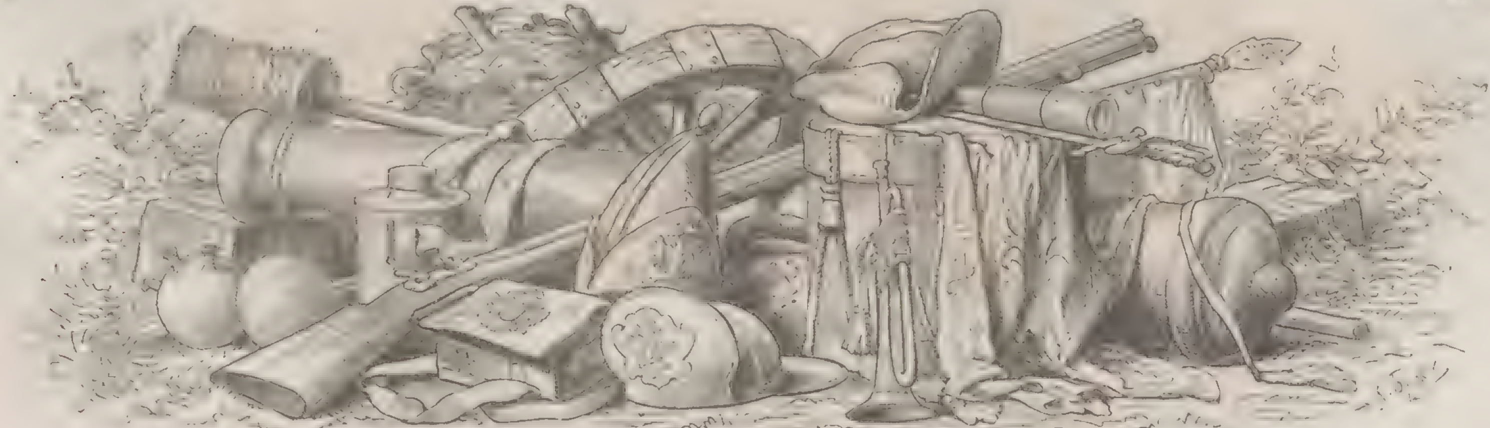
Ничѣмъ не вознаградимую потерю эту не вдругъ пересилилъ терпѣливый Петръ, въ письмѣ къ Апраксину признаваясь, что *скорбь превышаетъ его силы*, но, «по сихъ, яко Ной отъ бѣды мало отдохнувъ, о невозвратномъ оставя»,—принялся писать о живомъ: приказывая и разсылая распоряженія объ ускореніи стройки судовъ на Бѣломъ морѣ.

Не было уже никого, кто бы могъ удержать теперь Петра отъ задумываемыхъ имъ предпріятій; жену онъ не любилъ и спѣшилъ уѣхать отъ нея, съ раннею весною.

Лефортъ далъ обѣдъ царю и спутникамъ его во второе далекое странствіе, 29-го апрѣля, и изъ за пироваго стола многіе прямо поѣхали за городъ.

Царь послѣднимъ оставилъ Москву, 1-го мая, и, на четвертый день прибывъ въ Вологду, значительно опередилъ свою свиту. Ожидая сбора ея, царь осмотрѣлъ приготовленные воеводою П. Гр. Лыковымъ карбасы и самъ вооружилъ ихъ пушками. Образовалась цѣлая флотилія. Двадцать два карбаса составляли теперь царскій караванъ, отчалившій отъ пристани утромъ 8-го мая. Шествіе открывалъ князь Ѳ. И. Троекуровъ, на одиннадцатомъ судпѣ былъ самъ шкиперъ (Петръ), а за нимъ шолъ князь Ѳ. Ю. Ромодановскій, послѣдуемый девятью карбасами съ кухнею, провизіей, аптекой, канцеляріей и прислугою. Послѣднимъ же замыкалъ поѣздъ контръ-адмиралъ П. И. Гордонъ. Выстрѣлъ изъ пушки съ адмиральскаго карбаса былъ сигналомъ остановки для обѣда и ужина; два—для съѣзда на совѣтъ и три — для полной остановки на продолжительное время. Тогда какъ, выстрѣлъ адмирала всѣмъ бортомъ былъ знакомъ подъема якорей и продолженія пути.

Черезъ три дня по уходѣ отъ Вологды прошли пловцы уже мимо Устюга Великаго, гдѣ при пушечной пальбѣ воевода,—извѣстный П. А. Толстой,—устроилъ торжественный пріемъ. Здѣсь была остановка на два дня и только. 13-го мая государь двинулся далѣе; 17-го миновалъ Холмогоры, а 18-го числа, на всѣхъ парусахъ, распустивъ флаги, прошолъ мимо Архангельска

и въ полдень вступилъ въ свое прошлогоднее жилище, на Мосѣевомъ острову.

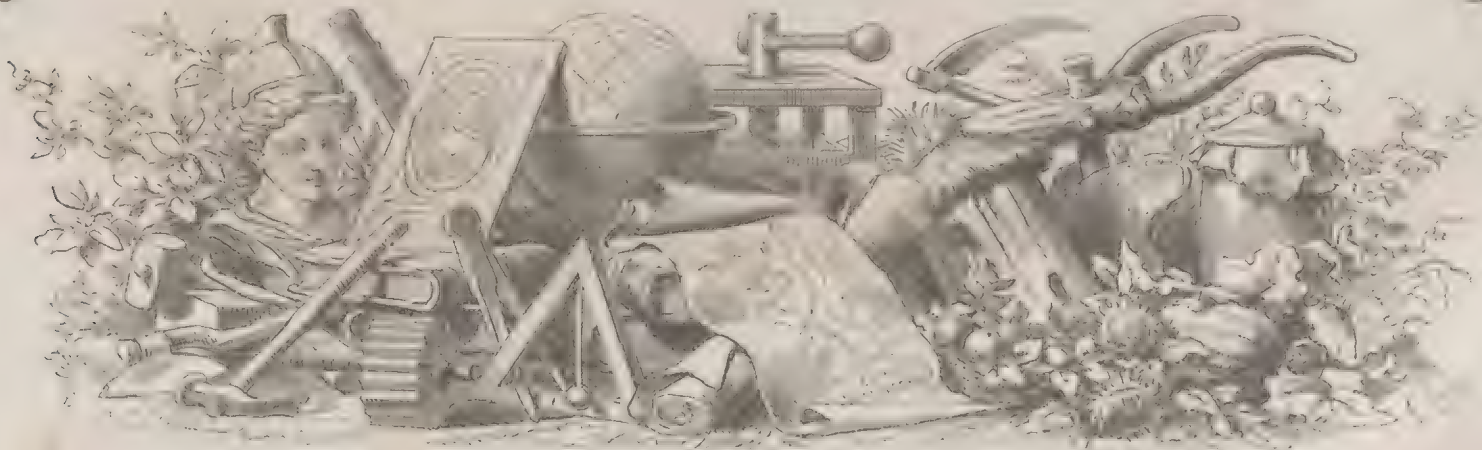
Отправивъ молебствіе въ Кего-островской церкви св. Иліи пророка, 20-го мая Петръ уже сдѣлалъ спускъ готоваго корабля съ Соломбальской верфи, самъ подрубивъ подпоры, на которыхъ держался этотъ первенецъ, плавно съѣхавшій въ волны широкой Двины. Нужно было затѣмъ вооружить судно, и на это требовалось нѣсколько времени.

Пользуясь замедленіемъ по этому случаю, да неприводомъ еще въ Архангельскъ, купленнаго въ Амстердамѣ, фрегата,—Петръ рѣшился исполнить прошлогоднее обѣщаніе свое: побывать въ Соловецкомъ монастырѣ, поклониться мощамъ св. Зосимы и Савватія. На яхтѣ «св. Петръ», поѣхалъ съ государемъ и архіепископъ Афанасій съ ближними людьми.

Мая 30-го яхта, при попутномъ вѣтрѣ, пошла въ путь, но, за наступленіемъ штиля, простояла въ устьѣ цѣлый день. Іюня же 1-го подулъ крѣпкій вѣтеръ, по выходѣ пловцовъ въ море перешедшій въ бурю, какой не запомнятъ бѣломорцы. Въ 120 верстахъ отъ Архангельска, противъ Унской губы, яхта приведена была въ такое положеніе, что пловцы ежеминутно ожидали потопленія. Архіепископъ, пріобщившись самъ, преподалъ св. тайны и государю, сохранявшему въ эти страшныя мгновенія изумительное хладнокровіе, стоя у руля. Опытный лоцманъ, бывшій стрѣлецъ соловецкій Антипъ Тимофѣевъ, доложилъ Петру, что одно средство спастись: пройдти въ губу, черезъ каменную гряду, около которой яростнѣе ревѣлъ бурунъ. Это были, такъ называемые, «Унскіе рога».

Царь отдалъ ему руль и велѣлъ туда править. Опытная рука и вѣрный глазъ выручили смѣлаго кормчаго. Онъ провелъ безвредно яхту извилистымъ фарватеромъ, и утромъ 2-го іюня причалилъ у воротъ бѣднаго Пертоминскаго монастыря, скрытаго въ глубинѣ Унской губы.

Выйдя на берегъ, Петръ, прежде всего, поблагодарилъ Бога за спасеніе и щедро одѣлилъ бѣдную монастырскую братію: 2000 гривенъ назначилъ на строеніе ограды, 600 гривенъ на пріобрѣтеніе новой лады монастыремъ, въ замѣнъ разбитой бурею въ предшествовавшую навигацію, и столько же монахамъ на милостыню. Кромѣ того, государь приказалъ отвесть Пертоминскому монастырю земли для рыбной и звѣриной ловли, пожаловавъ и кирпичъ, на возведеніе братскихъ келій, да стѣны съ башнями. Лоцмана Антипа Петръ поцѣловалъ въ голову, подарилъ свой мокрый костюмъ, въ которомъ былъ во время бури, и далъ 30 рублей въ награду. Самъ своими руками царь сдѣлалъ большой сосновый крестъ, высотой въ 5 аршинъ, шириной въ 3 аршина, и, принеся его на своихъ плечахъ на пристань, водрузилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ вышелъ изъ яхты со своими спутниками. На крестѣ этомъ вырѣзаны царемъ по голландски слова: Dat kruys maken kaptein Piter, van a acht 1694 (сей крестъ сдѣлалъ шкиперъ Петръ въ 1694 году). Императоръ Александръ I (1806 г.), по просьбѣ городского Архангельскаго общества, крестъ Петровой работы повелѣлъ перенести въ

Съ гравюры Штенглина, рис. К. Брожъ, грав. Э. [illegible]

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА I АЛЕКСѢЕВНА, СУПРУГА ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

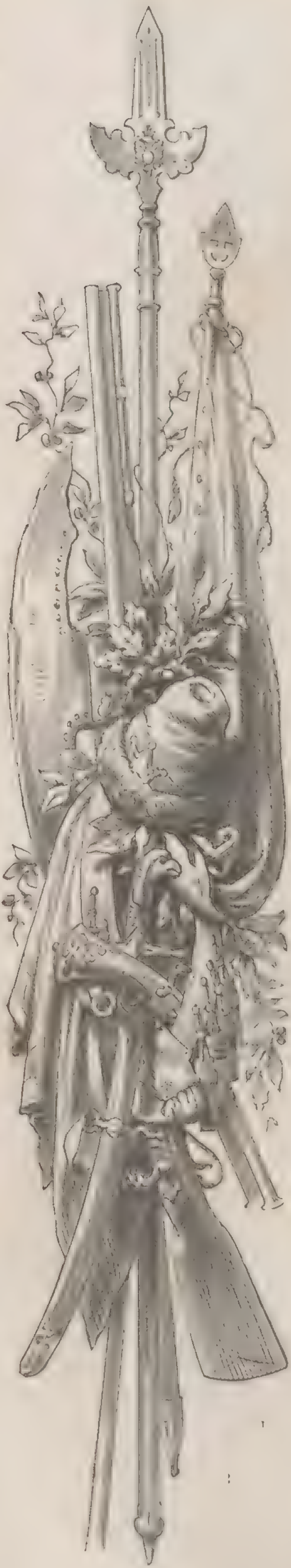

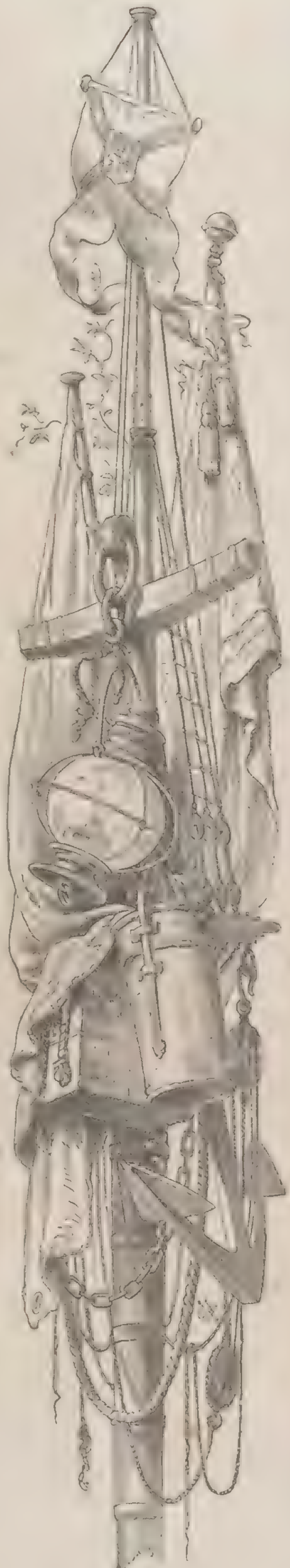
Съ гравюры Вагнера, рис. на дер. К. Брожъ, грав. Э. Даммюллеръ

Императрица Елизавета Петровна,

средняя дочь Петра Великаго, (род. 18 декаб. 1709 г., ум. 25 декабря 1761 г.)

Архангельскъ и поставить въ соборъ, гдѣ онъ теперь и находится, какъ представляетъ помѣщаемое изображеніе. Въ Пертоминѣ Петръ провелъ за бурею всего пять дней и 6-го уже іюня, выйдя въ море, 7-го прибылъ благополучно въ Соловецкій монастырь, гдѣ архимандритъ встрѣтилъ государя торжественно, при выходѣ съ яхты. Въ Соловкахъ Петръ три дня провелъ въ постѣ и молитвѣ, пожаловалъ 1664 руб. на иконостасъ въ соборъ Преображенія и другіе предметы, приказавъ приписать къ Соловецкому монастырю пустыни Новосоловецкую и Чухломскую Авраамієву. Обратное плаваніе было безъ приключеній.

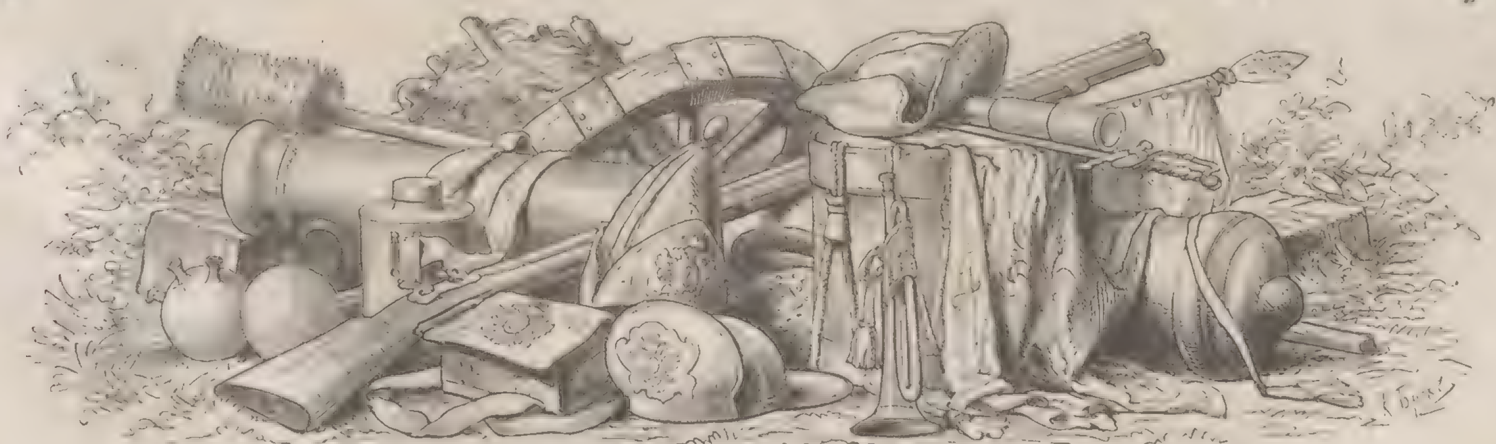
Выйдя на берегъ, въ Архангельскѣ, 13 іюня, царь на другой день приглашонъ былъ на праздникъ, данный капитаномъ англійскаго корабля, гдѣ не щадили ни вина, ни пороха. Въ имянины Стрешнева (16 іюня) былъ тоже обѣдъ для царя, ушедшаго послѣ стола къ Гордону на новоселье — на яхту «Св. Петръ», данную ему въ управленіе въ качествѣ контръ-адмирала. Проведя большую часть ночи у него, на утро приглашонъ государь воеводою Апраксинымъ.

Пиры, впрочемъ, не мѣшали Петру дѣлать дѣло: вооружать корабль. Наканунѣ имянинъ своихъ, Петръ вывелъ его уже на рейдъ и въ Петровъ день послѣ обѣдни принималъ здѣсь поздравленія. Іюля 11-го совсѣмъ оснащонный корабль названъ «Св. Павелъ» и отданъ въ команду И. И. Бутурлину; при водвореніи котораго опять не обошлось безъ пированья.

Петръ, какъ извѣстно, любилъ тушить пожары, являясь самымъ дѣятельнымъ распорядителемъ во время бѣдствія. Безъ государя, какъ видно по письмамъ Вейде, въ Москвѣ много погорѣло; а въ Архангельскѣ Петръ не допустилъ развиться огню на судахъ, стоявшихъ на устьѣ рѣчки Кузнечихи, впадающей въ Двину слѣва, противъ Благовѣщенской церкви. Усиліями царя удалось отстоять весь караванъ, пожертвовавъ только кровлею одной барки съ хлѣбомъ.

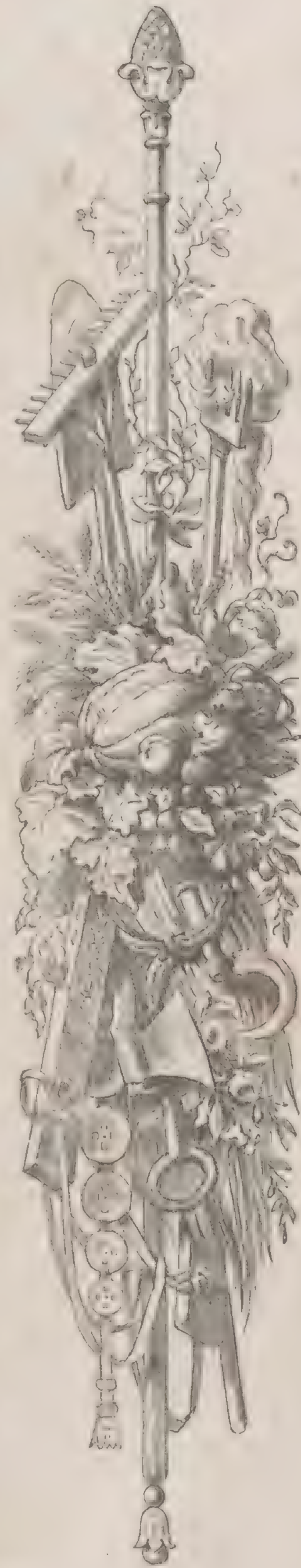
Черезъ недѣлю послѣ пожара явился и купленный въ Голландіи 44-хъ пушечный фрегатъ «Santa Profectie», приведенный опытнымъ капитаномъ Фламомъ. Петръ самъ ввелъ новобранцевъ въ Двину и поставилъ у остр. Соломбалы, гдѣ больше глубины было. Продолжительное плаваніе и буря потребовали, однако, недѣли работы на «Пророчествѣ» и, приведя все въ исправность, Петръ 3 августа вывелъ всю свою эскадру на рейдъ къ Соломбалѣ.

Еще шестеро сутокъ прошло за безвѣтріемъ, да два дня за слабымъ и противнымъ вѣтрами. Только 12-го августа удалось пройти флотиліи до Мудьюгскаго острова, а 14-го числа, подулъ попутный вѣтеръ и—суда двинулись на сѣверо-западъ. Туманъ, въ праздникъ Успенія, разлучилъ, однако, суда и свою яхту Гордонъ чуть было не посадилъ на мель, при островѣ Сосновцѣ, у Терскаго берега. Однако, соединясь съ кораблемъ и фрегатомъ, продолжалъ плаваніе. Пловцы обогнули Орловъ носъ и 17-го августа дошли до Святого носа—выхода въ Сѣверный океанъ. И туда бы направилъ

бѣгъ корабля своего, отважный царственный шкиперъ, но на утро задулъ противный вѣтеръ, такъ что Петру по необходимости пришлось воротиться, распрощавшись салютами съ иностранными кораблями. Въ полдня, эскадра добѣжала до р. Поноя. Затѣмъ наступилъ штиль и 19-го августа южный вѣтеръ опять развелъ сильное волненіе, при которомъ неопытнымъ морякамъ лавировать было не легко. Къ счастію, буря продолжалась всего полдня, а затѣмъ подуло попутье и 21-го августа, Березовскимъ устьемъ, пловцы достигли мѣста своей стоянки. Но и тутъ не обошлось безъ приключеній. Импровизированные вице-адміралъ (Бутурлинъ) и контръ-адміралъ (Гордонъ), наткнулись на мель; и первому пришлось цѣлый день провозиться, снимая съ нея свое судно.

Эти приключенія были уже финаломъ Архангельскаго пребыванія. Августа 26-го царь уѣхалъ въ Москву, поспѣшивъ начать другую потѣху, до того также на Руси не виданную.

За деревнею Кожухово, на правомъ берегу Москвы-рѣки, за Симоновымъ монастыремъ, обширная равнина назначена театромъ дѣйствій для борьбы стрѣлецкаго войска съ Потѣшнымъ. Князю-кесарю Ѳ. Ю. Ромодановскому, съ титуломъ генералиссимуса, даны въ начальство полки: Преображенскій, Семеновскій, да солдатскіе—Бутырскій и Лефортовъ съ 33-мя ротами: гранатчиковъ (3 р.), рейтаръ (8 р.), «нахаловъ» и «налетовъ» (2 р.), да «стольничьихъ» стариннаго дворянства (20 р.), созванныхъ изъ 20-ти городовъ «на 18-е сентября, для ученія ратному строю, на добрыхъ коняхъ съ пистоли, — безъ всякаго огурства». Бутурлину, названному «Польскимъ королемъ», даны 6 Стрѣлецкихъ полковъ (4390 челов.), 2 конныя роты дьяковъ и 11 пѣшихъ ротъ подъячихъ московскихъ приказовъ (920 челов.).

Въ обѣихъ арміяхъ генералиссимусовъ, было приблизительно до 15.000 человѣкъ. Въ полуверстѣ отъ Кожухова, на рѣкѣ поставленъ пятиугольный городокъ, обнесенный 5 аршинной высоты валомъ, да рвомъ, глубиною въ 4 аршина. Это была резиденція «Польскаго короля», которую занимать прошолъ онъ черезъ Москву 27-го сентября. Противникъ выступилъ изъ села Семеновскаго, 26-го сентября, въ предшествіи роты пѣвчихъ, подъ командою шута Якова Тургенева, названнаго по этому случаю «знатнымъ старымъ воиномъ, кіевскимъ полковникомъ». Засимъ велъ Лефортъ свои 9 ротъ; шолъ Гордонъ съ Бутырскимъ полкомъ, а далѣе—Семеновскій и Преображенскій полки. — Передъ преображенцами маршировали три бомбардира (первымъ—царь). Этими силами деревня Кожухова взята безъ сопротивленія.

Подъ дождемъ, на разсвѣтѣ 28-го сентября, послѣдовала переправа черезъ Москву-рѣку и затѣмъ постройка укрѣпленнаго лагеря, по правиламъ. Въ день Покрова и слѣдующій, рать Ромодановскаго строила редуты, въ глазахъ противниковъ, ей не мѣшавшихъ. Они только напали было на Бутырцевъ, но прогнаны Гордономъ тотчасъ же. Затѣмъ предположено городокъ Бутурлина взять по всѣмъ правиламъ полевой войны,

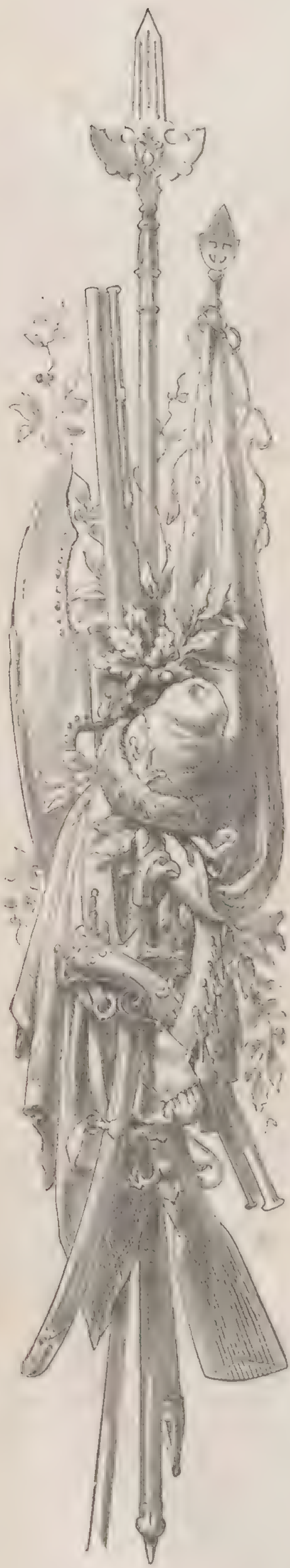

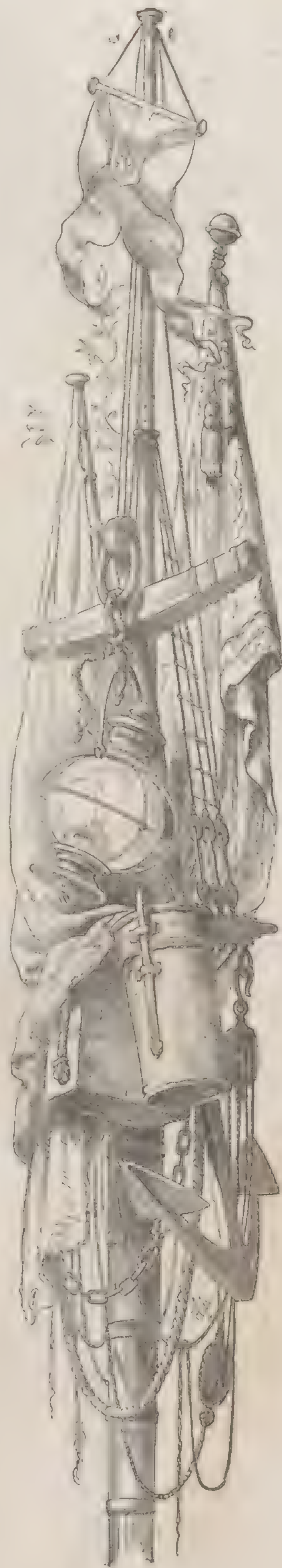
Съ гравюры XVIII вѣка, рис. В. И. ...

Свадебный пиръ Петра Вели... ...терины I, 19 февраля 1712 года.

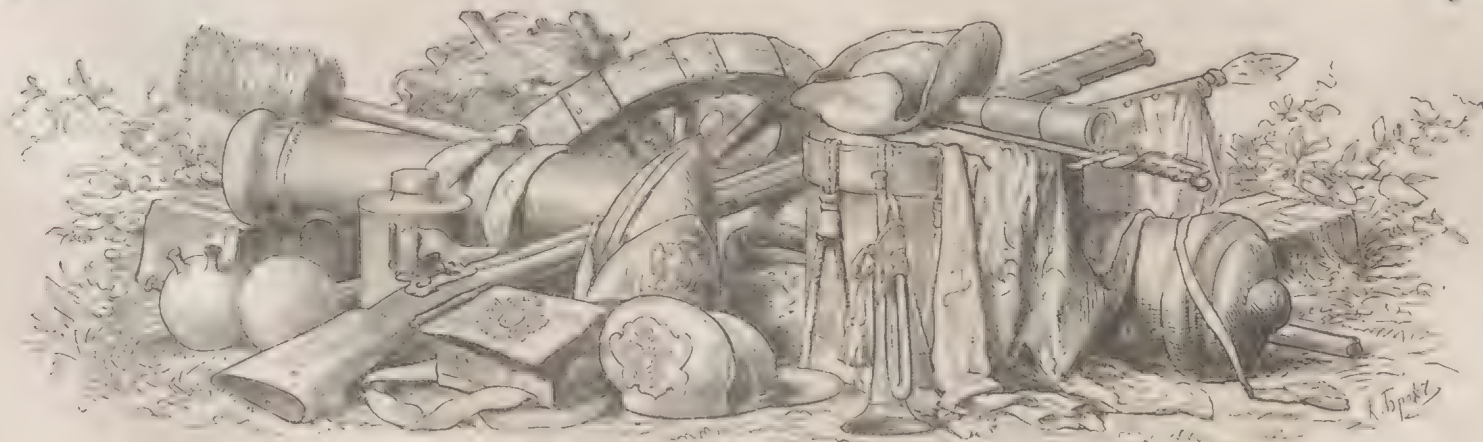
1) Его Величество; 2) Ея Величество; 3) фамилія ихъ Величествъ и при нихъ министерскія принципал... ...министры: Англійскій, Польскій и пр.; 5) Россійскіе министры, адмиралъ и генералы и прочіе господа; 6) Маршалъ, Его Свѣтлость Князь ... 7) Господа шаферы; 8) Музыка и пр.

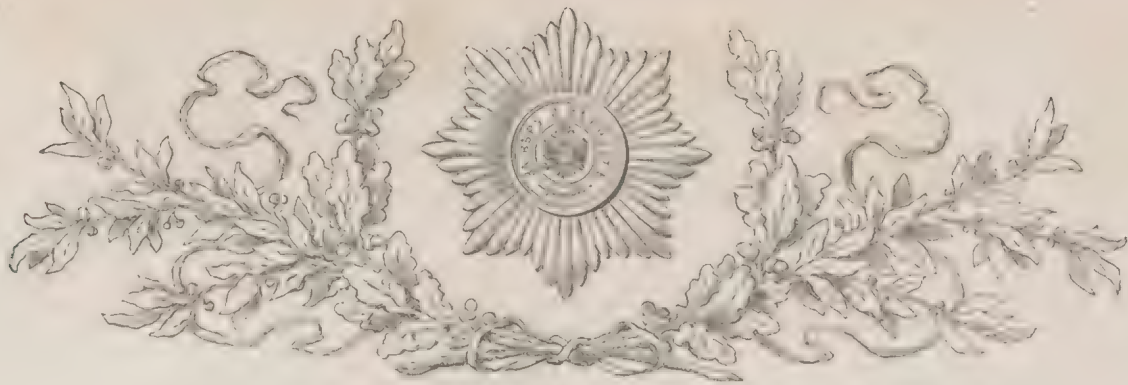

но, подпивъ на имянинахъ Лефорта, военачальники сдѣлали приступъ безъ затѣй. Не смотря на неудачу взрыва вала миною, просто рукопашнымъ боемъ, не смотря на сопротивленіе стрѣльцовъ на валу, линіи ихъ упорно наступавшіе прорвали; въ городокъ ворвались и заставили мнимое «польское войско» скрыться въ лагерѣ. Петръ, однако, такимъ результатомъ скорой побѣды былъ недоволенъ; велѣлъ отпустить плѣнныхъ и съ 8 октября приступить къ миннымъ работамъ. Преображенскій, Семеновскій и Бутырскій полки повели апроши слѣва и справа. Петръ самъ металъ бомбы. Стрѣльцы дѣлали безуспѣшныя вылазки и заливали водою минныя галлереи. Царь самъ подвелъ подкопъ подъ фасъ болверка. И, когда отъ взрыва валъ осѣлъ, 15-го октября, послѣдовалъ второй приступъ, при которомъ Преображенскій полкъ безъ труда перешолъ черезъ проломъ, завалившйй ровъ. За то стрѣльцами отбиты были Семеновцы, и Бутырцы и тогда уже начали вторичное нападеніе, когда находились Преображенцы въ тылу защитниковъ. На утро бомбардировали лагерь непріятеля и 17-го взяли его штурмомъ, гдѣ опять Преображенцы кончили дѣло, ворвавшись первыми. Пиръ на слѣдующій день кончилъ эту потѣху, которая повела къ серіозному дѣлу предпріимчиваго государя.

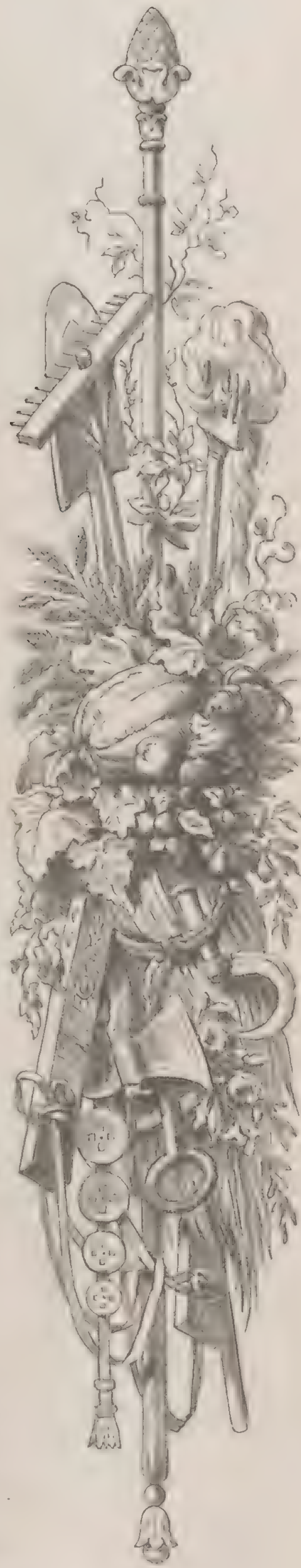

IV.

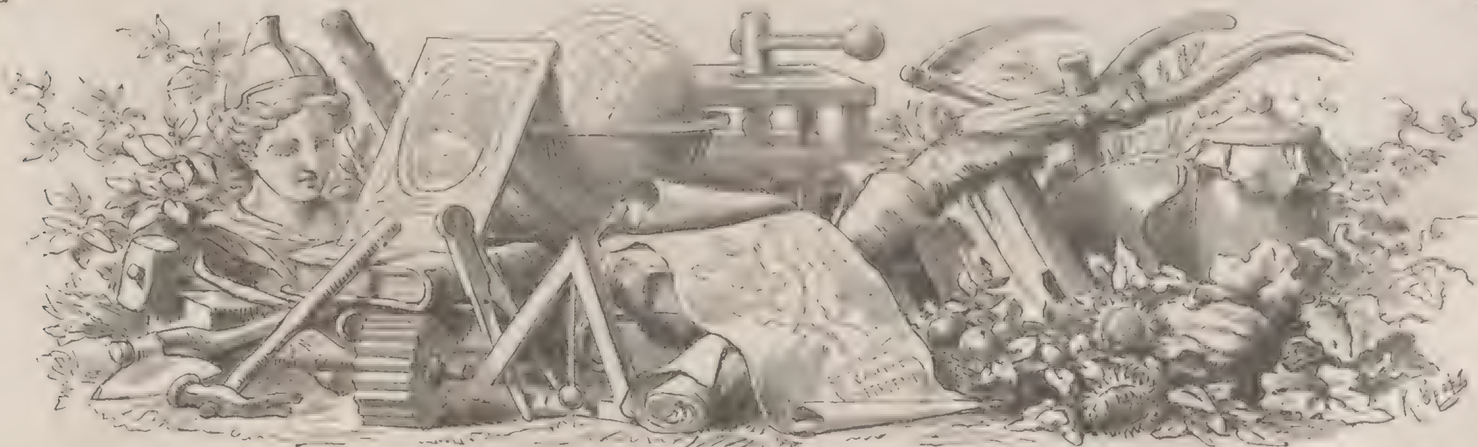
ВОРОНЕЖСКОЕ СУДОСТРОЕНІЕ.

Въ Петрѣ выказывается всюду морякъ, кораблестроитель по призванію. Находка въ Измайловѣ привела его къ верфи на Плещеевѣ озерѣ; заведено строеніе кораблей на островѣ Соломбалѣ и по Воронежскому флоту.

Былъ ли бы этотъ флотъ, если бы не походъ къ Азову? или создался ли бы онъ даже безъ похода къ Азову? — вопросы ни къ чему не ведущіе, а разрѣшаемые положительно словомъ: флотъ у Петра былъ бы *непремѣнно*. Вся разница развѣ во времени;—раньше или позднѣе.

Мы такъ и смотримъ на этотъ вопросъ, не связывая его даже совсѣмъ съ Азовомъ. Относить къ походу избраніе мѣста для верфи въ Воронежѣ, можно бы, положимъ, тогда, еслибы Петръ самъ нашолъ пунктъ, до него необращавшій на себя ни чьего вниманія, какъ было, напримѣръ, въ Архангельскѣ съ адмиралтействомъ. Тутъ было напротивъ. Уже въ царствованіе Михаила Θедоровича здѣсь строились струга для хлѣба, посылавшагося казакамъ. Дубъ, букъ, липа и сосна росли въ изобиліи по берегамъ рѣки Воронежа, составляя даже дремучіе лѣса и давая хорошій матеріалъ для стройки судовъ. Форма,—самая ихъ плоскодонность,—обусловливалась мелкостью рѣки Дона, въ низовьяхъ его. И тутъ Петру предстояло впослѣдствіи удерживать только, въ большинствѣ транспортовъ, обычную форму и объемы струговъ. Стройка ихъ нарядомъ также была заведена ранѣе Петра, за цѣлые десятки лѣтъ. Собирало правительство до 20,000 человѣкъ работниковъ зимою, подъ надзоромъ стольниковъ, посылало ватаги ихъ зимою же въ лѣса, откуда, построенные совсѣмъ, струга перевозились на колесахъ къ пристанямъ Ступинской, Куринской, Барщевской, Сокольской, Добрынской, Козловской и др. А весною спускали суда на Воронежъ; нагружали и—отпускали. Въ годъ рожденія Петра, напримѣръ, 400 струговъ «уютныхъ и

Цесаревна Анна Петровна,

старшая дочь Петра Великаго, супруга герцога Карла Фридриха Голштейнскаго (род. 28 янв. 1708 г., ум. 4 мая 1726 г.).

Видъ Петербурга при Петрѣ Великомъ.

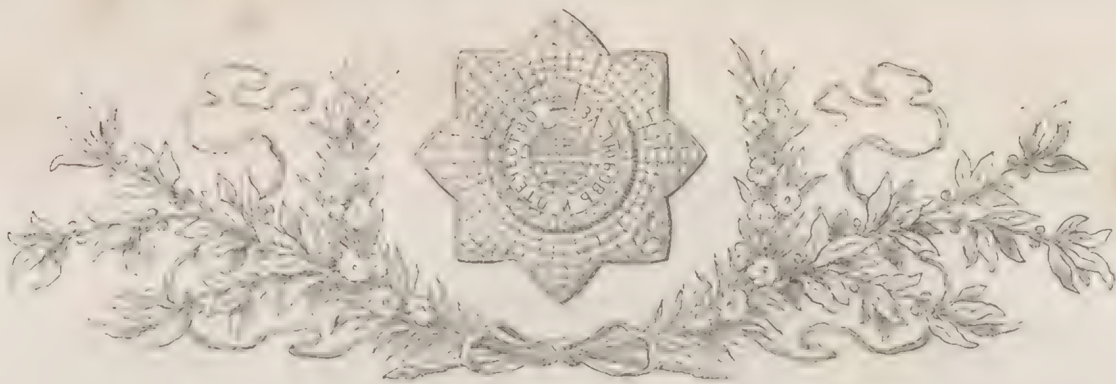
Набережная р. Невы отъ Зимняго Дворца до Лѣтняго сада

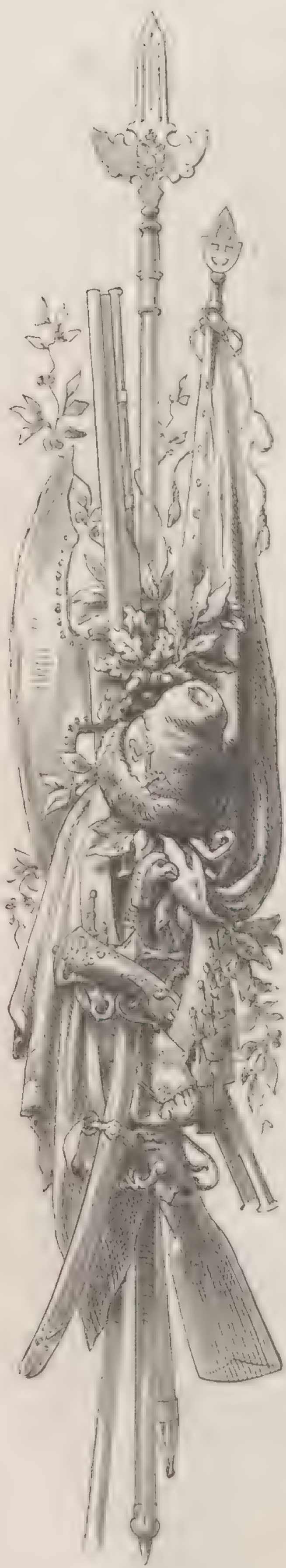

Съ современной гравюры рис. на дер. А. Б. Бегровъ, грав. Л. А. Серяковъ.

Видъ Петербурга при Петрѣ Великомъ.

Набережная р. Невы отъ Зимняго дворца до дома графа Апраксина.

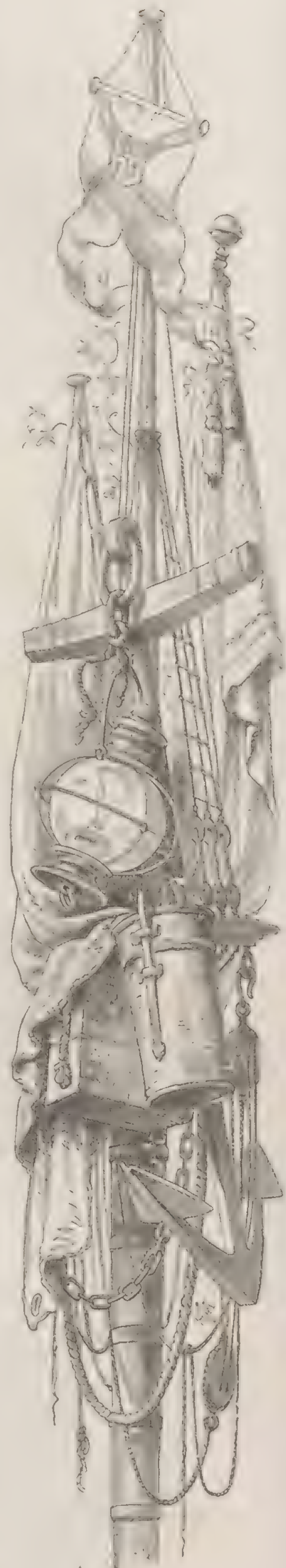
пространныхъ со всякими струговыми снастями» указано было для донскаго отпуску сдѣлать на Воронежѣ стольнику Борису Бухвостову, «чтобъ тѣ струги къ веснѣ къ полноводію были готовы». «А плотникамъ и работникамъ и кузнецамъ у того струговаго дѣла быть воронежцамъ и иныхъ городовъ городовые службы служивымъ всякихъ чиновъ, олонецкимъ и уѣзднымъ людямъ, противъ прежняго».

По прежнимъ примѣрамъ, и къ первому азовскому походу велѣно построить здѣсь же 1,295 струговъ. Петръ воспользовался, какъ видно, здѣсь заведеннымъ до него дѣломъ. Ко второму же походу образовалась кое какая разница, обусловленная привезеніемъ изъ Амстердама разборной 32 весельной галеры въ концѣ 1695 года, доставленной изъ Вологды въ Москву. По образцу этой галеры хотѣлъ Петръ въ своемъ Преображенскомъ построить зимою еще 22 такихъ же судна, да 4 бригантина. Лучшихъ плотниковъ доставили съ Вологды. Одновременно заказано 1,500 струговъ на Воронежѣ, длиною обычною до 17 сажень, а шириною до 3 и болѣе сажень.

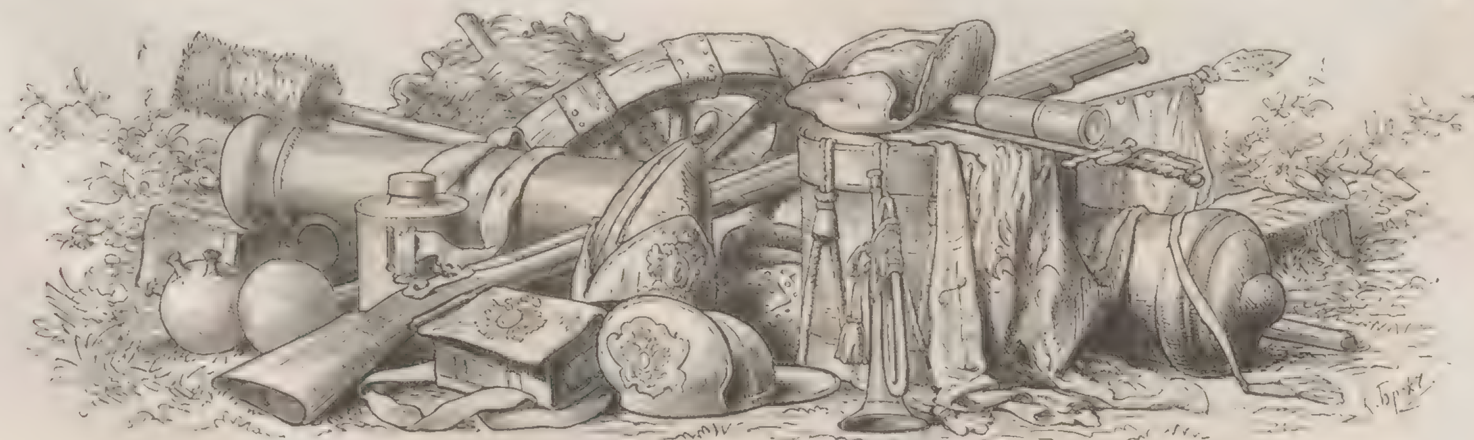
Части галеръ, по рисункамъ, велѣно приготовить также въ Воронежскихъ лѣсахъ. Сарваеромъ каторжнаго дѣла, назначенъ Францъ Тиммерманъ, занимаясь хозяйственною и экономическою частью. Въ помощники ему назначенъ Андрей Креветъ, переводчикъ польскаго приказа, завѣдывавшій Преображенскою лѣсопильною мельницею. Отъ него отпускались паруса и весь такелажъ. Полковникъ Балтазаръ Емельяновичъ Де-Лозьеръ, съ званіемъ шаутбенахта, занятъ былъ въ Воронежѣ по сбору судовъ. Для службы на нихъ сформированы, изъ преображенцевъ и семеновцевъ, 28 ротъ морскихъ солдатъ (въ числѣ 4,225 человѣкъ). Ими начальствовалъ вице-адмиралъ Юрій Степановичъ Лима; Лефортъ же носилъ имя адмирала. Въ ротахъ было неровное число рядовыхъ (отъ 75 до 126 человѣкъ) а въ государевой было 220 человѣкъ (*).

Зимою, въ ту пору, когда въ Воронежскихъ лѣсахъ стучали топоры и тысячи народа заняты были свозомъ изъ лѣсовъ строевого матеріала, у Петра въ Москвѣ заболѣла нога, и такъ серіозно, что царь не могъ проводить тѣло брата до могилы: царь Иванъ внезапно скончался 29 января 1696 г. Болѣзнь продержала государя въ постели до конца февраля и только получивъ облегченіе, но далеко еще не совсѣмъ вылечившись, нетерпѣливый Петръ поѣхалъ въ Воронежъ, гдѣ подъ наблюденіемъ, хотя усердныхъ, но неопытныхъ исполнителей, дѣло шло медленно.

Съ пріѣздомъ царя, (29 февраля), оно закипѣло и хотя поздно пріѣхали мастера изъ Архангельска,—но къ апрѣлю 30 галеръ были всѣ въ дѣлѣ и самая большая «Принципіумъ», строенная царемъ-мастеромъ, спуще-

(*) Начальниками ротъ были Я. и Р. Брюсы, И. Турлявиль, Д. Инглисъ, А. А. Гротъ, А. Вейде, Б. Б. Приставъ, Д. Левашевъ, А. Олешевъ, И. и О. Хотунскіе, И. Кунингамъ, А. Быковскій, Ан. Репнинъ, А. Опочининъ, кн. Ив. [illegible], С. [illegible], [illegible], И. Шмитъ, К. Дуровъ, А. Гасеніусъ, М. Өедоровъ, [illegible] и С. [illegible].

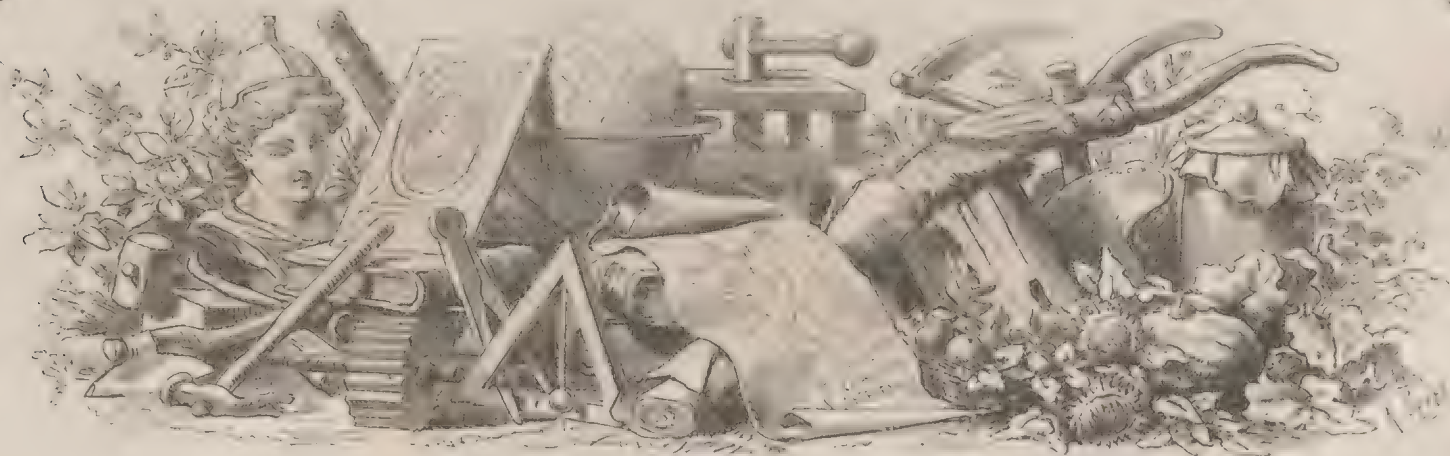
на на воду 2 апрѣля. Вслѣдъ за спускомъ ея, страшная буря со снѣгомъ и наводненіемъ (7 апрѣля) разстроила на нѣсколько дней правильный ходъ работъ, но спускъ и другихъ галеръ не замедлилъ. Апрѣля 26 спущенъ корабль «апостолъ Петръ» и на немъ черезъ день пошолъ къ Азову Шеинъ. Самъ Петръ, съ братьями Головиными и Нарышкинымъ, повелъ передовой отрядъ плавнаго каравана, 5 мая. На слѣдующій день повезли Лефорта. Зотовъ съ переводчиками отправился съ 7-ю галерами 10 числа; 17-го— Трубецкой съ тѣмъ же числомъ галеръ; 21-го—Языковъ съ провіантомъ; а 24 Де-Лозьеръ съ послѣдней галерой и брандерами.

Мая 15 Петръ былъ уже въ Черкасскѣ и во всю компанію думалъ и дѣлалъ больше всѣхъ. Флотъ несомнѣнно способствовалъ взятію Азова. Съ возвращеніемъ же въ Москву, въ Азовѣ осенью суда разнесло водой. Весною воеводѣ Лыкову велѣно починить ихъ и караулъ приготовить, чтобы тѣ суда были всѣ въ цѣлости. Но поѣздка царя въ путешествіе сдѣлала это распоряженіе исполненнымъ какъ нибудь. Только уже въ 1698 г. встрѣчаемъ мы посылку въ Азовъ большихъ запасовъ лѣса. Но судьба этой посылки бѣдственная: люди бѣжали: подъ Черкасскомъ 18 транспортовъ отъ бури сѣли на мель и затонули. Вся осень 1698 и весна 1699 г. прошли въ попыткахъ снимать ихъ съ мели. Между тѣмъ, въ Азовѣ, при судахъ держали людей съ 1696 года. И гребныя суда всѣ погнили на Дону, за время забытья о нихъ. Приставники перекорялись другъ съ другомъ и рѣшеніе думы государевой послѣ взятія Азова—«морскимъ судамъ быть» — оказывалось пустымъ словомъ.

Между тѣмъ, въ 1698 году собирали громадныя средства, обложивъ повинностью всѣ состоянія капитальныхъ русскихъ людей. Къ апрѣлю 1698 года, владѣльцы болѣе 100 дворовъ крестьянскихъ должны были построить, складываясь, корабли. Духовныя особы обязаны были соорудить корабль съ числа 8,000 дворовъ, а свѣтскіе съ 10,000. Имѣвшіе меньше 100 дворовъ, вносили по полтинѣ со двора деньгами. Городскимъ сословіямъ, вмѣсто подати *десятой деньги* съ капитала, приказано построить 12 кораблей,—разумѣя плату за работу и наемъ народа для ней. Лѣсъ готовый давало правительство.

Выполнить всю операцію постройки флота можно было, конечно, приведя въ точную извѣстность число дворовъ; а это заняло не мало времени. По разверсткѣ, у духовенства образовалось 17 паевъ (въ 8,000 дворовъ), названныхъ «кумпанствами»; также какъ и 18 участковъ свѣтскихъ помѣщиковъ въ 10,000 дворовъ. Съ прибавкою, на гостей собственно, еще двухъ кораблей, общее число ихъ,—которое составляло государственную повинность и должно было быть къ сроку выставлено, — доходило до 49 кораблей. На самомъ дѣлѣ расписано соорудить: 20-ть баркалоновъ, (свѣтскимъ помѣщикамъ, да двумъ духовнымъ) *), 10 барбар-

*) Митрополиту Казанскому да архіепископу Вологодскому.

Видъ Петер[illegible]рѣ Великомъ.

Видъ на [illegible] Островъ

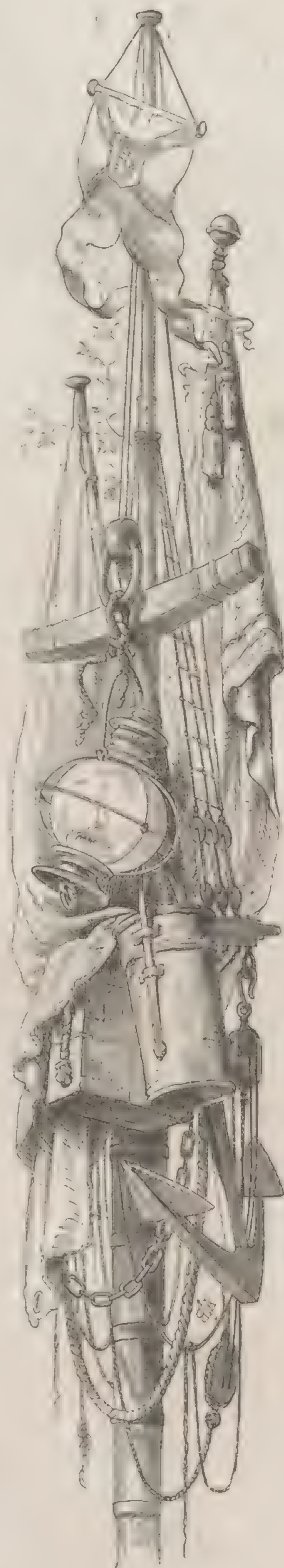
Съ современной гравюры, рис. на дер. А. К. Беггровъ, грав. Ф. Герасимовъ.

Видъ Пете[illegible]рѣ Великомъ.

[illegible] тороны.

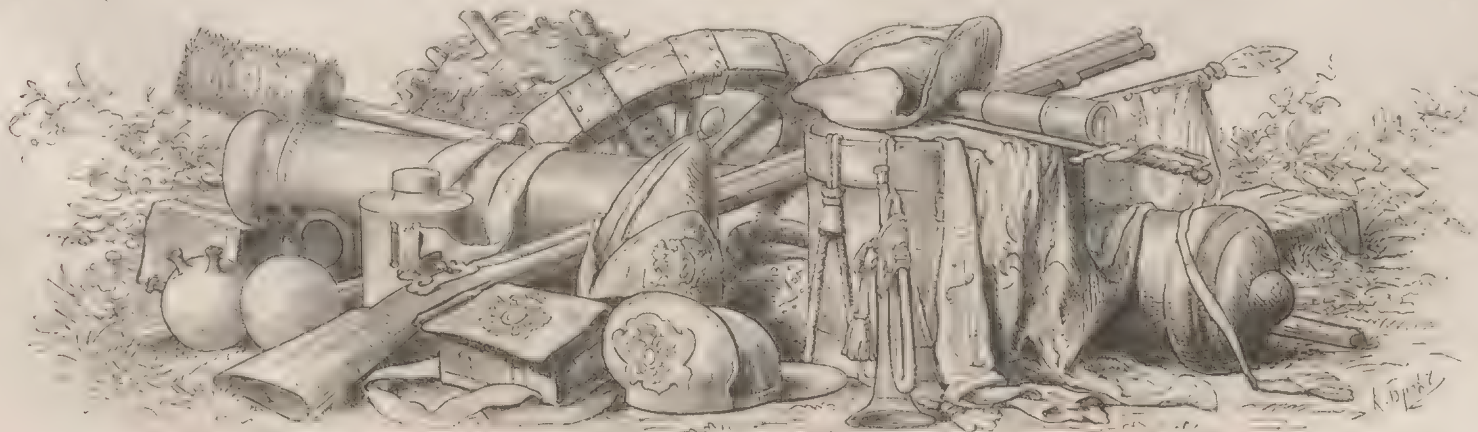
скихъ кораблей и 4 бомбардирскихъ,—городскимъ сословіямъ; 2 бомбарды строила Троицкая лавра, три барбарскіе корабля построилъ именитый человѣкъ Строгановъ, а 4-й соорудилъ Нарышкинъ; 12 же галеръ— духовныя власти. По самымъ названіямъ уже можно судить, что флотъ Воронежско-Азовскій былъ венеціанской формы, такъ какъ и строители были адріатическіе славяне.

Лѣсъ кумпанствамъ отводилъ для рубки строительнаго матеріала думный дворянинъ Савеловъ по рѣкѣ Воронежу, до Усмани на югъ и до Хмѣлинки на сѣверъ, въ длину на $21^{1}/_{5}$ версту, нашей мѣры, а въ ширину на 14 верстъ. Для стройки судовъ отведены были три мѣста: 1) для 34 судовъ, Савеловъ отвелъ участки по правому берегу Воронежа, отъ города внизъ до слободы Чижевки; 2) для 10 судовъ—Ступинская пристань и для восьми—на Хопрѣ. Кромѣ того, въ Паншинѣ городкѣ строилось 4 судна и одно на Коротоякѣ. Тиммерманъ выписалъ изъ Швеціи и Даніи 70 мастеровъ, разныхъ техническихъ производствъ, необходимыхъ въ кораблестроеніи. Годъ пребыванія Петра въ Европѣ, былъ самою горячею порою для Воронежскаго судостроенія. Здѣсь дѣло, однако, шло плохо, не столько вслѣдствіе неопытности исполнителей, сколько по племенной враждѣ мастеровъ, разныхъ національностей. Между тѣмъ, царь изъ Амстердама предписалъ еще (3 декабря 1697 года) прибавить 19 судовъ кумпанствамъ духовнымъ и свѣтскимъ, да, 25 мая 1698 года, еще 6 кораблей торговымъ людямъ. Венеціяне отказались строить сверхъ условія и бѣдные купцы рады были, когда за каждый корабль, на нихъ вновь возложенный, взято, по указу 12 сентября, деньгами, по 12,000 рублей.

Первые отработали свой урокъ купцы. Ихъ корабли готовы были къ спуску еще въ іюнѣ 1698 года. Прочіе едва поспѣли къ лѣту 1699 года. Большинство судовъ, какъ мы видѣли, составляли *баркалоны*, т. е. собственно родъ баркасовъ, съ высокимъ бортомъ въ носовой части. Кажется, они, впрочемъ, были двухъ-палубные, въ родѣ гальота, съ тяжолою кормою, покрытою ютомъ, съ тремя мачтами и 12 веслами съ каждаго борта. Вооружены они были 6—4 фунтовыми пушками, число которыхъ отъ 42-хъ доходило до 46-ти орудій. Длиною были они 125-ти футъ, шириною 27—24 ф. и сидѣли въ водѣ отъ 9—8 футовъ.

Барбарскіе корабли были одно-палубные, въ 40 орудій, съ отношеніемъ длины къ ширинѣ, какъ $3^{1}/_{2}:1$. Ходомъ они выигрывали передъ баркалонами, хотя разбойничьимъ турецкимъ (Кара-мугаль) значительно уступали въ быстротѣ, ради тяжести своей формы. *Бомбарды*, не задолго введенные Дюкэнемъ, были 2-хъ мачтовыя, длиною въ 82—83 англ. футовъ, при 28 футовой ширинѣ. Каждое такое судно вооружено было 2-мя мортирами. Пушекъ на нихъ было 36—22. Галеры, галеи и голеасы—какъ называли ихъ строители голландцы и венеціяне, каждые по своему, имѣли въ длину 125 футъ, а въ ширину 24.

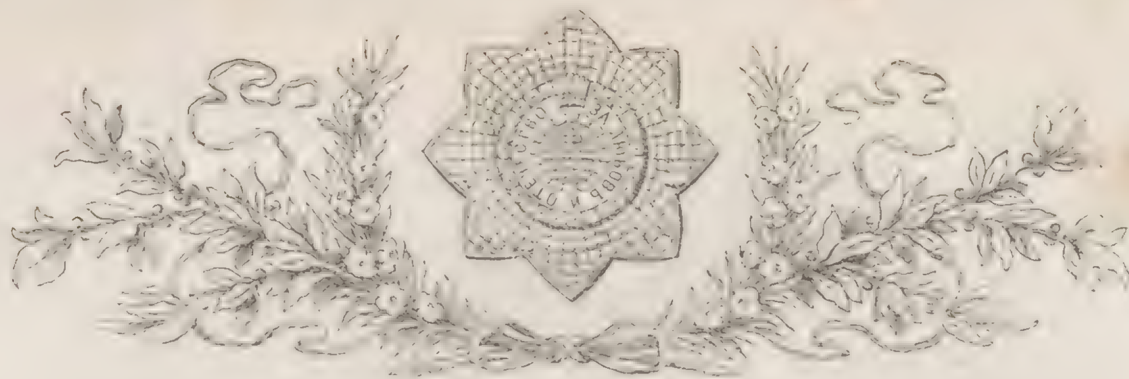
Сказавъ о формѣ построенныхъ въ Воронежѣ судовъ перваго рускаго

флота, нельзя умолчать и о томъ, что для вооруженія его доставили пушки изъ Швеціи, а народъ рабочій выставленъ былъ по [illegible] наряду, въ отмѣну *полтиннаго* взноса. Этими рабочими силами строены шесть кораблей, заказанные царемъ, бригантины и произведена постройка адмиралтейскаго двора въ Воронежѣ, на островкѣ р. Воронежа. Ото всѣхъ построекъ Петровскихъ въ Воронежѣ уцѣлѣлъ теперь только цейхгаузъ, изображеніе котораго мы здѣсь помѣщаемъ.

Ко времени начатія обширной судостроительной дѣятельности Воронежа, принадлежитъ еще одинъ памятникъ въ Москвѣ.

Это—Сухарева башня, построенная на мѣстѣ старыхъ Срѣтенскихъ воротъ, на сѣверо-восточномъ концѣ Земляного города, передъ въѣздомъ въ Стрѣлецкую слободу, второго изъ 19-ти Московскихъ Стрѣлецкихъ приказовъ. Надписи эти на самомъ зданіи разрѣшаютъ всѣ сомнѣнія. Онѣ, помѣщонныя на двухъ таблицахъ, съ южной стороны воротъ, первая надпись,—по титулѣ обоихъ царей,—указываетъ, что сооруженіе воротъ началось «при сидѣньѣ въ (Стрѣлецкомъ) приказѣ боярина кн. Ив. Борисовича Троекурова». Вторая же надпись гласитъ, что «построены во второмъ стрѣлецкомъ полку, по земляному городу Срѣтенскіе вороты, а надъ тѣми вороты, палаты и шатеръ съ часами. А подлѣ воротъ по обѣ стороны малыя палаты, да казенный амбаръ. А позадь воротъ къ новой мѣщанской слободѣ часовня съ кельями, къ Николаевскому монастырю, что на Перервѣ. А начато то строеніе строить въ лѣто 7200 (1692), а совершено 7203 (1695), а въ то время будущаго у того полку стольника и полковника Лаврентія Панкратьева сына Сухарева». Роль Сухарева полка въ распрѣ Петра съ Софьею, извѣстна. Сухаревы стрѣльцы были и въ Кожуховскомъ походѣ. До 1700 года зданіе воротъ еще разъ перестроено и вѣроятно въ это время сдѣлано приспособленіе помѣщеній, къ первой въ Россіи школѣ навигаторовъ.

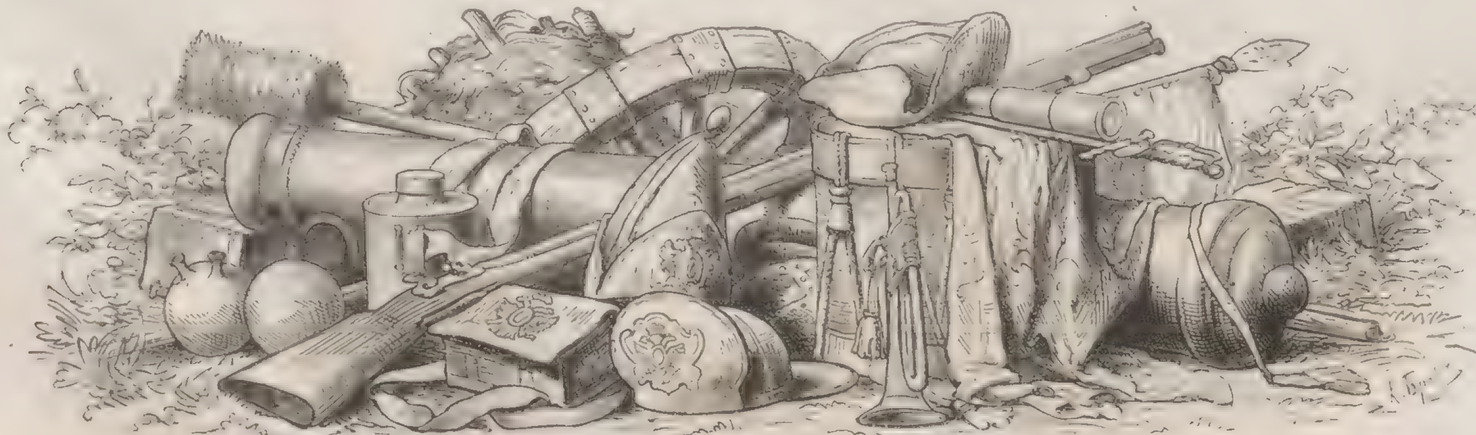
V.

АЗОВСКІЕ ПОХОДЫ.

1695 и 1696 г.г.

Кожуховскія военныя потѣхи возбудили въ Петрѣ желаніе испытать устроенные имъ, по иностранному образцу, «потѣшные полки», въ настоящей битвѣ съ непріятелемъ. И случай для этого представлялся весьма удобный. Россія съ 1686 года находилась въ разрывѣ съ Турціей; но послѣ неудачныхъ походовъ князя В. В. Голицына въ Крымъ, военныя дѣйствія были пріостановлены. Войска наши ежегодно собирались на Украинской линіи, лишь для охраненія собственныхъ предѣловъ и не предпринимали никакихъ наступательныхъ движеній. Петръ, поощряемый совѣтами близкихъ къ нему лицъ и увѣщаніями іерусалимскаго патріарха, рѣшился дѣятельно возобновить войну. Неудачи Голицына показали безплодность степныхъ походовъ, а потому цѣлью новаго похода былъ избранъ Азовъ, путь къ которому облегчался Дономъ и расположенными вблизи его низовьевъ поселеніями Донскихъ казаковъ. При томъ же, взятіе этой важной турецкой крѣпости, считавшейся ключомъ къ Азовскому морю, льстило самолюбію молодого царя, могло произвести сильное впечатлѣніе не только въ Россіи, но и въ Европѣ, и открывало для русской торговли проходъ въ Чорное море, рѣдко замерзающее.

Чтобы скрыть отъ турокъ настоящую цѣль похода, огромное войско ратныхъ людей стараго строя и конныхъ ополченій, подъ начальствомъ боярина Б. П. Шереметева, было послано, весной 1695 г., для промысла надъ Крымскимъ ханомъ. Войска же новаго строя, также московскіе стрѣльцы, городовые солдаты и царедворцы, всего 31.000 человѣкъ, двинулись, подъ командой генераловъ: Лефорта, Гордона и Головина, къ Азову. Прежде всѣхъ выступилъ передовой отрядъ Гордона; собравшись въ Там-

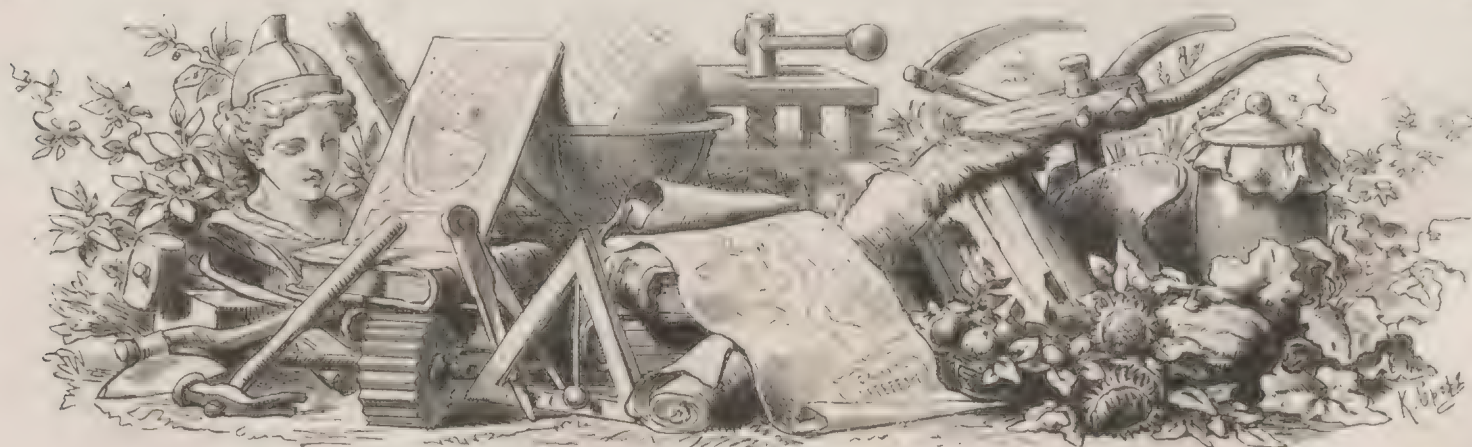

бовѣ, онъ въ концѣ апрѣля мѣсяца направился къ Азову сухимъ путемъ, чрезъ Черкаскъ. Вслѣдъ за тѣмъ и остальныя войска, при которыхъ находился самъ государь, сѣли на суда въ Москвѣ и поплыли Москвою рѣкою, Окою и Волгою.

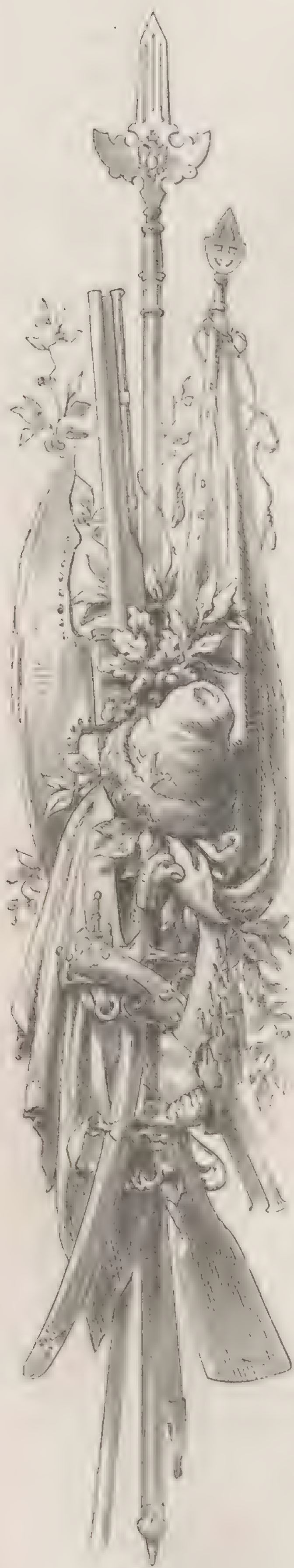
«Шутили подъ Кожуховымъ, а теперь подъ Азовъ играть ѣдемъ» – писалъ Петръ Апраксину. Дѣйствительно, Азовскій походъ былъ предпринятъ безъ всякихъ серіозныхъ приготовленій. Съ самаго начала уже оказалось, что и кормчіе и суда, назначенные для перевозки войскъ, никуда не годились. Погода стояла бурная и плаваніе было столь безпорядочно, что многія суда сѣли на мель, а другія получили значительныя поврежденія и едва могли добраться до Нижняго. Дальнѣйшій походъ совершался не лучше. Отъ Царицына войска шли степью съ большими затрудненіями. Изнуренные солдаты должны были трое сутокъ везти на себѣ орудія, снаряды и тяжести, потому что при отрядахъ не имѣлось ни конницы, ни артиллерійскихъ и обозныхъ лошадей. Къ довершенію всего, по прибытіи въ казацкій городокъ Паншинъ, обнаружился, вслѣдствіе неисправности подрядчиковъ, недостатокъ въ провіантѣ. Изъ Паншина войско поплыло Дономъ, отдохнуло три дня въ Черкаскѣ и 29-го іюня добралось, наконецъ, до Азова, гдѣ уже стоялъ Гордонъ въ лагерѣ, обнесенномъ окопами.

Укрѣпленія Азова, занятого 10000 турокъ и татаръ, состояли изъ каменной стѣны съ землянымъ валомъ, усиленнымъ палисадами. Въ двухъ верстахъ отъ крѣпости, на обоихъ берегахъ Дона, выше по теченію, находились двѣ каменныя башни или каланчи, вооруженныя артиллеріей. Эти башни, соединенныя протянутыми черезъ рѣку, тремя толстыми желѣзными цѣпями, заграждали судамъ возможность приближаться къ городу.

Петръ, утвердясь подъ Азовомъ, по его собственнымъ словамъ «на молитвахъ святыхъ апостоловъ, яко на камени», приступилъ къ осадѣ крѣпости. На одной изъ батарей, онъ самъ начинялъ гранаты и бомбы, наводилъ орудія и стрѣлялъ въ продолженіи двухъ недѣль. Не смотря на постоянный и сильный огонь съ нашей стороны, непріятель, подкрѣпленный свѣжими войсками, пришедшими моремъ, не только не терялъ бодрости, но частыми вылазками безпокоилъ осаждающихъ и наносилъ имъ много вреда. Между тѣмъ, татарская конница, кочевавшая въ окрестной степи, затрудняла доставленіе къ арміи снарядовъ и съѣстныхъ припасовъ. Самый удобный путь для подвоза—водой, былъ загражденъ каланчами и потому наши военачальники рѣшили попытаться овладѣть ближайшею изъ нихъ. Царь вызвалъ охотниковъ изъ донскихъ казаковъ, обѣщая каждому по десяти рублей награды. Казаки, подкравшись къ каланчѣ ночью, взяли ее и при этомъ захватили 15 пушекъ и нѣсколько плѣнныхъ. Обрадованный царь велѣлъ служить во всѣхъ полкахъ благодарственные молебны; но радость была непродолжительна. Въ этотъ же день, турки, руководимые перебѣжавшимъ къ нимъ изъ русскаго лагеря голландскимъ матросомъ Янсеномъ, внезапно напали на наши окопы въ то время, какъ войска отдыхали, утом-

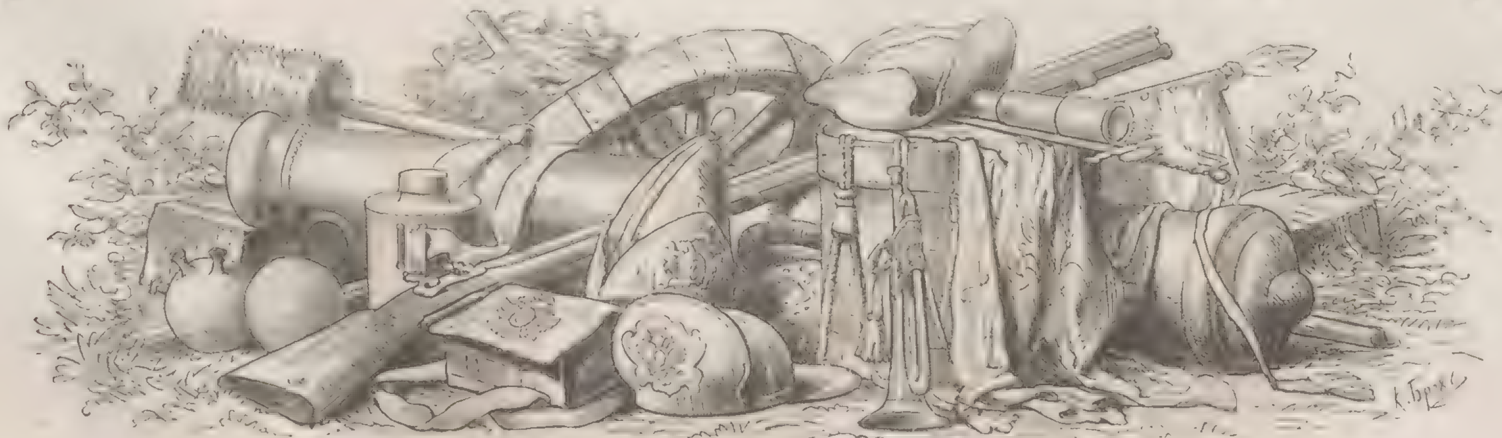

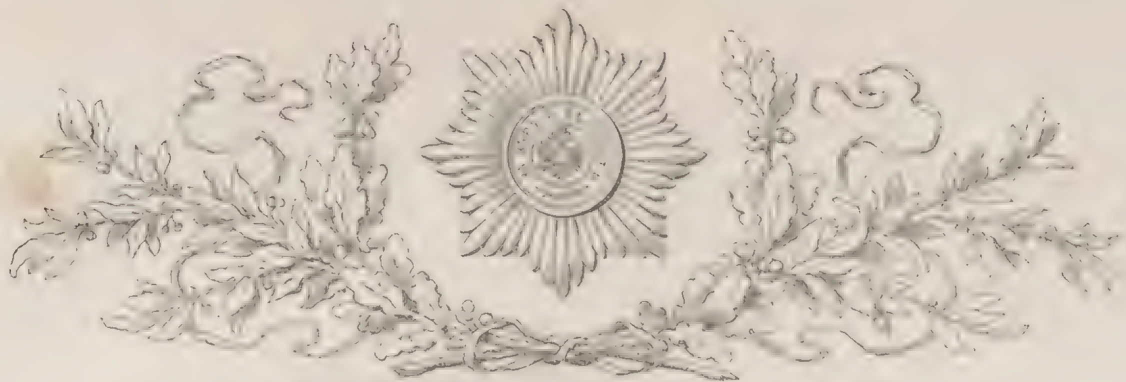

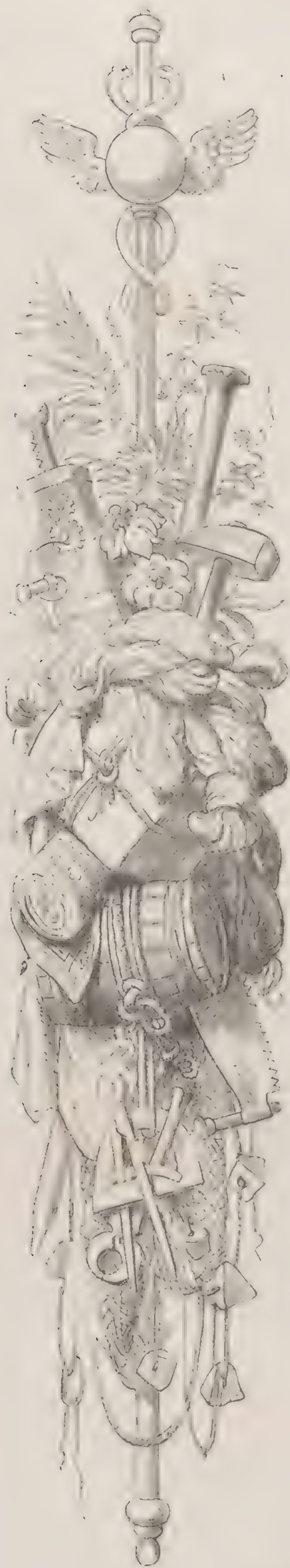
ленные сильнымъ зноемъ. Непріятель, съ громкими криками, стремительно ворвался въ лагерь и началъ убивать сонныхъ. Стрѣльцы и солдаты бѣжали, пораженные паническимъ страхомъ; къ счастію, подоспѣвшіе потѣшные полки успѣли оттѣснить турокъ, которые, однакожъ, увезли съ собой 7 полевыхъ пушекъ и перепортили большую часть осадныхъ орудій. Въ войскѣ распространилось было уныніе; но казаки ободрили его новымъ подвигомъ. Открывъ изъ занятого ими укрѣпленія жестокую пальбу противъ второй каланчи, они принудили непріятеля покинуть ее, оставивъ русскимъ 21 пушку. Покореніе каланчей облегчило положеніе арміи.—«Теперь мы зѣло свободны стали»—писалъ царь (къ Кревету) въ Москву,—«будары съ запасами воинскими и съѣстными сюда съ рѣки пришли; которые прежде сего въ обозъ зѣло, съ превеликою провожены были трудностію отъ татаръ, сухимъ путемъ. И слава Богу! по взятіи оныхъ (каланчей) яко врата счастія къ Азову отворились».

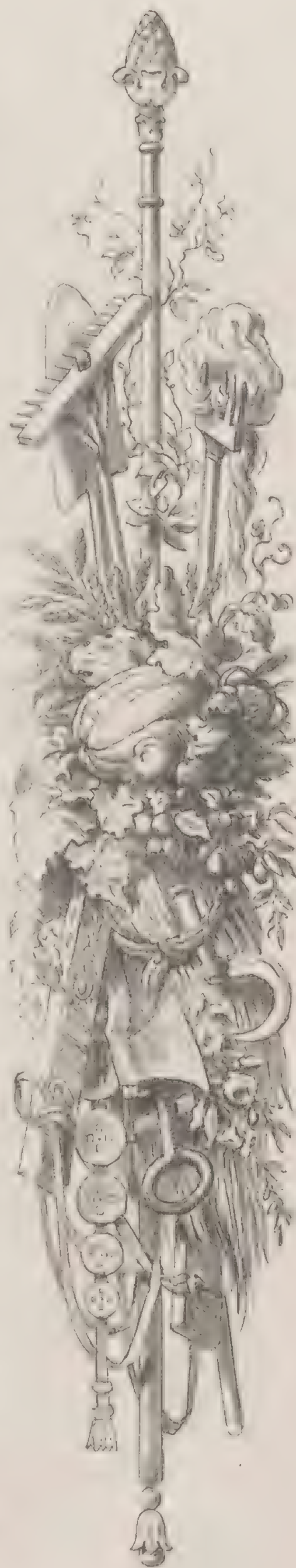
Надежды Петра были напрасны. Онъ скоро увидѣлъ, что подъ Азовомъ нельзя «играть». Въ нашихъ войскахъ не существовало ни единодушія, ни умѣнья; начальники замѣтно скучали осадой и трусили ратнаго дѣла. Въ концѣ іюля они послали письмо къ пашѣ, пытаясь склонить его къ сдачѣ города предложеніемъ «выгодныхъ условій». Паша отвѣчалъ отказомъ. Тогда заговорили о штурмѣ. Опытный Гордонъ спорилъ и доказывалъ преждевременность штурма, однако, его не послушали. 5-го августа, войска пошли на приступъ, неимѣя съ собой ни лѣстницъ, ни фашинъ. Регулярные полки сражались храбро и даже взобрались на валъ, но стрѣльцы, назначенные въ помощь штурмующимъ, не поддержали ихъ, а, расположась въ садахъ, спокойно смотрѣли, въ продолженіе всего приступа, на усилія своихъ товарищей. Штурмъ, разумѣется, былъ отбитъ, съ большими для насъ потерями.

Послѣ этой неудачи, снова принялись за осаду. Она подвигалась крайне плохо, вслѣдствіе беззаботности начальниковъ и неискусства инженеровъ. Между тѣмъ, непріятель не давалъ войскамъ покоя, ни днемъ, ни ночью; производилъ безпрестанно вылазки; врывался въ траншеи и уничтожалъ осадныя работы. Петръ нетерпѣливо ждалъ окончанія подведенныхъ нами подкоповъ подъ крѣпостной валъ, рѣшившись, по взрывѣ минъ, вторично штурмовать крѣпость. Когда мины были окончены и заряжены 85-ю пудами пороха, царь собралъ военный совѣтъ. Всѣ присутствовавшіе, за исключеніемъ Гордона, подали голосъ въ пользу приступа. Сентября 25-го утромъ, войска были собраны въ передовыхъ траншеяхъ. Раздался страшный взрывъ подкоповъ: каменья, бревна, доски, взлетѣли на воздухъ и обрушились на наши же апроши, перебивъ и переранивъ нѣсколько десятковъ человѣкъ. Впрочемъ, часть крѣпостного вала оказалась поврежденною, такъ что въ ней образовался проломъ въ двадцать сажень. Штурмующія колонны двинулись на приступъ вяло и неединодушно. Отрядъ Гордона аттаковалъ проломъ; остальныя же войска только дѣлали видъ нападенія, ожидая, чтобъ другіе проложили имъ путь въ городъ. Замѣтивъ это, турки

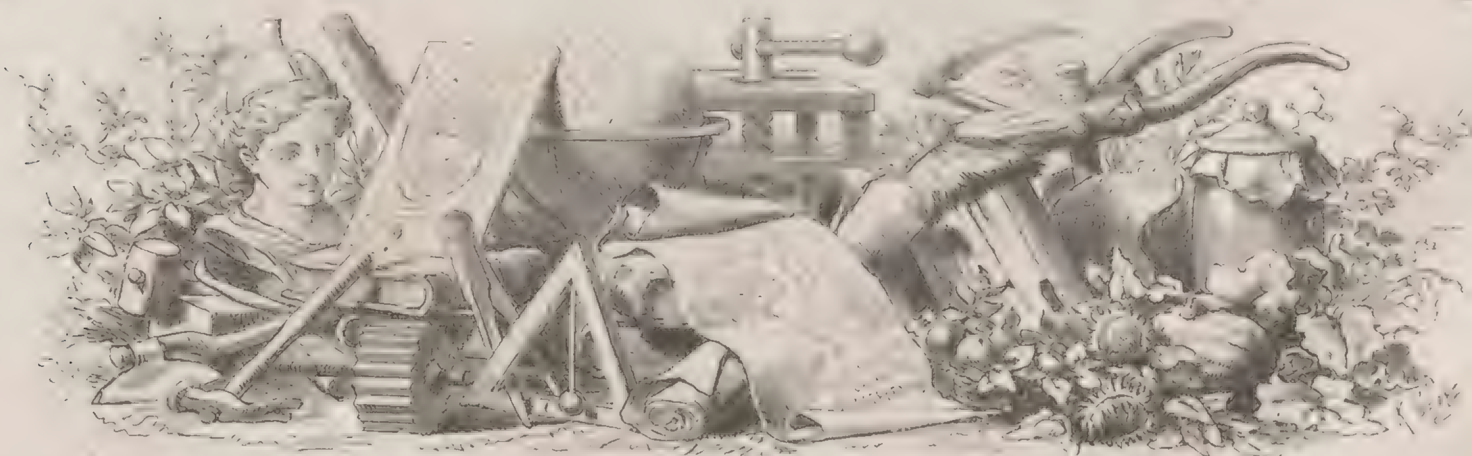
сосредоточили всѣ свои силы у пролома, прогнали солдатъ Гордона съ вала и потомъ выпустили на русскихъ толпу яростныхъ янычаръ. Стрѣльцы, при видѣ ихъ, тотчасъ побѣжали, распространяя страхъ и въ прочихъ отрядахъ. Государь два раза возобновлялъ приступъ, но солдаты шли неохотно и при первомъ же натискѣ непріятеля поспѣшно отступали. Замѣтимъ, однако, что 1000 казаковъ и полки Преображенскій и Семеновскій ворвались въ городъ, но не бывъ поддерживаемы, вернулись на суда.

Убѣдившись въ невозможности завладѣть Азовомъ въ этомъ году, Петръ, на третій же день послѣ штурма, велѣлъ снять осаду. Укрѣпивъ обѣ каланчи и оставивъ въ нихъ 3000 человѣкъ гарнизона, армія тронулась, 30 сентября, въ обратный путь. Онъ совершился еще съ большими бѣдствіями и затрудненіями, нежели самый походъ къ Азову. Въ степи, въ первые два дня, отступавшихъ безпрерывно тревожила татарская конница и Гордонъ, начальствовавшій аріергардомъ, едва могъ сохранять хоть какой нибудь порядокъ между своими солдатами. Полкъ Сверта отсталъ и былъ совершенно уничтоженъ непріятелемъ. За Черкасскомъ вдругъ начались сильные морозы и вьюги; множество людей и лошадей погибло отъ холода и голода.

Ноября 22-го, царь торжественно вступилъ съ потѣшными въ Москву. Но неудачу нельзя было скрыть. Взятіе двухъ каланчей не окупало ни тяжолаго и дальняго похода, ни огромныхъ потерь.

Азовскія неудачи многому научили Петра и заставили его смотрѣть на многое иными глазами. Онъ не могъ *не замѣтить недостаточности и легкомысленности того, чему предавался прежде съ страстнымъ увлеченіемъ*. Петръ увидѣлъ также, что для пользы и блага Россіи нужны быстрыя и рѣшительныя перемѣны. Съ этихъ поръ дѣятельность его, вызванная сперва лишь одними личными увлеченіями, безъ всякихъ дальнѣйшихъ плановъ, начинаетъ принимать опредѣленное направленіе. Онъ вдругъ выростаетъ отъ бѣды и обнаруживаетъ изумительную энергію. Оставляя пока въ сторонѣ многіе важные государственные вопросы и настоятельныя потребности Россіи, Петръ на этотъ разъ обратилъ все свое вниманіе на то, что всего прямѣе и непосредственнѣе было связано съ предъидущими событіями,—на усовершенствованіе военнаго дѣла и созданіе морскихъ силъ,—о которыхъ мы уже говорили.

Еще на пути изъ Азова со степи, близъ береговъ Айдара, Петръ писалъ къ цесарю римскому и курфюрсту бранденбургскому, прося ихъ прислать ему поскорѣе опытныхъ инженеровъ и «подкопныхъ мастеровъ». Короля же польскаго, нашего тогдашняго союзника, царь приглашалъ предпринять, одновременно съ нимъ, рѣшительныя дѣйствія противъ общихъ враговъ христіанства. Это уже показывало, что Петръ собирается въ будущемъ году идти подъ Азовъ не для одной «игры», а задумываетъ серіозное дѣло. Дѣйствительно, черезъ пять дней по возвращеніи царя въ Москву, 27-го ноября 1695 г., ратнымъ людямъ была сказа-

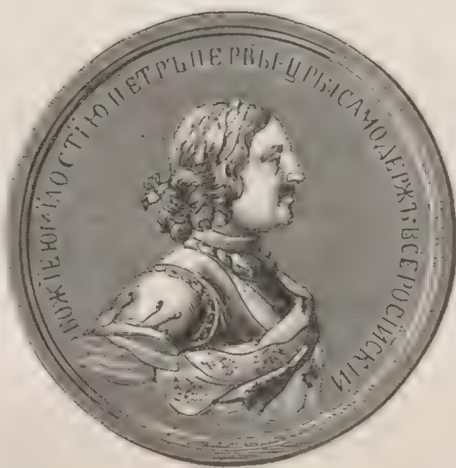

Памятникъ убитымъ

въ Гангеудскомъ сраженіи 27 іюля 1714 года.

Рис. на дер. А. О. Адамовъ, грав. Ф. Герасимовъ.

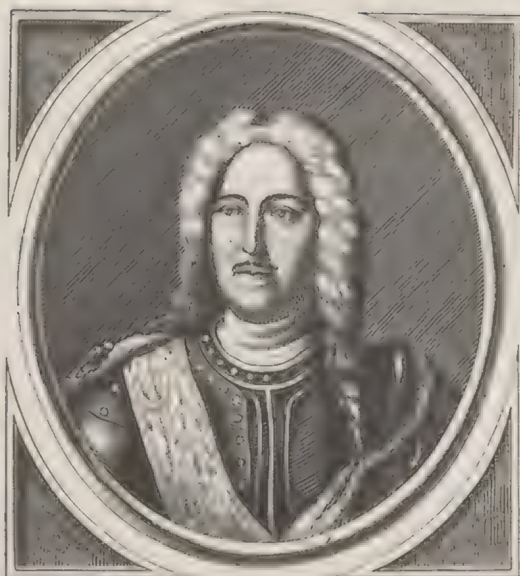
Медаль въ память сраженія при Гангеудѣ 27 іюля 1714 года.

Рис. А. О. Адамовъ, грав. Л. А. Сѣряковъ.

Князь Александръ Даниловичъ Меньшиковъ,
генералисимусъ и адмиралъ русскаго флота

Рис. П. Ф. Борель, грав. А. Даугель

Графъ Федоръ Матвѣевичъ Апраксинъ,
генералъ - адмиралъ русскаго флота.

Рис. на дер. П. Ф. Борель, грав. А. Даугель.

Фельдмаршалъ, князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ.

Рис. на дер. П. Ф. Борель, грав. А. Даугель.

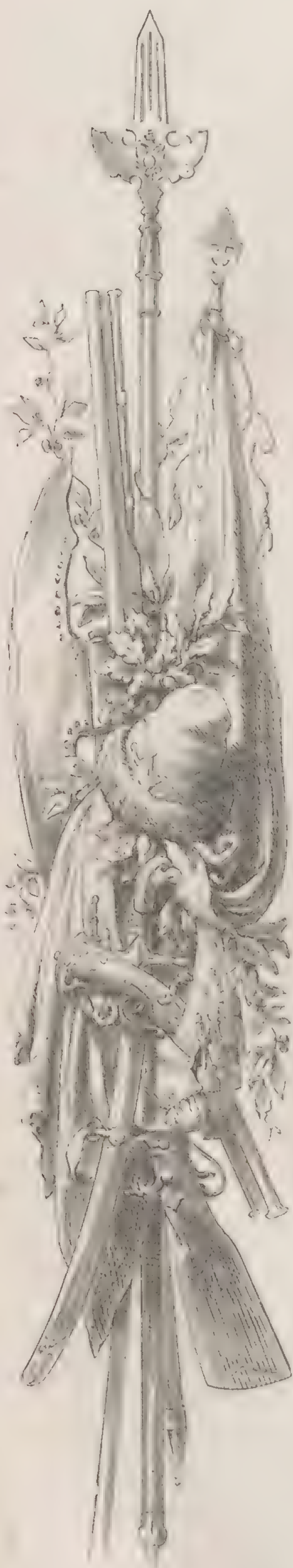

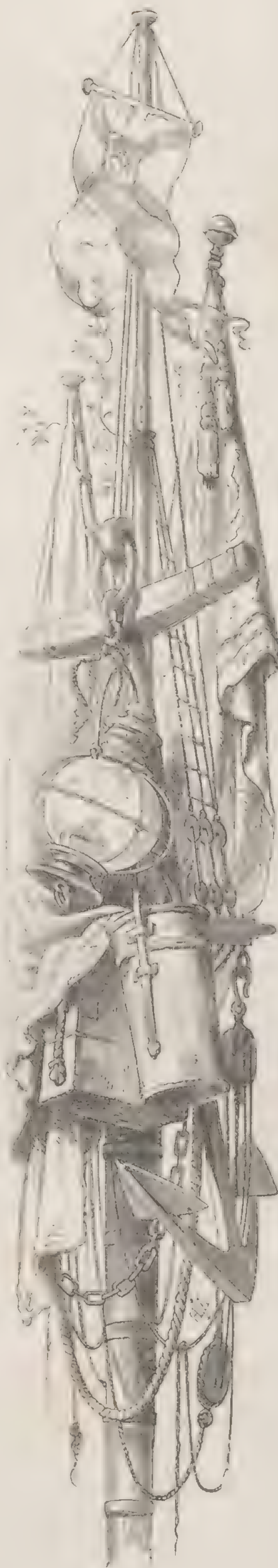

Медаль въ память сраженія при островѣ Гренгамѣ, 27 іюля 1720 года.

Рис. на дер. А. О. Адамовъ, грав. Л. А. Спряковъ.

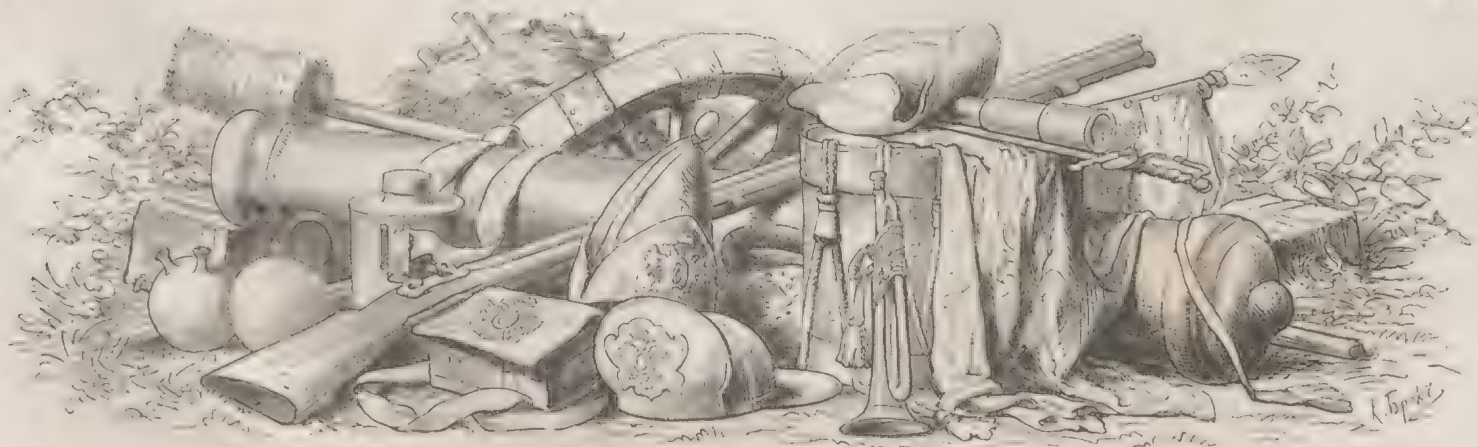

на вновь служба подъ Азовъ. Декабря 13-го въ Москвѣ «кликнули кличъ», чтобъ всѣ охочіе люди шли въ Преображенское и записывались въ службу. Охотниковъ нашлось не мало, особенно въ господскихъ дворняхъ. Кромѣ того, Петръ потребовалъ присылки войска отъ малороссійскаго гетмана. Для устраненія обнаружившихся въ первомъ походѣ несогласій и разномыслія между генералами, царь назначилъ надъ арміею одного главнокомандующаго, боярина А. С. Шеина. Въ декабрѣ же, Петръ озаботился и заготовленіемъ провіанта, да военныхъ снарядовъ.

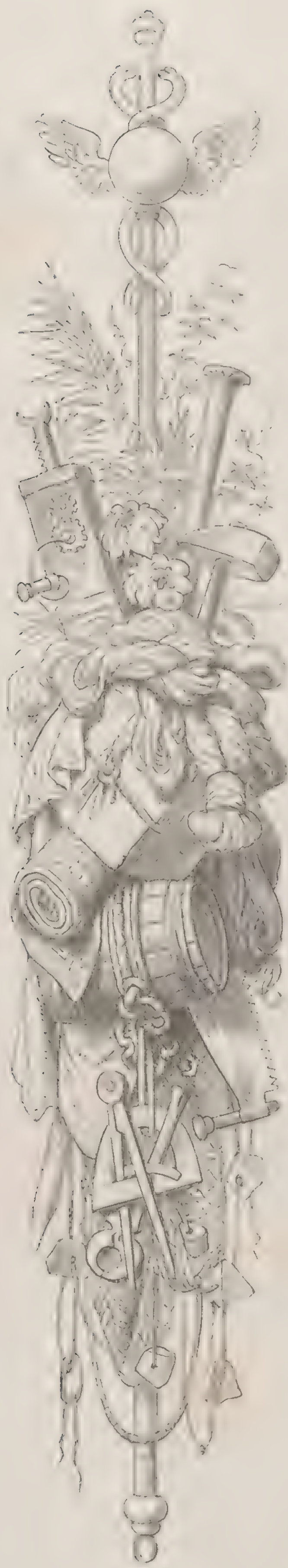
Къ половинѣ апрѣля, въ окрестностяхъ Воронежа была сосредоточена армія въ 42000 человѣкъ. 21-го числа, «генералиссимусъ» Шеинъ, отпраздновавъ на приготовленной для него галерѣ поднятіе своего флага, тронулся съ войскомъ подъ Азовъ. Черезъ пять дней послѣ него, изъ Воронежа двинулся «морской караванъ», т. е. новосозданный флотъ, авангардъ котораго находился подъ командой капитана «Петра Алексѣевича». Плывя Дономъ, государь издалъ первый приказъ, опредѣлявшій распорядокъ при движеніи судовъ. Немногія правила, заключающіяся въ этомъ приказѣ, послужили зародышемъ «морского регламента», составленнаго Петромъ двадцать лѣтъ спустя.

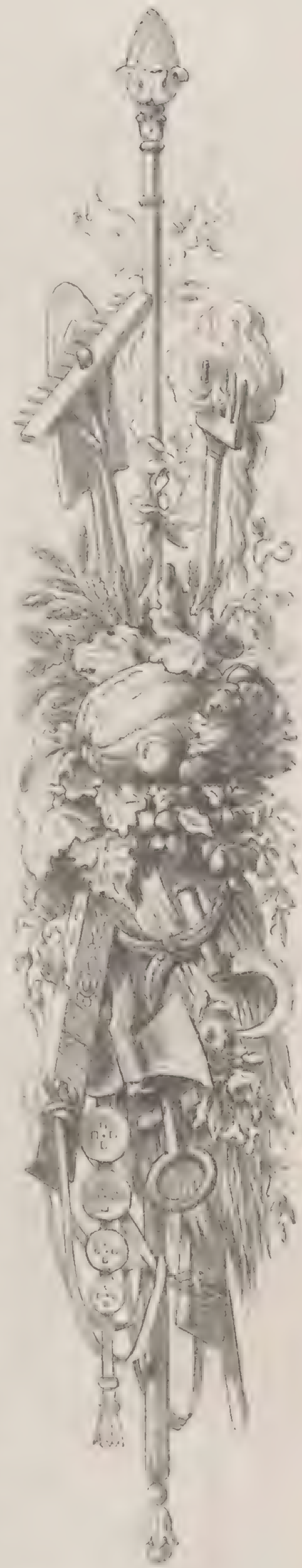
Прибывъ въ Черкасскъ, царь получилъ здѣсь, 18-го мая, извѣстіе, что въ устьяхъ Дона стоятъ два турецкіе корабля, и рѣшился аттаковать ихъ галерами, при помощи донскихъ казаковъ. 19-го числа, вечеромъ, казаки, на 40 лодкахъ, пустились внизъ по р. Каланчѣ; за ними на 9-ти галерахъ пошолъ самъ государь съ однимъ пѣхотнымъ полкомъ. Съ сѣвера дулъ крѣпкій вѣтеръ; вода по всему Дону спала и протоки обмелѣли такъ, что галерамъ нельзя было пройти въ море. Тогда Петръ пересѣлъ въ казачью лодку и пробрался на ней къ взморью; но, вмѣсто двухъ непріятельскихъ кораблей, увидалъ ихъ—*тринадцать*. Не рискуя напасть на турокъ съ слабыми силами, царь вернулся назадъ, оставивъ въ устьяхъ Каланчи атамана Минаева, съ казачьей флотиліей. Ночью донцы выслѣдили непріятельскій транспортъ съ провіантомъ, отправленный на 13-ти тумбасахъ съ турецкаго флота въ Азовъ. Казаки стремительно бросились на транспортъ, овладѣли 10-ю тумбасами и навели на турецкій флотъ такой страхъ, что онъ поспѣшилъ сняться съ якорей и уйти въ море. Въ смятеніи, два непріятельскихъ корабля сѣли на мель: одинъ изъ нихъ турки затопили сами, а другой достался казакамъ. Эта первая морская удача привела царя въ восторгъ и была отпразднована пушечной пальбой со всѣхъ нашихъ галеръ и укрѣпленій. На другой день вѣтеръ перемѣнился, нагналъ воду въ Донскіе притоки и позволилъ Петру выйдти со всѣмъ флотомъ въ море. Заложивъ на правомъ берегу Дона, близъ устья, земляное укрѣпленіе, царь отрѣзалъ совершенно Азовъ отъ моря.

Между тѣмъ, наша армія расположилась подъ крѣпостью, почти на тѣхъ же мѣстахъ, какъ и въ прошломъ году и, построивъ нѣсколько батарей, открыла сильную бомбардировку, которая, впрочемъ, наносила мало вреда

непріятельскимъ укрѣпленіямъ. Нетерпѣливо ожидаемые, цесарскіе инженеры не ѣхали и главнокомандующій, не зная, какъ приступить къ осаднымъ работамъ, задумалъ предложить самимъ солдатамъ и стрѣльцамъ рѣшеніе вопроса о томъ, какимъ способомъ лучше взять Азовъ. Они отвѣчали, что нужно сдѣлать высокій земляной валъ, привалить его къ непріятельскому валу и, засыпавъ ровъ, сбить турокъ съ крѣпостныхъ стѣнъ. Какъ ни странно казалось такое предложеніе, напоминавшее осаду Херсона великимъ княземъ Владиміромъ въ X столѣтіи, однакожъ, царскій совѣтъ принялъ его. Въ теченіе двухъ недѣль, каждую ночь, 15000 человѣкъ занимались, подъ непріятельскими выстрѣлами, этой гигантской и безполезной работой. Петръ находился постоянно на своей галерѣ, поджидая непріятельскаго флота, и рѣдко являлся въ лагерь; но за то, во время своихъ рѣдкихъ посѣщеній, онъ безстрашно обходилъ самые опасные пункты, разставлялъ орудія, металъ бомбы. Прогулки свои по траншеямъ, царь шутливо описывалъ въ письмахъ къ любимой сестрѣ Натальѣ Алексѣевнѣ, просившей его беречься: «по письму твоему я къ ядрамъ и пулькамъ близко не хожу, а онѣ ко мнѣ ходятъ; прикажи имъ, чтобъ не ходили. Однако жъ, хотя и ходятъ, только по ся поры вѣжливо. А къ Азову турки на помощь пришли, да къ намъ нейдутъ; я чаю, что желаютъ насъ къ себѣ».

Наконецъ, 11-го іюля въ лагерь прибыли запоздавшіе нѣмецкіе инженеры. Они подивились громадности нашихъ работъ и указали, какъ вести мины и ставить батареи. Вскорѣ мѣткіе выстрѣлы ихъ разрушили крѣпостные палисады и принудили турокъ оставить одинъ изъ бастіоновъ, который наши войска тотчасъ же заняли. 17-го іюля донскіе казаки и запорожцы, наскучивъ осадой, внезапно аттаковали крѣпость и даже ворвались въ нее; но, неподдержанные во время, должны были отступить и засѣли на главномъ валу, откуда непріятель никакъ не могъ выбить ихъ. Тогда главнокомандующій велѣлъ всѣмъ войскамъ готовиться къ общему штурму. Однако, турки не дождались его. Убѣдившись въ невозможности дальнѣйшаго сопротивленія, потерявъ всякую надежду на подкрѣпленіе съ моря, и израсходовавъ почти всѣ имѣвшіеся у нихъ военные снаряды, они, на слѣдующій день, предложили сдать крѣпость, выговаривая себѣ позволеніе выйти изъ города въ полномъ вооруженіи, съ женами, дѣтьми и пожитками. Государь согласился на это условіе съ тѣмъ, чтобы ему непремѣнно былъ выданъ измѣнникъ Янсенъ.

Утромъ, 19-го іюля, восемь русскихъ полковъ выстроились въ два ряда отъ береговыхъ Азовскихъ воротъ до самаго Дона. На рѣкѣ было приготовлено 30 струговъ и 2 галеры для перевозки сдавшагося гарнизона до рѣки Кагальника. Турки выступили изъ крѣпости въ числѣ 3000 человѣкъ; въ большомъ безпорядкѣ: одни шумною толпою бросились къ судамъ, другіе кинулись въ противоположную сторону, въ степь. Только комендантъ Гассанъ-Бей сохранилъ подобающую важность. Сопровождаемый знатнѣйшими чинами гарнизона, онъ шолъ между рядами русскихъ войскъ съ раз-

Съ современной модели, рис. А. К. Беггровъ, грав. К. Вейерманъ.

Корабль „Ингерманландъ",

на которомъ находился Петръ I во время командованія 4 флотами, въ 1718 году.

вѣвающимися знаменами, подъ прикрытіемъ сотни нашихъ солдатъ. На берегу стоялъ генералиссимусъ, верхомъ, окруженный многочисленною свитою. Бей преклонилъ передъ нимъ знамена, вручилъ ему городскіе ключи, поблагодарилъ за честное исполненіе условій и затѣмъ отправился, на стругахъ, къ устью Кагальника. По удаленіи турокъ изъ Азова, десять русскихъ полковъ, назначенные для его занятія, вступили въ крѣпость, гдѣ нашли 96 пушекъ, мортиръ, дробовиковъ и пищалей.

«Нынѣ со святымъ Павломъ радуйтеся всегда о Господѣ, и паки реку радуйтесь!»—писалъ Петръ въ Москву;—«нынѣ радость наша исполнися понеже Господь Богъ двалѣтніе труды и крови наши милостію Своею наградилъ: вчерашняго дня Азовцы, видя конечную бѣду свою, сдались».

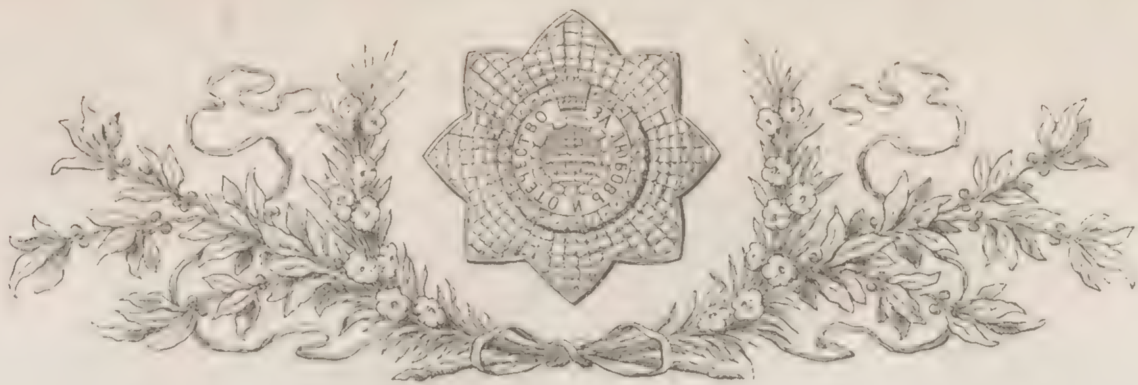
Извѣстіе это произвело въ Москвѣ неописанную радость. Взятіе Азова принадлежало къ числу тѣхъ не многихъ событій, которыя не могли не подѣйствовать сильно на народное воображеніе. Это было первое торжество надъ страшными турками, еще такъ недавно раззорившими Чигиринъ, въ глазахъ нашего войска. Послѣ перваго литовскаго похода царя Алексѣя Михайловича,—за которымъ слѣдовали лишь неудачи и тягости,—русскіе люди впервые были порадованы блестящимъ дѣломъ русскаго оружія. Разумѣется, болѣе всѣхъ радовались лица, близкія къ Петру. Успѣхъ, пріобрѣтенный царемъ, доказывалъ ясно, что онъ не даромъ употребилъ такія усилія для заведенія флота и не даромъ вызывалъ иностранцевъ. Новое правительство съ его новизнами поднималось высоко надъ старымъ—съ его крымскими походами.

Черезъ три дня послѣ сдачи Азова, царь, утвердивъ составленный инженеромъ Лавалемъ планъ новыхъ укрѣпленій, приказалъ войску немедленно приступить къ работамъ, а самъ отправился въ море искать гавань для будущаго флота. Осмотрѣвъ окрестные берега, Петръ остановилъ свой выборъ на высокомъ мысѣ, издавна извѣстномъ казакамъ подъ именемъ Таганъ-Рога. Поручивъ инженеру Боргсдорфу изготовить проэктъ крѣпости и военной гавани, царь возвратился къ Азову, гдѣ работы велись съ такой энергіей, что въ три недѣли на мѣстѣ полуразрушеннаго города возвышалась грозная крѣпость съ двумя христіанскими храмами.

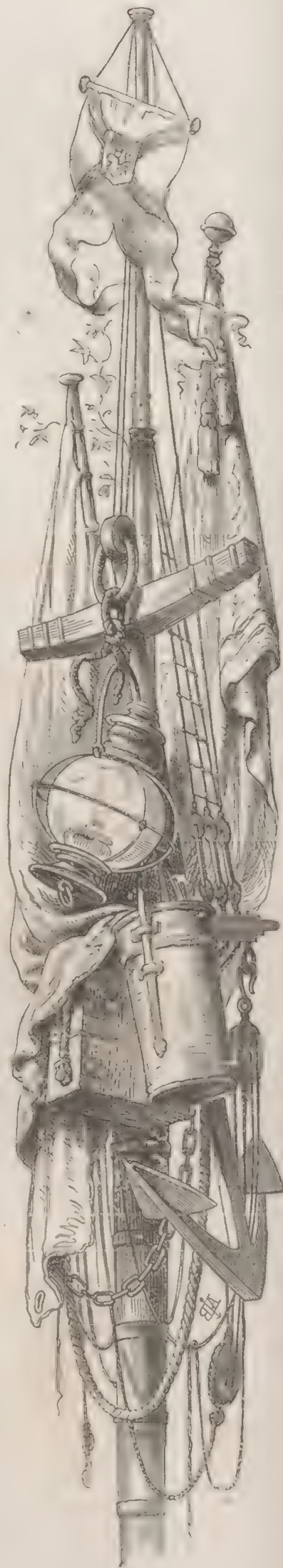
Съ первыхъ чиселъ августа, войска стали по немногу выступать въ обратный путь. Самъ государь уѣхалъ 15-го числа. Не доѣзжая до Воронежа, въ нынѣшнемъ Острогожскѣ, онъ былъ встрѣченъ съ большимъ почотомъ гетманомъ Мазепой, который поднесъ ему богатую саблю, оправленную золотомъ съ дорогими каменьями и щитъ на золотой цѣпи, украшенный алмазами, яхонтами и рубинами. Въ ожиданіи устройства, приготовлявшагося въ Москвѣ, тріумфа, Петръ посѣтилъ Городищенскій, Ведменскій и Противнскій желѣзные заводы, гдѣ провелъ за дѣломъ болѣе мѣсяца.

30-го сентября послѣдовало вступленіе войскъ въ столицу, съ невиданной до того времени торжественностью. На Каменномъ мосту были по-

строены огромныя тріумфальныя ворота; надъ фронтономъ ихъ, среди знаменъ, копій и протазановъ, возвышался двуглавый орелъ съ тремя коронами; подъ нимъ были нарисованы пушки, ядра, бомбы и морскія суда. На фронтонѣ находилась надпись: «Богъ съ нами, ни кто же на ны». Никогда же бываемое». Въ срединѣ воротъ висѣлъ лавровый вѣнокъ, отъ котораго спускались златотканые шпалеры, съ надписями: на одной: «Возвратъ съ побѣды царя Константина»; на другой: «Побѣда царя Константина надъ нечестивымъ царемъ Максентіемъ Римскимъ». Фронтонъ опирался на двѣ колоссальныя статуи; одна представляла Геркулеса съ палицей въ правой рукѣ и съ зеленою вѣтвью въ лѣвой; другая—Марса въ доспѣхахъ, съ обнаженнымъ мечомъ. Надъ ними находились надписи: «Геркулесовою крѣпостью и Марсовою храбростью». На пьедесталахъ были изображены: подъ Геркулесомъ,—Азовскій паша съ двумя скованными турками; подъ Марсомъ,—Татарскій мурза съ двумя скованными татарами. Надъ тѣмъ и другимъ красовались слѣдующія надписи въ стихахъ:

Надъ пашою:

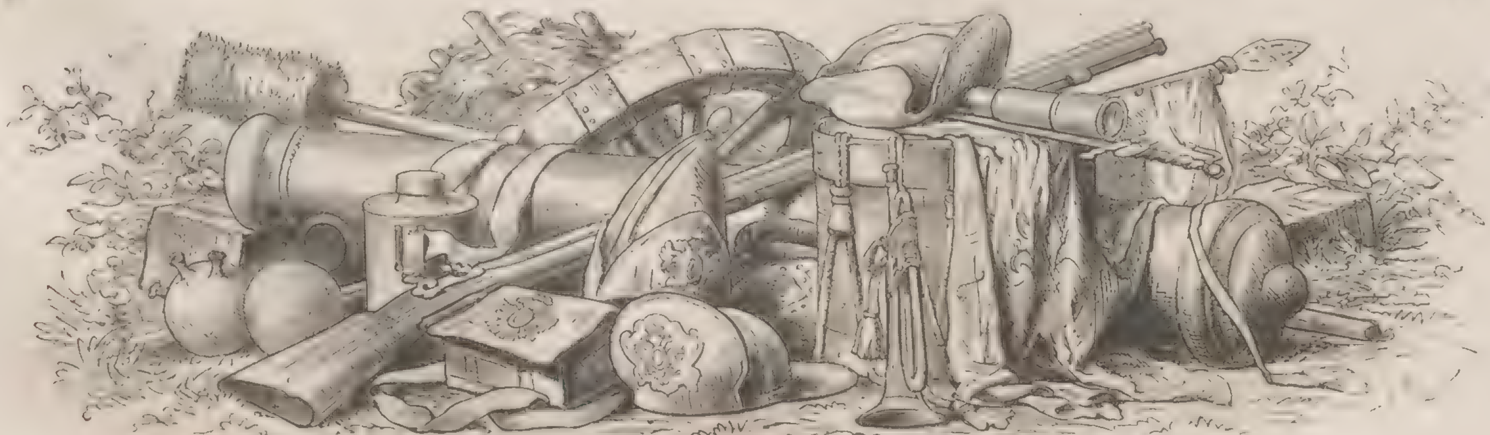
«Ахъ! Азовъ мы потеряли
«И тѣмъ бѣдство себѣ достали».

Надъ мурзою:

«Прежде на степяхъ мы ратовались,
«Нынѣ же отъ Москвы бѣгствомъ едва спасались.»

Подлѣ Геркулеса и Марса стояли пирамиды, перевитыя зелеными вѣтвями съ надписями: на одной: «Въ похвалу прехрабрыхъ воевъ морскихъ»; на другой: «Въ похвалу прехрабрыхъ воевъ полевыхъ». Пространство между пирамидами и перилами моста было занято двумя картинами. Одна представляла бой на морѣ, другая бой съ татарами и приступъ къ Азову. На первой, кромѣ того, былъ нарисованъ плывущій на морскомъ звѣрѣ Нептунъ. Картины оканчивались изображеніемъ двухъ головъ на кольяхъ: «Азовскаго паши» и «Дулакъ-Мурзы». Перила моста были увѣшаны персидскими коврами.

Войска вступили въ городъ черезъ Серпуховскія ворота, въ слѣдующемъ порядкѣ: царскій конюшенный штатъ; думный дьякъ Н. М. Зотовъ съ подарками Мазепы, въ каретѣ шестерней; дьяки и пѣвчіе; бояре Ѳ. А. Головинъ и К. А. Нарышкинъ, въ парадныхъ каретахъ; конюшенный штатъ адмирала Лефорта; самъ адмиралъ «въ государскихъ саняхъ, шестерней»; царь—пѣшкомъ; капитаны и солдаты морского регимента, военачальническіе значки, окруженные вершниками, трубачами и литаврщиками; большое царское знамя, предшествуемое хоромъ музыки; духовенство съ образами; «генералиссимусъ» Шеинъ, верхомъ, съ многочисленной свитой; 16 турецкихъ знаменъ; плѣнный татаринъ Аталыкъ; генералъ А. М. Головинъ; завоеводчики и подъячіе; Преображенскій полкъ и измѣнникъ Янсенъ. Онъ былъ въ чалмѣ, окованный цѣпями, окруженный орудіями пытки,

съ двумя палачами, на телѣгѣ въ четыре лошади, подъ висѣлицею, съ петлей на шеѣ и надписью на груди: «злодѣй». На перекладинѣ висѣлицы были слова: «перемѣною четырехъ вѣръ Богу и измѣною возбуждаетъ ненависть турокъ, христіанамъ злодѣй».

Надъ головою же его висѣло изображеніе полу-мѣсяца и звѣзды, съ надписью: «ущербъ луны». Далѣе слѣдовали: Семеновскій полкъ, иностранные инженеры, корабельные мастера и плотники, генералитетъ, плѣнные турки, стрѣлецкіе полки и т. д.

Вся Москва стеклась на это необыкновенное зрѣлище. Народъ наполнялъ всѣ улицы, гдѣ проходило войско, и восторженно привѣтствовалъ своего молодого царя, который, въ скромномъ мундирѣ морского капитана съ бѣлымъ перомъ на шляпѣ и протазаномъ въ рукѣ, все время шолъ пѣшкомъ за великолѣпною колесницею адмирала.

На другой день по вступленіи войскъ въ столицу, Петръ роздалъ щедрыя награды всѣмъ генераламъ и офицерамъ, участвовавшимъ въ походѣ. Рядовымъ же солдатамъ и стрѣльцамъ было дано каждому по золоченой копѣйкѣ.

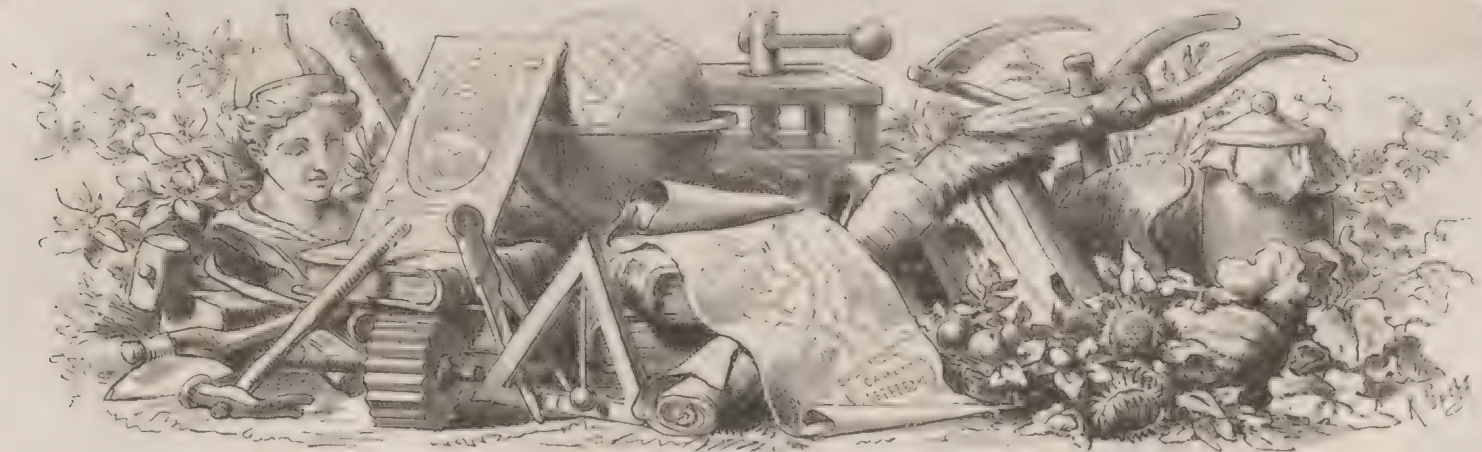

Рис. съ натуры А. К. Беггровъ, грав. Л. А. Серяковъ.

Комната Петра Великаго

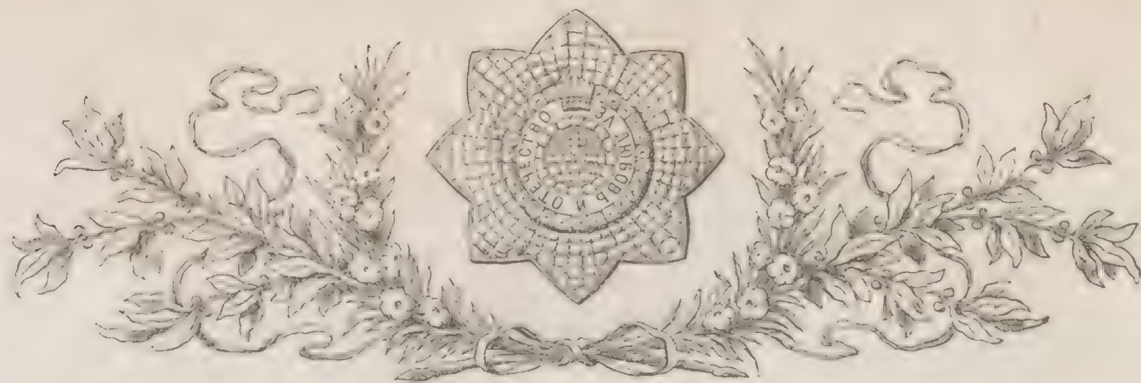
въ Морскомъ музеѣ въ С.-Петербургѣ

Рис. и грав. Ос. Май.

Памятникъ Петру Великому,

на площади Инженернаго Замка въ С.-Петербургѣ, исполненный графомъ Растрелли, при Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ

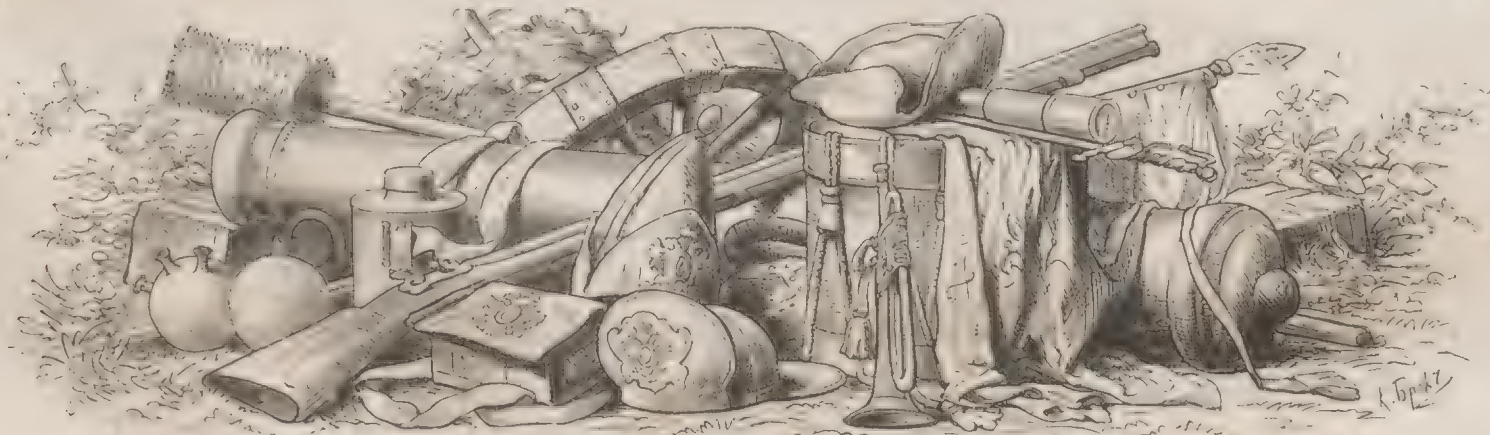

VI.

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ВЪ ЕВРОПУ.

Въ 1697 и 1698 г.г.

Обрадованъ, но не удовлетворенъ Петръ взятіемъ Азова. Двухлѣтняя борьба съ турками показала ему, какъ еще далеки были отъ желаемаго совершенства наши сухопутныя войска и новосозданный флотъ, какъ недостаточны были знанія въ военномъ и морскомъ дѣлѣ не только русскихъ офицеровъ и самого царя, но даже иностранцевъ, являвшихся въ Россію подъ видомъ руководителей и наставниковъ. Вслѣдствіе этого, тотчасъ по возвращеніи изъ-подъ Азова въ Москву, Петръ вздумалъ отправить пятьдесятъ человѣкъ стольниковъ и спальниковъ заграницу, въ Италію, Венецію, Англію и Голландію, учиться морскимъ наукамъ. Но, не довѣряя вполнѣ успѣху своихъ царедворцевъ въ дѣлѣ для нихъ новомъ, требовавшемъ и навыка и охоты, которой они нисколько не обнаруживали, Петръ, всегда первый труженикъ для пользы народной, въ нетерпѣливомъ желаніи скорѣе ввести въ Россіи морское искусство, задумалъ самъ, съ людьми къ нему приближонными и болѣе надежными, ѣхать въ чужія земли, туда, гдѣ процвѣтало мореходство, чтобъ подъ руководствомъ настоящихъ мастеровъ изучить кораблестроеніе во всѣхъ его видахъ, до высшихъ, основныхъ началъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пріобрѣсти основательныя познанія и въ корабельномъ управленіи. Мысль о наукѣ такъ заняла его умъ, что для большей свободы въ дѣйствіяхъ и для избѣжанія тягостныхъ встрѣчъ и церемоній, онъ рѣшился посѣтить Европу не въ санѣ великаго государя всей Россіи, а въ скромномъ видѣ русскаго дворянина, состоявшаго волонтеромъ при царскомъ посольствѣ, подъ именемъ «*Петра Михайлова.*»

6-го декабря 1696-го года, думный дьякъ Емельянъ Украинцевъ объявилъ въ Посольскомъ приказѣ, что государь указалъ, «для своихъ великихъ государственныхъ дѣлъ» послать съ вѣрющими полномочными грамотами въ окрестныя государства, къ цесарю, къ королямъ Англійскому и Датскому, къ Папѣ Римскому, къ Голландскимъ штатамъ, къ курфюрсту Бранденбургскому и въ Венецію, великихъ и полномочныхъ пословъ: генерала и адмирала, Франца Яковлевича Лефорта, генерала и воинскаго коммисара Ѳедора Алексѣевича Головина и думнаго дьяка, Прокофія Богдановича Возницына.

Въ свиту посольскую было назначено сперва двадцать дворянъ и тридцать пять волонтеровъ, но потомъ число ихъ увеличено.

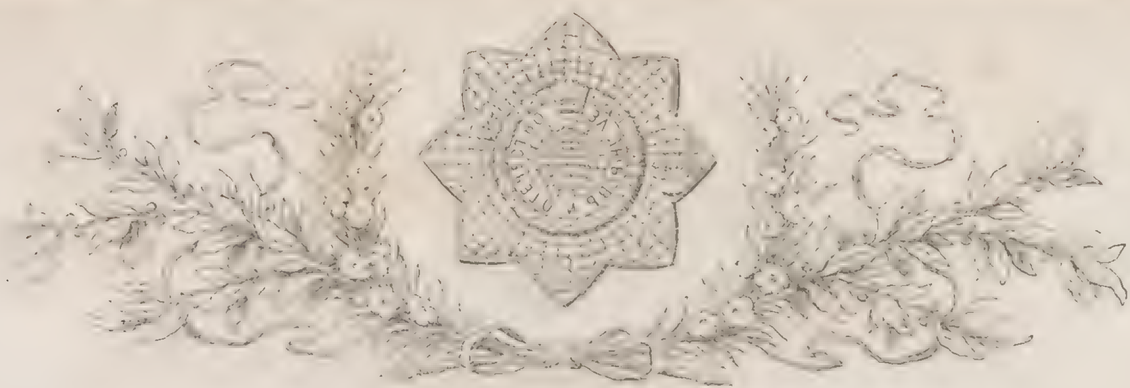
Дворяне должны были находиться безотлучно при послахъ, сопровождать ихъ во время торжественныхъ въѣздовъ, на пріемныхъ и отпускныхъ аудіенціяхъ и исправлять разныя порученія по посольскимъ дѣламъ. Волонтеры же назначались для изученія морского дѣла и составляли особый отрядъ, раздѣленный на три десятка, подъ начальствомъ «командора» князя А. М. Черкасскаго. Должность десятника во второмъ десяткѣ исполнялъ самъ царь.

Главною цѣлью нахожденія царя въ качествѣ дворянина посольства, было, какъ мы уже сказали, желаніе государя избавиться отъ всѣхъ церемоній и утомительныхъ для него условій этикета, хотя онъ не думалъ уклоняться отъ личнаго знакомства съ европейскими монархами, но желалъ видѣться съ ними запросто. Предоставивъ посламъ всѣ почести, Петръ на свою долю взялъ трудъ и науку. Впрочемъ, Лефорту и его товарищамъ государь поручалъ: въ Вѣнѣ,—убѣдить цесаря къ заключенію съ Россіей наступательнаго и оборонительнаго трактата противъ турокъ, отъ котораго Вѣнскій дворъ упорно уклонялся; въ Голландіи, Англіи и Бранденбургіи,—договариваться о взаимныхъ выгодахъ торговли. И, болѣе всего наказано было заботиться о томъ, что не давало Петру покоя ни днемъ, ни ночью: о прінсканіи искусныхъ морскихъ офицеровъ, опытныхъ боцмановъ, штурмановъ, матросовъ, о наймѣ всякаго званія корабельныхъ мастеровъ, да о покупкѣ оружія и разныхъ припасовъ для войска и флота.

Управленіе государствомъ, на время своего отсутствія, Петръ ввѣрилъ тремъ знатнѣйшимъ боярамъ: Л. К. Нарышкину, князю Б. А. Голицыну и князю П. И. Прозоровскому, предоставивъ имъ право распоряжаться по всѣмъ дѣламъ военнымъ, посольскимъ и суднымъ, съ общаго согласія, именемъ царскаго Величества.

Отъѣздъ великаго посольства былъ назначенъ въ концѣ февраля мѣсяца. Лефортъ 23-го числа давалъ прощальный вечеръ съ музыкой и танцами. Время приближалось къ ужину, какъ вдругъ государю доложили, что два стрѣльца Стремянного полка желаютъ непремѣнно видѣть его, по весьма важному дѣлу. Петръ вышелъ къ нимъ. Стрѣльцы сообщили ему, что дум-

ный дворянинъ Иванъ Цыклеръ подговариваетъ ихъ товарищей зажечь гдѣ нибудь домъ и по прибытіи государя на пожаръ, убить его. Петръ, выслушавъ страшную вѣсть, хладнокровно вернулся къ собесѣдникамъ, сказалъ имъ, что имѣетъ надобность съѣздить не надолго и, взявъ съ собою нѣсколько приближонныхъ, отправился прямо въ домъ къ Цыклеру, арестовалъ—и тотчасъ подвергъ его допросу. Цыклеръ, послѣ непродолжительнаго запирательства, сознался во всемъ и открылъ своихъ сообщниковъ: окольничьяго Алексѣя Соковнина, стольника Ѳеодора Пушкина, стрѣльцовъ: Филипова, да Рожина и казака Лукьянова.

Царь нарядилъ верховный судъ изъ бояръ, окольничьихъ и палатныхъ людей. Выслушавъ доносы, улики и пыточныя рѣчи, которыя обнаружили, что заговорщики принадлежали къ числу самыхъ ожесточонныхъ изувѣровъ и противниковъ новыхъ порядковъ, вводимыхъ царемъ, судъ приговорилъ: Цыклера и Соковнина,—четвертовать; Пушкину, двумъ стрѣльцамъ и казаку—отсѣчь головы. Приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе.

Посольство, задержанное слѣдствіемъ надъ Цыклеромъ, выѣхало изъ Москвы 10-го марта, направляя путь чрезъ Ливонію, Пруссію и Ганноверъ, въ Голландію.

Въ Ливоніи только укрѣпленія Риги обратили на себя вниманіе Петра; но губернаторъ Дальбергъ не дозволилъ царю осмотрѣть ихъ. Разлитіе Двины принудило посольство прожить здѣсь около недѣли. Въ теченіе этого времени, государь и послы испытали много непріятностей и даже оскорбленій отъ надменнаго и подозрительнаго Дальберга и отъ народа, выказавшаго крайнее корыстолюбіе. Петръ оставилъ Ригу съ затаеннымъ чувствомъ непріязни и въ своихъ письмахъ не называлъ ее иначе, какъ «проклятымъ мѣстомъ». Впослѣдствіи, грубое и дерзкое поведеніе Дальберга послужило главнымъ поводомъ для объявленія войны Швеціи.

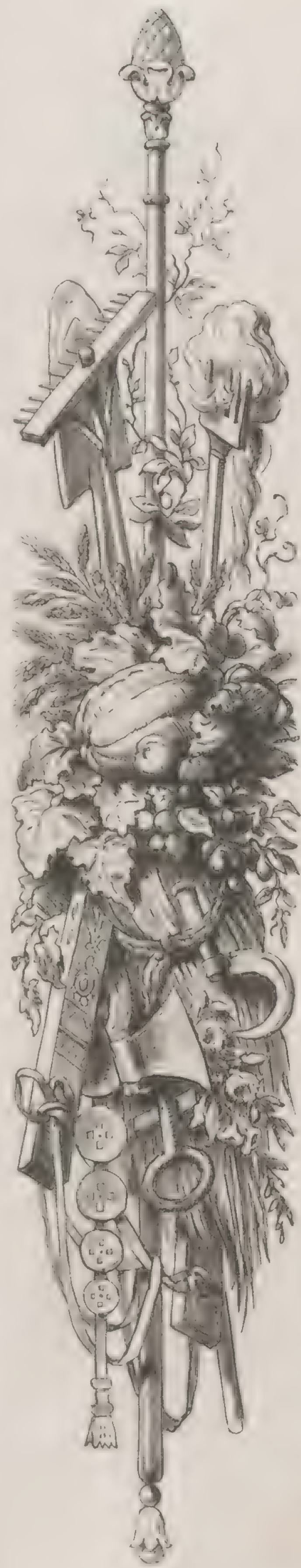
Въ Курляндіи, царя ожидалъ иной пріемъ. Герцогъ встрѣтилъ посольство съ величайшимъ почотомъ, задавалъ въ честь его роскошные пиры и старался всѣми мѣрами угодить своему высокому гостю.

Изъ Митавы, Петръ поѣхалъ въ Либаву, гдѣ въ первый разъ увидалъ Балтійское море, а отсюда, опередивъ посольство, отправился въ Кенигсбергъ, куда его приглашалъ курфюрстъ бранденбургскій, Фридрихъ III. Принятый и здѣсь съ большимъ почотомъ и вниманіемъ, царь, въ ожиданіи великаго посольства, не терялъ времени даромъ и учился артиллеріи у прусскаго полковника Штернфельда, который выдалъ ему самый отличный аттестатъ. По пріѣздѣ пословъ, курфюрстъ началъ было съ ними переговоры о заключеніи оборонительнаго союза съ Россіей; но Петръ отклонилъ предложеніе и согласился только утвердить дружественный трактатъ о взаимной свободѣ торговли. Подаривъ курфюрсту, при прощаніи, дорогой рубинъ, царь выѣхалъ изъ Кенигсберга въ концѣ іюня и, слѣдуя съ короткими остановками черезъ Бранденбургію и Ганноверъ, прибылъ 1-го августа въ городъ Люненъ, гдѣ, снова разставшись съ посольствомъ, нанялъ лодку и спу-

стился Рейномъ и каналами до голландскаго городка Заандама, славившагося своими фабриками, заводами и обширнымъ кораблестроенiемъ.

Здѣсь Петръ отыскалъ своего стараго знакомаго, кузнеца Геррита Киста, прежде работавшаго въ Москвѣ, и за семь гульденовъ въ мѣсяцъ нанялъ *у него домикъ во дворѣ*, взявъ при этомъ съ Киста клятву никому не открывать высокаго происхожденiя его новаго постояльца.

Деревянный домикъ подъ черепичной кровлей, въ два окна, раздѣленный на двѣ небольшiя комнаты, съ израсчатою печью для приготовленiя пищи, съ глухою каморкою для кровати и съ пристроеннымъ при входѣ чуланчикомъ, въ западной, наиболѣе уединенной, части Заандама, на Кримпѣ,—вотъ чертогъ, гдѣ поселился Петръ, тщательно скрывая свой санъ и добровольно обрекая себя тяжкому труду, чтобы втайнѣ изучить искусство, которое должно было возвеличить Россiю.

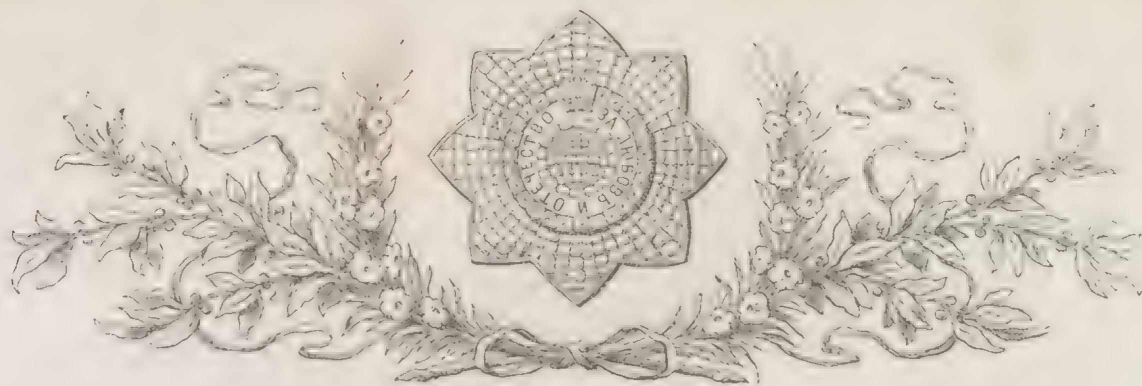
Ежедневно съ восходомъ солнца, въ одеждѣ голландскаго мастерового, въ красной фризовой курткѣ, бѣлыхъ холстинныхъ шароварахъ и съ лакированной шляпой на головѣ, онъ отправлялся на работу, на верфи Линста Рогге, куда записался простымъ корабельнымъ плотникомъ подъ именемъ Петра Михайлова. Потрудившись до поту лица, царь заходилъ отдыхать и подкрѣпить свои силы въ какую нибудь харчевню и затѣмъ отправлялся осматривать разныя фабричныя заведенiя, наполнявшiя окрестности Заандама, или посѣщалъ семейства голландскихъ плотниковъ, выѣхавшихъ въ Москву.

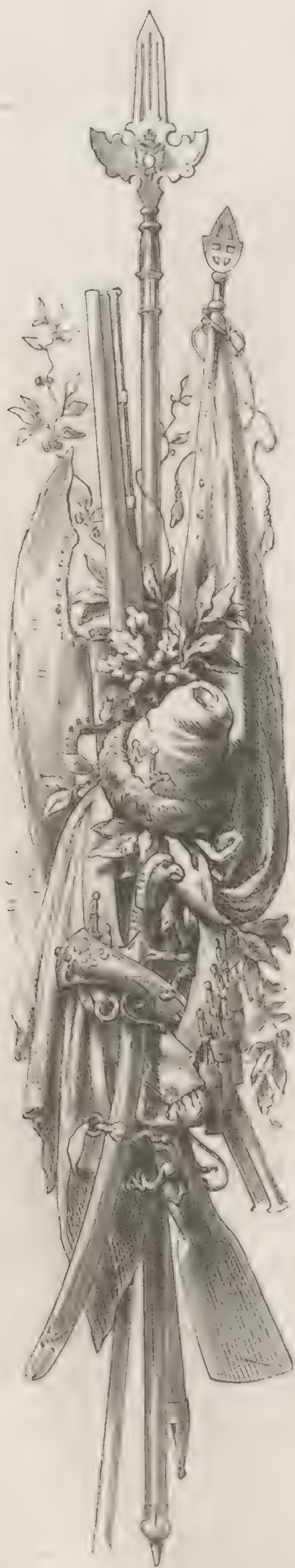
Не смотря на самое строгое инкогнито, Петръ, своимъ величественнымъ видомъ, поведенiемъ, привычкой господствовать, нетерпѣливостью въ исполненiи своихъ желанiй, безпрестанно выдавалъ себя. Голландцы, тѣмъ болѣе голландки, не хотѣли вѣрить, чтобы высокiй, статный, красивый московитъ, съ повелительнымъ взоромъ, былъ простой плотникъ. Считая его за знатнаго господина, они развѣдывали, разспрашивали, съ возрастающимъ любопытствомъ, слѣдили за нимъ и не рѣдко около Петра, къ немалой его досадѣ, которую онъ не всегда могъ скрыть, собиралась толпа. Скоро неожиданный случай обнаружилъ тайну.

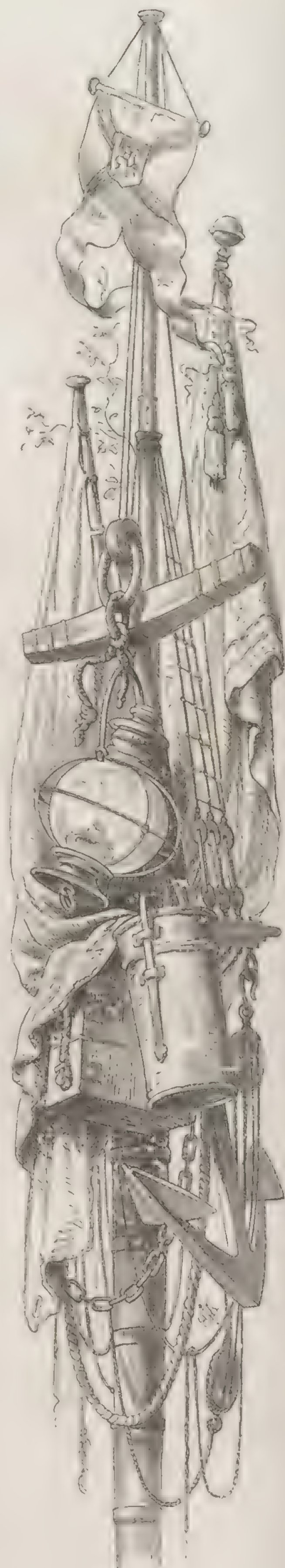
Одинъ старый саардамскiй плотникъ, зайдя въ цирульню Помпа, прочолъ тамъ письмо, полученное имъ отъ сына изъ Россiи. Въ письмѣ говорилось, что въ Голландiю поѣхало великое посольство, въ свитѣ котораго скрывается самъ царь, что онъ вѣрно будетъ въ Заандамѣ и что его не трудно узнать по высокому росту, трясенiю головы, размахиванiю правой рукой и бородавкѣ на щекѣ. Черезъ нѣсколько времени послѣ чтенiя письма, въ цирульню вошли московскiе гости. Помпъ увидѣлъ, что одинъ изъ нихъ имѣетъ всѣ примѣты, означенныя въ письмѣ, и не замедлилъ разгласить сдѣланное имъ открытiе. Ему сначала не повѣрили, но вслѣдъ за тѣмъ случилось происшествiе, подтвердившее слухъ.

Возвращаясь съ работъ на верфи, домой, Петръ купилъ себѣ сливъ, положилъ ихъ въ шляпу и ѣлъ дорогою. Къ нему пристала толпа уличныхъ мальчишекъ. Однимъ изъ нихъ онъ далъ нѣсколько сливъ, другимъ не далъ,

и, забавляясь радостью первыхъ и неудовольствіемъ вторыхъ, продолжалъ путь. Неполучившие сливъ, въ досадѣ, начали бросать въ него грязью, а потомъ пустили и каменья, такъ что царь былъ вынужденъ укрыться отъ своевольныхъ мальчишекъ въ трактирѣ и послать за бургомистромъ.

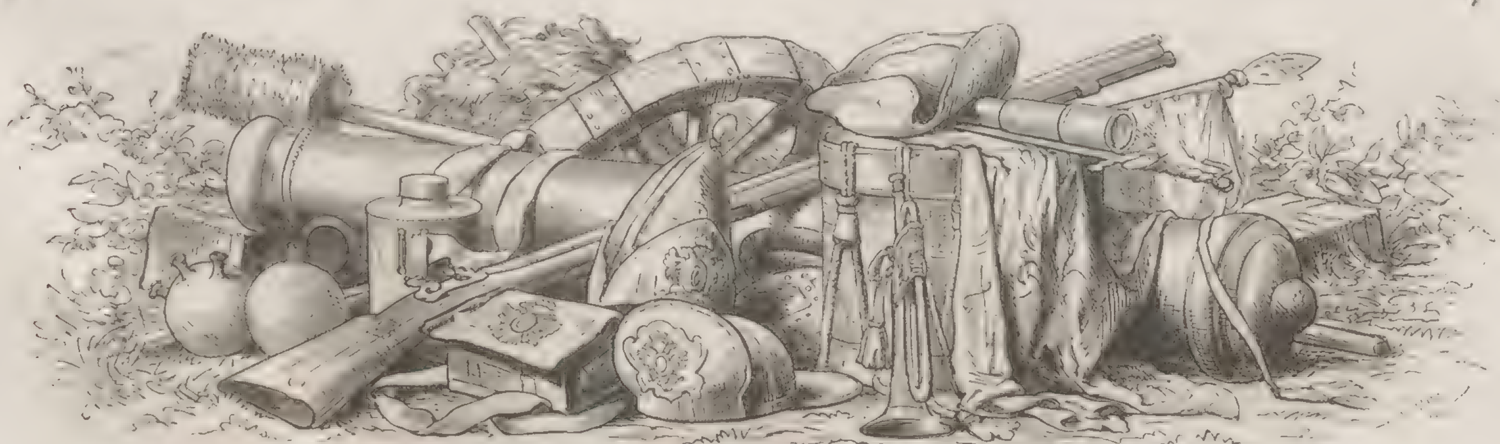
На другой день городскія власти издали объявленіе, приглашая жителей, подъ страхомъ жестокаго наказанія, не оскорблять *знатныхъ иноземцевъ*, которые хотятъ быть *неизвѣстными*. Въ этотъ же день, вечеромъ, вслѣдствіе изъявленнаго царемъ неудовольствія на стеченіе народа передъ домомъ Киста, бургомистръ велѣлъ поставить на мосту, ведущему въ Кримпъ, стражу.

Подобныя распоряженія, разумѣется, удостовѣрили заандамцевъ, что среди нихъ находится царь. Съ тѣхъ поръ толпа стала неотступно преслѣдовать его всюду, гдѣ онъ только показывался, что приводило Петра въ страшный гнѣвъ. Разъ, проталкиваясь сквозь неотвязчивую толпу, царь былъ особенно раздраженъ глупою фигурою какого то Корнелія Марцена, подошедшаго ближе другихъ и съ разинутымъ ртомъ уставившагося ему прямо въ глаза. Петръ далъ Марцену крѣпкую пощечину. «Браво, браво, Марценъ»—закричала толпа,— «ты пожалованъ въ рыцари!» Разгнѣванный царь заперся въ харчевнѣ и лишь поздно вечеромъ, когда народъ разсѣялся, возвратился домой.

На восьмой день пребыванія Петра въ Заандамѣ, ему было дано знать, что великое посольство, задержанное въ пути торжественными встрѣчами, приближается къ Амстердаму. Царь тотчасъ же сѣлъ въ буеръ, и, не взирая на сильную непогоду, отважно пустился въ заливъ и черезъ три часа достигъ Амстердама.

Парадный въѣздъ пословъ въ этотъ городъ совершился 16-го августа. Послы были встрѣчены на пристани бургомистрами и почтеннѣйшими гражданами, привѣтствовавшими ихъ длинной рѣчью; затѣмъ они сѣли въ приготовленные для нихъ парадные экипажи и направились къ большой городской гостинницѣ, назначенной для ихъ помѣщенія. Шествіе открывалъ эскадронъ волонтеровъ, составленный изъ цвѣта мѣстной молодежи, одѣтой въ роскошные костюмы. Затѣмъ въ каретѣ, запряженной четырьмя лошадьми и предшествуемой четырьмя трубачами, ѣхалъ гофмаршалъ Гессельтъ-фанъ-Динтеръ. За нимъ же слѣдовали, на богато убранныхъ коняхъ: четыре калмыка, вооруженные луками и стрѣлами, шесть трубачей, четырнадцать русскихъ дворянъ и семнадцать пажей. Потомъ ѣхали въ каретахъ послы, окруженные двадцатью четырьмя гайдуками, державшими въ рукахъ серебряныя сѣкиры и большіе мечи, украшенные разноцвѣтными каменьями. Далѣе тянулся длинный рядъ лакеевъ, въ пурпуровой ливреѣ съ серебряными галунами; городская стража; отрядъ кавалеріи; да экипажи посольской свиты, бургомистровъ и другихъ чиновныхъ лицъ.

Высокомочные штаты, въ надеждѣ увеличить выгоды торговыхъ сношеній съ Россіей, не пощадили ничего для пышности пріема посольства,

ассигновавъ на содержаніе его, сверхъ опредѣленной для такихъ случаевъ суммы, еще сто тысячъ гульденовъ.

На другой день въѣзда пословъ, вмѣстѣ съ ними, Петръ, сопровождаемый бургомистрами, осматривалъ ратушу,—главное украшеніе Амстердама, а вечеромъ посѣтилъ театръ. Въ слѣдующій день обозрѣвалъ царь адмиралтейство, корабельныя верфи и магазины, а послѣ обозрѣнія бургомистры пригласили его со всею свитой на великолѣпный обѣдъ, съ блестящимъ фейерверкомъ на Амстелѣ. Примѣрное морское сраженіе въ заливѣ Эй, подъ распоряженіемъ заслуженнаго адмирала Схея, заключило празднество, данное городомъ Амстердамомъ въ честь русскаго государя. Всѣ парусныя суда, которыя только можно было собрать, выстроились въ двѣ боевыя линіи при входѣ въ заливъ. Петръ, вмѣстѣ съ послами и бургомистрами, пріѣхалъ на богато-убранной яхтѣ. Флотъ привѣтствовалъ его залпомъ изъ всѣхъ орудій и вслѣдъ за тѣмъ начался бой, продолжавшійся отъ ранняго утра далеко за полдень. Непрерывная пальба съ судовъ и береговыхъ батарей, по словамъ очевидца, закрыла солнце облаками дыма и производила такой громъ, что ничего нельзя было разслышать. Царь не захотѣлъ оставаться празднымъ зрителемъ, перешолъ съ своей яхты на военный корабль и направлялъ его туда, гдѣ огонь былъ сильнѣе.

По окончаніи празднества, Петръ снова принялся за работу. Онъ обратился къ бургомистру Витзену съ просьбой доставить ему возможность заняться кораблестроеніемъ на амстердамскихъ верфяхъ. Витзенъ опредѣлилъ его плотникомъ къ мастеру Герриту Классу Полю, на верфи Остъ-индской компаніи, которая любезно вызвалась нарочно заложить для царя новый фрегатъ. Узнавъ объ этомъ, Петръ ночью поѣхалъ въ Заандамъ, забралъ тамъ свои плотничные инструменты, къ утру вернулся въ Амстердамъ и немедленно приступилъ къ дѣлу.

На Остъ-индской верфи царь трудился четыре мѣсяца съ половиной. Такимъ образомъ, не въ Заандамѣ, гдѣ пребываніе его ограничилось только одною недѣлею, а въ Остенбургѣ, на славнѣйшей изъ голландскихъ верфей, изучалъ онъ кораблестроительное искусство. Не желая ничѣмъ отличаться отъ простыхъ плотниковъ, Петръ послушно исполнялъ всѣ приказанія своего мастера. Какъ-то разъ, верфи посѣтилъ знатный англичанинъ, нарочно пріѣхавшій въ Амстердамъ посмотрѣть на русскаго государя. Въ это время рабочіе переносили тяжолое бревно. Чтобы указать посѣтителю на державнаго плотника, мастеръ крикнулъ царю: —«Петръ, Тиммерманъ Заандамскій! что же ты не пособишь товарищамъ?» Петръ безпрекословно подставилъ свое плечо подъ бревно и помогъ перетащить его въ назначенное мѣсто. Долго, впослѣдствіи, разсказывали голландцы своимъ дѣтямъ и внукамъ, передавая преданіе изъ рода въ родъ, о томъ, какъ они видали царя, работавшаго на верфи. Какъ, утомленный трудомъ, отирая потъ съ своего чела, садился онъ на обрубокъ дерева и, опустивъ топоръ между ногъ, дружелюбно бесѣдовалъ съ своими товарищами. Охотно разговаривалъ онъ

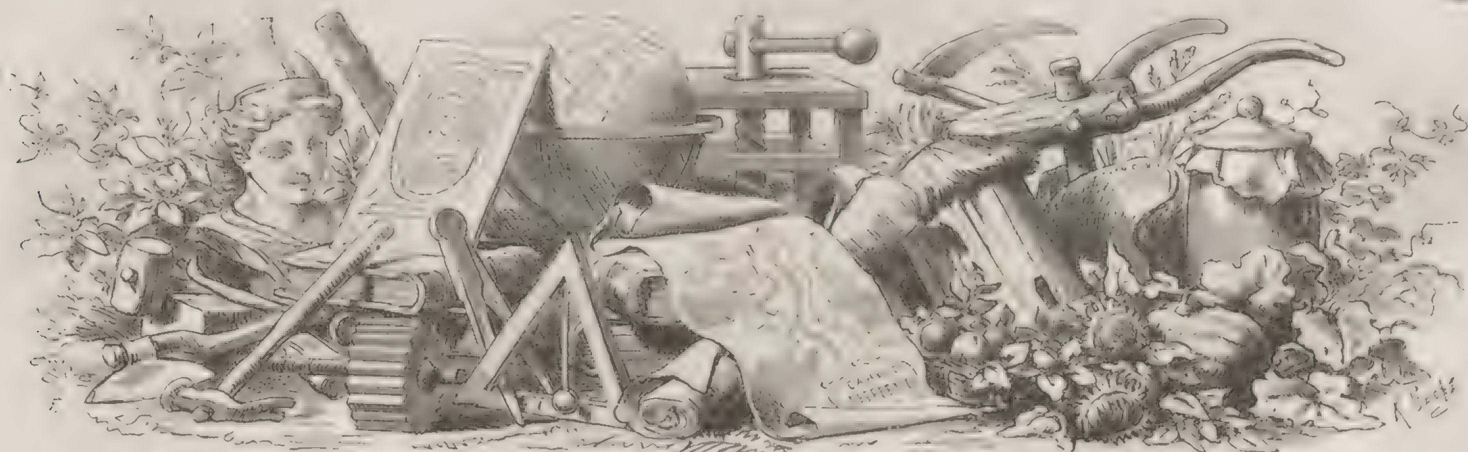
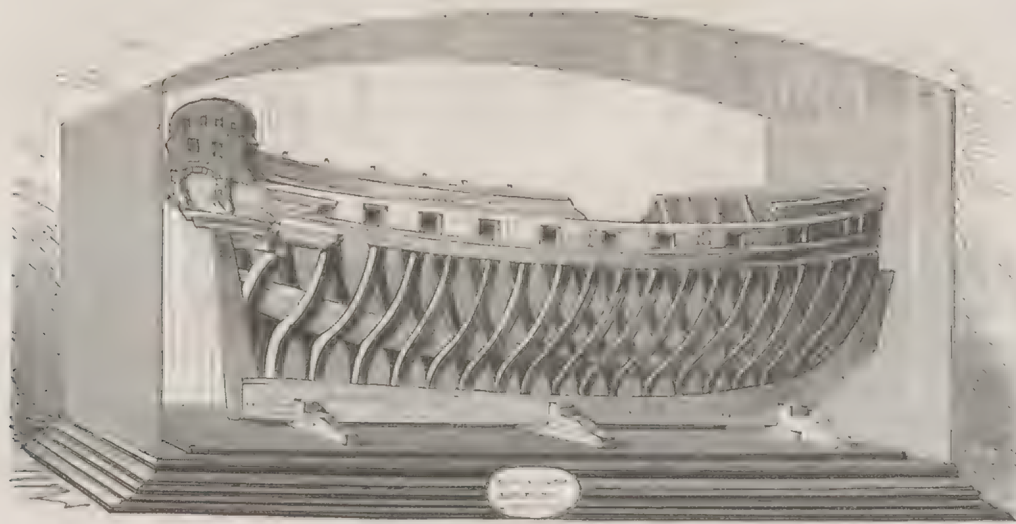

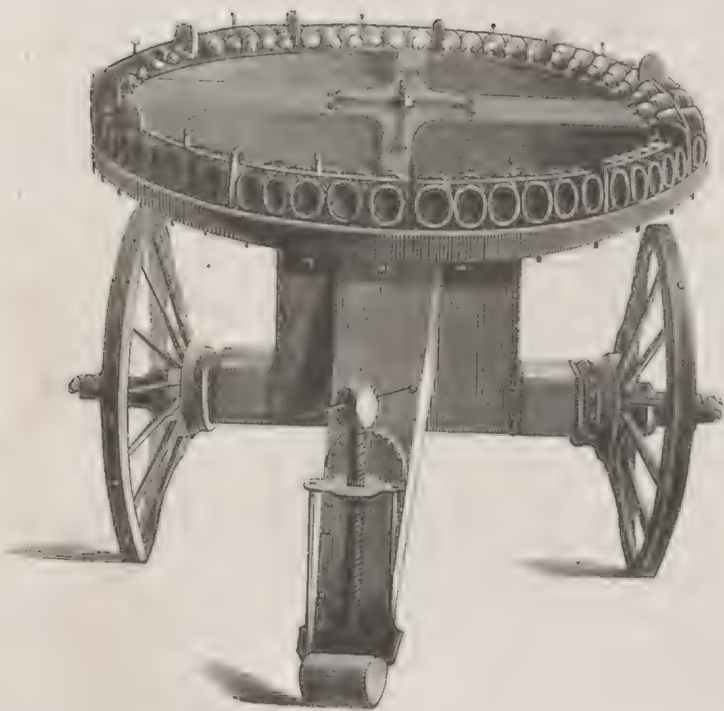
Рис. на дер. А. О. Адамовъ, грав. Ф. Герасимовъ.

Оружіе до-Петровскаго времени и изображеніе Стрѣлецкаго знамени,

находящіяся въ Артиллерійскомъ музеѣ въ С.-Петербургѣ.

Модель корабля, сдѣланная Петромъ Великимъ,
Находится въ Морскомъ музеѣ, въ С.-Петербургѣ.

Круглая батарейка Петровскаго времени, Пушка-револьверъ Петровскаго времени,
находящіяся въ Артиллерійскомъ музеѣ, въ С.-Петербургѣ.

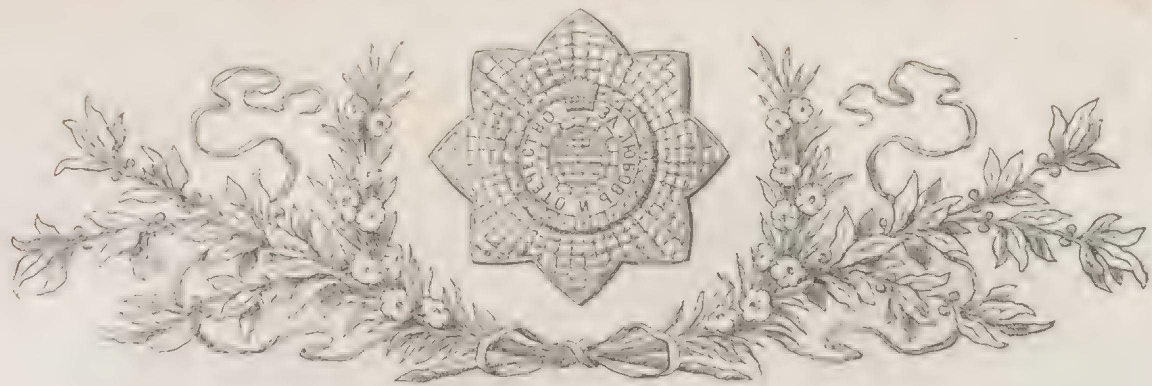

Кресло Петра Великаго.

Дорожныя сани Петра Великаго.

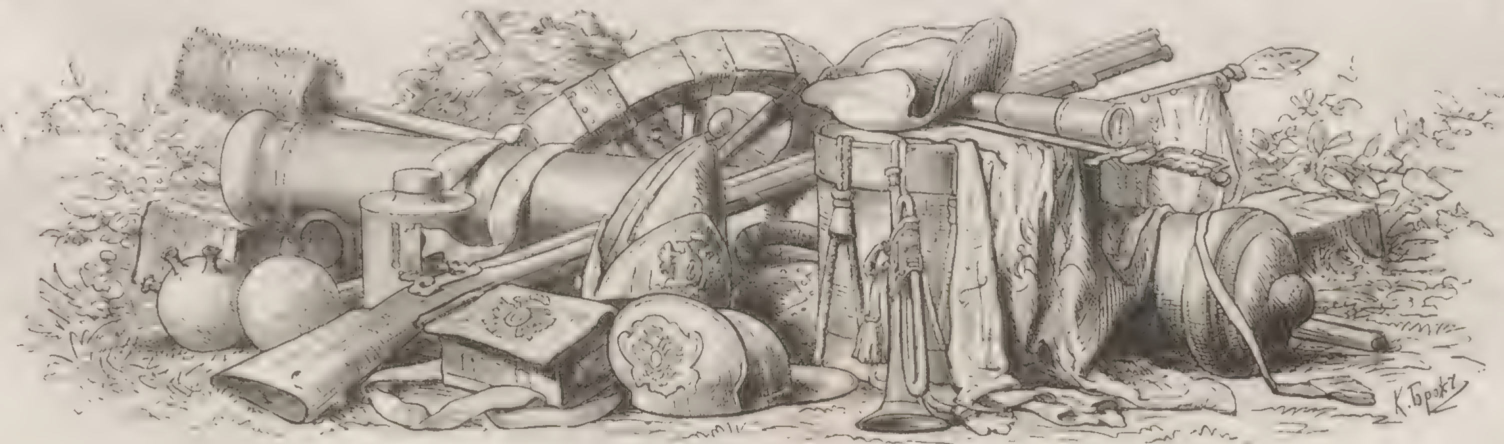
Находится въ Морскомъ музеѣ, въ С.-Петербургѣ.

и съ посторонними посѣтителями, если только называли его просто: «Петръ плотникъ», если же его привѣтствовали словами: «Государь» или «Ваше Величество», то отвертывался и не отвѣчалъ.

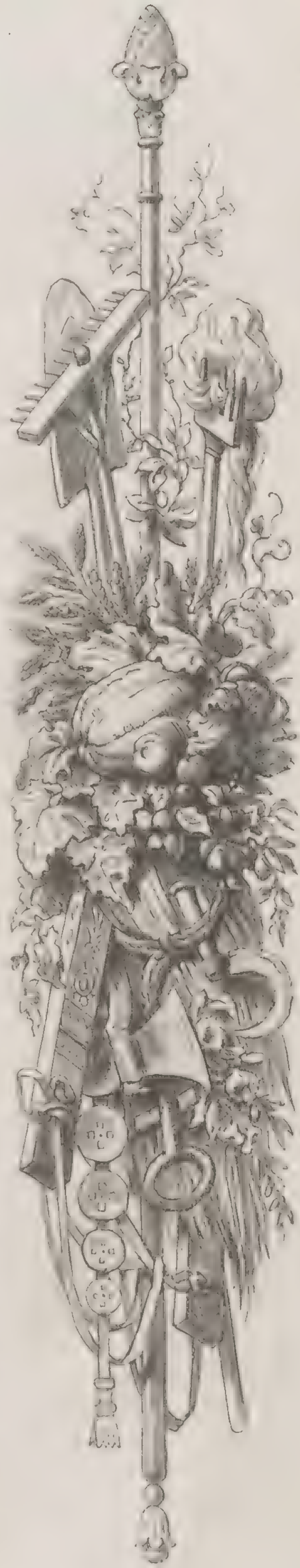
Но не одпимъ лишь кораблестроеніемъ занимался Петръ въ Голландіи. Онъ совершалъ иногда поѣздки въ Лейденъ, Утрехтъ (гдѣ видѣлся съ штатгальтеромъ и королемъ англійскимъ, знаменитымъ Вильгельмомъ Оранскимъ) и другіе замѣчательные города штатовъ. Витзенъ долженъ былъ водить его всюду, все ему показывать,—китовый флотъ, госпитали, воспитательные дома, фабрики, мастерскія и т. д. Особенно понравился царю анатомическій кабинетъ профессора Рюйша; онъ познакомился съ этимъ учонымъ, слушалъ его лекціи и ходилъ съ нимъ въ госпиталь смотрѣть производство различныхъ операцій. Въ кабинетѣ Рюйша, Петръ однажды такъ увлекся, что поцѣловалъ отлично приготовленный трупъ ребенка, который улыбался, какъ живой. Петръ умѣлъ соблюдать большую экономію во времени: такъ, въ поѣздку свою въ Лейденъ, въ теченіе цѣлаго дня, онъ занимался съ натуралистомъ Левенгукомъ, показывавшимъ ему свои лучшіе аппараты и микроскопъ. Ненасытимая жажда все знать и видѣть приводила въ отчаяніе голландскихъ провожатыхъ. Имъ не помогали никакія отговорки: Петръ отвѣчалъ только—«это я долженъ видѣть!» и его нужно было вести, несмотря ни на какія затрудненія. Кромѣ того, царь успѣвалъ дѣлать множество и другихъ дѣлъ: каждая почта приносила ему груду бумагъ изъ Москвы; бояре-правители, ближніе люди, корабельщики, извѣщали его о важныхъ и не важныхъ происшествіяхъ, испрашивали разрѣшенія по разнымъ предметамъ, иногда писали одни привѣтствія, нерѣдко увѣдомляли лишь о своемъ здоровьѣ, или, въ шутливомъ тонѣ, разсказывали о своихъ пирушкахъ и попойкахъ. Петръ не только находилъ время отвѣчать всѣмъ, но даже, между дѣломъ, въ немногія свободныя минуты, учился гравированію, что свидѣтельствуетъ оставшаяся послѣ него гравюра, изображающая торжество христіанской религіи надъ мусульманскою, въ видѣ ангела, который съ крестомъ и пальмою въ рукахъ попираетъ полулуніе и турецкіе бунчуки.

Наконецъ, фрегатъ, работавшійся при участіи Петра на Остъ-индской верфи, былъ отстроенъ и спущенъ на воду. Узнавъ все, что можно было узнать въ Голландіи, и при томъ разочаровавшись совершенно въ голландскихъ корабельныхъ мастерахъ, царь рѣшился отправиться въ Англію, куда его любезно приглашалъ король, приславшій ему въ подарокъ великолѣпную яхту. Не одно простое любопытство побуждало Петра ѣхать въ эту страну. Онъ надѣялся пріобрѣсти здѣсь точныя и положительныя теоретическія познанія въ искусствѣ кораблестроенія, которыхъ тщетно добивался въ Амстердамѣ. «На Остъ-индской верфи»—пишетъ онъ въ собственноручномъ предисловіи къ морскому регламенту,—«вдавъ себя съ прочими волонтерами въ наученіе корабельной архитектуры, государь, въ краткое время совершился въ томъ, что подобало доброму плотнику знать, и своими трудами и мастерствомъ новый корабль построилъ и на воду спустилъ. По-

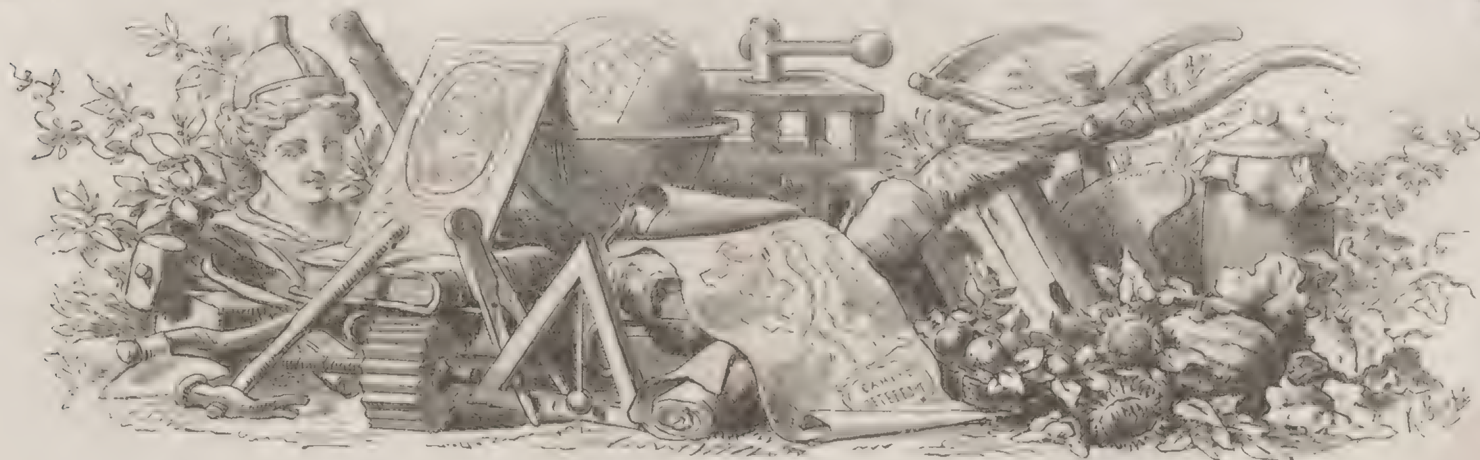

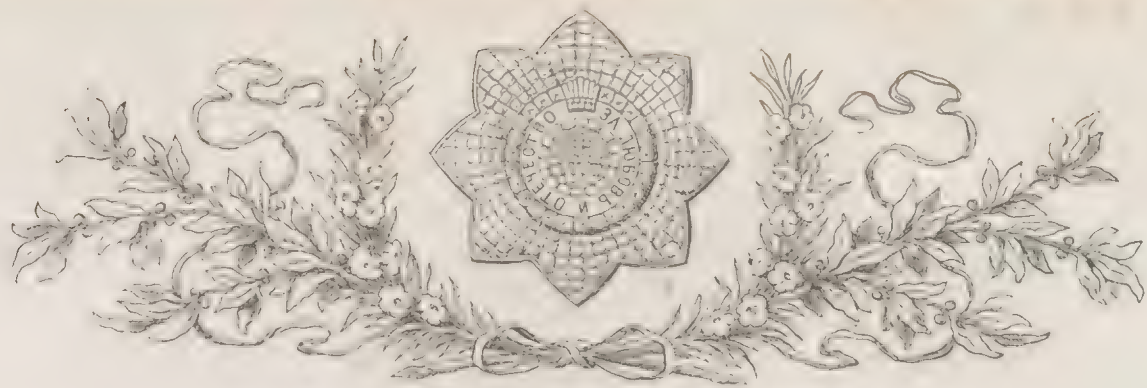
томъ просилъ той верфи мастера, Яна Поля, дабы училъ его препорціи корабельной, который ему черезъ четыре дня показалъ. Но, понеже въ Голландіи нѣтъ на сіе мастерство совершенства геометрическимъ образомъ, но точію нѣкоторыя принципіи, прочее жъ съ долговременной практики, о чомъ и вышерѣченный мастеръ сказалъ, и что всего на чертежѣ показать не умѣетъ, тогда зѣло ему стало противно, что такой дальній путь воспріялъ, а желаемаго конца не достигъ. И по нѣсколькихъ дняхъ прилучилось его величеству быть на загородномъ дворѣ купца Яна Тессинга, въ компаніи, гдѣ сидѣлъ гораздо не веселъ, ради вышеписанной причины; но, когда, между разговоровъ спрошенъ былъ: для чего такъ печаленъ? тогда оную причину объявилъ. Въ той компаніи былъ одинъ англичанинъ, который слыша сіе, сказалъ, что у нихъ въ Англіи сія архитектура такъ въ совершенствѣ, какъ и другія, и что краткимъ временемъ научиться можно. Сіе слово его величество зѣло обрадовало, по которому немедленно въ Англію поѣхалъ и, тамъ, черезъ четыре мѣсяца, оную науку окончилъ».

Петръ оставилъ Амстердамъ 7-го января 1698 г. и послѣ пятидневнаго благополучнаго плаванія прибылъ въ Лондонъ. Повидавшись съ королемъ и подробно осмотрѣвъ всѣ достопримѣчательности столицы, онъ перебрался въ городокъ Дептфортъ, лежащій въ трехъ миляхъ отъ Лондона, на правомъ берегу Темзы, гдѣ находилась главная королевская верфь. Здѣсь Петръ нанялъ у мистера Эвелена домъ, прилегавшій заднимъ фасомъ къ самой верфи, такъ что царь могъ проходить прямо на работу, никѣмъ незамѣчаемый. Подъ руководствомъ знающихъ и опытныхъ наставниковъ, занявшись неутомимо изученіемъ научныхъ правилъ корабельнаго искуства, Петръ провелъ въ Дептфортѣ два съ половиною мѣсяца, совершая иногда, въ видѣ отдыха, поѣздки въ Вуличъ, извѣстный своимъ литейнымъ заводомъ и обширнѣйшимъ въ мірѣ арсеналомъ. Въ теченіи этого времени, царь успѣлъ приговорить въ русскую службу 60 человѣкъ разныхъ мастеровъ, инженеровъ и артиллеристовъ. Въ Дептфортѣ же, Петръ заключилъ условіе и съ лордомъ Кармартеномъ, объ отдачѣ ему на откупъ торговли табакомъ въ Россіи, за 48.000 рублей въ годъ.

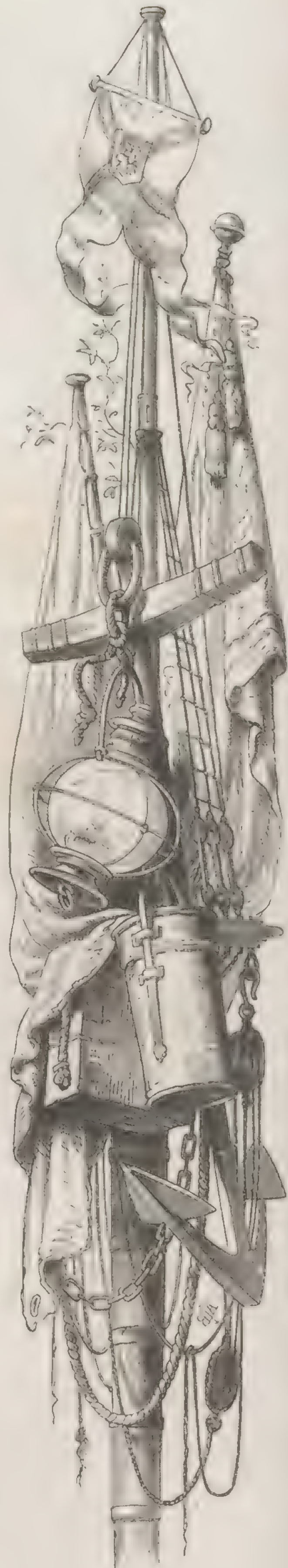
Пріѣхавъ въ Англію уже съ опытностью корабельнаго плотника, царь въ три мѣсяца постояннаго труда ознакомился съ англійской системой постройки судовъ; узналъ размѣры линейныхъ кораблей и фрегатовъ; пріобрѣлъ всѣ необходимыя свѣдѣнія для учрежденія верфей и вникнулъ въ порядокъ морской службы. Но, ни въ Англіи, ни въ Голландіи, онъ не могъ изучить устройства галернаго флота, который существовалъ исключительно лишь въ южныхъ государствахъ Европы. Вслѣдствіе этого, Петръ рѣшился отправиться, черезъ Вѣну, въ Венецію, чтобы на берегахъ Адріатическаго моря довершить вполнѣ свое образованіе въ морскихъ наукахъ.

21-го апрѣля, Петръ покинулъ Англію, унося чувство глубокаго уваженія къ ея народу. «Навсегда остался бы я только плотникомъ»,—говорилъ онъ впослѣдствіи,—«еслибъ не поучился у Англичанъ».

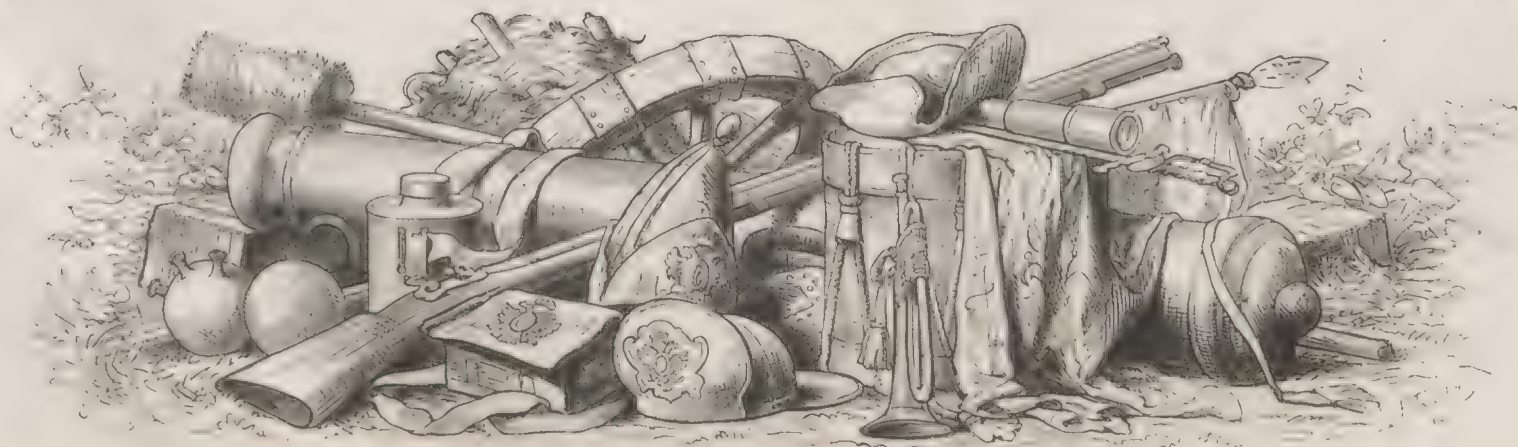

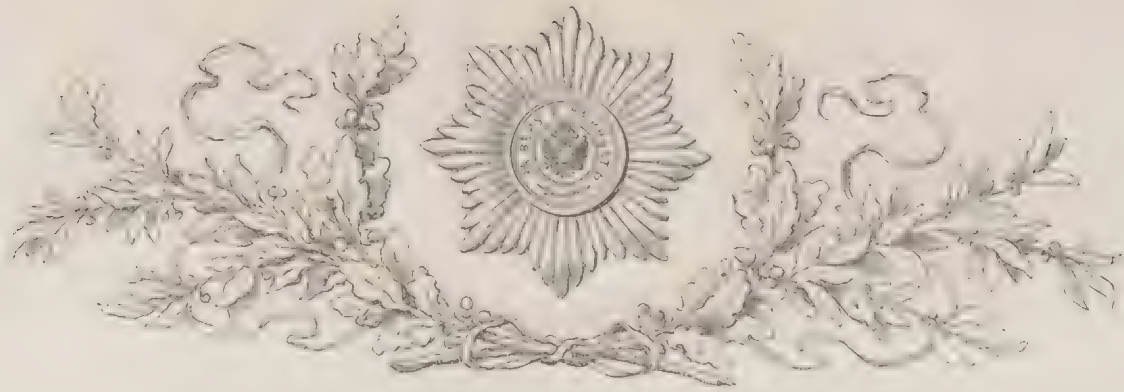

Посѣтивъ еще разъ Заандамъ и Амстердамъ, Петръ направился, въ маѣ мѣсяцѣ, въ Вѣну, чтобъ склонить императора Леопольда дѣятельно продолжать войну съ Турціей. Императоръ Леопольдъ принялъ русское посольство съ почотомъ, но, не смотря на всѣ убѣжденія царя, выразилъ рѣшительное намѣреніе свое заключить съ турками миръ. Петру, не надѣявшемуся успѣшно окончить войну безъ союзниковъ, удалось только уговорить императора вести переговоры съ турками сообща и не подписывать мирнаго трактата отдѣльно отъ Россіи. Оставивъ въ Вѣнѣ одного изъ пословъ, Возницына, для присутствованія на предполагавшемся конгрессѣ въ Карловичахъ, царь уже собирался ѣхать далѣе въ Венецію, какъ вдругъ получилъ изъ Москвы извѣстіе о бунтѣ стрѣльцовъ. Вмѣсто Италіи, Петръ, 19-го іюля, поспѣшно отправился въ Россію.

VII.

ПЕРЕДЪ ВОЙНОЙ
(1698—1700).

Государь по пріѣздѣ въ Москву остался недоволенъ боярскимъ начальнымъ слѣдствіемъ и самъ принялся за разслѣдованіе стрѣлецкаго возмущенія, предполагая въ немъ участіе царевны Софьи. «Я допрошу ихъ по строже вашего», сказалъ царь Петръ Гордону о крамольникахъ и приказалъ содержимыхъ въ монастыряхъ стрѣльцовъ воротить въ московскія тюрьмы. Въ половинѣ сентября собрано бяло 1714 человѣкъ; слѣдователи, въ числѣ четырнадцати *), приступили къ допросамъ заключонныхъ и въ три недѣли переспросили слишкомъ тысячу человѣкъ, употребляя противъ упорныхъ и пытку огнем. Важнѣйшихъ преступниковъ допрашивалъ самъ царь. Начались розыски съ священниковъ, бывшихъ со стрѣльцами при Воскресенскомъ монастырѣ. Показаніе собственноручное и безъ пытки, данное сотеннымъ Артеміемъ Масловымъ, указало на письмо царевны Софіи, призывавшей стрѣльцовъ къ Москвѣ: съ тѣмъ, чтобы поставить ее правительницею. Это письмо, что привезъ въ Великіе Луки стрѣлецъ Тума, собственно и прельстило стрѣльцовъ до забвенія долга, побудивъ ихъ, вмѣсто похода по назначенію, идти къ столицѣ. Спросъ же женщинъ, прислужницъ царевны Софьи, открылъ несомнѣнное участіе и царевны Марфы Алексѣевны въ затѣяхъ сестры. Пока у всѣхъ воротъ вокругъ Бѣлаго города построили висѣлицы, Петръ самъ допрашивалъ виновницу смуты—царевну Софью, 27-го сентября. Она заперлась во всемъ, хотя была уличаема стрѣльцами, на очной ставкѣ. А новый допросъ постельницъ открылъ соучастіе всѣхъ царевенъ, кромѣ одной родной сестры Петра: отправляли всѣ онѣ къ Софьѣ вѣсти «въ стряпнѣ», съ карлицею Екатерины Алексѣевны. Поэтому царь запретилъ имъ выѣзжать изъ села Покровскаго и въ продолженіе стрѣлецкаго процесса лишилъ ихъ даже возможности сноситься съ кѣмъ бы то ни было.

---

*) Князья: Прозоровскій, двое Ромодановскихъ, Черкасскій, Долгорукій, Голицынъ, Троекуровъ, Щербатовъ и Львовъ; Шеинъ, Стрешневъ. Головинъ. Языковъ и Зотовъ.

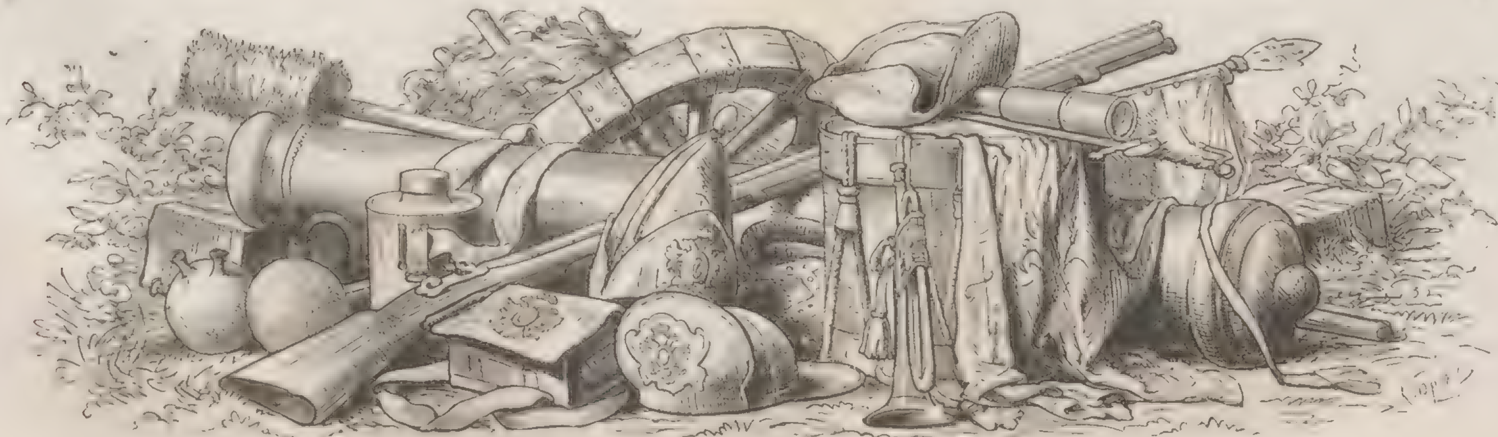

Сентября 30-го совершена казнь 200 стрѣльцовъ. Царь самъ явился у Покровскихъ воротъ, окруженный свитою, при себѣ велѣлъ читать приговоръ и—исполнить. Послѣ казни же, поѣхалъ въ Троицкую Лавру встрѣчать вице-адмирала Крюйса, нанятаго въ Амстердамѣ и посылавшагося въ Воронежъ. Царь хотѣлъ самъ скорѣе видѣть и ему показать флотъ, строенный на счотъ земства «кумпанствами», но новыя открытія задержали его на два мѣсяца. При допросахъ стрѣльчихъ открылось, что главною передатчицею царевнѣ Софьѣ вѣстей и распространеніемъ въ стрѣлецкихъ сдободахъ внушаемыхъ ею слуховъ, была Мароа Алексѣевна. Петръ ее допросилъ самъ 8-го октября, но, она отперлась и уличаемая женщинами своими. Начались новыя казни и съ 3-го по 18-е октября осуждены на смерть еще 865 ч. Петръ помиловалъ 95 человѣкъ молодыхъ; изъ числа же казненныхъ, 195 стрѣльцовъ повѣшены передъ окнами царевны Софьи, подъ Дѣвичьимъ монастыремъ, съ челобитными въ рукахъ. Софья и Марфа Алексѣевны пострижены: первая съ именемъ Сусанны; вторая—Маргариты. Она послана въ Александровскую слободу, въ Успенскій монастырь. Софья же оставлена въ Новодѣвичьемъ, но караулъ усиленъ при ея кельяхъ до 100 человѣкъ и князю Ѳ. Ю. Ромодановскому Петръ далъ собственноручную инструкцію, которою запрещалось впускать сестеръ, кромѣ святой недѣли, да—Смоленской (28-го)—монастырскаго праздника. «А въ праздники бывъ—не оставаться; а если останется, до другого праздника не выѣзжать и не пускать».

Вмѣстѣ съ постриженіемъ сестеръ, увезена въ Суздаль, и тамъ, въ слѣдующемъ году, пострижена, съ именемъ Елены,—супруга Петра I, Евдокія Ѳедоровна. Жену велѣлъ уговаривать царь: идти въ монастырь—еще въ письмѣ къ Стрешневу, изъ Амстердама. Что была за причина отверженія супруги, въ первые годы брака даже любимой, а по смерти матери терпимой? Устряловъ догадывался, что на окончательный разрывъ Петра съ женою могло вліять участіе ея родныхъ, въ заговорѣ Соковнина. Во всякомъ случаѣ, причина удаленія царицы должна быть по важнѣе, чѣмъ недовольство характеромъ подруги жизни, или начатіе интриги съ Монсъ? Сознавая себя сколько нибудь виноватымъ, въ глубинѣ совѣсти, Петръ, съ его прямодушіемъ, не способенъ былъ притѣснять безвинную царицу, если не было достаточнаго повода, могшаго взаимную холодность обратить въ гнѣвъ и преслѣдованіе.

Съ удаленіемъ жены—если вѣрить, что она противилась введенію новыхъ порядковъ въ московскій общественный и государственный бытъ,—передъ Петромъ не было никого, кто-бы стоялъ за старину. И перемѣны, давшія всему новый видъ, послѣдовали въ короткое время, болѣзненно поражая современныхъ консерваторовъ и не давая имъ возможности даже догадаться: какое новое для нихъ горе скрывается за послѣднимъ нововведеніемъ.

Первое же изъ нихъ, было самый тяжкій переломъ, совершить который

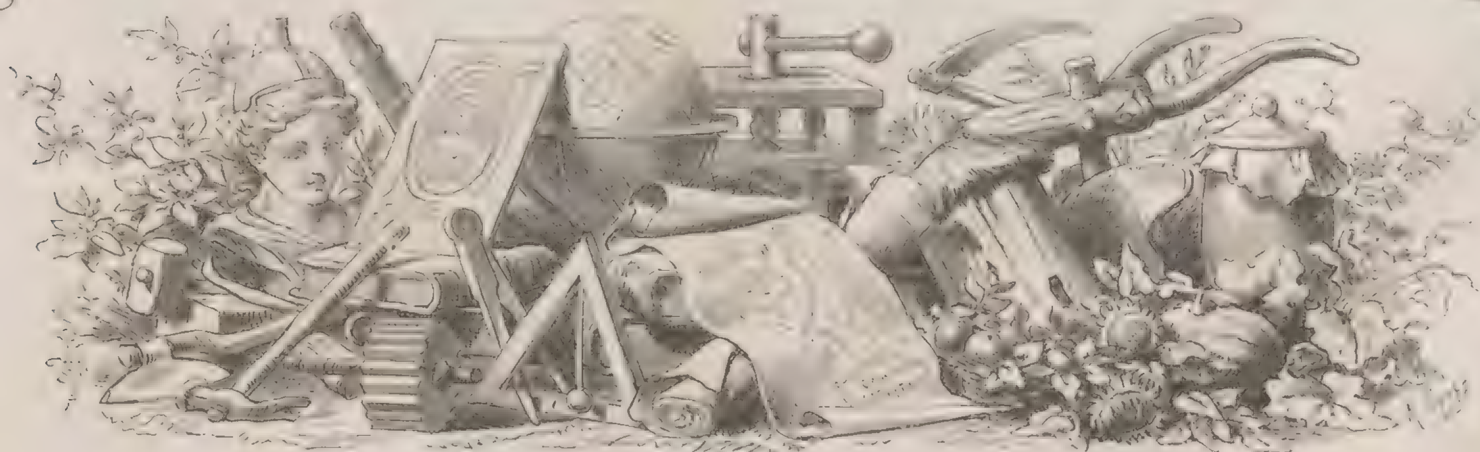

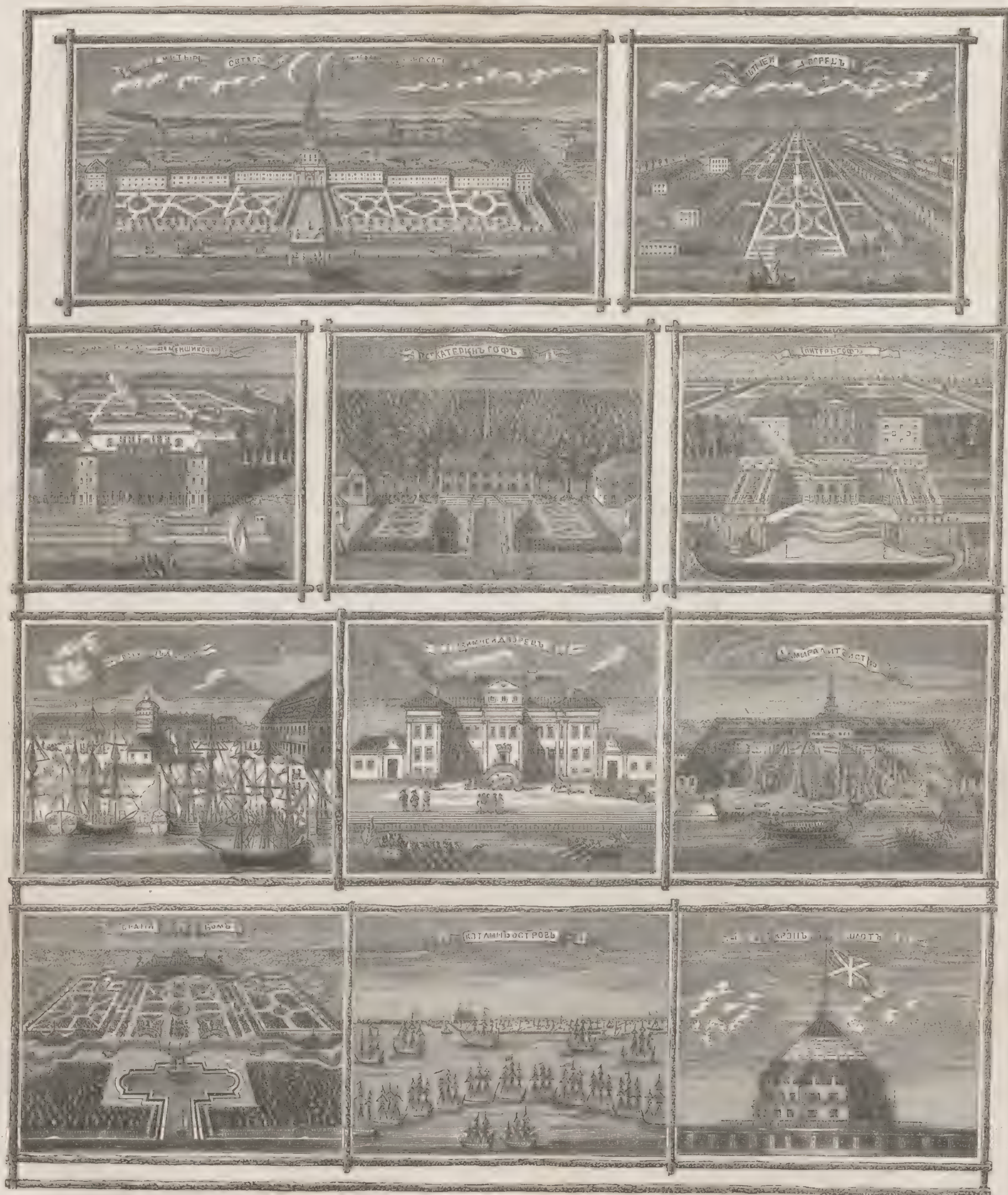

недавно еще, никто бы не смѣлъ и подумать. Мы разумѣемъ бритье бороды. Петръ сперва, какъ бы шутя, отхватилъ у нѣсколькихъ бояръ бороды, когда пришли они поздравлять его съ пріѣздомъ—въ день именинъ любимой сестры государя (отъ одной съ нимъ матери)—царевны Натальи Алексѣевны. Собственноручно Петръ обстригъ генералисимуса Шеина, князя-Кесаря своего, и многихъ другихъ. Такъ что, въ тогдашній новый годъ (1 сентября), когда Шеинъ давалъ въ честь государя пиръ, къ нему явилось уже много безбородыхъ, кромѣ матросовъ и служилыхъ дворянъ, бывшихъ заграницею. Царь былъ веселъ, шутилъ, раздавалъ самъ яблоки, и предлагалъ тосты, при громѣ орудій. Вдругъ явился съ ножницами шутъ Яковъ Тургеневъ и сталъ обрѣзывать бороды, при общемъ хохотѣ. На вечеръ къ Лефорту,—дня три спустя,—явилось еще больше гостей. Вся Нѣмецкая слобода—въ лицѣ не только кавалеровъ, но и дамъ молодыхъ,—была въ полномъ сборѣ. Число гостей было свыше 500 человѣкъ, а съ бородой—никого! Кафтаны русскіе къ безбородымъ уже не шли, а къ бородѣ возвратъ былъ невозможенъ и даже, какъ понудительная мѣра, учреждена высокая пошлина *) для отрѣкавшихся обриться. Вмѣсто квитанціи объ уплатѣ въ земскомъ приказѣ пени за бороду, установленъ особый мѣдный знакъ, перемѣняемый каждый годъ, съ годомъ и подписью «деньги взяты». Его должны были носить на себѣ заплатившіе пеню, подъ опасеніемъ обритія. Существуетъ бородовой знакъ этотъ даже съ годомъ 6207 (1698—9 г.); такъ что неостается сомнѣнія, что и пошлина и знакъ учреждены тотчасъ по возвращеніи Петра изъ перваго путешествія. Какихъ нибудь пять-шесть мѣсяцевъ прошло, когда Ромодановскій, по поводу извѣстія, что Головинъ ходитъ безъ бороды заграницею, выразившійся «не хочу вѣрить, чтобы дошолъ онъ до такого безумія!»—самъ увидѣлъ себя безбородымъ и убѣдился, что вооружаться ему противъ бритья нестоило. Иное дѣло духовенство съ патріархомъ во главѣ?! Но и святитель, хотя въ словѣ своемъ противъ брадобрійцевъ и вопіялъ—«люди православные! не пріемлите сего злодѣйскаго знаменія, но гнушайтеся имъ, какъ нѣкоею мерзостію: ибо нераскаявшимся бродобрійцамъ, по опредѣленію соборному, входъ въ церковь возбраненъ и причастія Св. таинъ они лишены!»—но привести угрозу въ исполненіе ни надъ кѣмъ не отважился. По городамъ только, попы изувѣры, кое-гдѣ оскорбляли обритыхъ, но за это подвергались и наказанію; какъ попъ Викула, въ Романовѣ, на Святой недѣлѣ не допустившій ко кресту солдата Кокорева.

Перемѣнить свою народную одежду, присмотрѣвшись за границею къ покрою болѣе практичному, не мѣшавшему быстротѣ движеній, царь поло-

*) Съ гостинной сотни по 100 рублей; съ царедворцевъ, приказныхъ, служилыхъ людей и торговыхъ 2-ой статьи по 60 рублей, а съ посадскихъ сословій и ямщиковъ, включительно до церковныхъ причотниковъ—30 р. въ годъ.

Съ современной гравюры рис. на дер. А. Адамовъ, грав. Ф. Герасимовъ.

Виды Петербурга и его окрестностей при Петрѣ Великомъ.

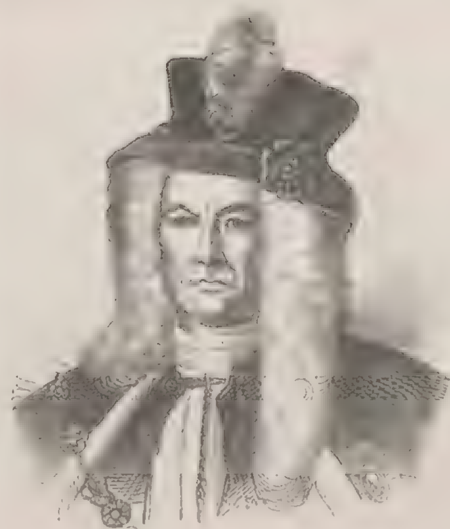
Монастырь Св. Александра Невскаго.—Лѣтній дворецъ.—Домъ свѣтлѣйш. кн. Меньшикова.—Екатерингофъ.—Петергофъ.—Гостинный дворъ.—Зимній дворецъ —Адмиралтейство.—Ораніенбаумъ.—Котлинъ островъ.—Кроншлотъ.

Епископъ Псковской Феоѳанъ Прокоповичъ.

Митрополитъ Рязанскій, мѣстоблюститель Патріаршества Стефанъ Яворскій.

Генералъ-Фельдцейхмейстеръ, графъ Яковъ Васильевичъ Брюсъ,

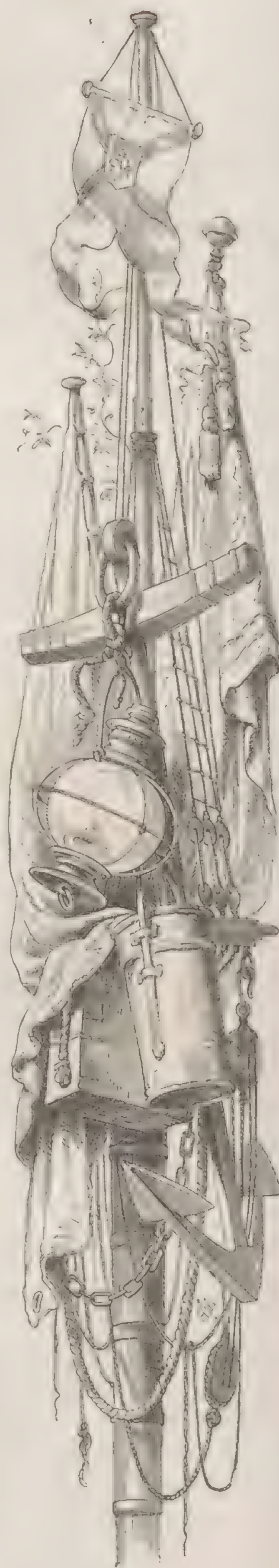

Рис. А. Н. Писченковъ, грав. К. Вейерманъ.

Троицкій Соборъ на Петербургской сторонѣ, освященный 10 Іюля 1711 года, въ настоящее время.

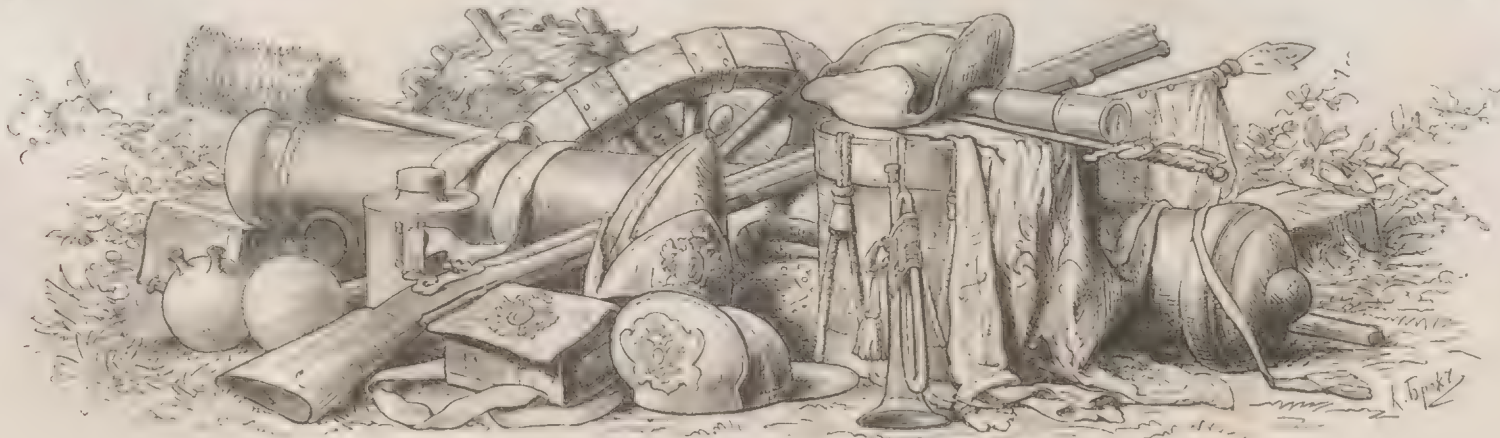

жилъ тоже непремѣнно, въ одно время съ бородою. Цѣнныхъ украшеній одежды Петръ никогда не любилъ и—выйдя изъ дѣтства,—въ костюмѣ своемъ соблюдалъ всегда крайнюю простоту. Темносѣрый, либо чорный кафтанъ толстаго сукна съ волосяными пуговицами, либо *бострогъ* (короткая блуза или куртка голландскаго рабочаго) съ металлическими пуговицами, да суконные штаны (въ праздники саржевые)— вотъ весь обычный нарядъ нашего перваго императора. Чорный бархатъ и кружева надѣвалъ онъ въ самые торжественные случаи. Хотя у голландскихъ аристократовъ,—съ которыхъ взятъ въ этомъ случаѣ примѣръ—то и другое входило въ обыкновенный костюмъ, надѣваемый въ общество. Самъ найдя удобнымъ и полюбивъ саксонскіе да французскіе кафтаны, для выхода въ публику, и голландскій простонародный для работы,—Петръ сперва обрѣзывалъ на пирахъ длинные рукава стариннаго платья царедворцевъ, а потомъ и указомъ (въ началѣ 1700 г.) предписалъ носить саксонскіе кафтаны всѣмъ классамъ городскихъ обывателей, кромѣ священнослужителей. Даже крестьяне при въѣздѣ въ городъ—съ товарами на рынокъ—должны были платить за свою народную одежду по 2 деньги съ человѣка: иначе не впускали ихъ въ городъ, въ воротахъ.

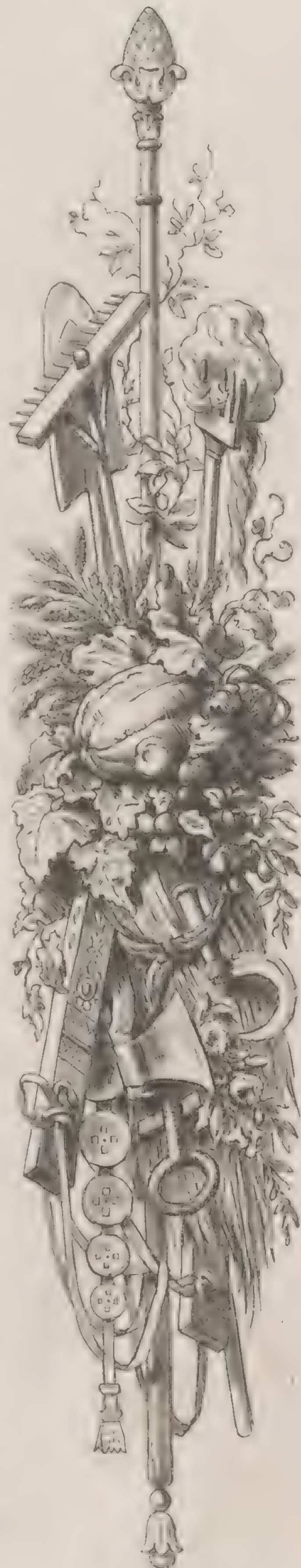
И эта ввозная пошлина увеличивала, однакожъ, итоги сборовъ. А задумавъ нововведенія, царь крѣпко нуждался въ усиленіи государственныхъ доходовъ. Услуги разныхъ прожектеровъ, людей практическихъ и смѣтливыхъ, пущены были поэтому, тоже, въ ходъ не безъ успѣха. Однимъ изъ первыхъ прожектеровъ или, какъ тогда называли, *прибыльщиковъ*, оказался дворецкій Б. П. Шереметева А. А. Курбатовъ. Съ бариномъ, побывъ за границею, онъ присмотрѣлся къ разнымъ иностраннымъ порядкамъ и подалъ государю, въ формѣ извѣта, письмо съ изложеніемъ проэкта *о гербовой*—«орленой» *бумагѣ*. Мысль понравилась, и указомъ 23-го января 1699 года предписано ввести въ употребленіе *съ 1-го марта* гербовую бумагу трехъ видовъ: для актовъ, цѣнностью свыше 50 р.—въ 10 коп., для документовъ на право владѣнія и челобитень (по договорамъ), на сумму ниже 50 р.—въ 1 коп. а, для просьбъ, выписей и проч., низшаго разбора, по 1/2 коп. за листъ. Изобрѣтатель же продажи орленой бумаги сдѣланъ дьякомъ оружейной палаты.

Въ то же время преобразована и система сборовъ податей и всякаго рода пошлинъ. Взносы ихъ съ городовъ вѣдались въ московскихъ приказахъ, гдѣ проволочка отъ приказныхъ съ цѣлью полученія взятокъ вошла даже въ пословицу, получивъ историческое прозваніе «московской волокиты». Торговые люди раззорялись; государство терпѣло недоимки и все это въ угодность одному классу народа, которому предоставлено было «кормиться отъ дѣлъ». Петръ въ Голландіи оцѣнилъ наглядно всю выгоду созданія богатаго класса людей промышленныхъ и, первымъ шагомъ для того придумалъ освободить городскихъ обывателей изъ подъ вѣденія воеводъ. Всякія городскія общественныя дѣла, раскладку государственныхъ повинностей, управленіе сборами вообще и городской гражданскій судъ, возложилъ при этомъ

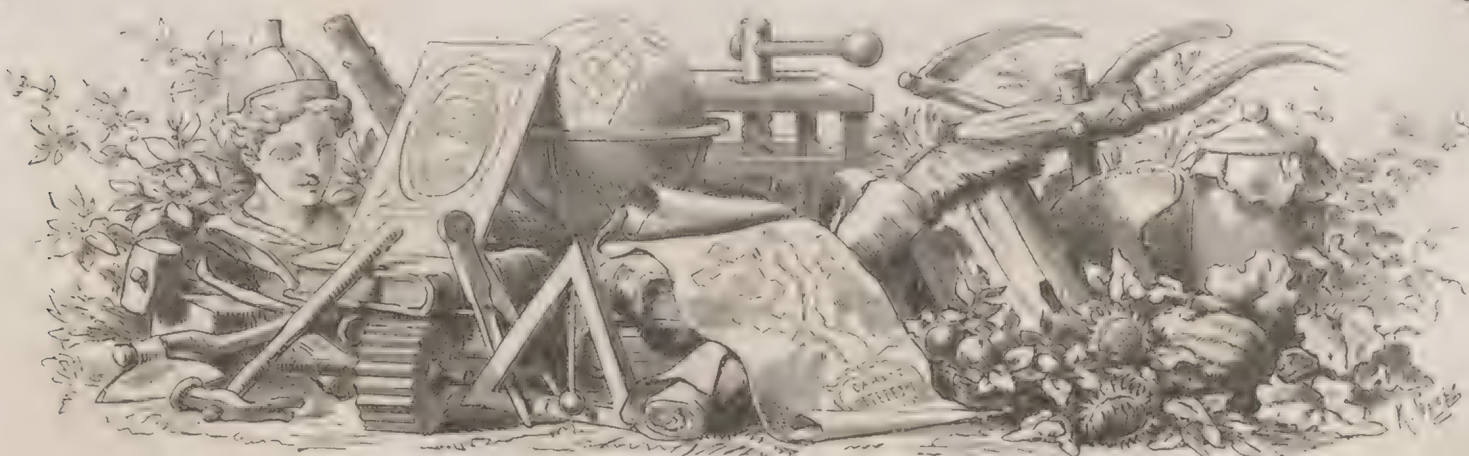
Государь на небывалое до него учрежденіе, въ Москвѣ—«бурмистерскую палату». Въ ней предсѣдательствовали, выбираемые каждый годъ, городомъ—изъ сословія обывателей—бурмистры, въ числѣ 12-ти; такъ что каждый изъ нихъ былъ президентомъ одинъ мѣсяцъ. Городскимъ обывателямъ пришлось платить вдвое противъ прежняго, но никто не жаловался, получивъ возможность судиться легкимъ и простымъ судомъ и находить законную защиту въ своемъ сословіи.

Устраивая дѣло общины, Петръ спѣшилъ довести до конца и дѣло флота, для сооруженія котораго всѣми сословіями землевладѣльцевъ, общія распоряженія мы уже разсказали при изложеніи приготовленій ко взятію Азова.

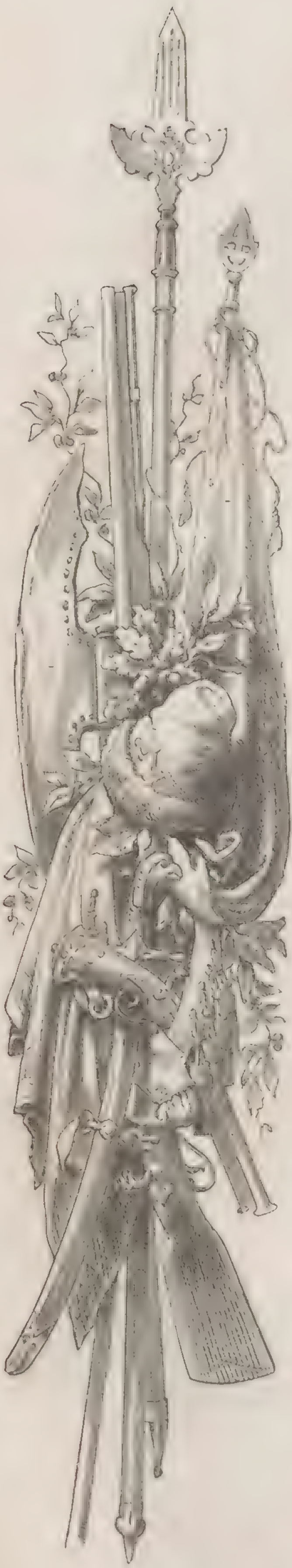
Стрѣлецкій розыскъ и страшная эпоха казней, недали возможности предпріимчивому монарху ѣхать въ Воронежъ для работъ ранѣе великаго поста 1699 года. Отпраздновавъ въ столицѣ своей послѣдній день масляницы—фейерверкомъ (19-го февраля),—Петръ поѣхалъ готовить къ веснѣ «морской караванъ». Послы иностранныхъ державъ, съ недовѣріемъ слушая разсказы о начатомъ на Воронежѣ исполинскомъ кораблестроеніи, считали все это преувеличеннымъ и датскій посолъ Гейнсъ, да бранденбургскій фонъ-Принтцъ просили и получили позволеніе: посѣтить Воронежъ. Угощая ихъ передъ отправленіемъ туда, Лефортъ вздумалъ, въ февралѣ, пировать подъ открытымъ небомъ. И это—его погубило. На другой же день открылся ознобъ и у него оказалась гнилая горячка, 2-го марта уложившая въ гробъ любимца царскаго, имѣвшаго всего 46 лѣтъ отъ роду.

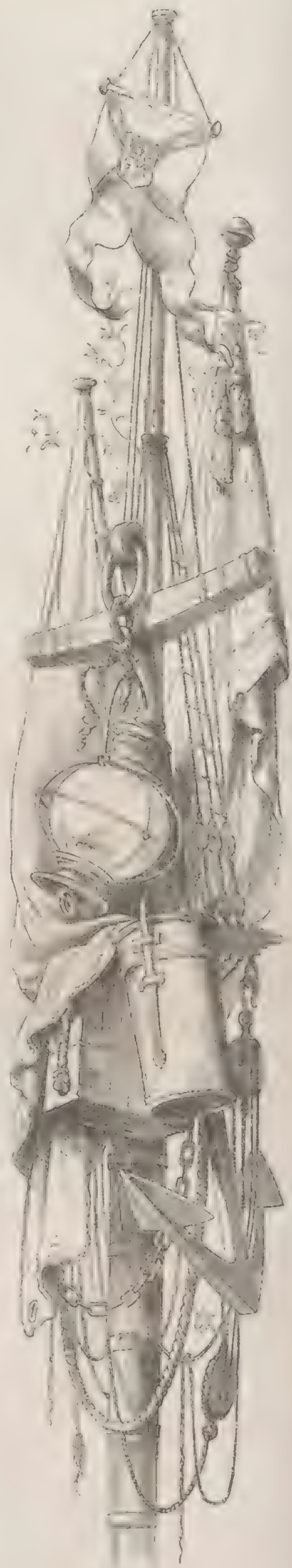
Князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ увѣдомилъ Петра письмомъ о потерѣ его друга. Бросивъ все, царь прискакалъ въ Москву хоронить его. На торжественномъ погребеніи его, грустный и сосредоточенный, царь шолъ въ строю при первой ротѣ Преображенскаго полка, до реформатской церкви, гдѣ пасторъ Стумпфіусъ произнесъ краснорѣчивое надгробное слово. Въ немъ особенно замѣчательно для насъ выраженіе—«всѣ мы знаемъ, что его царское Величество былъ ему свѣтъ, жизнь, щитъ, радость и на земли сей небо. Но о семъ преставившемся господинѣ справедливо можно сказать, что солнце жизни его померкло въ самый полдень славы; лучи же царской милости провожаютъ его до могилы». Петръ, говорятъ иностранцы, плакалъ даже, прощаясь съ тѣломъ Лефорта. Прахъ его опущенъ въ могилу при пальбѣ 46 орудій и бѣгломъ огнѣ 3-хъ полковъ. Черезъ день послѣ погребенія Петръ поспѣшилъ въ Воронежъ и дѣла помѣшали уже ему пріѣхать на похороны кораблестроителя Дена, въ томъ же мартѣ,—хотя онъ и писалъ о томъ Кревсу. Настояла необходимость озадачить турокъ и заставить ихъ заключить прочный миръ на болѣе продолжительный срокъ, чѣмъ двухлѣтнее перемиріе, котораго добился, на Карловицкомъ конгрессѣ, умный Возницынъ.

Дипломатъ этотъ, увѣдомляя царя о результатѣ конгресса, отъ 18-го февраля, между прочимъ написалъ Петру: «если изволишь съ турками примириться съ уступкою, по примѣру другихъ союзниковъ, надобно устранить

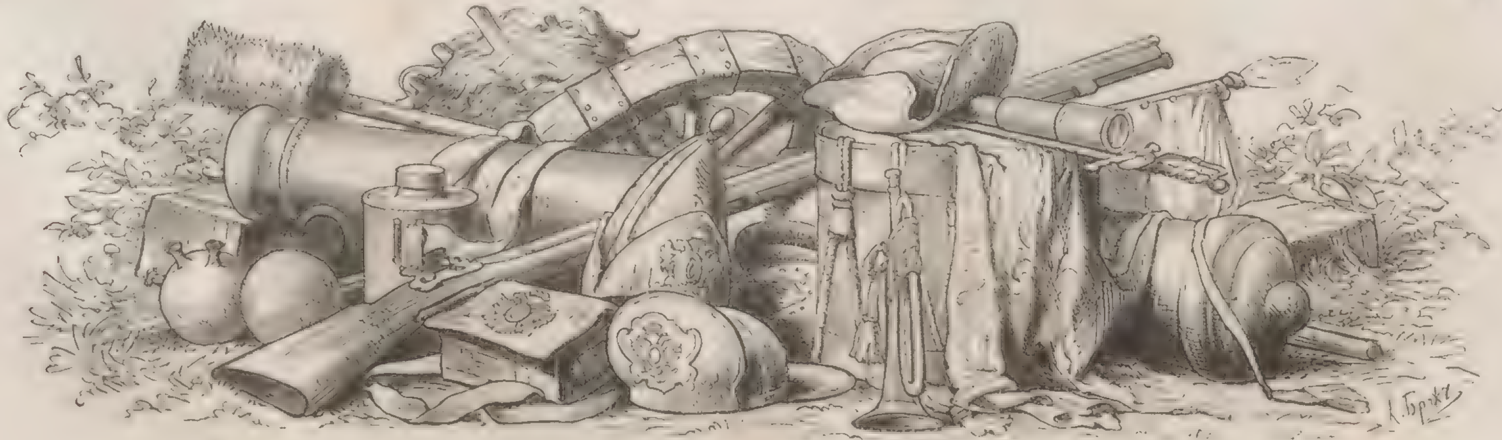
всѣ поводы къ новымъ несогласіямъ и не откладывая вдаль, послать къ нимъ, хотя не гораздо знатнаго, только *умнаго человѣка,* съ объявленіемъ... Если же они покажутъ какое упрямство и станутъ дѣлать непристойные запросы, онъ скажетъ имъ, что за такими тягостями едва ли миръ состоится. Съ ними *надобно поступать смѣло и дѣльно,* а *смиреннымъ отнюдь себя не казать»...*

Петръ, для выполненія на столько щекотливаго порученія, выбралъ самаго опытнаго дѣльца—думнаго дьяка посольскаго приказа,—Емельяна Игнатьевича Украинцева, и велѣлъ ему отправиться на царскомъ военномъ кораблѣ. А капитану корабля приказано бросить якорь подъ самыми стѣнами сераля, при пальбѣ съ обоихъ бортовъ.

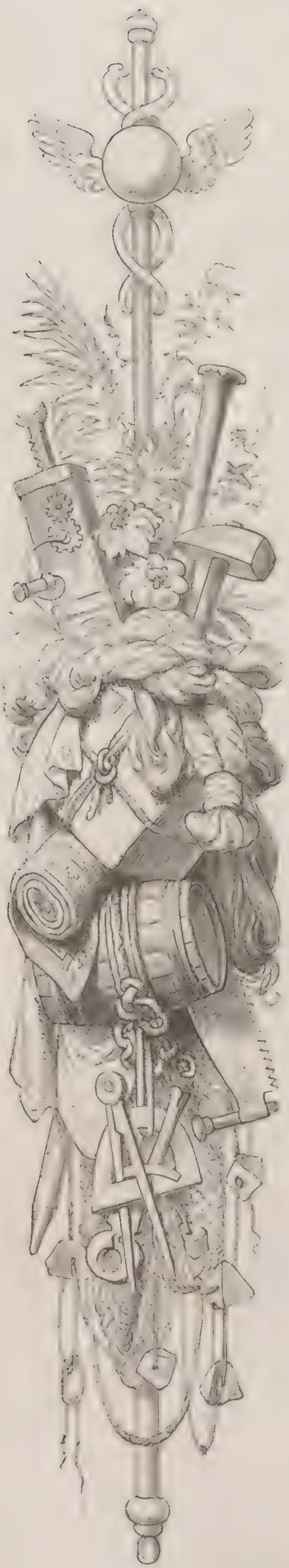
Къ веснѣ 1699 г., на воронежской верфи было готово 18 кораблей, по 20-ти галеръ и бригатинъ, 12-ть скампавей, 10-ть ботовъ корабельныхъ, 4 галеры (64 весельныхъ), 2 яхты и до 500 струговъ съ провіантомъ. Начальники судовъ были большею частію иностранцы; экипажъ тоже больше наемный; а морскіе солдаты—изъ Преображенцевъ и Семеновцевъ. Крюйсъ и шаутбенахтъ. И. Реэсъ формировали эскадру, начальникомъ которой сдѣланъ Головинъ, по смерти Лефорта возведенный въ генералъ-адмиралы. Царь принялъ на себя рангъ командира корабля «Апостолъ Петръ»(44 пушки). Апрѣля 9-го сказанъ указъ Украинцеву, а 27-го числа того же мѣсяца эскадра уже начала двигаться отъ Воронежа. Съ выходомъ въ Донъ суда построились и 30-го апрѣля увидѣли сигналъ плыть къ Азову. Въ первую недѣлю (до Коротояка) прошли, однако, всего 100 верстъ съ небольшимъ, а далѣе стали двигаться по сту верстъ въ день. Такъ что, къ Паншину пришли 17-го мая и простояли два дня. Въ это время царь, узнавъ, что не въ далекѣ тысячи калмыковъ съ казаками затѣяли кончить взаимное неудовольствіе оружіемъ,—успѣлъ остановить этотъ поединокъ, уговоривъ обѣ стороны къ миру. На стоянкѣ у Паншина городка, (15-го мая), Петръ, узнавъ, что голландцы стали стряпать кушанье изъ черепахъ, приказалъ и для себя изготовить блюдо, и угостилъ имъ русскихъ бояръ, не подозрѣвавшихъ сперва, изъ чего приготовлено кушанье.

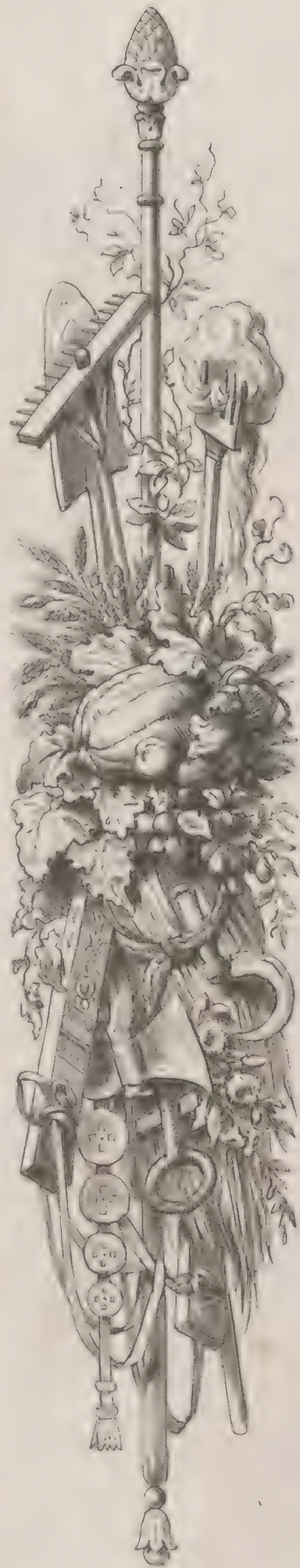
Черезъ 8 дней воронежскій флотъ сталъ передъ Азовомъ, при пушечной пальбѣ съ прибывшей эскадры и съ крѣпости, сильныя укрѣпленія которой могли противостоять всякому враждебному покушенію, даже и не степняковъ;— каковы были орды турецкаго султана и крымскаго хана. Іюня 3-го, 44 вымпела пришли въ Таганрогъ, а 5-го ѣздилъ Петръ къ Павловской крѣпости, заложенной Де-Ляваломъ, но безполезной и теперь оставленной. А воды, достаточной наполнить на столько Донскія гирла, чтобъ пропустить всѣ суда въ Азовское море, пришлось ждать еще до 25-го іюня. Тогда только крѣпкимъ западнымъ вѣтромъ нагнало ее столько, что Кутюрмою прошолъ и корабль «Апостолъ Петръ.»

За нимъ миновалъ отмели корабль Крюйса; а въ день имянинъ Петра и весь флотъ перебрался въ море, выстроившись на Таганрогскомъ рейдѣ. Здѣсь пируя, радостный царь зажогъ вечеромъ фейерверкъ, на главномъ щитѣ котораго изображонъ былъ апостолъ Петръ, съ надписями: «Что

Богъ изволитъ то и будетъ», (вверху), да (внизу) «Богъ даетъ избранному».

Съ 3-го по 15-е іюля приготовляли суда, по назначенію, къ морскому походу.

Петръ самъ работалъ «надъ починкою, конопаткою и смоленьемъ своего корабля, «прилежнѣе и исправнѣе стараго, хорошо обученнаго, плотника», отмѣчаетъ Крюйсъ въ своемъ журналѣ.

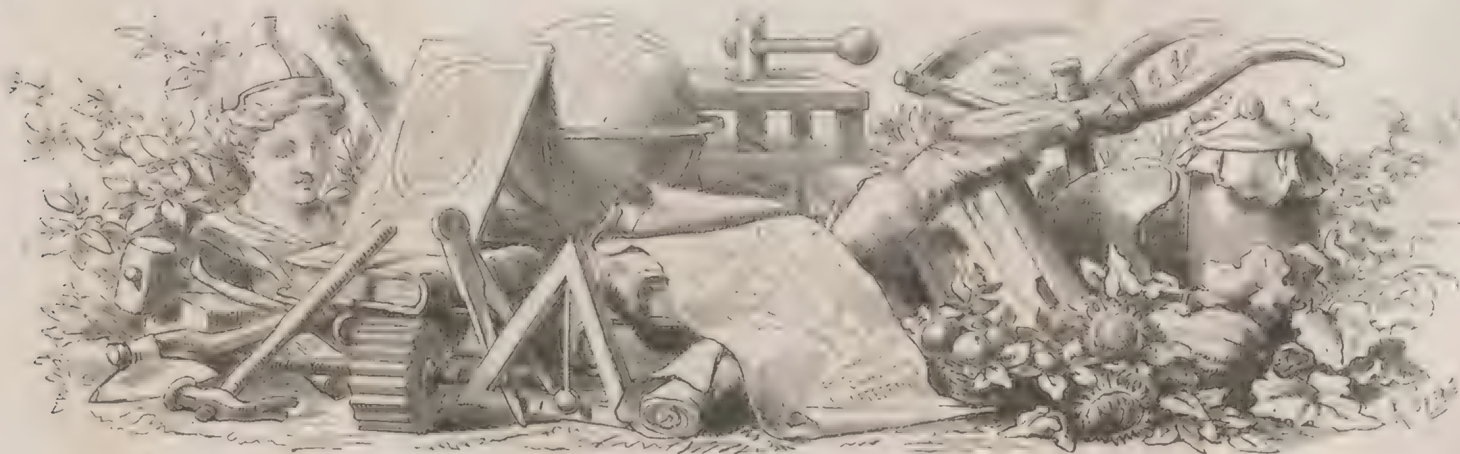
По ночамъ-же писалъ здѣсь государь Украинцеву свой наказъ, гдѣ предлагалось султану заключить миръ на 25 лѣтъ «чтобы не было никакого подозрѣнія», но, безъ отдачи Азова и Кази-Керменя и съ отказомъ по годной крымской дачи; а если не захотятъ—то съѣхаться на общую комиссію въ 1701 году, на Днѣпрѣ. Сверхъ того, послу велѣно добиваться у турокъ заведенія взаимной торговли Россіи съ Турціею и отдачи грекамъ гроба Господня, въ Іерусалимѣ.

Перевезти Украинцева въ Константинополь долженъ былъ капитанъ Петръ Памбургъ на 46-ти пушечномъ кораблѣ «крѣпость» и о томъ, что посолъ поѣдетъ моремъ, Керченскому пашѣ дано знать заблаговременно. Но, для того, чтобы паша не заупрямился, царь прибылъ къ Керчи со всѣмъ флотомъ—провожать посла. На самомъ дѣлѣ, Петру хотѣлось показать туркамъ свою морскую силу, которой они не совсѣмъ вѣрили изъ разсказовъ. Да если и вѣрили о стройкѣ кораблей, то не думали, чтобы Дономъ можно было вывести корабли эти въ море. Эскадра изъ 10-ти кораблей, 2-хъ галеръ и гальота, да бригантины и яхты съ 4 стругами, 14-го августа вышла вторично изъ Таганрога,—въ первый разъ выдержала она бурю, да произвела примѣрное сраженіе (7-го августа)—и 17-го бросила якорь подъ Керчью.

Догадка о задержкѣ посла турками въ проходѣ моремъ,—безъ острастки эскадрою,—оправдалась. Паша согласился на это тогда только, когда русскій адмиралъ рѣшительно заявилъ, что самъ пойдетъ провожать посла. Уступивъ необходимости, турки, однако, еще нѣсколько медлили, но настойчивость Украинцева помогла ему пересилить ихъ упорство. Августа 28-го его, наконецъ, отпустили. Три дня шолъ Памбургъ въ виду крымскаго берега, съ турецкими кораблями, но, 31-го, пользуясь вѣтромъ, наставилъ всѣ паруса и скоро ушолъ изъ виду отъ турецкаго конвоя.

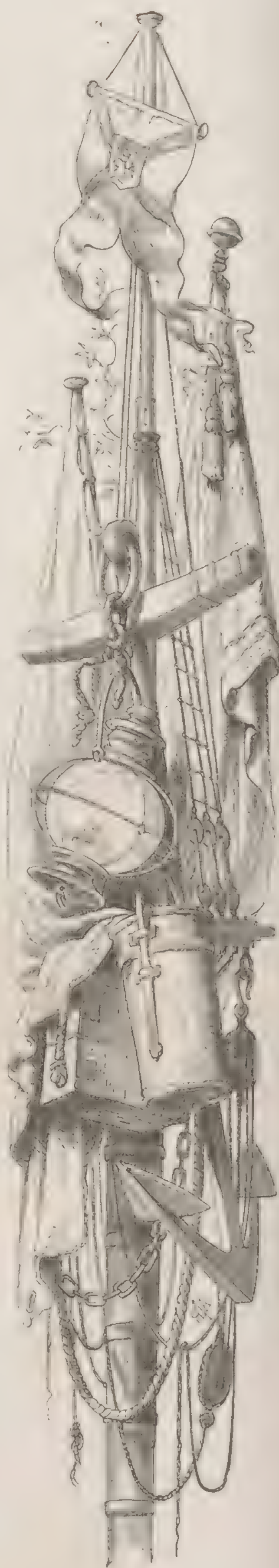
Сентября 2-го русскій корабль безъ лоцмана вступилъ въ Дарданелы, самою срединою пролива, и остался за три мили отъ столицы ожидать своего конвоя, на полтора дня отставшаго. Султанъ выслалъ мелкія суда для перевезенія въ Константинополь нашего посла, но онъ согласился ѣхать не иначе, какъ съ условіемъ, чтобы впереди шолъ нашъ корабль, остановившійся, за штилемъ, въ 1 мили отъ султанской столицы. На утро же, когда подулъ вѣтеръ, Памбургъ подошолъ къ стѣнамъ Сераля и отдалъ ему салютъ, царскій приказъ исполнивъ буквально.

Прибытіе русскаго корабля въ Константинополь, подняло сильно курсъ

русскаго царя въ глазахъ правовѣрныхъ министровъ султана. Падишахъ, хотя и гнѣвался, что грубый голландецъ пальбою своею такъ напугалъ его жонъ, что одна преждевременно разрѣшилась, но, въ концѣ концовъ приказалъ заключить миръ съ царемъ въ ту именно пору, когда Петру былъ онъ всего нужнѣе. Пристрастка подѣйствовала.

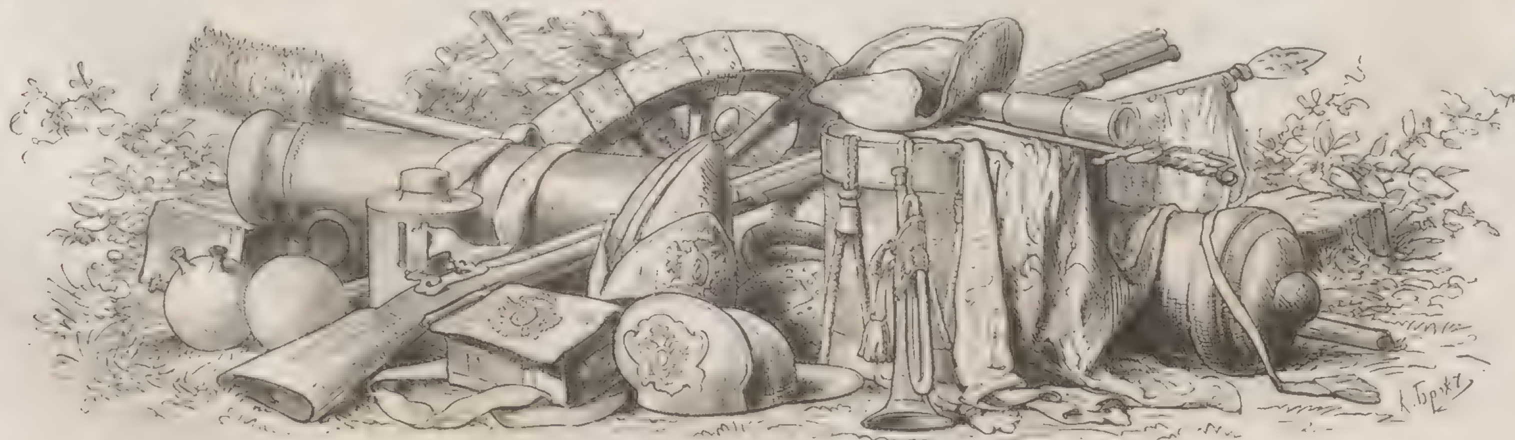
Этотъ памятный годъ настолько выгоднаго маневра Петровой политики, въ исторіи Россіи оставилъ сверхъ того крупныя воспоминанія, въ ряду нововведеній, слѣдствія которыхъ (покрайней мѣрѣ главна), дали рѣшительный перевѣсъ нашему оружію въ двадцатилѣтней борьбѣ съ державою, отличавшейся лучшимъ устройствомъ своего войска. Мы разумѣемъ учрежденіе правильнаго войска, перемѣну лѣтосчисленія и новую монету.

Въ іюнѣ 1699 г. были распущены стрѣльцы, съ обязанностю приписки въ городскія сословія, а 8 ноября того же года изданъ указъ о сборѣ даточныхъ людей со всего государства, въ *солдаты*. Съ имѣній владѣльцевъ духовныхъ отъ 25-ти дворовъ по человѣку, а съ свѣтскихъ отъ 30—50. Срокомъ набора для ближнихъ мѣстъ къ Москвѣ назначено 1 декабря, для дальнихъ же—конецъ января.

Въ Москвѣ, кромѣ того, сдѣлали кличъ, приглашавшій желающихъ идти въ солдаты, за жалованье 11 руб. въ годъ; кромѣ провіанта, одежды и водки на походѣ. Боярская дворня съ радостью бросилась на этотъ призывъ, въ Преображенское, гдѣ, съ января, Автомонъ Головинъ, да Адамъ Вейде и принялись учить новобранцевъ ружейнымъ пріемамъ. За смертію Гордона, на нихъ легла эта тяжолая обязанность, и они, да князь Аникита Репнинъ (впослѣдствіи фельдмаршалъ, а тогда еще подполковникъ) исполнили удачно царское порученіе. Такъ что, государь, если вѣрить показанію австрійскаго резидента Плейера, послѣ этого говаривалъ даже: «къ чему мнѣ тратить деньги на иностранцевъ, когда мои подданные съумѣютъ тоже сдѣлать и что они?» Всего сформировано 29 полковъ, до 32000 человѣкъ—въ три мѣсяца. Сила эта раздѣлена была на три дивизіи и отдана подъ начальство Головину, Вейде и Репнину. Обмундировано войско было на нѣмецкій маперъ: въ суконные темнозеленые кафтаны, съ низкими треугольными шляпами; а вооружены полки ружьемъ со штыкомъ (мушкетъ съ багинеты) и тесакомъ.

Декабря 10-го 1699 г. изданъ указъ о считаніи годовъ съ января 1, которое должно было наступить черезъ нѣсколько дней и начать собою осмнадцатое столѣтіе отъ рождества Христова. Перемѣна лѣтосчисленія отпразднована фейерверкомъ на Красной площади, освѣщеніемъ по домамъ, разрѣшеніемъ стрѣльбы изъ ружей, въ знакъ радости, и обязательнымъ украшеніемъ изъ ельника, воротъ «при домахъ». Указомъ же предписывалось, поздравлять при встрѣчѣ другъ друга «съ новымъ годомъ» и держать украшенія до дня крещенія.

Въ этотъ праздникъ Петръ вывелъ торжественно въ строю, на Іорданъ, своихъ гвардейцевъ и каждый годъ бывалъ потомъ на этомъ церковномъ парадѣ, самъ приводя и разводя войска по домамъ.

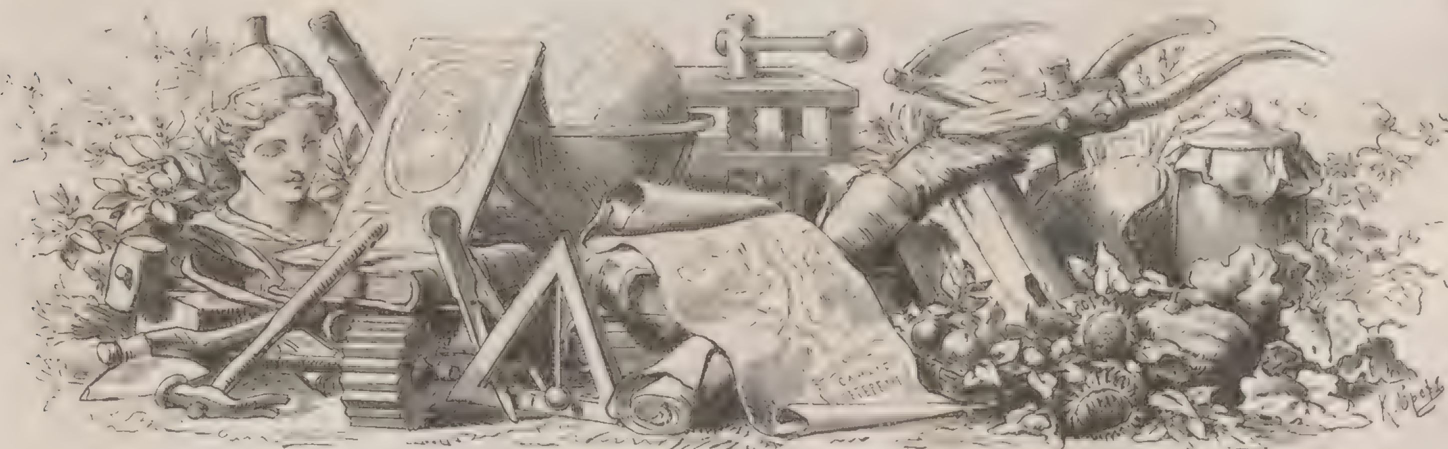

Совершенство англійской монеты, поражавшее государя на Лондонскомъ монетномъ дворѣ, не давало тоже покоя мысли Петра, объ усовершенствованіи монеты нашей. Марта 11-го 1700 г. назначенъ единообразный вѣсъ мелкой размѣнной монеты, а за мѣсяцъ раньше—18 февраля—наряжена царемъ коммисія по пересмотру уложенія.

Благому дѣлу улучшенія законодательства, на долго, однако, помѣшала жестокая война.

П.

Празднество свадьбы князя Папы и маскарадъ въ Петербургѣ,

по случаю Ништадтскаго мира, 10-го сентября 1721 года.

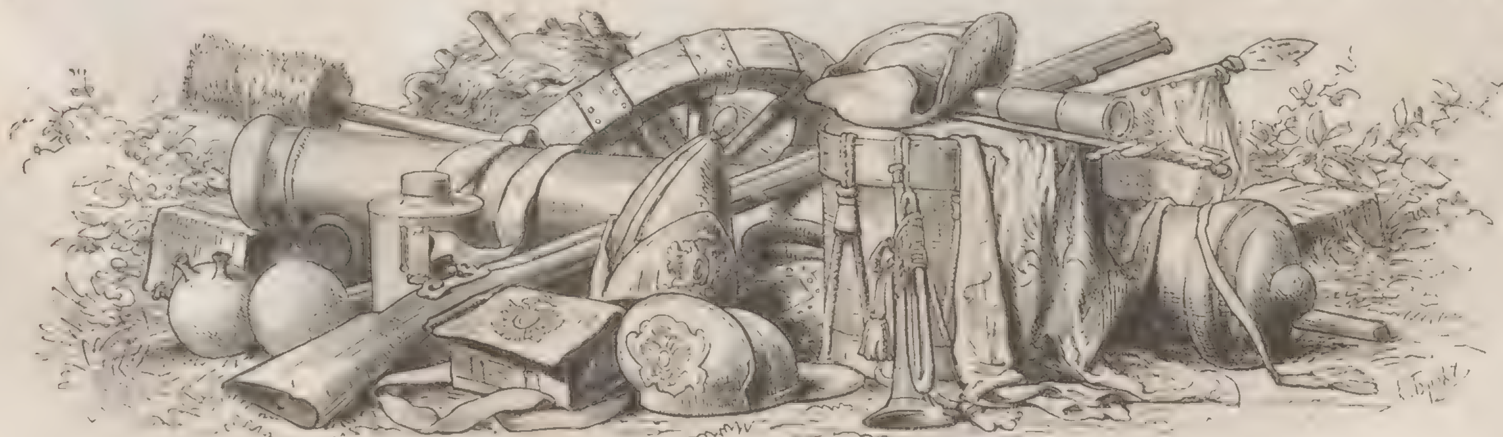

VIII.

Начало Сѣверной войны.—Первая неудача.—Первая побѣда.—Торжество. — Кампанія въ Ингерманландіи. — Осада и взятіе Нотеборга.

Раздираемая постоянно смутами и безначаліемъ Польша, и недоброжелательная намъ Швеція, завладѣвшая берегами Балтійскаго моря (Ингерманландіей, Лифляндіей и Эстляндіей), отдѣляли Россію отъ всѣхъ образованныхъ державъ Европы. Потому стремленія Петра преобразовать Россію по европейски и сблизить ее съ западомъ, встрѣчали сильныя препятствія не въ однихъ только народныхъ предразсудкахъ, но и въ такомъ невыгодномъ положеніи государства. Петръ и рѣшился отнять у шведовъ прибалтійскія области, чтобы чрезъ Балтійское море открыть путь въ Европу. Съ этою цѣлью, онъ вступилъ въ союзъ противъ Швеціи съ королемъ датскимъ и курфюрстомъ саксонскимъ, Августомъ II, только что избраннымъ тогда въ короли польскіе. Союзъ этотъ, переговоры о которомъ начались еще въ бытность царя заграницей, былъ окончательно заключонъ въ Москвѣ, въ 1699 году. Однако-жъ, продолжавшіеся въ то время переговоры о мирѣ съ Турціей, не позволяли Петру открыть военныя дѣйствія, вмѣстѣ съ союзниками. Только 18-го августа 1700 г. было получено нетерпѣливо ожидаемое имъ извѣстіе о подписаніи въ Константинополѣ тридцатилѣтняго мира съ турками и, на другой же день обнародовано объявленіе войны Швеціи. Главнымъ предлогомъ къ войнѣ послужило оскорбленіе, нанесенное, въ 1697 году, губернаторомъ города Риги—царю и русскому посольству.

По плану кампаніи, составленному самимъ Петромъ, было предположено устремиться съ главными силами на Ингерманландію, избравъ первоначальною

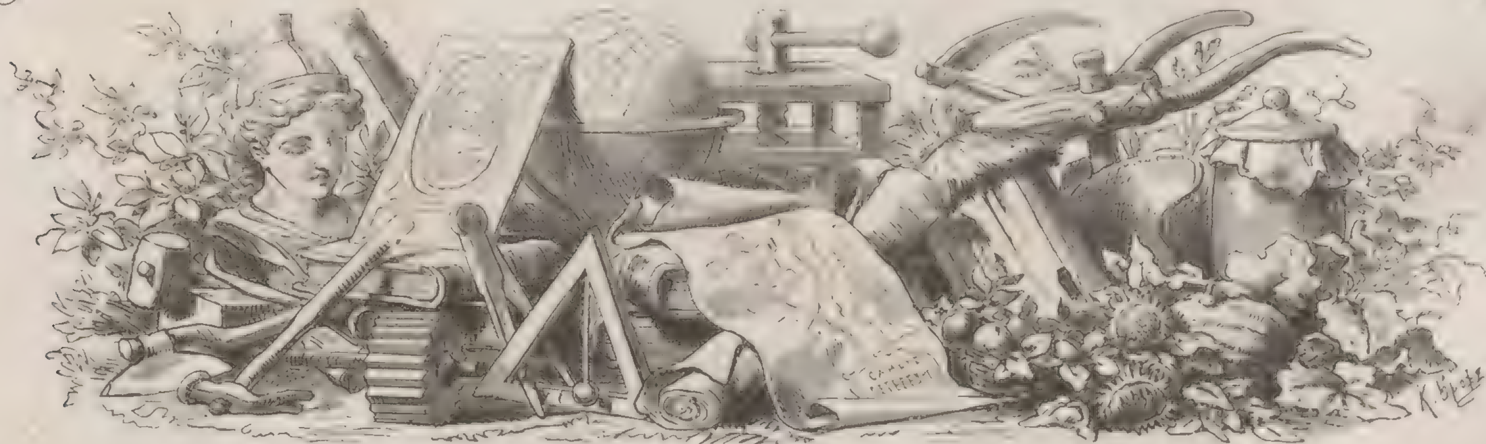
цѣлью дѣйствій, отлично укрѣпленный шведами, городъ Нарву. Планъ этотъ нельзя не признать вполнѣ раціональнымъ и сообразнымъ съ тогдашними обстоятельствами. Завладѣніе Ингерманландіей было для Россіи въ политическомъ и торговомъ отношеніяхъ гораздо важнѣе, нежели занятіе Лифляндіи или Эстляндіи, потому что Ингерманландія, окружонная съ двухъ сторонъ русскими провинціями, находилась ближе къ центру государства; что, разумѣется, значительно облегчало и скорѣйшее ея завоеваніе. Сверхъ того, съ занятіемъ Ингерманландіи пріобрѣталась возможность пресѣчь сообщеніе между Финляндіей и Эстляндіей и, такимъ образомъ, какъ бы отрѣзать отъ Швеціи часть ея владѣній. Что касается самой Нарвы, то она была тогда сильнѣйшей крѣпостью и важнѣйшимъ пунктомъ Ингерманландіи, какъ по положенію своему, — здѣсь берегъ моря наиболѣе приближался къ нашимъ границамъ, — такъ и потому, что крѣпость эта имѣла портъ и жители ея производили довольно обширную торговлю. Взятіе Нарвы доставило бы нашимъ войскамъ твердый опорный базисъ для дальнѣйшихъ дѣйствій. Наконецъ, однимъ изъ самыхъ благопріятныхъ условій, дававшимъ надежду на успѣшное исполненіе плана кампаніи, было то обстоятельство, что противникъ Петра, король шведскій, Карлъ XII, находился въ это время съ главными силами своими въ Даніи и имѣлъ въ Ингерманландіи, Лифляндіи и Эстляндіи не болѣе двѣнадцати или пятнадцати тысячъ войска, разсѣяннаго гарнизономъ по разнымъ крѣпостямъ.

Тотчасъ по объявленіи войны, русская армія, заблаговременно сосредоточенная въ Новгородѣ, выступила къ Нарвѣ подъ начальствомъ фельдмаршала и адмирала Ѳ. А. Головина. Она состояла изъ тридцати пяти тысячъ человѣкъ, большею частію рекрутъ, неопытныхъ и плохо обученныхъ, да конныхъ ополченій, набранныхъ изъ дворянъ московскихъ, новгородскихъ и смоленскихъ.

Нарва, выстроенная на лѣвомъ берегу рѣки Наровы, въ двѣнадцати верстахъ отъ впаденія ея въ Финскій заливъ, была занята двухъ-тысячнымъ шведскимъ гарнизономъ, подъ командой храбраго полковника Горна и снабжена продовольствіемъ на нѣсколько мѣсяцевъ. Укрѣпленія ея заключались въ девяти толстыхъ каменныхъ бастіонахъ, обнесенныхъ рвами и вооружонныхъ 400 пушками. Противъ крѣпости, на правомъ берегу Наровы, лежалъ старинный укрѣпленный замокъ Ивань-городъ, воздвигнутый русскими въ 1492 году, но уступленный шведамъ при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. Замокъ этотъ служилъ крѣпости предмостнымъ укрѣпленіемъ, обезпечивавшимъ свободное сообщеніе между обоими берегами.

Войска наши, двигавшіяся эшелонами, по мѣрѣ прибытія къ Нарвѣ, располагались лагеремъ, на лѣвомъ берегу Наровы, въ одну линію, которая, простираясь на семь верстъ, въ видѣ полукруга охватывала крѣпость и примыкала флангами къ рѣкѣ.

Петръ пріѣхалъ къ арміи въ концѣ сентября и привезъ съ собой герцога де-Кроа, рекомендованнаго ему королемъ польскимъ и слывшаго за опытнаго и способнаго военачальника. Вслѣдъ за тѣмъ, въ нашу армію яви-

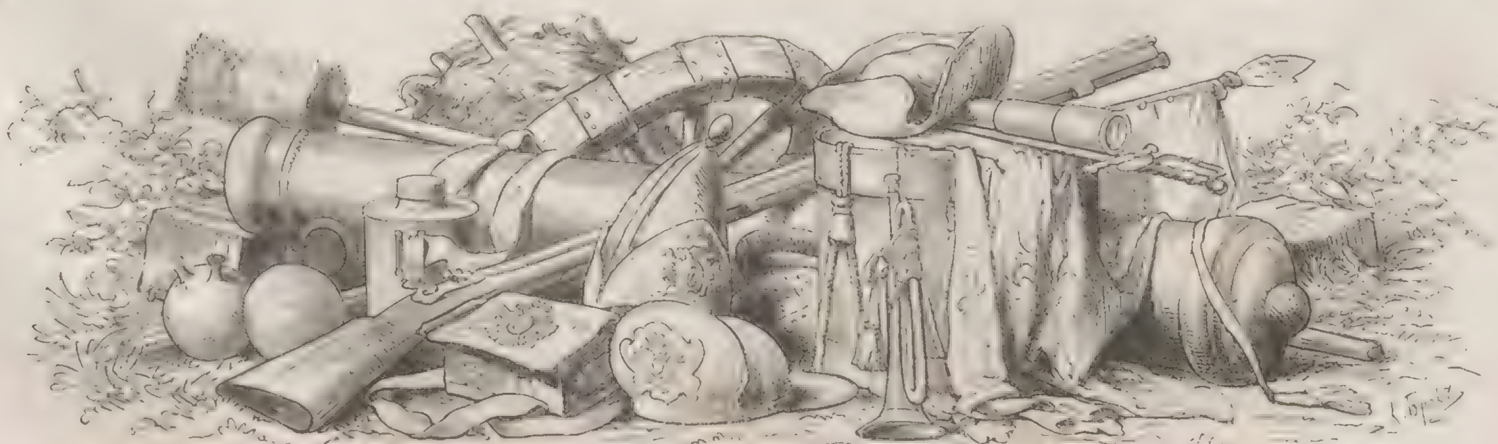

лись: инженерный генералъ Алартъ и нѣсколько инженерныхъ и артиллерійскихъ офицеровъ, присланные также Августомъ II. Государь поручилъ имъ управленіе осадными работами.

Уже съ самаго начала осады, Петръ увидѣлъ ненадежность навязанныхъ ему иностранныхъ руководителей. Ничего не дѣлая, они только критиковали распоряженія другихъ и государь самъ долженъ былъ, подъ выстрѣлами крѣпости, разбивать кольями батареи и подступы. Въ началѣ октября привезли изъ Пскова и Новгорода тяжолую артиллерію и снаряды. Петръ лично присутствовалъ при сооруженіи батарей и управлялъ ихъ дѣйствіями; но стрѣльба оказалась безуспѣшною и осада подвигалась медленно. Привезенная артиллерія была въ самомъ жалкомъ положеніи; лафеты и колеса безпрестанно ломались; изъ мортиръ можно было стрѣлять только камнями, потому что бомбы не соотвѣтствовали калибру орудій; наконецъ, вскорѣ обнаружился недостатокъ въ порохѣ и снарядахъ. Надежда на успѣхъ исчезала съ каждымъ днемъ. Комендантъ, на всѣ предложенія о сдачѣ, отвѣчалъ насмѣшками. Многочисленность осаждавшихъ не устрашала его. Надѣясь на храбрость гарнизона, на силу укрѣпленій и на неискусство русскихъ, онъ рѣшился защищаться до послѣдней крайности, тѣмъ болѣе, что получилъ извѣстіе о скоромъ прибытіи Карла XII со вспомогательнымъ войскомъ. Между тѣмъ, отъ осенней распутицы испортились дороги, прекратился подвозъ продовольствія и военныхъ запасовъ и въ нашей арміи открылись болѣзни.

Въ концѣ октября мѣсяца король шведскій появился съ значительнымъ войскомъ въ Лифляндіи. Карлъ XII, смѣлымъ и рѣшительнымъ движеніемъ на Копенгагенъ, принудивъ короля датскаго заключить съ нимъ миръ, направилъ свои силы на остальныхъ противниковъ. Высадившись въ Пернау, онъ намѣревался сперва идти къ Ригѣ, осажденной Августомъ II, но узнавъ, что послѣдній поспѣшно снялъ осаду этой крѣпости, двинулся черезъ Ревель прямо къ Нарвѣ.

Ноября 18-го, бояринъ Б. П. Шереметевъ, посланный государемъ съ конницей къ Везенбергу развѣдать о непріятелѣ, возвратился къ Нарвѣ съ вѣстью о приближеніи шведовъ. Наканунѣ же, Петръ, поручивъ главное начальство надъ русскимъ войскомъ герцогу де-Крои, оставилъ лагерь и уѣхалъ въ Новгородъ. Причина внезапнаго отъѣзда государя изъ арміи въ столь критическую минуту, остается до сихъ поръ не разъясненной. По словамъ самого Петра, онъ покинулъ лагерь, чтобы ускорить прибытіе ожидавшихся подкрѣпленій и, главное, увидаться съ Августомъ II и договориться съ нимъ на счотъ дальнѣйшихъ дѣйствій. По объясненію же цесарскаго резидента, Плейера, царь «рѣшился удалиться отъ могущей встрѣтиться опасности, вслѣдствіе настоятельнаго и разумнаго убѣжденія близкихъ особъ». Но Петръ и прежде и послѣ доказывалъ не разъ, что не трусилъ при встрѣчѣ съ непріятелемъ, хотя безразсудная удаль, стремленіе подвергаться безполезной опасности, были не въ его характерѣ. Онъ менѣе всего способенъ былъ руководиться ложнымъ стыдомъ. Въ дѣлѣ военнаго искусства царь смотрѣлъ на себя и на своихъ,

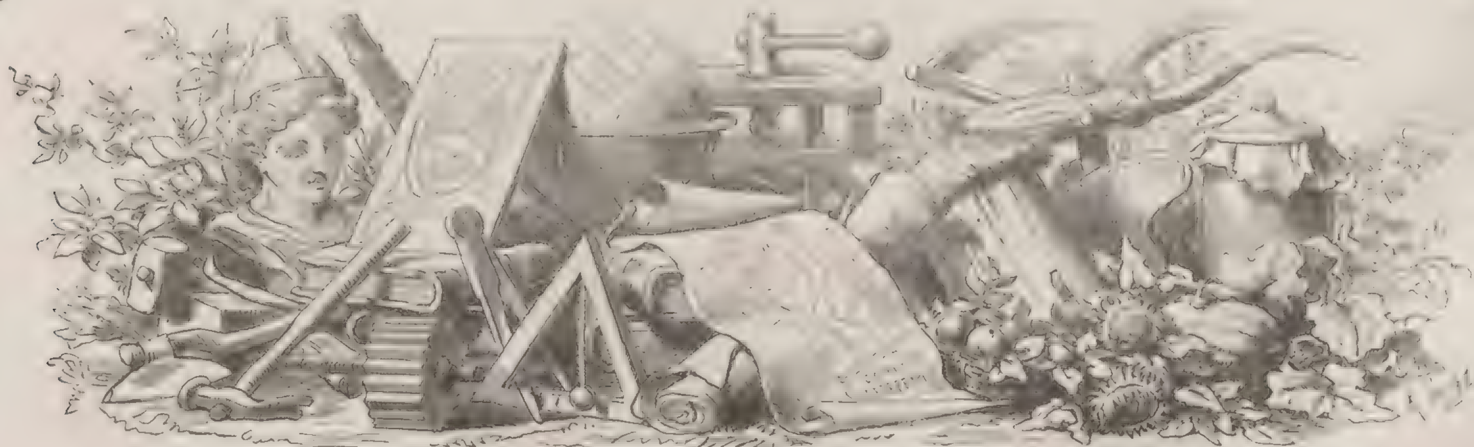
какъ на новичковъ, только что начавшихъ учиться. Теперь этимъ новичкамъ предстояло помѣряться съ мастерами. Неудача была весьма вѣроятна, и еслибъ Петръ попался въ плѣнъ или былъ убитъ, то что сдѣлалось бы тогда съ Россіей?

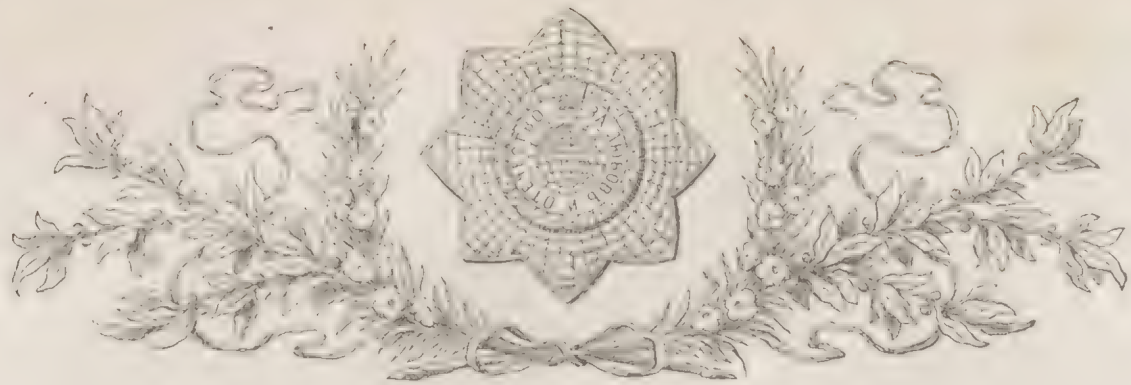
Черезъ день послѣ отъѣзда царя, Карлъ XII неожиданно напалъ на русскій лагерь, съ войскомъ, втрое слабѣйшимъ числомъ, но сильнымъ своимъ устройствомъ, дисциплиной и опытностью. Предводимые самимъ королемъ, шведы стремительно аттаковали наши окопы, ворвались въ нихъ, овладѣли лагеремъ и произвели въ немъ страшное смятеніе. Ошеломленные и опрокинутые, русскіе въ безпорядкѣ бросились къ Наровѣ, но, не смотря на совершенное разстройство, гвардейскіе полки защищались отчаянно до глубокой ночи и положили оружіе только, когда Карлъ XII обѣщалъ имъ безпрепятственный пропускъ на родину. Впрочемъ, обѣщаніе не было исполнено. Шведы удержали въ плѣну всѣхъ генераловъ и около семидесяти офицеровъ. Въ этомъ несчастномъ сраженіи русская армія лишилась болѣе 7000 человѣкъ и всей артиллеріи, состоявшей изъ 170 орудій. Разбитые, обезоруженные и ограбленные непріятелемъ, полки наши, почти въ разбродъ, потянулись къ Новгороду. Не имѣя на пути ни квартиръ, въ которыхъ могли бы укрыться отъ суровой зимней непогоды, ни продовольствія, они потеряли множество людей отъ стужи и голода.

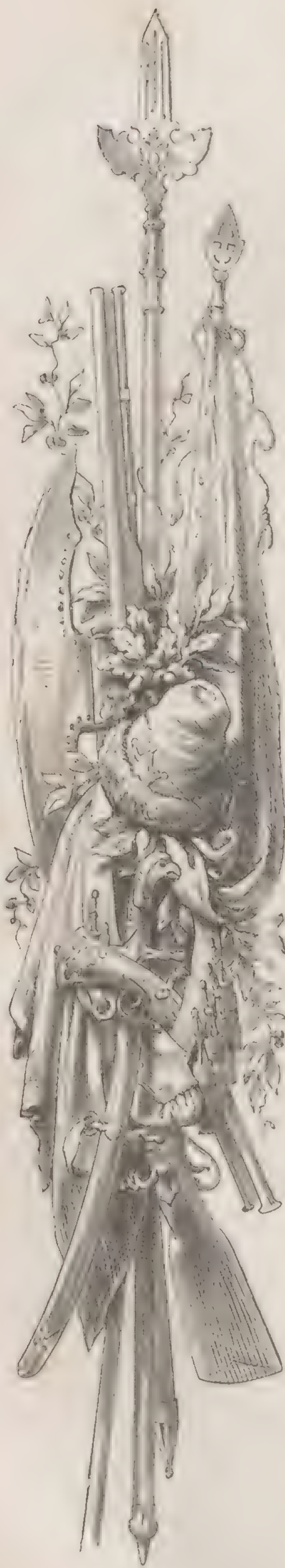
Вѣсть о Нарвской битвѣ поразила Россію и произвела въ народѣ, считавшемъ ее Божіимъ наказаніемъ за нововведенія царя, общее уныніе. Самъ Петръ былъ глубоко огорчонъ, увидя свою армію разбитою на голову, безъ артиллеріи, знаменъ, оружія и начальниковъ. Но несчастіе не только непоколебало въ немъ твердости духа и энергіи, а, напротивъ того, усилило ихъ. Всѣ мѣры, какія можно было принять для отстраненія слѣдствій понесеннаго пораженія, были приняты имъ немедленно. Вокругъ Новгорода, Пскова и Печеръ, закипѣли работы. Разбитые полки приводились въ порядокъ, снабжались оружіемъ и аммуниціей. Для усиленія арміи объявленъ новый наборъ и приступлено къ формированію въ Москвѣ новыхъ десяти драгунскихъ полковъ. На всѣхъ литейняхъ спѣшно отливались орудія. Для полученія же металла отобраны лишніе церковные колокола.

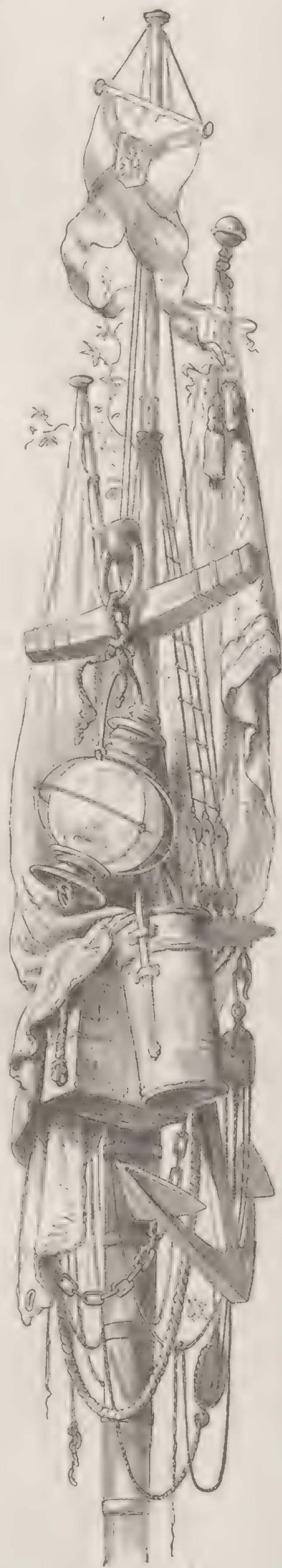
Между тѣмъ, Карлъ XII безплодно терялъ время въ Лифляндіи. Сперва онъ хотѣлъ воспользоваться плодами побѣды и идти на Новгородъ и Москву, но потомъ, по совѣту своихъ генераловъ, оставилъ этотъ планъ. Карлъ не угадалъ, кто былъ его главный противникъ. Въ увѣренности, что Петръ не скоро оправится послѣ нанесеннаго ему удара, онъ рѣшился обратиться противъ Августа II, котораго считалъ болѣе опаснымъ. Ошибка эта оказала важное вліяніе на исходъ борьбы Россіи съ Швеціей.

Петръ съумѣлъ превосходно воспользоваться тяжолымъ урокомъ, даннымъ ему подъ Нарвою. Устранивъ, на сколько было возможно, матеріальный вредъ, причиненный Нарвскимъ пораженіемъ, онъ прежде всего принялся за самую трудную задачу—пересозданіе арміи и перевоспитаніе ея въ

нравственномъ отношенiи. Нарвская катастрофа произвела столь потрясающее впечатлѣнiе на наши войска, что они готовы были видѣть въ шведахъ какихъ то чародѣевъ, противъ которыхъ безсильно оружiе. Понявъ очень хорошо, что лишь рядъ успѣховъ надъ шведами можетъ возстановить нравственныя силы нашихъ войскъ и уничтожить вѣру въ непобѣдимость врага, Петръ,—пользуясь тѣмъ, что Карлъ XII двинулся изъ подъ Нарвы въ Курляндiю и Польшу, оставивъ для защиты Лифляндiи и Ингерманландiи только 15,000 человѣкъ,—предписалъ своему воеводѣ идти въ Лифляндiю, съ цѣлью опустошенiя непрiятельской страны; не уклоняясь отъ встрѣчи съ непрiятелемъ. Напротивъ, царь вмѣнилъ ему въ обязанность искать ея, требуя, однако, возможно полнаго обезпеченiя успѣха экспедицiй въ матерiяльномъ отношенiи, т. е., чтобы онѣ производились силами, значительно превосходящими численность шведовъ. Такой образъ дѣйствiй, кромѣ обезпеченiя успѣха, представлялъ еще ту выгоду, что, въ случаѣ одержанiя побѣды, она должна была произвести на войска самое благотворное влiянiе.

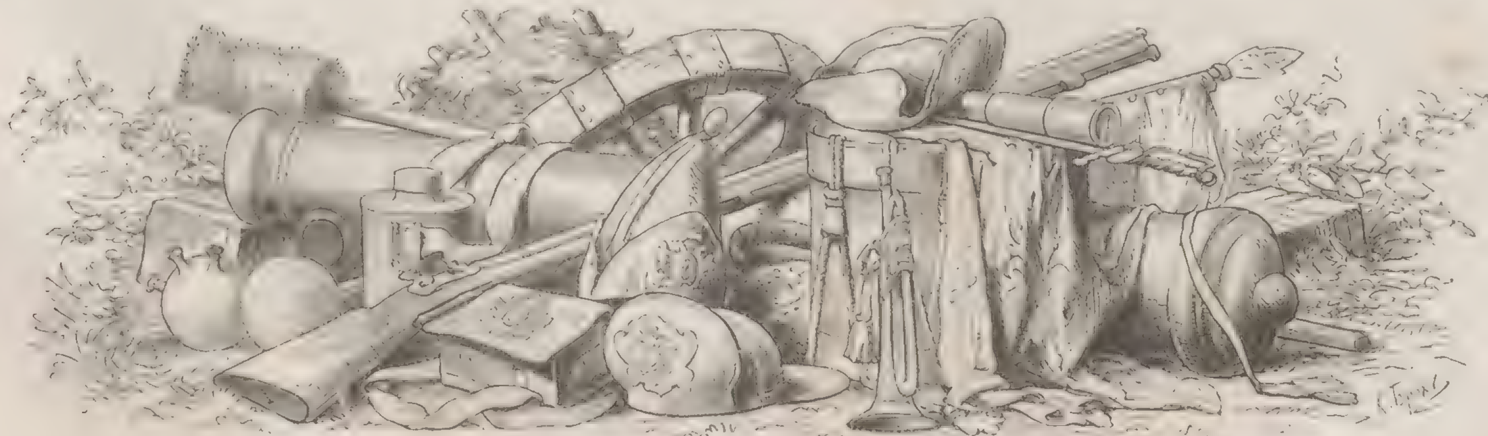
Основательность разсчотовъ Петра не замедлилась оправдаться на дѣлѣ.

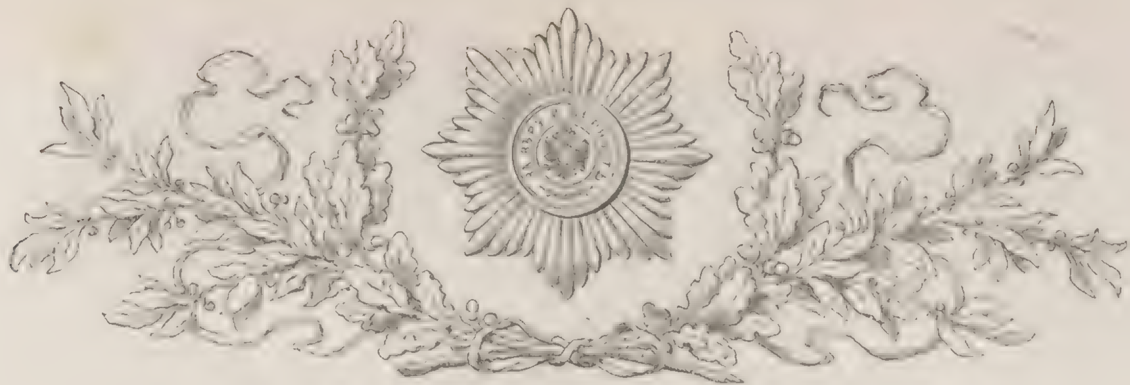
Въ декабрѣ 1701 г., Шереметевъ, двинувшись изъ Пскова въ Лифляндiю съ 8,000 пѣхоты и драгунъ, и 4,000 казаковъ, калмыковъ и татаръ, встрѣтилъ при мызѣ Эрестферъ, въ 40 верстахъ отъ Дерпта, семитысячный корпусъ шведскаго генерала Шлиппенбаха. Кавалерiя авангарда ударила на непрiятеля, но была опрокинута «съ большой конфузiей». Шереметевъ поспѣшилъ къ ней на выручку съ главными силами. Послѣ четырехъчасового, весьма упорнаго боя, непрiятель, истративъ всѣ свои заряды, началъ въ безпорядкѣ отступать. Русскiе преслѣдовали его на разстоянiи тридцати верстъ, захвативъ при этомъ 350 плѣнныхъ, 6 орудiй и 8 знаменъ. Шведы потеряли одними убитыми около 3,000 чел., наши же войска лишились не болѣе 1,000.

Эта первая побѣда надъ шведами несказанно обрадовала Петра. «Слава Богу»—воскликнулъ онъ,—«мы можемъ наконецъ бить шведовъ!» Государь тотчасъ же возвелъ Шереметева въ генералъ-фельдмаршалы и пожаловалъ ему орденъ Св. Андрея Первозваннаго, съ своимъ портретомъ, осыпаннымъ брилльянтами. Всѣ офицеры получили награды, а солдатамъ послано по рублю изъ вновь вычеканеннаго серебра.

Побѣда при Эрестферѣ была отпразднована въ Москвѣ съ большимъ торжествомъ. Въ Успенскомъ Соборѣ отслуженъ благодарственный молебенъ, при громѣ изъ ста орудiй; пушечная пальба и колокольный звонъ во всѣхъ церквахъ не умолкали цѣлый день; знамена, взятыя у шведовъ, развѣвались на Кремлевскихъ башняхъ; народъ былъ угощаемъ на площадяхъ виномъ, медомъ и пивомъ, а вечеромъ сожжонъ великолѣпный фейерверкъ.

Послѣ побѣды, новый фельдмаршалъ, разоривъ весь Дерптскiй уѣздъ, вернулся съ богатой добычей въ Псковъ и намѣревался отдохнуть; но

Петръ не любилъ давать отдыха ни себѣ, ни другимъ, особенно въ такое время, когда нельзя было ни на минуту ослабить напряженіе силъ. Дозволивъ Шереметеву пріѣхать на двѣ недѣли въ Москву, государь, съ наступленіемъ весны 1702 г., началъ торопить его къ возобновленію военныхъ дѣйствій. «Есть вѣдомость»—писалъ ему Петръ—что «непріятель готовитъ (послать) въ Лифляндію транспортъ изъ Помераніи въ 10,000 человѣкъ. Теперь истинный часъ, прося у Господа силъ помощи, пока транспортъ не учиненъ, поискомъ предварить».

Въ іюнѣ, Шереметевъ выступилъ изъ Пскова съ тридцатитысячною арміею и 18-го іюля при мызѣ Гуммельсгофъ снова встрѣтился съ Шлиппенбахомъ, у котораго было 8,000 войска. Окруживъ шведовъ, Шереметевъ аттаковалъ ихъ съ фронта и фланговъ и поразилъ на голову. Вся непріятельская пѣхота легла на мѣстѣ; Шлиппенбахъ едва успѣлъ пробиться и уйти съ конницей къ Пернау. Потеря шведовъ была огромная: до 5,500 труповъ найдено на полѣ битвы; кромѣ того, русскіе взяли 300 плѣнныхъ, 15 пушекъ и 16 знаменъ. Нашъ уронъ не превышалъ 400 человѣкъ убитыми.

По уничтоженіи корпуса Шлиппенбаха, вся Лифляндія, за исключеніемъ лишь Риги, Дерпта и Пернау, занятыхъ довольно значительными гарнизонами, осталась безъ защиты. Исполняя приказаніе царя,—«разорить непріятельскую землю, чтобъ Шведамъ пристанища найти и сикурсу своимъ городамъ подать было невозможно»,—Шереметевъ безпрепятственно ходилъ съ своей арміей по Лифляндіи, все разоряя, предавая огню, разрушая и опустошая. Лифляндцы, чухны, латыши, погибали тысячами или были отводимы съ женами и дѣтьми въ неволю въ Москву, въ Азовъ, въ Малороссію. Города Волмаръ, Маріенбургъ, многія богатыя мѣстечки и замки дымились въ развалинахъ. Долго потомъ не могла оправиться Лифляндія отъ такого ужаснаго погрома. «Чиню тебѣ извѣстнымъ»—доносилъ государю фельдмаршалъ,—«что всесильный Богъ и Пресвятая Богоматерь желаніе твое исполнили: больше того непріятельской земли разорять нечего,—все разорили и запустошили безъ остатку».

Въ то время, какъ Шереметевъ гулялъ по Лифляндіи, окольничій Апраксинъ подобнымъ же образомъ разорялъ Ингрію. Встрѣтившись на рѣкѣ Ижорѣ съ шведскимъ корпусомъ генерала Кроніорта, Апраксинъ имѣлъ съ нимъ весьма удачное дѣло и принудилъ его отступить въ Финляндію, съ потерей 600 человѣкъ. Государь, находившійся съ мая мѣсяца въ Архангельскѣ, для защиты этого города отъ ожидавшагося нападенія шведскаго флота, благодарилъ Апраксина за пораженіе Кроніорта, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлалъ ему строгій выговоръ за опустошеніе страны, которую царь считалъ русскою.

Петръ въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1702 г. пріѣхалъ въ Ладогу, чтобы лично руководить военными дѣйствіями. Вѣрный однажды принятому правилу—не нападать на шведовъ иначе, какъ съ значительнымъ превосходствомъ въ

Съ фотографіи „Русской Фотографіи", рис. на дер. А. О. Адамовъ, грав. К. Вейерманъ.

ПЯТНИЦКІЯ ВОРОТА ВЪ Г. КОЛОМНѢ.

Съ фотогр. Пастюкова, рис. И. С. Пановъ, грав. Э. Даммюллеръ.

КРЕМЛЬ ВЪ НИЖНЕМЪ НОВГОРОДѢ.

фотографіи „Русской Фотографіи“, рис. на дер. [illegible]

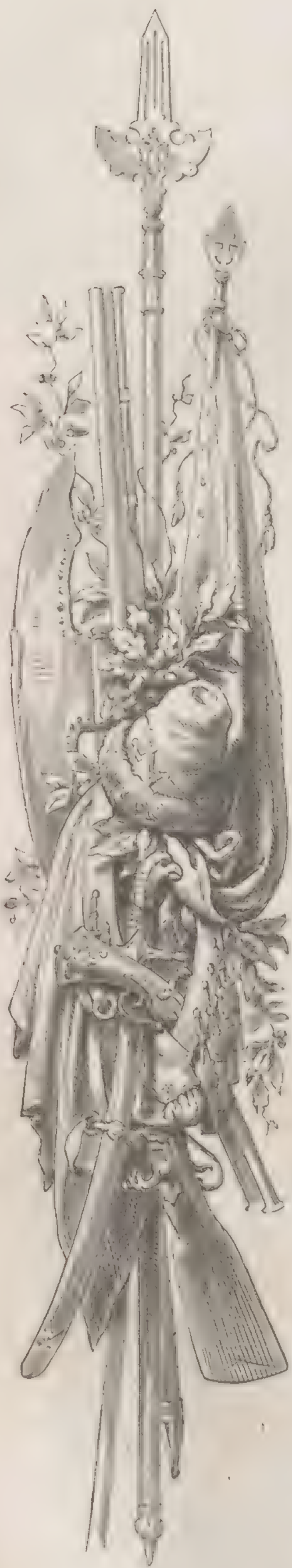
ОСТАТКИ КРЕМЛЯ ВЪ Г. КОЛОМНѢ.

Рис. А. И. Нисченковъ, грав. Ф. Герасимовъ.

ВИДЪ ГОР. АСТРАХАНИ СО СТОРОНЫ Р. ВОЛГИ.

силахъ, царь сосредоточилъ около Ладоги армію Шереметева и корпусъ Апраксина, всего около 14 полковъ, да дворянъ, съ многочисленной артиллеріей.

Крѣпость Нотебургъ, древній новгородскій Орѣшекъ, выстроенная у истока Невы, совершенно запирала входъ въ нее изъ Ладожскаго озера. Гарнизонъ крѣпости состоялъ всего изъ 500 или 600 человѣкъ, но она имѣла 140 орудій и, находясь на острову, была совершенно обезпечена отъ аттаки открытою силою.

25-го сентября, сдѣлавъ на берегахъ рѣки Назіи смотръ своимъ войскамъ и назначивъ главнымъ начальникомъ Шереметева, Петръ двинулся къ Нотебургу.

28-го числа, рано утромъ, русская армія подошла къ крѣпости и расположилась въ двухъ верстахъ отъ нея, на мысу, на лѣвомъ берегу Невы. Въ тотъ же день были начаты осадныя работы, которыя велись съ такой быстротой, что черезъ двое сутокъ наши апроши уже приблизились къ самому берегу противъ крѣпости.

Чтобы обложить Нотебургъ со всѣхъ сторонъ и прервать ему сообщеніе по Невѣ, государь заблаговременно распорядился собрать на Ладожскомъ озерѣ множество мелкихъ судовъ. Провести ихъ изъ озера въ рѣку водою было невозможно, такъ какъ имъ приходилось бы плыть подъ самыми пушками крѣпости, а потому царь приказалъ перетащить суда берегомъ, по сдѣланной въ лѣсу просѣкѣ. Предпріятіе было не легкое. Петръ самъ ободрялъ солдатъ, трудился съ ними какъ простой работникъ и, въ одну ночь, къ великому изумленію шведовъ, около 50-ти лодокъ появились ниже крѣпости, близъ русскаго лагеря.

На другой день, два гвардейскихъ баталіона, подъ личнымъ предводительствомъ государя, переправились на судахъ на правый берегъ Невы, овладѣли непріятельскимъ шанцемъ и сильно укрѣпились въ немъ.

Обложивъ Нотебургъ съ обоихъ береговъ, фельдмаршалъ послалъ коменданту предложеніе сдать крѣпость на договоръ. Комендантъ отвѣчалъ весьма уклончиво, вслѣдствіе чего наши батареи открыли по крѣпости сильный и частый огонь, продолжавшійся безъ перерывовъ полторы недѣли. Петръ, въ званіи бомбардирскаго капитана, управлялъ мортирами на лѣвомъ флангѣ и безотлучно находился на мысу.

Октября 2-го, на правомъ берегу Невы, недалеко отъ взятаго нами шанца, показался непріятельскій отрядъ изъ 400 чел. пѣхоты и одной драгунской роты. Шведы стремительно аттаковали шанецъ, но наши войска, получивъ во время подкрѣпленіе, отразили непріятеля и отняли у него три пушки.

На третій день бомбардировки, жена нотебургскаго коменданта, отъ имени своего и офицерскихъ женъ, прислала къ фельдмаршалу съ барабанщикомъ письмо, прося дозволить имъ выдти изъ крѣпости, «гдѣ невозможно оставаться отъ великаго огня и дыму». Письмо было принято на батареѣ

«бомбардирскимъ капитаномъ». Не желая тратить времени на пересылку къ главнокомандующему въ лагерь, Петръ отвѣчалъ письменно шведскимъ дамамъ: «что фельдмаршалъ ихъ опечалить не изволитъ, а если изволятъ выѣхать, то изволили-бъ и любезныхъ супружниковъ своихъ вывесть купно съ собою». Непріятель, раздосадованный насмѣшкою, открылъ жестокій, хотя и безвредный, огонь противъ царской батареи.

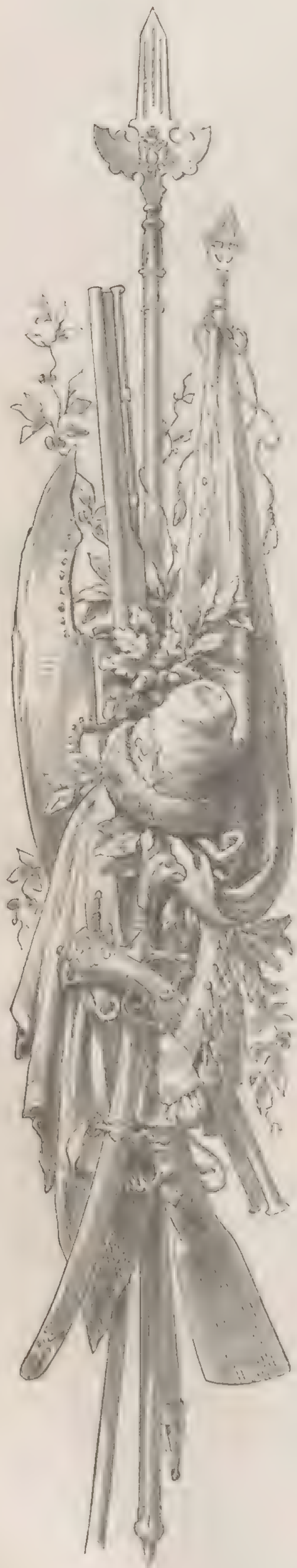
На собранномъ царемъ военномъ совѣтѣ было рѣшено штурмовать крѣпость 11-го октября. Накануне этого дня вызвали охотниковъ, которыхъ явилось множество. Ихъ распредѣлили на суда, въ полной готовности двинуться по первому сигналу. Ночью въ крѣпости произошолъ большой пожаръ. Пользуясь такимъ благопріятнымъ для успѣха обстоятельствомъ, на разсвѣтѣ, по тремъ сигнальнымъ выстрѣламъ съ царской батареи, всѣ суда устремились къ Нотеборгу. Гарнизонъ, уменьшившійся уже до 300 человѣкъ, мужественно встрѣтилъ и отбилъ первое нападеніе; но оно было тотчасъ возобновлено гвардейскими отрядами, подъ начальствомъ подполковника князя М. М. Голицына и маіора Карпова. Осыпаемые градомъ ядеръ, картечи и ручныхъ гранатъ, гвардейцы пристали къ острову и бросились съ штурмовыми лѣстницами къ крѣпостнымъ проломамъ. Лѣстницы оказались короткими на полторы сажени и наши солдаты, стѣсненные между проломами и рѣкой, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ выдерживали ужасный огонь гарнизона, тщетно напрягая усилія взойти на стѣны.

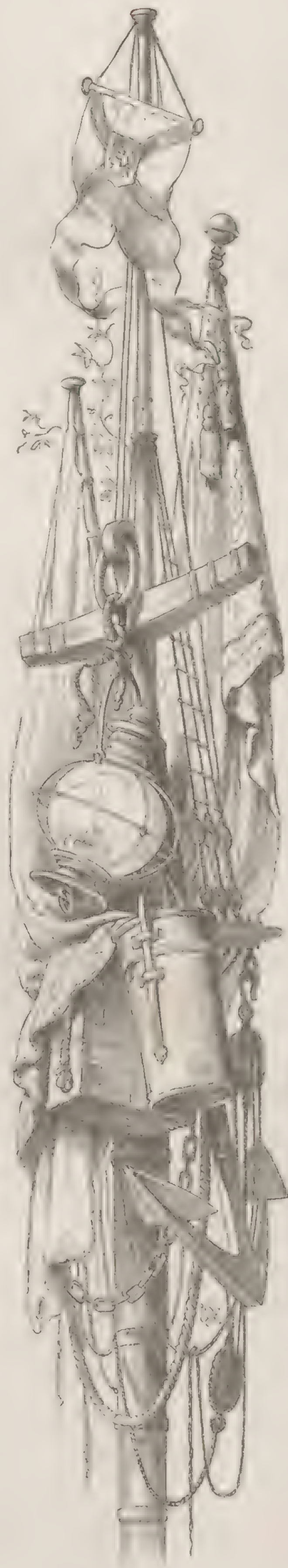
Видя огромныя потери нашихъ войскъ и отчаявшись въ успѣхѣ, государь послалъ къ князю Голицыну офицера, съ приказаніемъ отступить; но офицеръ, въ тѣснотѣ, не могъ его отыскать. Между тѣмъ, нѣкоторые солдаты, устрашонные кровопролитіемъ, стали пробираться къ лодкамъ, съ намѣреніемъ бѣжать. Голицынъ, замѣтивъ это, велѣлъ оттолкнуть отъ острова всѣ порожнія суда и такимъ образомъ поставилъ свой отрядъ въ необходимость: выбирать смерть или побѣду. Воодушевляя гвардейцевъ личнымъ примѣромъ, онъ снова повелъ ихъ на приступъ. Въ эту минуту на помощь къ нему подоспѣлъ Меньшиковъ съ свѣжими силами. Несмотря на то, что большая часть гарнизона уже выбыла изъ строя, комендантъ все еще не хотѣлъ сдаваться; но оставшіеся въ живыхъ шведы, совершенно истощонные тринадцати-часовымъ боемъ, принудили его, наконецъ, ударить сдачу. Во вниманіе къ храбрости гарнизона, государь разрѣшилъ ему выйти изъ крѣпости съ оружіемъ, распущенными знаменами и 4 пушками.

14-го числа шведы, которыхъ уцѣлѣло только 240 человѣкъ, почти всѣ раненые, очистили крѣпость и на нашихъ судахъ отправились въ Ніеншанцъ. Въ 12-й день октября, фельдмаршалъ Шереметевъ, со всѣмъ генералитетомъ вступилъ въ Нотеборгъ. Послѣ благодарственнаго молебна, при троекратной пушечной и ружейной пальбѣ, крѣпость была переименована въ Шлиссельбургъ (ключъ-городъ). На западной башнѣ ея государь приказалъ прибить поднесенный ему комендантомъ ключъ, въ ознаменованіе того, что взятіемъ Нотеборга отворились ворота въ непріятельскую землю.

Войска наши потеряли при штурмѣ 540 человѣкъ убитыми и около 1000 ранеными. Герой этого дня, князь М. М. Голицынъ, былъ пожалованъ чиномъ полковника и деревнями. Всѣ офицеры и рядовые получили также награды. Солдаты же, покушавшіеся бѣжать во время приступа, въ числѣ 12 человѣкъ, были прогнаны сквозь строй и потомъ повѣшены. Губернаторомъ Нотеборга государь назначилъ своего любимца—Меньшикова.

Ш.

IX.

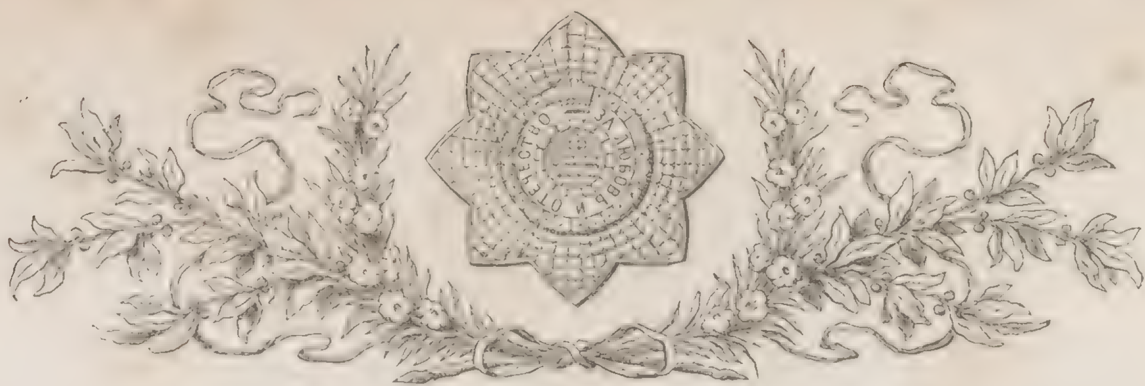
НАЧАЛО ПЕТЕРБУРГА.

(1703—1704 г.).

Наградивъ отличившихся при взятіи Нотеборга, Петръ устроилъ еще тріумфальный входъ войскъ въ Москву (4-го декабря) и въ древней столицѣ встрѣтилъ новый годъ съ обычнымъ торжествомъ. Думы царя занимала непріязненность турокъ, и положеніе дѣлъ до того казалось серіознымъ, что въ январѣ еще оно заставило Петра ѣхать въ Воронежъ: сдѣлать приготовленія на случай разрыва; казавшагося всего вѣроятнѣе. Но, живя въ Воронежѣ, царь получилъ отъ Толстаго успокоительныя вѣсти изъ Константинополя: турки смѣнили крымскаго хана, намъ въ угоду. Пославъ прежде Меньшикова, въ Шлиссельбургъ, съ наказомъ: дѣлать приготовленій къ весенней кампаніи, да спѣшить стройкою судовъ на Сяси,—Петръ и самъ отправился изъ Москвы на берега Невы 15-го марта, отпустивъ еще 10-го числа, туда же, царевича Алексѣя Петровича. Меньшиковъ началъ уже дѣйствовать, въ февралѣ. Приступилъ къ стройкѣ 10 паузковъ (транспортныхъ судовъ), да поѣхалъ въ Олонецъ наблюдать за приготовленіемъ лѣса, и за наборомъ рабочихъ. На олонецкой верфи Меньшиковъ заложилъ въ мартѣ корабль, 4 буера, да 2 шмака. На Сяси и въ Ладогѣ началась тоже стройка фрегатовъ, для дѣйствій противъ морской силы непріятеля; но, какъ извѣстно, къ этой навигаціи они не поспѣли. Необходимость же въ нихъ доказали дѣйствія лодками, при неимѣніи болѣе крупныхъ судовъ.

Кромѣ стройки судовъ, Меньшиковъ неоставлялъ и разсылать развѣдочныя партіи въ мѣста, занятыя шведами. Одна изъ этихъ партій, доѣхавъ до Ніэншанца, сняла непріятельскій караулъ и произвела сильный перепо-

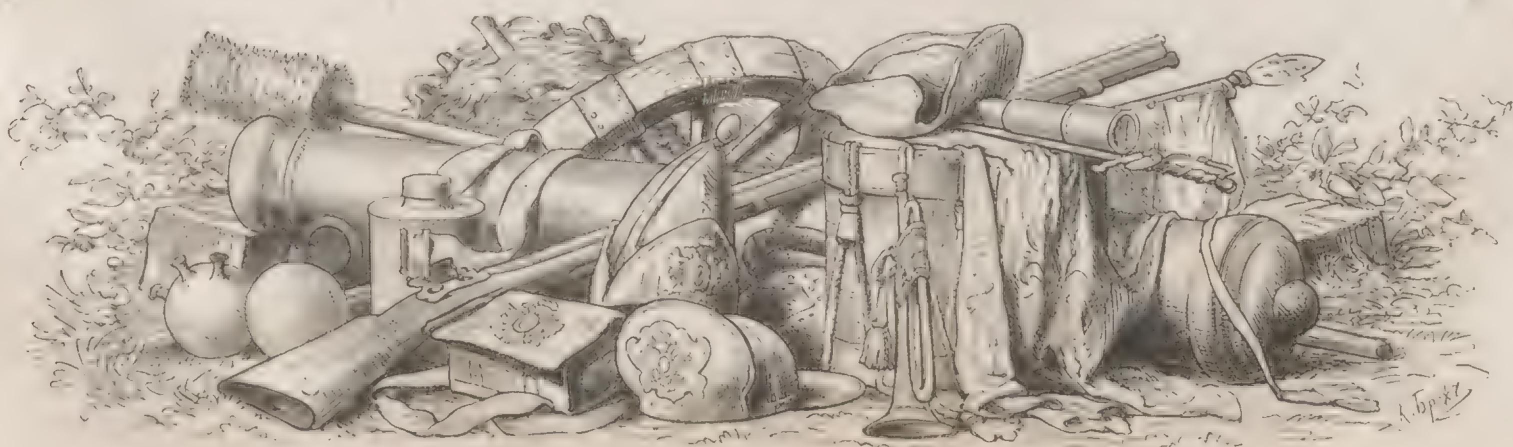

лохъ въ самой крѣпости. Ніэншанцъ стоялъ при впаденіи р. Охты въ Неву, на мѣстѣ охтенской верфи, а противъ, на лѣвомъ берегу, на мѣстѣ Смольнаго монастыря, возведенъ былъ земляной редутъ—«спасскій шанецъ».

Петръ, по прибытіи въ Шлиссельбургъ, замѣтилъ съ неудовольствіемъ медленное доставленіе изъ Москвы и провіанта, и снарядовъ артиллерійскихъ, снабженіе которыми лежало на думномъ дьякѣ Виніусѣ. Гнѣвъ государя обратился на этого дѣльца и въ наказѣ суровому князю-кесарю своему, Петръ велѣлъ спросить у виноватаго «для чего дѣлаетъ, съ такимъ небреженіемъ главное дѣло, которое тысячи головъ, какъ его, дороже»? Возникли за тѣмъ затрудненія о переправѣ войска Шереметева, къ Невѣ, такъ что, бывъ уже въ Новгородѣ 28-го марта, фельдмаршалъ явился въ Шлиссельбургъ 13-го апрѣля; да десять дней еще прошли, пока собрались всѣ регулярные полки, назначенные въ походъ къ Ніэншанцу.

Апрѣля 23-го, двинулъ наконецъ Петръ свои силы къ шведскому укрѣпленію на Невѣ, правымъ берегомъ ея и чрезъ д. Кельтуши,—лѣсомъ. Весь корпусъ состоялъ изъ 14 полковъ арміи и двухъ гвардейскихъ. Не доходя 15 верстъ до Ніэншанца, Шереметевъ послалъ впередъ 2,000 человѣкъ занять мѣста у крѣпости. Ночью на 25-е апрѣля, авангардъ этотъ пришолъ на мѣсто и одна его партія, подъ начальствомъ маіора Преображенскаго полка Панкратія Глѣбовскаго, напавъ на шведовъ—въ числѣ 500 человѣкъ, защищавшихъ недоконченный (на юго-западѣ отъ укрѣпленія) ровъ,—прогнала непріятеля и за нимъ взбѣжала на валъ бастіона. И если бы товарищъ Глѣбовскаго, какой-то Нейдгардъ, оказалъ ему содѣйствіе, то Ніэншанцъ взятъ-бы былъ и безъ осады; еще до прихода арміи. Неподдержанный другими частями авангарда, Глѣбовскій отступилъ и къ вечеру 25-го апрѣля всѣ полки окружили шведскую крѣпость полукругомъ, по обѣимъ сторонамъ рѣки Охты. Осаждающіе протянули линію своего расположенія съ сѣвера дальше, чѣмъ на южномъ берегу Охты, гдѣ, острымъ угломъ отъ Невы, стояли гвардейскіе полки, да, у самой Охты, три армейскихъ. Одиннадцать же полковъ расположены были на нынѣшней Большой Охтѣ съ Матросской слободою—тогда предмѣстіи торговаго Ніэншанца, главная часть построекъ котораго тянулась по теченію Невы, противъ Смольнаго. Основанный въ началѣ XVII вѣка, Ніэншанцъ получилъ отъ королевы Христины городскія права, и въ 1670-хъ годахъ содержалъ торговый флотъ свой, простиравшійся до 50-ти кораблей, ведя съ большою для себя выгодою значительную коммерцію съ Европою и соперничая съ Выборгомъ, да Нарвою; даже перебивая у нихъ русскую торговлю. Послѣдніе годы передъ сѣверною войною, Ніэншанцъ уже потерялъ много и отъ пожаровъ и отъ явнаго притѣсненія своего правительства, наровившаго предоставить большія выгоды Выборгу; такъ что жители невскаго города уже бѣднѣли и разорялись, а Кроніортъ, своими распоряженіями объ очищеніи предмѣстья,—приводя крѣпость въ оборонитель-

ное положеніе—доканалъ городскихъ обывателей, съ которыми коменданты укрѣпленія всегда жили не въ ладу.

Въ полуразрушенныхъ домахъ бывшаго посада Ніэншанцкаго расположились русскіе полки.—Прервавъ всѣ сообщенія крѣпости, начальникъ нашихъ инженеровъ, генералъ Ламбертъ, повелъ земляныя работы къ самому валу шведскому, а за р. Охтою поставилъ кетеля для 16-ти трехъ-пудовыхъ мортиръ, на самомъ берегу—въ 30-ти саженяхъ отъ укрѣпленія. Орудія, тоже большого колибра, отъ 12-ти до 26-ти фунтовъ, поставлены были на батареи и съ южной стороны. А спасскій шанецъ занятъ Шереметевымъ на другую же ночь по прибытіи. Царь пріѣхалъ къ Ніэншанцу 26-го апрѣля и, осмотрѣвъ крѣпость, нашолъ ее «больше, какъ говорили», что «новый валъ выведенъ изрядною фортификаціею»*) и «стрѣльба зѣло рѣдка» съ непріятельской стороны.

Пользуясь этою рѣдкостью выстрѣловъ, Петръ подъ огнемъ крѣпости проплылъ 28-го апрѣля къ устью Невы: осматривать мѣстность. Взятые государемъ съ собою семь ротъ обоихъ гвардейскихъ полковъ, размѣщены были въ 60-ти лодкахъ и часть ихъ оставлена на взморьѣ, для наблюденій, подъ начальствомъ М. И. Щепотева. Къ возврату Петра изъ этой экспедиціи, земляныя работы были уже готовы и батареи, вооруженныя 19-ю пушками и 13-ю мортирами, открыли бомбардировку по крѣпости—вечеромъ, 30-го апрѣля, по полученіи отказа коменданта сдаться. Бомбы сдѣлали его сговорчивымъ, и утромъ 1-го мая онъ приказалъ бить барабанъ къ сдачѣ. Высланы были отъ насъ тотчасъ же офицеры, для составленія договора. Петръ, по полученіи въ чернѣ условій отъ коменданта Опалева, написалъ самъ, что гарнизонъ выпуститъ съ 2 пушками и всѣмъ имуществомъ, даже дастъ суда, до Нарвы, а провіанту на мѣсяцъ; съ удержаніемъ, до возврата нашихъ провожатыхъ, того же числа шведовъ. Къ вечеру договоръ подписанъ и гвардейскіе полки вступили въ обладаніе крѣпостью, жители изъ которой выведены за палисады; но до 8-го мая дозволено имъ сбирать свои пожитки. Утромъ же 2-го мая, въ воскресенье, фельдмаршалъ Шереметевъ вступилъ торжественно въ Ніэншанцъ и передъ войскомъ отправленъ благодарственный молебенъ за пріобрѣтеніе не только крѣпости, но и «желаемой морской пристани».

Вотъ цѣль стремленій и усилій Петра, для которой началъ онъ со шведами войну! Но, одно овладѣніе Невою, на всемъ протяженіи ея, было, какъ увидѣлъ теперь же государь,—недостаточно для прохода въ море; его могъ запереть, по произволу, шведскій флотъ. И въ самый день торжества о взятіи Ніэншанца,—которое велѣлъ царь въ Москвѣ «отправить хорошенько, чтобъ послѣ соборнаго молебна изъ пушекъ на площади было стрѣляно!» — получено со взморья извѣстіе, что показалась шведская эскадра, неподозрѣвавшая, что мы уже владѣемъ крѣпостью.

*) Онъ давалъ крѣпости видъ неправильнаго семиугольника, по случаю прибавленныхъ выступовъ на Неву и на Малую Охту, по другую сторону входныхъ воротъ.

Съ фотогр. Настюкова, рис. А. Бегровъ, грав. К. Вейерманъ.

Церковь Рождества Богородицы въ Нижнемъ Новгородѣ,

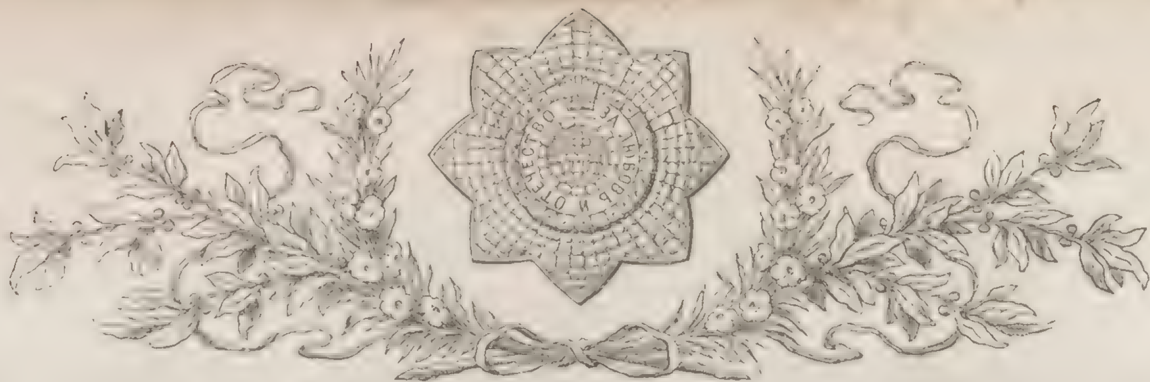
гдѣ слушалъ Петръ I всеношную 29 мая 1723 года.

Съ фотогр. Бермейстера, рис. Н. С. Петров[illegible]

Внутренность Успенскаго Собора въ г. Астрахани;

передъ которымъ сдѣлана была торжественная встрѣча Пётру I и Екатеринѣ, по прибытіи ихъ сюда 19-го іюня 172[illegible]:

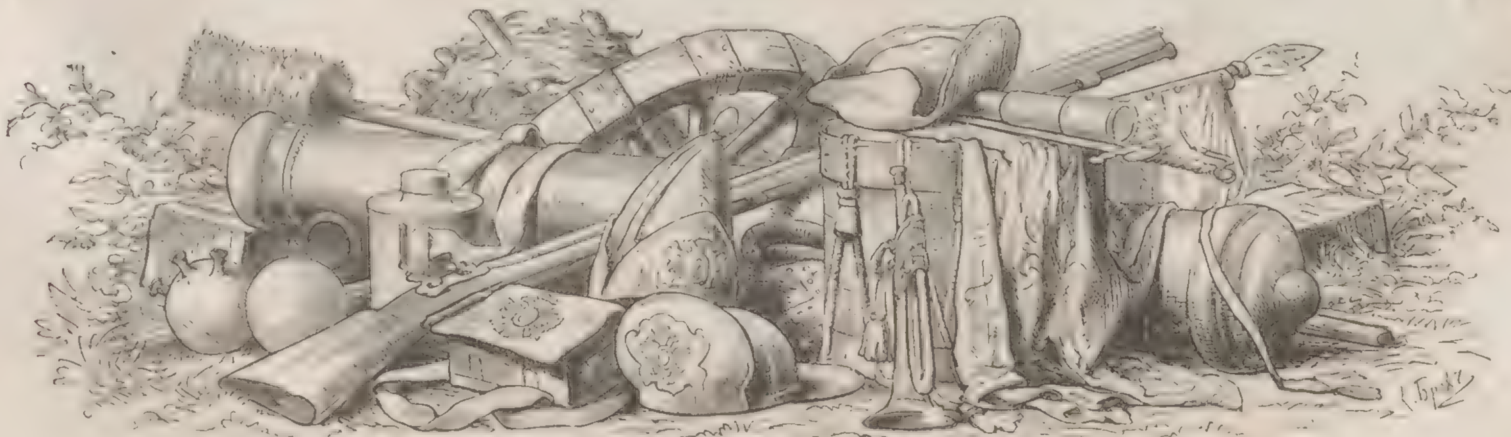

Войдя въ невскія устья, эскадра дала о себѣ знать двумя пушечными выстрѣлами, на которые наши отвѣчали съ крѣпости тѣмъ же числомъ; догадавшись, что это—сигналъ! Введенные отвѣтомъ въ заблужденіе, шведы отправили съ адмиральскаго корабля на берегъ ботъ, за мѣстными лоцманами; безъ помощи которыхъ опасно было пройти между мелями, въ самую рѣку. Гвардейцы наши, сидя въ лѣсу, все это видѣли. И когда причалилъ ботъ,—да вступили на берегъ посланные искать лоцмановъ—напали на нихъ, но успѣли захватить только одного, сказавшаго, что начальствуетъ эскадрою вице-адмиралъ Нуммерсъ, у котораго 9-ть кораблей.

Нужда потребовала, однакожъ, проникнуть въ рѣку и для того, 8-го мая передъ вечеромъ, отъ эскадры отдѣлилась 8-ми пушечная шнява «Астрильдъ», да адмиральскій ботъ «Геданъ». въ 10 пушекъ. На ночь, суда эти стали на якорь въ самой срединѣ Невы, между концомъ Васильевскаго острова и Канонерскимъ островомъ. Щепотевъ дalъ знать о томъ государю и Петръ рѣшился взять оба судна—*своими лодками.* Три десятка ихъ въ ту же ночь прибыли съ государемъ. Около полуночи, когда стемнѣло отъ нашедшихъ тучъ и полился дождь, Петръ, раздѣливъ на двѣ части свою флотилію, ввѣрилъ половину ея въ команду поручика А. Д. Меньшикова и поставилъ его за Гутуевскимъ островомъ. Самъ же, подъ защитою лѣса, покрывавшаго Васильевскій островъ, пошолъ со своими пятнадцатью лодками въ обходъ, съ сѣвера, по Невкѣ, мимо Вольныхъ острововъ. На разсвѣтѣ, когда лодки царя показались лѣвѣе, шведскіе шнява и ботъ поставили было паруса, но за мелководьемъ не могли скоро отойти и должны были принять бой, при которомъ артиллерія ихъ не могла нанести вреда такъ близко подошедшимъ врагамъ. Рукопашный бой рѣшилъ дѣло въ нашу пользу, хотя шведы отчаянно защищались и изъ 77-ми человѣкъ экипажа отдались въ плѣнъ только 13—раненыхъ. Царь первый, съ гранатою въ одной рукѣ и шпагою въ другой, подплылъ къ боту, и, очистивъ палубу ружейнымъ огнемъ, взошолъ на непріятельское судно, своимъ примѣромъ вдохнувъ безтрепетное мужество въ своихъ гвардейцахъ. По справедливости, вся честь этой, «никогда не бывшей морской побѣды». принадлежитъ ему одному, да Меньшикову, «понеже иныхъ, на морѣ знающихъ, никого не было». Герои дня привели взятыя суда къ лагерю при Шлотбургѣ,—какъ названа была взятая крѣпость Ніэншанцъ,—въ полдень 8-го мая. За этотъ подвигъ, 10-го мая, послѣ молебствія, на Петра и Меньшикова «наложены знаки ордена Св. Андрея, чрезъ адмирала Головина (яко перваго того ордена кавалера) и фельдмаршала Шереметева», при троекратныхъ залпахъ изъ пушекъ и ружей, «всего войска».

На другой день по награжденіи, Петръ уѣхалъ въ Шлиссельбургъ «сухимъ путемъ»; черезъ день (14-го мая) пришолъ па «Сясское устье», а еще черезъ день,—въ праздникъ Троицы,—Петръ и его спутники «пошли» далѣе по Свири и въ Духовъ день, (17-го мая), пріѣхали на Лодейную пристань. Здѣсь провелъ Петръ десять дней, спустивъ гальотъ «Курьеръ» (22-го

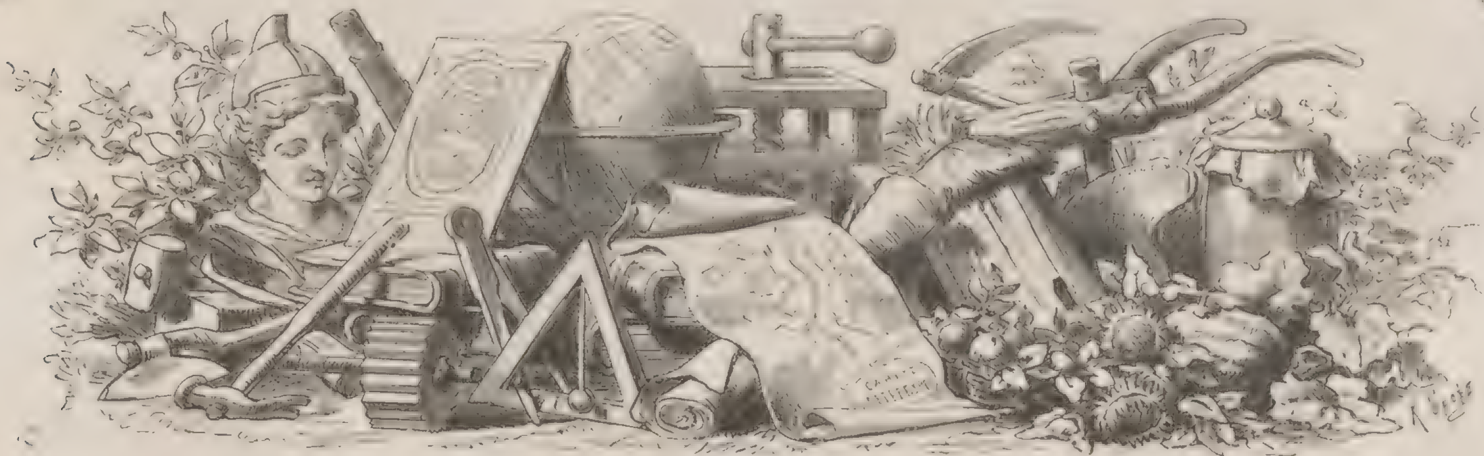
мая), отпущенный къ Шлиссельбургу. Царь уѣхалъ вслѣдъ за нимъ, а въ началѣ іюня былъ уже въ сдавшемся Шереметеву Ямбургѣ — городѣ Ямахъ — и, воротясь откуда, на берегахъ Невы провелъ болѣе мѣсяца.

Промѣры глубины невскихъ притоковъ убѣдили теперь государя, что, построивъ крѣпость на Заячьемъ островѣ (Іени-саари), между Малою Невою и Невкою, можно будетъ защищать надежно входъ въ рѣку; съ которой бы стороны врагъ ни вздумалъ прорваться. Эти соображенія и рѣшили выборъ мѣста для крѣпости, заложенной царемъ торжественно въ именины и названной «въ свое государево имя» — *Санктъ-Петербургъ*. Одновременно съ закладкою шестибастіоннаго земляного укрѣпленія, Петръ положилъ въ немъ основаніе храма во имя первоверховныхъ апостоловъ, страданіе которыхъ въ этотъ день празднуется православною церковью. А отъ имени Петра и Павла, крѣпость, основанная Петромъ I, до нашего времени называется Петропавловскою.

Этотъ день закладки храма и крѣпости отпраздновалъ царственный имянинникъ-сооружатель съ особенною, по средствамъ и мѣстнымъ обстоятельствамъ, торжественностью. Во временной, на-скоро построенной, залѣ данъ былъ пиръ для всѣхъ чиновныхъ людей, бывшихъ на лицо: сдѣлано приличное угощеніе и для землекоповъ—принявшихся рыть рвы, а землею, изъ нихъ вынутою, подымать валы. При тостахъ раздавались пушечные выстрѣлы, гулъ отъ которыхъ отдавало прибрежное эхо въ сосѣднихъ лѣсахъ, обильно покрывавшихъ тогда еще всѣ острова невскаго устья.

Пированье Петра не могъ не слышать и самъ шведскій главнокомандующій въ Ингерманландіи, генералъ Кроніортъ, притаившійся въ окрестностяхъ Невы, выжидая удобнаго случая напасть на насъ и уничтожить предпринятыя работы. Петръ зналъ его затѣи и если не замѣчалъ, какъ-бы, его присутствія, то дѣлалъ это, какъ кажется, сперва въ ожиданіи, «что у Ямъ добраго сдѣлается»; а затѣмъ, увлекаясь скорѣйшею разбивкою предположенной крѣпости. Теперь же, когда начались работы по возведенію ея, терпѣть дольше близость завѣдомаго врага было бы ошибкою; потому Петръ и прогналъ его.

Въ ночь на 7-е іюля, взявъ всѣ шесть полковъ—послѣ ухода Шереметева къ Ямбургу, подъ начальствомъ генералъ-маіора И. И. Чамберса, расположенныхъ на теперешней Выборгской сторонѣ, около бывшей шведской лабораторіи, Петръ повелъ ихъ къ р. Сестрѣ. Тамъ уже укрѣпился генералъ Кроніортъ, занявъ на высокомъ крутомъ берегу выгодную позицію передъ мостомъ, обстрѣливаемымъ 13-ю орудіями. Передовымъ шолъ со своимъ полкомъ драгунскимъ полковникъ Ренъ. Приблизясь къ мосту, Петръ велѣлъ Рену взять мостъ драгунскою атакою. Кроніортъ былъ изумленъ этимъ маневромъ и, не защищая уже настолько важной переправы, спѣшилъ только отвезти орудія, могшія нанесть страшный вредъ и остановить пылъ наступав-

Петровскій музей въ г. Астрахани,

гдѣ [illegible], верейка и разныя принадлежности морского дѣла, бывшія въ употребленіи Петра I, [illegible] этомъ [illegible] и въ Персидскомъ [illegible].

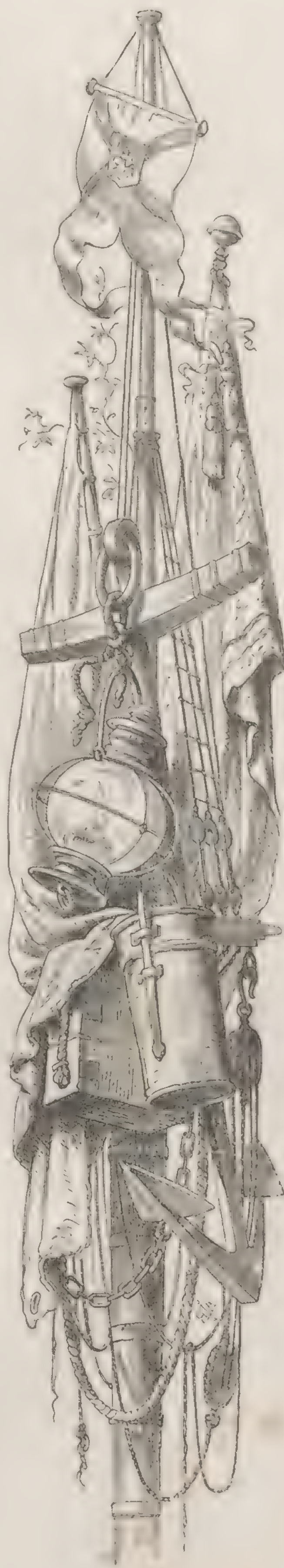
Видъ на море съ крѣпости въ г. Дербентѣ.

Рис. А. И. Нисченковъ, грав. Э. Даммюллеръ.

Видъ города Дербента, гдѣ жилъ Петръ Великій въ августѣ 1722 года.

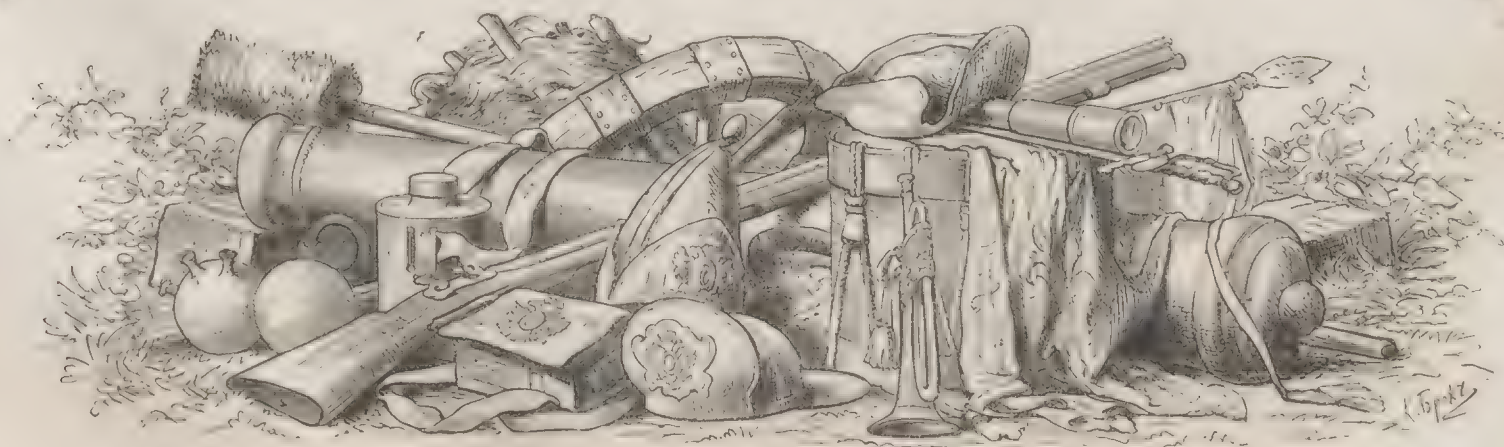

шихъ. Отведя орудія и самъ генералъ началъ отступленіе до горы, къ которой вела узкая тропа. Драгуны должны были спѣшиться и идти по одиночкѣ, все это дефиле, гдѣ непріятели могли уничтожить и болѣе превосходныя силы;—чѣмъ наши,—здѣсь ровныя съ непріятелемъ, имѣвшимъ еще перевѣсъ въ артиллеріи. Кроніортъ полагалъ, что это подъѣздъ кавалеріи, и для того построилъ свою пѣхоту по скату горы, съ которой драгунамъ сбить шведовъ было невозможно. Между тѣмъ, изъ за драгунъ, начавшихъ наступленіе, показалась гвардейская пѣхота наша, усмотрѣвъ которую, Кроніортовы шведы начали безпорядочное отступленіе въ лѣсъ. И здѣсь-то, говоря словами Петра, «шведовъ зѣло много порубили, понеже солдаты брать живьемъ не хотѣли». Число нашего войска въ глазахъ шведовъ, недавнихъ учителей нашихъ, чуть не десятирилось, потому что Кроніортъ, въ донесеніи своему королю, оправдывалъ свое пораженіе неравностью силъ, насчитывая у русскихъ до 25000 человѣкъ. Тогда какъ бились съ его 4000-ми, тоже четыре только тысячи человѣкъ и шведы потеряли $^1/_{10}$ всего своего контингента. Наша же потеря, по словамъ Петра,—убитыми и ранеными—не доходитъ до 80 человѣкъ.

Отбивъ Кроніорта и угнавъ его къ Выборгу,—откуда онъ въ этомъ году не показывался,—Петръ уѣхалъ въ Лодейное Поле и тамъ провелъ два слишкомъ мѣсяца въ спускѣ судовъ, да формированіи первой невской флотиліи. Безъ царя всѣ шесть земляныхъ бастіоновъ къ осени были готовы, а 1-го октября, за раннимъ появленіемъ льда на Невѣ, въ этотъ годъ ушолъ въ море и шведскій вице-адмиралъ Нуммерсъ, безплодно простоявъ по сю сторону острова Котлина во всю навигацію. Посланный отъ Меньшикова съ увѣдомленіемъ объ удаленіи шведской эскадры нашолъ царя на Ладожскомъ озерѣ, плывшаго уже съ первою флотиліею своею, поднявъ флагъ на 24-хъ пушечномъ фрегатѣ «Штандартъ». Въ первые же дни по прибытіи къ Петербургу, дорожа послѣдними, такъ сказать, мгновеніями осени— Петръ предпринялъ поѣздку къ острову Котлину; съ трудомъ пробираясь между льдинами и попавъ туда по вторичной только попыткѣ. Выйдя на берегъ и осмотрѣвъ положеженіе острова, Петръ тутъ же принялся самъ дѣлать промѣры глубины фарватеровъ вокругъ всего острова. Ощутительная мелкость воды на взморьѣ съ сѣверной стороны и единственный проходъ между островомъ и мелью отъ южнаго берега, дали Петру мысль построить на самомъ южномъ фарватерѣ замокъ, который бы мѣшалъ здѣсь прорваться. У предпріимчиваго пылкаго Петра отъ первой идеи до исполненія бывало не много времени. Въ Воронежѣ, зимою же, царь собственноручно сдѣлалъ уже и модель предположеннаго замка, казавшагося ему достаточнымъ.

Уже съ идеею о немъ оставилъ Петръ Петербургъ свой—для ввода въ Москву войскъ; приказавъ построить Тріумфальныя ворота. *Тріумфъ* этотъ происходилъ 11-го ноября 1703 года. Въ общихъ приготовленіяхъ для встрѣчи государя приняло участіе и духовенство. Оно соорудило *вторыя*—изъ трехъ,—

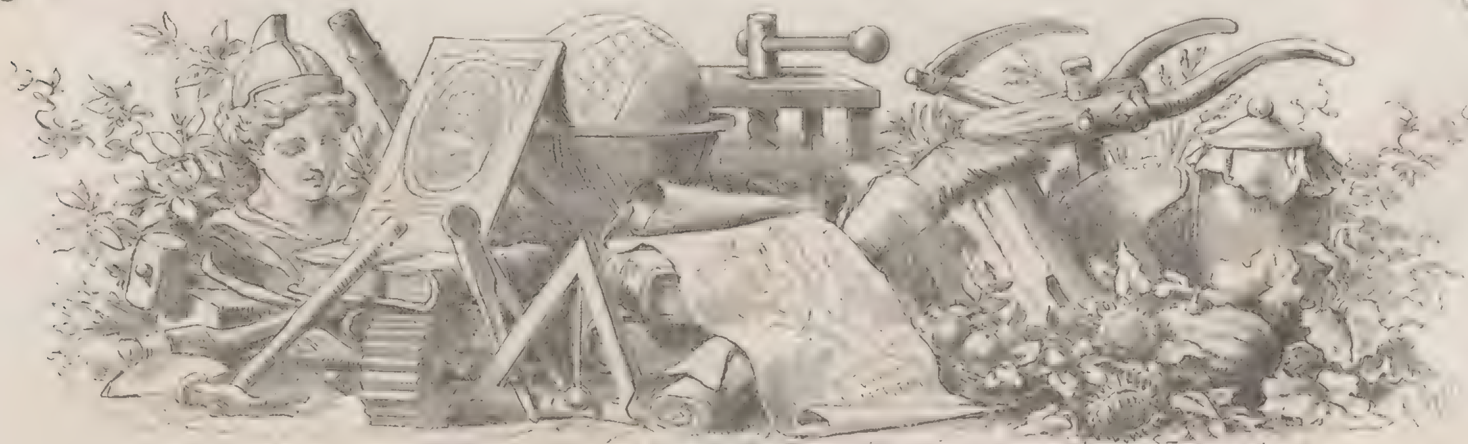

тріумфальныя ворота; въ Китаѣ городѣ, близъ Ильинскихъ воротъ. На нихъ начерчена была карта Ижорской земли—шведской Ингерманландіи — съ подписью изъ 2-ой книги маккавейской «ниже чуждую землю пріяхомъ, ниже чуждая одержахомъ, но наслѣдіе отецъ нашихъ, яже отъ врагъ нашихъ въ нѣкое время неправедно удержася. Мы... время имуще воспріяхомъ». Здѣсь, съ духовенствомъ встрѣтилъ Петра I-го митрополитъ Рязанскій Стефанъ и произнесъ краткое привѣтствіе.

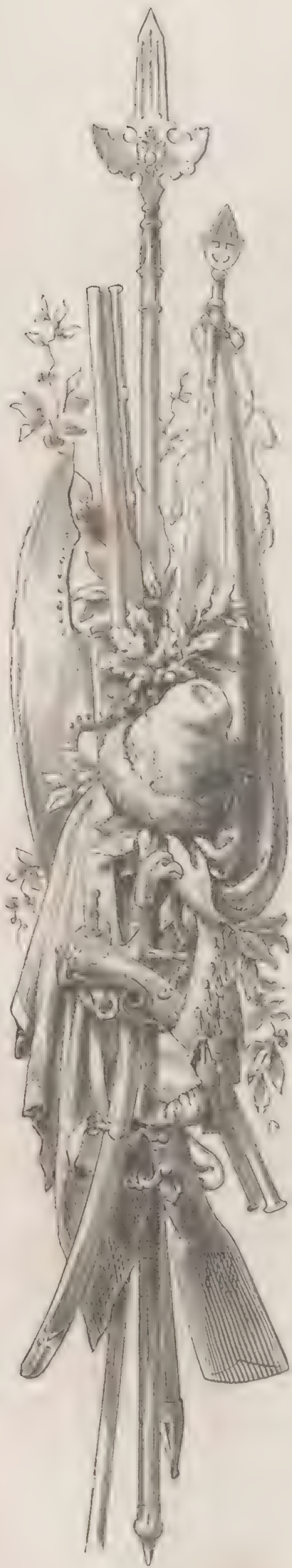
Въ новый годъ на пышномъ фейерверкѣ играло первую роль тоже представленіе (на среднемъ колоссальномъ фонарѣ) государственнаго русскаго орла, держащаго въ когтяхъ *четыре* моря: «яко русское, т. е. Бѣлое въ сѣверѣ, Азовское въ югѣ, Хвалынское (Каспійское) въ востокѣ, Балтійское въ западѣ». На двухъ большихъ такихъ же фонаряхъ, какъ и средній, представлены были съ фигурами *времени* и *счастія*—«*штурмъ Шлиссельбурга*», съ фигурами Марса и Минервы, да планъ осады Ніэншанца—«идѣ же видимо какъ крѣпость силою и бомбами приведена, ключи вратные предати». Послѣднія слова относились къ верхнѣй аллегорической картинѣ, гдѣ Юпитеръ молніею принуждаетъ Цибеллу поднести ему ключи крѣпости.

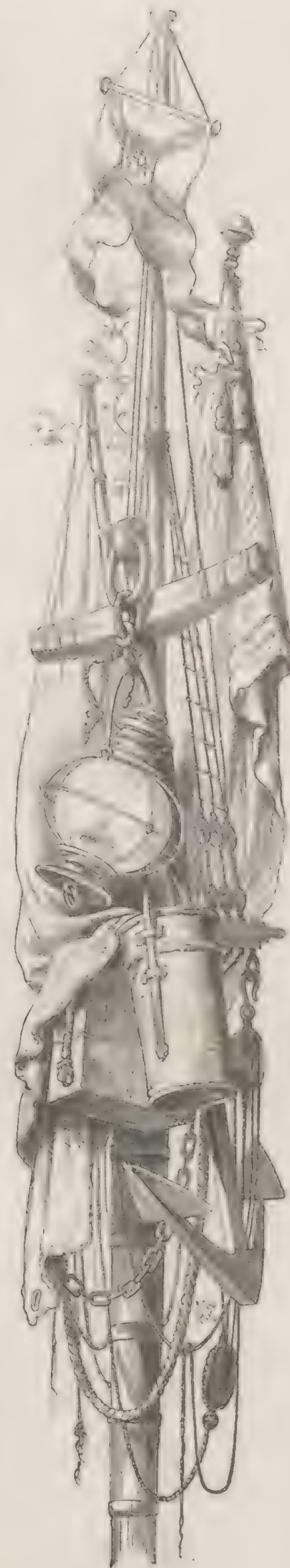
Изъ Воронежа, Петръ прибылъ въ мартѣ же мѣсяцѣ 1704 г. въ Петербургъ и 1 апрѣля освятилъ, готовый совсѣмъ, Петропавловскій соборъ въ крѣпости, не далеко отъ временной резиденціи его, того маленькаго домика, который праправнукомъ Великаго Преобразователя нашего покрытъ каменнымъ футляромъ. Онъ заключаетъ всего три комнатки, изъ которыхъ всѣмъ петровскимъ людямъ хорошо была извѣстна царская токарня—кабинетъ и мастерская вмѣстѣ; съ четырьмя, почти квадратными, окошками, изъ мелкихъ стеколъ. Видъ этаго *палладіума русской славы*—какъ называли наши поэты XVIII вѣка, мы представили въ томъ видѣ, какъ онъ теперь.

Освятивъ 7-го мая, срубленный на льду изъ бревенъ, на ящикахъ съ булыжникомъ (въ мартѣ мѣсяцѣ), осьмиугольный за́мокъ,—еще съ открытіемъ водъ опустившійся у южнаго берега Котлина, Петръ самъ вооружилъ его и назвалъ Кроншлотъ *(коронный замокъ или замокъ вѣнецъ)*; считая дѣло обладанія Невою оконченнымъ съ его сооруженіемъ. Дѣйствительно, въ отсутствіе царя, въ это лѣто шведскій вице-адмиралъ Депроу съ 13-ю вымпелами подходилъ къ Котлину, но прорваться не рѣшился, побоявшись Кроншлота—до того миніатюрной твердыни, что и ядра въ него не попадали. Царь же Петръ, приготовившись идти къ Кексгольму, и съ этою цѣлью посадивъ даже на суда своихъ гвардейцевъ и съ ними пустившись по Невѣ, къ Ладожскому озеру, 19-го мая, былъ отозванъ робкимъ воеводою Апраксинымъ къ Нарвѣ, а затѣмъ Шереметевымъ къ Дерпту. Зная, что нѣтъ государя и силъ не много, замѣнившій умершаго Кроніорта генералъ-поручикъ Майдель, съ нападеніемъ флота на Котлинъ, пытался напасть на Петербургъ, съ сухопутья. Но Брюсомъ, первымъ оберъ-комендантомъ петербургскимъ, онъ тоже отбитъ съ урономъ. Не проявившись, однако, неуда-

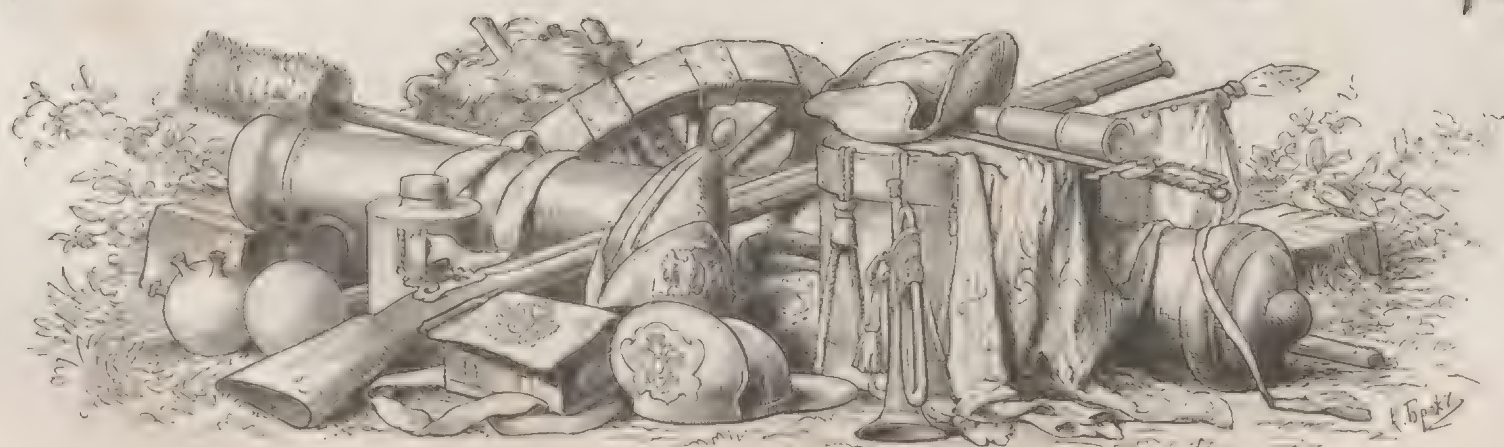

чею, Майдель вздумалъ предлагать Брюсу въ письмѣ сдать ему «лежащую въ провинціяхъ его короля—крѣпость Петербургъ *добровольно*, чтобы избѣгнуть кровопролитія».

Впрочемъ, тѣмъ и заключилась корреспонденція наша съ шведами на Невѣ, въ 1704 году.

П.

X.

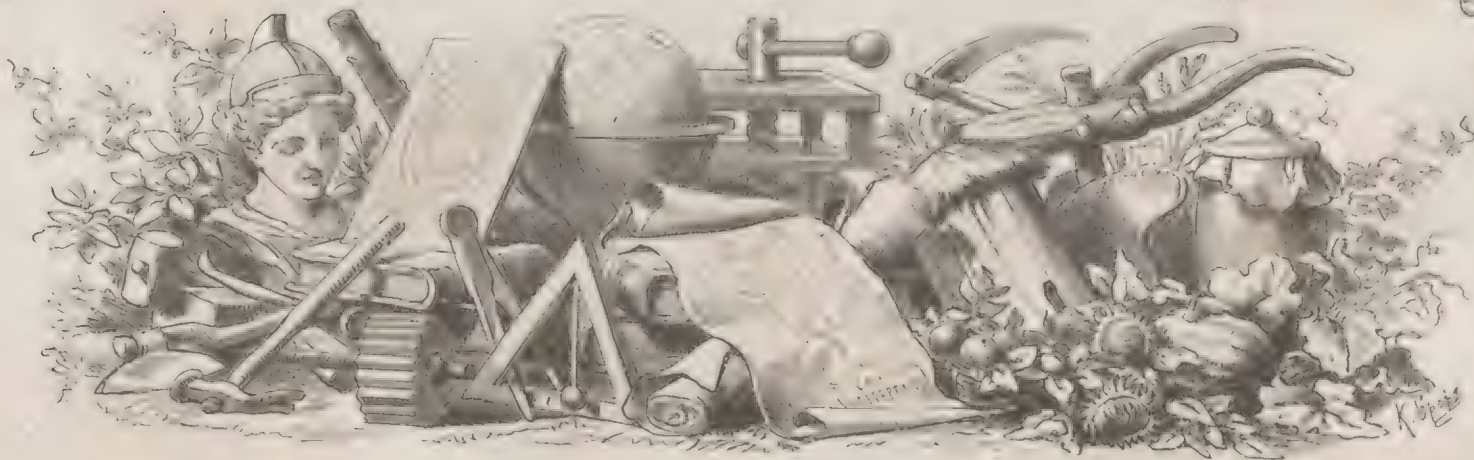
ОСАДА И ВЗЯТІЕ ДЕРПТА И НАРВЫ.

(1704 г.)

Обезпечивъ, по возможности, свою новую столицу отъ внезапныхъ нападеній съ суши и моря, Петръ, весной 1704 г., рѣшился дѣятельно продолжать наступательную войну. Шведы еще твердо держались въ Ливоніи и Эстоніи, владѣя тамъ двумя сильными крѣпостями—Дерптомъ и Нарвой. Покореніе этихъ крѣпостей было необходимо для Россіи, на случай, еслибъ Карлъ XII вздумалъ обратить противъ нея свои главныя силы. Петръ спѣшилъ пользоваться временемъ, пока, по его собственному выраженію, «шведъ увязъ въ Польшѣ» и въ концѣ апрѣля уже приказывалъ Шереметеву двинуться изъ Пскова для осады Дерпта. Шереметевъ началъ собираться; но, по обыкновенію, сборы его шли весьма медленно. «Извольте немедленно осаждать Дерптъ»—торопилъ царь фельдмаршала,—«и зачѣмъ мѣшкаете не знаю. Еще повторяя пишу, не извольте медлить.»—«Истинно, государь, какъ могу, собираюсь»—оправдывался Шереметевъ,—«ни отъ кого помощи не имѣю: легко мнѣ было жить при тебѣ, да при Даниличѣ (Меньшиковѣ); ничего я за милостью вашей не зналъ, не только въ управленіи, въ самыхъ главныхъ дѣлахъ, вы своею особою, да отвагою; а здѣсь я, ей, ей, одинъ; къ тому же не по старому здоровъ сталъ».

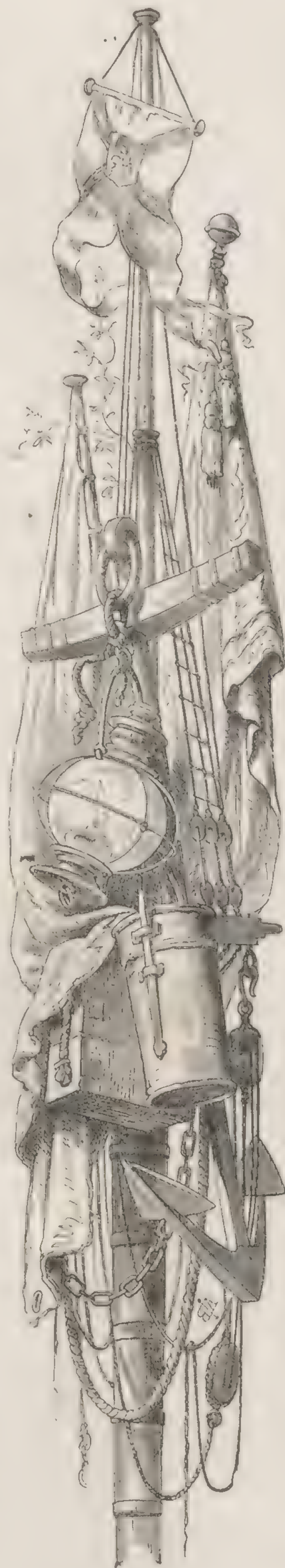
24-го мая фельдмаршалъ выступилъ, наконецъ, изъ Пскова съ 23,000 войска и 46 орудіями и 9-го іюня расположился съ главными силами въ двухъ верстахъ отъ Дерпта, поручивъ генералъ-маіору фонъ-Вердену съ отрядомъ отрѣзать городъ со стороны рѣки Эмбахъ.

Дерптъ былъ хорошо укрѣпленъ шведами съ поля; но отъ рѣки Эм-

баха прикрывался только каменною стѣной. Въ немъ находилось 133 орудія и около 5,000 человѣкъ гарнизона.

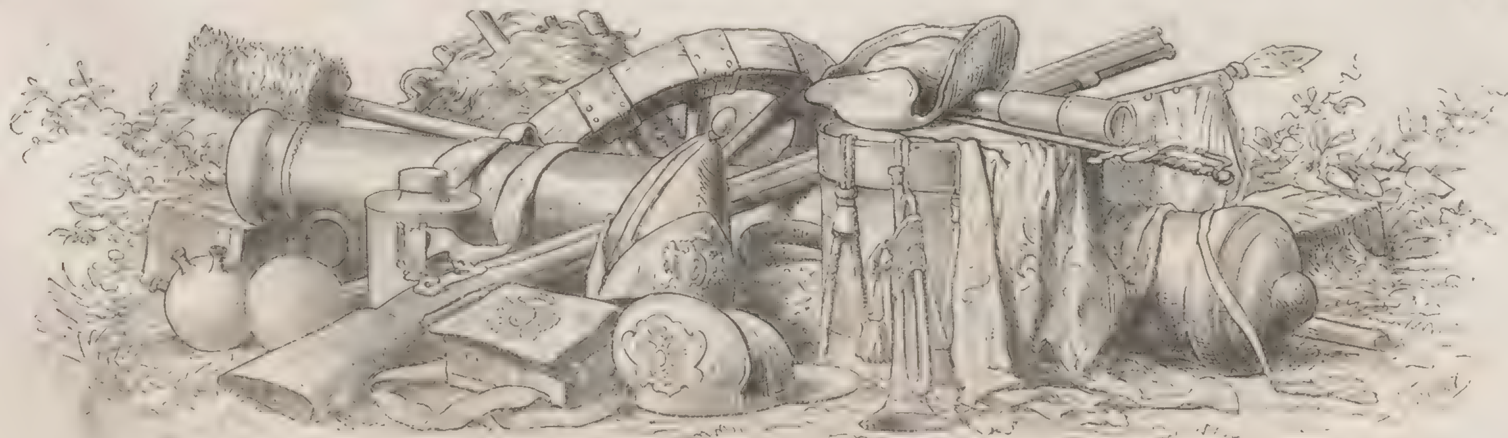
Іюня 10-го, фельдмаршалъ повелъ траншеи разомъ противъ трехъ самыхъ крѣпкихъ бастіоновъ города; слабая же сторона укрѣпленій при Эмбахѣ была оставлена имъ безъ вниманія. Черезъ три дня наши батареи открыли огонь. Бомбардированіе продолжалось восемнадцать дней; было брошено до 2,000 бомбъ и каленыхъ ядеръ, которыя повредили и разрушили множество городскихъ зданій и производили частые пожары; но комендантъ не думалъ о сдачѣ и удачными вылазками замедлялъ наши осадныя работы.

Въ то время, какъ Шереметевъ пошолъ осаждать Дерптъ, самъ царь, съ арміей въ 22,000 человѣкъ, двинулся изъ Петербурга къ Нарвѣ. 30-го мая войска наши переправились на лѣвый берегъ Наровы и стали лагеремъ передъ крѣпостью, почти на тѣхъ же мѣстахъ, которыя занимали въ 1700 году.

Въ четыре года, протекшіе со времени первой осады, шведы успѣли значительно усилить укрѣпленія города и увеличили гарнизонъ его до 4,500 человѣкъ.

Наши войска должны были сперва ограничиться одной блокадой крѣпости, потому что не имѣли съ собой достаточнаго количества артиллеріи. Она везлась съ большимъ трудомъ и крайне медленно изъ Шлиссельбурга и Петербурга.

Узнавъ, что комендантъ ожидаетъ со дня на день помощи отъ генерала Шлиппенбаха, Петръ придумалъ особаго рода военную хитрость. 8-го іюня два пѣхотныхъ и два драгунскихъ полка, наряжонные въ шведскіе мундиры и эпанчи, въ шляпахъ съ бѣлою обшивкою, съ жолтыми и бѣлыми знаменами, были заведены лѣсомъ, верстъ за восемь на Везенбергскую дорогу и оттуда двинулись, предводимые самимъ царемъ, къ Нарвѣ, подъ видомъ корпуса Шлиппенбаха. Противъ нихъ выступилъ изъ лагеря съ войскомъ Меньшиковъ; между тѣмъ, ночью, подъ самою Нарвою, въ садахъ и лѣсу, притаился полковникъ Ренне съ преображенскимъ полкомъ и конницей. Мнимые противники сразились и послѣ притворнаго боя Меньшиковъ началъ отступать въ безпорядкѣ, горячо преслѣдуемый царемъ. Комендантъ, введенный въ заблужденіе, воображая, что Шлиппенбахъ дѣйствительно явился къ нему на выручку и поражаетъ русскихъ, приказалъ полковнику Лоде выступить изъ города съ 1,000 чел. пѣхоты и 150 драгунами. Пока пѣхота собиралась, подполковникъ Маркварть выѣхалъ впередъ съ драгунами; за нимъ слѣдовали, въ надеждѣ добычи, многіе нарвскіе жители. На встрѣчу Маркварта, изъ отряда царя отдѣлился съ конницей польскій посланникъ Арнштедтъ, бывшій въ русскомъ лагерѣ. Маркварть привѣтствовалъ его и благодарилъ за прибытіе. Арнштедтъ, поздравляя съ своей стороны, обнялъ Маркварта и въ ту же минуту схватилъ за шпагу и обезоружилъ. Мнимые шведы надѣялись выманить изъ города весь гарнизонъ, но пьяный швед-

скій офицеръ, у котораго не успѣли скоро отнять оружія, застрѣлился и этимъ обнаружилъ передъ своими обманъ. Шведы бросились назадъ въ городъ. Русскіе, видя, что скрываться болѣе нечего, кинулись за ними. Подъ самою Нарвою произошла свалка, въ которой непріятель потерялъ до 350 человѣкъ убитыми и плѣнными. Царь былъ очень доволенъ этимъ маскарадомъ, тѣмъ болѣе, что онъ стоилъ намъ только четырехъ драгунъ. Черезъ нѣсколько дней получено было извѣстіе, что Шлиппенбахъ въ самомъ дѣлѣ находится на дорогѣ изъ Ревеля къ Нарвѣ. Царь отправилъ противъ него полковника Ренне съ 8,000 чел. преимущественно конницы. Ренне встрѣтился съ Шлиппенбахомъ у деревни Лезна и почти совершенно уничтожилъ его отрядъ.

20-го іюня въ русскій лагерь прибылъ фельдмаршалъ-лейтенантъ Огильви, приглашонный въ нашу службу въ Вѣнѣ на три года. 27-го числа, царь сдалъ ему команду надъ всѣми войсками, сосредоточенными подъ Нарвой, а самъ отправился къ Дерпту, чтобъ ускорить осаду этого города.

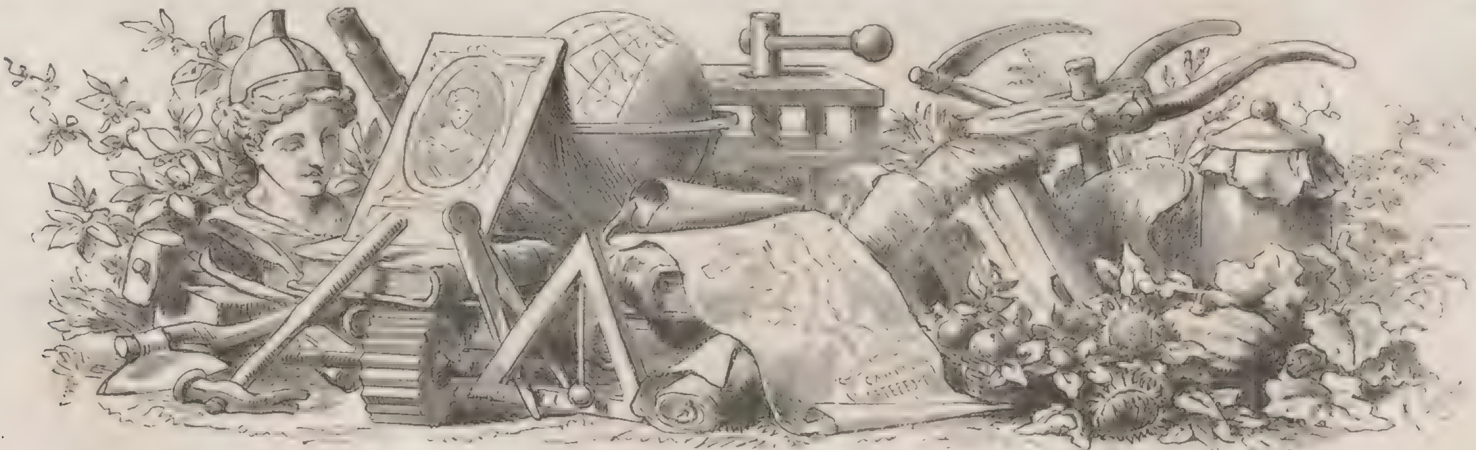
По пріѣздѣ въ лагерь Шереметева, государь тотчасъ осмотрѣлъ осадныя работы и, найдя, что онѣ ведены неправильно, велѣлъ ихъ прекратить. По его указаніямъ, батареи были перемѣщены за рѣку Эмбахъ, противъ такъ называемыхъ «Русскихъ воротъ», а новыя апроши поведены противъ башни «Пейнтурмъ»—самаго слабаго мѣста крѣпости.

11-го іюля, наши батареи, послѣ семидневной жестокой пальбы, не прекращавшейся ни днемъ, ни ночью, пробили въ непріятельскихъ укрѣпленіяхъ три бреши. На слѣдующій день, 2,000 русскихъ солдатъ, перейдя Эмбахъ по наведенному мосту, заняли къ ночи мѣста у самаго городского палисада. Шведы тщетно старались вытѣснить ихъ изъ этой позиціи. Упорная битва продолжалась всю ночь до разсвѣта; наконецъ, русскіе обратили непріятеля въ бѣгство, ворвались за палисадъ, взяли равелинъ противъ «Русскихъ воротъ» и, подвигаясь впередъ, подъ убійственнымъ картечнымъ огнемъ шведовъ, овладѣли башней «Пейнтурмъ». Комендантъ, видя, что русскія войска готовы ворваться въ самый городъ, велѣлъ бить сдачу; но озлобленные солдаты наши застрѣлили, одного за другимъ, двухъ барабанщиковъ. Тогда комендантъ велѣлъ трубить трубачу. Фельдмаршалъ, услышавъ трубный звукъ, съ большимъ трудомъ остановилъ кровопролитіе.

13-го іюля, русское войско торжественно вступило въ Дерптъ. Непріятельскій гарнизонъ былъ отпущенъ въ Ревель.

Приказавъ Шереметеву занять Дерптъ сильнымъ отрядомъ, а съ остальными войсками идти безъ дневокъ къ Нарвѣ, царь поспѣшилъ возвратиться въ лагерь на берега Наровы.

Здѣсь, въ его отсутствіи, осадныя работы, начатыя 16-го іюня, велись столь дѣятельно, что, черезъ мѣсяцъ, наши апроши приблизились къ самому гласису крѣпости. Въ концѣ іюля подошла армія Шереметева и были привезены наконецъ осадныя орудія. Ихъ тотчасъ же размѣстили на заранѣе приготовленныхъ батареяхъ и 30-го числа началось бомбардированіе Нарвы

„Памятникъ" въ рощѣ близъ г. Дербента,

гдѣ, по преданію, бесѣдовалъ Петръ I съ Табасаранскими бекамн

Рис. на дер. А. Н. Нисченковъ, грав. А. Даугель.

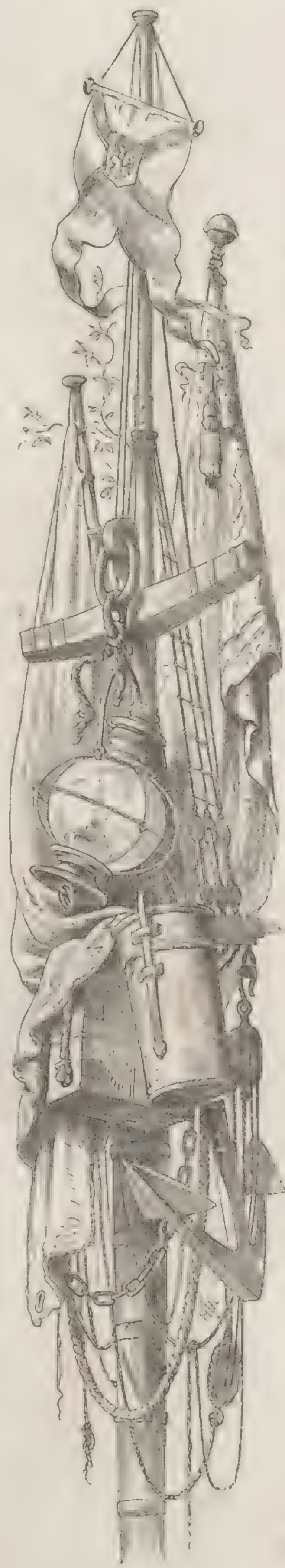
Базаръ въ г. Дербентѣ.

Сдача г. Дербента.

Наибъ города подноситъ городские ключи Петру I въ августѣ 1722 года.

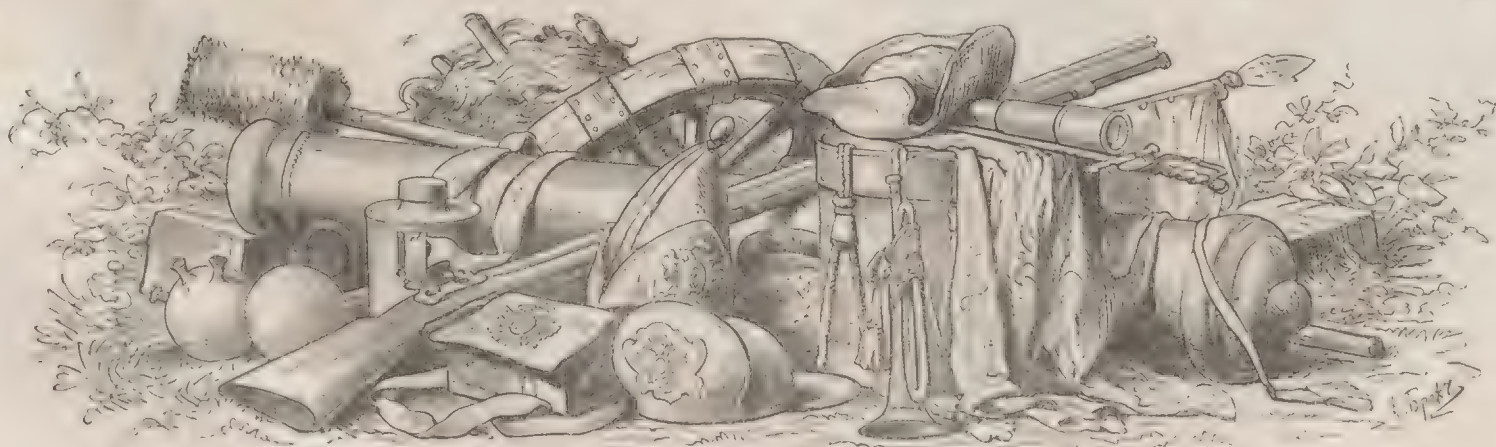

и Иванъ-города изъ 40 пушекъ и 24 мортиръ. Кононада продолжалась непрерывно десять сутокъ. Городъ горѣлъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Одинъ изъ крѣпостныхъ бастiоновъ, называвшiйся «Гоноръ», былъ совершенно разрушенъ, а въ другомъ, «Викторiя», оказался большой проломъ. Фельдмаршалъ Огильви, по приказанiю царя, послалъ полковника Похвиснева къ коменданту Горну, уговорить его сдаться на капитуляцiю, не ожидая приступа. «Самъ Господь Богъ разрушилъ бастiонъ Гоноръ»—писалъ Огильви,—«путь къ крѣпости открытъ и гарнизону нѣтъ никакой надежды на сикурсъ. Государь обѣщаетъ милость и честный аккордъ; если же дѣло дойдетъ до штурма, Нарвѣ не будетъ пощады». Горнъ отвѣчалъ, что безъ королевскаго повелѣнiя не можетъ сдать крѣпости.

Въ русскомъ лагерѣ собралась воинская дума: рѣшено штурмовать Нарву 9-го августа. Главное начальство вручено фельдмаршалу-лейтенанту Огильви. Онъ назначилъ три штурмовыя колонны: генералъ-поручику Шенбеку было велѣно ворваться въ бастiонъ «Викторiя»; генералъ-маiору Чамберсу двинуться къ обвалившемуся бастiону «Гоноръ», а генералъ-маiору Шарфу къ равелину противъ третьяго бастiона «Глорiя». Нести и ставить штурмовыя лѣстницы приказано тѣмъ изъ солдатъ, которые были осуждены за побѣгъ. Опасное порученiе это доставляло имъ случай заслужить помилованiе. Въ полдень, 9-го числа, данъ былъ сигналъ къ аттакѣ пятью пушечными выстрѣлами. Колонны стремительно бросились къ проломамъ. Ни отчаянная оборона гарнизона, ни взорванный имъ подкопъ, истребившiй часть отряда Шенбека, ни штурмовыя бочки, скатываемыя съ вершины вала, ничто не могло удержать нашихъ солдатъ. Черезъ три четверти часа русское знамя развѣвалось на бастiонѣ «Гоноръ», а вскорѣ за тѣмъ и на другихъ пунктахъ крѣпостной ограды. Шведы заперлись въ цитадели; комендантъ, видя, что дѣло проиграно, приказалъ барабанщикамъ бить сдачу, въ надеждѣ на капитуляцiю; но русскiе ничего слышать нехотѣли; они кололи, рубили и грабили все, попадавшееся имъ на пути. Кровопролитiе произошло страшное: не было пощады ни жонамъ, ни дѣтямъ. Изъ 4,500 чел. шведскаго гарнизона едва уцѣлѣло 1,800 чел.; остальные погибли въ этой ужасной сѣчѣ.

Два часа спустя послѣ начала штурма, Петръ, въ сопровожденiи фельдмаршала-лейтенанта Огильви и генералитета, въѣхалъ верхомъ въ опустошаемый городъ, приказалъ трубить по всѣмъ улицамъ, чтобы прекратился грабежъ, немедленно разставилъ караулы при уцѣлѣвшихъ домахъ и одного солдата, не послушавшагося царскаго повелѣнiя, самъ закололъ шпагою. Адлерфельдъ—бiографъ Карла XII (небывшiй въ Нарвѣ), говоритъ, что, войдя въ ратушу и увидя тамъ взятаго въ плѣнъ коменданта, Петръ не могъ удержаться отъ гнѣва, далъ ему пощочину и, бросивъ на столъ свою окровавленную шпагу, сказалъ:—«смотри, это не шведская, а русская кровь, пролитая мною для спасенiя несчастныхъ жителей, которыхъ твое безразсудное упорство подвергло конечной гибели!»

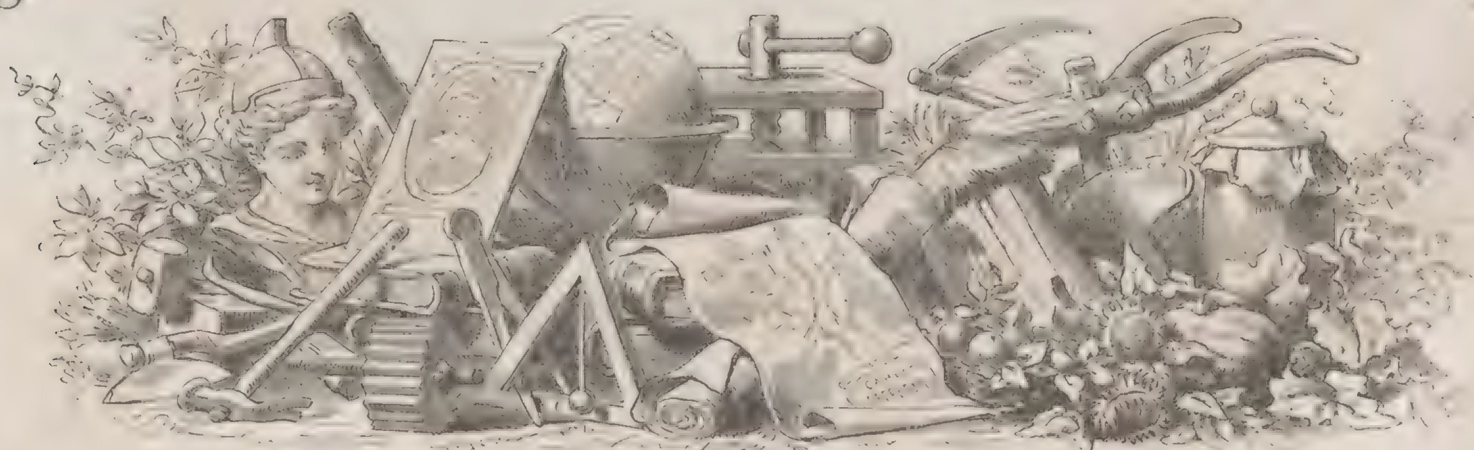

По взятіи Нарвы, комендантъ Иванъ-города счолъ дальнѣйшее сопротивленіе безполезнымъ и сдался на капитуляцію. Военная добыча, полученная русскими въ этихъ двухъ крѣпостяхъ, заключалась въ 460 орудіяхъ, 11,000 ружей, 1,500 паръ пистолетовъ, да множествѣ военныхъ снарядовъ и продовольствія. Потеря наша простиралась до 3,000 чел. убитыми и ранеными.

Изъ Петербурга, до отъѣзда подъ Нарву, Петръ намѣревался двинуться въ Финляндію; это не состоялось. Ходъ событій заставилъ Польшу заключить съ нами (19-го августа 1704 г.) новый оборонительный союзъ противъ шведскаго короля, «общаго непріятеля, разорившаго въ конецъ рѣчь посполитую». Союзъ этотъ поставилъ Петра въ обязанность отдать подъ команду польскаго короля, до окончанія войны, 12,000 своего войска и на содержаніе 48,000 польскаго—выдавать въ годъ 200,000 русскихъ серебряныхъ рублей. Посолъ Дзялынскій выпросилъ тогда же, чтобы 12 полковъ пошли съ Наровы къ Друѣ и Полоцку. Сентября 25-го и повелъ это войско къ королю Августу, генералъ кн. А. И. Репнинъ (будущій фельдмаршалъ.)

Ш.

Землянка за стѣнами г. Дербента,

гдѣ ночевалъ Петръ I среди укрѣпленнаго лагеря при войскѣ.

Рис. Н. Н. Соколовъ, грав. Л. А. Сѣряковъ.

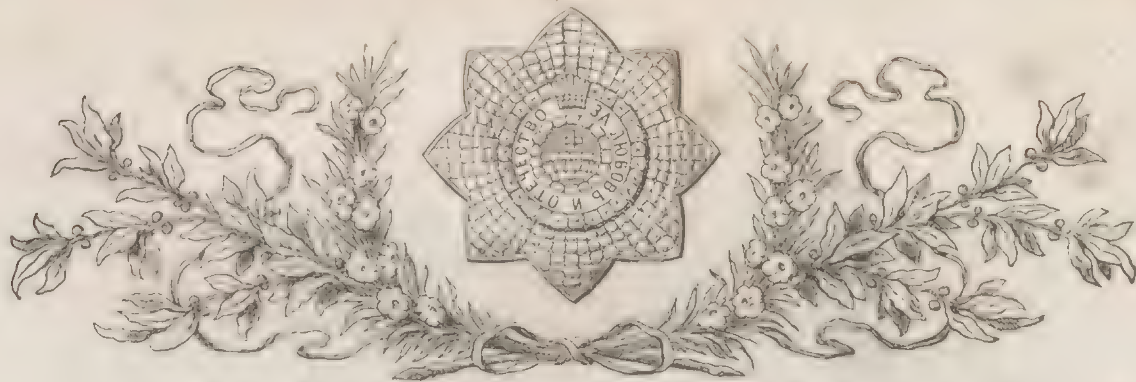
Памятникъ Петру Великому въ г. Кронштадтѣ,

построенный по модели скульптора Жака.

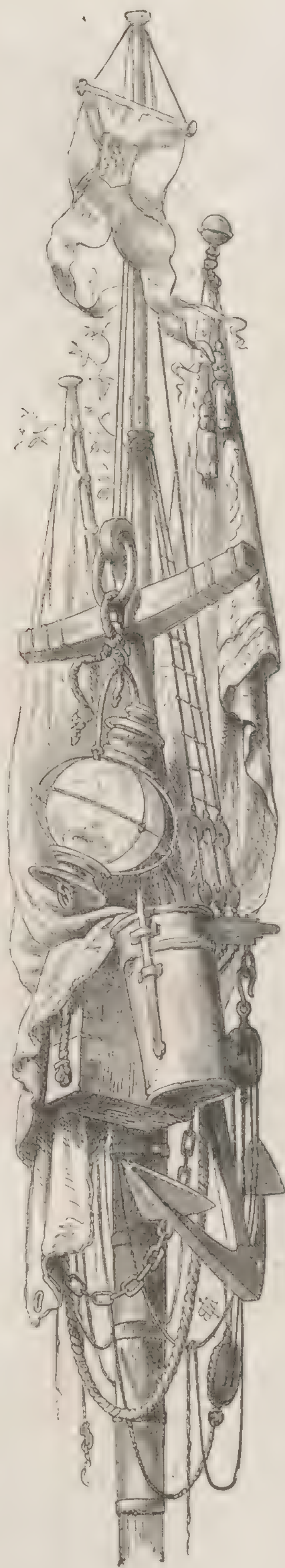

Петръ Великій на Лахтѣ,

спасаетъ погибавшихъ во время бури, 1 ноября 1724 г.

XI.

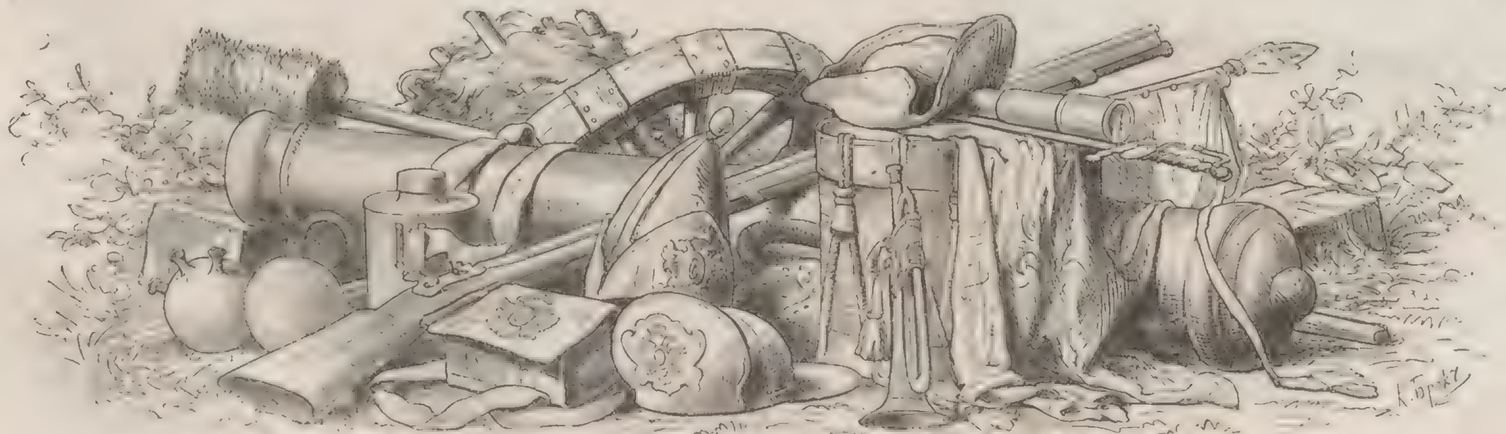
ПЕТЕРБУРГЪ И ШВЕДЫ.

(1704—1706).

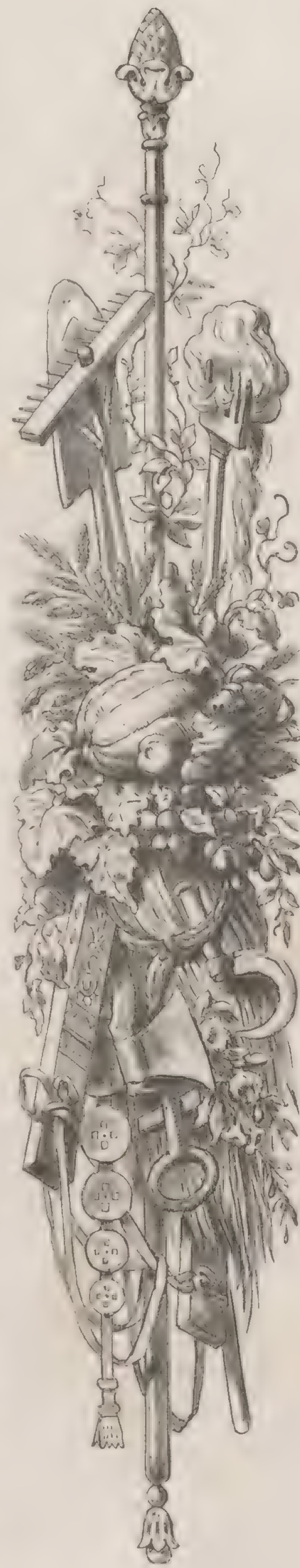
Взявъ Нарву,[1] Петръ уѣхалъ въ Дерптъ, а оттуда, черезъ Псковъ и Новгородъ,[1] на Лодейное поле, гдѣ также, какъ и на Сяси, спѣшно строились мореходныя суда, необходимыя въ новозаводимомъ приморскомъ укрѣпленномъ пунктѣ, каковъ былъ Петербургъ. На Олонецкой верфи дѣйствовалъ шаутбенахтъ гребного флота, грекъ изъ Кефалоніи, графъ Иванъ Ѳедосѣевичъ Боцисъ, приготовляя галерную эскадру. Пять кораблестроителей готовили 7 фрегатовъ да 4 шнявы. Восемь изъ этихъ судовъ были готовы къ пріѣзду Петра и, пробывъ недѣлю на Олонцѣ, октября 2-го государь повелъ готовую эскадру въ 25-ти вымпелахъ изъ Свири черезъ Ладожское озеро, на Неву. Въ озеро вошли суда при полномъ штилѣ, но скоро разыгралась буря и въ теченіе пяти дней не дала возможности двинуться съ мѣста, къ Шлиссельбургу. Не много было отдало; флотиліи оставалось до Невы всего 40 верстъ, какъ вторичный штормъ разметалъ эскадру и далъ возможность одному Петру придти на праздникъ—взятія Нотеборга. Прочія суда эскадры стали показываться только 15-го октября. Еще черезъ день добралась первая балтійская военная эскадра до бывшаго Ніэншанца, (Шлотбурга) и 18-го, наконецъ, послѣ $2^1/_2$ недѣль опасностей, дошла до крѣпости Петербургской—цѣли стремленій и мѣста постоянной, будущей стоянки своей, на зимній отдыхъ.

Его не зналъ одинъ Петръ. Озадаченный затрудненіями, встрѣченными на бурной Ладогѣ и могшими во всякое время разрушать его разсчоты, царь рѣшилъ уже верфь для стройки балтійскаго флота завести по сю сто-

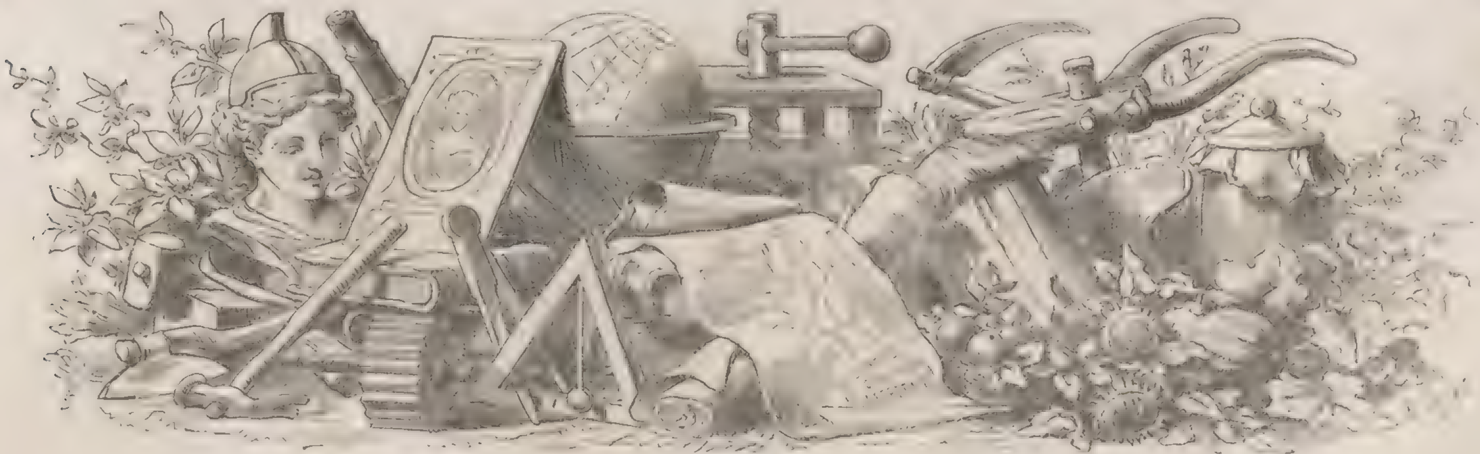

рону озера. Взявъ двѣ бригантины да буеръ, для сопровожденія своей яхты, Петръ съ Меньшиковымъ отправился на этой флотиліи: искать удобнаго мѣста для будущей верфи. Они-объѣхали и осмотрѣли въ шесть дней всю Неву и съ притоками; были даже на Котлинѣ, но удобнѣе острова, образованнаго природою противъ крѣпости, теченіемъ нынѣшнихъ Фонтанки и Мойки, не нашли. Здѣсь, въ воскресенье, 5-го ноября 1704 года, Петръ и положилъ основаніе адмиралтейскому дому, отъ котораго весь островъ получилъ названіе Адмиралтейскаго. Новая верфь заложена была на Невѣ, длиною въ 200 сажень и шириною въ 100 сажень, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ возвышается зданіе, упраздненнаго нынѣ, главнаго адмиралтейства. Закладка его отпразднована царемъ Петромъ въ австеріи, единственной тогда въ Петербургѣ, у Ивана Фельтена. Спустя же пять дней Петръ оставилъ берега Невы, чтобы покончить не менѣе нужное дѣло: успокоить и ублаготворить турецкаго посла Мустафу-Агу, присланнаго новымъ султаномъ съ извѣщеніемъ о своемъ воцареніи, еще въ февралѣ, но оставленнаго въ Новѣ-городѣ безъ отвѣта, по случаю неумѣренныхъ требованій; отказать въ которыхъ прямо царю не хотѣлось, чтобъ не возбудить турокъ къ непріязни. Теперь, слыша жалобы упорнаго турка на задержаніе и неласковый пріемъ, царь захотѣлъ его приласкать и вмѣстѣ показать свои дѣла въ выгоднѣйшемъ свѣтѣ: чтобы сдержать заносчивость турковъ, на которыхъ слухъ о побѣдахъ сосѣда производилъ большее уваженіе къ нему,—какъ свидѣтельство могущества. Въ этихъ разсчотахъ, Петръ велѣлъ Мустафу привезти въ повозавоеванную Нарву, куда и пріѣхалъ съ нимъ видѣться 12-го ноября. Турокъ явился на слѣдующій день и 23-го ноября былъ участникомъ пира въ домѣ имянинника А. Д. Меньшикова, гдѣ царь съ нимъ ласково говорилъ и показалъ устроенную на этотъ случай пышную иллюминацію, объяснивъ содержаніе аллегорическихъ транспарантовъ, темою которыхъ были наши побѣды въ Лифляндіи. Впечатлѣніе на турецкаго посла произведено было этимъ самое выгодное. Онъ перестатъ жаловаться и дѣла съ турками устроились самымъ лучшимъ образомъ, безъ всякой уступки съ нашей стороны. Проводивъ посла, царь уѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ получилъ пріятную вѣсть о второй побѣдѣ своего союзника Августа II, надъ шведами, подъ Познанью. До того, въ сентябрѣ, саксонцы взяли шведскаго генерала Мейерфельдта. Успѣхи эти, хотя и не большіе, все таки были облегченіемъ для насъ въ качествѣ вреда общему врагу. Встрѣча государемъ вступившихъ въ столицу войскъ (19-го декабря)—причомъ у каждыхъ тріумфальныхъ воротъ дѣлано государю особое поздравленіе,—была послѣднею чертою этого второго года нашихъ успѣховъ.

Шведы же, съ своей стороны, напрасно теперь силились повредить начинавшемуся городу на Невѣ. Приходъ ихъ и зимою былъ также безуспѣшенъ, какъ и лѣтомъ. Полки, расположенные въ Ингріи на зимнихъ квартирахъ, не стояли оплошно и незванныхъ гостей отбили на Котлинѣ, гдѣ существеннаго ничего еще сдѣлано не было. Мстя за осенній набѣгъ на Оло-

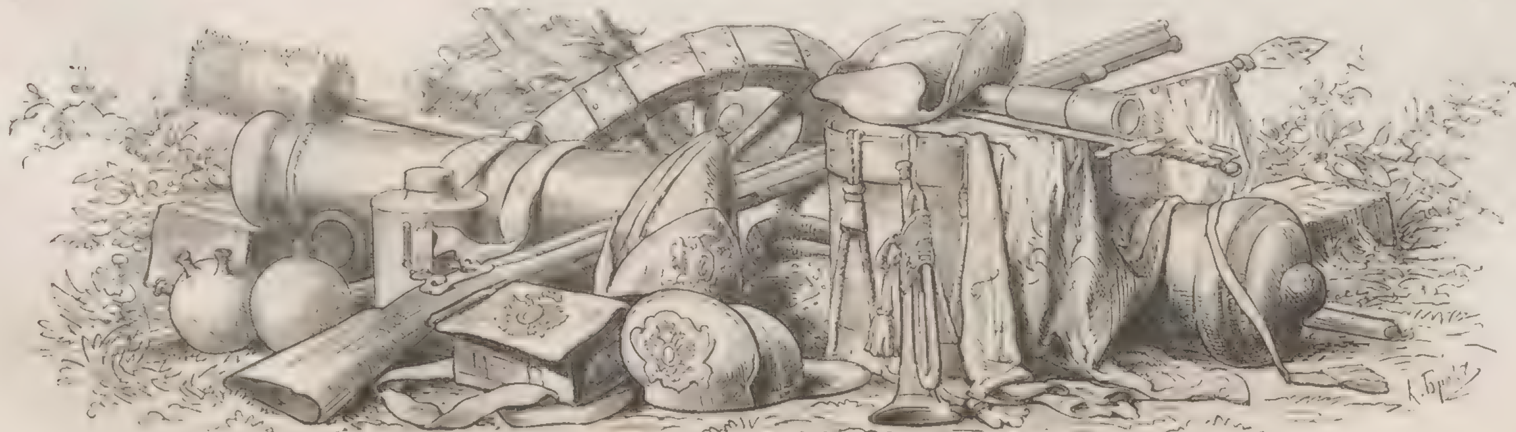

нецкій край, П. М. Апраксинъ ходилъ со Свири къ Сердоболю и, по своему обычаю, произвелъ исправное опустошеніе посѣщонной мѣстности. Намѣренія овладѣть снова устьями Невы, шведы, между тѣмъ, не оставляли. Къ навигаціи 1705 года въ Карлскронѣ снаряжонъ былъ сильный флотъ, да усиленъ и финляндскій корпусъ Майделя, насколько позволяли средства. Слухи объ укрѣпленіяхъ Котлина и Петербурга доходили до Стокгольма съ преувеличеніями, и ихъ шведскіе начальники сухопутныхъ и морскихъ силъ сами даже поддерживали, чтобы оправдать свои неудачи. Шведскому сенату мерещился уже сильный русскій флотъ, который можетъ выдти въ Финскій заливъ и опустошать берега. Чтобы предупредить такую опасность, адмиралъ Анкерштерна, съ вице-адмираломъ Депроу, явились къ Котлину при открытіи навигаціи, съ сильною эскадрою. Но, восемь кораблей, 6 фрегатовъ, да семь другихъ военныхъ судовъ съ достаточнымъ вооруженіемъ и 2340 чел. экипажа—были силы, черезъ чуръ уже не соразмѣрныя съ крошечнымъ Кроншлотомъ, батареею на немъ, да нашихъ 8-ми фрегатовъ, съ 2-мя брандерами и 7-ю большими галерами, подъ начальствомъ Боциса. Неудивительно, что вступившій въ управленіе Котлинскою эскадрою, опытный морякъ, вице-адмиралъ Крюйсъ, счолъ за благо закрыться плавучими рогатками, не выходя изъ-за нихъ для неразумнаго боя, грозившаго несомнѣнною гибелью. На случай же высадки непріятелей на Котлинѣ, были всего два полка морскихъ солдатъ посажены въ окопы на западной сторонѣ острова, на которомъ находилось и съ мортирами только 45 орудій.

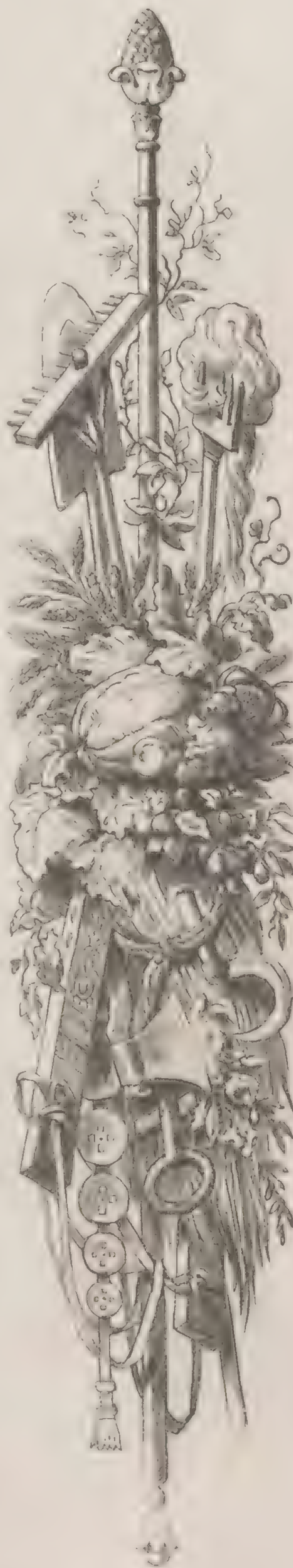
Въ Петербургѣ было, подъ начальствомъ оберъ-коменданта Брюса, шесть полковъ пѣхотныхъ да полкъ конницы (Ингерманландскій драгунскій). Да еще одинъ полкъ (Сильса) присланъ былъ отъ Нарвы, при извѣстіи о приходѣ шведовъ; на этотъ разъ, какъ видно, условившихся для единовременнаго нападенія съ моря и съ сухопутья. Но вышло не такъ. Напрасно ожидая конницы, когда Мейдель, вѣрно разсчитывавшій на побѣду, не торопился къ Петербургу съ Выборгской стороны, Анкерштерна, стоявшій съ мая уже въ виду Котлина, рѣшился одинъ сдѣлать нападеніе на островъ. Рано утромъ флотъ подошолъ на ближайшую дистанцію и, ставъ въ боевой порядокъ, отдѣлилъ четыре корабля для дѣйствій противъ Кроншлота, открывъ сильный огонь по укрѣпленіямъ острова, но вреда имъ не могъ нанести. Незная этого, и думая, что бомбы произвели страшное опустошеніе и перебили защитниковъ, шведскій адмиралъ, въ 11-ть часовъ утра, послалъ дессантъ на мелкихъ судахъ, въ числѣ 2,000 человѣкъ. Подпустивъ ихъ на разстояніе ближе выстрѣла, наши открыли огонь и многихъ перебили, а остальныхъ заставили уйти

Второй дессантъ 5-го іюля тоже былъ отбитъ. Черезъ шесть дней (10-го іюля), упорный Анкерштерна въ третій разъ произвелъ нападеніе на Котлинъ, но 400 тѣлъ, оставшихся на берегу, были хорошимъ урокомъ настойчивости шведовъ. Неподдержанный дѣйствіями Мейделя, генералъ-поручикъ началъ опять съ отправки письма Брюсу, такъ медленно подвигаясь самъ къ бе-

регу Невы, что въ день третьяго дессанта на Котлинъ, показались только передніе полки его, своимъ прибытіемъ только усиливая бдительность защитниковъ Петербурга, укрѣпившихъ противоположный невскій берегъ.

Мейдель 28-го только іюня переправился на Каменный островъ и съ него сталъ было въ ночь на Ивановъ день переправляться на теперешній Аптекарскій островъ, но батареи наши отбили шведовъ и, прогнавъ ихъ, перешли въ наступленіе сами; выбивъ съ Каменнаго острова непріятеля, ушедшаго на Выборгскую сторону. Недѣлю спустя, съ цѣлію вызвать русскихъ на линію укрѣпленій, Мейдель прошолъ на Охту и, оставивъ здѣсь часть войска, двинулся къ Шлиссельбургу, не дойдя до котораго 12-ти верстъ, шведы переправились черезъ Неву. Помощникъ коменданта Бахметьевъ отправился за ними. Выждавъ его удаленіе, шведы на Охтѣ стремительно ударили на стоявшихъ тамъ запорожскихъ казаковъ и принудили ихъ переправиться черезъ Неву. Двѣ шнявы, стоявшія на этой рѣкѣ, подошли къ Охтѣ и огнемъ орудій своихъ отбили показавшихся непріятелей, отбитыхъ и у Тосны. Тамъ помогли прибывшіе на галерахъ люди изъ эскадры Боциса, спустившись отъ Ладожскаго озера. Такъ что, отбитый вездѣ, Мейдель поспѣшно ушолъ къ Выборгу.

Адмиралъ Анкерштерна, невразумившись тремя неудачными попытками, съ приходомъ подкрѣпленій изъ Пернова и Ревеля, рѣшился сдѣлать сильное наступленіе на Котлинъ въ большихъ силахъ. Построивъ передъ Котлинымъ свою эскадру полукругомъ, южная дуга котораго (4 большихъ корабля) находилась отъ земли въ самомъ близкомъ разстояніи, адмиралъ открылъ рано поутру канонаду изо всѣхъ пушекъ своихъ по острову и косѣ, гдѣ построены были наши батареи. Крюйсъ, чтобы сберечь людей, заранѣе далъ приказъ, при открытіи огня съ кораблей, лечь на землю, и эта предусмотрительность спасла полки Островскаго и Толбухина, не дѣлавшіе ни одного выстрѣла. Пятичасовая канонада показалась Анкерштернѣ достаточною и, прекративъ ее, онъ выслалъ дессантныя партіи, на половинномъ разстояніи между флотомъ и островомъ встрѣченныя убійственнымъ огнемъ нашихъ 15-ти орудій.

Шведы продолжали приближаться, но на ружейный выстрѣлъ отъ берега встрѣтили перекатъ, черезъ который гребнымъ судамъ перейти не было возможности. Самые отважные пошли въ бродъ, но глубина воды увеличивалась, такъ что стала покрывать человѣка. Многіе перетонули; остальные выбрались на берегъ и взяты нашими. Адмиралъ самъ, на одномъ изъ гребныхъ судовъ, ведя дессантъ, получилъ тяжолую рану во время смятенія у переката. Съ тяжолою потерею, шведы, на другой же день, ушли изъ вида Котлина, и больше въ эту навигацію близко не показывались. Крюйсу и Толбухину принадлежитъ вся честь отбитія шведской армады, съ такою отвагою болѣе не приступавшей къ негостепріимному берегу Котлина. Совокупныхъ нападеній флота и войска сухопутнаго къ начатому застройкою Петербургу тоже враги не дѣлали, до 1708 года.

Петръ I, встрѣтивъ новый 1705 годъ въ Москвѣ, 19-го февраля уѣхалъ на два мѣсяца въ Воронежъ—строить корабли—отправивъ Меньшикова

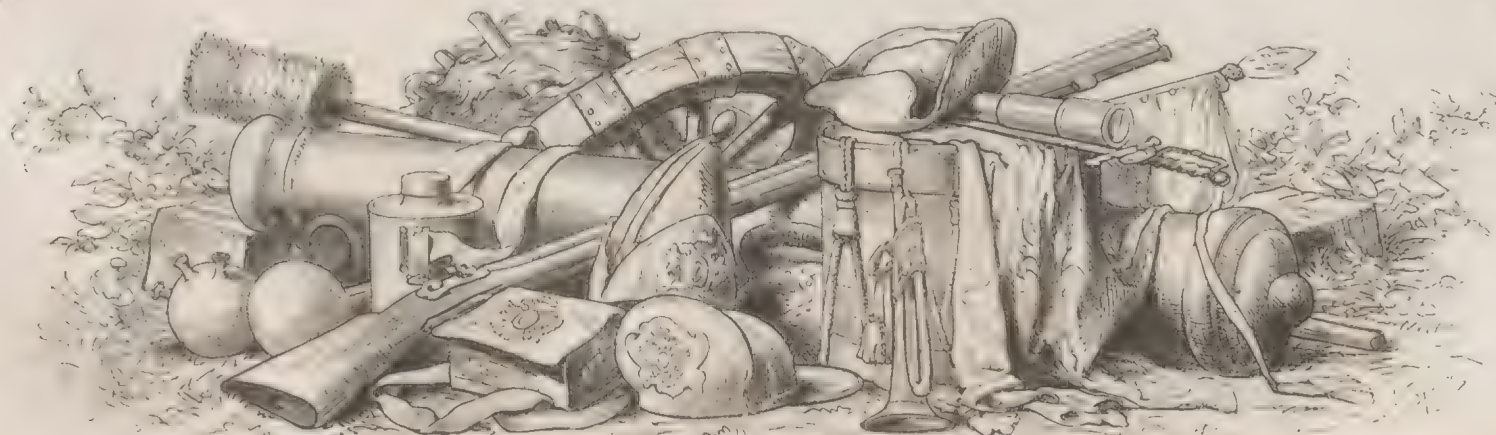

съ полками на помощь Августу II къ Полоцку. Бывшій первый петербургскій комендантъ Ренъ, съ осени находившійся вмѣстѣ съ Репнинымъ въ Литвѣ, громилъ отряды Сапѣги. Воротясь изъ Воронежа въ Москву, Петръ въ столицѣ въ маѣ удержанъ былъ болѣзнью и въ іюнѣ только явился въ Полоцкѣ, гдѣ соединены были всѣ наши силы. На военномъ совѣтѣ положено было часть войска отправить въ Курляндію, противъ Левенгаупта и туда отряжено съ фельдмаршаломъ 8 пѣхотныхъ, да 5 драгунскихъ полковъ. Остальныя же силы и царь съ ними, пошли къ Вильнѣ, гдѣ получилъ Петръ непріятное извѣстіе о пораженіи Левенгауптомъ Шереметева при мызѣ Муръ (19-го іюля). Тамъ потеряли мы артиллерію, и одновременно почти (31-го іюля) саксонскаго генерала Паткуля разбили шведы подъ Варшавой. Положеніе дѣлъ требовало мѣръ быстрыхъ и рѣшительныхъ и самъ Петръ повелъ новыя войска на помощь Шереметеву, чтобы не оставлять въ покоѣ Левенгаупта, въ Вильнѣ оставивъ командиромъ Огильви. Левенгауптъ между тѣмъ ушолъ въ Ригу, оставивъ въ Литовскомъ замкѣ шведскій гарнизонъ. Репнинъ осадилъ его здѣсь и принудилъ наконецъ (4-го сентября) сдаться.

Но празднуя здѣсь побѣду, Петръ получилъ непріятную вѣсть о бунтѣ стрѣльцовъ въ Астрахани, и приказавъ идти, для усмиренія ихъ, Шереметеву, съ нимъ велѣлъ отправить три полка изъ гарнизоновъ петербургскаго, смоленскаго и казанскаго (по одному полку изъ каждаго города). Самъ государь затѣмъ отъ Митавы повелъ войска въ Ковно, а Огильви велѣлъ изъ Вильны идти въ Гродно. Въ окрестностяхъ этого города располагая войско на зимнія квартиры, государь узналъ о коронованіи польскою короною Станислава Лещинскаго, поставленнаго Карломъ XII, не смотря на сопротивленіе польскаго сейма. Августъ II находился въ это время въ Тыкоцинѣ, гдѣ оставлено было русское войско подъ командою Меньшикова, отрядившаго въ началѣ октября полковника Горбова къ Варшавѣ, гдѣ стали таборы приверженцевъ Сапѣги у предмѣстья Праги. Горбовъ разбилъ ихъ, захвативъ провіантъ и скотъ, и подкрѣпленный отрядомъ Шомбурга и конницею бывшаго на нашей сторонѣ гетмана литовскаго, Вишневецкаго, вторично отважился биться въ Прагѣ съ самою гвардіею короля Станислава. Этотъ успѣхъ вполнѣ казался залогомъ перевѣса въ пользу нашего оружія. Потому, проведя съ Августомъ въ Тыкоцинѣ и Гроднѣ $2^1/_2$ мѣсяца, Петръ, совсѣмъ успокоенный, оставилъ здѣсь Огильви съ войскомъ, уѣзжая 5-го декабря въ Москву. Трофеи, взятыя въ Литовскомъ замкѣ, украсили тріумфальное вшествіе царя въ столицу 19-го декабря. Здѣсь провелъ Петръ весело и праздники, не чуя непріятностей, разразившихся въ это время надъ главными нашими силами, въ Гроднѣ.

Получивъ извѣстіе, что король шведскій идетъ изъ Польши въ Литву, Петръ поспѣшилъ въ Смоленскъ, но, проѣхавъ его, въ Дубровнѣ встрѣтилъ Меньшикова съ грозною вѣстью, что Огильви запертъ шведами въ Гроднѣ, а король Августъ II, захвативъ наши лучшіе 4 полка конницы, ускакалъ въ свою Саксонію.

Положеніе казалось безвыходнымъ: плѣненіе всѣхъ силъ нашихъ являлось до того неминуемымъ, что Петръ, не оставляя всѣми мѣрами войти въ сообщеніе съ Огильви, началъ, не теряя времени, формировать изъ остатковъ разныхъ отрядовъ кое-какіе полки, обучая рекрутъ самъ, въ Оршѣ; гдѣ завелъ свою временную квартиру. Весь февраль мѣсяцъ и первую половину марта геніальный царь томился въ этомъ тревожномъ состояніи. И тутъ-то, какъ послѣ нарвскаго дѣла, выказалась снова въ Петрѣ та несокрушимая энергія, которою отличался онъ отъ своего соперника Карла XII, всюду проявлявшаго, правда, личную стойкость и упорство, но быстроты въ изобрѣтеніи надежныхъ средствъ, въ опасную минуту, нигдѣ онъ на столько не выказывалъ. По крайней мѣрѣ, способный на отчаянныя предпріятія, герой шведскій, глубины и всеобъемлемости мысли Петра, ни на дѣлѣ, ни въ планахъ не показалъ. И это, по нашему мнѣнію, самое характерное отличіе соперниковъ-государей-воителей, проводитъ между ними до того рѣзкую параллель, что, примѣняя вытекавшія изъ нея положенія къ обстоятельствамъ и случаямъ, самый пристрастный наблюдатель могъ бы увидѣть, кого, рано или поздно, должна была увѣнчать побѣда?— во всякомъ случаѣ зависящая настолько же отъ предусмотрительности, какъ и отъ отваги.

Петръ въ горькую пору, какъ мы видѣли теперь, не терялъ головы и счастіе обратилось наконецъ къ нему лицомъ. Съ наступленіемъ морозовъ сообщеніе съ Гродно возстановилось, потому что Карлъ отошолъ нѣсколько въ сторону и отложилъ намѣреніе приступать къ городу, занятому нашей арміею. Между тѣмъ, саксонскаго генерала Шуленбурга, шведскій фельдмаршалъ Рейншильдъ разбилъ на-голову при Фрауштадтѣ (2-го февраля), гдѣ погибло много и изъ нашихъ полковъ, а остальные, въ числѣ 1600 человѣкъ, ушли въ Саксонію, въ которой собравъ ихъ, въ слѣдующемъ уже году, полковникъ Ренцель привелъ къ нашему войску черезъ Бранденбургъ, въ Люблинъ.

Вѣсть о потерѣ нашей тоже не могла не тронуть Петра, въ половинѣ марта пришедшаго къ Минску, съ обученными 6000 человѣкъ. Но, въ это время уже установились сообщенія съ Огильви. Потому, чувствуя себя изнемогающимъ отъ тревогъ, когда дѣло уже поправлялось, Петръ отдалъ войско въ начальство Меньшикову, а самъ, черезъ Торопецъ, поѣхалъ отдыхать отъ испытаннаго въ свой невскій *рай*—какъ называлъ онъ Петербургъ.

Встрѣтивъ пасху въ Нарвѣ, царь дѣйствительно отдохнулъ, апрѣль и май проведя въ своемъ невскомъ городѣ, гдѣ теперь (3-го мая) заложилъ первый каменный бастіонъ крѣпости, послѣдовательно получая пріятныя вѣсти.

Огильви вывелъ изъ Гродно арміи въ первый день пасхи и довелъ ихъ до Тыкоцина, когда Карлъ XII, узнавъ, что эта вѣрная добыча отъ него уходила, пустился въ погоню за ними, но, раздѣляемый разлившеюся Припетью, оставивъ безполезное преслѣдованіе, отъ Дубны двинулся на Волынь. Полу-

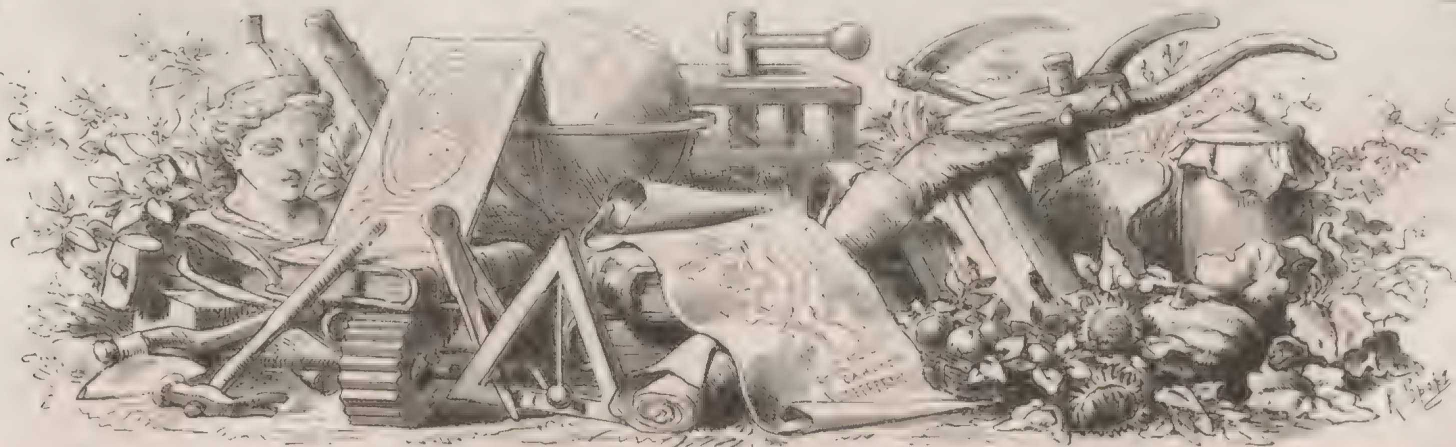

Рис. А. О. Адамовъ, грав. Ф. Герасимовъ.

Медали,

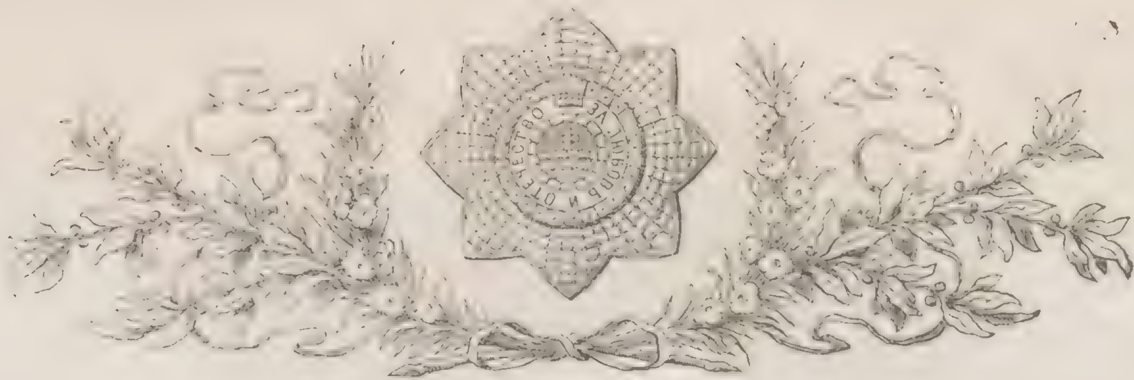
выбитыя въ честь важнѣйшихъ событій царствованія Петра Великаго.

Рис. А. О. Адамовъ, грав. Л. А.

Медали,

[illegible]

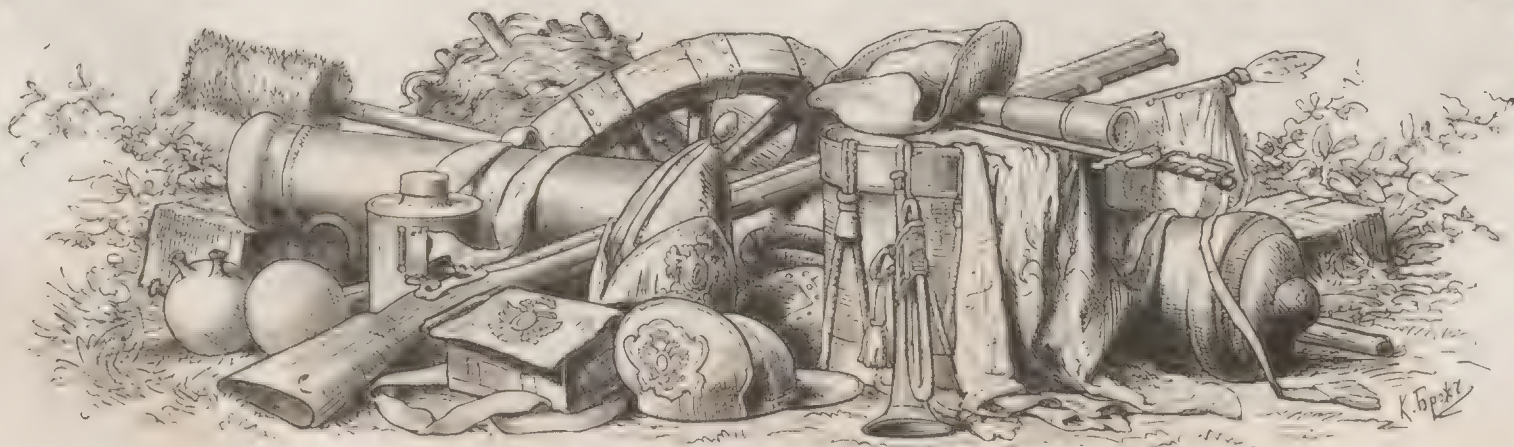

чивъ о томъ извѣщеніе отъ Меньшикова, Петръ, въ іюнѣ, черезъ Нарву, Псковъ и Великіе Луки, поѣхалъ на Смоленскъ, Могилевъ и Черниговъ,—къ Кіеву,—укрѣплять его, по случаю приближенія шведовъ съ юго-запада. Въ стройкѣ Печерской крѣпости, проведя цѣлые полтора мѣсяца (съ 4-го іюля по 20-е августа) въ Кіевѣ, узналъ Петръ о поворотѣ Карла XII изъ Волыни въ Саксонію и тотчасъ же самъ вторично поѣхалъ въ Петербургъ. Шведскій же король, уходя въ наслѣдственныя земли Августа II, оставилъ въ великой Польшѣ 6000 шведовъ, да 8000—9000 поляковъ партіи Станислава и своего генерала Мардефельда. И его, противъ воли короля Августа, разбилъ при Калишѣ (18-го октября) Меньшиковъ, находившійся вмѣстѣ съ саксонскою арміею въ то именно время, когда, видя опустошеніе своей земли, король—курфюрстъ саксонскій входилъ съ шведскимъ королемъ въ соглашеніе о мирѣ. Въ Петербургѣ, Петръ въ октябрѣ предпринялъ походъ къ Выборгу, но существеннаго, за неимѣніемъ осадной артиллеріи и морскихъ судовъ, кромѣ пожаровъ, ничего сдѣлать не могъ. Воротясь на берега Невы, и празднуя побѣду Меньшикова трехдневными пирами и иллюминаціей, царь, вслѣдъ за тѣмъ, получилъ вѣрное извѣстіе о предательствѣ Августа.

II.

XII.

КАРЛЪ XII ВЪ РОССІИ.

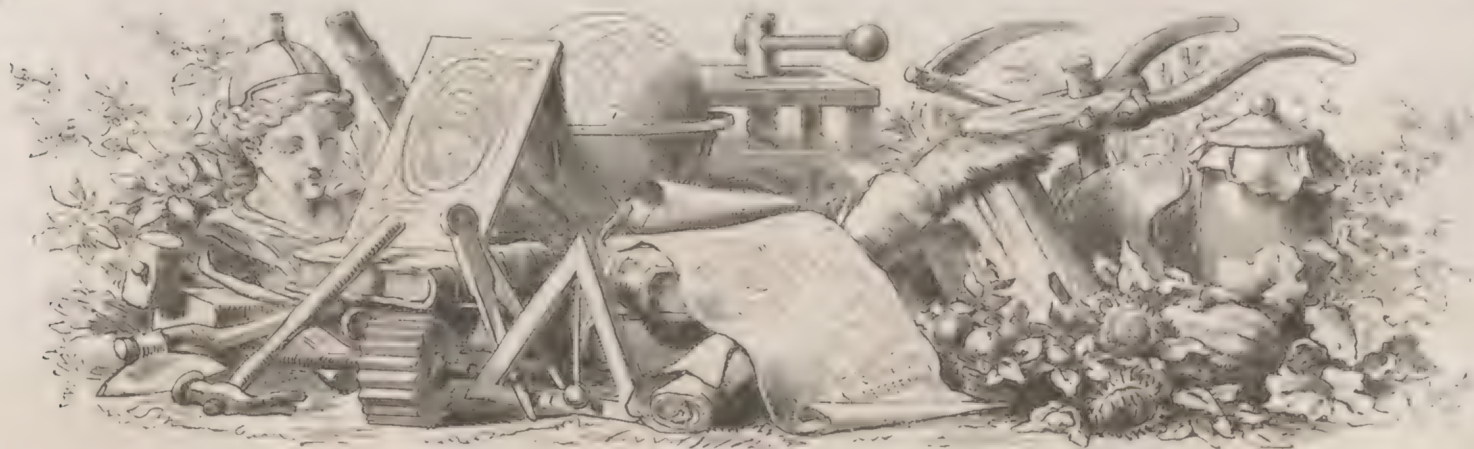
(1708—1709).

Миръ Августа II съ Швеціей въ Альтрандтѣ, далъ возможность Карлу XII обратить всѣ свои силы противъ единственнаго, остававшагося у него тогда, соперника,—Петра Великаго. Съ этой цѣлью, пополнивъ свою армію наборами, произведенными въ Саксоніи и Помераніи, и подкрѣпленіями изъ Швеціи, онъ двинулся, въ августѣ 1707 года, изъ владѣній курфюрста Саксонскаго, черезъ Польшу, въ Литву и остался здѣсь зимовать, предполагая съ наступленіемъ весны вторгнуться въ русскіе предѣлы.

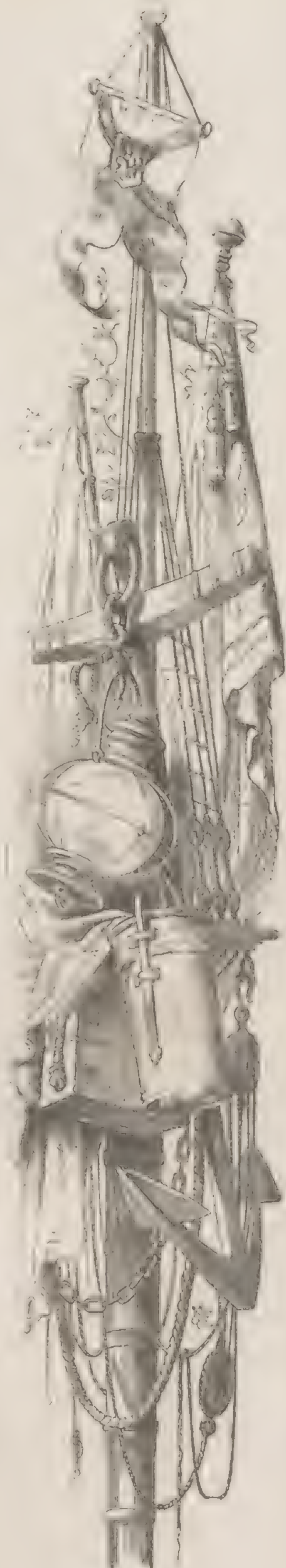

Россіи предстояло выдержать трудную борьбу. Ей грозилъ врагъ опасный, прославившійся своими побѣдами, искусствомъ и мужествомъ, уже давшій намъ почувствовать тяжесть своихъ ударовъ. Петръ Великій, сознавая очень хорошо всю важность наступавшей минуты, готовился къ ней съ необыкновенной дѣятельностью. Онъ спѣшилъ умножить войско и оборонительныя средства страны, приказалъ усилить укрѣпленія Смоленска, Пскова; подѣлать засѣки и перекопать дороги по западной границѣ нашей со стороны Литвы и Ливоніи; укрѣпить Копысь и Великіе Луки и даже—на случай неблагопріятнаго оборота войны,—Москву. Трудность борьбы съ страшнымъ врагомъ увеличилась еще внутренними смятеніями, волновавшими въ то время Россію. Едва былъ усмиренъ бунтъ Астраханцевъ, какъ вспыхнулъ мятежъ на Дону. Вмѣстѣ съ тѣмъ, до государя начали доходить слухи и доносы объ измѣнѣ малороссійскаго гетмана Мазепы; хотя Петръ и не хотѣлъ вѣрить имъ, но, къ сожалѣнію, они были справедливы. Престарѣлый гетманъ, побуждаемый чрезмѣрнымъ честолюбіемъ, дѣйствительно

вступилъ въ сношенія съ Карломъ XII и звалъ его въ Украйну, обѣщаясь присоединиться къ нему со всѣми казаками и заготовить для шведской арміи обильные запасы продовольствія въ малороссійскихъ крѣпостяхъ.

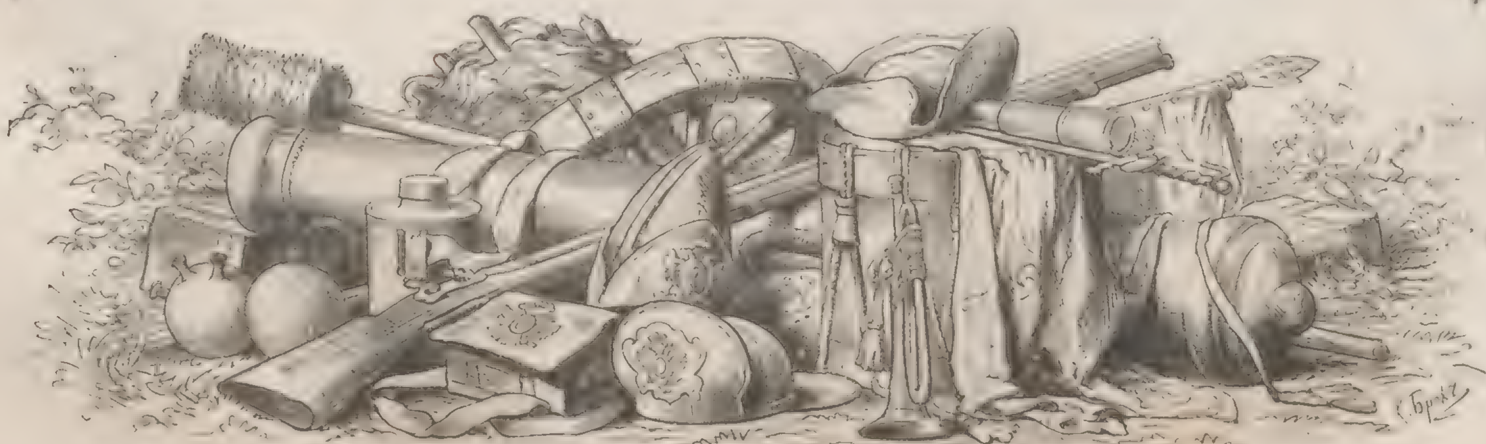
Петръ, искренно желая избавить свое государство отъ опустошенія, сопряжоннаго съ непріятельскимъ нашествіемъ, рѣшился было даже предложить Карлу XII миръ, соглашаясь возвратить всѣ свои завоеванія, за исключеніемъ лишь одной Ингріи. Но Карлъ XII отвергнулъ это предложеніе съ свойственнымъ ему высокомѣріемъ и заносчивостью. Онъ отвѣчалъ, что будетъ говорить о мирѣ только въ Москвѣ и, какъ бы въ подтвержденіе своихъ словъ, тогда же назначилъ генерала Шпарре московскимъ комендантомъ. Такимъ образомъ, рѣшительная борьба между двумя могущественными соперниками сдѣлалась неизбѣжною.

Армія, съ которой Карлъ XII располагалъ вторгнуться въ Россію и которая была сосредоточена въ окрестностяхъ Минска, простиралась до 35,000 человѣкъ. Около 15,000, подъ начальствомъ генерала Левенгаупта, находились въ Ригѣ; 15,000, подъ начальствомъ генерала Либекера, были собраны въ Финляндіи для дѣйствій противъ Петербурга; 8,000 оставались въ Польшѣ и до 25,000 занимали гарнизоны въ крѣпостяхъ Лифляндіи и Померанiи. Сверхъ того, въ самой Швеціи готовилось еще 20,000 резервовъ, такъ что общая численность шведскихъ войскъ доходила до 120.000 человѣкъ.

Въ семилѣтній періодъ времени отъ несчастной битвы подъ Нарвой, Петръ Великій не только завоевалъ и упрочилъ за собой область, для пріобрѣтенія которой началъ войну, но успѣлъ, не смотря на всевозможныя препятствія и трудности, создать регулярную армію, сильную уже не однимъ числомъ, но и устройствомъ, образовалъ для командованія ею, какъ мы можемъ судить по фактамъ, уже искусныхъ генераловъ, обучилъ и скрѣпилъ ее самой строгой дисциплиной, поднялъ ея духъ, вселилъ въ ней увѣренность и пріучилъ побѣждать врага, считавшагося до тѣхъ поръ непобѣдимымъ.

Но, во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ по устройству арміи, какъ и во всей своей военной дѣятельности, Петръ не былъ подражателемъ чужого. Его самобытный, геніальный умъ не подчинялся мелочнымъ правиламъ, которыми тогда было оковано военное искусство въ Европѣ. Въ стратегіи, тактикѣ, въ инженерномъ дѣлѣ, въ артиллеріи, въ администраціи, онъ былъ, въ полномъ смыслѣ слова, творцомъ, шолъ постоянно впереди своего времени, все самъ придумывалъ и почти все самъ исполнялъ. Великій полководецъ и великій администраторъ, Петръ положилъ незыблемое основаніе военному могуществу Россіи,—съ него начинается лѣтопись нашей военной славы, и величіе этой славы еще болѣе должно поразить насъ, когда открывается бѣдность средствъ, бывшихъ у Петра въ распоряженіи.

Силы, которыя Россія могла выставить противъ непріятеля, не превышали 90,000 человѣкъ. Изъ нихъ 60,000, составлявшіе главную армію, подъ начальствомъ фельдмаршала Шереметева, занимали квартиры на лѣвомъ бе-

регу Двины, отъ Чашниковъ до Лукомля, имѣя въ Борисовѣ на Березинѣ, для наблюденія за шведами, передовой отрядъ генерала Гольца. Около 20,000 находились въ Ингерманландіи, для защиты завоеванныхъ прибалтійскихъ провинцій, и 10,000 занимали гарнизоны въ Новгородѣ, Псковѣ, Смоленскѣ и Азовѣ.

Мѣсто, избранное Петромъ для расположенія нашей главной арміи, было весьма удачно. Находясь въ срединѣ между двумя путями, удобнѣйшими для наступленія Карла XII,—къ рѣкѣ Березинѣ и къ нижней Двинѣ, русская армія, въ случаѣ направленія шведовъ къ Березинѣ, могла предупредить ихъ фланговымъ движеніемъ влѣво въ окрестностяхъ Копыса; а въ случаѣ направленія къ Двинѣ, фланговымъ же движеніемъ — вправо, черезъ Полоцкъ.

7-го іюня 1708 года, Карлъ XII, дождавшись появленія подножныхъ кормовъ и захвативъ съ собою огромные обозы, двинулся изъ Минска къ Березинѣ, направляясь, повидимому, въ центръ Россіи. Въ то же время Левенгаупту было приказано идти на соединеніе съ королевскою арміею и взять съ собою всѣ военные запасы, присланные изъ Швеціи въ большомъ количествѣ, и, кромѣ того, столько провіанта, сколько можно будетъ собрать въ Лифляндіи и Курляндіи.

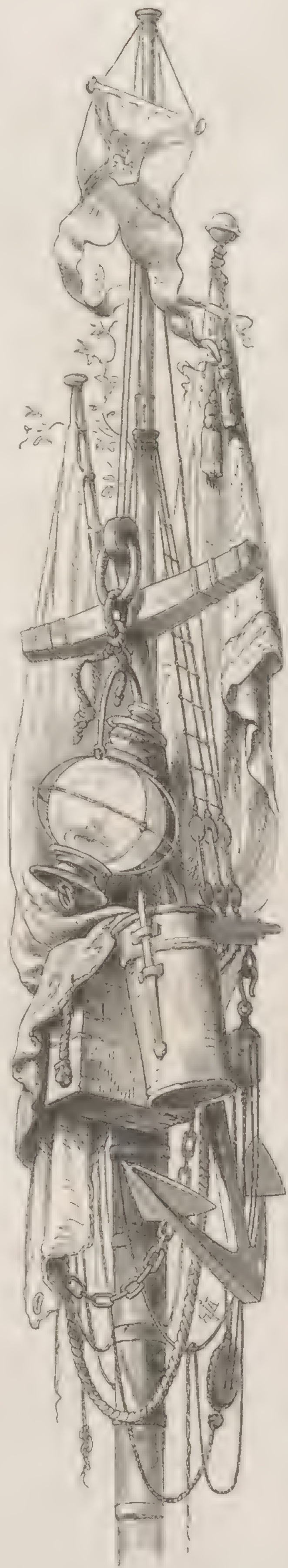
Такъ какъ переправа черезъ Березину у Борисова была защищена отрядомъ Гольца, то Карлъ XII повернулъ къ мѣстечку Березино и перешолъ здѣсь черезъ рѣку безъ препятствій. Главная армія наша, извѣщонная о движеніи непріятеля, поспѣшно направилась къ Копысу и оттуда, на встрѣчу шведамъ, къ мѣстечку Головчину. Прибывъ сюда, русскіе генералы, Шереметевъ и Репнинъ, заняли позицію, которая имѣла съ фронта болотистую рѣчку, а съ тылу лѣсъ. *Мѣстность* представляла такъ мало глубины, что едва была достаточна для одного только расположенія войскъ фронтомъ къ рѣкѣ, стѣсняя ихъ чрезвычайно и дѣлая даже совершенно невозможнымъ всякое движеніе. Тѣмъ не менѣе, наши генералы остались въ этой позиціи, не смотря на приближеніе шведской арміи, питая неосновательную надежду, что болота передъ фронтомъ непроходимы въ бродъ. Карлъ XII, обрадованный возможностью вступить въ сраженіе съ главными русскими силами, 3-го іюля, на разсвѣтѣ, перешолъ съ пѣхотой, подъ покровительствомъ сильныхъ батарей, болото, прямо противъ промежутка между войсками Шереметева и Репнина, и стремительно ударилъ на правый флангъ послѣдняго. Поражаемые съ фронта артиллеріей и аттакованные съ фланга, войска Репнина были опрокинуты въ лѣсъ, находившійся въ тылу ихъ и при этомъ потеряли до 1500 человѣкъ. Войска же Шереметева, по тѣснотѣ мѣстности и вмѣстѣ съ тѣмъ по недостатку искусства маневрировать, не могли принять участія въ дѣлѣ и также отступили. Къ счастью, лѣсистая мѣстность препятствовала Карлу XII преслѣдовать нашу армію и она безъ дальнѣйшихъ потерь отошла за Днѣпръ.

Пораженіе при Головчинѣ побудило Петра, находившагося въ Петер

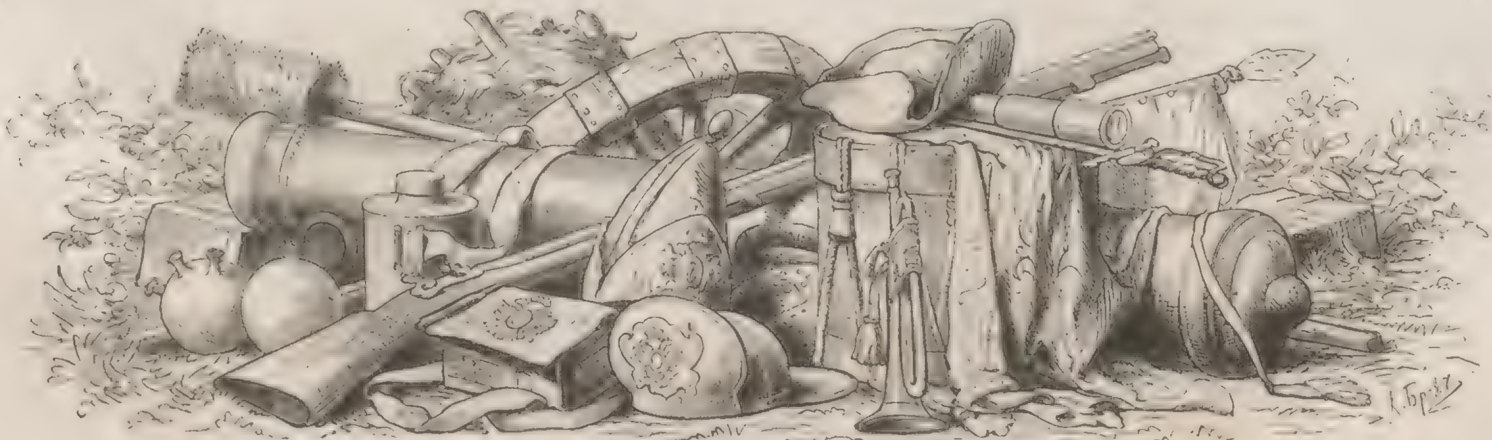

бургѣ, поспѣшить къ арміи. Съ пріѣздомъ его, образъ веденія войны измѣнился. Онъ приказалъ русскимъ генераламъ избѣгать рѣшительнаго боя со шведами, но стараться удерживать ихъ на переправахъ и крѣпкихъ позиціяхъ. А тамъ, гдѣ представится вѣрный случай, нападать съ превосходными силами на части шведской арміи, которыя будутъ удалены отъ главныхъ силъ; окружать непріятеля съ боковъ и тылу легкими отрядами и, ведя дѣятельную партизанскую войну, не только ослаблять и утомлять противника, но, въ особенности затруднять способы продовольствія его войска; жителямъ же мѣстностей, лежавшихъ на пути наступленія шведовъ, было велѣно, съ приближеніемъ ихъ, уходить въ лѣса со всѣми стадами и запасами, зарывъ въ землю все, что не будутъ въ силахъ они взять съ собою.

Такой способъ дѣйствій, въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, былъ, можетъ быть, самымъ вѣрнымъ и единственнымъ средствомъ къ успѣху. Онъ согласовался и съ военнымъ образованіемъ нашей арміи, еще далеко уступавшей шведамъ въ тактическомъ отношеніи, но уже привыкшей къ малой войнѣ; также какъ со свойствами театра борьбы—лѣсистаго и малонаселеннаго. Эта тактика, прибавимъ наконецъ, представлялась особенно выгодною, вслѣдствіе той системы наступленія, которой держался шведскій король. Избалованный счастіемъ, увѣренный въ превосходствѣ своихъ войскъ, Карлъ XII весь успѣхъ войны основывалъ на выигрышѣ сраженій, да на отважности и внезапности предпріятій. Онъ не устраивалъ никогда въ тылу арміи ни базиса, ни магазиновъ, не обезпечивалъ сообщеній съ пройденнымъ краемъ и, потому, при образѣ дѣйствій, принятомъ Петромъ, затрудненія въ продовольствіи шведской арміи не только увеличивались съ каждымъ переходомъ, но должны были неминуемо довести ее до крайняго недостатка въ провіантскихъ и военныхъ припасахъ.

Послѣ дѣла при Головчинѣ, Карлъ XII занялъ Могилевъ и, простоявъ тамъ около трехъ недѣль въ нетерпѣливомъ ожиданіи Левенгаупта, рѣшился продолжать наступленіе. Переправившись черезъ Днѣпръ, онъ двинулся сперва къ рѣкѣ Сожѣ, а потомъ вверхъ по лѣвому ея берегу, къ Смоленску.

Во время этого движенія, наши кавалерійскіе отряды, согласно приказаніямъ Петра, постоянно тревожили непріятеля съ фланговъ, а главная армія, отступая, портила дороги, уничтожала мосты и опустошала край. Уклоняясь такимъ образомъ отъ рѣшительнаго сраженія, она не упускала, однакожъ, случая къ выгодному переходу во временное наступленіе. Подобный случай представился при селѣ Добромъ, гдѣ Карлъ XII занялъ растянутую позицію, такъ что часть его войска, подъ начальствомъ генерала Росса, находилась на значительномъ разстояніи отъ главныхъ силъ. Петръ Великій незамедлилъ извлечь пользу изъ неосторожности непріятеля. Онъ поручилъ князю Голицыну сдѣлать нечаянное нападеніе на отрядъ Росса. Выступивъ изъ лагеря ночью, Голицынъ скрытно перебрался черезъ болото и на разсвѣтѣ неожиданно аттаковалъ шведовъ. Послѣ упорнаго боя, войска Росса были опрокинуты съ большимъ урономъ и только прибытіе

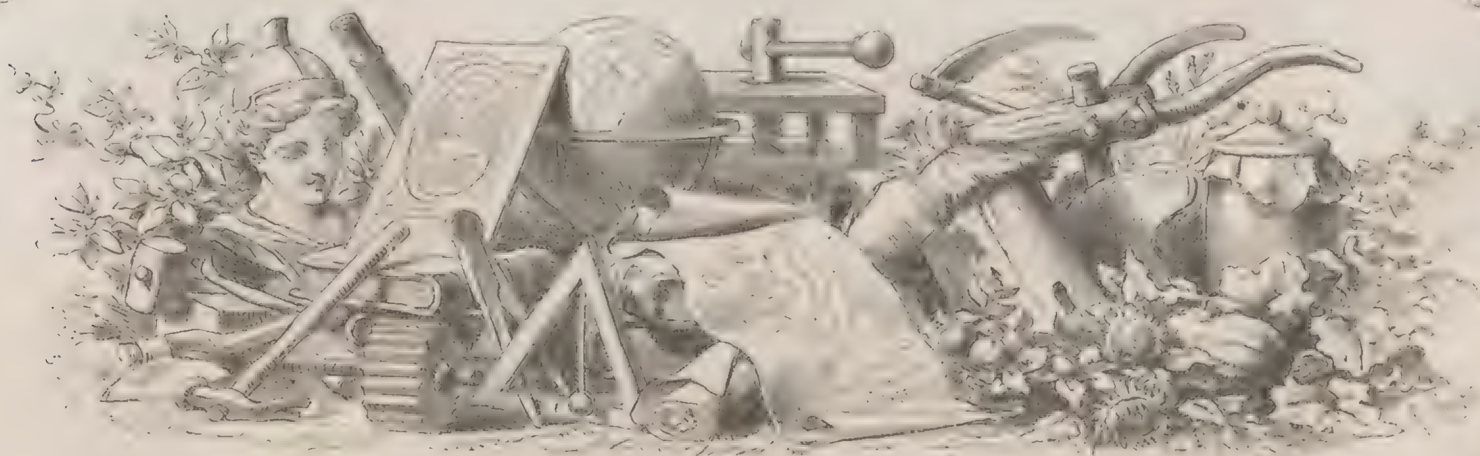

самого короля съ подкрѣпленіемъ спасло ихъ отъ совершеннаго пораженія.

Эта, одержанная надъ непріятелемъ, поверхность изгладила впечатлѣніе неудачнаго Головчинскаго боя, но неизмѣнила общаго хода дѣйствій. Главныя силы нашей арміи продолжали по прежнему идти вслѣдъ за Карломъ XII, который 9-го сентября переправился черезъ рѣку Сожу и рѣшительно поворотилъ въ Украйну и Малороссію. Положеніе его становилось весьма затруднительнымъ. Настигнуть и разбить Петра не предвидѣлось надежды; Левенгауптъ не давалъ о себѣ никакихъ извѣстій; запасы, которые съ такимъ трудомъ везла шведская армія, приходили къ концу; край былъ совершенно опустошонъ. Движеніе далѣе къ Смоленску не представляло королю выгодъ, но, напротивъ, поставило бы его армію еще въ большее затрудненіе. Между тѣмъ, Мазепа, тревожимый опасеніемъ, что Петръ скоро можетъ узнать о его преступныхъ замыслахъ, упрашивалъ Карла XII поспѣшить въ Малороссію. Въ такомъ крайнемъ положеніи, шведскіе генералы убѣждали короля отступить къ Могилеву, дождаться тамъ Левенгаупта и потомъ уже идти со всѣми силами въ Малороссію. Это казалось тѣмъ необходимѣе, что не только продовольствія, но и боевыхъ запасовъ уже оставалось въ шведской арміи не много, а пополнить ихъ въ Украйнѣ было нельзя; одинъ Левенгауптъ могъ ихъ доставить. Неизвѣстно, почему Карлъ XII не послѣдовалъ совѣту своихъ генераловъ. Простоявъ пять дней въ Старишахъ, онъ обратился къ югу, перешолъ въ Кричевѣ черезъ рѣку Сожъ и двинулся въ Украйну, неожидая присоединенія Левенгаупта. Семь дней сряду шла армія Карла XII по дремучимъ лѣсамъ, на протяженіи восьмидесяти верстъ, претерпѣвая величайшія лишенія. Запасы истощились совершенно; солдаты питались только мясомъ, безъ хлѣба и соли; даже для питья не находили они годной воды, а доставали ее изъ болотъ и мховъ. Не смотря на желѣзную дисциплину и геройское самоотверженіе шведской арміи, она, тѣмъ не менѣе, страдала и приходила въ разстройство отъ этихъ трудовъ и лишеній. Достигнувъ рѣки Ипути, Карлъ XII остановился въ мѣстечкѣ Костеничахъ. Онъ все еще поджидалъ Левенгаупта.

Но геніальный противникъ шведскаго короля уже постигъ его ошибку и готовилъ ему неотразимый ударъ. Какъ только Петръ убѣдился, что Карлъ XII дѣйствительно направляется въ Украйну, тотчасъ же приказалъ генералу Инфланду съ отрядомъ драгунъ опередить шведовъ и, предупреждая ихъ на всѣхъ пунктахъ, уничтожать всѣ средства къ продовольствію и замедляя ихъ движеніе. Генералу же Боуру съ 5,000 конницы приказано слѣдовать въ тылу за непріятельскою арміей, а фельдмаршалу Шереметеву съ главными силами идти лѣвѣе ея, прикрывая предѣлы Россіи.

Дѣйствуя противъ главныхъ силъ Карла по прежней системѣ, Петръ Великій въ тоже время предпринялъ самыя рѣшительныя мѣры относительно Левенгаупта, о приближеніи котораго къ Днѣпру онъ получилъ тогда положительныя извѣстія. Царь понималъ, что разбитіе Левенгаупта и уничто-

Съ гравюры Шлея, рис. И. Ф. Борель, грав. Э. Даммюллеръ.

Камень „Громъ“,

естественное подножіе для фальконетовой группы Петра I, въ томъ видѣ, какъ найденъ онъ близъ Лахты.

Съ гравюры Шлея, рис. И. Ф. Борель, грав. Э. Даммюллеръ.

ОБДѢЛКА КАМНЯ „ГРОМА“ У ЛАХТЫ.

Рис. К. Брожъ, грав. Л. А. Спряковъ.

ПАМЯТНИКЪ ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ НА ПЛОЩАДИ Г. ПОЛТАВЫ.

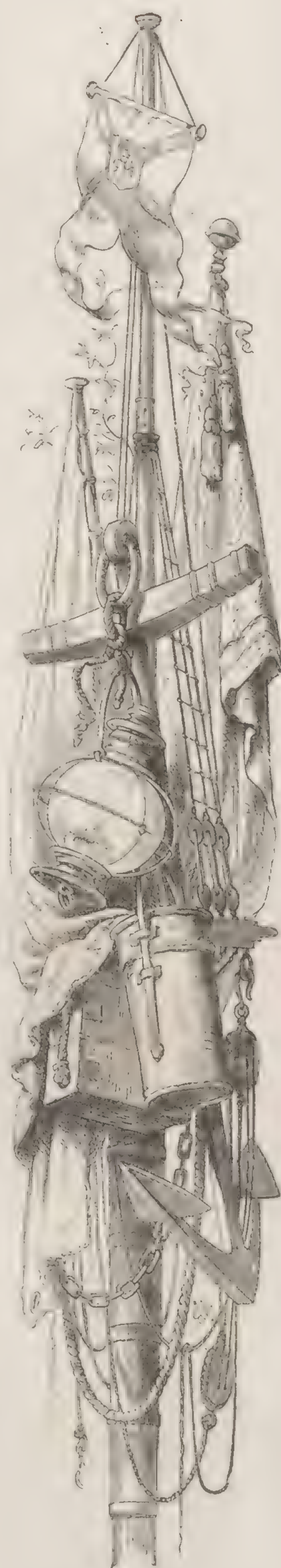

Осмотръ камня „Грома" Императрицею Екатериною II

и передвиженіе его отъ Лахты къ Петербургу.

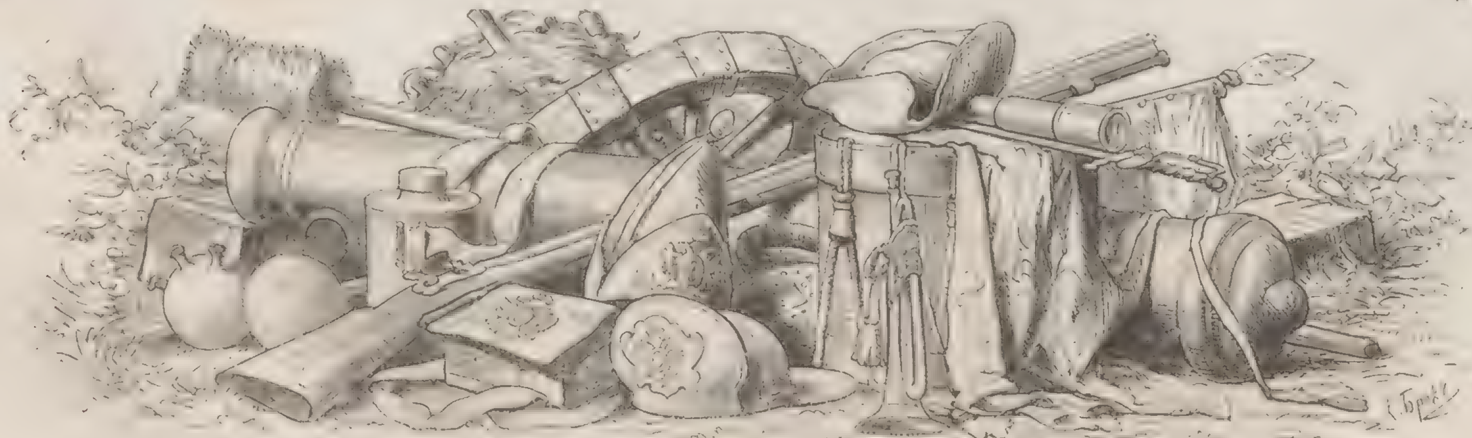

женіе транспортовъ, которые онъ везъ, будутъ для шведской арміи ударомъ не менѣе чувствительнымъ, какъ и пораженіе въ генеральномъ сраженіи. А, между тѣмъ, дѣйствія противъ Левенгаупта, безъ всякаго сравненія, были легче, чѣмъ противъ самого короля и обѣщали вѣрный успѣхъ. У Карла находилось еще 30,000 человѣкъ подъ ружьемъ, а корпусъ Левенгаупта заключалъ только 15,000. По имѣвшимся же тогда свѣдѣніямъ царь считалъ его даже не сильнѣе 8,000.

Предпріятіе противъ Левенгаупта было такъ важно, что исполненіе его Петръ принялъ на себя и, взявъ 10 баталіоновъ и 10 драгунскихъ полковъ (около 5,000 пѣхоты и 7,000 кавалеріи), выступилъ 15-го сентября изъ Соболева, гдѣ тогда стояла главная русская армія. Для облегченія и ускоренія марша, войска этаго отряда пошли безъ обозовъ, съ одними вьюками, а вся пѣхота была посажена на лошадей.

Въ то время, когда Петръ Великій двинулся изъ Соболева, Левенгауптъ съ своимъ корпусомъ и съ транспортомъ изъ 7,000 повозокъ выступилъ изъ Череи. Имѣя приказаніе Карла XII идти на Пропойскъ, онъ направился къ Шклову и 22-го числа перешолъ тамъ Днѣпръ. Чтобъ избѣжать встрѣчи съ Петромъ, Левенгауптъ подослалъ къ нему ложнаго проводника, который увѣрилъ государя, что шведскій генералъ еще далеко за Днѣпромъ и повелъ русскій отрядъ на Оршу. Къ счастію, Петръ Великій встрѣтилъ на пути шляхтича, бывшаго личнымъ свидѣтелемъ переправы шведскаго корпуса и положительно знавшаго, что Левенгауптъ направляется къ Пропойску. Государь приказалъ повѣсить подосланнаго непріятелемъ проводника и форсированными переходами устремился за Левенгауптомъ. Благодаря мѣрамъ, принятымъ Петромъ, войска наши дѣлали эти переходы нисколько не утомляясь, тогда какъ Левенгауптъ, затрудненный обозами, шолъ весьма медленно; 25-го сентября шведскій арріергардъ уже былъ настигнутъ нашими передовыми войсками. Только теперь узналъ Петръ Великій, что противникъ его имѣлъ подъ ружьемъ не восемь, а пятнадцать тысячъ человѣкъ и что, слѣдовательно, нельзя уже расчитывать на несомнѣнность успѣха надъ нимъ. Поэтому государь призналъ за лучшее отложить нападеніе, чтобы имѣть время усилить свой отрядъ. Ближе всѣхъ къ нему находился тогда Боуръ, назначенный, какъ уже сказано, преслѣдовать Карла XII съ тыла. Петръ послалъ Боуру приказаніе немедленно идти съ восемью драгунскими полками на соединеніе съ нимъ, а остальную кавалерію, подъ начальствомъ бригадира Фастмана, направить къ Пропойску, по лѣвому берегу рѣки Сожи, чтобы на переправѣ отрѣзать непріятелю отступленіе. На собранномъ государемъ военномъ совѣтѣ было опредѣлено: ожидать Боура два дня; если же онъ не подойдетъ по истеченіи этаго времени, то, не смотря на неравенство силъ, аттаковать непріятеля, чтобъ не перепустить его черезъ р. Сожъ. Назначенные два дня прошли. Между тѣмъ, Левенгауптъ, задерживая своимъ арріергардомъ наши войска, успѣлъ отступить до деревни Лѣсной, а

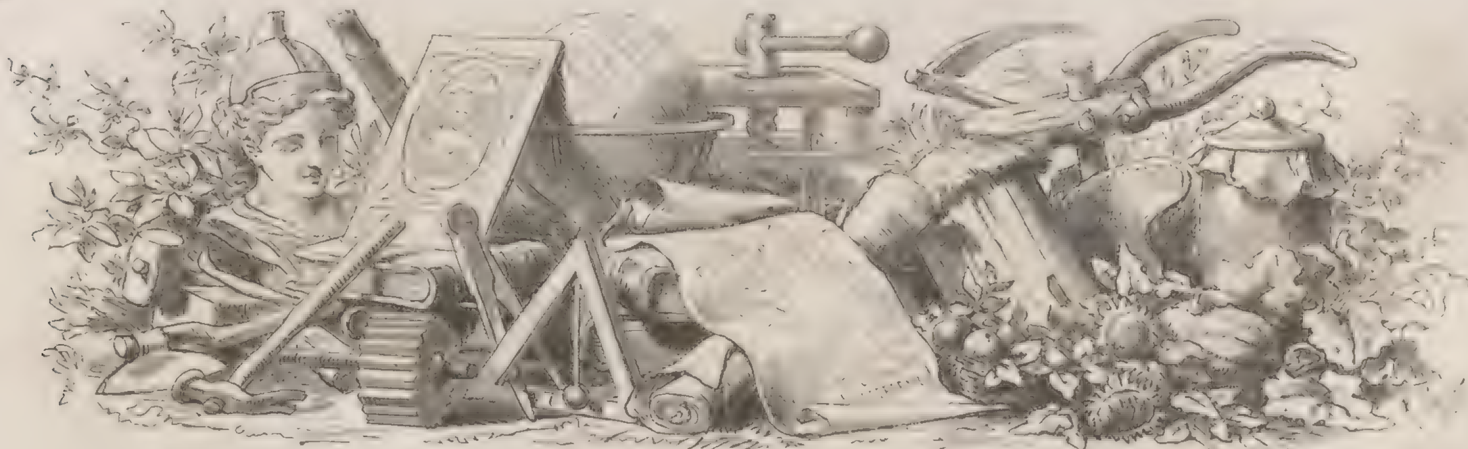
авангардъ его уже достигъ Пропойска. О Боурѣ государь еще не имѣлъ извѣстій, но, согласно предположенію, состоявшемуся на военномъ совѣтѣ, рѣшился аттаковать непріятеля. Рѣшимость эта была основана на вѣрномъ расчотѣ. Отложивъ нападеніе, Петръ могъ дать непріятелю возможность переправить обозы черезъ Сожъ и уйти на соединеніе съ Карломъ XII; аттакуя же его тотчасъ, въ случаѣ успѣха, государь достигалъ цѣли необыкновенно важной. А въ случаѣ неудачи, не подвергался большому пораженію; потому что Левенгауптъ, связанный обозами, не могъ бы его преслѣдовать и, отбивъ аттаку, долженъ былъ бы продолжать движеніе къ Пропойску.

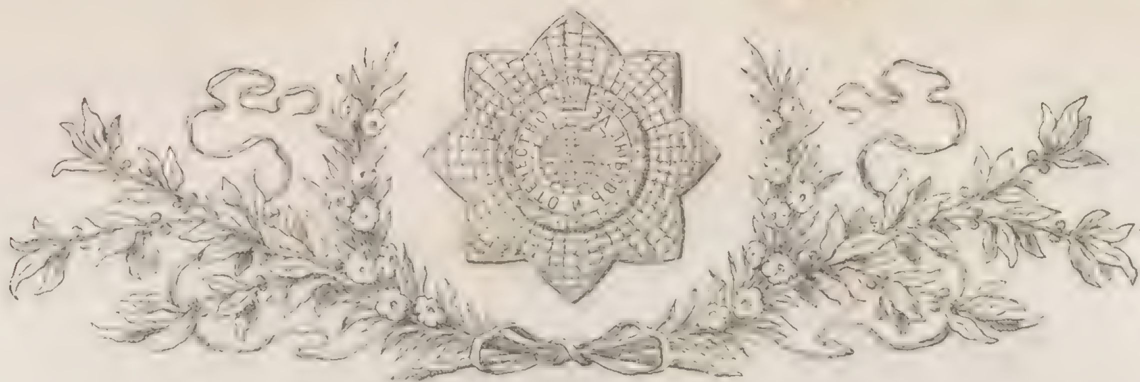
Рано утромъ, 28-го сентября, Петръ Великій повелъ свой отрядъ къ деревнѣ Лѣсной. Войска наши шли въ двухъ колоннахъ, по узкимъ дорогамъ, во многихъ мѣстахъ перерѣзаннымъ болотистыми ручьями. Вся пѣхота и большая часть драгунскихъ полковъ были спѣшены.

Между тѣмъ, Левенгауптъ въ эту же ночь получилъ извѣстіе отъ своего авангарда, что мостъ въ Пропойскѣ уничтоженъ и что на противуположномъ берегу Сожи видны значительныя силы русскихъ,—то былъ отрядъ Фастмана. Шведскій генералъ тотчасъ же отрядилъ часть войска для подкрѣпленія своего авангарда и послалъ къ Пропойску половину транспорта. Замѣтивъ въ тоже время наступленіе войскъ, предводимыхъ царемъ, онъ расположилъ остальныя повозки (около 3,000) вагенбургомъ впереди д. Лѣсной, тыломъ къ рѣчкѣ Лѣснянкѣ, вывелъ войска изъ лагеря и занялъ частью ихъ лѣсъ, который находился передъ его позиціей; а остальныя поставилъ въ резервѣ позади лѣса.

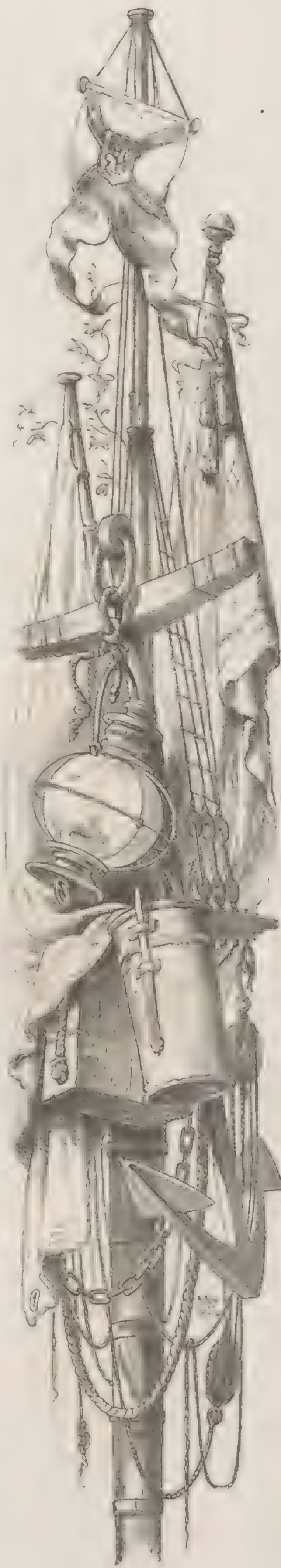
Около полудня, главные полки лѣвой колонны русскихъ войскъ, Ингерманландскій пѣхотный и Невскій драгунскій, приближаясь къ лѣсу, были встрѣчены непріятелемъ. Пользуясь численнымъ превосходствомъ, шведы, обогнувъ правый флангъ Ингерманландскаго полка, начали сильно тѣснить его; но государь самъ привелъ на подкрѣпленіе аттакованныхъ правую колонну, во главѣ которой шли оба гвардейскіе полка. Подкрѣпивъ Ингерманландцевъ, они, въ свою очередь, ударили непріятелю во флангъ и въ безпорядкѣ прогнали его въ лѣсъ, овладѣвъ при этомъ двумя пушками. Левенгауптъ отступилъ на позицію, выбранную имъ на полѣ, впереди лагеря, а Петръ Великій, построивъ войска, снова повелъ ихъ въ аттаку. Упорный бой продолжался до трехъ часовъ; успѣхъ долго склонялся то на ту, то на другую сторону; наконецъ, шведы были опрокинуты и отступили въ свой лагерь, потерявъ еще восемь орудій. Въ это самое время Петръ Великій получилъ извѣстіе о приближеніи Боура и, до соединенія съ нимъ, остановилъ наступленіе. Шведы также ожидали подкрѣпленій. Левенгауптъ, при самомъ началѣ сраженія, послалъ приказаніе вернуться войскамъ, которыя утромъ были отправлены къ Пропойску.

Обѣ стороны, утомленныя боемъ, въ теченіе двухъ часовъ стояли одна противъ другой, на разстояніи пушечнаго выстрѣла, въ совершенномъ без-

дѣйствіи. Но, въ пять часовъ пополудни прибылъ наконецъ Боуръ и выстроился на лѣвомъ флангѣ нашихъ войскъ. Тогда государь перевелъ два полка драгунъ для подкрѣпленія праваго своего фланга и возобновилъ аттаку. Шведы сопротивлялись съ отчаяннымъ упорствомъ, но не могли отбить нападенія. Войска наши ударили въ штыки и весь лѣвый флангъ шведовъ, на который Петръ преимущественно устремлялъ усилія, былъ опрокинутъ. Мостъ на Лѣснянкѣ и дорога въ Пропойскъ—единственный путь отступленія шведовъ,—находился во власти нашихъ войскъ. Левенгауптъ ввелъ въ дѣло послѣдній резервъ, только что прибывшій изъ Пропойска. Съ помощью его онъ успѣлъ очистить дорогу, но уже былъ не въ силахъ возстановить сраженія. Разбитыя войска его укрѣпились въ Вагенбургѣ, уступивъ побѣдителямъ весь свой лагерь. Настала ночь и пошолъ густой снѣгъ съ сильнымъ вѣтромъ, принудившимъ Петра прекратить преслѣдованіе въ лѣсу. Наши войска ночевали на полѣ битвы, гдѣ кому пришлось.

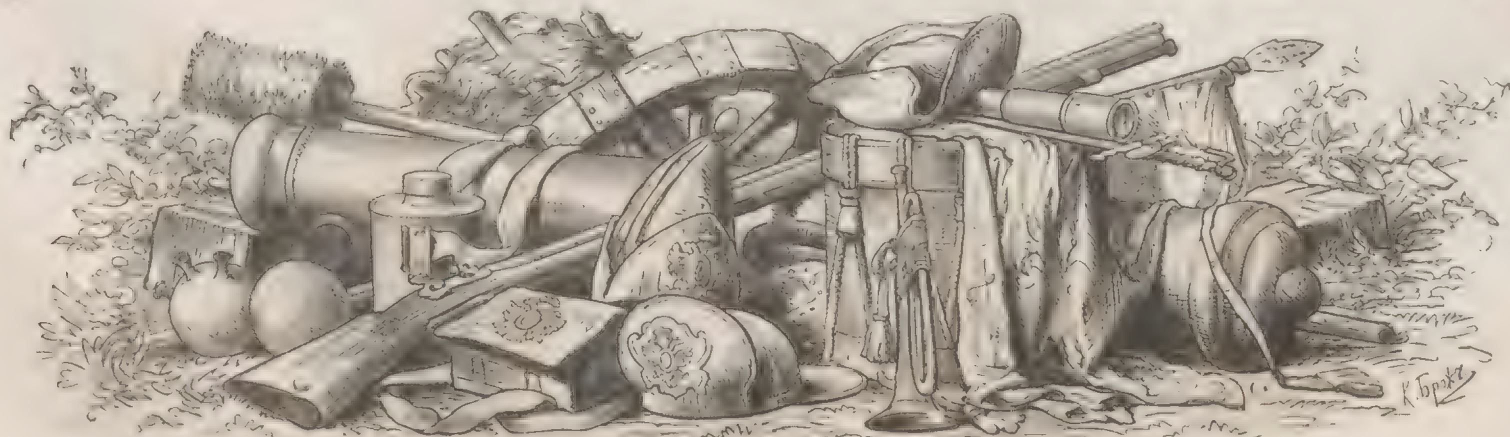
Съ разсвѣтомъ, государь отправилъ генерала Флуга преслѣдовать шведовъ, съ нѣсколькими полками. Не доходя до Пропойска, онъ настигъ и разбилъ непріятельскій аррьергардъ, истребивъ до 500 челов.

Въ сраженіи при Лѣсномъ, наши войска лишились около 1100 человѣкъ убитыми и до 3000 ранеными. Шведы потеряли въ самомъ сраженіи и при отступленіи болѣе 9000 ч., всю артиллерію (17 орудій), множество знаменъ и штандартовъ и весь обозъ, потеря котораго имѣла пагубное вліяніе на всѣ дальнѣйшія дѣйствія Карла XII.

Но не въ одной разницѣ потерь заключалась важность побѣды, одержанной Петромъ Великимъ. Это было первое сраженіе, въ которомъ войска наши явились въ полной мѣрѣ заслуживающими названія регулярныхъ и производили, подъ непріятельскимъ огнемъ, движенія и маневры, сохраняя совершенный порядокъ. Наконецъ, подъ Лѣсной солдаты наши, въ первый разъ сражаясь со шведами въ равномъ числѣ, одолѣли ихъ. Успѣхъ этотъ вселилъ въ русскихъ войскахъ самоувѣренность, лишивъ непріятеля прежней самонадѣянности. Петръ Великій справедливо назвалъ битву подъ Лѣсной «матерью Полтавской побѣды». Онъ постановилъ ежегодно праздновать ея воспоминаніе и наградилъ всѣхъ участвовавшихъ въ сраженіи особыми медалями съ надписью: «достойному достойное».

Левенгауптъ, съ остатками своего корпуса настигъ Карла XII на дорогѣ отъ Ипути къ Стародубу. Вмѣсто сильнаго подкрѣпленія и военныхъ припасовъ, которыхъ ожидалъ и въ которыхъ такъ нуждался шведскій король, Левенгауптъ привелъ съ собою не болѣе 6000 человѣкъ, утомленныхъ трудами, изнуренныхъ голодомъ и упавшихъ духомъ.

Дальнѣйшее движеніе Карла XII въ Украйну было лишь продолженіемъ испытанныхъ имъ бѣдствій. Повѣривъ обѣщаніямъ Мазепы, онъ надѣялся найти въ Малороссіи обильные запасы провіанта для войска и встрѣтить полное сочувствіе со стороны населенія; но жители Украйны, не

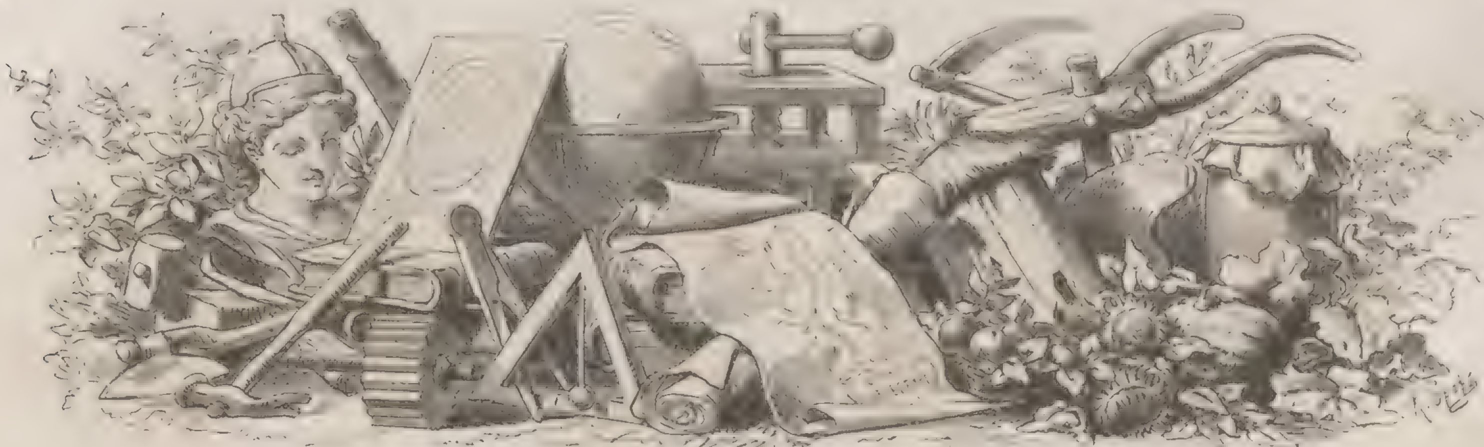
смотря на внушенія гетмана, остались преданными русскому государю. Съ приближеніемъ шведовъ, они оставляли свои жилища, угоняя скотъ и увозя или уничтожая продовольственные запасы.

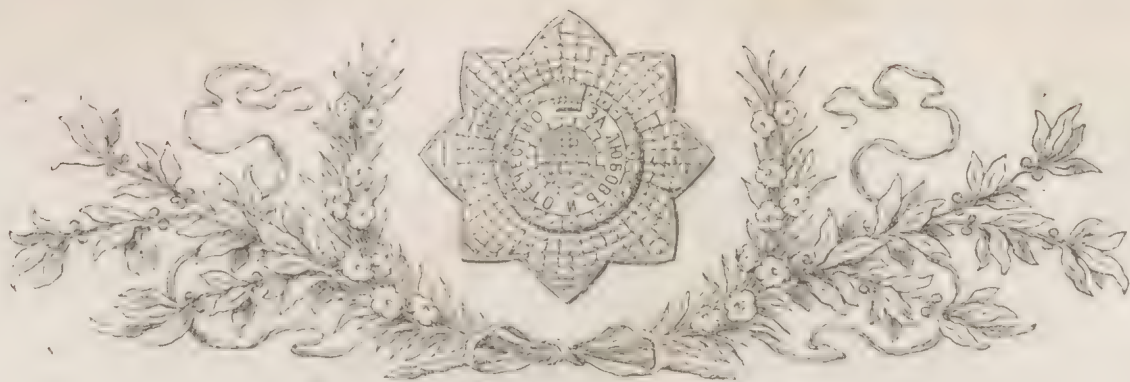
Поведеніе украинцевъ, пораженіе Левенгаупта и затруднительное положеніе главной шведской арміи, показали Мазепѣ всю ошибочность его разсчетовъ. Онъ началъ было колебаться въ своихъ намѣреніяхъ и думалъ даже отказаться отъ связей съ Карломъ XII; но, разсудивъ, что измѣнническіе замыслы его не могутъ уже быть скрыты отъ Петра Великаго и, рано или поздно, повлекутъ за собой заслуженное возмездіе,—рѣшился на послѣдній шагъ. Оставя въ Батуринѣ сильный гарнизонъ подъ начальствомъ преданныхъ ему людей, Мазепа съ 5000 казаковъ двинулся на встрѣчу шведамъ и присоединился къ ихъ арміи.

Получивъ положительное извѣстіе объ измѣнѣ Мазепы, въ с. Погребки, Петръ Великій тотчасъ, усмотрѣвъ важность занятія Батурина до прихода туда Карла XII, собралъ военный совѣтъ, на которомъ и рѣшено Меньшикову съ сильнымъ отрядомъ поспѣшно идти къ Батурину и овладѣть имъ во что бы то ни стало. Меньшиковъ, подойдя къ Батурину, 2-го ноября взялъ его приступомъ, сжогъ и разорилъ до основанія. Эти быстрыя и рѣшительныя дѣйствія доставили намъ значительныя выгоды. Взятіе Батурина лишило Карла XII важнаго опорнаго пункта, снабжоннаго большими запасами провіанта и удержало въ покорности нѣкоторыхъ украинскихъ полковниковъ, которые въ тайнѣ сочувствовали планамъ Мазепы.

Карлъ XII, приблизившись къ Батурину и найдя вмѣсто него однѣ дымившіяся развалины, былъ вынужденъ, по необходимости, углубиться еще далѣе въ южную Украйну. Въ исходѣ ноября, онъ достигъ Роменъ и Гадяча и нашолъ здѣсь, наконецъ, магазины, заготовленные сообщниками Мазепы. Расположивъ армію на зимнія квартиры въ окрестностяхъ этихъ городовъ, король шведскій намѣревался дать своимъ утомленнымъ и изнуреннымъ войскамъ необходимый для нихъ отдыхъ. Но Петръ Великій, зорко слѣдившій за непріятелемъ, придвинулъ наши главныя силы къ Лебедяни и занялъ сильными отрядами Полтаву, Нѣжинъ и Миргородъ; такъ что шведы были съ трехъ сторонъ окружены нашими войсками, которыя безпрестанно тревожили ихъ внезапными нападеніями и не давали имъ покоя. Это принуждало шведовъ сосредоточиваться и производить движенія, большею частью, гибельныя для нихъ. Къ довершенію бѣдствій непріятеля, зима стояла необыкновенно жестокая. Даже наши войска, снабжонныя теплою одеждою и всѣми запасами, терпѣли отъ стужи; для шведовъ же, нуждавшихся въ одеждѣ и въ обуви, она была невыносима и породила среди ихъ большую смертность.

Съ приближеніемъ весны 1709 года, Карлъ XII, опасаясь, чтобъ разлитіе рѣкъ не раздѣлило его армію, сосредоточилъ ее между Псломъ и Ворсклою. Трудный походъ 1708 года и суровая зима, проведенная въ безпрерывныхъ тревогахъ и передвиженіяхъ, значительно уменьшили силы

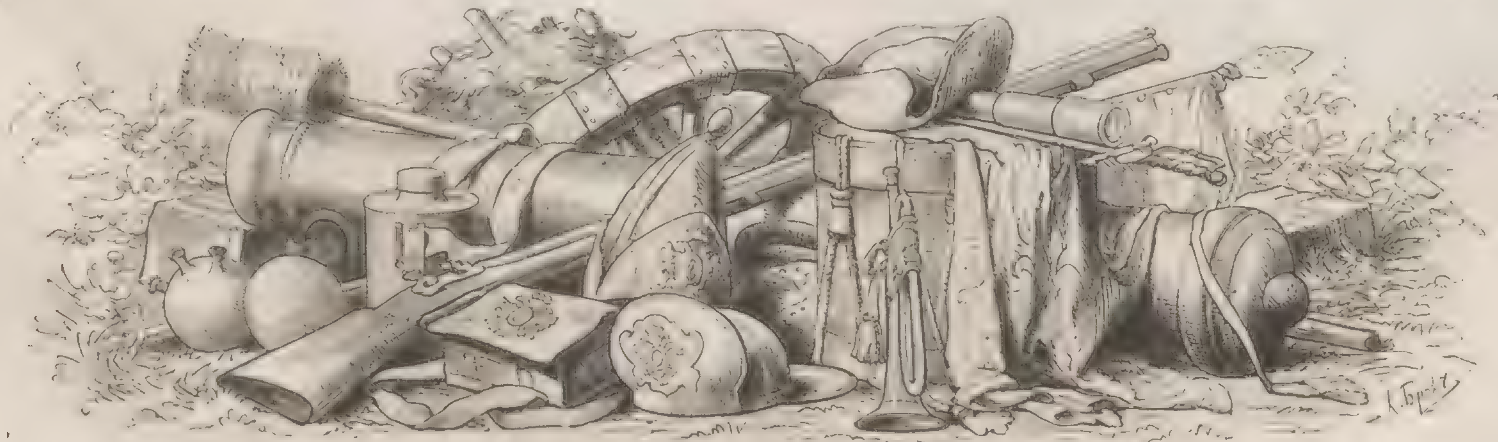

шведской армiи. Надежды Карла XII на возмущенiе въ Малороссiи не сбылись: только запорожцы, увлеченные обѣщанiями Мазепы, присоединились къ шведамъ; но нестройныя и буйныя толпы ихъ не могли принести королю большой пользы. При томъ же, шведская армiя нуждалась не въ однихъ людяхъ,—ей угрожалъ недостатокъ въ огнестрѣльныхъ и прочихъ военныхъ припасахъ, истощенiе которыхъ должно было вскорѣ лишить ее послѣдней возможности продолжать войну. Зимою, Карлъ XII надѣялся еще на помощь Турцiи,—которую всячески побуждалъ къ объявленiю войны Россiи,—на прибытiе, оставленныхъ имъ въ Польшѣ, войскъ генерала Крассова и на содѣйствiе короля польскаго Станислава Лещинскаго. Но и эти надежды исчезали мало по малу. Турцiя не склонялась на происки шведскихъ эмиссаровъ, а Лещинскiй и генералъ Крассовъ были удержаны въ Польшѣ внутренними смутами, волновавшими эту страну и успѣшнымъ дѣйствiемъ посланнаго туда Петромъ съ особымъ отрядомъ, еще осенью 1708 года, фельдмаршала-лейтенанта Гольца, у Ледухова разбившаго Сапегу.

Карлу XII оставалось теперь только два способа улучшить, хоть временно, свое затруднительное положенiе: или побѣдить главную русскую армiю въ рѣшительномъ сраженiи, или, овладѣвъ какой нибудь сильной крѣпостью въ Малороссiи,—которая могла бы служить выгоднымъ опорнымъ пунктомъ для шведскихъ войскъ,—держаться въ Украйнѣ до тѣхъ поръ, пока къ нему не явятся на помощь или турки, или Станиславъ Лещинскiй. Въ этихъ видахъ, Карлъ рѣшился обратить всѣ усилiя свои на находившуюся близъ мѣста расположенiя шведской армiи крѣпость Полтаву. Можетъ быть, онъ надѣялся осадою этого важнаго для русскихъ пункта заставить Петра принять генеральное сраженiе.

Полтава лежитъ на правомъ, высокомъ и крутомъ берегу рѣки Ворсклы, въ которую съ лѣвой стороны, противъ города, впадаетъ рѣчка Коломакъ. Обѣ рѣки, сливаясь, образуютъ множество рукавовъ, протекающихъ по широкой низменной долинѣ, покрытой непроходимыми болотами; вслѣдствiе чего сообщенiе крѣпости съ лѣвымъ берегомъ Ворсклы было весьма затруднительно. Укрѣпленiя Полтавы, построенныя для защиты города отъ набѣговъ татаръ, заключались только въ земляномъ валу съ деревянною одеждою и палисадами. Впрочемъ, по приказанiю Петра, они были наскоро исправлены и усилены наружными пристройками, какiя оказалось возможнымъ сдѣлать въ теченiе зимы. Гарнизонъ крѣпости состоялъ изъ 5 баталiоновъ регулярныхъ войскъ и 2.500 вооруженныхъ гражданъ, подъ начальствомъ храбраго и распорядительнаго полковника Келлина (назначеннаго сюда комендантомъ въ ноябрѣ 1708 г.).

Въ исходѣ апрѣля 1709 года, шведская армiя начала стягиваться къ Полтавѣ и обложила ее съ праваго берега Ворсклы. Въ тоже время, на лѣвый берегъ рѣки прибылъ Меньшиковъ съ частью нашей главной армiи. Онъ успѣлъ усилить гарнизонъ города, пославъ Алексѣя Алексѣевича Го-

ловина привести 900 человѣкъ въ Полтаву; но шведы, построивъ противъ переправы укрѣпленія, прервали всякое сообщеніе между осажденными и нашими полками.

Извѣстіе о средоточеніи шведской арміи подъ Полтавою, было получено Петромъ Великимъ въ Троицкомъ портѣ на Азовскомъ морѣ; гдѣ онъ усиленно хлопоталъ надъ вооруженіемъ флота, на случай разрыва съ Турціей. Государь тотчасъ же послалъ приказаніе фельдмаршалу Шереметеву, стоявшему въ окрестностяхъ Миргорода, соединиться съ Меньшиковымъ и употребить всѣ средства для спасенія Полтавы. Шереметевъ перешолъ чрезъ Пселъ и Ворсклу и въ первыхъ числахъ мая расположился съ главными силами лагеремъ у селенія Крутой Берегъ, въ виду Полтавы. Чтобы открыть сообщеніе съ крѣпостью, онъ распорядился устроить черезъ болота подступы изъ фашинъ и насыпной земли. Но работы шли очень медленно, а шведы, пользуясь временемъ, успѣли уже довести свои траншеи до контръ-эскарпа главнаго вала и нѣсколько разъ покушались штурмовать крѣпость.

Іюня 4-го, къ арміи пріѣхалъ государь. Увидѣвъ опасное положеніе Полтавы, Петръ приказалъ ускорить начатыя на берегу Ворсклы работы и для ободренія осажденныхъ открылъ съ ними сношенія посредствомъ пустыхъ бомбъ, въ которыя вкладывались записки. Съ цѣлью отвлечь вниманіе непріятеля отъ крѣпости, были посланы на фланги и въ тылъ шведской арміи значительные отряды. Одинъ изъ нихъ столкнулся за Ворсклой съ шведскою конницей, предводимой самимъ королемъ. Въ завязавшейся при этомъ перестрѣлкѣ, Карлъ XII получилъ тяжолую рану пулей въ ногу, лишившую его возможности руководить военными дѣйствіями съ прежней энергіей.

Однако, всѣ усилія государя достигнуть сообщенія съ Полтавой посредствомъ подступовъ оказались безуспѣшными. Непроходимыя топи и укрѣпленія, выстроенныя шведами, дѣлали наши полевыя работы напрасными. Между тѣмъ, положеніе осажденной крѣпости ухудшалось съ каждымъ днемъ; силы ея защитниковъ слабѣли и въ ней уже началъ чувствоваться недостатокъ въ порохѣ и снарядахъ.

Взятіе непріятелемъ Полтавы и истребленіе ея храбраго гарнизона въ виду всей русской арміи, могло произвести самое невыгодное для насъ впечатлѣніе на умы населенія Малороссіи, вредно повліять на духъ войска и, кромѣ того, ободривъ шведовъ, давало бы имъ возможность на долго удержаться въ Украйнѣ. Спасти Полтаву было необходимо и единственнымъ средствомъ для этого представлялось только генеральное сраженіе. Девять лѣтъ сряду Петръ Великій уклонялся отъ встрѣчи съ своимъ опаснымъ соперникомъ, но теперь рѣшился принять вызовъ. Рѣшеніе государя основывалось на вѣрномъ расчотѣ, всегда отличавшемъ его стратегическіе планы. Шведская армія была значительно ослаблена благоразумными дѣйствіями Петра въ предшествовавшую компанію. Потерпѣвъ пораженіе въ

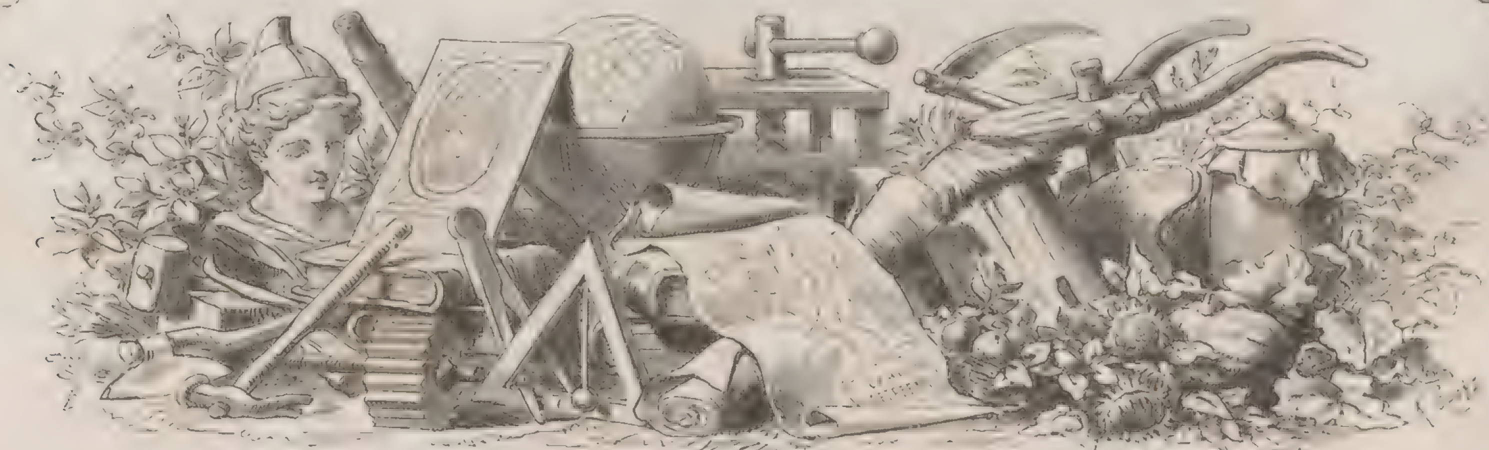

Рис. на дер. А. Коллучи, грав. К. Вейерманъ.

Памятникъ Петру Великому въ С.-Петербургѣ,

построенный Фальконетомъ и открытый 7 августа 1782 года.

Рис. Ос. Май, грав. Л. А. Спряковъ

Памятникъ Петру Великому въ г. Воронежѣ.

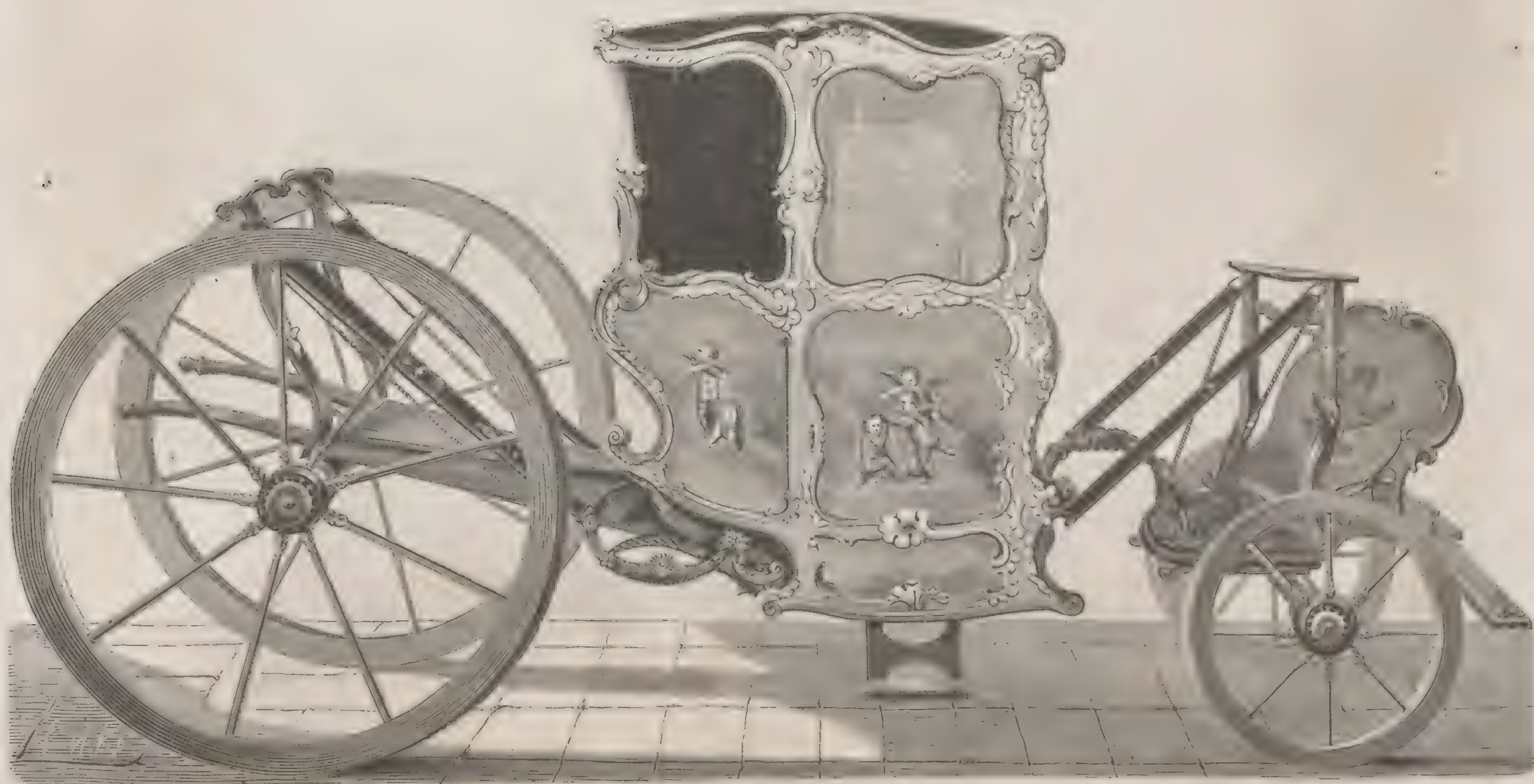
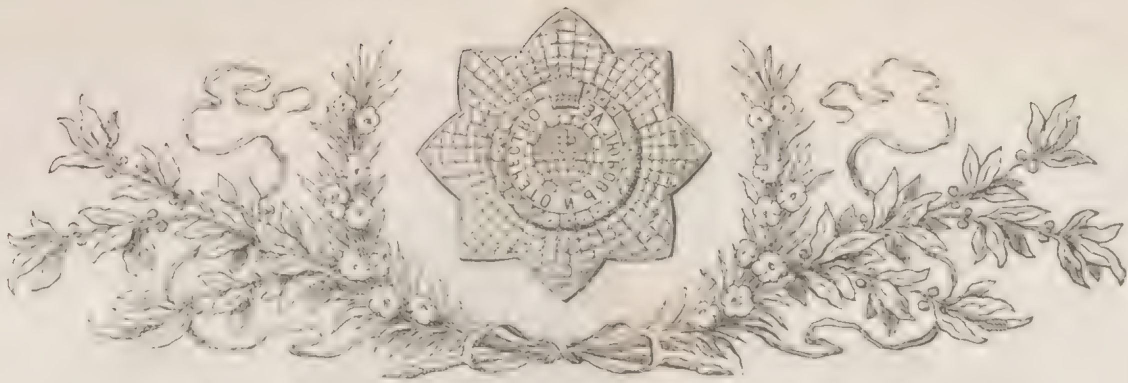

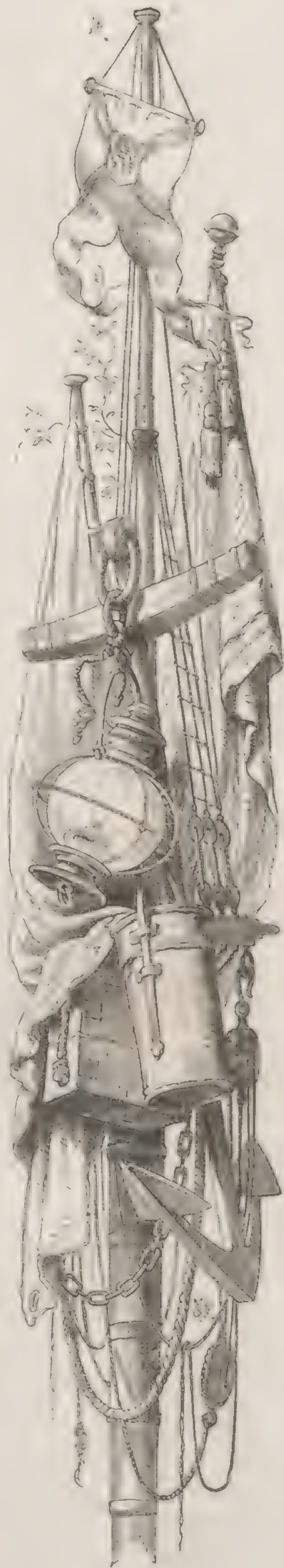
Рис. Г. Липсбергъ, грав. Л. А. Спряковъ.

Карета Петра Великаго,

находящаяся въ Петровскомъ цейхгаузѣ, въ г. Воронежѣ.

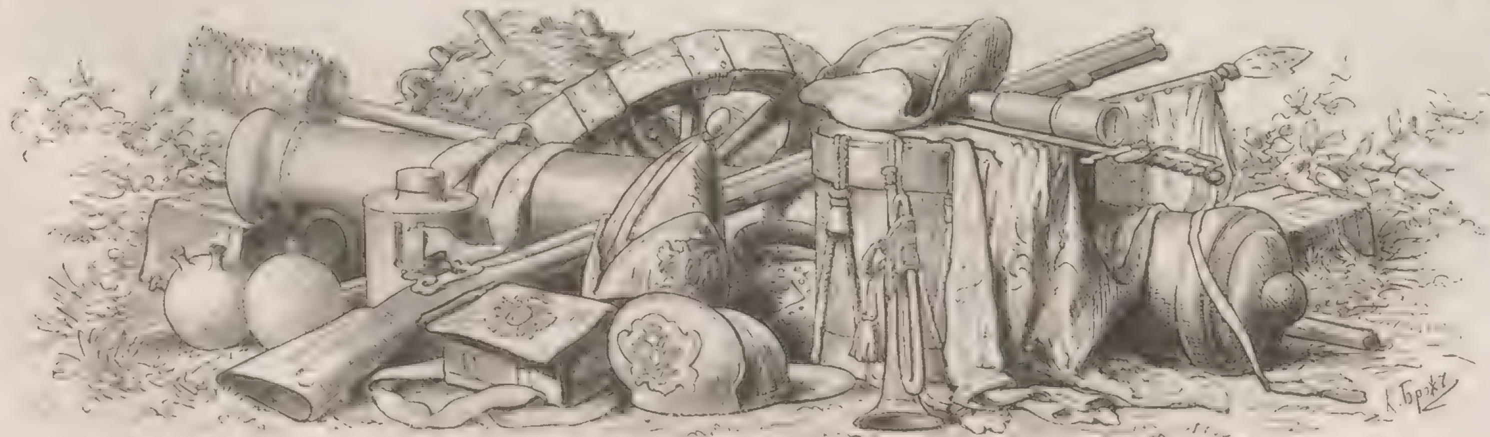

нѣсколькихъ частныхъ битвахъ, изнуренная трудами, она уже лишилась той нравственной силы, которая одушевляла ее при началѣ войны съ Россіей. Напротивъ того, русская армія, совсѣмъ не превышавшая численностью шведскую, пріобрѣла, благодаря безпрерывнымъ удачамъ, самоувѣренность и стойкость и въ сраженіи при Лѣсной доказала уже, что можетъ состязаться съ противникомъ, даже въ тактическомъ отношеніи. Такимъ образомъ, вѣроятность успѣха явно была на нашей сторонѣ. Однако, несмотря на это, Петръ Великій, отваживаясь на рѣшительную битву, готовился къ ней съ чрезвычайной осторожностью; обдумывалъ каждый шагъ свой и принималъ всѣ мѣры, чтобъ усилить себя еще болѣе. Съ этой цѣлью онъ послалъ приказаніе гетману Скоропадскому, находившемуся съ казаками за рѣкою Псломъ, присоединиться къ арміи и, сверхъ того, ожидалъ 30000 калмыковъ, шедшихъ изъ приволжскихъ степей, вслѣдствіе договора, заключоннаго съ ихъ ханомъ Аюкою. Означенныя подкрѣпленія должны были подойти къ 29 іюня,—дню тезоименитства государя. Этотъ день Петръ и избралъ для рѣшительной битвы.

Извѣстивъ полтавскій гарнизонъ о своихъ намѣреніяхъ, государь перешолъ 20-го іюня черезъ Ворсклу выше Полтавы, близъ Черняхова, и расположился въ укрѣпленномъ лагерѣ у деревни Семеновки, въ восьми верстахъ отъ крѣпости.

Переправа русскихъ войскъ черезъ Ворсклу, обнаружившая готовность Петра вступить въ генеральное сраженіе, обрадовала Карла XII. Онъ рѣшился самъ аттаковать нашу армію, но прежде хотѣлъ овладѣть Полтавой. Въ теченіе двухъ дней 22 и 23 чиселъ, шведы штурмовали городъ и нѣсколько разъ врывались въ него; но мужественный гарнизонъ и жители, истощая послѣднія усилія, отразили всѣ нападенія непріятеля и принудили его отступить съ большими потерями.

Петръ Великій, опасаясь, чтобъ шведы новымъ приступомъ не овладѣли крѣпостью, 25-го іюня подвинулся еще на три версты ближе къ Полтавѣ, чѣмъ сдѣлалъ возобновленіе штурма невозможнымъ, или, по крайней мѣрѣ, весьма опаснымъ. Лагерь, въ которомъ теперь расположилась русская армія, былъ прислоненъ тыломъ къ крутому берегу рѣки Ворсклы: съ правой стороны его находилась глубокая лощина, а съ лѣвой—густой лѣсъ, перерѣзанный крутыми оврагами. Передъ фронтомъ лагеря, версты на двѣ, простиралась открытая долина; она оканчивалась отлогимъ спускомъ къ лѣсу, замыкавшему ее съ западной стороны; между этимъ лѣсомъ и тѣмъ, который находился на лѣвомъ флангѣ лагеря, оставался промежутокъ около версты шириною: тутъ пролегалъ путь къ Полтавѣ и непріятельскому стану. Петръ Великій приказалъ преградить это пространство шестью редутами, построенными въ разстояніи ружейнаго выстрѣла одинъ отъ другаго. Редуты эти были заняты двумя баталіонами пѣхоты, а за ними расположились семнадцать полковъ конницы. Остальная пѣхота, въ числѣ пятидесяти шести баталіоновъ, заняла укрѣпленный

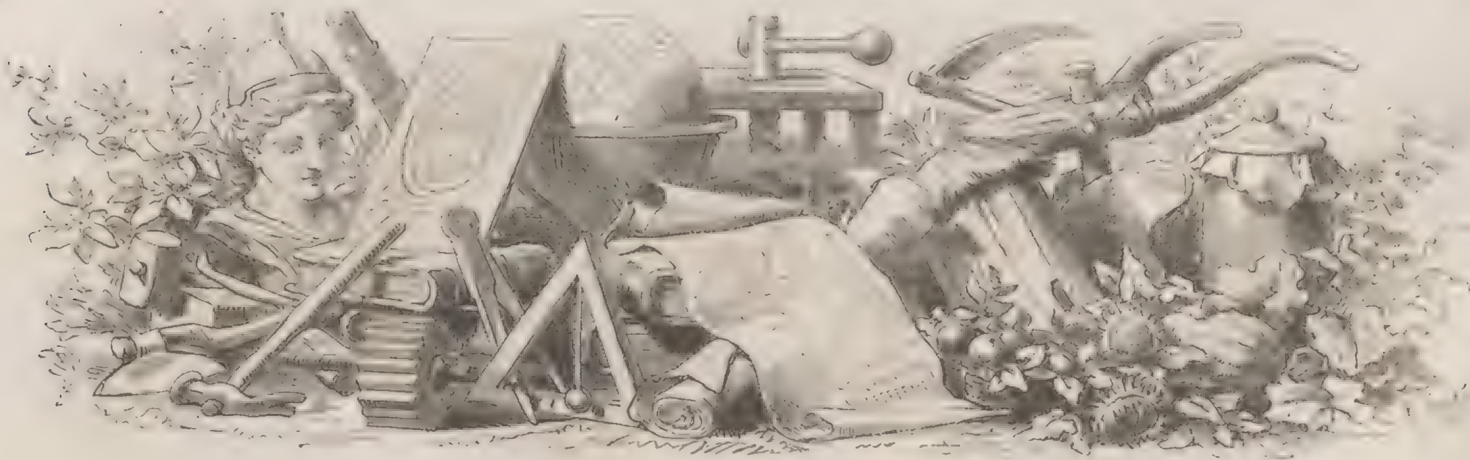

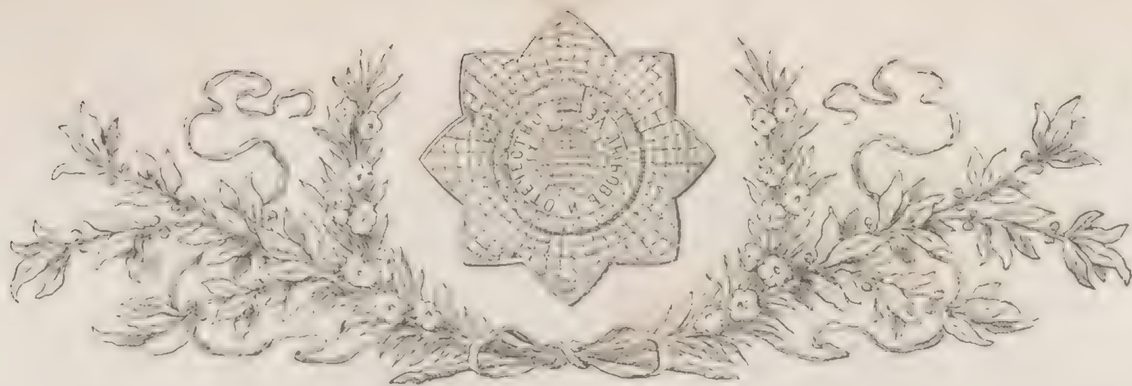
лагерь. Все количество нашихъ войскъ простиралось до 46500 человѣкъ, при 72 орудіяхъ.

Карлъ XII, узнавъ, что наша армія ожидаетъ сильныхъ подкрѣпленій, рѣшился предупредить ее сильнымъ нападеніемъ. Іюня 27-го, въ два часа утра онъ двинулъ корпусъ въ 25000 человѣкъ къ русскому лагерю. При шведскихъ войскахъ находилось всего только четыре пушки, а прочая артиллерія, по недостатку пороха, была оставлена въ траншеяхъ, занятыхъ запорожцами и двумя баталіонами шведской пѣхоты. Карлъ еще страдалъ отъ раны и немогъ сидѣть на лошади; его везли въ качалкѣ, запряженной двумя лошадьми. Спокойный, даже веселый, Карлъ объѣзжалъ свои войска, разговаривалъ съ офицерами и солдатами, напоминалъ имъ Нарву и шутя приглашалъ на пиръ въ шатры царя Московскаго.

Между тѣмъ и наша армія, извѣщонная о наступленіи непріятеля, стала подъ ружье. Петръ также объѣзжалъ полки, собиралъ офицеровъ, напоминалъ имъ долгъ ихъ и отдавалъ приказанія генераламъ. Солдатамъ былъ прочитанъ царскій приказъ, замѣчательный по глубинѣ чувствъ и торжественной простотѣ выраженія. «Воины»—говорилъ государь,—«пришолъ часъ, который рѣшитъ судьбу отечества. Вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство Петру врученное, за родъ свой, за отечество, за православную нашу вѣру и церковь. Не должна васъ смущать слава непобѣдимости непріятеля, которой ложь вы доказали не разъ своими побѣдами. Имѣйте въ сраженіи передъ собою правду и Бога защитника вашего, а о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога; жила бы только Россія въ славѣ и благоденствіи, для благосостоянія вашего».

Въ четыре часа утра, шведскія колонны, приблизившись къ нашимъ передовымъ редутамъ, аттаковали ихъ и расположенные за ними драгунскіе полки. Послѣ весьма упорнаго боя, наша кавалерія отступила къ главному лагерю. Шведы, пройдя между редутами, стремительно бросились за нею, но встрѣченные сильнымъ картечнымъ огнемъ изо всѣхъ орудій, стоявшихъ на нашихъ редутахъ, должны были поспѣшно и въ разстройствѣ удалиться къ опушкѣ лѣса, лежавшаго передъ фронтомъ нашей позиціи. Здѣсь они начали строиться въ боевой порядокъ, готовясь возобновить нападеніе, но при поспѣшномъ отступленіи шведской арміи, часть ея праваго фланга, состоявшая изъ шести баталіоновъ и десяти эскадроновъ, подъ начальствомъ генерала Росса, неизвѣстно по какимъ причинамъ, не послѣдовала за прочими войсками и осталась за редутами. Петръ Великій, замѣтивъ это, тотчасъ же приказалъ Меньшикову и Ренцелю съ пятью баталіонами и пятью драгунскими полками аттаковать Росса. Меньшиковъ быстрою аттакою почти совершенно уничтожилъ непріятельскій отрядъ: слабые остатки его искали спасенія въ Полтавскомъ лагерѣ, но настигнутые и здѣсь посланнымъ Меньшиковымъ генераломъ Ренцелемъ съ пѣхотой, были принуждены положить оружіе.

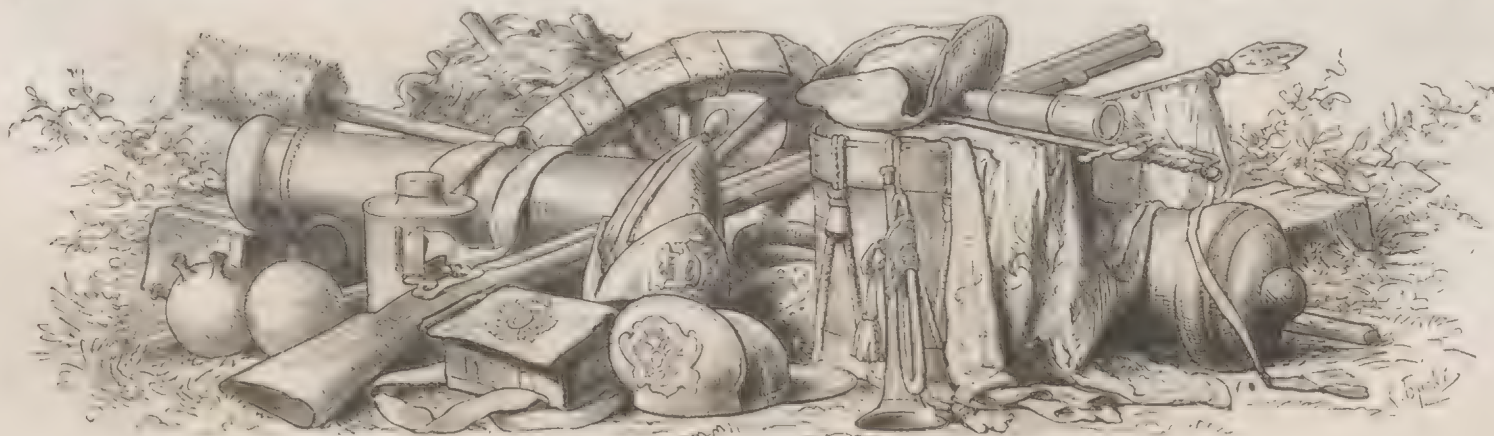
Между тѣмъ, Петръ Великій, рѣшившись предупредить нападеніе шведской арміи, вывелъ свои войска изъ укрѣпленнаго лагеря и, построивъ ихъ въ двѣ линіи, двинулъ противъ непріятеля.

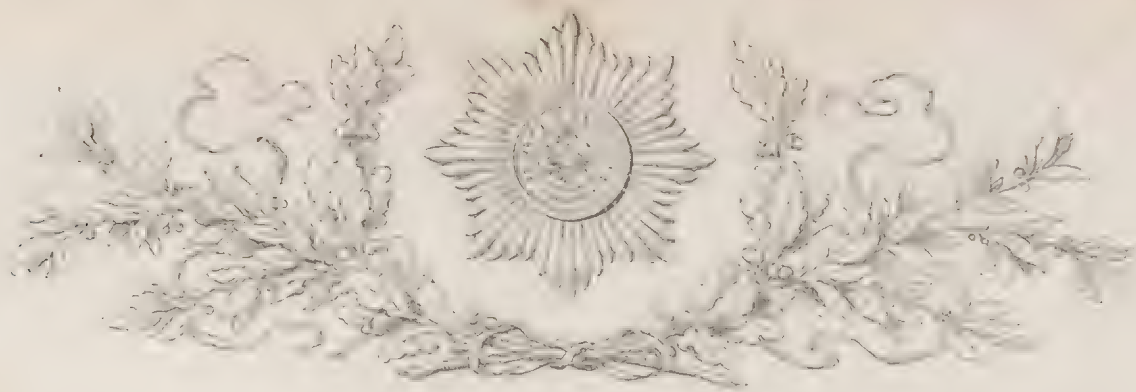
Въ девять часовъ, обѣ арміи сошлись на дистанцію близкаго ружейнаго выстрѣла и по всей линіи открылся убійственный огонь. Правый флангъ шведовъ, одушевленный присутствіемъ короля, яростно устремился на нашу пѣхоту лѣваго фланга, опрокинулъ первую линію и образовалъ въ ней промежутокъ. Явная опасность грозила этому пункту; но Петръ Великій явился на немъ съ баталіонами второй линіи, сомкнулъ разорванные ряды нашихъ войскъ и лично повелъ ихъ впередъ. Непріятельскія пули осыпали его: одна пробила шляпу, другая попала въ орчакъ сѣдла, третья ударила въ грудь царя; но, къ счастію, ее удержалъ надѣтый на немъ крестъ съ мощами. Карлъ XII также не щадилъ себя: всѣ драбанты, окружавшіе его качалку, за исключеніемъ только троихъ, были убиты, или ранены. Около двухъ часовъ длилась упорная и безпощадная битва. Не смотря на геройскія усилія, шведы, разстроенные огнемъ артиллеріи и пѣхоты, охваченные съ фланговъ нашею конницей, были опрокинуты на всѣхъ пунктахъ. Въ одиннадцать часовъ, шведская армія представляла уже одну нестройную толпу, которая, не думая о сопротивленіи, въ величайшемъ безпорядкѣ спѣшила къ лѣсу, изъ котораго начался бой. Но и здѣсь она нашла русскихъ. Когда началось смятеніе въ шведскихъ рядахъ, ядро разбило качалку Карла XII и король упалъ безъ чувствъ. Его посадили въ безпамятствѣ на лошадь и поддерживали. Вскорѣ пуля убила эту лошадь; другой не было. Полковникъ Гіерта, тяжело раненный, уступилъ свою. «Спасите только его»—сказалъ онъ окружавшимъ короля, поцѣловалъ его руку и черезъ минуту палъ подъ ударами казаковъ. Въ уцѣлѣвшихъ остаткахъ шведскаго обоза отыскалась наконецъ какая-то карета; въ нее положили Карла XII и повезли къ Днѣпру, куда бѣжала его разбитая армія.

Потеря шведовъ въ сраженіи состояла изъ 9.250 убитыхъ и раненыхъ и почти 3000 плѣнныхъ. Наши войска потеряли 1350 ч. убитыми и 3300 ранеными.

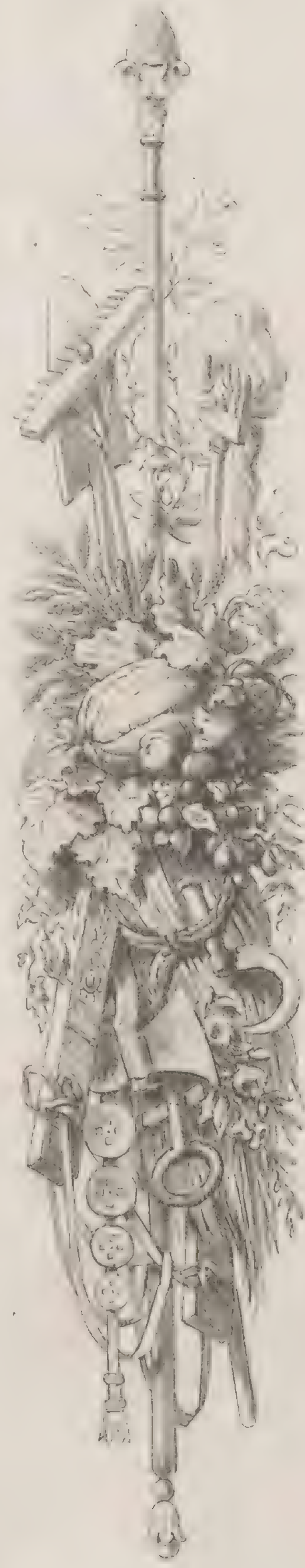
Поручивъ казакамъ преслѣдовать непріятеля, Петръ Великій построилъ свои войска впереди лагеря; передъ ихъ рядами была поставлена походная церковь и въ ней, при громѣ пушекъ, отслужено благодарственное молебствіе объ одержанной побѣдѣ. Царь объѣхалъ полки и благодарилъ всѣхъ за подвигъ и понесенные труды. Въ палаткѣ его былъ приготовленъ обѣденный столъ для всѣхъ русскихъ генераловъ; государь пригласилъ къ нему также плѣнныхъ шведскихъ офицеровъ и за обѣдомъ предложилъ тостъ за здоровье ихъ, какъ учителей нашихъ въ военномъ искусствѣ.

На слѣдующее утро былъ торжественно совершонъ обрядъ погребенія русскихъ воиновъ, павшихъ въ сраженіи. Краснорѣчивымъ прощальнымъ словомъ и скорбной слезой почтилъ государь прахъ ихъ и на мо-

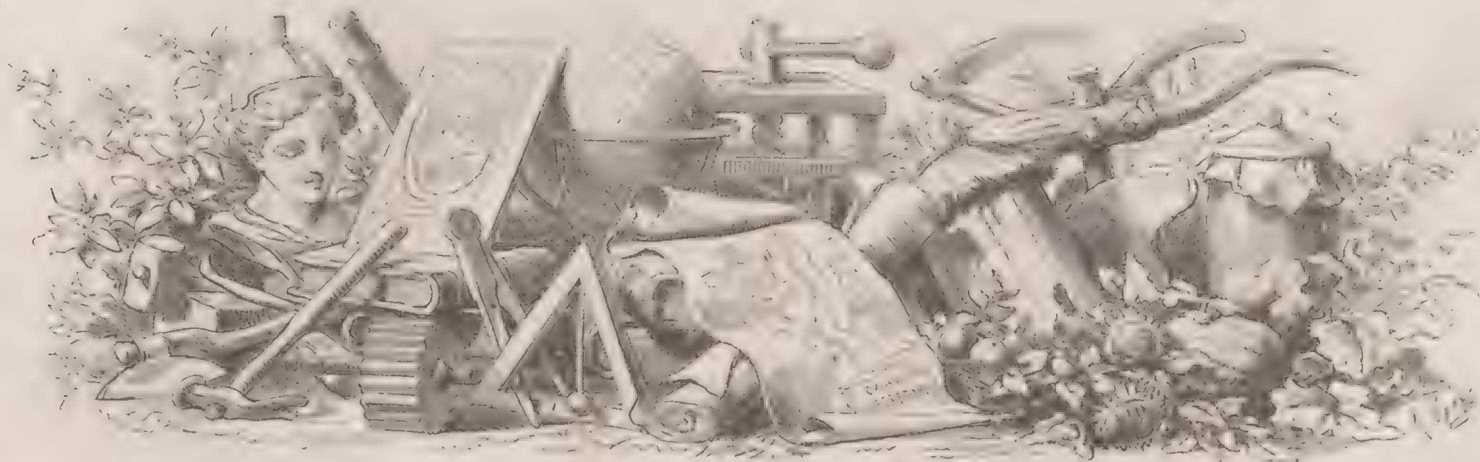

гильномъ холмѣ собственноручно водрузилъ крестъ съ надписью: «Воины благочестивые, за благочестіе кровію вѣнчавшіеся, лѣта отъ воплощенія Бога слова 1709, іюня 27-го дня». Холмъ этотъ видѣнъ до нынѣ на Полтавскомъ полѣ; но народное преданіе назвало его «шведскою могилой».

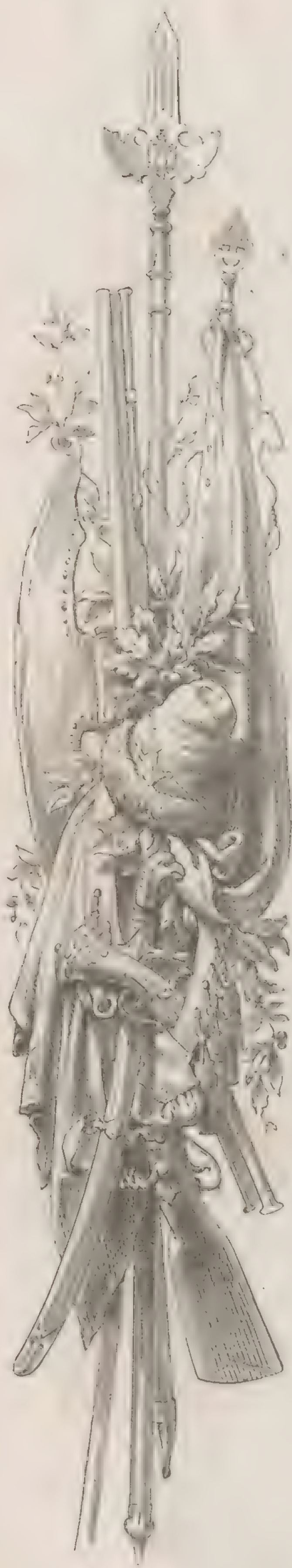
Въ этотъ же день, государь послалъ Меньшикова съ 9000 ч., преслѣдовать остатки непріятельской арміи. Меньшиковъ настигъ шведовъ у Переволочны и принудилъ ихъ положить оружіе. Число сдавшихся простиралось до 14000 человѣкъ, при 28 орудіяхъ и 127 знаменахъ. Карлъ XII успѣлъ спастись въ Турцію только съ небольшой свитой и 1000 кавалеристами.

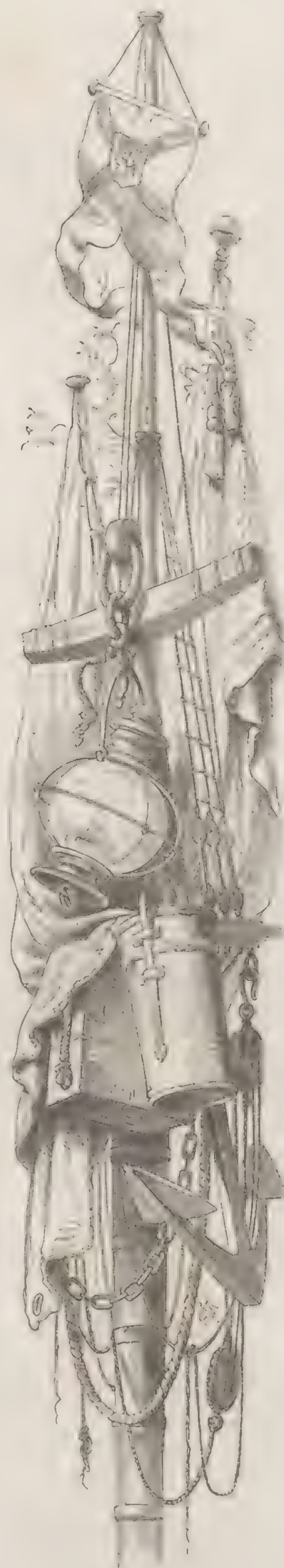
Рѣдкая битва имѣла столь важныя послѣдствія, какъ битва Полтавская. Однимъ ударомъ силы Швеціи были сломлены навсегда, а Россія вдругъ возвысилась на степень первенствующей державы на сѣверѣ и вступила въ среду образованныхъ государствъ Европы. На поляхъ полтавскихъ погибъ цвѣтъ молодаго населенія Швеціи; съ этихъ поръ, она не могла уже думать о новыхъ наступательныхъ дѣйствіяхъ противъ Россіи и должна была ограничиться лишь слабой обороною границъ своихъ.

Ш.

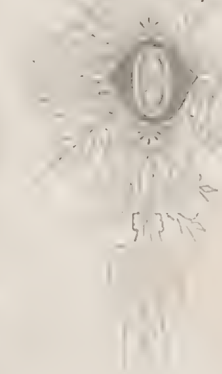

XIII.

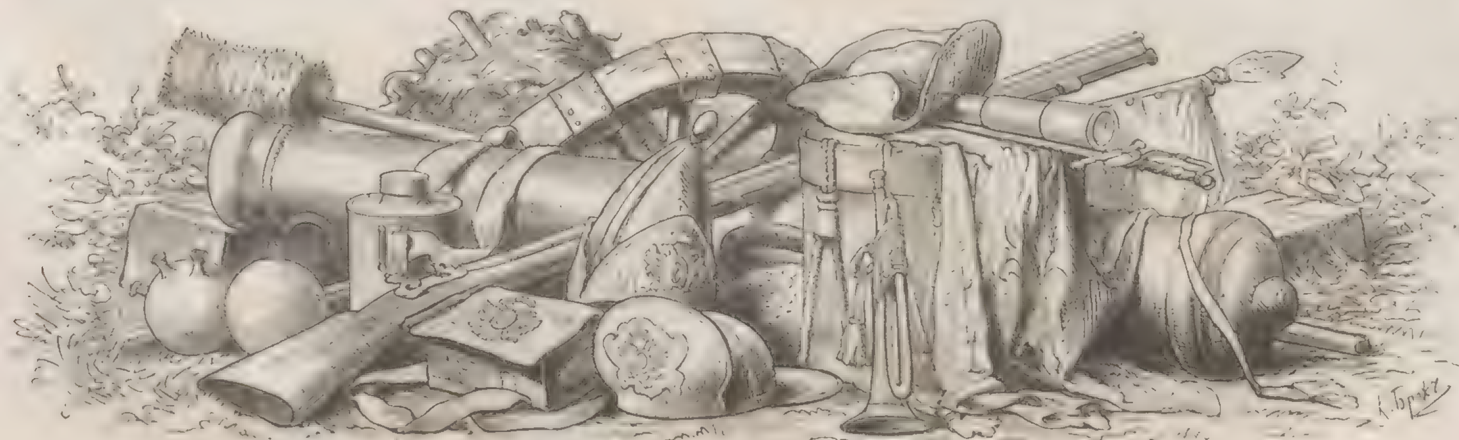
ВЗЯТІЕ РИГИ.

(1710 г.)

державъ Полтавскую побѣду, Петръ Великій спѣшилъ воспользоваться ею и бѣгствомъ Карла XII въ Турцію, чтобъ уничтожить шведское вліяніе въ Польшѣ; выгнать Лещинскаго и утвердиться окончательно въ Ливоніи и Эстоніи. Іюля 13-го 1709 г., наша армія двинулась изъ подъ Полтавы, гдѣ нельзя было долѣе оставаться по причинѣ смрада отъ мертвыхъ тѣлъ и долговременнаго стоянія двухъ многочисленныхъ войскъ. Шереметевъ со всею пѣхотою и отрядомъ кавалеріи пошолъ осаждать Ригу, а Меньшиковъ съ большею частью конницы направился въ Польшу, чтобы дѣйствовать вмѣстѣ съ генераломъ Гольцемъ противъ Лещинскаго и шведскаго генерала Крассова. Самъ Петръ поѣхалъ въ Кіевъ, а оттуда въ городъ Торнъ, для свиданія съ королемъ Августомъ II. Здѣсь оба государя, *отрекшись* отъ всѣхъ *прежнихъ претензій и письменныхъ обязательствъ*, заключили, 9-го октября, новый наступательный и оборонительный союзъ противъ Швеціи. Во время пребыванія царя въ Торнѣ, посолъ нашъ въ Копенгагенѣ, князь Долгорукій, успѣлъ убѣдить датскаго короля присоединиться къ союзу Петра съ Августомъ II. Изъ Торна государь проѣхалъ въ Маріенвердеръ, куда его приглашалъ король прусскій. Заключивъ и съ нимъ союзъ, но только оборонительный, Петръ отправился къ Ригѣ, которая уже была обложена арміей Шереметева.

Шведы, понимая очень хорошо важное значеніе Риги, какъ стратегическаго пункта и главнаго города лифляндской провинціи, отлично укрѣпили ее и заняли гарнизономъ въ 12.000 ч., подъ начальствомъ генерала графа

Стремберга, назначеннаго генералъ-губернаторомъ. Рига лежитъ на правомъ берегу Двины, въ 13-ти верстахъ отъ устья этой рѣки. Она основана около 1200 года, лифляндскимъ епископомъ Альбертомъ, учредившимъ здѣсь свою резиденцію, и въ XIII вѣкѣ уже вступила въ союзъ ганзейскихъ городовъ, владѣла землями, чеканила монету съ городскимъ гербомъ и вообще пріобрѣла многія права и привиллегіи. Въ 1561 г. Рига, вмѣстѣ съ южною Ливоніею, была присоединена къ Польшѣ, а въ 1621 г. уступлена шведамъ, подъ властью которыхъ оставалась до взятія ея русскими. Рига до сихъ поръ сохранила наружный видъ древняго ганзейскаго города. Узкія и кривыя улицы, деревянные мосты черезъ Двину, характерныя башни собора, тяжелая и безвкусная архитектура губернаторскаго замка, даже многіе частные дома нисколько не измѣнились съ того времени. Образцомъ тогдашнихъ построекъ можетъ служить замѣчательное зданіе дома «черноголовыхъ», воздвигнутое въ 1390 г. однимъ богатымъ рижскимъ гражданиномъ, Дидрихомъ Крейге *).

Фельдмаршалъ Шереметевъ обложилъ Ригу 28-го октября 1709 г., завладѣвъ предварительно небольшой крѣпостцей Кобершанцъ, лежавшей на лѣвомъ берегу Двины, противъ города. Ноября 10-го, къ арміи пріѣхалъ государь; онъ на слѣдующій день осмотрѣлъ рижскія укрѣпленія и приказалъ отложить правильную осаду до весны, а до тѣхъ поръ ограничиваться лишь блокадой и бомбардированіемъ города. Къ 12-му числу были построены нѣсколько баттарей и утромъ самъ царь бросилъ въ Ригу первыя три бомбы. Увѣдомляя объ этомъ Меньшикова, Петръ писалъ: «Бомбардированіе Риги началось и первыя три бомбы своими руками въ городъ отправлены, о чомъ зѣло благодарю Бога, что сему проклятому мѣсту сподобилъ мнѣ самому начало отмщенія учинить». 13-го числа царь отправился въ Петербургъ, а Шереметевъ отвелъ войска на зимнія квартиры въ Курляндію, оставивъ для блокады Риги семи-тысячный отрядъ, подъ начальствомъ князя Репнина, который въ теченіе всей зимы не допускалъ подвоза съѣстныхъ припасовъ въ городъ и бомбардировкой производилъ въ немъ частые пожары.

Съ наступленіемъ весны 1710 г., для пресѣченія сообщеній Риги съ Динамюндомъ на правомъ берегу Двины, ниже города, на урочищѣ Гофенбергъ, было возведено нашими войсками сильное укрѣпленіе, названное въ честь Меньшикова, прибывшаго сюда весною—«Александръ-шанцемъ». Къ 1-му мая, всѣ русскія войска, въ составѣ 24 пѣхотныхъ полковъ, 8 конныхъ и 2.000 казаковъ, снова сосредоточились подъ Ригой. Фельдмаршалъ ожидалъ только прибытія тяжелой артиллеріи, чтобы начать правильную осаду, какъ вдругъ ужасное бѣдствіе постигло русскую армію: моровая язва, занесенная изъ Пруссіи и Курляндіи, распространилась между нашими войсками и, не-

*) Общество «черноголовыхъ», учрежденное въ 1232 г. рижскими купцами съ воинственными цѣлями —существуетъ и теперь, но уже въ видѣ торговаго и благотворительнаго товарищества.

А. К. Беггровъ, грав. Л. А. Серяковъ.

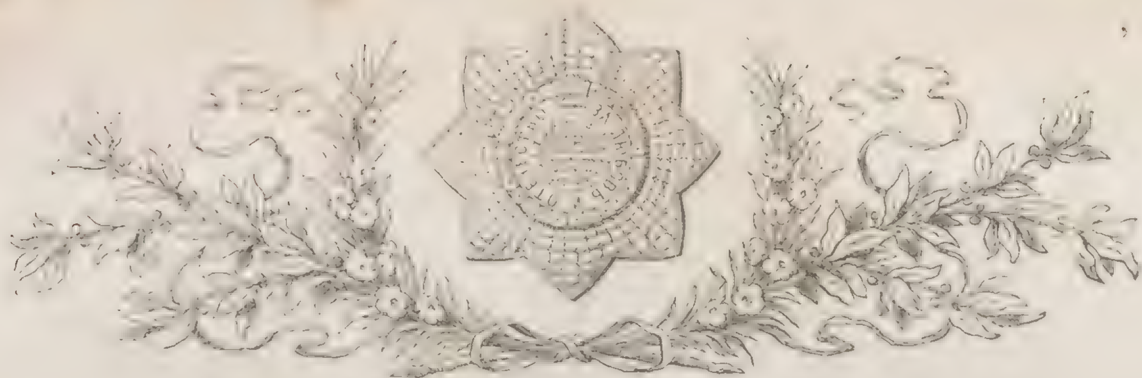
Петровская галлерея въ музеѣ Императорскаго Эрмитажа.

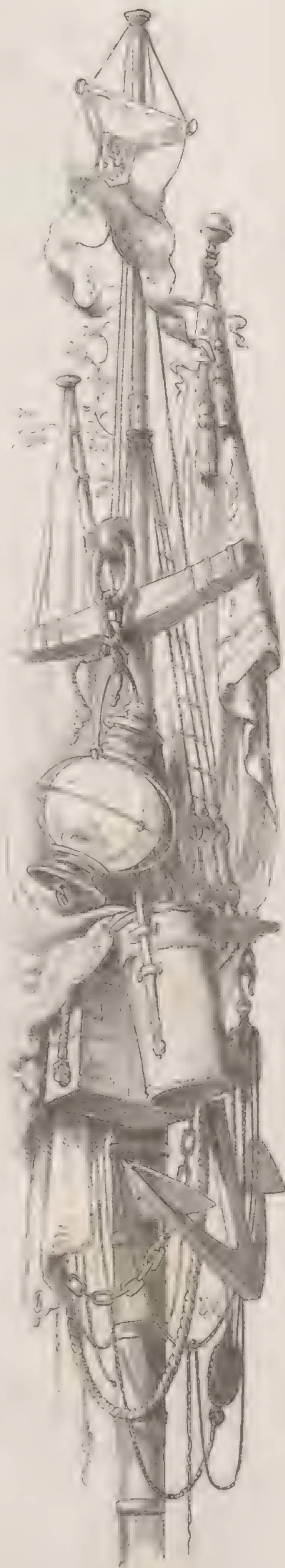
Деревянная обшивка домика Петра Великаго въ Новодвинской крѣпости.

Празднованіе 30-го мая 1872 г. въ г. Архангельскѣ.—Молебствіе передъ Троицкимъ соборомъ.

смотря на всѣ мѣры къ ея прекращенію, похитила до конца года (9.800 чел.) около 10.000 человѣкъ. Такое бѣдствіе, вынудило Шереметева пріостановить осаду и довольствоваться бомбардировкою Риги. Занявъ, 30-го мая, предмѣстья, фельдмаршалъ построилъ въ нихъ шесть мортирныхъ баттарей и открылъ по городу безпрерывную пальбу. Вскорѣ зараза, свирѣпствовавшая въ лагерѣ осаждающихъ, проникла въ крѣпость и, произвела въ ней страшное опустошеніе. Въ двѣ недѣли, изъ 12.000 чел. гарнизона погибло болѣе 8.000 чел., а жителей обоего пола до 60.000 чел. и, сверхъ того, въ городѣ началъ обнаруживаться недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ и жители должны были питаться конскимъ мясомъ. Шереметевъ, узнавъ через лазутчиковъ о положеніи Риги, 12-го іюня написалъ Стрембергу письмо, убѣждая его сдаться; но губернаторъ отвѣчалъ отказомъ, вслѣдствіе чего бомбардированіе возобновилось съ новой силой.

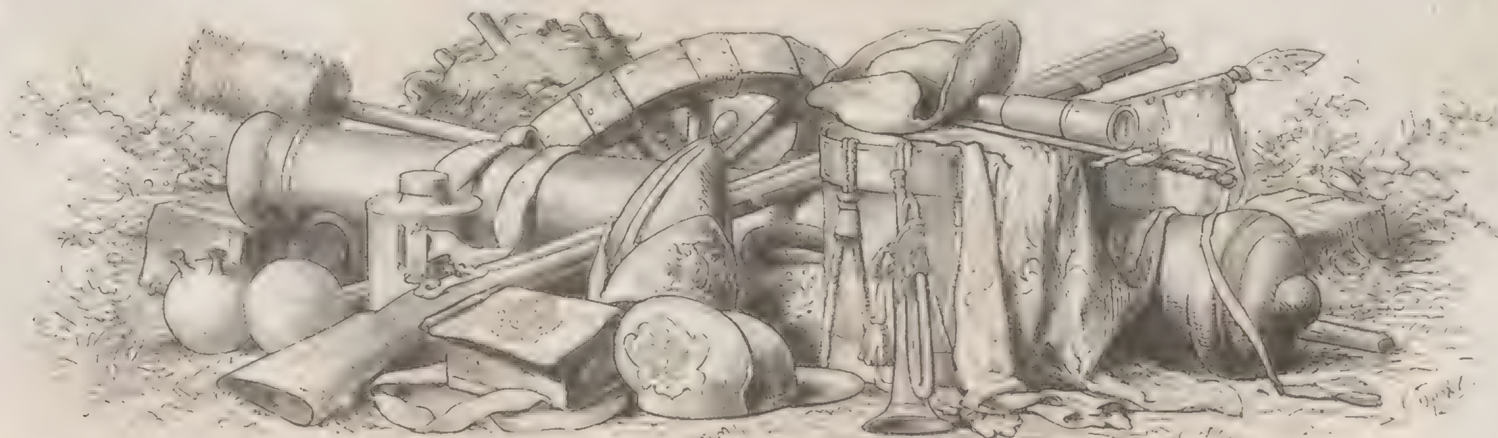
Жестокій и непрерывный огонь русскихъ баттарей, грозившій городу совершеннымъ разрушеніемъ, побудилъ, наконецъ, обывателей обратиться, 27 іюня, къ губернатору, съ просьбой вступить въ переговоры съ русскими. Стрембергъ собралъ военный совѣтъ, въ которомъ приняли участіе всѣ наличные генералы и полковники и, кромѣ того, лифляндскій ландмаршалъ Тизенгаузенъ, какъ представитель дворянства, и рижскій бургомистръ, какъ представитель городского сословія. По разсмотрѣніи вопроса во всѣхъ подробностяхъ, ландмаршалъ объявилъ прямо, что при настоящихъ обстоятельствахъ сопротивленіе безполезно. Мнѣніе его было принято остальными присутствовавшими единогласно, причомъ составленіе условій капитуляціи возложено на ландмаршала. Стрембергъ, извѣстивъ фельдмаршала о рѣшеніи военнаго совѣта, просилъ у него сорока-восьми часоваго перемирія, на что Шереметевъ изъявилъ согласіе.

30-го іюня, Тизенгаузенъ, съ депутаціей отъ дворянъ, отправился въ русскій лагерь къ фельдмаршалу и представилъ ему условія капитуляціи, заключавшіяся въ тридцати параграфахъ. Шереметевъ одобрилъ условія, но потребовалъ, чтобы дворяне обязались принести присягу на вѣрность царю. Требованіе это возбудило долгія пренія и едва не повело къ возобновленію военныхъ дѣйствій; однако, благодаря настойчивости фельдмаршала и угрозѣ— превратить городъ въ пепелъ, дворяне должны были подчиниться ему.

4-го іюля 1710 г., Шереметевъ утвердилъ условія капитуляціи и препроводилъ одинъ экземпляръ ихъ, за своею подписью и печатью, къ ландмаршалу, который поспѣшилъ помѣстить этотъ важный документъ въ архивъ дворянства.

Въ тотъ же день князь Репнинъ вступилъ съ 6000 чел. въ Ригу и занялъ городскіе валы и укрѣпленія. Первымъ русскимъ комендантомъ города былъ назначенъ генералъ-лейтенантъ Остенъ.

13-го іюля фельдмаршалъ послалъ къ ландмаршалу письмо, на нѣмецкомъ языкѣ, слѣдующаго содержанія: «Какъ по соизволенію Божію, область Лифляндія съ городомъ Ригою покорилась, на основаніи заключоннаго условія, Его

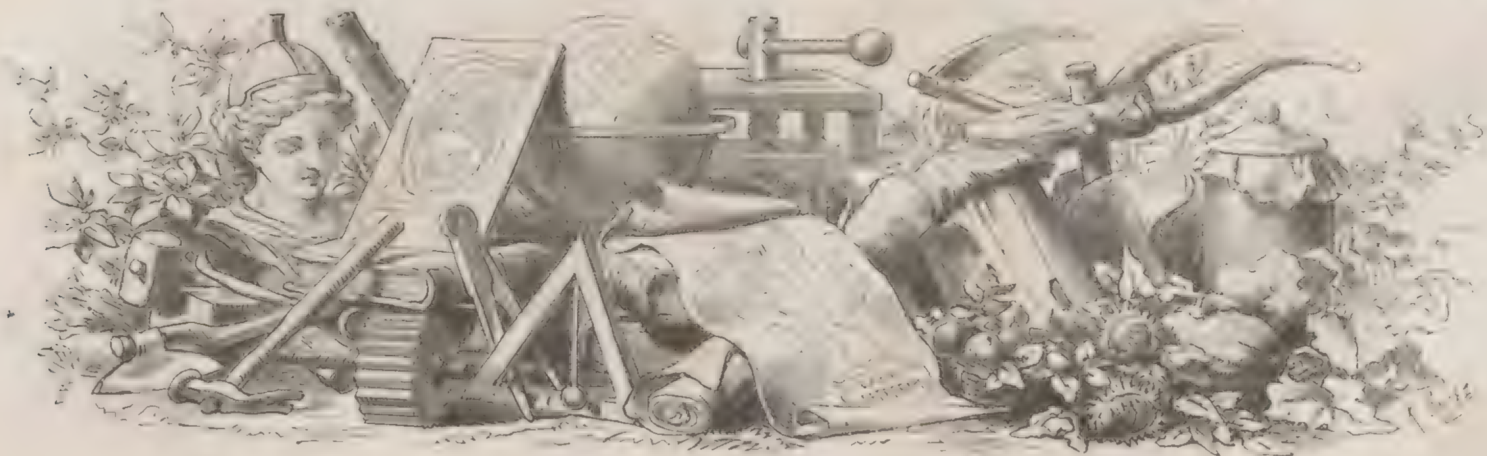

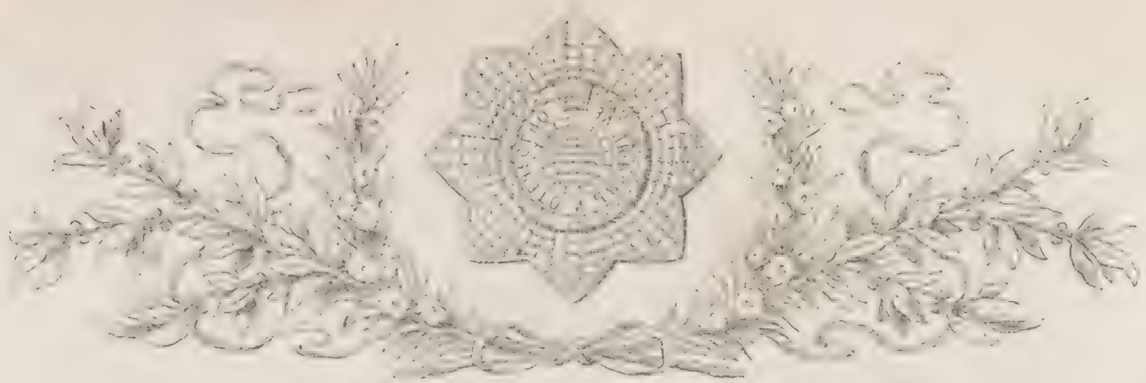

Императорскому Величеству, то всѣ сословія, и въ особенности дворяне, должны принести присягу на вѣрноподданство. Дворянство можетъ быть увѣрено въ милости и благоволеніи къ нему Его Императорскаго Величества».

Получивъ это приглашеніе, дворянство постановило торжественно сопровождать фельдмаршала отъ лагеря до города, гдѣ долженствовала быть принесена присяга. Сорокъ дворянъ, подъ предводительствомъ барона Альбрехта Менгдена, отправились съ этою цѣлью въ русскій лагерь. Іюля 12-го, фельдмаршалъ, верхомъ, сопровождаемый многочисленной свитой, однимъ пѣхотнымъ и однимъ коннымъ полками и многими каретами цугомъ для генераловъ, въѣхалъ въ Ригу, при звукахъ трубъ и литавръ. Въ Карловыхъ воротахъ его ожидали бургомистръ и члены магистрата, поднесшіе ему на бархатной подушкѣ два золотыхъ ключа. Процессія двинулась потомъ черезъ весь городъ къ замку, гдѣ ландмаршалъ, съ жезломъ въ рукѣ, встрѣтилъ Шереметева и проводилъ до возвышеннаго мѣста, приготовленнаго въ большой залѣ. Принявъ поздравленія, фельдмаршалъ пошолъ въ православную церковь, устроенную въ верхнемъ ярусѣ замка и слушалъ здѣсь литургію, а затѣмъ отправился, со всѣми дворянами, въ лютеранскую церковь, гдѣ генералъ-суперъинтендантъ Депкинъ говорилъ проповѣдь на текстъ: «Нѣсть бо власть, аще не отъ Бога: сущія же власти отъ Бога учреждены суть». По окончаніи божественной службы, всѣ дворяне, имѣя впереди ландмаршала, приблизились къ алтарю и принесли присягу на вѣрноподданство. Наконецъ, фельдмаршалъ, вмѣстѣ со всѣмъ генералитетомъ, пошолъ къ ратушѣ и на площади принялъ присягу отъ городскихъ обывателей. Затѣмъ, вся процессія возвратилась въ русскій лагерь, гдѣ былъ данъ парадный обѣдъ, во время котораго, при громѣ пушекъ и звукахъ музыки, было торжественно провозглашено присоединеніе Лифляндіи къ Россіи.

Ш.

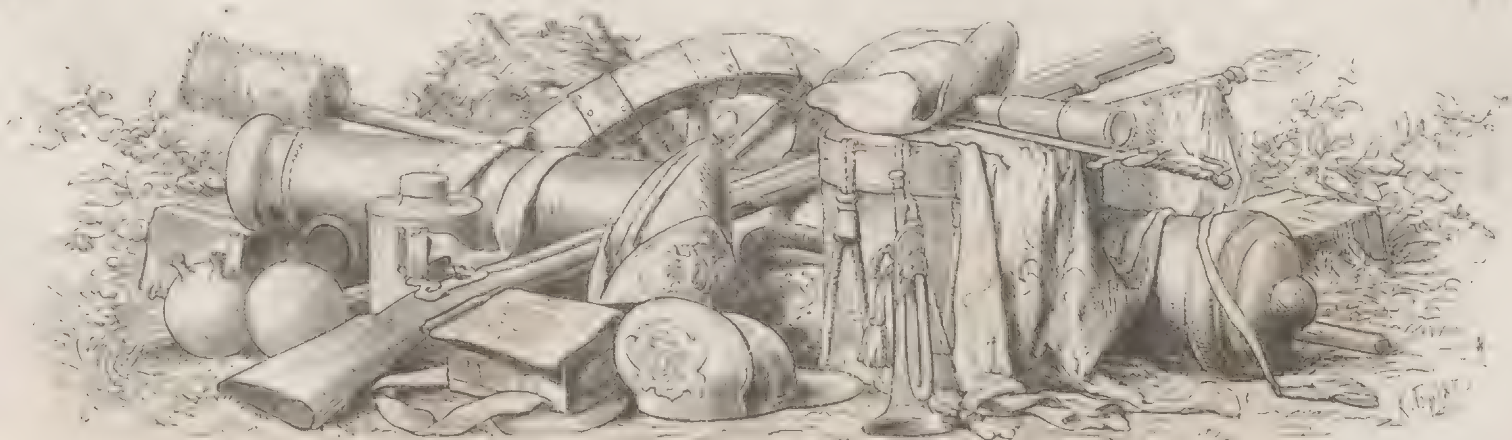
XIV.

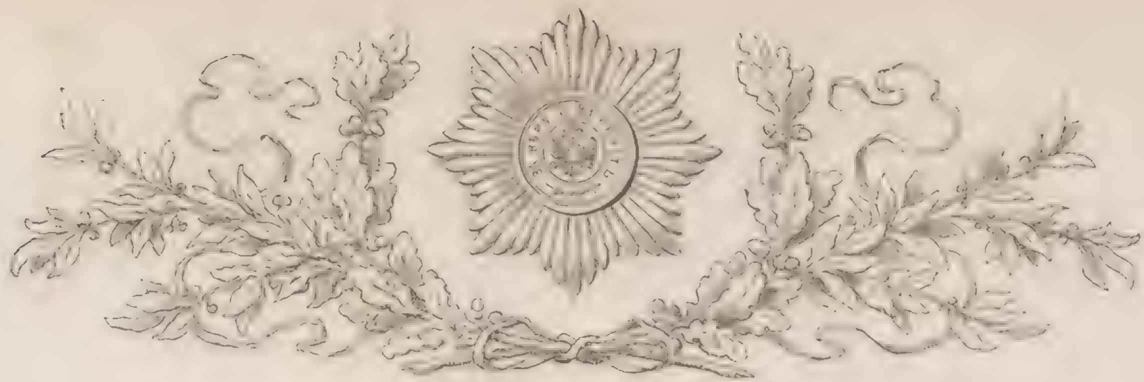
ТРИ СВАДЬБЫ И НЕУДАЧА.

(1710—1712).

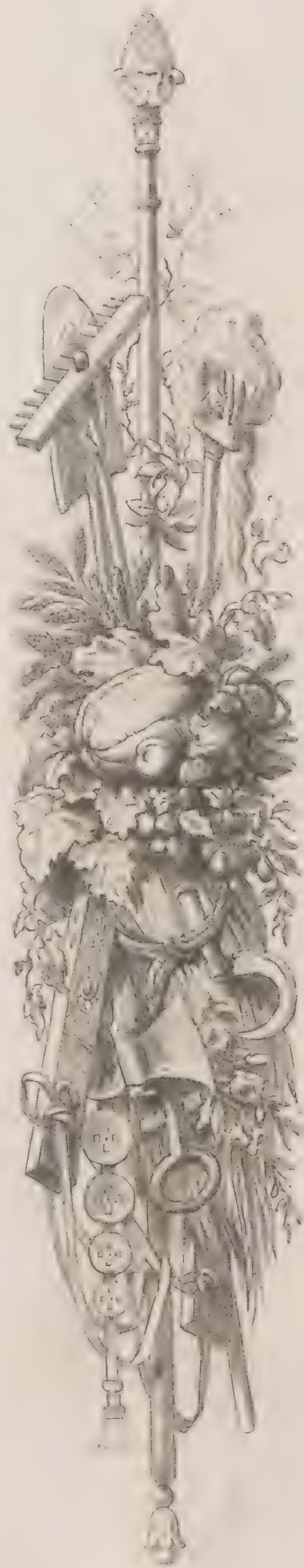
> . . [illegible] Петра I къ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, [illegible] 1710 г.).
>
> [illegible] 30 [illegible] 1710 г.).

Если полтавская побѣда и удаленіе Карла XII въ Турцію, не совсѣмъ перепугали, то странно озадачили всѣ владѣнія западной Европы, находившіяся въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ Франціею, какъ Императоръ, Англія и голландскіе штаты оказывались, впрочемъ, обезпокоенными больше всѣхъ за свою торговлю, положеніе которой казалось гибельнымъ. Они, на столько же въ видахъ пользы для ослабленной Швеціи, сколько изъ близорукаго расчота, вздумали удержать разлитіе пламени войны паліативной мѣрою—объявленія нейтральными имперскихъ земель. Принадлежавшая Швеціи Померанія входила въ составъ нейтральной почвы, также какъ Шлезвигъ и Голштинія; поэтому, думали голландскіе и имперскіе дипломаты, ни шведамъ на Шлезвигъ, ни датчанамъ, саксонцамъ и русскимъ на Померанію, нельзя будетъ напасть, за страхомъ общаго противудѣйствія всей германо-голландско-англійской коалиціи.—И войны, само собою, не послѣдуетъ!? Но, объявляя нейтралитетъ по декларацiи 31 марта 1710 года, принятой Швеціею, великіе политики не замѣчали, что они посягаютъ сами на права своего союзника—шведскаго короля,—не дозволяя ему развивать средствъ отпора и защиты противъ Даніи; до нейтралитета

уже заявившей свою непріязненность и виды на Шонію. Туда произвелъ датскій король даже и дѣйствительное нападеніе, но отчаянными шведами былъ отбитъ съ урономъ, (28 февраля 1710 г.).

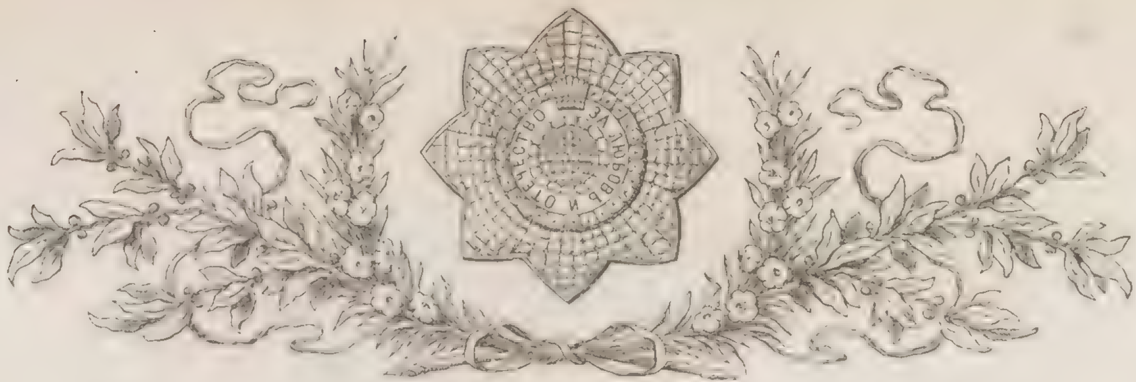

За моремъ, въ Помераніи, притаился шведскій генералъ Крассау съ 30000 войска, удалившись сюда изъ Польши, при извѣстіи о несчастіи своего государя, Карла XII, за котораго управляла престарѣлая мать съ сенатомъ. Условіями нейтралитета—при объявленіи котораго возражать или противъ идти, прямо, не приходилось ни одной изъ воюющихъ сторонъ—Крассау поставленъ былъ въ невозможность даже пополнить кадры своего корпуса и на это послѣднее обстоятельство старались налегать министры датскіе и саксонскіе, при малѣйшей попыткѣ генерала шведскаго привести свои силы въ исправность. Съ другой стороны, имперцы и друзья ихъ: Голландія и Англія, разсчитывали, — подъ видомъ устраненія всякаго повода къ распрѣ съ сѣверными союзными государями,—употребить корпусъ Крассау противъ французовъ на Рейнѣ, или въ Голландіи. Они пошли и въ прямое соглашеніе о томъ съ шведскимъ регентствомъ, предлагая 400,000 талеровъ, за него, въ годъ. Королева-мать Карла XII и сенатъ стокгольмскій требовали 500,000 и на этомъ дѣло остановилось, когда изъ Бендеръ прислалъ король шведскій письмо, полное угрозъ противъ Августа II и выражавшее явную неохоту подчиниться условіямъ нейтралитета. Письмо это, сдѣлавшееся сигналомъ открытія военныхъ дѣйствій сѣверныхъ союзниковъ въ Помераніи, явилось, впрочемъ, уже въ началѣ 1711 года, а весь 1710 годъ прошолъ въ общемъ бездѣйствіи, наложенномъ нейтралитетомъ, на южномъ балтійскомъ поморьѣ. Тогда какъ сѣверные и восточные берега Балтики, для дѣйствій Петра I оказывались въ это время совсѣмъ открытыми, даже и за нахожденіемъ въ Финскомъ заливѣ шведскаго флота, подъ начальствомъ шведскаго адмирала Ватранга, состоявшаго изъ 22 линейныхъ кораблей, 7 фрегатовъ и 2 брандеровъ. Петръ дѣйствовалъ съ сухого пути и успѣлъ въ лѣто 1710 г. овладѣть въ Польшѣ Эльбингомъ (28 января 1710 г.), въ Лифляндіи Ригою и Динаминдомъ, въ Эстляндіи — о. Эзелемъ и г. Ревелемъ, а въ Финляндіи Выборгомъ и Кексгольмомъ.

Послѣ взятія Риги, Выборгская экспедиція самая важная въ ряду успѣховъ Петрова оружія. Да и составляетъ она самостоятельный эпизодъ, гдѣ дѣятелями оказываются Петръ I съ его генералъ-адмираломъ Апраксинымъ.

Отпраздновавъ въ Москвѣ новый годъ особенно торжественно (пальбой и фейерверкомъ) и получая, одно за другимъ, извѣстія о первыхъ успѣхахъ датскаго короля въ Шоніи, утвержденіи на сеймѣ Августа королемъ, сдачѣ Эльбинга и подтвержденіи мира турками, Петръ въ половинѣ февраля уѣхалъ въ Петербургъ, готовиться къ Выборгскому походу. Найдя Апраксина въ трудахъ по снаряженію осаднаго корпуса, царь, въ поощреніе, возвелъ его въ графское достоинство. И новый графъ еще по льду, — черезъ Котлинъ и Березовы острова — марта 21 повелъ пѣхоту съ кавалеріею; и на другой день пришолъ къ Выборгу. Въ теченіе марта наше войско уже подо-

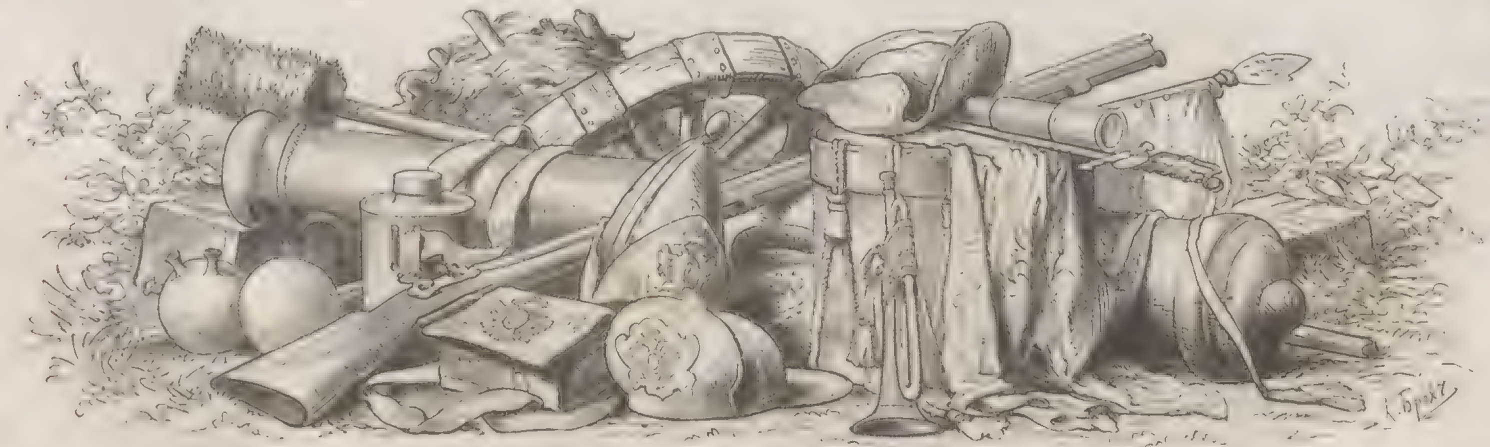

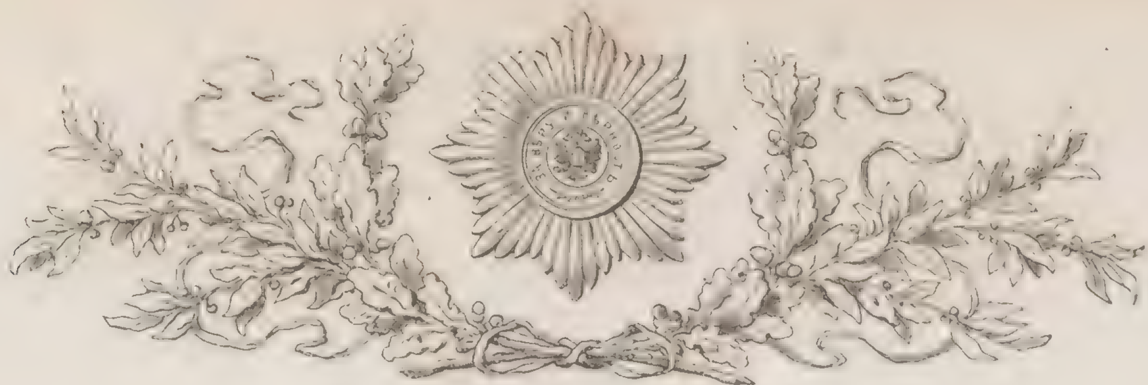

шло сапами, къ городскимъ укрѣпленіямъ,—отъ моря и съ противоположной стороны; такъ что съ 1-го апрѣля началась бомбардировка изъ 10 пушекъ и 3-хъ мортиръ (которыя только и взяты были осаднымъ корпусомъ). На двѣнадцатый день открытія траншей, шведы сдѣлали вылазку изъ Выборга, но были отбиты съ урономъ и за тѣмъ цѣлый почти мѣсяцъ не произошло ничего важнаго, потому что слаба была у насъ артиллерія, да, за походомъ на легкѣ (съ наложеніемъ хлѣба только въ солдатскіе ранцы), мало оказывалось и провіанта. Подвозъ же изъ Петербурга, на который сперва такъ разсчитывали, за позднимъ вскрытіемъ Финскаго залива, въ этотъ разъ замедлился; такъ что главнокомандующій не зналъ, что дѣлать ему въ крайности. Петръ I не меньше томился отъ этой невозможности плыть водою. Вице-адміралъ Крюйсъ съ транспортами вышелъ изъ Невы еще 23-го апрѣля, но не могъ дойти и до Котлинскаго рейда. Петръ I, черезъ день отправившись къ транспортной эскадрѣ, нашолъ ее въ 8 верстахъ только отъ устья Невы, а далѣе стоялъ сплошною стѣною ледъ, унесенный за Котлинъ вѣтромъ только 28-го числа. Въ виду относимаго льда добравшись до Котлина, царь и его вице-адміралъ выслали въ море шнявы на крейсерство, но воротившіеся крейсеры донесли, что къ Березовымъ островамъ дойти невозможно, за сплошною стѣною льдовъ. Петръ самъ пустился на своей шнявѣ «Лизетъ» и ночевалъ съ крейсерами въ урочищѣ Курома (въ 6 миляхъ отъ Березовыхъ острововъ), куда подошла и транспортная эскадра. Мая 1-го Петръ прошолъ вдоль стѣны льдовъ, желая узнать, далеко ли она простирается, и пересѣкъ всю Котлинскую губу до Копорскаго берега, нигдѣ не найдя прохода между льдами. Проведя же два дня въ изслѣдованіи ихъ, царь воротился въ Петербургъ: дожидаться перемѣны вѣтра и движенія льда. А въ отсутствіе его транспортныя суда сильнымъ вѣтромъ отъ Березовыхъ острововъ унесло въ море, и парусная эскадра поставлена была въ невозможность къ нимъ приблизиться. Въ такомъ положеніи засталъ государь дѣла наши, прибывъ вторично къ флоту и самъ пустился на выручку погибавшихъ транспортовъ, на своей шнявѣ «Лизетъ»; однако, ничего не могъ сдѣлать, и только уже 7-го мая фрегаты, посланные съ строгимъ приказомъ пробиться сквозь льды, дойдя до транспортовъ, подали помощь бѣдствовавшимъ.

Затѣмъ уже, 8-го мая всѣ могли идти къ Выборгу и въ тотъ же день дошли до него, произведя общую радость въ войскѣ, у котораго провіантъ совсѣмъ истощился и предстояло: голодать или отступить съ позоромъ.

Выгруженіе осадной артиллеріи,—подходъ которой жителями Выборга сперва принятъ былъ за прибытіе для нихъ подкрѣпленій—дало Петру возможность осмотрѣть осажденную крѣпость и уйдти (14 мая) во время, до прихода шведскаго флота, явившагося въ Выборгскомъ заливѣ въ тотъ же день; спустя нѣсколько часовъ по отбытіи царя. Безъ него къ 1-му іюня поставлены на наши линіи 80 пушекъ и 19 мортиръ большого калибра и началось бомбардированіе, до того ужасное, что въ шесть дней непрерывнаго огня не осталось почти ни одного дома неповрежденнымъ и въ стѣнѣ крѣпости пробиты гро-

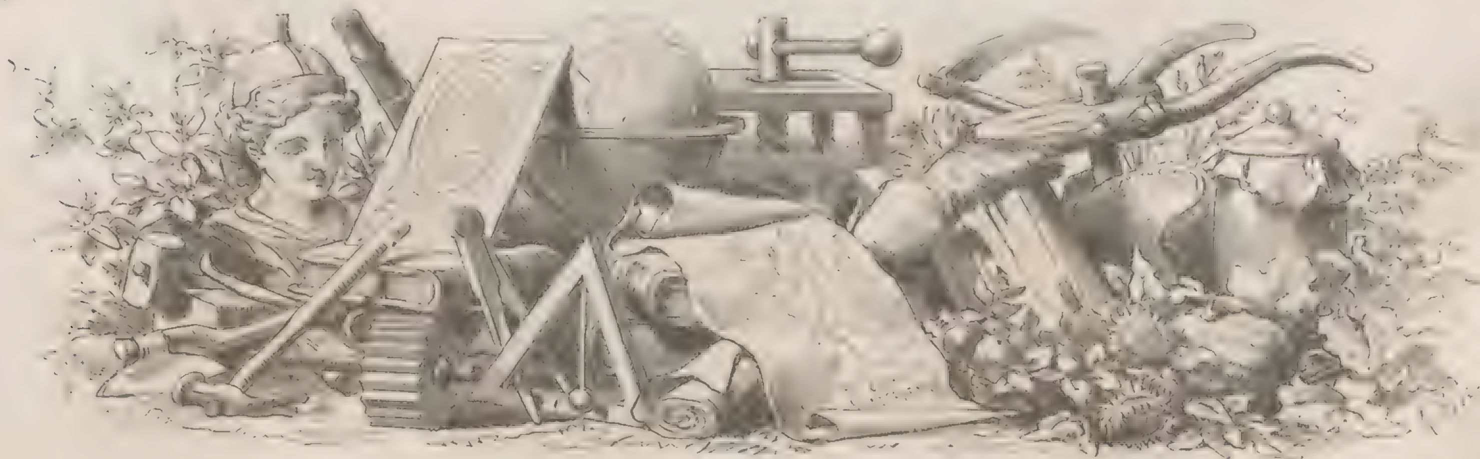

мадныя бреши. Пользуясь ими, военный совѣтъ рѣшилъ произвести приступъ и для того приготовлены два моста, для наведенія черезъ проливъ, въ двухъ мѣстахъ.

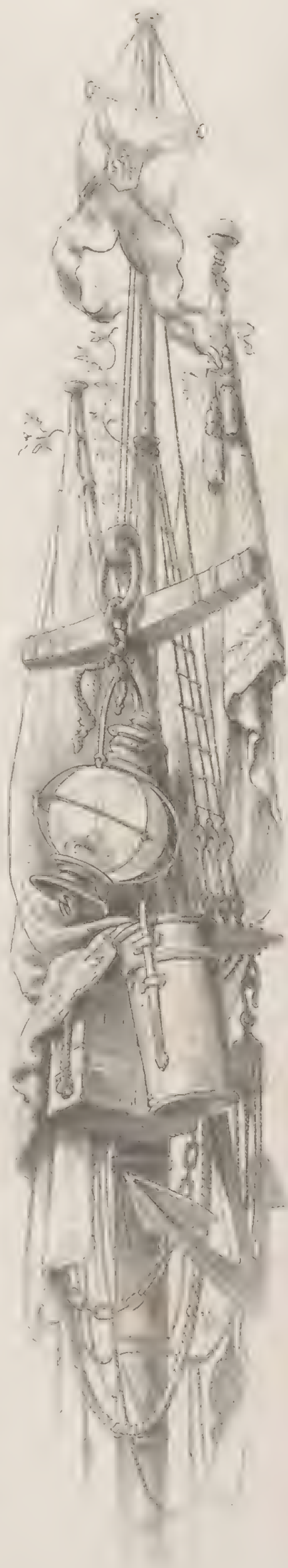
Назначенныя для штурма партіи развезены уже были къ мѣстамъ наступленія, когда комендантъ (9-го іюня) прислалъ письмо къ Апраксину, предлагая сдать крѣпость на договоръ. Во время же пересылокъ и договариванья съ комендантомъ, вечеромъ 11-го іюня прибылъ неожиданно въ лагерь Петръ I и тотчасъ принялъ предложенія коменданта: при сдачѣ отпустить гарнизонъ съ полнымъ вооруженіемъ. Іюня 13-го, поэтому, послѣдовала сдача Выборга и Петръ самъ, приказавъ навести мосты, провелъ на брешь два баталіона нашего войска. Два другіе баталіона проведены въ городъ генералъ-маіоромъ Беркгольцемъ—отцомъ извѣстнаго автора дневника. Іюня же 14-го Петръ I вступилъ торжественно въ покоренный Выборгъ, маршируя со своимъ Преображенскимъ полкомъ. Отпировавъ въ домѣ адмирала, въ городѣ, радость его пріобрѣтенія, царь провелъ здѣсь еще восемь дней, разъѣзжая съ адмираломъ по заливу, и только (18 іюня) отправивъ молебствіе и наградивъ подвигъ Апраксина—орденомъ Св. Андрея, да отпустивъ войска свои въ Петербургъ для новаго тріумфа, самъ съ Меньшиковымъ пустился обратно въ свою невскую резиденцію. Не успѣли обыватели ея забыть торжественное пронесеніе шведскихъ знаменъ, взятыхъ въ Выборгѣ, какъ торжество взятія Риги напомнило новый успѣхъ русскаго оружія. Въ день молебствія о покореніи ея, вечеромъ, радостный царь даже приказалъ палить изъ пушекъ при заздравныхъ тостахъ на свадьбѣ князя А. М. Черкасскаго, открывающей собою брачныя торжества, послѣдовавшія дружною вереницею пировъ въ этомъ, можно сказать, совсѣмъ *праздничномъ*, году.

На свадьбѣ князя Черкасскаго (9-го іюля) были всѣ особы царскаго дома, т. е. не только самъ Петръ, но и обѣ его невѣстки-царицы, да сестры царя—царевны. Младшая невѣстка-царица Прасковья Ѳеодоровна, еще весною пріѣхала въ Петербургъ, гдѣ должна была устроиться свадьба ея дочери, царевны Анны Ивановны, съ племянникомъ прусскаго короля, молодымъ герцогомъ Фридрихомъ Вильгельмомъ курляндскимъ. Прося у царя руки племянницы, молодой курляндскій владѣтель думалъ убить двухъ бобровъ разомъ: добиться покровительства могущественнаго дядюшки и получить освобожденіе своей земли отъ всякихъ постоевъ, контрибуцій и зимнихъ квартиръ русскаго войска; кромѣ полнаго вознагражденія за всѣ протори и убытки отъ воинскихъ людей его подданнымъ и 200,000 рублей, на приданое невѣстѣ. Петръ условія эти принялъ, но разсчетамъ жениха далъ особенное направленіе. Маетности герцога были почти всѣ въ залогѣ и царь только четвертую часть приданыхъ денегъ согласился дать ему въ руки, уменьшивъ итогъ приданаго даже до 40,000 рублей. А 160,000 назначилъ на выкупъ имѣній, изъ доходовъ съ которыхъ 5% должны были поступать къ самой герцогинѣ супругѣ; какъ бы ростъ на заемъ мужа. Самостоятельность герцогини курляндской относительно исповѣданія православной вѣры тоже не только приз-

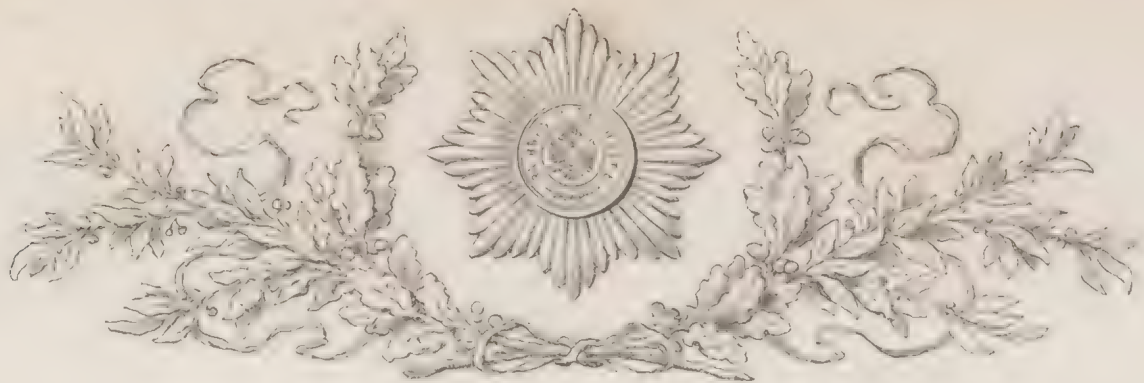

нана, но въ Митавскомъ замкѣ устроена греческая церковь и выговорено даже, что, въ случаѣ рожденія дочерей, отецъ будетъ воспитывать ихъ въ вѣрѣ матери; религія же отца должна только распространяться на сыновей.

Октября 29-го 1710 года разъѣзжали по Петербургу въ 2-хъ каретахъ шестеркою, 4 царскіе камергера и приглашали иностранныхъ министровъ и представителей высшей аристократіи на свадьбу герцога курляндскаго съ царевною Анной, назначенную черезъ день (31-го октября). Въ самый же день этотъ, утромъ, Петръ, въ качествѣ оберъ-маршала, въ сопровожденіи 24-хъ свадебныхъ маршаловъ, въ 9 часовъ утра поѣхалъ на баржѣ и шлюпкахъ въ домъ невѣсты, имѣя впереди себя хоръ нѣмецкихъ трубачей и литаврщиковъ. Гребцы на баржѣ и шлюпкахъ наряжены были въ бостроги краснаго бархата съ золотыми галунами и серебрянымъ шитьемъ на груди, съ царскимъ гербомъ. На Петрѣ былъ тоже алый шолковый кафтанъ съ собольими отворотами, серебряная шпага, на груди голубая лента и на головѣ напудренный парикъ вмѣсто шляпы. Въ рукѣ же держалъ онъ маршальскій жезлъ съ пучкомъ лентъ разныхъ цвѣтовъ. По прибытіи въ домъ невѣсты, гдѣ собраны уже были дамы въ нѣмецкихъ платьяхъ, государь побылъ съ ними съ полчаса и, посадя невѣсту въ свою баржу, самъ довезъ ее къ дому жениха; взявъ же его и уставивъ въ порядокъ шлюпки, двинулъ поѣздъ къ палатамъ князя Меньшикова, гдѣ должно было происходить вѣнчаніе и свадебный пиръ. Причаливъ къ княжеской пристани, невѣсту, одѣтую въ бѣлой бархатной робѣ съ золотыми городками и въ красной горностаевой мантіи, съ короною на головѣ, вывели подъ руки генералъ-адмиралъ и канцлеръ, а женихъ герцогъ, въ бѣломъ парчевомъ кафтанѣ, шолъ между царемъ и княземъ Меньшиковымъ. Передъ домомъ князя стояла въ строю рота Преображенскаго полка, отдавшая поѣзду честь съ музыкою.

Въ той самой залѣ, гдѣ теперь находится въ зданіи бывшаго 1 кадетскаго корпуса церковь, поставлена была церковь походная, передъ которою устроено было, подъ балдахиномъ, особое мѣсто для совершенія вѣнчанія. Шаферомъ невѣсты былъ князь Меньшиковъ. Въ продолженіи священнодѣйствія, архимандритъ Хутынскій Ѳеодосій, для герцога произносилъ молитвы и возглашенія по латыни; а послѣ вѣнчанія всѣ отправились къ столу, накрытому въ двухъ залахъ. Въ первой изъ нихъ, за овальнымъ столомъ, подъ балдахиномъ алаго бархата, поставленъ столъ для новобрачныхъ, къ которому привелъ ихъ самъ Петръ, держа племянницу правою, а герцога лѣвою рукою. Противъ же четы новобрачныхъ сѣли царицы и царевны, надъ которыми повѣшены были вѣнки изъ лавровыхъ вѣтвей. Къ столу царской фамиліи перпендикулярно приставлены были два другіе стола для русскихъ сановниковъ и нѣмецкихъ офицеровъ, съ ихъ семействами. Противоположный новобрачнымъ столъ у стѣны занятъ былъ господами петербургскими жителями. Царь съ шаферами ходилъ вокругъ столовъ,—имѣя на правой рукѣ кокарду изъ лентъ и кружевъ: всѣхъ угощалъ и провозглашалъ тосты. При каждомъ изъ нихъ раздавались залпы изъ одиннадцати орудій, изъ числа

тридцати поставленныхъ передъ домомъ Меньшикова—да съ царской шнявы «Лизеты», стоявшей тутъ же, у пристани, на Невѣ и разцвѣченной флагами. Послѣ стола начались танцы и продолжались до двухъ часовъ пополуночи. Царь потомъ «отвелъ новобрачныхъ въ спальный покой», гдѣ, вмѣстѣ съ гостями, выпивъ вина, пожелалъ имъ всякаго счастія.

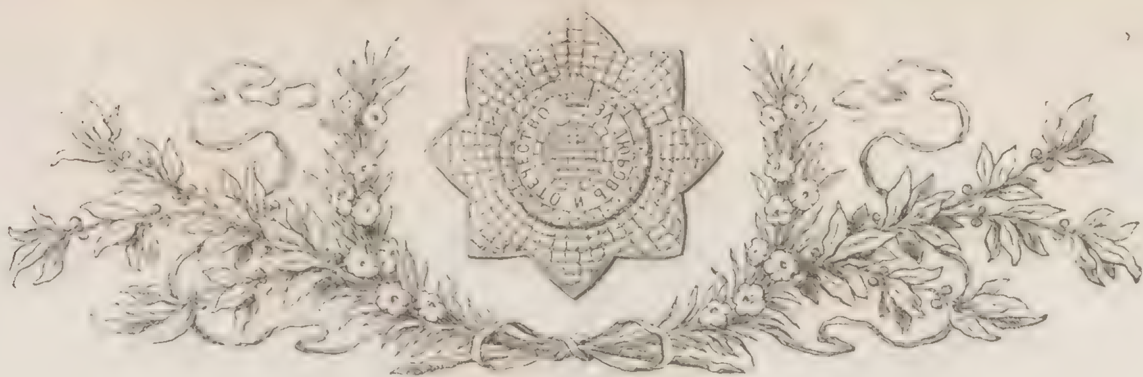
На слѣдующій день происходилъ снова пиръ въ палатахъ Меньшикова. За обѣдомъ, царь, сорвавъ висѣвшій надъ кресломъ жениха вѣнокъ, предложилъ ему снять вѣнокъ, находившійся надъ молодою,—будто бы по русскому обычаю. На этомъ пиру, для большей потѣхи гостей, на столахъ поставлены были огромные пироги, изъ которыхъ, по вскрытіи ихъ царемъ, выскочило по карлицѣ, проплясавшихъ въ заключеніе менуэтъ по столу, вокругъ гостей. Вечеромъ сожжонъ былъ фейерверкъ, при зажиганіи котораго, государь чуть не опалилъ себѣ лицо. Огненное зрѣлище заключалось въ трехъ щитахъ, на Невѣ. На двухъ изъ нихъ были вензеля новобрачныхъ подъ коронами и съ гербами ихъ, которые парящій амуръ связывалъ одинъ съ другимъ цѣпью изъ цвѣтовъ съ латинскою надписью: «Principes amoris ſoedere juncti» (принцы, соединенные цѣпью любви). На третьемъ же щитѣ изображонъ купидонъ, сковывающій на наковальнѣ два сердца вмѣстѣ, съ русскою надписью «два во едино соединяю .

На третій день (2-го ноября) пасторъ герцога благословилъ бракъ по обряду протестантовъ, произнеся при этомъ проповѣдь на стихи 5 и 6-й, 12-го псалма.

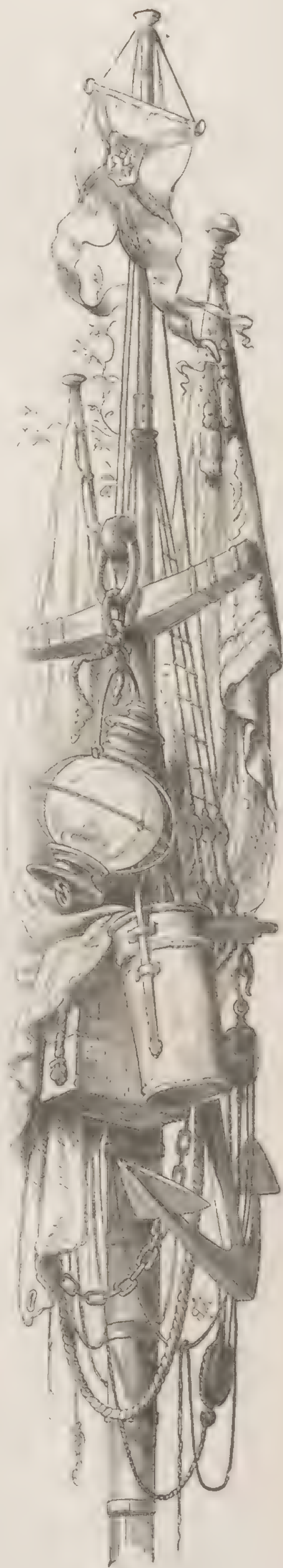
Двѣ недѣли спустя послѣ описаннаго нами торжества бракосочетанія герцога и герцогини курляндскихъ,—именно 13-го ноября 1710 г.,—царь устроилъ шутовской свадебный поѣздъ изъ карликовъ, по случаю женитьбы своего карлы Екима Волкова, на такой же крошкѣ, какъ онъ. Затѣя эта приготовлялась, какъ видно, задолго, потому что съ весны еще собирались свѣденія: у кого именно изъ русскихъ баръ жили карлики и карлицы, не только въ Москвѣ, но и у тѣхъ, кто оставался въ помѣстьяхъ своихъ. Тщательныя розысканія привели въ извѣстность нахожденіе въ Россіи 72-хъ карлъ и карлицъ и всѣ эти уродцы, изо всѣхъ мѣстъ привезены были на царскій счотъ въ Петербургъ, для куріозной церемоніи. Какъ принято было у знатныхъ персонъ: приглашать на свадьбу черезъ маршаловъ, такъ выбрали и двухъ карликовъ для подобнаго порученія и, наканунѣ пира, въ богатомъ нарядѣ, послали ихъ по домамъ зазывать въ маленькой одноколкѣ, запряженной маленькою лошадкою, разубранною въ ленты.

Утромъ, въ назначенный день, въ Петропавловской церкви, въ крѣпости, чету крошекъ обвѣнчали, проведя въ храмъ церемоніально, въ предшествіи маршала-карлика съ жезломъ. За брачною четою шолъ самъ Петръ съ министрами своими, дворомъ и множествомъ приглашонныхъ гостей. За ними же, по парно, шли свезенные съ цѣлой Россіи карлики, послѣдуемые зрителями этого куріоза. По занятіи карликами средины церкви, началось вѣнчаніе. На вопросъ священника жениху: желаетъ ли соединиться бракомъ съ своею

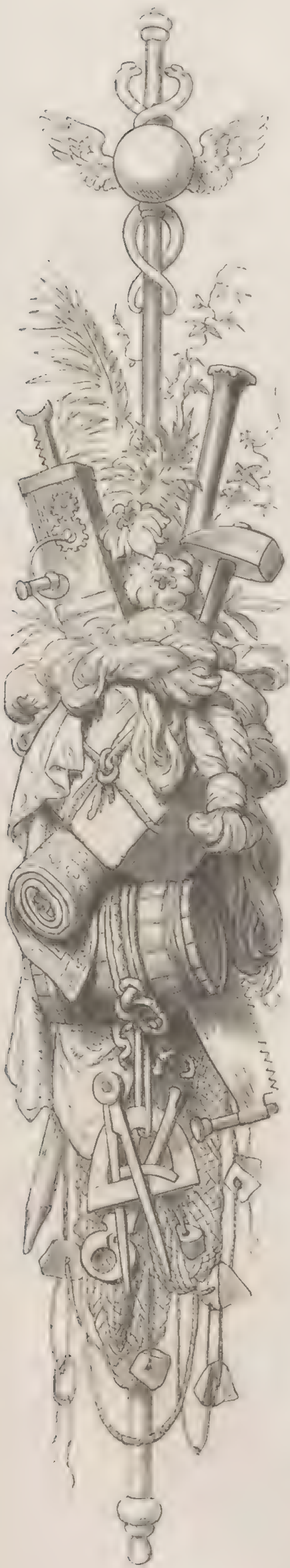
невѣстою, храбрый Екимъ отрѣзалъ:—«На ней и ни на какой другой!» а невѣста, въ свою очередь, отвѣтила, «вотъ была бы штука!» слово же *да!* произнесла едва слышно. Петръ самъ надъ этою крошкою держалъ вѣнецъ и привезъ своихъ новобрачныхъ пировать въ домъ Меньшикова, гдѣ—въ той же залѣ, гдѣ недавно пировали на свадьбѣ герцога,—вокругъ стѣнъ тянулись столы для большихъ гостей, а въ срединѣ за нѣсколькими столиками разсадили карликовъ, заставивъ ихъ маленькаго маршала провозгласить первый тостъ. Миніатюрный сановникъ пира, подойдя къ столу государя, поклонился ему до земли, вмѣстѣ съ 8-ю дружками, послѣ чего всѣ карлики выпили кубки, величины достаточной и для взрослыхъ. Неудивительно, что, будучи крѣпко на веселѣ, они принялись, къ общему удовольствію, за такіе смѣшные прыжки, кривляясь и гримасничая, что приглашонныя особы находили для себя очень увеселительнымъ такое зрѣлище, продолжавшееся часовъ до 11-ти. Молодыхъ помѣстили ночевать въ царской опочивальнѣ, а гостей распустили по домамъ. И этотъ куріозъ, на долго не вышедшій изъ памяти зрителей, былъ нарисованъ по повелѣнію государя и награвированъ даже, для увѣковѣченія самаго случая.

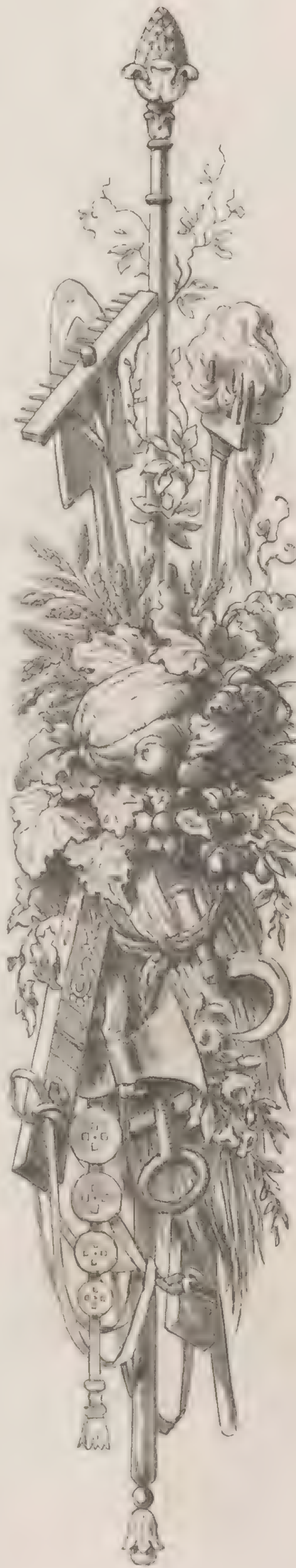
Но, въ то время, когда царь Петръ веселился въ своемъ «Парадизѣ» невскомъ, празднуя свадьбу племянницы и потѣшаясь на уродцевъ, судьба готовила ему кучу непріятностей, въ близкомъ будущемъ. Турки, не смотря на подтвержденіе мира въ началѣ года, заявили царю непріязнь въ ноябрѣ еще мѣсяцѣ, когда и Карлъ XII прислалъ изъ Бендеръ грозное рѣшеніе свое (императору, Англіи, Голландіи и проч. правительствамъ, участвовавшимъ въ вопросѣ о нейтралитетѣ имперскихъ земель), что онъ вездѣ, гдѣ окажутся его непріятели, бить ихъ будетъ и преслѣдовать не оставитъ, не смотря на всякія рѣшенія, безъ спроса и согласія его состоявшіяся, которыхъ онъ и знать не хочетъ. Война, слѣдовательно, должна была начаться разомъ въ двухъ мѣстахъ и нужно было распредѣлить такъ наши силы, чтобы противопоставить силу силѣ, и тамъ—и сямъ. Можно было надѣяться еще, что Карлъ XII приметъ непосредственное участіе въ борьбѣ турокъ и, кто знаетъ, не пожалуетъ ли онъ снова въ тѣ мѣста, гдѣ потерялъ свою армію? Эта идея, безъ сомнѣнія, рѣшила царя вести войну наступательную и для того, предписавъ князю М. М. Голицыну двинуться къ границамъ Молдавіи, съ 10 полками драгунъ, назначилъ и Шереметеву вести туда же 22 полка пѣхоты.

Готовясь самъ ѣхать, чтобы принять начальство надъ этими силами, Петръ въ Москвѣ открылъ верховный органъ исполнительной власти — Сенатъ, 22 февраля 1711 г. Цѣль учрежденія его ясно обозначена: «опредѣлили быть, для отлучекъ нашихъ правительный Сенатъ для управленія». А въ указѣ 2-го марта опредѣлена мѣра власти и отвѣтственности этаго правительства. Всѣмъ русскимъ подданнымъ повелѣвалъ государь, чтобы сенату «и ихъ указамъ» всякъ былъ послушенъ, такъ, какъ намъ самому, подъ жестокимъ наказаніемъ, или «смертію, по винѣ смотря». За тѣмъ же было объявлено, что, если сенатъ поступитъ «неправедно», то, до возвращенія царскаго, обиженный «да

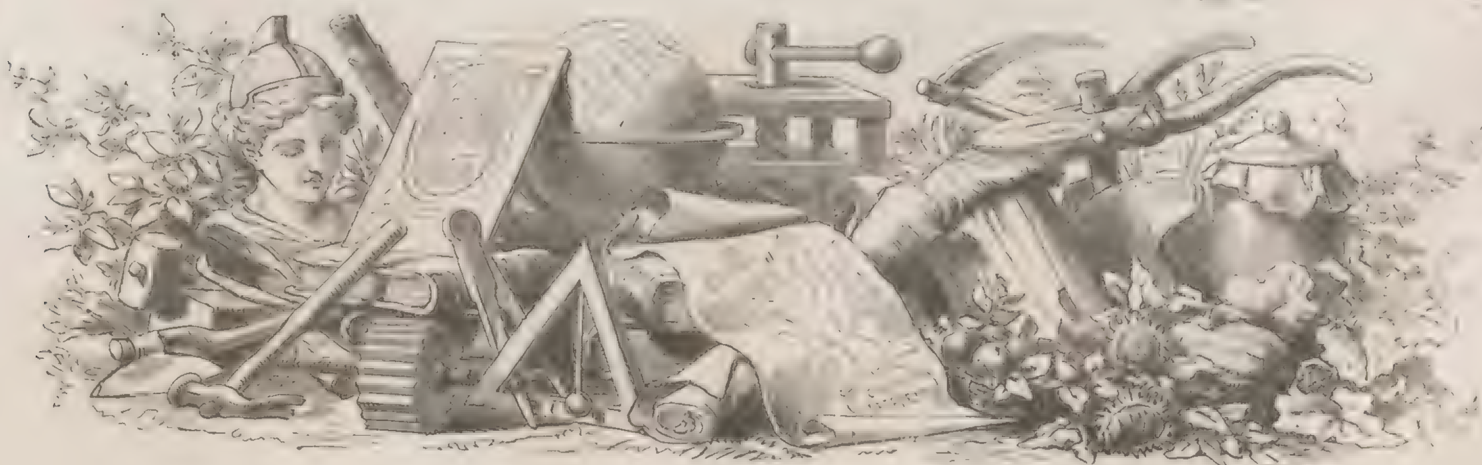

молчитъ, дабы тѣмъ не помѣшать настоящихъ прочихъ дѣлъ, и тогда да возвѣститъ намъ, однакожъ, справясь подлинно, понеже то будетъ предъ нами суждено и виноватый жестоко будетъ наказанъ». Съ своей стороны, выбранные 9 сенаторовъ, принесли, по составленной Петромъ формѣ, въ Успенскомъ соборѣ торжественную присягу, на вѣрную службу государю и государству.

Въ данномъ сенату наказѣ, на него возложено «судъ имѣть не лицемѣрный и неправедныхъ судей наказывать; смотрѣть во всемъ государствѣ расходовъ, и ненужные, особливо напрасные, отставить. Денегъ какъ возможно сбирать, *понеже деньги суть артеріею войны.* Дворянъ собрать молодыхъ, а наипаче тѣхъ, которые кроются, сыскать. Векселя исправнѣе держать и въ одномъ мѣстѣ. Товары, которые на откупахъ, или по канцеляріямъ и губерніямъ, осмотрѣть и освидѣтельствовать».—Вообще, дѣла внутренней и внѣшней торговли рекомендовались особенному вниманію сенаторовъ, на обязанность которыхъ возложено было, какъ видно, возвышать всѣми путями государственные доходы, которыхъ, по приведеніи въ извѣстность, оказалось въ 1710 году съ небольшимъ выше трехъ милліоновъ, когда одна армія требовала по современнымъ обстоятельствамъ 1,252,525 руб., на флотъ шло 444,288 руб., да на артиллерію 221,799 руб., что, съ отчисленіемъ еще на рекрутъ 30,000, доводило общій итогъ на оборонительныя средства для внѣшняго собственно отпора враговъ до 1,948,612 руб. А если прибавимъ мы еще положенные на гарнизоны 977,896 руб., то 2,926,508 руб. исключительно на военную часть, исчерпывали всѣ почти государственныя средства, не оставляя ничего на внутреннія управленія гражданскія, постройки, содержаніе двора и проч., на что требовалось 675,775 руб. Да сверхъ того, отпускалось на дипломатическую часть—«посольскія дачи»—148,031 руб. Къ займамъ же Петръ I былъ совсѣмъ неподатливъ. Было, стало быть, при такомъ положеніи денежныхъ дѣлъ, отчего задуматься ему? На одни внѣшнія дѣла и защиту своихъ владѣній, имѣлъ онъ дефицита уже 48,311 руб., а включая умѣреннѣйшее распредѣленіе внутреннихъ издержекъ, недоимка доходила до 724,086 руб., т. е. на 1/4 часть всѣхъ доходовъ, сбираемыхъ губернаторами.

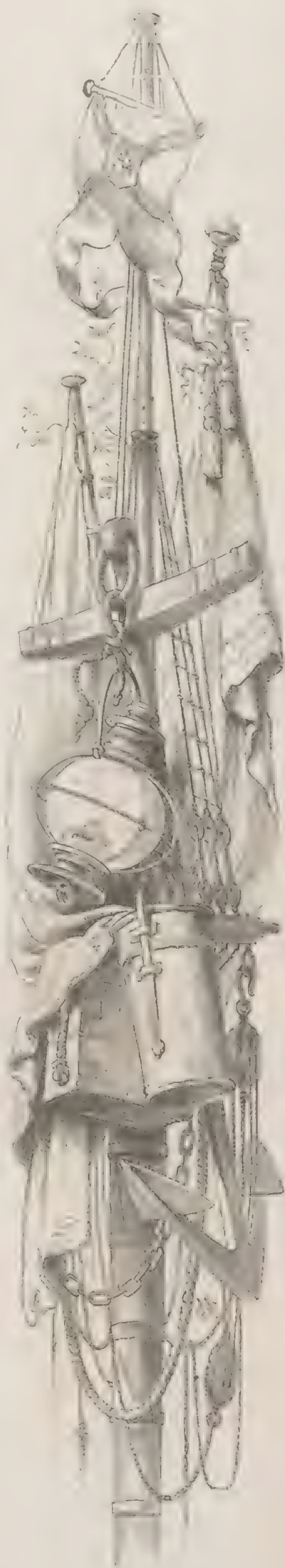
А вести войну, совсѣмъ неимѣвшуюся въ разсчотѣ, все таки приходилось. Да, нельзя было отложить или совсѣмъ оставить безъ поддержки и пріобрѣтенія наши въ Финляндіи. Шведы стояли такъ близко отъ Выборга, что оттуда слышали даже стукъ отъ ихъ работъ. Пришлось и ихъ прогонять.

Къ счастію, у насъ и у нихъ силы здѣсь были самыя ничтожныя. Флотъ же шведскій въ Біорке-зундѣ стоялъ значительный, которымъ и запертъ былъ выходъ намъ изъ Выборгскаго залива. Въ Петербургѣ дѣятельно распоряжался Меньшиковъ, и все оказалось въ это критическое для насъ лѣто вполнѣ благонадежно въ невской сторонѣ. Даже, при мелководіи, какого не помнилъ никто, къ Котлину шведы и не приходили въ эту навигацію, хотя наводненіе 10-го декабря 1710 г. совершенно испортило наши земляныя

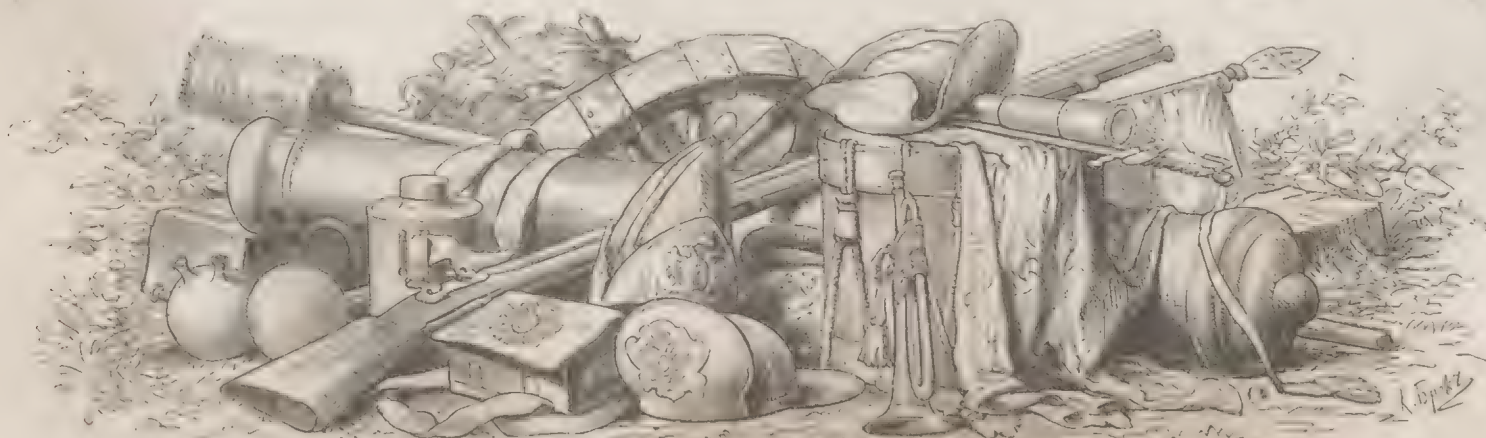

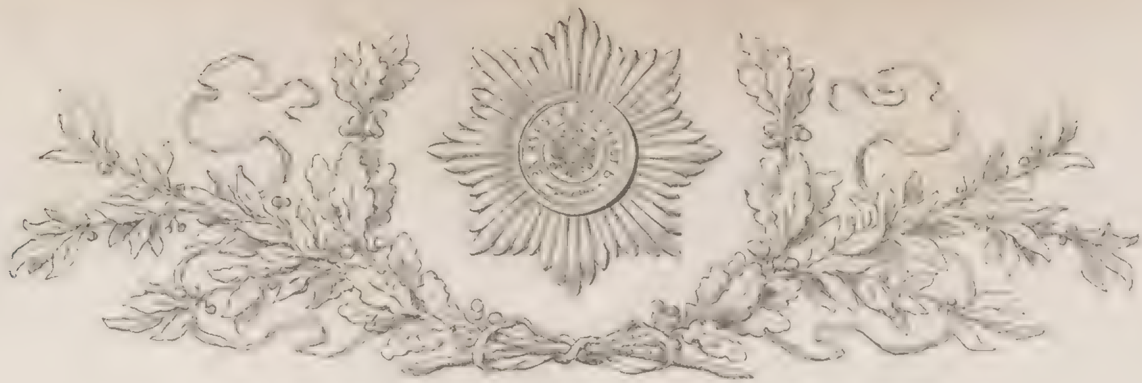

укрѣпленія на этомъ островѣ, также какъ и гавани. Покуда же починяли ихъ, князь рѣшилъ было сжечь шведскій флотъ, и для того велѣлъ Боцису дѣйствовать у Выборга брандерами; но было упущено время. Впрочемъ, такъ какъ вреда намъ не было, то здѣсь дѣла можно назвать удачными. Не таковы были они въ турецкихъ предѣлахъ.

Еще только уѣхавъ изъ Москвы, царь въ Луцкѣ заболѣлъ (28-го марта) и писалъ Меньшикову: «Объявляю, что я зѣло былъ боленъ скорьбію такою, какой болѣзни отъ роду мнѣ не бывало, ибо двѣ недѣли съ жестокими палакъсизмами была.... учусь ходить». Апраксину же сообщалъ, что «печаялъ живота себѣ отъ скорбутики». Къ болѣзни же присоединилось грустное расположеніе духа, навѣянное ходомъ дѣлъ, не предвѣщавшимъ много хорошаго. «Имѣемъ мы предлежащій, безвѣстный и токмо единому Богу свѣдомый путь», отвѣчалъ государь Меньшикову отъ 12-го апрѣля, а Шереметеву (24-го апрѣля), передавая вполнѣ на его разсужденіе: — дѣлать, что будетъ лучше, прибавлялъ «что удобнѣе, то чините, ибо мнѣ такъ отдаленному и *почитай въ отчаяніи сущему*.... невозможно разсуждать, ибо дѣла что день измѣняются». — Расположеніе это, въ первое время по прибытіи въ Яворовъ, скоро измѣнилось къ лучшему, при вѣсти о побѣдѣ князя М. М. Голицына, одержанной надъ воеводою кіевскимъ, сторонникомъ Станислава, вмѣстѣ съ татарами и измѣнниками казаками, шедшими по приказу Карла XII въ Польшу. Въ Яворовѣ же, пришлось Петру ожидать вѣтрянаго своего союзника Августа II, напрасно, цѣлый мѣсяцъ и уже выѣхавъ въ Ярославль, царь имѣлъ съ нимъ тамъ свиданіе. А на немъ положено: идти королю польскому въ Померанію, съ частью русскихъ войскъ, осадить Стральзундъ; а части польскихъ войскъ идти съ царемъ въ турецкій походъ; о чомъ и заключонъ договоръ. За тѣмъ въ Ярославлѣ, черезъ трубачей, сдѣлано публичное объявленіе войны туркамъ и великій гетманъ литовскій Поцей присоединился къ нашимъ силамъ. Проживъ въ Ярославлѣ недѣлю, за всѣмъ этимъ Петръ отправился (30-го мая) къ арміи, съ которою Шереметевъ перешолъ уже Днѣстръ, служившій границею Молдавіи. Съ господаремъ же этой страны, княземъ Дмитріемъ Кантеміромъ, заключено было соглашеніе о принятіи его въ подданство Россіи. И, отбивъ татаръ у Рашкова, фельдмаршалъ послалъ въ Яссы полковника Кропотова, для принятія города отъ господаря по договору.

Петръ съ Екатериной прибыли къ войску 9-го іюня и 12-го подойдя къ Днѣстру, переправились черезъ него при м. Сороки; 23-го же прибыли въ г. Яссы. Здѣсь царю предсталъ Кантеміръ и посолъ отъ валахскаго господаря Бранкована, между прочимъ заявившій, что визирь просилъ его владѣтеля провѣдать: не желаетъ ли Петръ заключить миръ. Вскорѣ, какъ оказалось, — но, конечно, уже въ крайности, — государь воспользовался этимъ предложеніемъ, въ Яссахъ же не обратилъ большого вниманія на заявленіе. Лучше сказать, царь, какъ замѣчено въ «юрналѣ», не принялъ предложенія «дабы не придать непріятелю сердца или куражу».

Имѣя въ виду, что оказывался недостатокъ въ продовольствіи и что турки, по тогдашнимъ извѣстіямъ, еще не всѣ перешли Дунай, а господарь указывалъ, будто въ Браиловѣ приготовлены непріятелями большіе запасы хлѣба, оставленнаго безъ обороны,—собранный въ Яссахъ военный совѣтъ рѣшился на рискованную мѣру: поспѣшить туда, въ надеждѣ предупредить враговъ; обойдя подлѣ р. Прута до Фальчи. А оттуда, черезъ лѣса, къ р. Серету, посланъ съ половиною конницы генералъ Ренъ, обязанный соединиться съ нашими силами у Галаца.

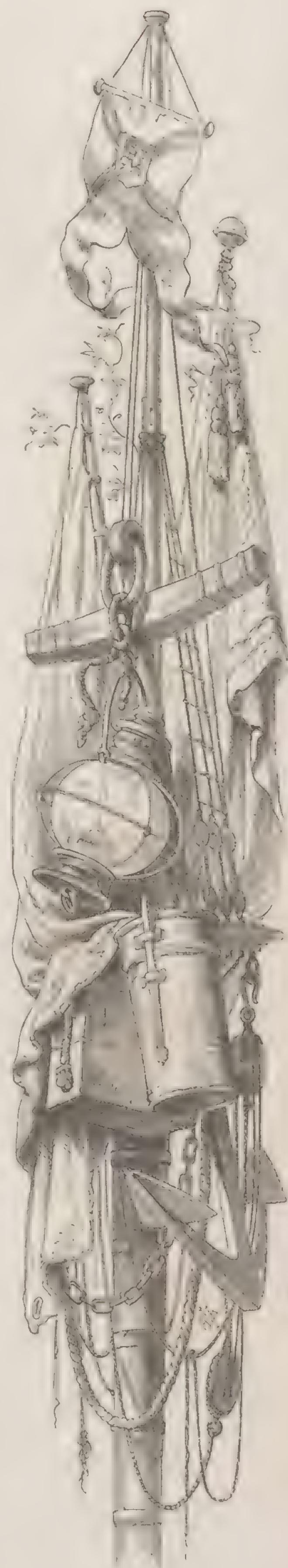
Опрометчивые разсчоты, однако, не оправдались. Въ первый же день движенія нашего къ Фальчи, по Пруту, отъ авангарда, командуемаго генераломъ Янусомъ, получено извѣстіе, что турки уже перешли р. Прутъ; хотя на самомъ дѣлѣ этого не было, а переправа сдѣлана ими уже послѣ ретированья этаго генерала къ главнымъ силамъ, — что придало непріятелямъ больше отваги.

Во всякомъ случаѣ, они предупредили насъ у Фальчи, становясь въ разрѣзъ главныхъ силъ нашихъ и отряда Рена. При этихъ обстоятельствахъ, Петръ сперва думалъ произвести движеніе къ р. Серету, но истомленіе лошадей отъ безкормицы во время слѣдованія по мѣстамъ, гдѣ траву истребила саранча,—помѣшало привести и это въ исполненіе. Военный совѣтъ собранъ снова и—рѣшилъ: воротиться назадъ; соединиться съ отставшими дивизіями Вейде и Репнина, и, въ удобномъ мѣстѣ, дать сраженіе. Это было 8-го іюля. А на утро турки перешли въ преслѣдованіе нашего аріергарда, напавъ на отставшій Преображенскій полкъ. Но онъ отбилъ ихъ; такъ что, медленно развивая только силы свои, оказавшіяся громадными, непріятели слѣдовали за нами издали. Когда же, въ полдень, данъ былъ войску роздыхъ у р. Прута, визирь,—въ противность совѣту присланныхъ Карломъ XII изъ Бендеръ генераловъ, Шпарре и Понятовскаго: чтобы, не нападая на насъ, истомить голодомъ, не вступая въ бой—аттаковалъ насъ превосходными силами своими, имѣя на лицо до 220,000 турокъ, да 70,000 конныхъ татаръ. Когда у насъ было всего 38,246 чел. (6.692 чел. конницы). Аттака нестройныхъ рядовъ непріятелей, впрочемъ, не много принесла имъ пользы; потому что правильный строй и картечный огонь артиллеріи перебили изъ нихъ до 7,000 человѣкъ. «И если бы — какъ говорится въ юрналѣ, правленомъ рукою Петра, — за ними (турками) хотя мало слѣдовали, то бы полную викторію получить могли». Но двинуться намъ было нельзя, не устроивъ укрѣпленнаго лагеря, гдѣ бы оставить свой, хотя и не большой, провіантъ. Неудача же нападенія до того уронила духъ турокъ, что, въ ночь, они,—съ той стороны, съ которой нападали на насъ, — сами сдѣлали окопъ съ батареями. Да и за р. Пругомъ, на горѣ устроили батареи, съ которыхъ открыли огонь по нашему войску, мѣшая даже брать воду изъ рѣки. Утромъ 10-го іюля, визирь еще разъ хотѣлъ аттаковать насъ, но янычары отказались идти. Въ это же время на совѣтѣ, собранномъ Петромъ, рѣшили, прежде, чѣмъ пускаться въ отчаянное дѣло съ турками, испытать, нельзя ли войти съ ними въ переговоры? Въ этихъ

видахъ, съ напоминаніемъ предложенія Кастріота (посла Валахскаго господаря Бранкована), посланъ былъ съ письмомъ къ визирю отъ фельдмаршала, унтеръ-офицеръ гвардіи Шепелевъ. А между тѣмъ приступили къ укрѣпленію обоза, чтобы, въ случаѣ отрицательнаго отвѣта со стороны непріятеля, оставя въ этомъ укрѣпленіи багажъ, попробовать пробиться. Стрѣльба съ батарей турецкихъ не много вредила намъ въ обозѣ, но по открытой степи, подъ огнемъ ея идти было все-же затруднительно. Впрочемъ, при мѣшканіи визиря отвѣтомъ, послано къ нему вторично, съ словеснымъ напоминаніемъ, что дальнѣйшее молчаніе примется нами за нежеланіе мириться и мы выйдемъ на бой. Визирь, какъ можно догадываться, былъ въ страшномъ затрудненіи; не хотѣлось ему упустить удобнаго, выгоднаго случая, и боялся онъ отчаянной храбрости нашей, не слишкомъ довѣряя своему многолюдству.

Наконецъ уже, когда увидѣлъ онъ, что отданъ приказъ, съ нашей стороны, *выступать* полкамъ *изъ обоза*,—прислалъ отвѣтъ, что мириться готовъ и ожидаетъ съ нашей стороны уполномоченныхъ. Подканцлеръ Шафировъ съ 3-мя переводчиками поѣхалъ въ турецкій лагерь, въ тотъ же вечеръ, съ полномочіемъ отъ царя: «туркамъ всѣ городы завоеванные отдать, а построенные на ихъ земляхъ раззорить, а буде заупрямятся, совсѣмъ отдать и чѣмъ возможно, султана всячески удовольствовать, чтобы для того за шведа не зѣло старался». Визирю позволено обѣщать 150,000 руб., *Кегаѣ* его 60,000 руб., чаушъ-баши 10,000 р., также, какъ и *Агѣ* янычаръ. Предложенія наши, при такой могучей поддержкѣ, приняты были охотно и такъ поспѣшно, что на утро миръ уже былъ заключенъ и 12-го іюля подписанъ. Туркамъ отдали Азовъ; обязались раззорить Таганрогъ и города на Самарѣ; въ польскія дѣла не мѣшаться; королю шведскому позволить проѣхать въ его владѣнія; также какъ дозволенъ и нашимъ войскамъ путь свободный.

Такъ кончилась эта страшная опасность для Россіи и Петра, который какъ бы предчувствовалъ это несчастіе, съ первыхъ же дней этаго неудачнаго своего похода.

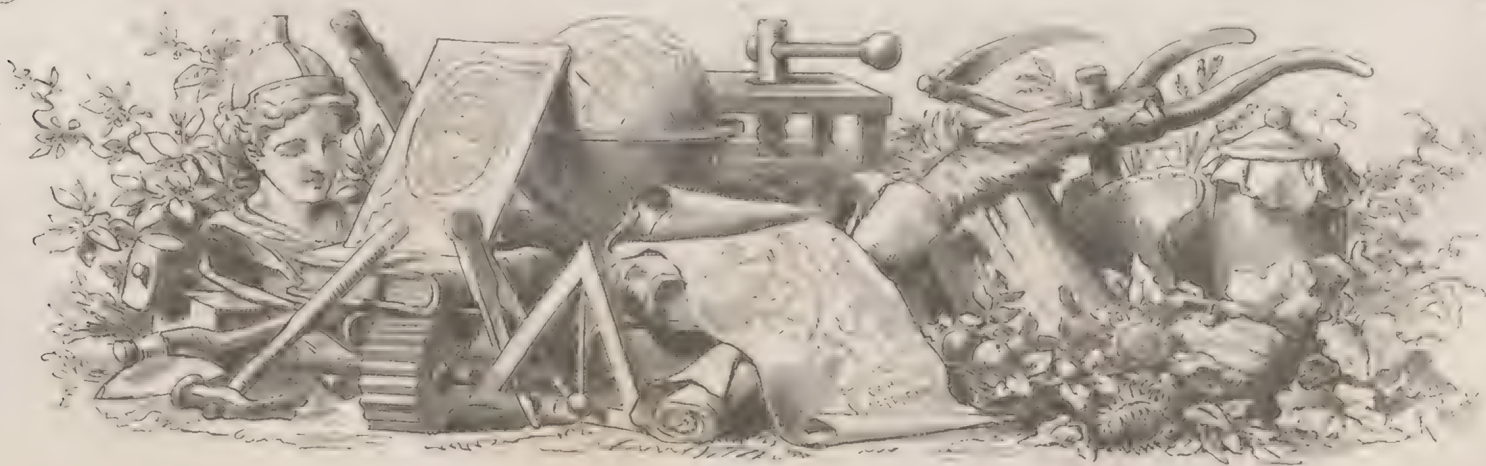
Алексѣя Петровича профессоръ Соловьевъ находитъ схожимъ по характеру съ державнымъ его дѣдомъ, царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Почтенный авторъ «исторіи Россіи въ эпоху преобразованій», указанное сходство подмѣтилъ *въ умѣ*, — одноименныхъ дѣда и внука, — *въ охотѣ пріобрѣтать познанія* «если это не стоило большого труда», *въ охотѣ читать и пользоваться прочитаннымъ*, да въ сознаніи необходимости образованія *и знанія иностранныхъ языковъ для русскаго человѣка*. Какъ ни отвлеченны и ни внѣшни сами по себѣ подобныя черты, но, допуская ихъ въ царевичѣ Алексѣѣ, мы не можемъ точно и безъ натяжекъ приписать ихъ его державному дѣду. При болѣе положительномъ изслѣдованіи особенно выдающихся сторонъ индивидуальнаго характера царевича, мы можемъ въ немъ, пожалуй, подмѣтить только отвращеніе отъ дѣлъ серіозныхъ и не любовь къ упорному труду. Но качества эти могли образоваться у царевича по есте-

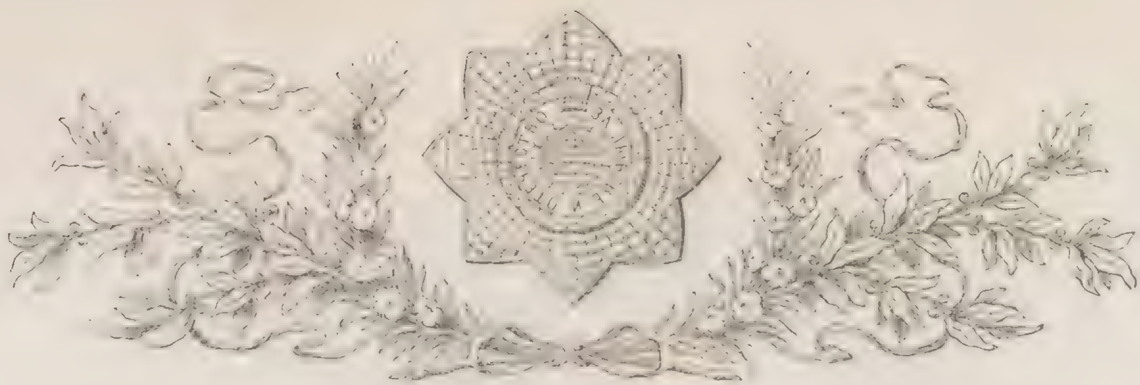

ственному закону противорѣчія, при понужденіяхъ со стороны отца *дѣлать то именно*, когда избалованный своими пестунами, въ родѣ Никифора Вяземскаго (его учителя грамотѣ, краснослова, человѣка старыхъ порядковъ, оставленнаго при царственномъ ученикѣ по удаленіи матери), Алексѣй Петровичъ не чувствовалъ къ отцу ничего похожаго на любовь; а одинъ страхъ.

Остается крѣпко сожалѣть, что обстоятельства помѣшали царю выполнить первое его намѣреніе. Какъ извѣстно, Петръ, послѣ перваго путешествія въ Европу, хотѣлъ сына воспитывать за границею; но сѣверная война остановила эти намѣренія царя, уже взявшаго было и нѣмца гувернера, Нейгебауэра, (автора извѣстнаго пасквиля, впослѣдствіи передавшагося Карлу XII), который долженъ былъ везти царевича въ Дрезденъ и жить тамъ съ нимъ. Нейгебауэръ этотъ удаленъ былъ вскорѣ же за ссору съ Никифоромъ Вяземскимъ и Алексѣемъ Ив. Нарышкинымъ, а въ гувернеры къ царевичу взятъ извѣстный баронъ Гейнрихъ Гюйсенъ, при вступленіи въ свою должность представившій царю планъ, очень разумный и практичный, которому, къ несчастію, некому было слѣдовать, за удаленіемъ наставника, для выполненія политическихъ порученій, за границу. Въ короткое время, проведенное Гюйсеномъ со своимъ царственнымъ воспитанникомъ, онъ на него, конечно, не могъ особенно вліять; тѣмъ болѣе сдѣлать ощутительною перемѣну въ нравственныхъ качествахъ. Не могъ онъ разсѣять и предразсудковъ, легко воспринимавшихся царевичемъ отъ невѣжественной среды, его окружавшей, гдѣ подражаніе царю Петру понималось въ однѣхъ попойкахъ, къ которымъ рано пріучился и Алексѣй Петровичъ, по словамъ своего великаго родителя, одаренный отъ природы вовсе не дурными способностями. Вредныя же вліянія среды, окружавшей царевича въ эпоху развитія его способностей, прежде всего обнаружились въ поддерживаніи въ Алексѣѣ любви къ бездѣйствію и грубымъ удовольствіямъ, къ которымъ молодой человѣкъ его лѣтъ легко получаетъ охоту, если его не останавливать. А какъ останавливать людямъ, весь близорукій разсчотъ которыхъ клонился къ ихъ собственному необремѣненію и возможности весело проводить время? Подмѣтивъ въ молодомъ человѣкѣ наклонности, совсѣмъ противоположныя отцовскимъ, окружающіе царевича, вмѣсто направленія его воли въ соотвѣтствіе государевымъ требованіямъ, старались, на оборотъ, научить его хитростямъ; чтобы, при помощи ихъ, обманывать царя-отца и дѣйствовать въ направленіи обратномъ его намѣреніямъ. Сразу и прямо возставать противъ нововведеній царя, они, конечно, не стали внушать Алексѣю, который могъ легко проговориться, и открыть, такимъ образомъ, вредъ дѣлаемыхъ ему внушеній. Окружавшіе царевича довольствовались сперва отрицательными намеками. А изъ нихъ дѣтскій умъ царевича,—вынесшій изъ поступка отца съ его матерью только непріязнь къ родителю—понималъ одно: общее неодобрѣніе Петровыхъ начинаній, выдаваемыхъ за излишнія и общеотяготительныя. Когда же, при такомъ направленіи дѣтскаго мышленія царевича, началъ его отецъ брать съ собою

въ военныя экспедиціи, и,—судя о сынѣ по себѣ,—давать ему порученія, которыя не имѣлъ досуга самъ выполнить; и которыя равно не нравились лѣнивымъ приближоннымъ Алексѣя, а ему были не совсѣмъ понятны и могли возбуждать одинъ страхъ за невольныя въ чомъ либо опущенія;—не трудно было, только поддерживая его собственныя незрѣлыя идеи, укрѣпить антипатію къ непроизвольной и нелюбимой дѣятельности. Въ царевичѣ уже рано стала проявляться наклонность къ формальной сторонѣ религіи и, скоро, крестовый священникъ его, Яковъ Игнатьевъ, пріобрѣлъ исключительное вліяніе на Алексѣя Петровича. Отъ природы хитрый и вкрадчивый, онъ съумѣлъ сдѣлаться повѣреннымъ всѣхъ тайнъ царевича и, на-духу, слыша его признаніе въ нерасположеніи къ отцу, не только не старался уменьшить это благоразумными внушеніями, но скорѣе, изъ видовъ своихъ, усиливалъ ихъ; самъ передавая всѣ темные слухи въ народѣ, неблагопріятно относившіеся къ затѣямъ царя.

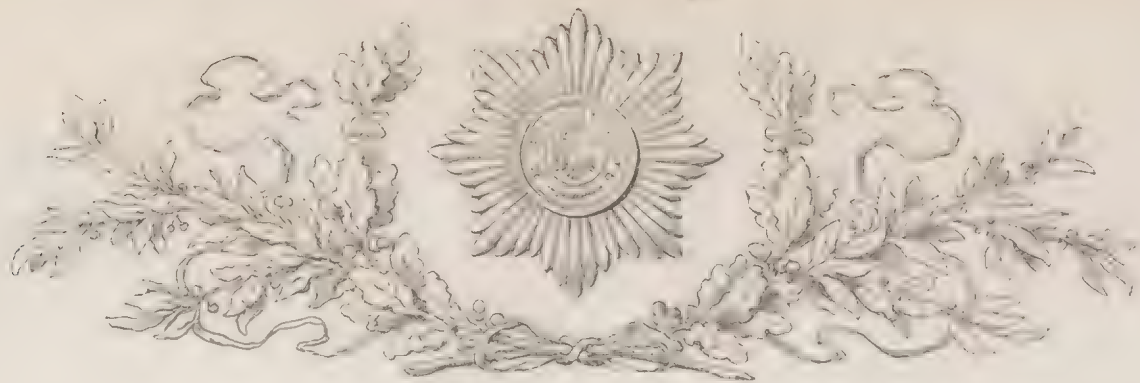
Всѣ дурныя стороны нравственныхъ наклонностей царевича были въ немъ уже сильно укрѣпившись, когда, вслѣдствіе Полтавской побѣды, авторитетъ русскаго царя высоко поднялся въ глазахъ сосѣдственныхъ владѣтелей Европы, и, заключивъ съ ними выгодные союзы, Петръ рѣшился послать, хотя и поздно, уже физически совсѣмъ развитаго, своего наслѣдника: доканчивать образованіе въ Германію. Къ тому же, зимняя экспедиція съ новонабранными полками въ Ахтырку, въ началѣ 1709 г., уложивъ тамъ надолго въ постель царевича, потребовала серіознаго леченія его и, къ осени, состоялось отправленіе Алексѣя Петровича въ Европу.

Отправляя, Петръ далъ сыну слѣдующій наказъ.

«*Зоонъ* *) объявляемъ вамъ, что по прибытіи къ вамъ господина князя Меньшикова (все еще считавшагося гофмейстеромъ царевича) ѣхать въ Дрезденъ, который васъ туда отправитъ и кому съ вами ѣхать, прикажетъ — приказываемъ вамъ, чтобы, вы будучи тамъ, честно жили и прилежали больше ученію, а именно: языкамъ, которые уже учите, нѣмецкій и французскій, такъ геометріи и фортификаціи, также отчасти и политическихъ дѣлъ. А когда геометрію и фортификацію окончите, — отпиши къ намъ. За симъ управи Богъ путь вашъ». Меньшиковъ, назначивъ ѣхать съ царевичемъ сыну канцлера, Александру Гавриловичу Головкину, да князю И. Ю. Трубецкому — выбралъ хорошо обученныхъ господъ. Изъ нихъ, благодаря близости лѣтъ, царевичъ, хотя и настраиваемый враждебно духовникомъ своимъ да Вяземскимъ, тутъ же бывшимъ, особенно дружески сошолся съ Головкинымъ. Наказъ отца буквально онъ тоже выполнилъ: учась въ Дрезденѣ, къ концу 1710 г., *геометрію кончилъ*. За тѣмъ предстояло писать отцу и высказать—согласно его желанію, чтобы сынъ женился непремѣнно на иностранной принцессѣ: кого онъ избираетъ въ подруги жизни? Выборъ серд-

*) Сынъ — по голландски.

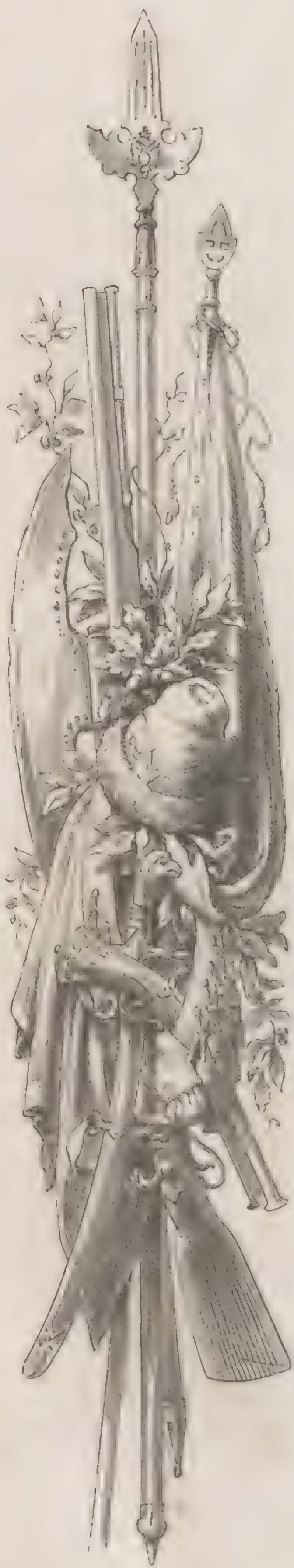

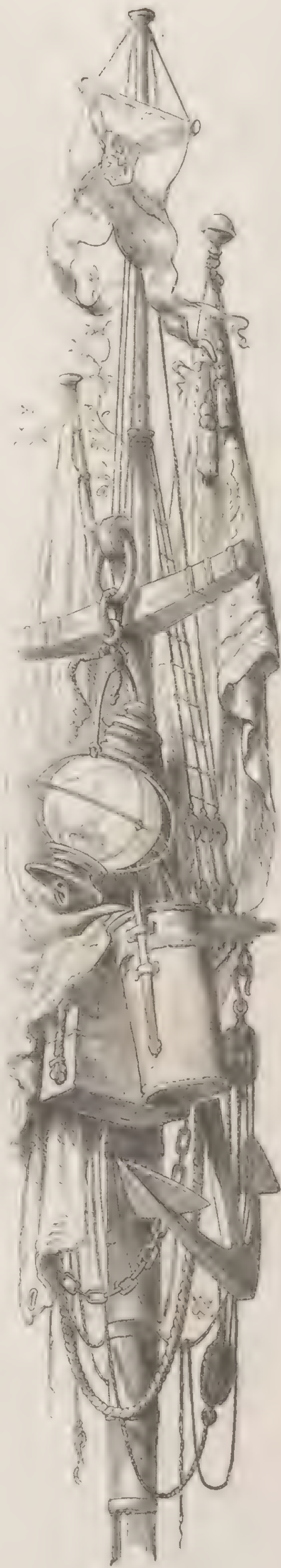
цемъ его, тоже былъ уже сдѣланъ, а Головкинъ молодой и Урбихъ, посланникъ царя въ Вѣнѣ, устроили почти совсѣмъ уже и самое дѣло, замѣтивъ, что, проводя еще первую зиму въ Дрезденѣ—царевичъ очень любезно обращался съ гостившею у Польской королевы (жены Августа II), родственницею ея, принцессою брауншвейгскою, Шарлотою Христиною Софіею. Сестра ея была замужемъ за бывшимъ претендентомъ на испанскій престолъ, эрцъ-герцогомъ Карломъ, по смерти брата своего Іосифа въ 1711 г., вступившимъ на императорскій германскій престолъ подъ именемъ Карла VI. Молодая принцесса сильно правилась Алексѣю. Въ письмахъ своихъ къ своему повѣренному духовнику писалъ онъ, «что она — человѣкъ добръ»; за всѣмъ тѣмъ прошолъ цѣлый годъ почти, до того вождѣленнаго дня для брауншвейгскаго герцогскаго дома, когда мать невѣсты, герцогиня Христина Луиза, сообщила Урбиху, что *царевичъ объяснился съ польскою королевою и дочерью,* самымъ учтивымъ и пріятнымъ образомъ. «Моя дочь Шарлота увѣряетъ меня, что принцъ очень перемѣнился къ своей выгодѣ; что она считаетъ себя счастливою и очень польщена честью, какую принцъ и царь оказали своимъ выборомъ»—писала счастливая мать, 9 ноября 1710 года. Но согласіе царя на заявленіе послѣдовало только спустя пять мѣсяцевъ; мы разумѣемъ брачный договоръ въ Яворовѣ, а не выборъ. Въ дѣлѣ выбора сыномъ той или другой невѣсты, Петръ не принималъ никакого участія. Въ глазахъ царя въ этомъ случаѣ, наклонность сына играла единственную роль; а самъ онъ, какъ родитель и государь, заявлялъ единственное условіе, чтобы избранная принадлежала къ семейству европейскихъ владѣтелей. Это единственное требованіе было только и заявлено сыну, какъ существенно согласное съ политикой Россіи, отнюдь не искавшей матеріальныхъ выгодъ или поддержки черезъ подобный союзъ государева наслѣдника. Петръ I, какъ извѣстно, выразился лаконически о родственныхъ связяхъ, пріобрѣтаемыхъ бракомъ сына «домъ князей Вольфенбительскихъ нашихъ сватовъ, *изрядный!*» т. е. такой, который не нанесетъ намъ безчестія. Для царя русскаго больше не было и нужно.

Живя же въ Яворовѣ въ апрѣлѣ уже 1711 г., подъ вліяніемъ самыхъ грустныхъ предчувствій всего, самаго не выгоднаго для себя въ будущемъ, Петръ I, какъ извѣстно, окончательно утвердилъ проэктъ договора о вступленіи въ бракъ своего сына. Договоромъ этимъ, принцессѣ-супругѣ предоставлялось: право оставаться при исповѣданіи лютеранскомъ; но дѣти должны были быть православными. На содержаніе въ годъ договорено выдавать супругѣ царевича по 50,000 р., съ единовременнымъ отпускомъ до свадьбы 25,000 р. Ежегодную дачу Петру хотѣлось уменьшить до 40,000 р., но родные невѣсты стояли упорно на указанной цифрѣ, равно и на предполагавшемся отпускѣ половины содержанія ей; если она, овдовѣвъ, не захочетъ жить въ Россіи. Поѣхавъ самъ за дѣломъ улаженія денежныхъ условій въ Брауншвейгъ, весною 1711 г., царевичъ прожилъ у родныхъ невѣсты цѣлое лѣто. Петръ же, прибывъ отъ Прута въ Варшаву 26-го августа, оттуда,

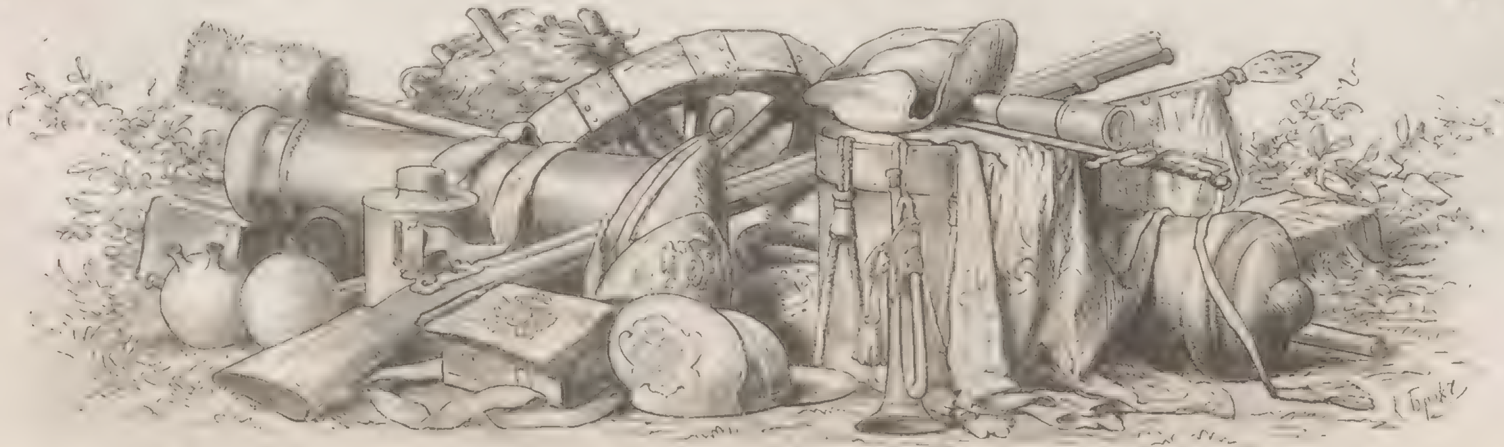
черезъ Познань переѣхалъ въ Дрезденъ (9-го сентября) и, ночевавъ только въ столицѣ Саксоніи, отправился пользоваться минеральными водами въ Карлсбадъ. Здѣсь онъ пробылъ до 3 октября; оттуда же, проведя пять дней въ Дрезденѣ (съ 7 по 12 октября), царь пріѣхалъ въ г. Торгау 13 числа, «гдѣ государь царевичъ и кронпринцесса (невѣста его); дѣдъ ея, отецъ и мать уже дожидались, и стояли всѣ въ замкѣ». На слѣдующій день (14-го октября) здѣсь и совершено было бракосочетаніе Алексѣя съ Шарлотою.

Вѣнчаніе наслѣдника русскаго престола съ принцессою Брауншвейгскою, совершено было въ залѣ, на возвышеніи въ 4 ступени, подъ балдахиномъ; въ присутствіи, кромѣ поименованныхъ родныхъ невѣсты, еще польскаго короля съ супругою. Петръ самъ поставилъ сына на амвонъ, а дѣдъ привелъ Шарлоту, надъ которою во время вѣнчанія вѣнецъ держалъ молодой гр. Головкинъ. «По вѣнчаніи кронъ-принцъ съ кронъ-принцессою потомъ цѣловались, потомъ царское Величество ихъ поздравивъ, цѣловался же съ кронъ-принцессою, потомъ цѣловались съ королевою матерью и прочими», какъ замѣчено въ журналѣ. Послѣ же вѣнчанія всѣ пошли за столъ. Изъ русскихъ были князья: Василій Л. Долгорукій, Борисъ А. Голицынъ, Ю. Н. Трубецкой, графъ Головкинъ съ сыномъ, да Брюсъ. Послѣ стола были танцы.

Послѣ свадьбы сына на шестой день изъ Торгау Петръ уѣхалъ въ Берлинъ, на свиданіе съ прусскимъ королемъ; а недѣли черезъ три и царевичъ поѣхалъ въ Торнъ: распорядиться продовольствіемъ войскъ. Туда же къ нему, въ декабрѣ, пріѣхала и супруга. Здѣсь молодая чета провела зиму и весну 1712 г. Прибывъ въ Померанію командовать войсками, князь Меньшиковъ нашолъ здѣсь своего воспитанника въ затрудненіи на счотъ денегъ, къ сроку ему не высланныхъ. Изъ за этаго Шарлота очень гнѣвалась и когда осенью привезено ей было Балкомъ письмо свекра, призывающее въ Россію—она на отрѣзъ отказалась; жалуясь на недостатокъ сочувствія и родственной любви царя къ ея ближнимъ. Чтобы утѣшить невѣстку въ ея наивныхъ требованіяхъ, въ февралѣ 1713 г., проѣздомъ изъ Ганновера, забывая личное неудовольствіе,—особенно усиленное отъѣздомъ Шарлоты въ Брауншвейгъ,—Петръ видѣлся съ нею и родными ея въ Зальцдаленѣ и, уладивъ дѣла къ обоюдному удовольствію, взялъ слово съ нея прибыть лѣтомъ къ мужу въ Петербургъ. Она сдержала обѣщаніе. Въ то время, когда царевичъ и царь въ іюнѣ были въ Финляндіи, а Екатерина жила въ Ревелѣ, заморская гостья очутилась въ невскомъ городѣ, въ сопровожденіи своего друга дѣтства принцессы Фрисландской.

Разсказавъ свадьбы племянницы и сына царя Петра, переходимъ къ его собственному браку съ Екатериною I.

Отправляясь въ турецкій походъ, Петръ, вечеромъ 6 марта 1711 года, въ Москвѣ, сдѣлалъ, какъ извѣстно, публичное заявленіе, что Екатерина Алексѣевна—мать его дѣтей—«есть истинная государыня». Такъ и почитали ее министры и войско, въ продолженіе Прутскаго похода. И въ это-то именно время, въ самую критическую минуту для Петра и Россіи, когда близъ

Фальчи окруженъ былъ государь 220,000 непріятелей, Екатерина, пославъ съ Шафировымъ визирю Балтаджи-Мухаммеду свои брилліанты, сдѣлала его сговорчивымъ въ заключеніи Прутскаго мира. Такую заслугу Петръ вѣчно помнилъ и на первыхъ же порахъ по возвращеніи изъ Германіи, вслѣдъ за свадьбою сына и Кросенскимъ свиданіемъ — въ продолженіе котораго Екатерина жила въ Торнѣ, — въ Петербургѣ, сочетался съ нею бракомъ, *торжественно.*

Этотъ великій, для Екатерины и ея потомства, день — было 19 февраля 1712 г., (среда на *сплошной* недѣлѣ, передъ масляницею). Бракъ совершонъ былъ утромъ, въ девятомъ часу, въ церкви Исаакія Далматскаго, въ приходѣ которой, на Адмиралтейскомъ острову жилъ Петръ, какъ корабельный мастеръ. Потому и шаферами (за исключеніемъ бывшихъ его деньщиковъ: Ягужинскаго, Мурзина, да секретаря Макарова), были все морскіе чины *) — *своя семья* державнаго хозяина-кораблестроителя какъ и Меньшиковъ. Маршаломъ былъ «герценсъ-киндъ Алексаша», — въ новый тогда домъ котораго, на Васильевскій островъ, и пріѣхали высокіе новобрачные, прямо изъ церкви. Отсюда уже весь кортежъ направился къ зимнему дворцу. Съ приближеніемъ къ нему, виновницу торжества, — Екатерину, — встрѣтилъ маршалъ, и по знаку его началась пушечная пальба изо всѣхъ орудій крѣпостей Петропавловской и Адмиралтейской. По входѣ въ залу, Петръ самъ повѣсилъ по срединѣ, противъ мѣстъ своего и супруги — отличонныхъ укрѣпленными къ потолку балдахинами, — собственноручно выточенное Его Величествомъ, костяное паникадило. Оно находится теперь въ Троицкомъ соборѣ на Петербургской сторонѣ, и число вѣтвей его показывало количество дѣтей, подаренныхъ государю второю его супругою.

Повѣсивъ паникадило, царственный женихъ пригласилъ гостей сѣсть за накрытые столы. Самъ онъ занялъ мѣсто по срединѣ большого овальнаго стола, подъ балдахиномъ, имѣя по сторонамъ себя — какъ требовалъ тогдашній этикетъ — отцовъ посажоныхъ (Крюйса и Боциса); да, замѣнявшихъ братьевъ (Баса Головина — съ права — и Ѳ. Скляева, — корабельнаго мастера, слѣва). За этими церемоніальными членами свадебнаго поѣзда сидѣли послы и резиденты иностранныхъ державъ **). Пословъ отъ резидентовъ отдѣляли: канцлеръ Головкинъ, князь Яковъ Ѳ. Долгорукій и бригадиръ князь Григ. Волконскій. Противъ царя сидѣли: извѣстный начальникъ монастырскаго приказа, графъ И. А. Мусинъ-Пушкинъ, князь Б. Прозоровскій, оберъ-комен-

*) А. В. Кикинъ, (казненный по дѣлу Алексѣя Петровича 1718 г. — адмиралтействъ-совѣтникъ), М. П. Госслеръ (командоръ, потомъ контръ-адмиралъ), Янъ Попогай (капитанъ-поручикъ, командиръ корабля «Выборгъ»), И. К. Мухановъ (капитанъ-поручикъ), Н. П. Вильбуа (зять воспитателя Екатерины, Глюка — лейтенантъ тогда, потомъ контръ-адмиралъ), З. Д. Мишуковъ (штурманъ, потомъ адмиралъ, дальній родственникъ Меньшикова), Е. Скворцовъ (корабельный мастеръ), Н. А. Синявинъ (капитанъ-поручикъ, вице-адмиралъ), да С. Мануковъ, И. Кочетъ и Т. Лукинъ — мастера адмиралтейской службы; — сосѣди по домамъ съ царемъ-кораблестроителемъ.

**) Лордъ Витвортъ, графъ Фицтумъ, генералъ Якобъ де-Біс (голландскій резидентъ) и Іостъ Юль (датскій).

дантъ Брюсъ, сибирскій губернаторъ князь М. П. Гагаринъ — справа; да Савва Рагузинскій—слѣва.

На противоположной сторонѣ залы свадебнаго пира, напереди—какъ показываетъ и современное изображеніе, нами помѣщонное—за этимъ же столомъ, подъ балдахиномъ сидѣла Екатерина, имѣя подлѣ себя матерей посажоныхъ: царицу Прасковью (справа) и жену Крюйса (слѣва). Мѣста сестеръ занимали (справа) Дарья и В. М. Арсеньевы, да княжна Марья Вяземская; слѣва же — царевны Наталья Алексѣевна и Анна Ивановна, да жена канцлера. Далѣе же еще девять дамъ *) и четыре дѣвицы, между которыми находились обѣ незамужнія дочери царя Ивана. Подлѣ Екатерины I видѣнъ форшнейдеръ ея М. Г. Головкинъ. Въ срединѣ же большого стола, въ этой залѣ, отдѣльный столикъ занимали члены всешутѣйшаго собранія, со своимъ княземъ папою (Зотовымъ), владыкою (П. И. Бутурлинымъ) и архидьякономъ (кн. Ю. Ѳ. Шаховскимъ).

Во второй залѣ сидѣли дамскія особы штата царицы Прасковьи, да супруги офицеровъ флота,—въ третьей угощались офицеры арміи и флота съ вице-губернаторами; въ четвертой посажены были, приглашонные нарочно, ландраты гг. Риги и Ревеля съ другими иноземцами. Въ слѣдующихъ же двухъ комнатахъ (гдѣ накрыты были столы **) начиная съ передней: жители Петербурга съ офицерами и англичане; а въ верху—духовенство и пѣвчіе. Словомъ, гостями полонъ былъ весь дворецъ Петра, за исключеніемъ только дѣтскихъ, да опочивальни. Веселье было живое, особенно послѣ первыхъ тостовъ; за каждымъ изъ которыхъ слѣдовалъ залпъ изъ 11-ти орудій, поставленныхъ передъ дворцомъ. Можно представить себѣ, какъ многочисленны были блюда и тосты, когда чудовищный обѣдъ продолжался семь часовъ съ половиною. Не смотря на достаточное нагруженіе «явствомъ и питіемъ», угощонные до отвала находили потребность размять ноги, и четыре часа упражнялись, за тѣмъ, въ выдѣлываніи фигуръ монотоннаго минуэта, пока, въ 11 часу ночи, спускъ множества ракетъ возвѣстилъ начатіе огненной потѣхи, гдѣ въ числѣ увеселительныхъ измышленій имѣли мѣсто даже бомбы, лопавшіяся съ особеннымъ непріятнымъ трескомъ, распространяя сѣрный запахъ. Въ заключеніе былъ зажжонъ щитъ, на которомъ фитилемъ выложено было латинскими буквами слово *Vivat*.

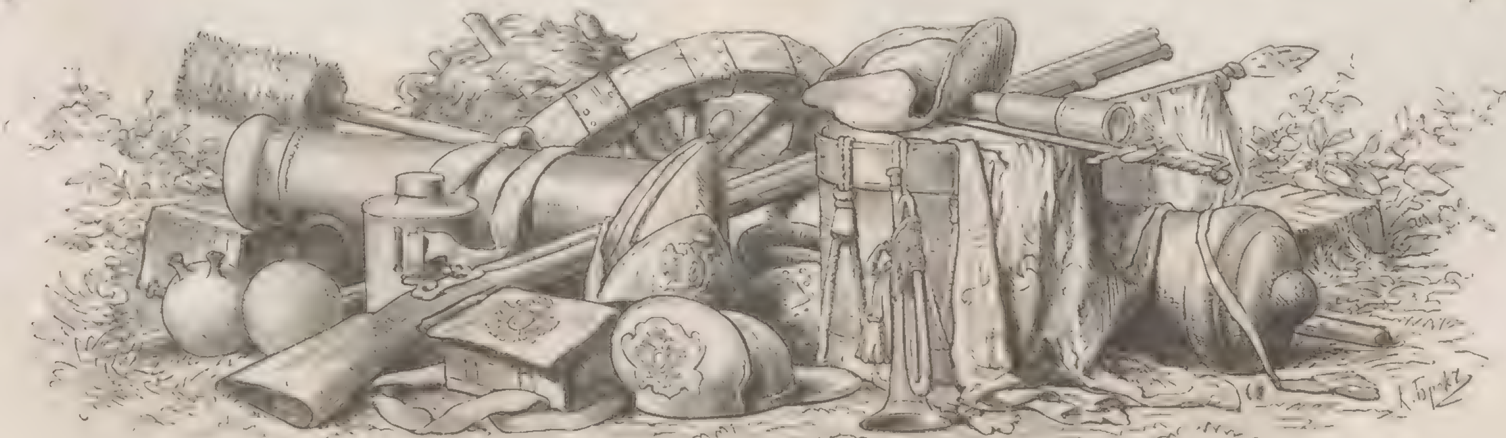
Хорошій пиръ, говорили умные предки наши, долженъ продолжиться недѣлю, а три дня — только посредственный.

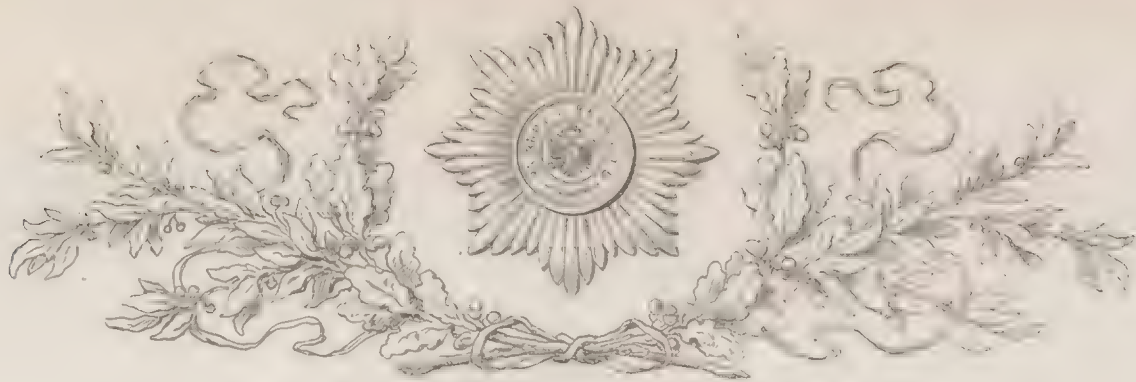
Петръ I, вѣроятно, считалъ достаточнымъ и двухдневное празднество для своей второй свадьбы.

Февраля 20-го всѣ гости, бывшіе наканунѣ, съѣхались снова въ царскій домъ къ 3 часамъ по полудни. Сперва сидѣли всѣ чинно за столами, уставлен-

*) Княгиня Настасья Голицына, жена Ив. Головкина, княгиня М. Ю. Черкасская, Пр. Агг. Корсакова, сибирская царевна, А. П. Ржевская, князь-игуменья; дочь ея А. П. Чернышева и С. И. Брюсъ.

**) Всего со столами было семь комнатъ: шесть въ первомъ этажѣ и одна во второмъ.

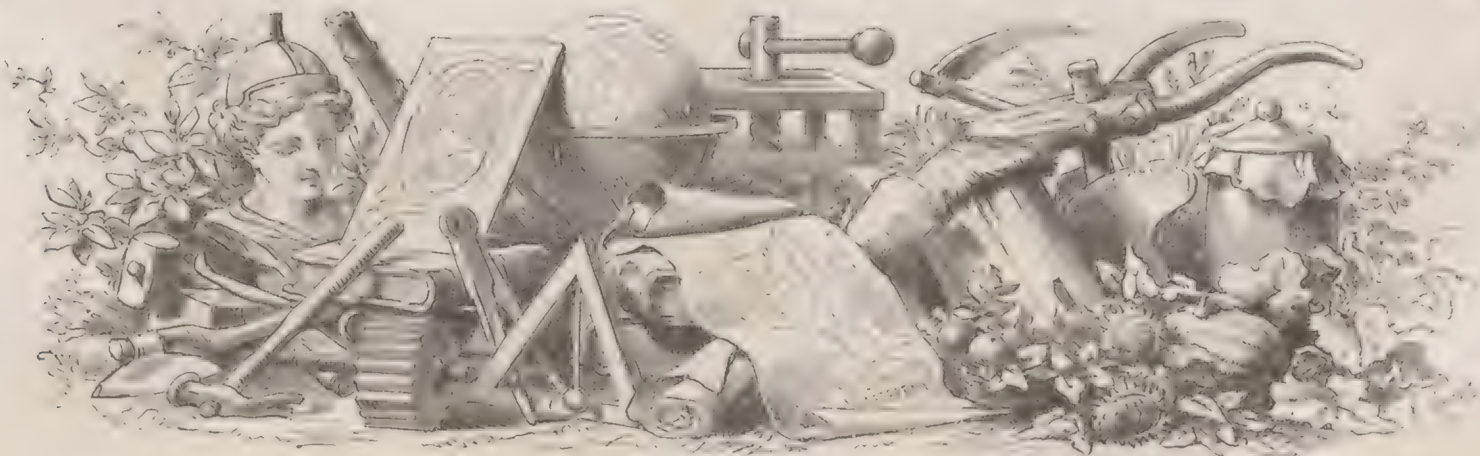

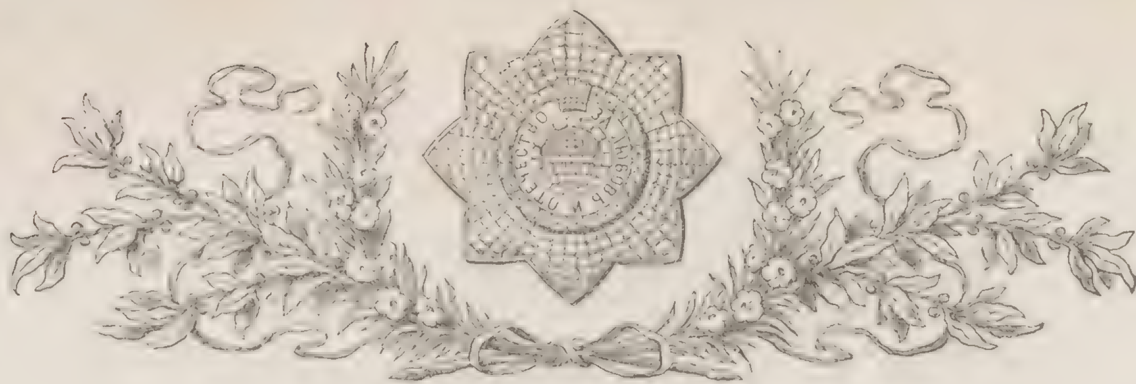
ными десертомъ; а съ 7-го часа открылся балъ, продолжавшійся до полуночи. Танцами при этомъ распоряжался дворецкій князя Меньшикова, имѣя въ рукѣ трость, увѣнчанную алмазнымъ двуглавымъ орломъ и такою же короною съ перевязью изъ зеленыхъ лентъ съ золотомъ.

Такъ отпировалъ Петръ свою свадьбу, которая должна была измѣнить прежніе виды на воспитаніе дочерей, изъ которыхъ имянины старшей царевны съ слѣдующаго года начали торжественно праздноваться. Ко времени же выхода ея изъ дѣтства составился планъ воспитанія, приличнаго принцессѣ, дочери могущественнаго монарха, имѣвшаго виды: взять въ зятья принца, съ почтенною генеалогіею.

Сперва Екатерину и дочерей ея окружали простыя урожденки Ингріи, забранныя въ плѣнъ во время первыхъ походовъ Апраксина и Шереметева. Дѣвица Толстая и княжна М. Ѳ. Вяземская были главными лицами въ администраціи «обѣихъ комнатъ»—говоря словами Екатерины I, т. е. по воспитанію цесаревенъ Анны и Елисаветы Петровны. Но, въ разъѣздахъ своихъ по Германіи (1711 г.), Екатерина уже присматривалась къ порядкамъ европейскимъ. И, хотя въ святки тѣшили царевенъ по прежнему форсами гренадеръ, приходившихъ представлять «брань лѣшаго съ козою», получая по шести рублей за трудъ свой отъ щедротъ монаршихъ, но судя по самой запискѣ въ расходъ этихъ денегъ, уже видно, что царевны имѣли извѣстныя суммы въ своемъ распоряженіи и могли изъ своего кошелька дѣлать разнаго рода отпуски. Для царевенъ приглашонъ былъ и учитель танцованія Рамбуръ (Etienne Rambourg), выучившій минуэтамъ дочерей царицы Прасковьи. Сынъ Глюка преподавалъ имъ нѣмецкій языкъ и царевна Анна очень исправно писала уже, 12-ти лѣтъ, нѣмецкія письма къ родителямъ, въ бытность ихъ въ Ригѣ (съ марта по іюнь 1721 г.). Елизавета Петровна любила музыку и танцы и отличалась хорошимъ знаніемъ французскаго языка, для практики въ которомъ взята была къ ней въ гувернантки француженка де-Лонэ, супруга директора стекляннаго завода. Петръ, какъ извѣстно, со второго своего путешествія, задумалъ уже Елизавету отдать за Людовика XV французскаго короля и съ этою цѣлью ее старались особенно образовать для блистанья въ обществѣ. Этою особенностію дѣйствительно и отличалась въ послѣдствіи императрица Елизавета, говорившая по французски, какъ по русски и предпочитавшая все французское; до того, что дворъ ея сдѣлался вѣрнымъ подражаніемъ Версальскаго, и въ роскоши, и въ удовольствіяхъ. На оборотъ, царевна Анна, съ дѣтства окруженная нѣмцами, болѣе любила домашнюю среду и имѣла всѣ добродѣтели хорошей хозяйки; взамѣнъ игривости и беззаботности младшей сестры своей. Она была очень умна, но, къ несчастію, не одарена быстротою дѣйствій; не склонна была и къ интригѣ.

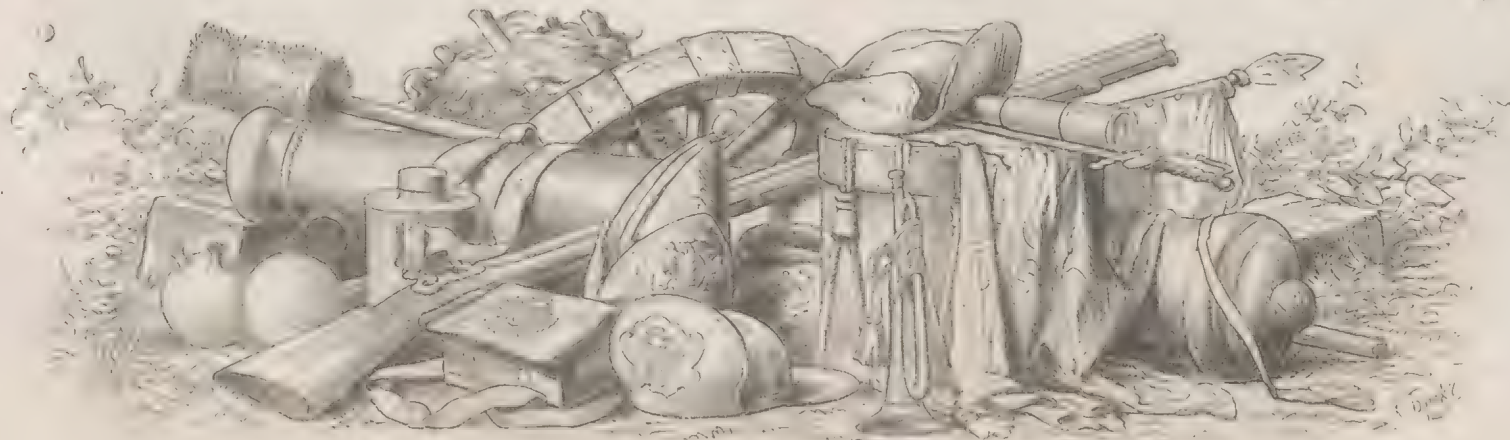

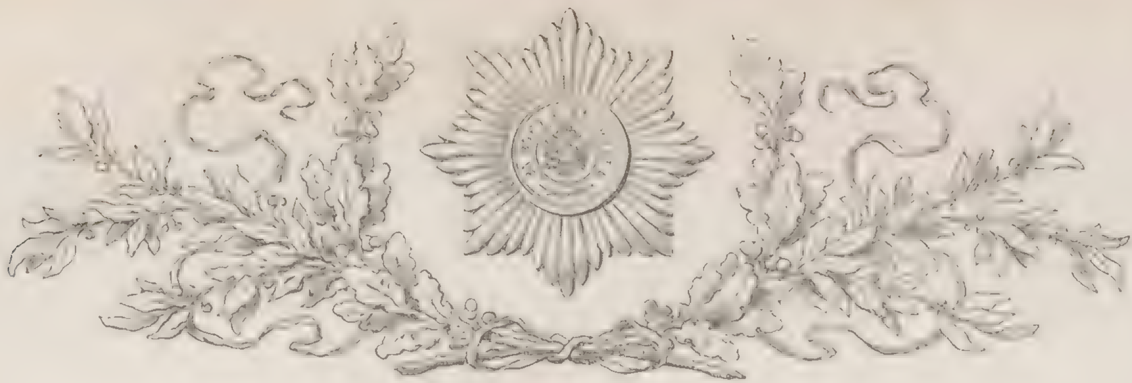
XV.

РАСПРИ СОЮЗНИКОВЪ И РАЗЪѢЗДЫ ПЕТРА ПО ЕВРОПѢ.

(1712—1717 г.).

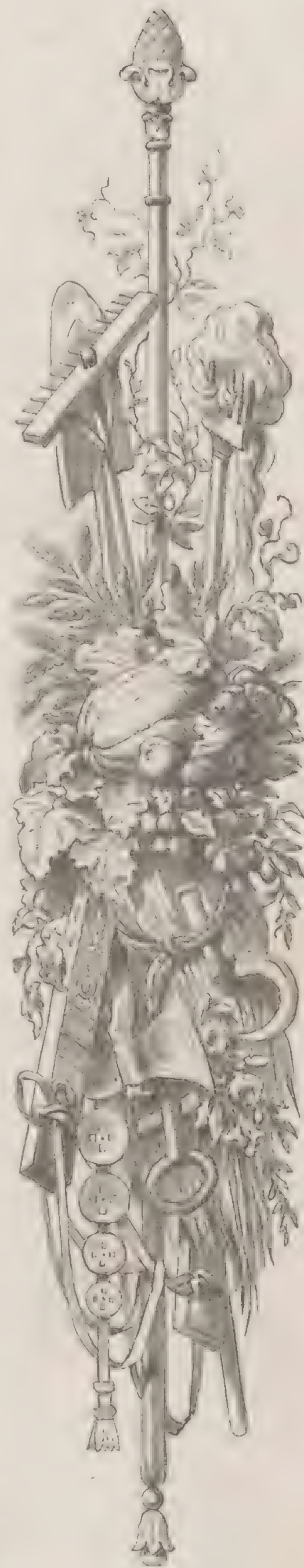
На Кросенскомъ свиданіи (22-го октября 1711 г.), гдѣ присутствовали наслѣдный принцъ прусскій (потомъ король Фридрихъ Вильгельмъ I, отецъ Фридриха II великаго) и датскіе министры Вибе и Шакъ, —положено было: отнять у шведовъ Штральзундъ, а если можно и островъ Рюгенъ, да договориться съ курфирстомъ ганноверскимъ (потомъ англійскимъ королемъ Георгомъ I) о Бременѣ и Верденѣ, которыхъ желалъ онъ получить и для нихъ заявлялъ согласіе пристать къ союзу противъ Швеціи. Съ апрѣля 1712 года положено открыть военныя дѣйствія. Между тѣмъ, находившійся въ обозѣ союзниковъ при Штральзундѣ, посолъ русскій, князь Василій Долгорукій, въ январѣ (1712 г.) сообщилъ, что король датскій и польскій, перессорившись и забывъ общее дѣло, для котораго они тутъ собрались, рѣшили отойдти каждый къ себѣ, оставивъ одно русское войско вѣдаться со шведами. Насилу Долгорукому удалось уговорить Августа II остаться передъ Штральзундомъ, а Фридерика IV оставить здѣсь 6,000 войска; но и то—при обѣщаніи польскаго короля уступить Даніи Рюгенъ, отдать ей весь дубовый лѣсъ и содержать на свой счотъ оставленныя войска. Эта непріятная новость въ соединеніи съ извѣстіемъ о высадкѣ 6,000 шведовъ въ Висмарѣ, рѣшили Петра, вслѣдъ за своею свадьбою, послать въ Померанію князя Меньшикова съ кредитивами къ союзнымъ государямъ, въ которыхъ говорилось, что фельдмаршалъ назначенъ главнокомандующимъ русскимъ войскомъ. Силы наши, по просьбѣ саксонскаго министра Фицтума, увеличены еще 15-ю полками, рас-

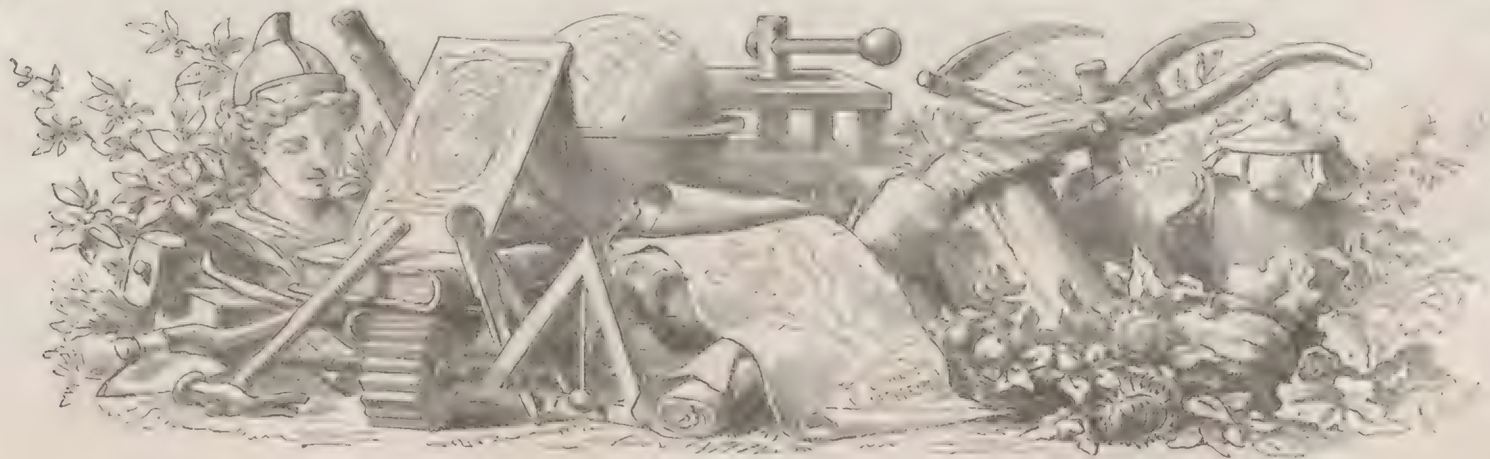

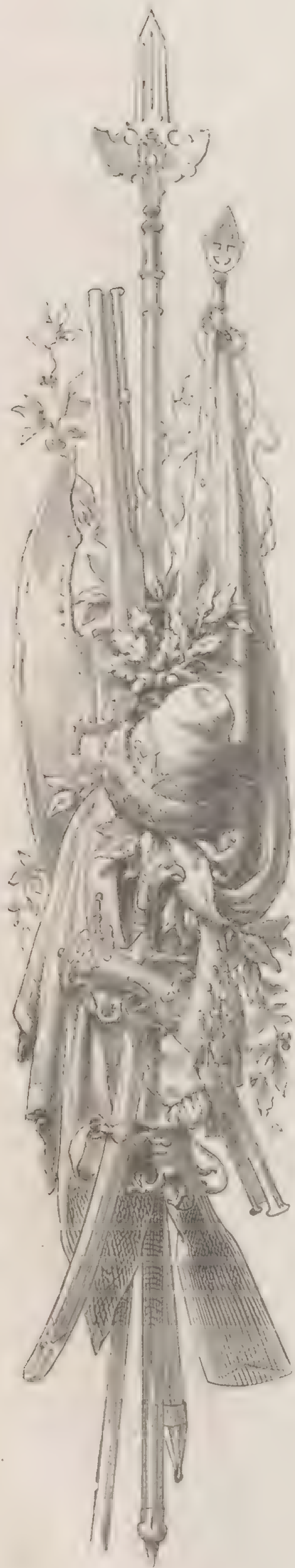
положенными въ Польшѣ подъ командою князя Рѣпнина, при которомъ находилась гвардія.

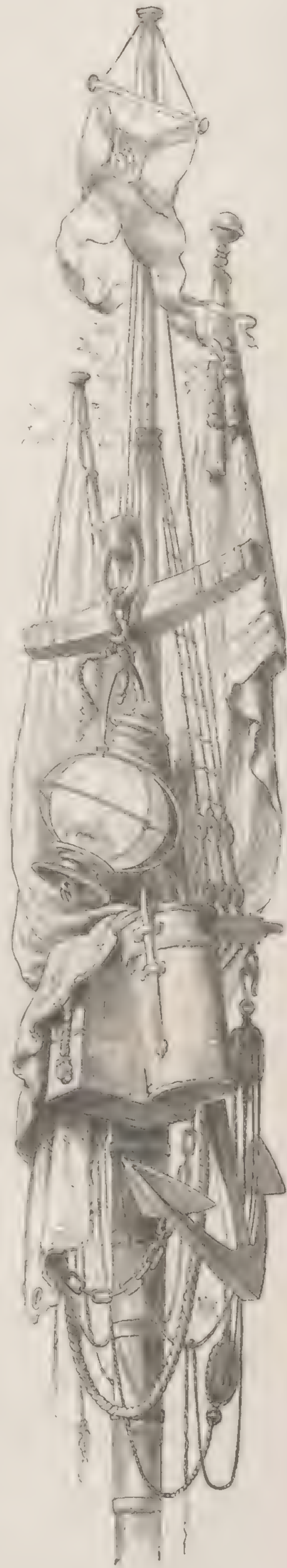
Изъ Турціи вѣсти вновь стали получаться непріятныя. Безхарактерный султанъ Ахметъ III, то совсѣмъ уже рѣшилъ выпроводить безпокойнаго шведскаго короля; то, опять, слушая его злобные навѣты, сбирался, смѣнивъ второго визиря, разорвать съ нами миръ. Въ этихъ обстоятельствахъ, пригласивъ Августа къ соучастію въ войнѣ съ турками, Петръ далъ уже приказъ двинуть южную армію къ Молдавской границѣ. Но извѣстіе, полученное въ Константинополѣ о принятіи отъ Апраксина Азова, еще разъ обезоружило султана, которому болѣе не довѣряя много, царь нарядилъ дворянъ на все лѣто къ Бѣлгороду и Сѣвску, съ оружіемъ на готовѣ. Самъ же, въ апрѣлѣ еще, съ эскадрою изъ 3-хъ кораблей, 2-хъ шнявъ, 17-ти бригантинъ и 12-ти другихъ судовъ, провелъ въ Выборгъ 45 корбасовъ съ провіантомъ для финляндскаго корпуса, ввѣреннаго князю М. М. Голицыну. Оставаясь по возвращеніи изъ Выборга въ своемъ Петербургѣ — куда уже переведенъ былъ и сенатъ, — Петръ заложилъ каменный Петропавловскій соборъ, но слыша, что датчане сбираются заключить со шведами отдѣльный миръ,—ожидая скораго возвращенія Карла XII,—іюля 15-го уѣхалъ самъ въ Померанію къ войску. Вслѣдъ за Петромъ поѣхала и Екатерина I. Въ Ригѣ, заботливаго государя ждали новыя вѣсти. Посланный Карломъ XII староста Равскій, ему преданный (Грудзинскій), собралъ шайку изъ татаръ, казаковъ-измѣнниковъ и шляхты до 15,000 ч., да съ одною частью этого скопища напалъ близъ Познани на нашъ Кіевскій полкъ и разбилъ его; тогда какъ другой части, при Шверинѣ, сдѣлать вредъ нашимъ не удалось. Меньшиковъ, при вѣсти о первой нашей неудачѣ, послалъ противъ Грудзинскаго Боура, который, нагнавъ инсургентовъ на Вартѣ, разбилъ ихъ на голову. Побѣда эта успокоила Петра, а объясненія съ Августомъ въ Ландсбергѣ (21—23-го іюля) утвердили въ необходимости энергическихъ дѣйствій. На слѣдующій день царь прибылъ съ Меньшиковымъ къ войску подъ Штетинъ, гдѣ нашолъ царевича Алексѣя и союзниковъ въ затрудненіи отъ недоставки артиллеріи, остановленной за 7 миль отъ Штральзунда датскимъ вице-адмираломъ Тегестедтомъ. Поѣхать туда переговорить, узнать въ чомъ затрудненіе и потребовать, чтобъ привезли польскую артиллерію, безъ которой упорные датчане не двигали своей — было для Петра дѣломъ трехъ дней. Въ поѣздку за этимъ въ Грипсвальде царь осмотрѣлъ за одинъ походъ и транспортный датскій флотъ; а затѣмъ, при Рюгенѣ, посѣтилъ въ морѣ и флотъ парусный, гдѣ были и наши корабли, приведенные изъ Архангельска мимо Нордкапа. Находясь на датскомъ флотѣ, царь получилъ отъ датскаго короля въ команду флотъ его и тотчасъ далъ приказъ Тегестету везти артиллерію. Это было 13-го августа. На слѣдующій день, Петръ — въ Вольгастѣ; а еще черезъ день —принимаетъ здѣсь Августа и собираетъ военный совѣтъ, на которомъ, прежде бомбардировки Штральзунда, рѣшено овладѣть островомъ Рюгеномъ. Для этого вызванъ сюда съ войсками Меньшиковъ, но датскій король уже передумалъ; флотъ

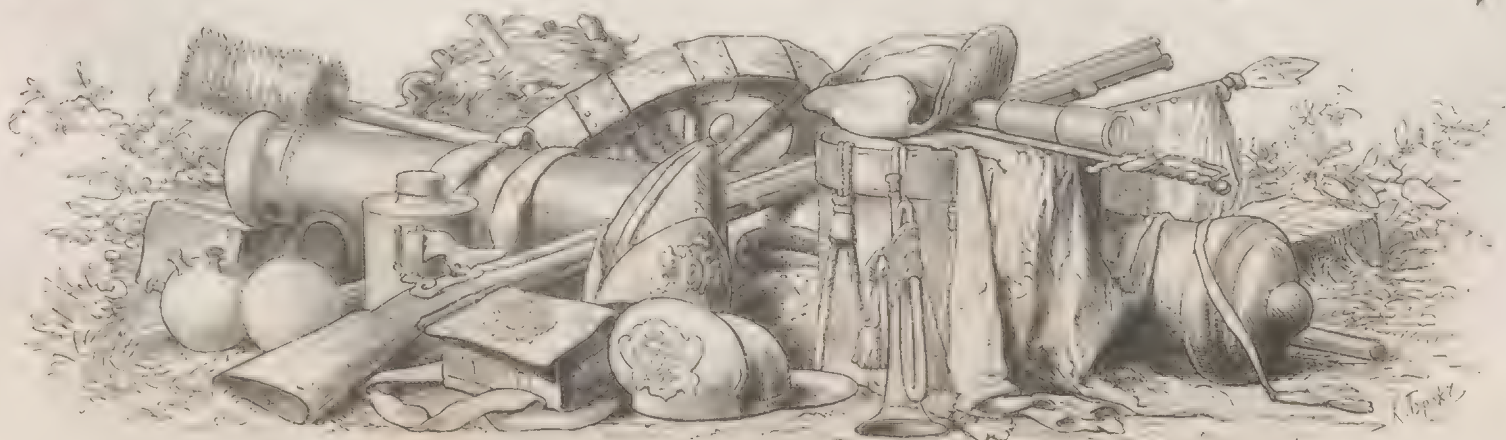

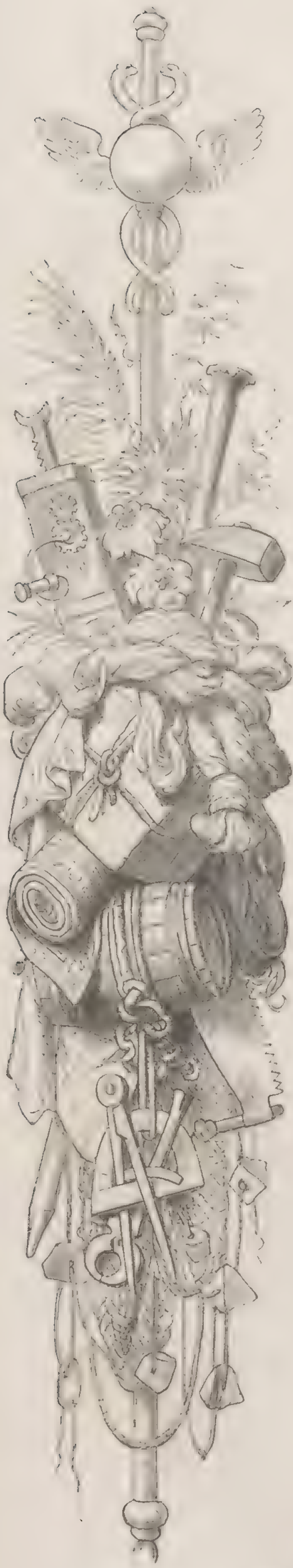

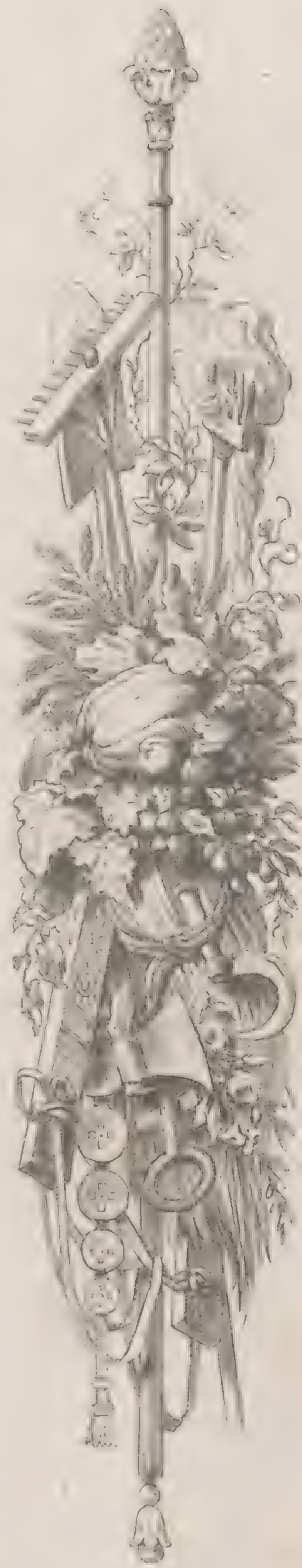

свой потребовалъ къ себѣ и овладѣніе Рюгеномъ остановлено,—на мѣсяцъ, которымъ шведы воспользовались, перевезя 6,000 человѣкъ своего войска. Тутъ уже Петръ съ неудовольствіемъ оставилъ своихъ строптивыхъ союзниковъ, чтобы ѣхать въ Карлсбадъ; чувствуя сильное разстройство въ здоровьѣ. Проѣздомъ къ минеральнымъ водамъ, царь въ Берлинѣ видѣлся съ королемъ прусскимъ, а въ Карлсбадѣ пользовался гостепріимствомъ императора Карла VI, приславшаго сюда для трактованія государя своего гофмейстера графа Вратислава, да батальонъ гвардіи для почотнаго караула. Въ подарокъ царю, императоръ прислалъ 12-ть эймеровъ рейнвейна, но государь, отклоняя отъ себя этотъ даръ (подъ предлогомъ невозможности пользоваться имъ одновременно съ водами), подарилъ вино мѣстному обществу стрѣлковъ, которое, продавъ его, образовало изъ вырученныхъ денегъ фондъ для одного благотворительнаго учрежденія. Три недѣли пролетѣли незамѣтно, но когда, окончивъ курсъ водъ (31-го октября) царь поѣхалъ въ Померанію обратно, письмо Меньшикова извѣстило его, что шведскій фельдмаршалъ графъ Магнусъ Штенбокъ, отогнавъ саксонцевъ, ушолъ изъ Помераніи въ Мекленбургъ. Цѣль этого похода была для Петра не совсѣмъ еще видна и ему казалось удаленіе самаго опаснаго противника, скорѣе выгоднымъ. Потому, не спѣша, государь провелъ нѣсколько времени въ Дрезденѣ и Берлинѣ и, прибывъ въ главную квартиру нашихъ войскъ, г. Лаго—здѣсь отпировалъ орденскій праздникъ св. Андрея, возложивъ въ этотъ день на короля Августа II знаки своего ордена и получивъ отъ него саксонскій. Только уже 7-го декабря Петръ получилъ извѣстіе, что Штенбокъ быстро идетъ къ Шверину и Гадебушу, гдѣ находились войска датскія и польскія. Послать къ королю Фридерику IV письмо, чтобы онъ не вступалъ съ шведами въ дѣло, до его прибытія и быстро двинуться на соединеніе съ союзниками—было для Петра дѣломъ одного дня. Декабря 8-го царь уже былъ въ трехъ переходахъ отъ Гадебуша, когда узналъ, что датскій король, желая получить славу побѣды одинъ, недождавшись русскихъ — началъ сраженіе съ Штенбокомъ и былъ разбитъ имъ на голову. Это извѣстіе, какъ громомъ поразило Петра, который въ горѣ поворотилъ къ Гистроу, не зная, что подумать о своемъ союзникѣ и куда направиться искать его. Прошла тяжолая недѣля ожиданія, пока разбитый Фридерикъ IV надумался прислать съ извиненіемъ къ царю своего генералъ-адъютанта Мегера, прося помочь въ настоящемъ его несчастіи. Посланный прибавлялъ, что король желалъ бы видѣться съ его величествомъ въ Нейштатѣ и будетъ ожидать тамъ отвѣта. Петръ быстро рѣшился идти за побѣдоноснымъ Штенбокомъ и 19-го же декабря двинулся съ войскомъ на встрѣчу датскому королю, отпустивъ Екатерину въ Петербургъ. Близъ Нейштата въ Помпоу, соединившись съ потерпѣвшими пораженіе, царь собралъ общій военный совѣтъ, на которомъ мысль Петра о преслѣдованіи шведовъ принята къ исполненію. Въ Гольденбау же получена вѣсть о сожженіи жестокимъ Штенбокомъ города Альтоны—что окончательно отвратило отъ стороны шведовъ, уже

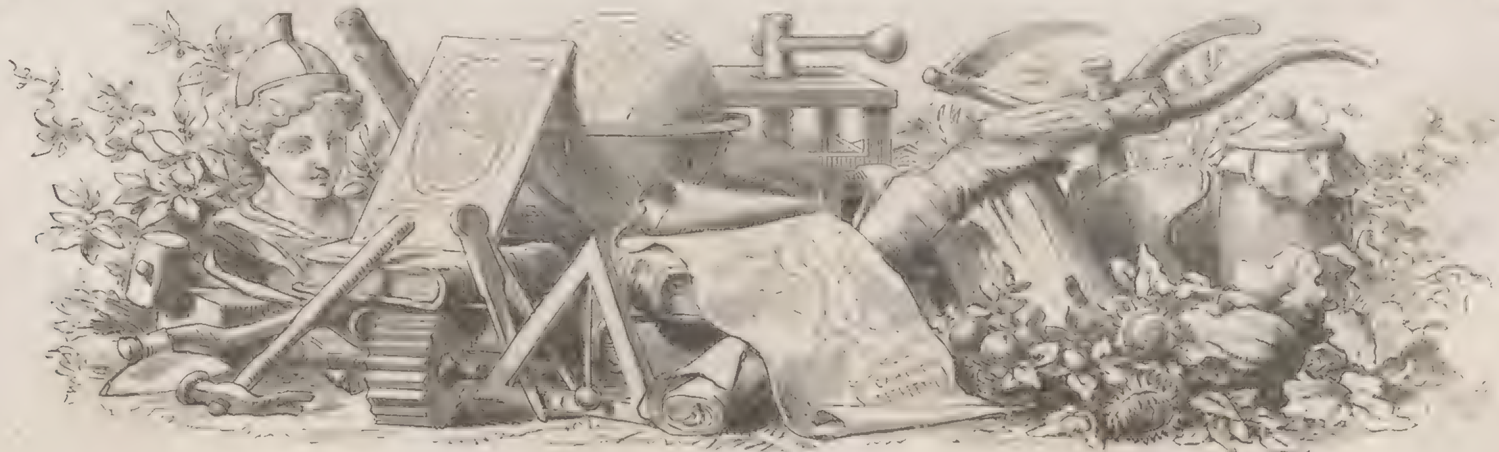

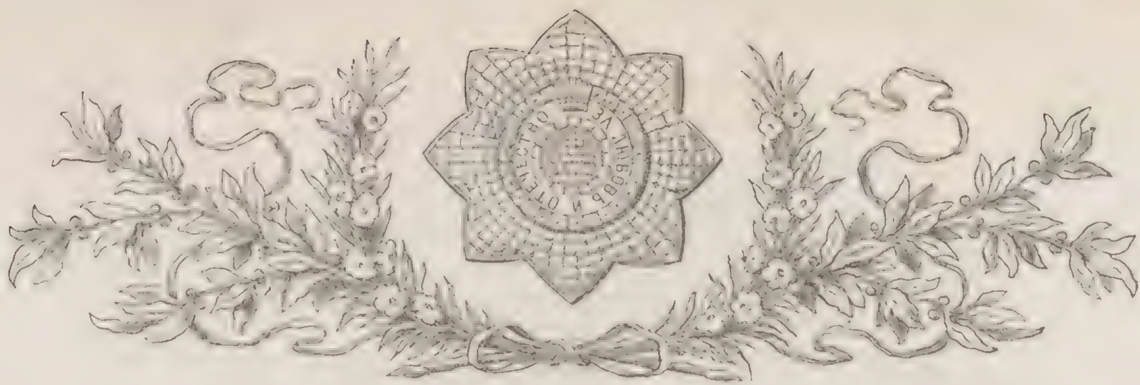

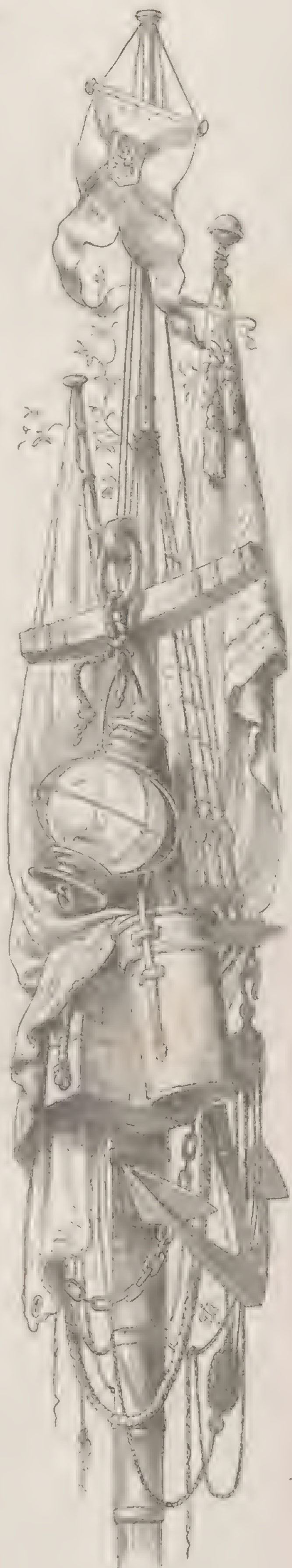
и прежде смотрѣвшаго на нихъ не совсѣмъ благосклонно, ганноверскаго курфирста. Теперь онъ самъ прислалъ въ Миленъ къ царю, вторично, своего министра Фабриціуса для переговоровъ;—въ самый день новаго 1713 года. Уговорившись съ Фабриціусомъ и узнавъ, что Штенбокъ по сожженіи Альтоны ушолъ въ Голштинію, царь далъ недѣлю отдохнуть и собраться войскамъ въ Гамбургѣ и окрестностяхъ, и отсюда 9-го января началъ поискъ за шведами. Въ Рендсбургѣ видѣлся Петръ съ датскимъ королемъ и оттуда, черезъ Шлезвигъ, 27-го числа прибылъ въ г. Хузумъ, вблизи котораго, при Фридрихштадтѣ, расположилъ Штенбокъ своихъ шведовъ, обезопасивъ подступъ къ себѣ—перекопомъ единственныхъ дорогъ черезъ дамбы. Стояла страшная распутица, отъ которой болота, шедшія сплошь по линіи дамбъ, сдѣлались совершенно непроходимыми, даже для пѣшеходовъ, не только для коннаго войска и артиллеріи. А Штенбокъ усилилъ еще топкость этихъ низменностей, прорвавъ плотины и напустивъ воды съ моря. Дамбы же у перекоповъ шведы обратили въ батареи, сдѣлавъ, по мнѣнію союзниковъ, позицію свою при Фридрихштадтѣ неодолимою. Таковъ былъ общій голосъ опытныхъ генераловъ, на военномъ совѣтѣ, держанномъ въ Хузумѣ, 29-го января, гдѣ присутствовалъ датскій король, а Петръ настаивалъ на необходимости выбитія шведовъ.

Думая, что подобная дерзкая попытка на невыгодной мѣстности, противъ предпріимчиваго и упорнаго непріятеля, должна имѣть не лучшій результатъ, какъ проигранный имъ бой при Гадебушѣ, Фридерикъ IV не только не согласился въ этомъ участвовать или дать свои войска для совокупнаго дѣйствія, но еще подговаривалъ и командира саксонскихъ войскъ — уйти изъ Хузума, такъ что Петру, рѣшившемуся на свой страхъ и одпѣми своими силами: выбить Штенбока изъ Фридрихштадта, — предстояло уговаривать датскаго короля остаться хоть въ Хузумѣ съ саксонскимъ войскомъ и нашими четырьмя полками, чтобы не дать шведамъ уйти здѣсь, если эта дамба останется открытою. Король наконецъ склонился на представленіе отважнаго Петра и царь рано по утру 30-го января 1713 г. повелъ по болотамъ свои полки къ Швабстеду. Разстояніе было меньше мили, но, утопая на каждомъ шагу въ вязкомъ иловатомъ грунтѣ, еще наводненномъ умышленнымъ прорывомъ непріятелемъ морскихъ плотинъ, царь только къ вечеру добрался до этого мѣстечка, у котораго начиналась большая дамба, ведшая къ Фридрихштадту. Первымъ дѣломъ по прибытіи въ Швабстедъ Петра, былъ осмотръ вмѣстѣ съ генералами мѣстности, до дамбы. Надѣясь всего отъ одной быстроты движенія, царь въ ночь послалъ занять дамбу храбраго маіора Преображенскаго полка Глѣбова, съ отрядомъ изъ 5-ти баталіоновъ. Къ разсвѣту Глѣбовъ уже шолъ по дамбѣ и шведы, неожидавшіе приближенія непріятеля въ бурную, темную ночь, поспѣшили только удалиться къ своему первому завалу, за перекопомъ дамбы. Они считали неодолимымъ препятствіемъ глубокій ровъ, наполненный, нахлынувшею съ сосѣднихъ болотъ, водою, при сильной покатости боковъ дамбы, обледенѣлыхъ при растаявшемъ снѣгѣ,

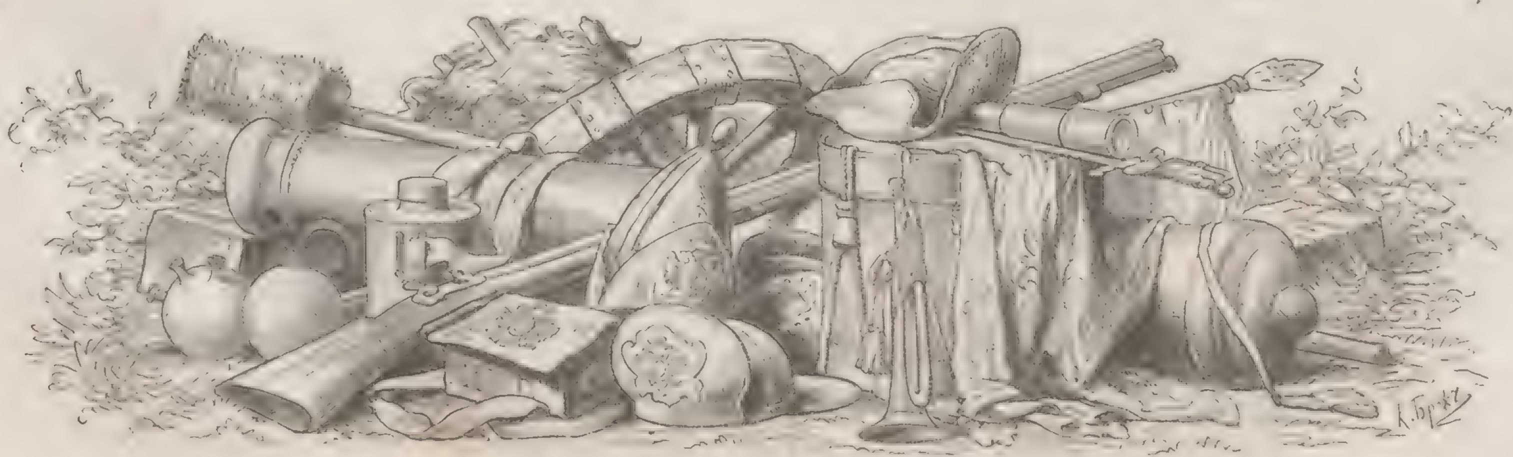

когда, къ тому же, край перекопа, господствующій надъ разрыомъ, обращонъ ими въ баттарею, огонь которой могъ уничтожить дерзкаго непріятеля. Соображенія враговъ нашихъ оказались однакожъ не точными. Солдатъ своихъ велъ самъ царь и первымъ вступивъ по поясъ въ болотную воду; онъ смѣло обошолъ подъ защитою дамбы баттарею, а за ней, при помощи штыковъ, поднимаясь на скользкую дамбу и метаньемъ гранатъ отгоняя шведовъ—съ тыла овладѣлъ ею. Распорядившись тутъ же заваломъ и заровняніемъ перекопа—чтобы перетащить артиллерію, — съ переводомъ ея отважный вожакъ пошолъ такимъ же образомъ брать второй завалъ и его баттарею, овладѣніе которыми совершено еще быстрѣе. Такъ что здѣсь уже шведы ретировались въ безпорядкѣ.

Въ это время, въ деревнѣ Кольденбютель соединился съ колонною, ведомою Петромъ — Меньшиковъ, шедшій по другой дамбѣ. За селеніемъ этимъ, между тѣмъ, укрѣпивъ возвышенность, шведы хотѣли остановить дальнѣйшее наступленіе и, сосредоточивъ огонь своихъ орудій, дѣйствительно производили страшный громъ. Но, когда Петръ развилъ свои силы и выдвинувъ три орудія приказалъ обстрѣливать ими дамбу и густую толпу непріятелей—они не выдержали. Оставивъ дамбу, пустились въ бѣгъ черезъ лугъ, до котораго не касалось наводненіе, къ Фридрихштадту; краткой дорогой. Передъ городомъ же стоялъ съ 4,000 чел. генералъ-маіоръ Штакельбергъ и съ нимъ не легко было бы справиться, но, напуганный вѣроятно бѣглецами,—въ глазахъ которыхъ число русскихъ удесятерилось,— онъ не счолъ за благо биться и поспѣшилъ оставить Фридрихштадтъ, доставшійся намъ безъ выстрѣла. Такъ что весь, казавшійся датскому королю гибельнымъ, переходъ сюда и овладѣніе дамбами—стоили Петру семи человѣкъ; при чомъ еще взяли у шведовъ 13 плѣнныхъ. Это невѣроятно дешовое пріобрѣтеніе имѣло, между тѣмъ, грозныя послѣдствія для несчастнаго Штенбока. Съ овладѣніемъ нами Фридрихштадтомъ онъ не видѣлъ для себя другого спасенія, какъ уйти къ Теннингену, при устьѣ Эйдера. Когда же союзники подошли туда и переправились черезъ рѣку, къ самой крѣпости, шведы, перебивъ лошадей своихъ, вошли въ Теннингенъ и заперлись здѣсь, въ отчаяніи.

Видя очень хорошо, что изъ Теннингена Штенбоку не уйти, Петръ не счолъ уже болѣе нужнымъ находиться при арміи и, сдавъ начальство датскому королю, оставилъ его продолжать осаду, а самъ поѣхалъ въ Ганноверъ, куда звалъ его новый союзникъ—курфирстъ Георгій (съ слѣдующаго года король англійскій). Онъ теперь заискивалъ въ царѣ, видя въ немъ единственнаго двигателя коалиціи противъ Швеціи, отъ которой ганноверскому владѣтелю, какъ говорено уже, — хотѣлось пріобрѣсти города Бременъ и Верденъ.

Залучивъ царя къ себѣ теперь, Георгій устроилъ для дорогого гостя рядъ пышныхъ угощеній и празднествъ, каждый день давая то комедію, то оперу. Такъ что всѣ четыре дня пребыванія здѣсь Петра можно бы

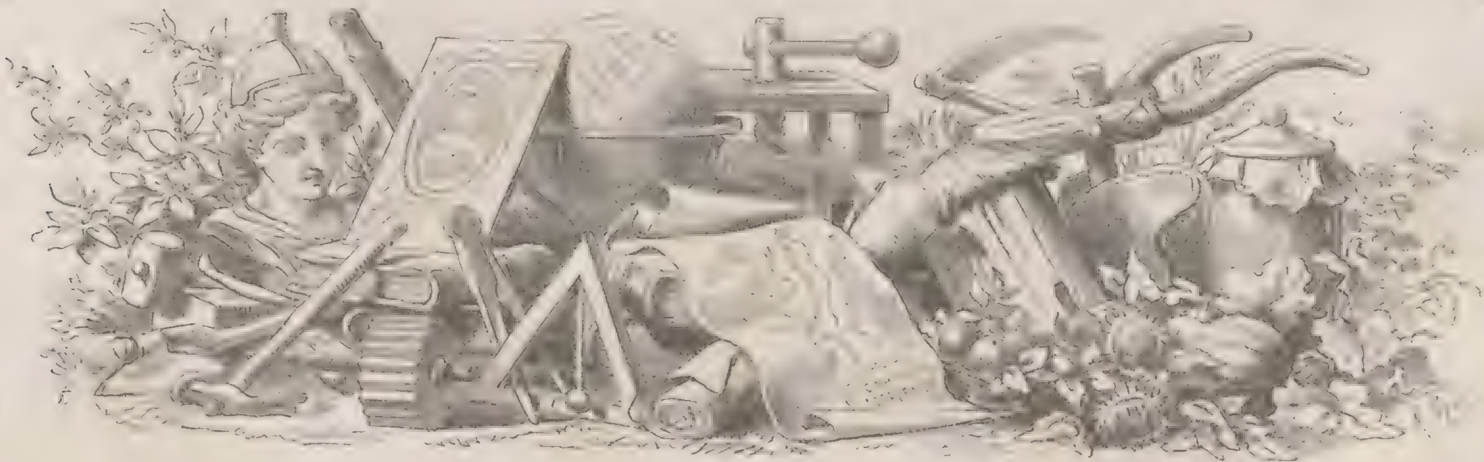

назвать однимъ непрерывнымъ пиромъ, если бы неутомимый царь, между угощеніями, не толковалъ о дѣлѣ, которое и успѣлъ себѣ уяснить вполнѣ, угадавъ и цѣль стремленій своего амфитріона. Но, среди увеселеній въ Ганноверѣ, получена вѣсть о смерти прусскаго короля; потому, изъ объятій курфирста явившись: повидаться съ невѣсткою и родными ея — въ Брауншвейгѣ и Зальцдаленѣ—гдѣ тоже угощали Петра оперою — какъ видно, въ это время составлявшею верхъ роскоши мелкихъ нѣмецкихъ князей, царь проѣхалъ оттуда въ Шпандау, чтобы въ г. Шенгоузенѣ видѣться съ новымъ владѣтелемъ Пруссіи.

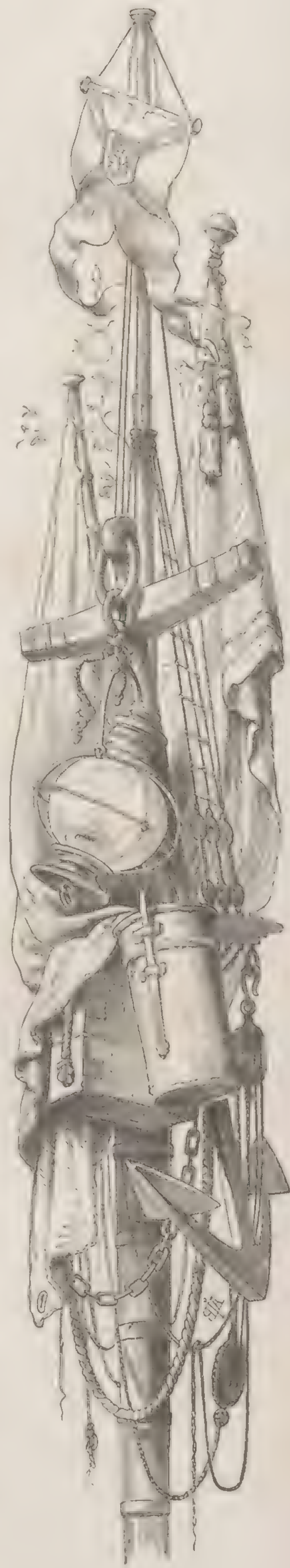
Свиданіе же это показало Петру, что молодой государь ея входитъ въ его виды лучше еще, чѣмъ предшественникъ, такъ что совсѣмъ успокоенный поѣхалъ Петръ въ Россію и въ Мемелѣ получивъ извѣстіе о рожденіи дочери, 23-го марта былъ уже въ Петербургѣ. Здѣсь, въ праздникъ Благовѣщенія, государь былъ при освященіи первой церкви въ заводимомъ еще только Невскомъ монастырѣ, а 26-го апрѣля уже пошолъ къ Котлину съ 16,000 корпусомъ войска и транспортомъ провіанта на 203 судахъ— для открытія первой финляндской компаніи. Транспортную флотилію царь раздѣлилъ на три кадры: передовой отрядъ повелъ самъ (взявъ съ собою и наслѣдника, царевича Алексѣя, съ которымъ отношенія Петра были еще теперь очень дружественныя); главныя силы ввѣрены графу Апраксину, а аріергардъ—галерному контръ-адмиралу Боцису. Но какъ ни спѣшилъ Петръ раннимъ открытіемъ компаніи, сперва противные вѣтры, а потомъ полный штиль, дали ему возможность только чрезъ двѣ недѣли дойти до Гельсингфорса, который и рѣшено было взять. Но, пока дѣлались приготовленія къ нападенію, шведы оставили городъ безъ боя, удалившись въ Борго; а отъ него къ мызѣ Мяццяля, на пути къ Тавастгусу. Генералъ Либекеръ, вообще не отличаясь особенною предпріимчивостію, теперь располагая отрядомъ слабѣе русскихъ въ три раза, считалъ за благо лучше уходить отъ насъ, чѣмъ быть вѣрнѣе всего разбитымъ. А Петръ хотѣлъ его принудить къ бою.

Въ этихъ видахъ рѣшено было, оставивъ провіантъ въ удобномъ мѣстѣ, у берега, надежно укрѣпивъ его — войску углубиться внутрь страны, — ища непріятеля. Царь самъ выбралъ мѣсто для провіантскаго склада въ 4-хъ миляхъ отъ Борго, при остр. Форзбигѣ и дѣятельно занялся сооруженіемъ редута, когда получилъ извѣстіе о приводѣ Сенявинымъ, купленныхъ въ Голландіи, трехъ кораблей къ Котлину. Желая видѣть ихъ и поторопить выходомъ въ Финскій заливъ всего корабельнаго флота, Петръ поѣхалъ въ Петербургъ и на рейдѣ Котлинскомъ отпраздновалъ сдачу князю Меньшикову (9-го мая) Теннингена со всѣмъ войскомъ Штенбока; число котораго было болѣе 11,000 человѣкъ. Въ Петербургѣ ждала царя новая радость, извѣстіе, что турки, нѣсколько разъ порываясь разорвать Прутскій миръ и держа въ заключеніи нашихъ уполномоченныхъ,—теперь окончательно подтвердили договоръ, назначивъ срокъ мирнаго положенія 25-ти лѣтній. Въ увѣреніе дружескаго расположенія къ намъ, султанъ даже

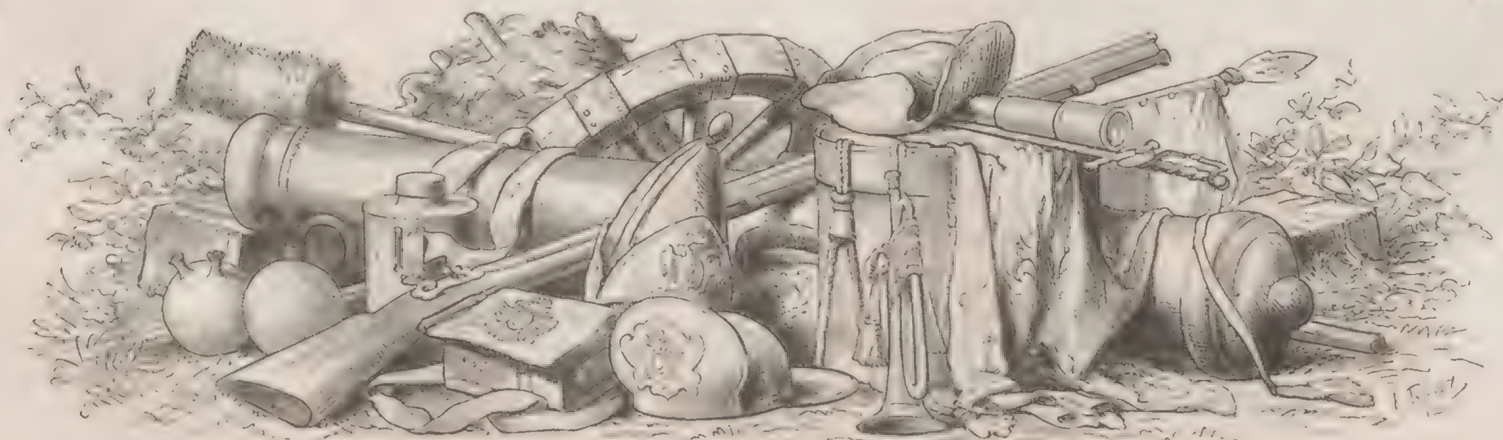

смѣнилъ и крымскаго хана Дивлетъ-Гирея, за то, что онъ, надѣясь на враждебное расположенiе Порты, произвелъ набѣгъ въ наши южныя границы, увлекши до 15,000 человѣкъ въ плѣнъ и угнавъ до 90,000 головъ скота. Смѣна хана, намъ враждебнаго, дѣйствительно давала надежду на спокойствiе на югѣ, потому царь немедленно далъ приказъ Шереметеву отпустить дивизiю Вейде, съ 4-мя еще полками, въ Финляндiю. Вѣсть о мирѣ съ турками, дала царю теперь случаи пышно принять персидскаго посла, привезшаго слона, и нѣсколько экземпляровъ разныхъ животныхъ и птицъ персидскихъ. Для посла далъ царь на этотъ разъ даже примѣрное сраженiе паруснаго флота, на Котлинскомъ рейдѣ.

Между тѣмъ узнавъ, въ бытность на флотѣ, о приводѣ въ Ревель новыхъ 5-ти кораблей и о приходѣ къ оставленному у Борго укрѣпленiю шведскаго вице-адмирала Лилье, Петръ приказалъ Крюйсу скорѣе выступить отъ Котлина. За удовольствiемъ рѣдко не слѣдуютъ непрiятности. Весь iюль 1713 г. Петръ получалъ одно за однимъ извѣстiя радостныя. Но извѣстiе о движенiи шведскаго флота къ Гельсингфорсу было уже другого свойства и возбудило безпокойство, скоро, впрочемъ, разсѣявшееся; потому что Боцисъ одною своею галерною эскадрою прогналъ непрiятныхъ гостей. Съ паруснаго флота получилась болѣе грустная вѣсть: мы потеряли корабль Рига, погнавшись за шведскою эскадрою и упустивъ её (11-го iюля). Какъ морякъ, царь принялъ это очень къ сердцу и военный судъ надъ Крюйсомъ, наряженный въ январѣ слѣдующаго года, приговорилъ заслуженнаго адмирала къ смерти *). Подъ впечатлѣнiемъ неудовольствiя на Крюйса, Петръ самъ уже повелъ новый транспортъ провiанта въ Финляндiю (29-го iюля) и 6-го августа прибылъ во флотъ къ Гельсингфорсу, на пути туда, шхерами, едва не погибнувъ отъ бури (3-го августа). Въ бытность во флотѣ при Гельсингфорсѣ государя, всѣ офицеры обратились къ нему съ просьбою: *принять чинъ полнаго генерала сухопутнаго*, на что онъ послѣ усиленныхъ просьбъ и соизволилъ, начавъ подписываться *генераломъ*. Въ это же время, узнавъ, что шведскiй флотъ и армiя стоятъ между Гельсингфорсомъ и Або, Петръ ходилъ на эту стоянку ихъ, причомъ съ авангардомъ шведскимъ была небольшая схватка. Въ ней мы, положимъ, одержали поверхность. Но, думая, что непрiятели удалились къ Або, царь двинулъ туда наши силы; однако, подойдя, здѣсь не только не нашли войска, но и жителей. Оставивъ Апраксина и Чернышева отыскивать непрiятелей, Петръ воротился въ Петербургъ.

Имѣя теперь въ своихъ рукахъ оба берега Финляндскаго залива, дальновидный царь теперь издалъ указъ о привозѣ съ слѣдующаго года сюда 2/3 всѣхъ товаровъ для отправленiя за море къ Архангельску; дозволивъ возить туда только на одну треть отпуска. Такое распоряженiе

*) Петръ, впрочемъ, удовольствовался разжалованiемъ его и ссылкою въ Казань; откуда, спустя полтора года, царь воротилъ его, возвративъ прежнiй чинъ и все прежнее свое расположенiе.

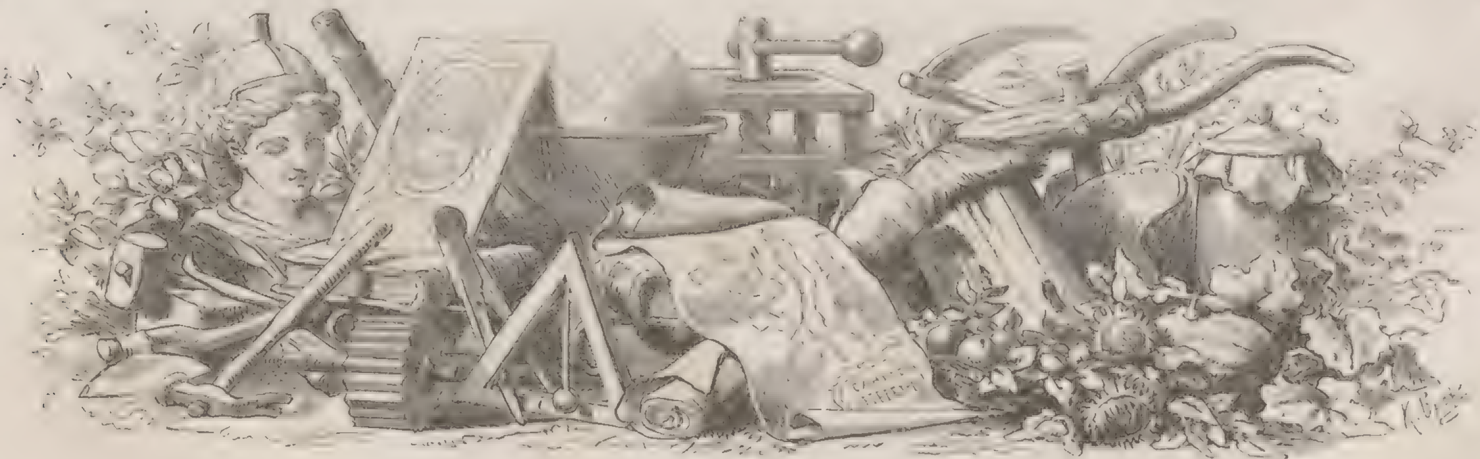

Петра, вызвало безплодный протестъ голландскихъ штатовъ, потребовавшихъ, между тѣмъ, удовлетворенія за взятыя при Гельсингфорсѣ съ шведскими, голландскія торговыя суда. Царь охотно согласился дать удовлетвореніе, но отказалъ въ претензіи штатовъ на таможенные доходы Риги, заложенные въ Голландіи шведскимъ правительствомъ, съ которымъ въ это время возникли довольно натянутыя отношенія. Не нравилось голландцамъ усиленіе русскихъ на Балтійскомъ морѣ, да не могло не сокрушать ихъ и замѣшательство въ торговыхъ оборотахъ; причомъ, если не русскіе, то шведскіе каперы забирали суда ихъ и англичанъ. А Карлъ XII изъ Турціи, вмѣсто удовлетворенія жалобъ на это, отозвался положительнымъ подтвержденіемъ такихъ захватовъ и впредь. Финляндія уже была вся въ нашихъ рукахъ послѣ пораженій, нанесенныхъ шведамъ княземъ Голицынымъ при Пялькянѣ, между Тавастгусомъ и Тамерфорсомъ (6-го октября), и при мызѣ Лаппо, на востокъ отъ Вазы –(21-го февраля 1714 г.), и Петръ задумывалъ перенести оружіе на почву Швеціи, когда, закладывая Ревельскую гавань, узналъ, что Августъ II, при посредствѣ Франціи, входитъ въ трактованіе отдѣльнаго мира съ Карломъ XII.

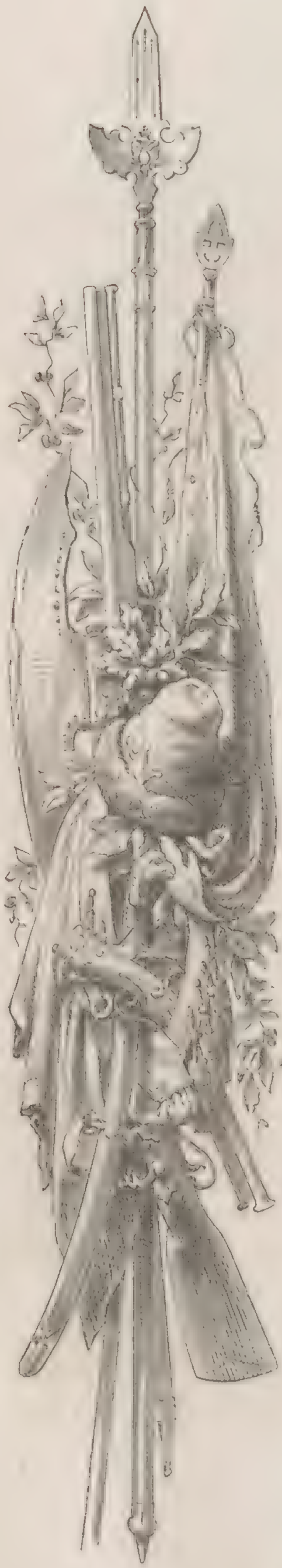
Въ Ригу къ царю, въ это время неожиданно явился голштинскій министръ Бассевичъ, представленный Меньшиковымъ. Предлагалъ онъ многое и казавшееся выгоднымъ царю, но онъ боялся еще довѣриться. Даже остроумно сравнилъ Бассевича и Гера съ кормчими на маленькомъ суднѣ съ большою мачтою; которое всякій порывъ вѣтра легко опрокинетъ поэтому. Не смотря, однакожъ, что явленіе этаго дипломата и не прошеннаго совѣтника состоялось въ самое неудачное время, его планы на счотъ предлагаемаго соединенія герцога Голштинскаго съ старшею дочерью Петра, черезъ 10-ть лѣтъ дѣйствительно нашли исполненіе; хотя не при такой обстановкѣ, какую задумывалъ тогда голштинскій патріотъ.

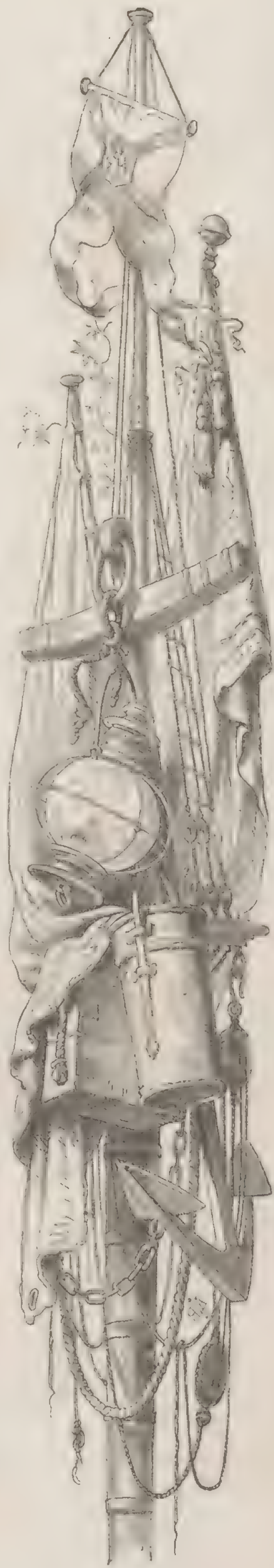
На Данію также плоха была надежда, — какъ увѣдомлялъ Меньшиковъ еще весною 1713 г.; — Пруссія же, думая черезъ голштинскаго министра Бассевича получить Штетинъ, не принимала прямого участія въ войнѣ съ шведами. Въ этихъ обстоятельствахъ въ сентябрѣ 1713 г., написалъ Петръ Меньшикову: «презрядная-бъ была польза, чтобъ Штетинъ взять». — *Герценскиндъ* осадилъ этотъ городъ и, доведя его до необходимости сдаться, передалъ прусскому королю, пріобрѣтя черезъ то его полное расположеніе; — къ неудовольствію Даніи. Англія же стала хлопотать о заключеніи общаго мира. Петръ не отказывалъ въ соглашеніи, отступался даже отъ Ливоніи и съ этими условіями назначилъ своего уполномоченнаго на конгрессъ, открывшійся въ Брауншвейгѣ, конечно, ничего не рѣшившій.

Ягужинскій въ Копенгагенѣ сталъ между тѣмъ обѣщать содѣйствіе царя датчанамъ въ дессантѣ въ Шонію, чтобы предпринять высадку съ двухъ сторонъ разомъ: къ Стокгольму и Карлскронѣ; съ цѣлью уничтоженія флота шведскаго. Для этой цѣли положено отдать Померанію совсѣмъ Пруссіи, подъ условіемъ разрыва этой державы съ Голштиніею.

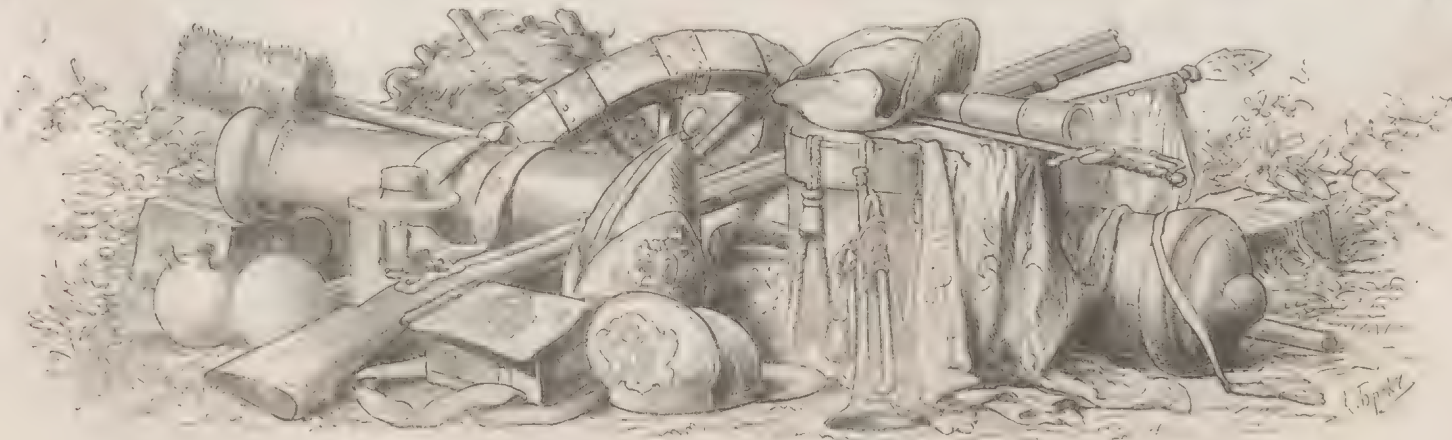

Выпроводивъ голштинскаго министра съ обманутыми ожиданіями, Петръ посулилъ денежную субсидію датскому королю на вооруженіе флота 150,000 р. и обѣщалъ помочь провіантомъ, но это не помогло: датчане остались въ бездѣйствіи, довольные овладѣніемъ Теннингеномъ. Курфирстъ ганноверскій далъ идею дѣлежа, при чомъ, требуя себѣ Бремена и Вердена, обязывался отнять у шведовъ Висмаръ, чтобы передать герцогу мекленбургскому; датскому королю отдать Шлезвигъ, Пруссіи—Штеттинъ, а голштинскаго герцога удовлетворить землями, съ доходомъ 100,000 талеровъ въ годъ. Петру предложеніе это понравилось, но въ это время, чрезъ посредство Франціи, Карлъ XII заявилъ желаніе помириться съ царемъ, наиболѣе опаснымъ изъ противниковъ Швеціи.

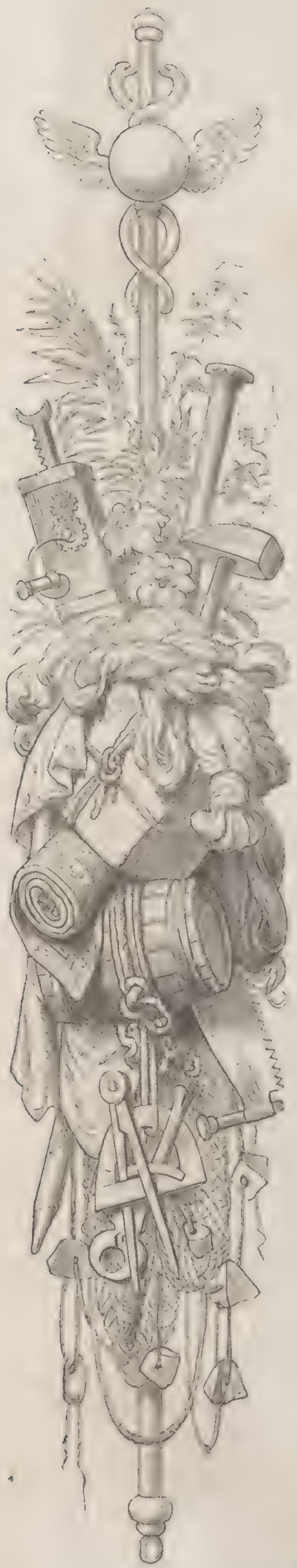
Владѣя Финляндіею, царь въ навигацію 1714 года вывелъ въ Финскій заливъ флотъ изъ 14-ти кораблей, съ намѣреніемъ вступить въ бой съ послѣднимъ изъ средствъ защиты Швеціи — ея флотомъ, показавшимся-было у Ревеля, но съ приближеніемъ нашихъ отошедшимъ къ финляндскому берегу. Больше мѣсяца о шведскомъ флотѣ не было извѣстій. Наконецъ нашли его стоящимъ въ заливѣ Твермине (19-го іюля), въ составѣ 22-хъ большихъ судовъ и 6-ти галеръ, подъ начальствомъ адмирала и вице-адмирала Лилье. Іюля 25-го Лилье, съ эскадрою въ 14 вымпеловъ, отдѣлившись отъ главныхъ силъ, сталъ въ заливѣ Рилаксъ-Фіэль. На слѣдующій день Апраксинъ послалъ 35 скампавей объѣхать мимо главныхъ шведскихъ силъ, да стать между ними и отдѣлившеюся эскадрою. Лилье по знаку своего адмирала воротился, а послѣ ухода его въ заливъ, здѣсь остались 1 фрегатъ, 6 галеръ и 2 шхербота. Іюля 27-го эти отрѣзанныя суда адмиралъ Апраксинъ заперъ всѣми своими скампавеями и предложилъ начальнику флотиліи сдаться. За отказомъ же его послалъ авангардъ — изъ 25-ти скампавей, надъ которымъ начальство принялъ самъ царь—взять шведскія суда, имѣвшія сильную артиллерію. Но пользоваться выгодами своими, въ этомъ отношеніи, они не могли; должны были вступить въ рукопашный бой, и хотя отчаянно защищались, но должны были сдаться. Этотъ бой, отъ сосѣдства мыса Ханге, извѣстный подъ именемъ Гангеудскаго дѣла, въ которомъ контръ-адмиралъ Эреншильтъ, 7 офицеровъ и до 600 нижнихъ чиновъ—тѣмъ былъ дорогъ въ глазахъ Петра, что онъ самъ по чину взялъ равнаго ему Шаутбенахта; чего, во всю войну, ни у насъ, ни у союзниковъ, еще не случалось. Хотя «много не только генераловъ, но и фельдмаршаловъ брано, а флагмана не единаго», писалъ Петръ къ Екатеринѣ черезъ день послѣ этого боя, поздравляя ее съ викторіею, «николи у насъ бывшею»; — затѣмъ внесенную въ табель, для отправленія «нарочитаго молебствія».

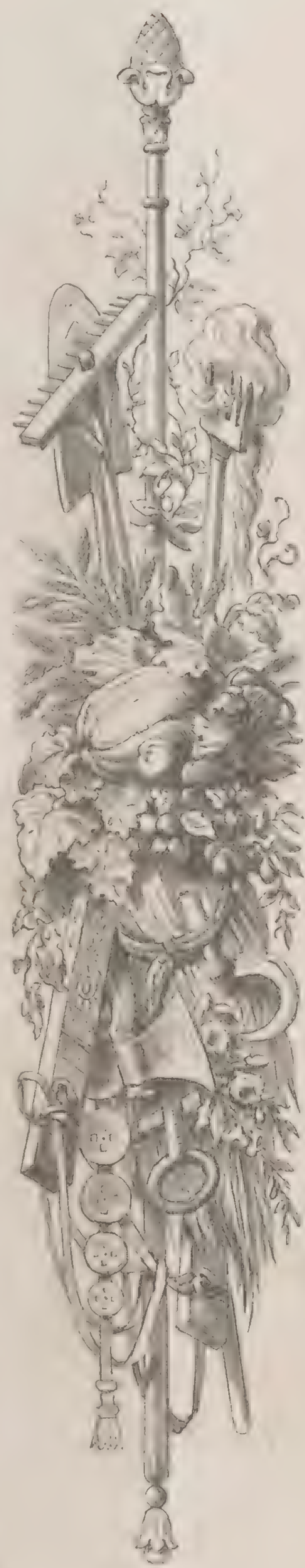
По окончаніи этой компаніи взятіемъ острова Аланда, царь устроилъ 9-го сентября особенный тріумфъ, при вводѣ фрегата и галеръ. Приказавъ соорудить на Троицкой площади тріумфальныя ворота и пирамиду, по этому случаю.

Тріумфальное шествіе открывали русскія скампавеи. За ними слѣдовали

шхерботы и 6-ть галеръ, а въ заключеніи фрегатъ «Элефантъ», распустивъ свои національные флаги. За взятыми судами на своей скампавеи шолъ герой дня — царь Петръ, въ послѣдованіи остальныхъ судовъ, бывшихъ въ дѣйствіи. Равняясь съ мостомъ у крѣпости,—посрединѣ котораго возвышалась тріумфальная арка,—каждое судно посылало салютъ изъ своихъ орудій, въ отвѣтъ которымъ давали общіе залпы всѣ орудія крѣпостей Адмиралтейской и Петропавловской. Подойдя къ Троицкой пристани, команда вышла изъ судовъ и въ порядкѣ плаванія построилась въ процессіи, двинувшейся въ крѣпость въ предшествіи баталіона Преображенскаго полка, за которымъ везли пушки, взятыя при Лаппо, у Армфельдта съ 36-ю знаменами и штандартами, взятыми въ бояхъ при Вазѣ и Гангутѣ. За орудіями и знаменами шли плѣнные шведскіе чины и контръ-адмиралъ, въ предшествіи своего флага. Вслѣдъ же за Эришельдомъ выступалъ самъ Петръ, ведя роты преображенцевъ. Вступивъ подъ тріумфальную арку, царь принялъ поздравленіе съ побѣдою отъ сената и всѣхъ министровъ своихъ и чужихъ дворовъ—прошолъ въ крѣпость представиться сидѣвшему подъ балдахиномъ, своему князю-кесарю, который произвелъ гангутскаго побѣдителя въ вице-адмиралы. Этимъ покончился тріумфъ при залпѣ всѣхъ орудій крѣпости. Оттуда князь Меньшиковъ перевезъ министровъ въ своихъ шлюпкахъ въ свой пышный дворецъ на Васильевскомъ острову, передъ которымъ тоже возвышались тріумфальныя ворота на Невѣ, драпированныя дорогими коврами. За тѣмъ пріѣхалъ туда же государь и начался пиръ, на которомъ Эришельдъ посаженъ былъ за столъ между Меньшиковымъ и царемъ, расточавшимъ побѣжденному лестныя похвалы за его примѣрное мужество въ бою, обѣщая не дѣлать герою въ плѣну никакихъ неудовольствій. Такъ умѣлъ почитать Петръ рѣдкія достоинства въ другихъ, не стыдясь признаваться въ своихъ собственныхъ ошибкахъ и промахахъ.

Между тѣмъ, не задолго до этого тріумфа, именно, въ августѣ 1714 г. умерла англійская королева Анна и престолъ предложенъ ея племяннику, курфирсту ганноверскому Георгу, члену союза сѣверныхъ воюющихъ державъ. Съ воцареніемъ его хотѣли привлечь къ участію и Великобританію, но, пока союзные дипломаты расточали для того всѣ тонкости своей діалектики, вѣсть, что Карлъ XII воротился изъ Турціи, внесла новыя затрудненія въ запутанное и безъ того дѣло. Данія никакъ не соглашалась отдать Временъ и Верденъ Ганноверу, а Штетинъ—Пруссіи. Наконецъ и это преодолѣли (въ февралѣ 1715 г.), когда перепуганная малымъ сочувствіемъ Пруссіи, Данія потребовала новаго прибытія въ Померанію русскаго войска, для дѣйствій противъ Висмара и Штральзунда. Посланникъ царя въ Копенгагенѣ требовалъ напротивъ соединенія датскаго флота съ русскимъ, а датскіе министры находили это возможнымъ только съ прибытіемъ англійскаго флота въ Балтійское море.

Флотъ англійскій, въ соединеніи съ голландскими 9-ю кораблями, дѣйствительно 19-го іюня приходилъ къ Ревелю, побывавъ до того въ Ригѣ, но

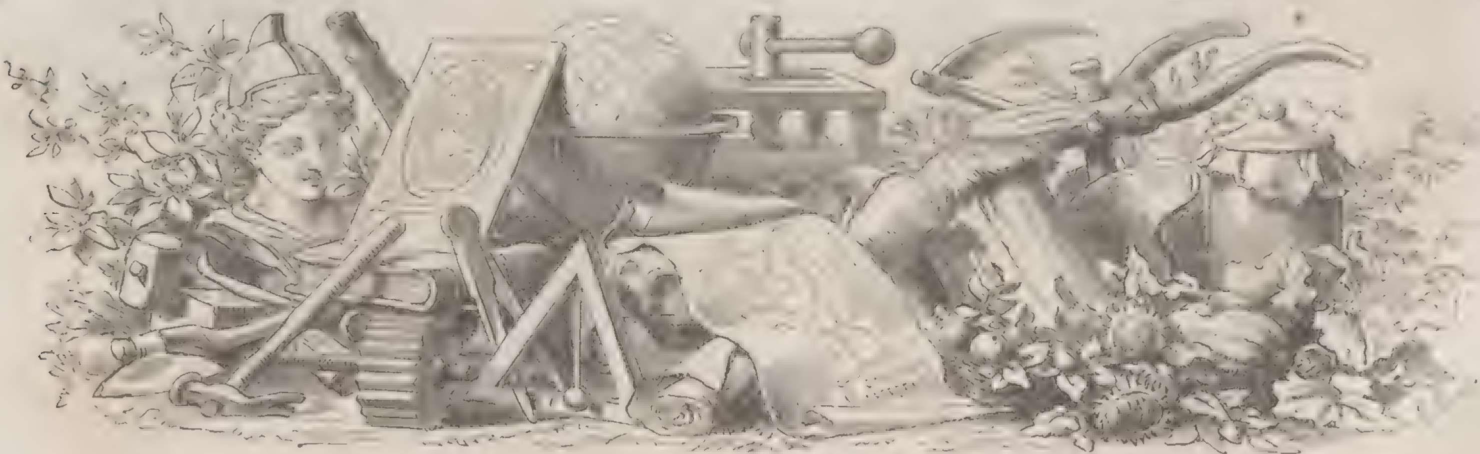

Рис. К. Брожъ, грав. Л. А. Серяковъ.

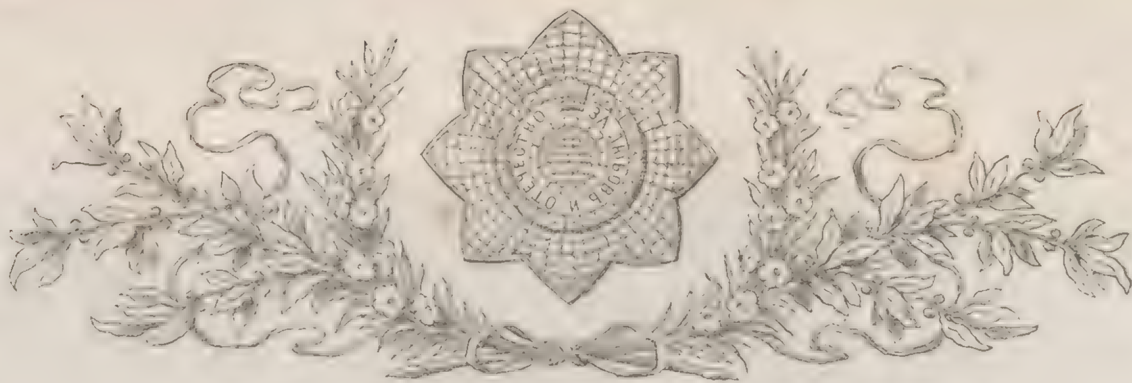
Празднованіе 30-го мая 1872 года.

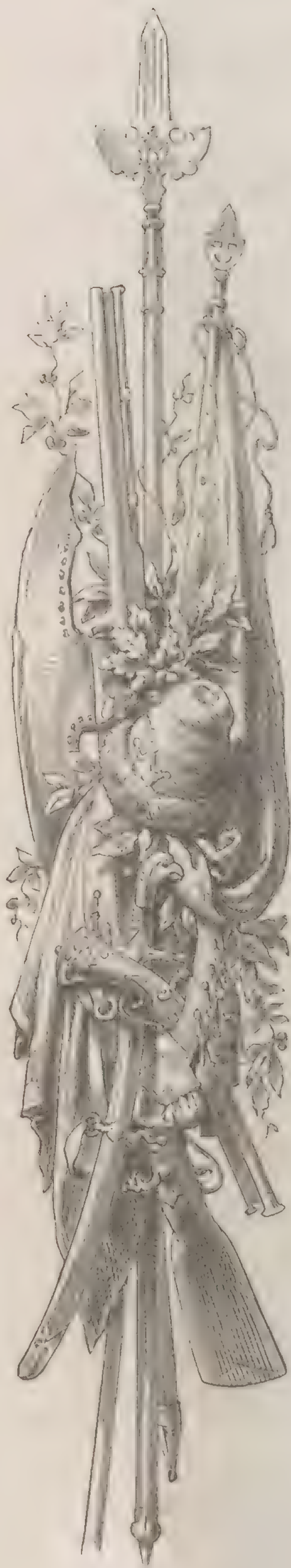
Панихида надъ гробомъ Петра Великаго въ Петропавловскомъ соборѣ, въ С.-Петербургѣ.

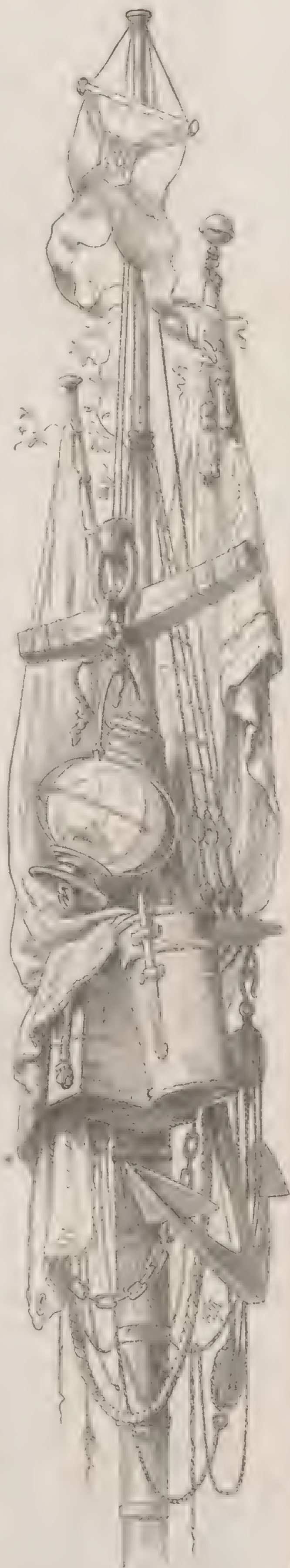

Празднованіе 30-го мая 1872 года.

Молебенъ передъ памятникомъ на Петровской площади, въ С.-Петербургѣ.

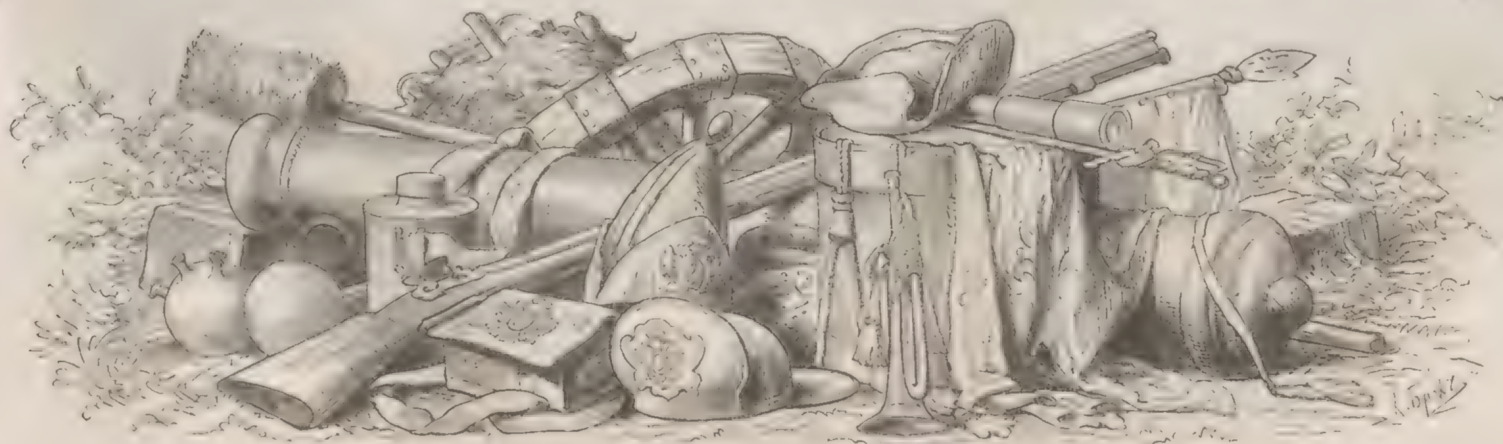

не долго постоявъ, отошолъ къ Данцигу: ждать отвѣта шведскаго короля на письмо короля англійскаго. Нашъ же флотъ, въ составѣ 21 корабля, 5 фрегатовъ и 6 шнявъ, раздѣленный на три части, крейсеровалъ у островов Даго и Дагеръ-Орда, возвращаясь къ Ревелю, а шведскій заключился въ Аландскомъ морѣ. Все лѣто, можно сказать, три соединенные флота проводили въ одних любезностяхъ. Единственная выгода въ эту навигацію для насъ былъ свободный проводъ купленныхъ кораблей изъ Голландіи, да развитіе отпускной торговли нашей, благодаря приводу флотами голландскимъ и англійскимъ цѣлой сотни купеческихъ кораблей. Напуганный извѣстіемъ бомбардировки при Ревелѣ шведами нашей эскадры, Петръ поспѣшилъ было туда, но дѣйствія непріятелей оказались безвредными. Впрочемъ, чтобы остановить прогулки шведовъ къ Остзейскимъ берегамъ, царь перевелъ сюда галерный флотъ.

Крейсеры наши исправно забирали призы; Голицынъ изъ Або посылалъ разъѣзды до Умео, но серіозныхъ дѣйствій при самыхъ лучшихъ отношеніяхъ союзниковъ не послѣдовало. Компанія кончилась рано — 22-го августа и Петръ, томимый неизвѣстностью на счотъ дальнѣйшаго хода общихъ дѣйствій противъ шведовъ,—миръ съ которыми казался далекъ, какъ и прежде,—нерадостный воротился въ свой парадисъ. Здѣсь, въ эту осень, замѣчательную частыми наводненіями, государь обрадованъ былъ рожденіемъ внука и сына, названныхъ *Петрами* и, какъ увидимъ впослѣдствіи, обоихъ обманувшихъ надежды на нихъ возлагавшіяся, своею раннею смертью. За то печалила сильно царя смерть невѣстки —жены его наслѣдника, царевича Алексѣя, обращеніе котораго съ нею вліяло, какъ думаютъ, на раннюю кончину ея.

Да и поведеніе наслѣдника престола Петра крѣпко озабочивало. Отецъ не только не видѣлъ въ немъ любви къ государственному дѣлу, но замѣчалъ даже отвращеніе къ тѣмъ особенно своимъ нововведеніямъ, которыя нужны были болѣе всего для поднятія значенія Россіи, какъ государства, въ мнѣніи сосѣднихъ странъ Европы. Потерю жены,—во время болѣзни которой царевичъ показывалъ позднее сожалѣніе и, казалось, непритворную грусть— Петръ находилъ въ положеніи сына самымъ лучшимъ временемъ для письменнаго внушенія ему вреда, неминуемо грозящаго отъ подобнаго порядка вещей самой странѣ, корона которой по наслѣдству должна перейдти къ нему отъ отца. Увлекшись негодованіемъ, царь (самъ отъ непріятностей хворавшій въ это время) указывалъ на свои возникавшія немощи и, заклиная царевича исправить свое поведеніе, погрозилъ, въ случаѣ упорства—лишеніемъ наслѣдованія. Царевичъ же отвѣчалъ просьбою—отпустить его въ монастырь, чего вовсе не имѣлъ въ виду Петръ, употребляя въ дѣло увѣщаніе. Безъ сомнѣнія, такой отвѣтъ только усилилъ скорбь Петра и произвелъ новый, болѣе жестокій приступъ болѣзни, для излеченія которой, врачи настоятельно предписывали царю пользованіе минеральными водами въ Пирмонтѣ. Это рѣшеніе, при побужденіяхъ лично видѣться съ каждымъ

изъ своихъ союзниковъ-государей, чтобы убѣдить ихъ къ болѣе энергическому усилію,—которое побудило бы Карла XII скорѣе заключить миръ—заставило Петра предпринять пятое и самое продолжительное путешествіе свое въ западную Европу.

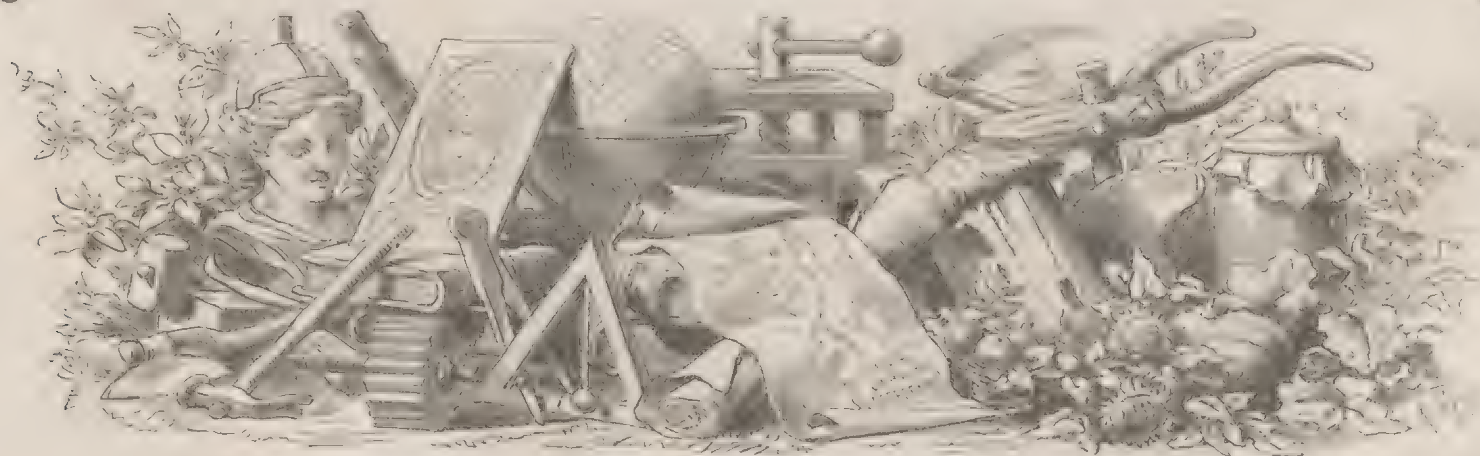
Штральзундъ былъ уже въ рукахъ союзниковъ (12-го декабря 1715 г.) и шведы на материкѣ южнаго балтійскаго поморья не имѣли, кромѣ одного пункта—Висмара, ничего уже въ своемъ владѣніи. Оставалось внести оружіе въ самую Скандинавію, чтобы, доведя ихъ до крайности, вырвать миръ, такъ для всѣхъ желаемый. Планы союзниковъ къ концу 1715 г. остановились между тѣмъ, на томъ, чтобы царь далъ 30 баталіоновъ пѣхоты и 2,000 конницы, Даніи и Пруссіи — пополамъ; и о томъ заключонъ договоръ съ королями этихъ странъ. Датскій король согласился также, что за взятіемъ Висмара, настоять будетъ необходимость въ высадкѣ въ Шонію, для которой Петръ давалъ Фридриху 20 баталіоновъ и 1,000 драгунъ съ его содержаніемъ. Для Висмара же хотѣли именно употребить русскія войска. Ожидая скорой и непремѣнной сдачи этого послѣдняго пункта въ Мекленбургіи, Петръ, которому понравилось предложеніе Георга въ 1714 году, съ того времени вошолъ въ сношеніе съ герцогомъ Мекленбургскимъ и, чтобы усилить здѣсь свое вліяніе,—находя выгоднымъ для насъ этотъ полянный берегъ Балтійскаго поморья, обѣщалъ Карлу-Леопольду Мекленбургскому, не ладившему со своимъ дворянствомъ, крѣпкую поддержку; вступая съ нимъ даже въ родственный союзъ. То, что этотъ безпокойный владѣтель былъ женатъ—не казалось въ глазахъ Петра особенно важнымъ. Съ женою своею онъ развелся и царь заключилъ съ нимъ договоръ о выдачѣ за него замужъ своей племянницы, царевны Катерины Ивановны.

Брачный договоръ этотъ съ обѣихъ сторонъ принятъ уже былъ 22-го января 1716 года и, подписавъ его, Петръ съ женою и племянницею пустился въ дорогу. — Въ Данцигѣ должно было послѣдовать бракосочетаніе герцога мекленбургскаго съ царевной. Въ приданое за нею царь обѣщалъ дать герцогу Карлу-Леопольду 200,000 руб., но только въ такомъ случаѣ, когда онъ не получитъ Висмара и Варнемюнде, которые добывать посылается русскій корпусъ, слѣдовательно, Петръ былъ увѣренъ, что отъ денегъ онъ освободится. Но отдача Висмара, какъ оказалось, была противна англійскому королю.

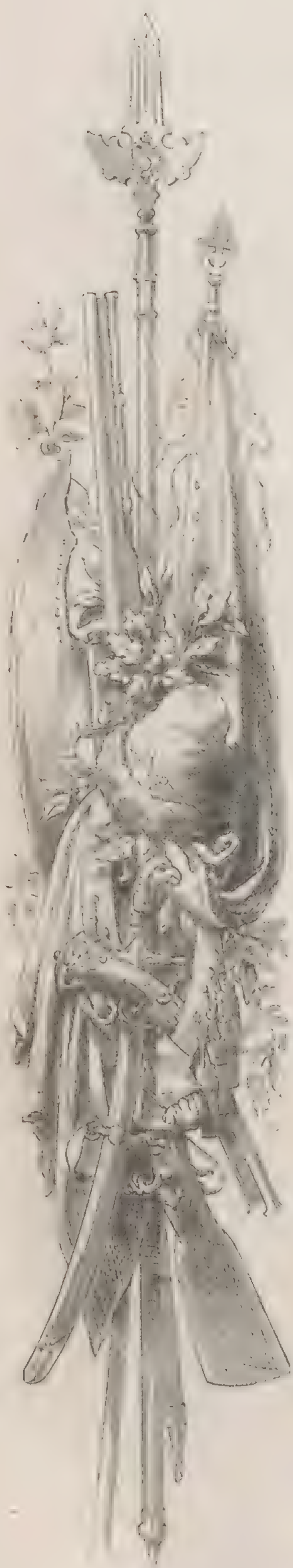
Къ несчастію, объ этомъ узналъ царь черезъ Куракина, очень поздно. Дѣло было сдѣлано и слѣдствія оказались для насъ болѣе тяжолыми и непріятными, какъ сперва казалось.

Совсѣмъ собравшись въ дорогу, Петръ посѣтилъ царевича Алексѣя, тогда больного,—кротко уговаривалъ его заняться дѣлами, приличными наслѣднику престола, не вѣря въ его рѣшимость дѣйствительно отказаться отъ свѣта,—и ласково простился съ нимъ, сказавъ: «напиши мнѣ потомъ, какую возымѣлъ резолюцію».

Непокорный сынъ и грозный отецъ разстались, слѣдовательно, со-

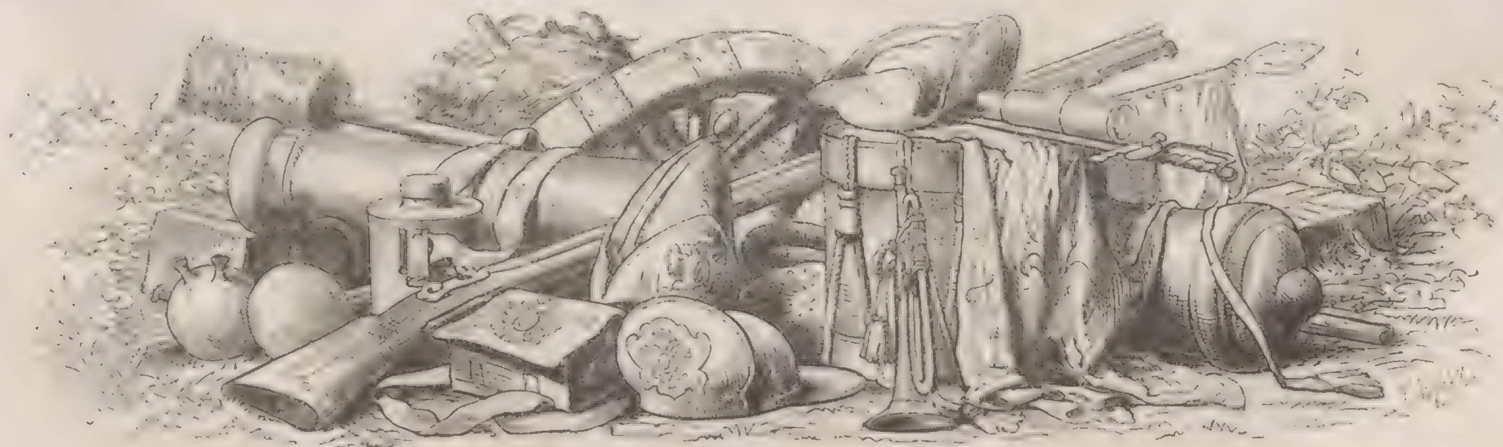

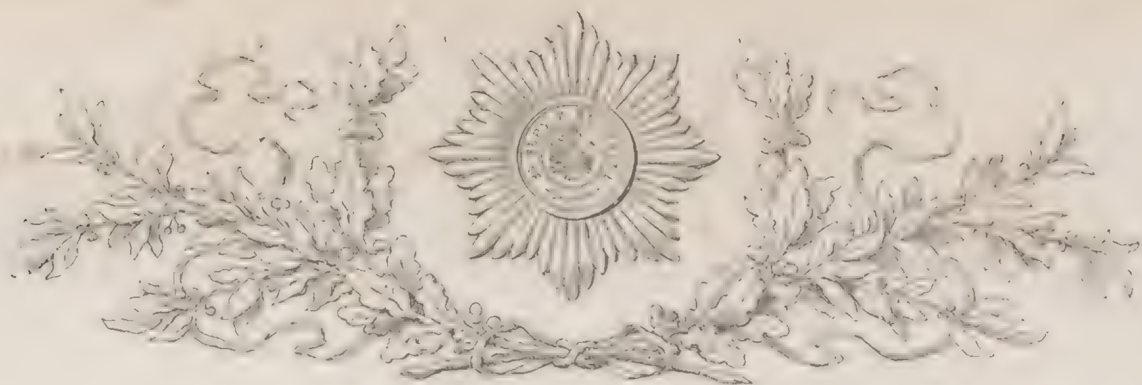

всѣмъ не въ такомъ положеніи, чтобы Алексѣю предстояло думать о спасеніи себя и, очертя голову, стараться скрыться отъ родительскаго гнѣва, котораго вовсе въ это время небыло. Кротко также было и новое напоминаніе отца, спустя семь мѣсяцевъ, уже изъ Копенгагена (26-го августа), когда, слыша, что здоровье наслѣдника престола совсѣмъ поправилось, Петръ написалъ ему: «*буде первое возмешь*» — т. е. рѣшеніе, приличное положенію будущаго государя обширнѣйшей земли — «болѣе недѣли не мѣшкавъ поѣзжай сюда, ибо еще можешь «*къ дѣйствамъ поспѣть*».

Дѣйства же эти—была, условленная еще передъ отъѣздомъ Петра за границу, *высадка въ Шонію;* чтобы добить истощенную Швецію въ самомъ сердцѣ ея. Приготовленія для этой высадки условлены были заранѣе. Флотъ голландскій и англійскій съ начала весны пришли въ Зундъ. Корабли, заказанные царемъ въ обѣихъ союзныхъ державахъ, съ флотами ихъ, также явились. Нашъ флотъ парусный пришолъ отъ Ревеля къ Копенгагену. Галерный,—зимовавшій въ Либавѣ, по осмотрѣ царемъ еще въ февралѣ, на пути въ Пруссію, двинулся въ свое время по назначенію. Отвѣта отъ датскаго короля, вызваннаго на свиданіе, царь цѣлые два мѣсяца ждалъ, все живя въ Данцигѣ и тамъ отпраздновалъ свадьбу племянницы съ герцогомъ мекленбургскимъ (8-го апрѣля); — въ это время успѣвъ стребовать съ данцигскаго магистрата штрафъ въ 150,000 рейхсталеровъ за продолженіе коммерціи этимъ городомъ съ Швеціею, и этимъ средствомъ успѣлъ нѣсколько покрыть свои расходы по содержанію войска нашего въ Мекленбургіи, гдѣ намъ предоставлено взять крѣпость Висмаръ. Въ Штетинѣ устроилось свиданіе царя съ королемъ прусскимъ, котораго Петру удалось уговорить, отдать Висмаръ мекленбургскому герцогу. А устроить это же дѣло съ датскимъ королемъ царь ѣздилъ въ Гамбургъ и Альтону, гдѣ (17-го мая) Фредерикъ IV подписалъ и условіе о совокупной высадкѣ на шведскій берегъ со стороны Зеландіи; одновременно съ диверсіею русскихъ отъ Аланда, подъ прикрытіемъ датскаго флота. И замедленіе Даніи, лишившее возможности произвести эту диверсію, при незаготовленіи условленнаго на наше войско провіанта, кажется единственнымъ и самымъ главнымъ поводомъ отказа царя отъ высадки въ Шонію, въ сентябрѣ. А вовсе не то, что думаютъ иностранные писатели, особенно англичане, относя впослѣдствіи отмѣну дессанта Петромъ — къ надеждѣ заключить съ Швеціею отдѣльный миръ при посредствѣ барона Герца, который уже убѣдилъ упорнаго Карла XII, что онъ все же останется въ выигрышѣ, удовлетворивъ и вполнѣ царя, самаго опаснаго изъ всѣхъ противниковъ. Дѣйствительно, какъ вѣрно разсчитывалъ Герцъ, Петръ, получивъ отъ Швеціи завоеванныя имъ земли, могъ оказать поддержку несчастному своему противнику въ пріобрѣтеніи вновь, потерянныхъ имъ въ Германіи, земель, завоеванныхъ главнѣйшимъ образомъ при соучастіи же русскихъ. И предположеніе о мирѣ, положимъ, царя занимало главнѣе всего, но, въ 1716 году, едва ли дѣло зашло уже такъ далеко у нашего министерства съ шведскимъ, чтобы царь, вѣря,—все

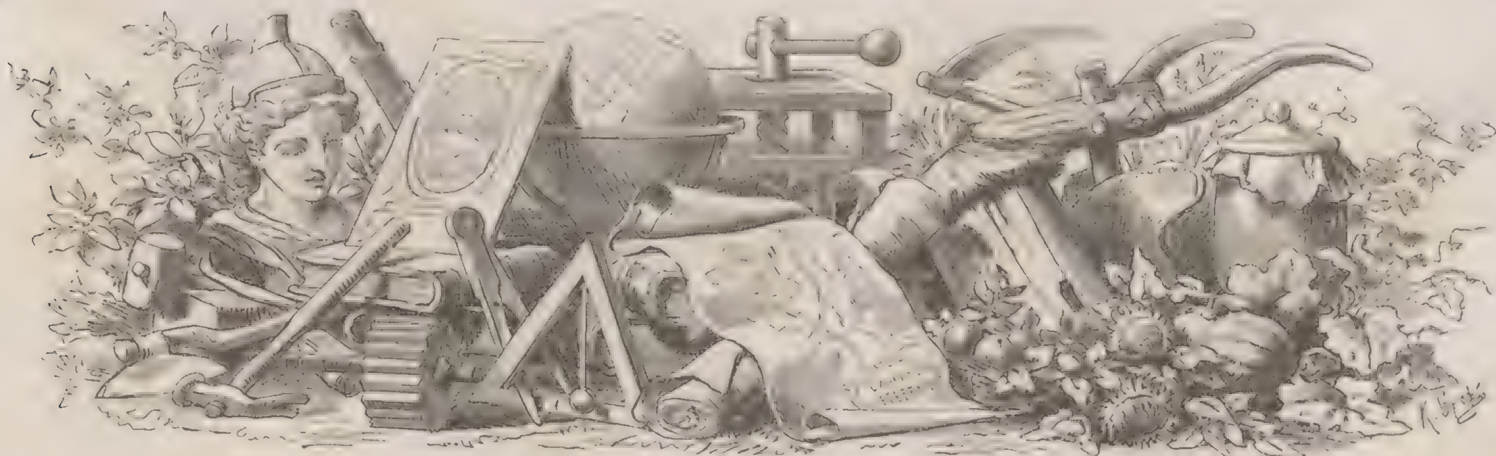

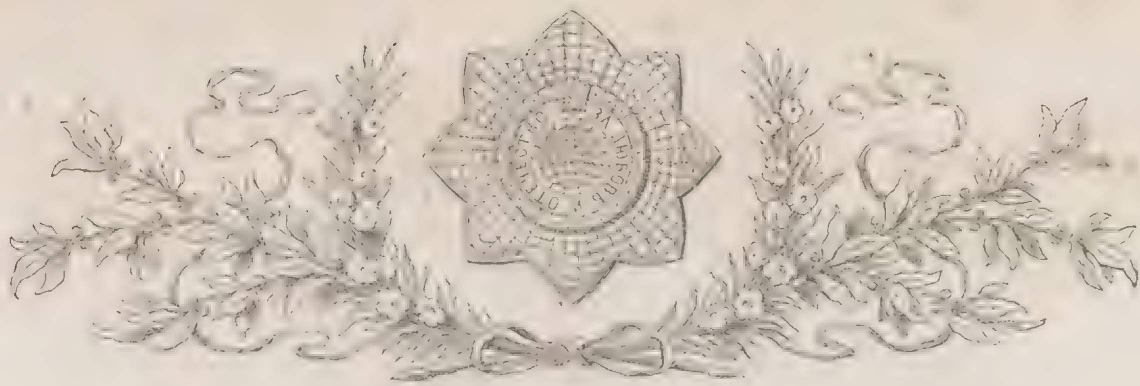

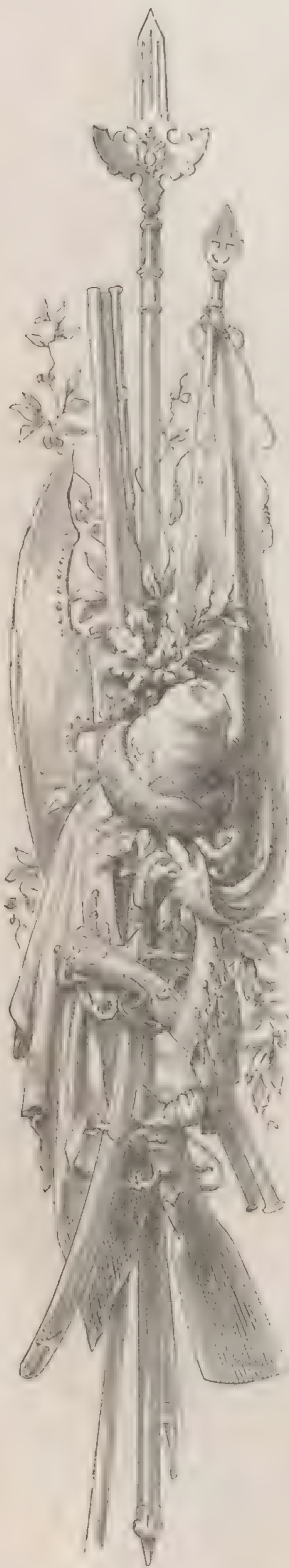
еще остававшимися врагами нашими,—министрамъ Карла XII, такъ легко измѣнилъ интересамъ союзника, хотя и плохо, и своекорыстно ведшаго съ нами дѣло, но все же за одно и по планамъ, внушоннымъ самимъ царемъ. Замѣтимъ еще и то, что если бы, на самомъ дѣлѣ, Петръ убѣжденъ былъ въ пользѣ и положительномъ успѣхѣ дѣла черезъ Герца, едва ли бы онъ энергически такъ хлопоталъ самъ о перевозкѣ войскъ нашихъ изъ Мекленбургіи; что сами датчане длили и тянули, Богъ знаетъ чего ожидая. И не будь почина Петра, да его самовластнаго распоряженія, въ августѣ полки наши не были бы перевезены съ материка и, само собою, еще меньше было бы надежды для дессанта. Но тогда бы на Петра и взваливать вины за неосуществленіе его совсѣмъ нельзя было датчанамъ, въ виду обстоятельствъ, о которыхъ они считали нужнымъ потомъ умалчивать—какъ о говорившихъ противъ нихъ и между тѣмъ остававшихся неизвѣстными другимъ державамъ, менѣе заинтересованнымъ въ дѣло, чѣмъ Петръ I. Онъ же, послѣ свиданія съ Фредерикомъ IV въ Альтонѣ, считая рѣшоннымъ дѣло о высадкѣ, отдалъ съ своей стороны нужныя приказанія и воспользовался свободнымъ мѣсяцемъ времени, для выполненія курса водъ въ Пирмонтѣ;—что, между прочимъ, составляло одно изъ главныхъ побужденій поѣздки теперь за границу, по предписанію врачей, серіознымъ разстройствомъ организма государева крѣпко уже озабоченныхъ.

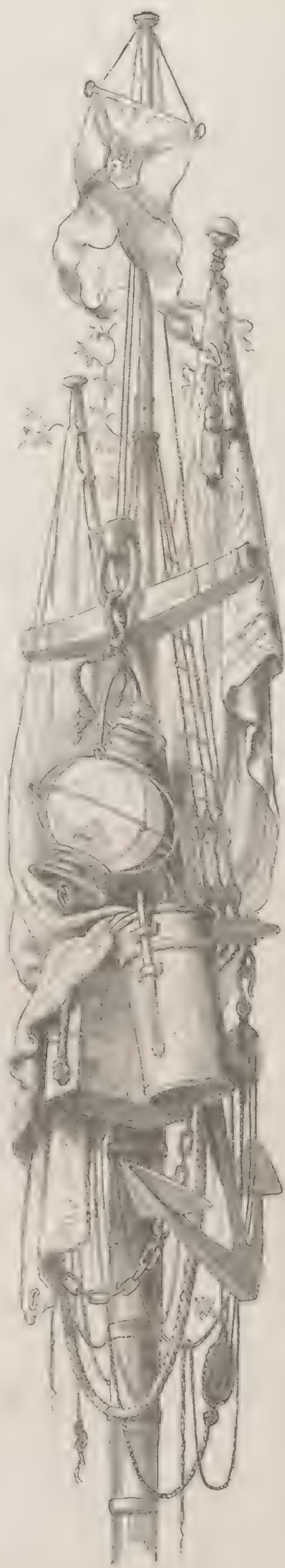
Но и самое пользованіе водами, для дѣятельнаго Петра не пропало даромъ. Передъ отъѣздомъ за границу разрѣшилъ онъ Лефорта и кн. Куракина нанимать въ Парижѣ въ нашу службу французовъ-спеціалистовъ: по части строительнаго дѣла и разнаго рода промышленныхъ производствъ, какъ то: шпалернаго, ткацкаго, красильнаго, бронзоваго и пр. Всѣ нанятые уже и отправляемые сухимъ путемъ въ Россію, главные мастера представлялись государю въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ встрѣчались съ нимъ: Петръ непремѣнно хотѣлъ узнать каждаго изъ своихъ будущихъ сотрудниковъ. Но никто изъ нихъ не произвелъ на Петра такого счастливаго впечатлѣнія и полнаго удовольствія, какъ глава строительныхъ техниковъ — Леблонъ, представившійся царю въ Пирмонтѣ. Бесѣды съ Леблономъ, Петръ самъ называлъ пріятнѣйшимъ провожденіемъ времени и не отпускалъ его отъ себя во все время нахожденія здѣсь. А простившись съ этимъ многознавшимъ художникомъ, адресовалъ его къ Меньшикову, съ приказаніемъ слушаться во всемъ Леблона и исполнять всѣ его требованія.

Окончивъ же съ большимъ успѣхомъ курсъ водъ, царь далъ приказъ своему флоту: выйдти немедленно изъ Ревеля въ море и въ Ростокѣ (22-го іюня) нашолъ уже, съ прибывшимъ дессантомъ, Шереметева и Вейде. Нахожденіе же войска здѣсь заставило Петра ѣхать въ Копенгагенъ, пославъ туда же и жену (Екатерину). Іюль мѣсяцъ былъ рядомъ праздниковъ для царя и царицы въ столицѣ Даніи, но не этого желалъ Петръ, хлопоча о скорѣйшемъ осуществленіи нападенія на общаго врага. Цѣлый мѣсяцъ между тѣмъ прошолъ безслѣдно и флота, по обѣщанію, за дессантомъ нашимъ въ

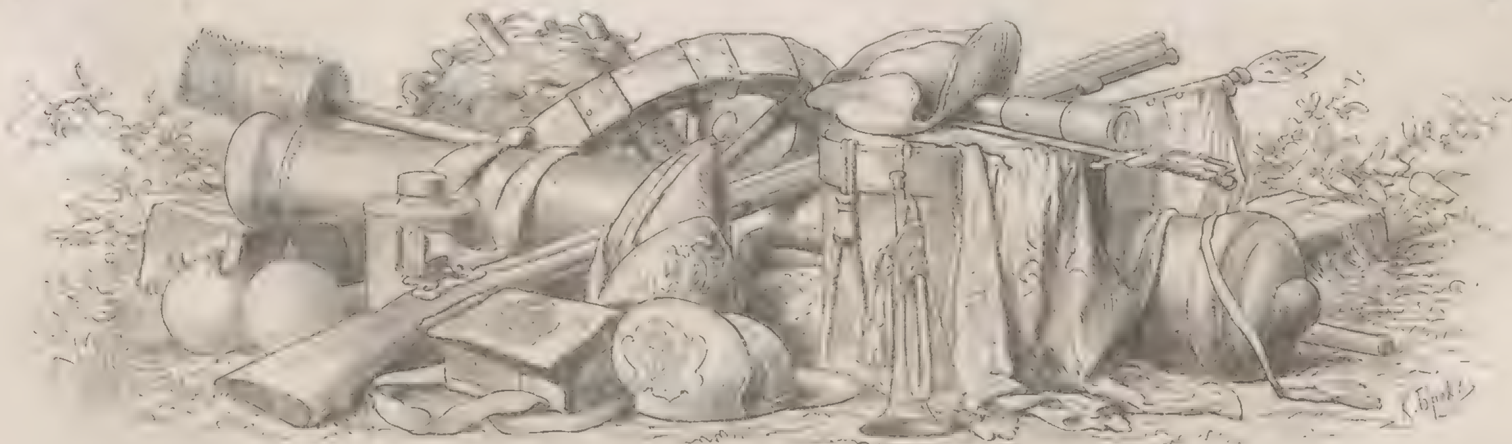

Мекленбургію не посылали; хотя союзные флоты и собрались, между тѣмъ, на копенгагенскомъ рейдѣ. Для оцѣнки же вины датчанъ въ затратѣ даромъ общихъ издержекъ на сформированіе громадныхъ морскихъ силъ, назначенныхъ дѣйствовать къ общей цѣли, — позволимъ себѣ остановиться, напримѣръ, на слѣдующей замѣткѣ Петра въ журналѣ 27-го іюля, когда, наконецъ, вице-адміралъ Габель явился изъ Норвегіи. Въ журналѣ написано: «съ Е. В. многократно о походѣ флота говорено предлагая, что уже и вице-адміралъ Габель пришолъ, но *къ скорому походу склонить не могли*. Такожъ представлено, чтобъ учинить дессантъ отъ флота всѣхъ соединенныхъ къ Аланду, для проходу нашихъ галеръ; *но датчане своей части дать не хотѣли*». На что еще лучшаго свидѣтельства въ объясненіи истиннаго повода несостоянія дессанта, какъ одно это даже обстоятельство?

У Копенгагена, между тѣмъ, начальство надъ всею армадою предложено русскому царю, и августа 5-го, при выстрѣлѣ изъ 9-ти пушекъ, Петръ I поднялъ свой штандартъ — какъ командиръ союзнаго своднаго флота четырехъ державъ, — на новомъ кораблѣ «Ингерманландъ» (70 пушекъ), на которомъ плавалъ уже и въ компанію 1715 года, спустивъ его на воду въ ту навигацію (1-го мая). Замѣтимъ, что три датскіе адмирала (Гульценъ-Леве, Тегестетъ и Раабъ), англійскій (Норрисъ) и голландскій (Граве) съ двумя русскими (Шельтингомъ и Сиверсомъ) управляли отдѣльно своими частями.

Въ честь своего державнаго командира, англійскій адміралъ первый далъ залпъ привѣтствія изъ 21 орудія; а датчане, въ свою очередь, грянули изъ 27-ми и всѣ флаги и вымпелы «спускали до палубъ». Растроганный царь послалъ отвѣтъ изъ 21 пушки и далъ передъ полуднемъ сигналъ къ выходу въ море. Англійскій флотъ (18 кораблей) составилъ авангардъ, за которымъ должны были слѣдовать 20 кораблей датскихъ, составлявшихъ главныя силы (коръ-де-баталь). Но они отказались идти; и за Норрисомъ пошли 13 русскихъ кораблей, замыкавшихъ шествіе; имѣя резервъ изъ 4-хъ кораблей и семи фрегатовъ, подъ непосредственнымъ начальствомъ Петра. Слѣдующій день опять прождали датчанъ, хотя они и дали слово выступить, но выполнили это уже 7-го. Августа же 8-го пришли къ Борнгольму, гдѣ вѣрно узнали уже, что шведы въ море не показывались больше мѣсяца. Крейсеры, впрочемъ, открыли шведскій флотъ въ Карлскронѣ, куда Норрисъ и предлагалъ идти всему флоту; но датчане и отъ этого отказались, начавъ затѣмъ перекоры о командѣ, въ случаѣ отсутствія царя, дѣйствительно, при такихъ обстоятельствахъ, уже отложившаго попеченіе на соглашеніе союзниковъ-противниковъ. Поэтому, Петръ одинъ поѣхалъ къ Рюгену—торопить транспортированіе войскъ; 18-го былъ уже въ Штральзундѣ и 21-го довелъ транспортъ до Кегебухта на видъ Копенгагена.

Затѣмъ же, снова, самъ Петръ 28-го августа отправился лично на рекогносцировку шведскаго берега и осматривалъ его съ мачты, «дабы непріятель не догадался; близко не подходя къ берегу».

Въ это-то время, когда началась высадка людей съ транспортовъ, — и состоялся тотъ знаменитый военный совѣтъ, на которомъ объяснилось, какъ мало озаботилась Данія продовольствіемъ нашего войска, надѣясь, что мы сами отберемъ себѣ хлѣбъ у шведовъ. Такое, однако, черезъ чуръ уже безцеремонное объясненіе окончательно возмутило Петра, который, уже не скрывая своего гнѣва, объяснился категорически: что желудокъ солдатскій не можетъ продовольствоваться надеждами и обѣщаніями, вмѣсто муки, изъ запасныхъ магазиновъ. Отвѣтъ — привезутъ еще съ острововъ — царя удовлетворилъ столько же, сколько и умозрѣнія датскихъ министровъ, какъ богата хлѣбомъ Шонія, которую стоитъ только взять и — готовъ столъ! — Да, возразилъ Петръ, но за этимъ столомъ сидятъ 30,000 шведовъ, которые незваннымъ гостямъ не дадутъ мѣста съ собою; а жертвовать людьми я не хочу, посылая ихъ на вѣрное бѣдствіе.

Споровъ было много, но въ результатѣ этотъ «генеральный консиліумъ»,—въ которомъ принимали участіе русскіе генералы и на рѣшеніе котораго Петръ нисколько не вліялъ, по большинству голосовъ положилъ: что дессанту не быть, понеже время уже позднее наступаетъ; людей всѣхъ не перевезли; и диверсія отъ Аланда не учинена, понеже датчане по концерту, учиненному въ Альтенау, вспомочь оному не хотѣли». — Для датчанъ казалась важнѣе всего шонская высадка. А для Петра нужнѣе всего была аландская диверсія. Копенгагенскій дворъ думалъ противопоставить 30,000-мъ шведовъ 20,000 русскихъ, а Петръ, не надѣясь на храбрость 18,000 датчанъ, рискнуть на неровный бой въ позднюю бурную осень, ни въ какомъ случаѣ не хотѣлъ; откладывая экспедицію до весны. Наконецъ датчане объявили, что они на будущую весну дѣйствовать не въ состояніи. «И тако обще всѣ письменный учинили протоколъ, чтобъ отставить до будущаго лѣта для вышерѣченныхъ причинъ».

Между тѣмъ, перевозка нашихъ силъ все еще продолжалась и еще 4-го сентября прибылъ послѣдній транспортъ съ пѣхотою; три же полка драгунъ датчане отказались перевозить, отговариваясь неимѣніемъ судовъ. Собранъ новый военный совѣтъ и пришолъ къ рѣшенію перваго, а 15-го сентября король датскій прислалъ царю письмо, въ которомъ просилъ отложить высадку въ Шонію до весны. За такимъ собственноручнымъ отзывомъ казалось бы говорить ничего не приходилось; между тѣмъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ датскій король издалъ декларацію, въ которой обвинялъ въ неосуществленіи экспедиціи одного Петра, высказывая удивленіе на мнимое упорство царя. Холодность, возникшая ранѣе уже, между обоими союзниками, теперь достигла до такой степени, что датское правительство поспѣшило выслать наше войско изъ своихъ владѣній, гдѣ для будущей весенней экспедиціи оно должно было зимовать. Петръ также поторопился ѣхать, 9-го октября, угостивъ адмираловъ датскихъ у себя на кораблѣ и пославъ (12-го октября) флотъ свой въ Ревель.

Изъ Даніи, потерявъ три мѣсяца, Петръ и Екатерина направили свой путь

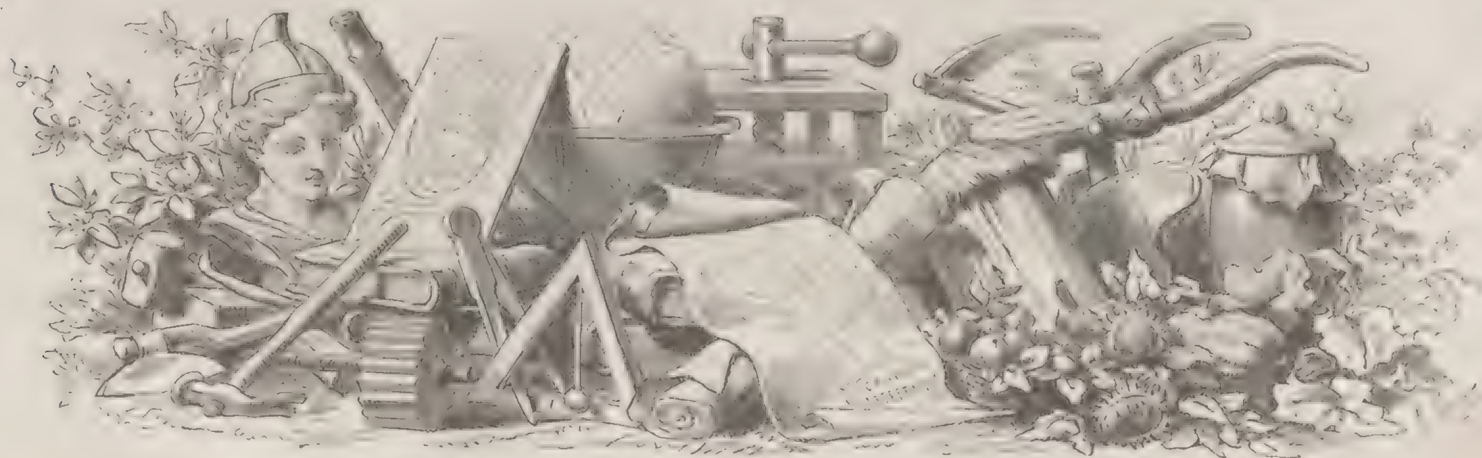
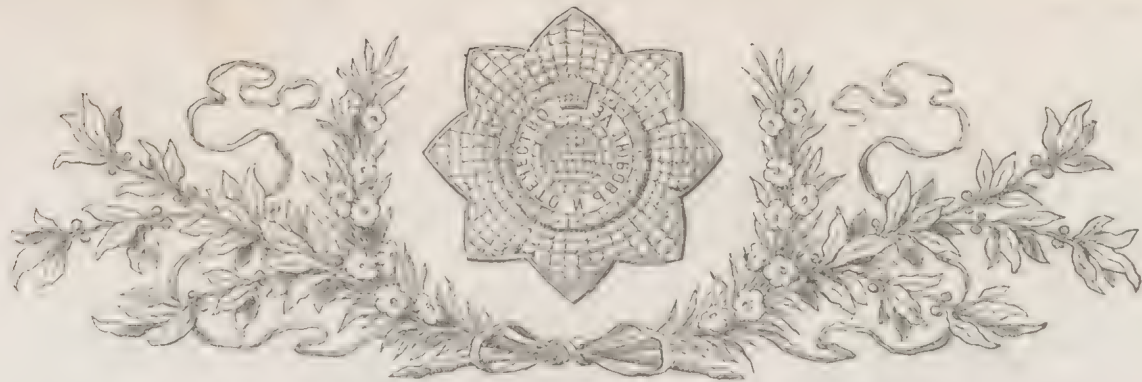

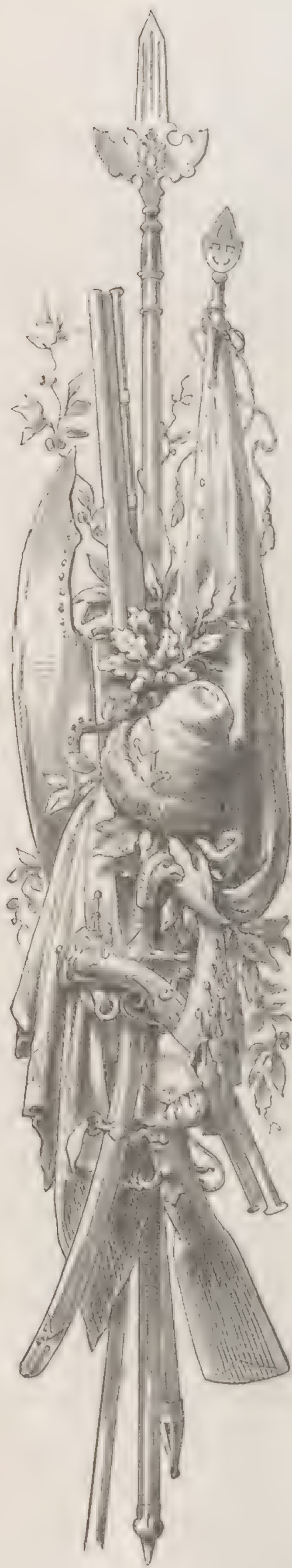

Рис. Г. Броллинъ, грав. Е. [illegible]

Празднованіе 30 [illegible] 1872 года.

Торжество на Петровской площади въ С.-Петербургѣ. [illegible] изъ Исаакіевскаго собора къ памятнику Петра Великаго.

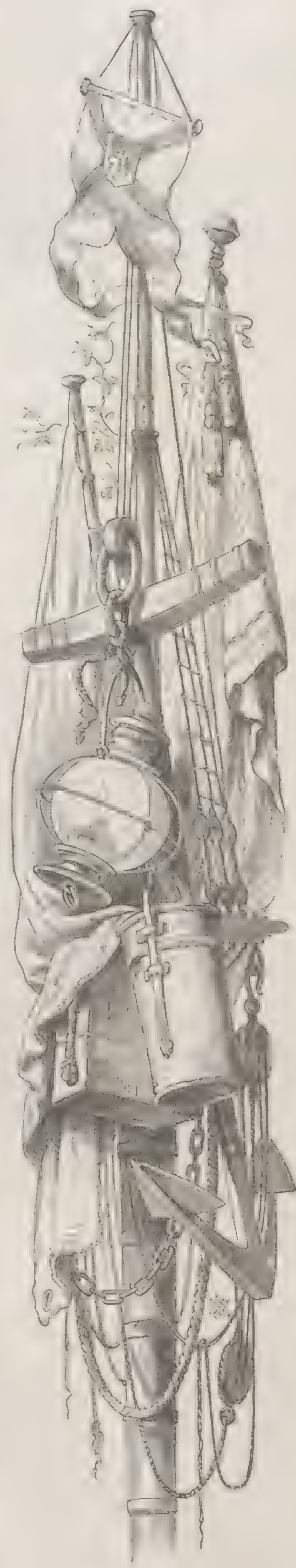

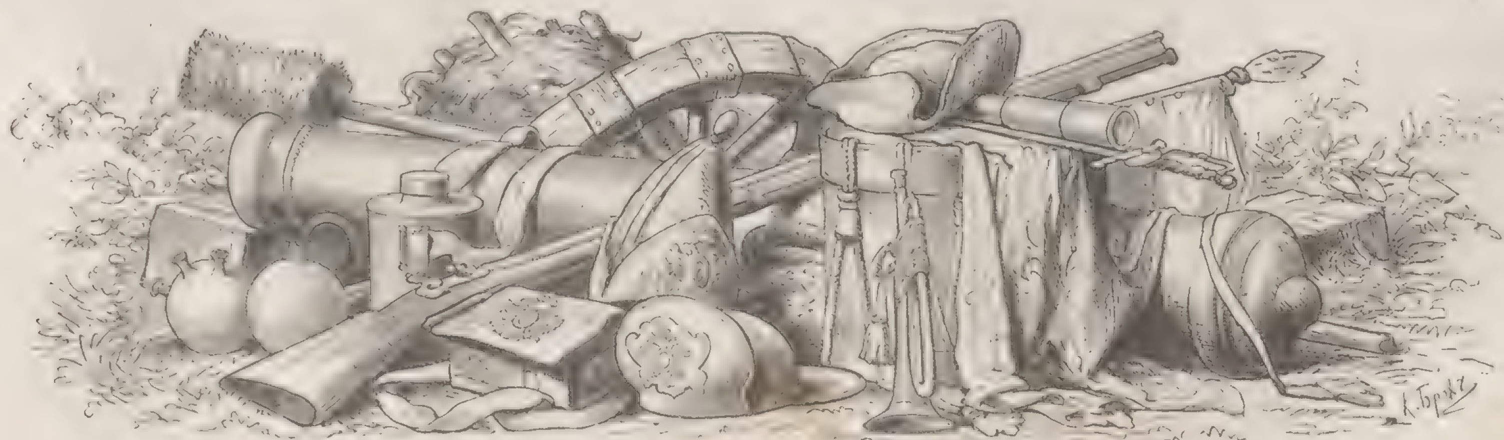
въ Гамбургъ. Городское начальство, обязанное Петру спасеніемъ въ 1703 г. отъ ярости Штенбока, и Гамбургу готовившаго участь Альтоны,—встрѣтило царственныхъ супруговъ салютами артиллеріи и иллюминаціею. Петръ затѣмъ разставилъ свое войско на зимнія квартиры въ Мекленбургѣ и поспѣшилъ на свиданіе съ прусскимъ королемъ, въ Гавельбергъ.

Замѣтимъ здѣсь кстати, что, вмѣсто того, чтобы видѣть въ отказѣ Петра, отъ поздняго дессанта, простое и здравое рѣшеніе царя не вдаваться въ напрасную опасность, опрометчиво довѣряясь случайностямъ, — отъ чего отучилъ уже Петра походъ къ Пруту, — какъ мы замѣтили, голландскіе и датскіе писатели старались видѣть въ этомъ вліяніе предложеній барона Герца. Между тѣмъ, о предложеніяхъ Герца Петръ только узналъ отъ прусскаго короля, въ Гавельбергѣ, гдѣ, подтвердивъ Фридриху Вильгельму I прежніе трактаты съ нимъ и видя въ этомъ государѣ человѣка съ большою готовностію на дѣло, Петръ окончательно уступилъ ему Штетинъ. На прощаньѣ же, оба монарха сдѣлали другъ другу презенты. Король прусскій подарилъ Петру яхту, стоявшую въ Потсдамѣ, да янтарный кабинетъ «о чемъ давно желали»; а царь, зная страсть короля къ великорослымъ солдатамъ, обѣщалъ и потомъ прислалъ 50 гренадеръ-великановъ—чѣмъ удружилъ больше всего Фридриху Вильгельму I.

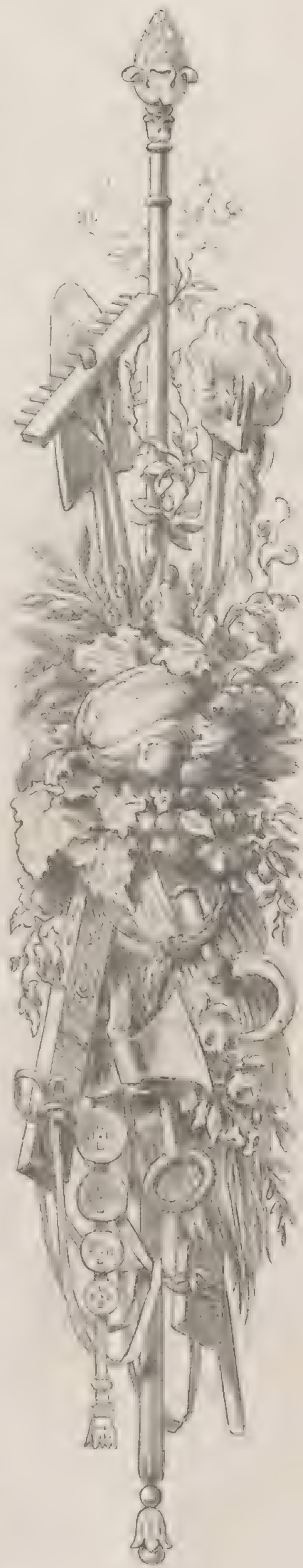
Гавельбергское свиданіе Петра съ прусскимъ королемъ происходило уже въ половинѣ ноября, когда начались холода, возбудившіе безпокойство царя о Екатеринѣ, оставленной въ Шверинѣ, въ послѣднихъ мѣсяцахъ беременности. Самъ Петръ поѣхалъ въ Голландію, изъ Бремена, кратчайшимъ трактомъ, но для жены выбралъ болѣе удобный путь на Везель. Но, добравшись кое-какъ сюда, отъ непріятностей, встрѣченныхъ въ пути, царица преждевременно, на новый годъ, разрѣшилась сыномъ, жившимъ день всего. Выкидышъ, конечно, разстроилъ здоровье царицы и заставилъ ее прожить въ Везелѣ три недѣли, когда и Петръ хворалъ, очень даже опасно, въ Амстердамѣ.

Прибывъ въ столицу Голландіи еще 6-го декабря, царь первыя двѣ недѣли еще выходилъ изъ комнаты и производилъ разнаго рода осмотры и наблюденія. Но болѣзнь, усиливаясь, около праздника довела организмъ царя до страшнаго разстройства. Упадокъ силъ и жесточайшія боли въ головѣ не давали ему подняться съ подушекъ. Не смотря, однако, на такое безотрадное положеніе, имперскіе дипломаты еще докучали царю требованіями о выводѣ войска изъ Мекленбургіи. Да ко всему этому присоединилась и тяжолая вѣсть объ исчезновеніи сына, который, какъ прямо догадался Петръ, не могъ нигдѣ скрываться, кромѣ Австріи. Кромѣ того, планы Герца, о которыхъ усердный уполномоченный Карла XII завелъ переписку съ лейбъ-медикомъ Петра Арескинымъ, въ это время открыты были регентомъ Франціи королю англійскому Георгу I. Планы же эти заключались ни больше, ни меньше, какъ въ низложеніи Георга дессантомъ шведовъ въ Лондонъ, съ возведеніемъ на престолъ Англіи претендента, сына Якова II. Въ корреспонденціи съ Арескинымъ предлагался Петру общій союзъ, въ которомъ Швеція, отъ возведенія Стюартовъ

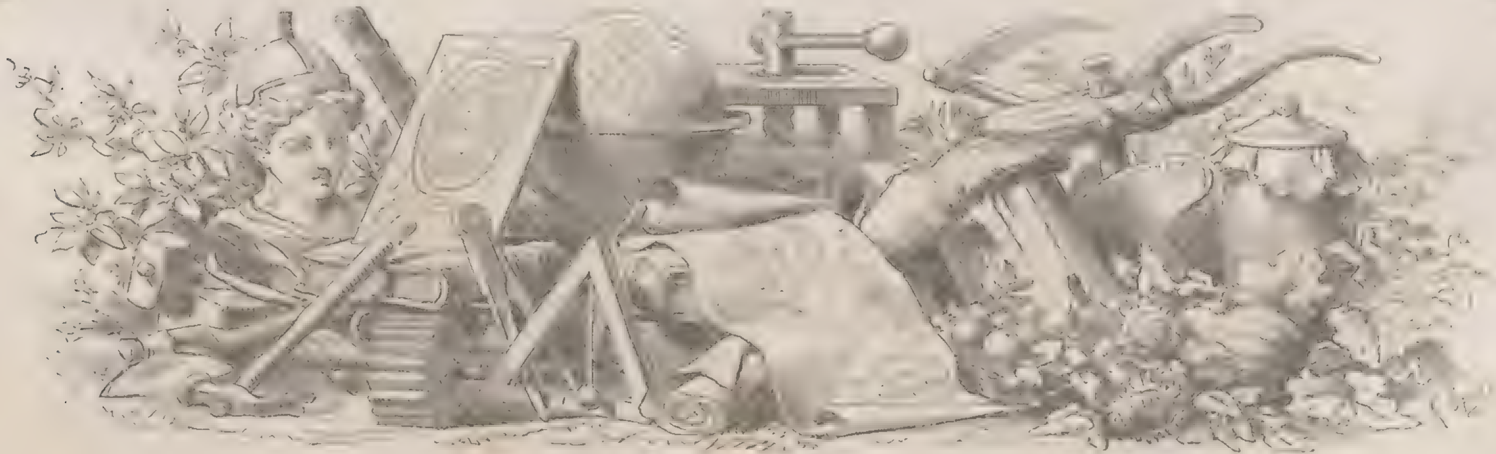

надѣявшаяся для себя великихъ выгодъ. обѣщала нѣсколько шансовъ и для русской торговли, кромѣ уступки царю завоеванныхъ имъ земель. Петру не особенно дорого было, конечно, и вовсе не нужно даже—низложеніе Георга, но отдѣлаться выгоднѣйшимъ миромъ отъ войны съ Швеціею, онъ желалъ больше всего, и не могъ, поэтому, отталкивать Герца, снабжоннаго уполномочіемъ Карла XII. Между тѣмъ, благосклонно слушая предложенія о мирѣ черезъ Герца, когда заговоръ его противъ Георга былъ разрушенъ сообщеніемъ герцога орлеанскаго, имѣвшаго фискаловъ половину Франціи,—раздражонный король англійскій публиковалъ захваченныя силою въ шведскомъ посольствѣ бумаги, поясняя враждебно тѣ мѣста изъ корреспонденціи Герца съ Арескинымъ, гдѣ говорилось о планахъ помириться съ царемъ, рядомъ съ развитіемъ хода другихъ пружинъ, пускаемыхъ въ дѣло для поправленія обстоятельствъ Швеціи. Отъ такихъ поясненій публикація писемъ Арескина въ глазахъ министровъ Георга получила тонъ, оскорбительный для царя; тѣмъ болѣе, что, благодаря поверхностнымъ толкамъ интимной корреспонденціи, гдѣ и самыя намѣренія или предложенія облекались въ форму совершившагося факта, —Петръ обвинялся въ соучастіи съ Герцемъ ко вреду Георга. Король былъ даже убѣжденъ въ этомъ, такъ что не помогли и заявленія царя, объяснявшаго въ чомъ было дѣло. Такое же личное неудовольствіе Георга, обратившееся потомъ въ антипатію къ Петру, сильно повредило, конечно, успѣхамъ общихъ дѣйствій союзниковъ, и, впослѣдствіи, заставило даже Англію, заключивъ съ Швеціею отдѣльный миръ, дѣйствовать противъ Россіи; хотя далеко не энергично и скорѣе ко вреду, чѣмъ къ пользѣ шведовъ, королева которыхъ Ульрика, преемница умертвленнаго въ ноябрѣ 1718-го года Карла XII, союзомъ съ первою морскою державою сперва думала выиграть или улучшить дѣла свои.

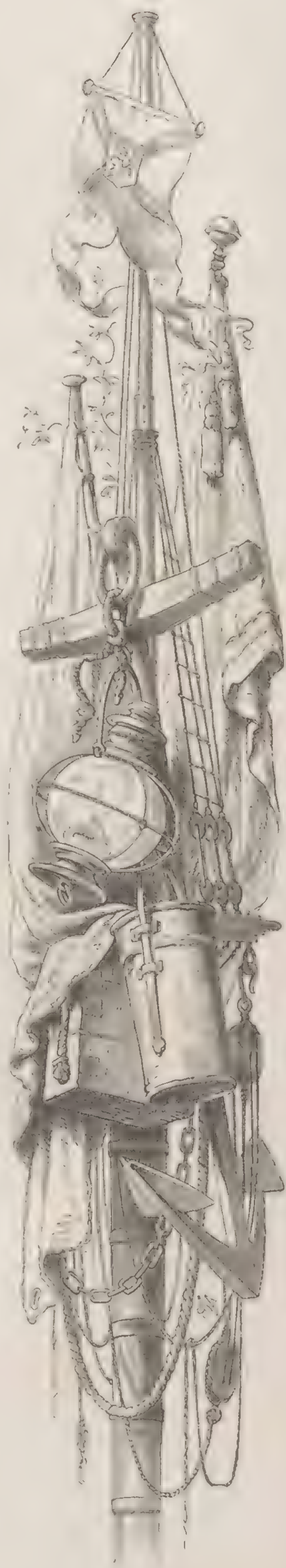
Сторону Георга, волею и неволею, держало и голландское правительство, допустившее въ угоду ему даже арестованіе Герца и содержаніе его подъ стражею. Такой же поступокъ штатовъ, допустившихъ и перепечатку писемъ Арескина съ непріятными для Петра комментаріями, очень понятно, навлекъ и на бывшихъ друзей царя, его неудовольствіе, высказавшееся въ отказѣ возобновленія торговыхъ трактатовъ Голландіи съ Россіею, на что, устраивая пышный пріемъ Петра, крѣпко разсчитывали купцы-правители, получавшіе отъ русской торговли самые существенные барыши. Къ частнымъ людямъ, старымъ знакомцамъ своимъ, Петръ, конечно, оставался расположеннымъ по прежнему; но правительство потерпѣло полную неудачу, къ которой, разсчитывая по устоявшимся отношеніямъ въ первое путешествіе царя, оно не было совсѣмъ приготовлено. Это же состояніе дѣла и отношенія царя къ Голландіи въ лицѣ ея правительства, нужно принимать скорѣе всего въ разсчотъ для вѣрной оцѣнки и разгадки обстоятельствъ и случаевъ послѣдняго пребыванія Петра въ Голландіи.

Для Петра больше всего тяжолъ былъ мѣсяцъ январь 1717 г. — пора его тяжкаго недуга, къ концу мѣсяца, однако, ослабѣвшаго. Свиданіе съ Ека-

терпною, по выздоровленіи своемъ тоже пріѣхавшею въ Амстердамъ, было для царя первою радостью, послѣ перенесенныхъ непріятностей. Февраль же мѣсяцъ употребилъ Петръ на разъѣзды съ женою всюду, показывая ей наиболѣе замѣчательное. Возилъ онъ ее и въ Заандамъ, гдѣ показывалъ свой домикъ и друзей въ лицѣ почтеннаго Кальера и членовъ его семейства. Не прятался государь теперь и отъ народа, всюду собиравшагося толпами смотрѣть на него. Послѣ болѣзни находили его, однако, страшно блѣднымъ, мрачнымъ, съ суровостью во взорахъ, которую чорный цвѣтъ волосъ еще болѣе усиливалъ. Быстрота движеній была прежняя, но фигура могучаго царя-плотника казалась болѣе приземистою. Двадцать лѣтъ дѣлаетъ много и въ обыкновенномъ человѣкѣ, а какая бездна труда, непріятностей, могучихъ предположеній и великаго, уже совершоннаго, отдѣляла Петра 1717 года отъ молодого царя, записавшагося на верфь Линста Рогге плотникомъ. Жили Петръ и Екатерина въ домѣ русскаго купца Соловьева и на дачѣ агента царя въ Голландіи Брандта, устроившаго близъ Гарлема, въ рощѣ, служившей мѣстомъ лѣтняго пріюта Амстердамскаго фешона—пышную виллу, назвавъ ее Петербургомъ. Этотъ Брандтовъ Петербургъ играетъ важную роль въ письмахъ царя изъ второго путешествія въ Голландію. Здѣсь задавали Петру пиры его почитатели; сюда возилъ онъ людей ему близкихъ и отсюда, по прежнему, любознательный царь направился въ Утрехтъ и близъ лежащіе городки, для осмотра разнаго рода фабрикъ и заводовъ въ началѣ марта. Переѣхавъ затѣмъ въ Гагу, въ домъ Куракина на большомъ Форхоутѣ, Петръ съ женою сдѣлались героями празднествъ, данныхъ генеральными штатами въ Зоргфлитѣ. Въ осматриваніи всякаго рода изобрѣтеній, по части техническихъ производствъ и въ области наукъ, Петръ въ Гагѣ провелъ двѣ недѣли. Здѣсь, между прочимъ, давалъ царь сеансъ (17-го марта) и знаменитому портретисту Карлу Моору, съ оригинала котораго, восхищавшаго самого монарха, по гравюрѣ Хубракена, имъ же самимъ въ это время заказанной, мы выполнили (въ величину оригинальной гравюры на мѣди) единственное, самое схожее изображеніе Петра Великаго, помѣщонное на первыхъ страницахъ нашего изданія.

Изъ Гаги, съѣздивъ въ Роттердамъ и оставивъ тамъ Екатерину, Петръ, надѣясь теперь, черезъ посредство Франціи, заключить съ Карломъ XII выгодный для насъ миръ,—рѣшился ѣхать въ Парижъ. Нелюбя вообще церемоній — и съ цѣлью избѣжанія ихъ пріѣзжая обыкновенно въ столицы своихъ союзниковъ одинъ, — Петръ нехотѣлъ взять съ собою и во Францію Екатерину, при которой отъ встрѣчь недозволялъ уже никакъ отдѣлаться этикетъ дворовъ европейскихъ государей.

Привѣтствій и торжественныхъ встрѣчь царь, впрочемъ, не избѣжалъ. Начались онѣ еще въ Голландіи; именно съ города Дортрехта, гдѣ яхта царская, за противнымъ вѣтромъ, должна была стать на якорь. Петръ посѣтилъ затѣмъ островъ Вильхеренъ, осматривая его замѣчательности, также, какъ и знаменитый Антверпенъ,—гдѣ ходилъ поклониться праху Рюбенса. За тѣмъ

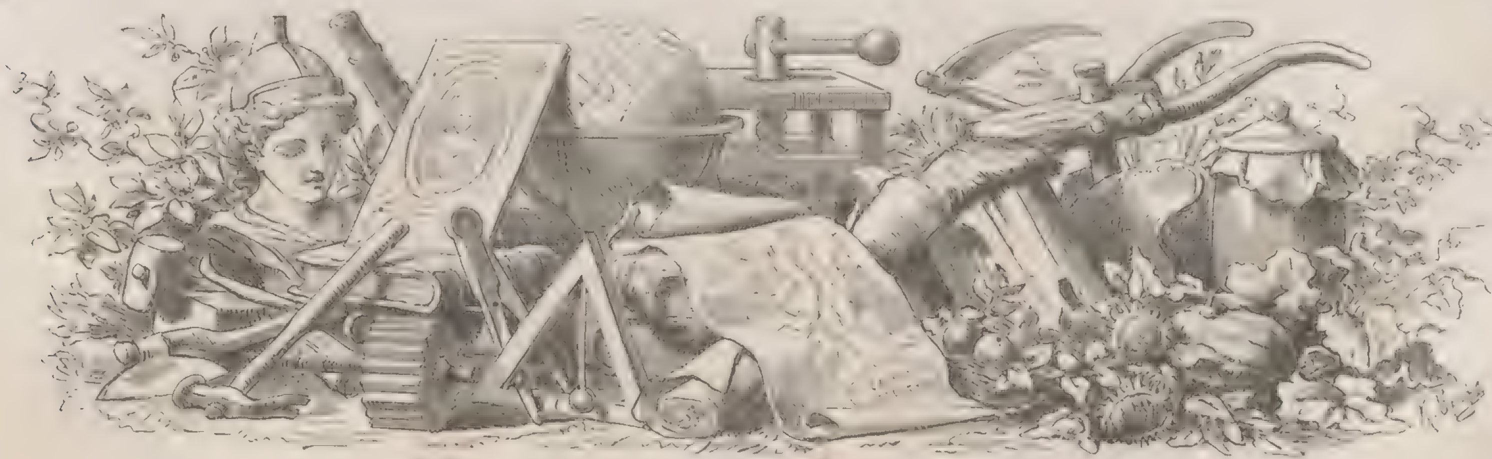

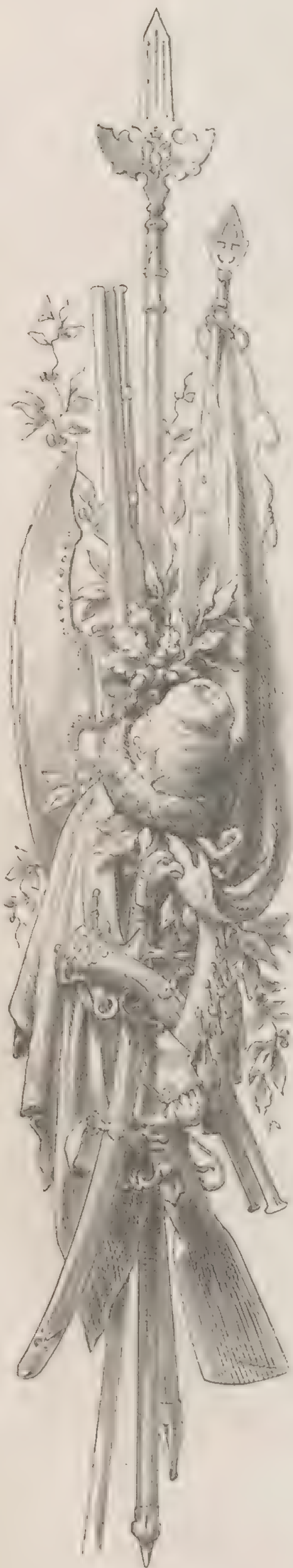
царь былъ въ Брюсселѣ, Гентѣ и Брюгге, изъ Остенде уже переправившись моремъ въ Дюнкирхенъ — съ котораго начались французскіе пріемы и для сопровожденія Его Величества явился королевскій камеръ-юнкеръ. Съ этаго мѣста Петра утомляли уже церемоніями и онъ чувствовалъ себя въ лучшемъ расположеніи духа тамъ именно, гдѣ, какъ въ Аббевилѣ, были замѣчательныя фабричныя заведенія. Разсматривая суконныя фабрики, да красильни шерсти, Петръ провелъ, какъ извѣстно, цѣлый день въ Аббевилѣ, послѣ того не-останавливаясь уже по долгу, до самаго Парижа.

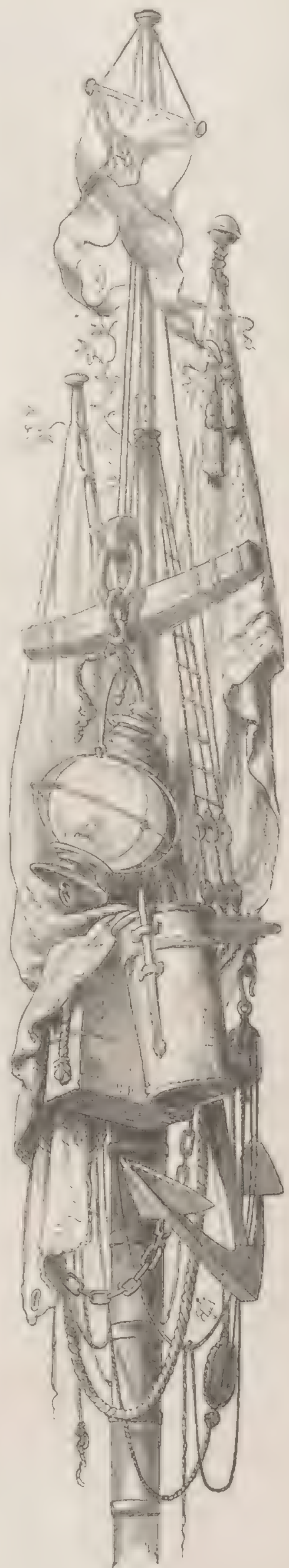
Приготовленный же пышный пріемъ въ столицѣ Франціи, съ помѣщеніемъ въ Луврѣ, произвелъ на Петра впечатлѣніе совсѣмъ противоположное разсчотамъ регента, желавшаго блеснуть. Царь не только не принялъ приглашенія сѣсть за столъ во дворцѣ, но видимо поторопился уѣхать въ отель Ледигьеръ (принадлежавшій маршалу Вильруа и назначенный для помѣщенія высокаго гостя). А тамъ, занявъ комнату, назначенную для денщика, и улегшись на походную постель свою на полу, Петръ оставилъ не тронутымъ пышный альковъ въ парадной спальнѣ. Неменьше удивилъ французскую знать русскій царь и своимъ раннимъ вставаніемъ, поднявшись,—и на слѣдующее утро по пріѣздѣ своемъ,—на разсвѣтѣ. Регентъ Франціи поспѣшилъ представиться Петру и, бывъ очарованъ его умомъ, не смотря на свою вѣтренность успѣлъ оцѣнить въ своемъ гостѣ генія. При пріемѣ дитяти—короля Людовика XV, царь, встрѣтивъ его у кареты и обмѣнявшись привѣтствіемъ, при посредствѣ Куракина, служившаго переводчикомъ при бесѣдахъ государя съ королемъ и регентомъ—ласково разговаривалъ съ нимъ съ четверть часа. При посѣщеніи же короля въ Луврѣ, когда царственный дитя вышелъ къ нему на встрѣчу на подъѣздъ, Петръ взялъ ребенка короля на руки и внесъ на лѣстницу, говоря шутливо: «Несу Францію!»

Французамъ это очень понравилось, какъ и все, вообще простое, искреннее обращеніе царя. Особенно же отъ него въ восторгѣ были всякаго рода техники и изобрѣтатели. Цѣлые дни въ теченіи шестинедѣльнаго пребыванія во Франціи, царь употреблялъ на осмотры мастерскихъ, да всякаго рода коллекцій и устройствъ. Дворцы королевскіе, столичные и загородные въ ряду обозрѣній любопытнаго государя занимали, конечно, первое мѣсто по накопленію въ нихъ бездны любопытнаго, во всѣхъ отношеніяхъ. Тюильри и Версаль,—особенно же сады и фонтаны послѣдняго,—произвели на Петра до того сильное впечатлѣніе, что онъ нѣсколько разъ ѣздилъ изъ города, проводя здѣсь цѣлые дни; даже не разъ ночевалъ. Не удивительно, что, по возвращеніи въ Россію, Петръ съ такимъ замѣтнымъ постоянствомъ, впродолженіи шести лѣтъ заботился объ устройствѣ фонтановъ въ Петергофѣ, по проэкту своего генералъ-архитектора Леблона, въ первомъ уже своемъ предположеніи старавшагося сдѣлать въ маломъ видѣ копію Версальскихъ каскадовъ. Гобеленевая фабрика, инвалидный домъ, севрскія мастерскія, Академія живописи, монетный дворъ, коллекціи моделей французскихъ крѣпостей и анатомическихъ препаратовъ — все, поочередно, за-

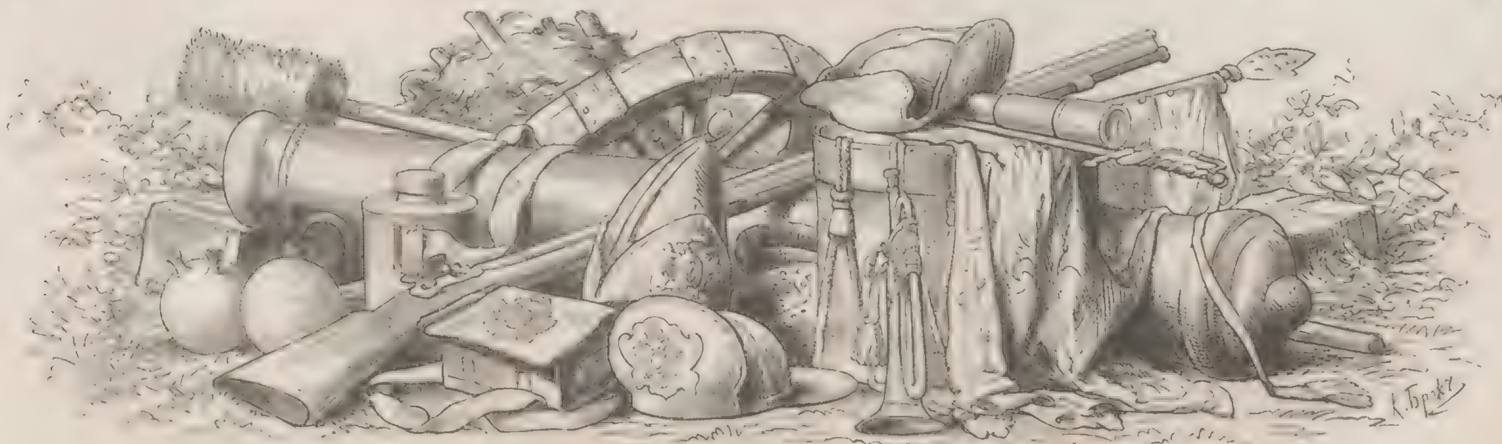

нимало Петра и сдѣлало для него время пребыванія въ Парижѣ до того коротким, что онъ удосужился написать женѣ всего три письма; тогда какъ и въ самыхъ трудныхъ походахъ никогда не оставлялъ ни одной почты, чтобы не писать къ Екатеринѣ, хотя самаго краткаго увѣдомленія. Регентъ, гордясь выправкою своихъ войскъ, приглашалъ также не разъ царя на смотры и парады. Изъ нихъ особенно замѣчательный произведенъ въ Елисейскихъ поляхъ, 5-го іюня, когда, по командѣ царя, проходили знаменитые мушкетеры Людовика XIV, на которыхъ, послѣ придворныхъ модниковъ, энергическій образъ русскаго царя произвелъ глубокое впечатлѣніе; также, какъ и на инвалидовъ, обласканныхъ Петромъ, при посѣщеніи ихъ дома. Государь называлъ ихъ товарищами, спрашивалъ о походахъ и отвѣдалъ даваемое имъ вино и хлѣбъ.

Іюня 9-го 1717 г. наконецъ Петръ оставилъ Парижъ, направляясь въ Спа, для пользованія минеральными водами. Туда явился къ государю Румянцевъ, съ извѣстіемъ объ отвозѣ Алексѣя Петровича австрійцами въ Италію и—посланъ, вмѣстѣ съ Толстымъ, ходатайствовать передъ мѣстными владѣтелями о выдачѣ царевича. Оставаться въ Спа царь сперва не думалъ долго, но пробывъ недѣлю и увидѣвъ полезное дѣйствіе водъ на свой разстроенный организмъ, рѣшился продолжать курсъ всѣ 4 недѣли. Выѣхавъ же изъ Спа, царь посѣтилъ Ахенъ, съ его теплицами, знаменитую крѣпость Маастрихтъ, да города Боккумъ, Горкумъ и Дортрехтъ; такъ что только 22 іюля увидѣлъ онъ вновь Амстердамъ. День же спустя, вмѣстѣ съ Екатериною, неутомимый царь предпринялъ увеселительную поѣздку къ о. Текселю, — смотрѣть прибывшій изъ Ост-Индіи флотъ, состоявшій изъ 16 кораблей.

На одномъ изъ этихъ кораблей, которыхъ коммисаръ ост-индской компаніи устроилъ для высокихъ гостей своихъ пышный пиръ. Но ни эта любезность, ни расточавшіяся Екатеринѣ, въ отсутствіе супруга, всякаго рода угожденія и праздники, на Петра теперь не произвели никакой перемѣны, благопріятной для купцовъ-аристократовъ. Царь холодно относился къ людямъ, къ которымъ уже питалъ антипатію, и она только увеличивалась, по мѣрѣ открытія новыхъ интригъ ихъ и подслуживанья тѣмъ, кто казался страшнымъ для высокомочныхъ штатовъ генеральныхъ по возможности вредить торговымъ разсчотамъ ихъ, — какъ Англія.

Сильно разочаровавшись и въ друзьяхъ и въ союзникахъ,—въ это лѣто ничего уже не предпринимавшихъ противъ Швеціи,—Петръ рѣшился одинъ дѣйствовать для пріобрѣтенія выгоднаго мира. Съ выпущеннымъ на свободу Герцемъ царь, проѣздомъ изъ Ахена, видѣлся въ городкѣ Лоо и обнадежилъ его на счотъ всякой готовности своей дѣйствовать въ пользу Карла XII, если получитъ полное удовлетвореніе всѣхъ своихъ требованій. Покончивъ же это дѣло, въ Голландіи оставаться Петръ не имѣлъ ни охоты, ни надобности. Заключивъ трактатъ о торговлѣ съ Франціею, обоюдно выгодно и для обѣихъ сторонъ царь только съ Голландіею и англійскимъ коро-

лемъ, возобновившимъ весною сношенія,—связывать себя не хотѣлъ никакими узами условій и, похоронивъ своего престарѣлаго друга, бургомистра Витзена, такъ много сдѣлавшаго угоднаго царю въ первое его путешествіе—оставилъ себялюбивую Батавію, поспѣшивъ въ Берлинъ. Въ королѣ прусскомъ, бравшимъ во многомъ за образецъ Петра, онъ видѣлъ лучшаго и надежнѣйшаго союзника и съ нимъ еще разъ хотѣлъ повидаться. Пребываніе царя въ прусской столицѣ было, впрочемъ, очень коротко—только до пріѣзда супруги. Съ нею же царь направилъ путь въ Данцигъ: взять обязательство съ магистрата объ уплатѣ 40,500 рейхсталеровъ и прерваніи коммерціи съ Швеціею. Оттуда же, нигдѣ не останавливаясь, воротились царь и царица въ Петербургъ (10 — 11 октября) послѣ 20-ти слишкомъ мѣсяцевъ отсутствія.

Но и въ Петербургѣ, оставленномъ на годъ слишкомъ, чтобы дать возможность произвести предположенныя работы и сооруженія, царь нашолъ далеко не все сдѣланнымъ и почти все—не такъ, какъ онъ ожидалъ. Такъ что послѣ первыхъ осмотровъ гнѣвъ на дурное исполненіе и неразумныхъ распорядителей, незамедлилъ проявиться въ недовольномъ Петрѣ, который уже однимъ бѣгствомъ сына, теперь отысканнаго, настроенъ былъ къ подозрѣніямъ. Отъ Герца получено, между тѣмъ, письмо, удостовѣряющее о желаніи Карла XII мириться и назначеніи для того уполномоченныхъ на съѣздъ на островъ Аландъ.

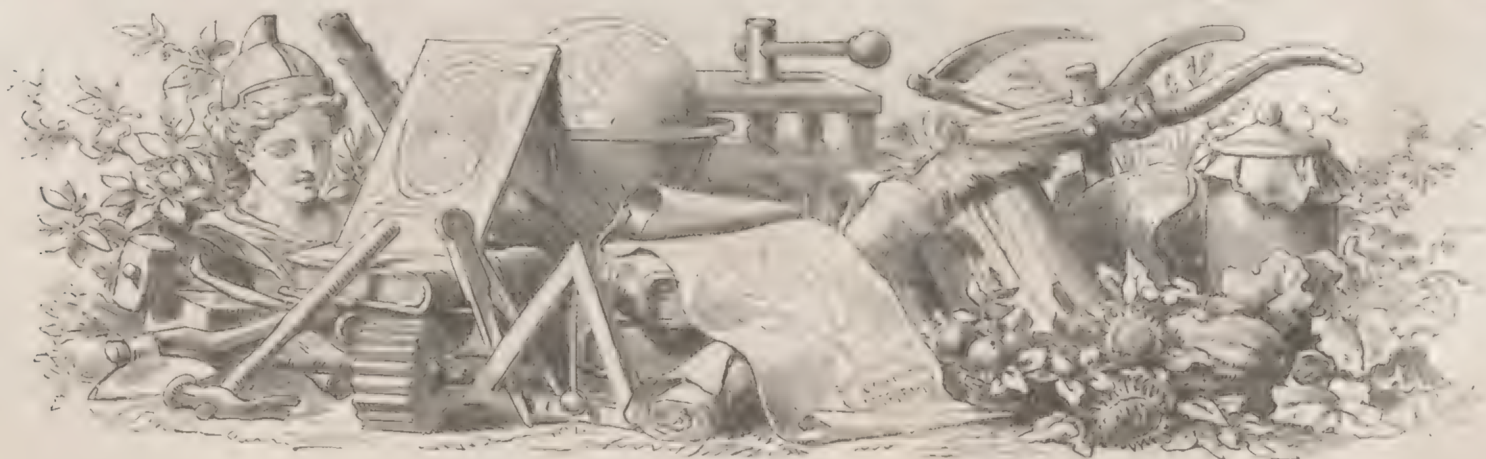

Рис. Г. Броλинъ, грав. Э. Даммюллеръ.

Празднованіе 200-лѣтняго юбилея Императора Петра Великаго.

Перевезеніе ботика „Дѣдушка русскаго флота“ въ Москву. Торжество на пристани Петровской площади, въ С.-Петербургѣ.

Празднованіе 30-го мая 1872 года.

Пріемъ ботика „Дѣдушка русскаго флота“ передъ морскимъ отдѣломъ Политехнической выставки въ Москвѣ.

XVI.

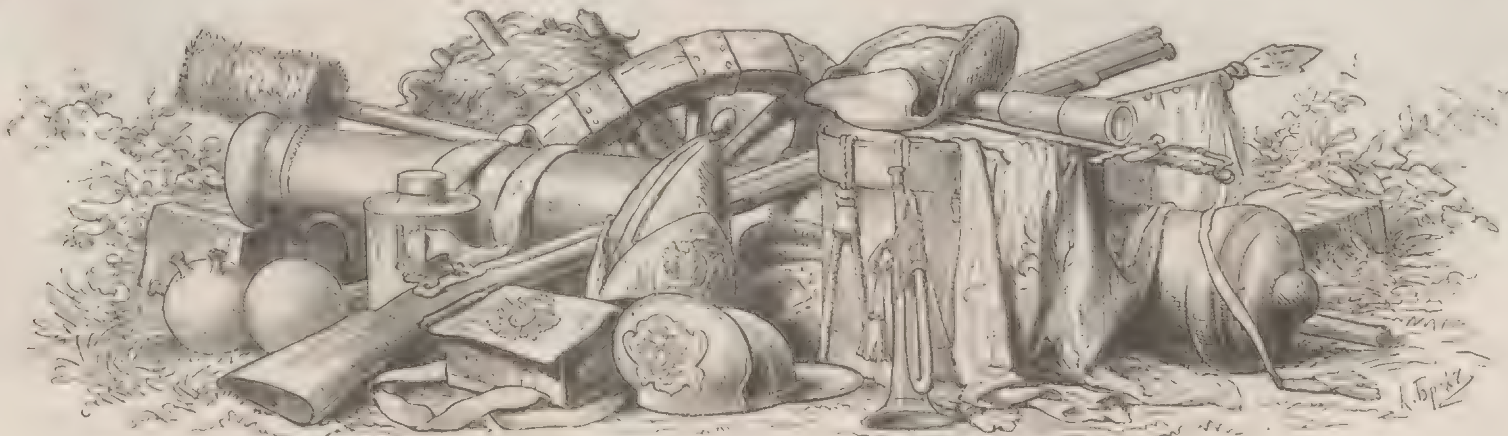
КОНГРЕССЪ АЛАНДСКІЙ И НЕЙШТАДТСКІЙ МИРЪ.

(1718—1721).

Не видали Петра давно такимъ веселымъ, какъ въ день полученія приглашенія послать своихъ министровъ на Аландъ для переговоровъ. Это было, въ праздникъ рожденія младшаго сына царя — Петра Петровича, который въ слѣдующемъ году (3-го февраля), за отрѣченіемъ Алексѣя Петровича отъ права на престолъ, назначенъ наслѣдникомъ короны родителя.

Бѣжавшій царевичъ 14-го октября отправился уже изъ Неаполя въ Россію и, издавъ въ Петербургѣ манифестъ о предстоящемъ конгрессѣ, Петръ поѣхалъ въ древнюю столицу покончить тягостную семейную драму; чтобы имѣть хоть надежду, что преемникъ не разрушитъ дѣло пересозданія государства, которому посвятилъ царь-преобразователь всю жизнь свою и всю силу своего генія.

Мы уже развили причины, почему оказался противникомъ плановъ и намѣреній отца, Алексѣй Петровичъ; тяжолый процессъ его суда,—начавшійся вслѣдъ за отрѣченіемъ, съ изслѣдованія увлекшаго къ гибели, нищетѣ и униженію десятки лицъ, болѣе или менѣе виновныхъ въ совѣтахъ или поддержкѣ вредныхъ затѣй несчастнаго царевича—такъ уже извѣстенъ и составляетъ на столько отдѣльный эпизодъ, неминуемо требующій мелкихъ подробностей, что, при бѣгломъ обзорѣ дѣяній Петра, мы можемъ его коснуться развѣ напоминаніемъ одной роли царя-отца, отрекшагося судить свое дѣло. Что бы ни говорили возстававшіе на Петра по поводу осужденія и смерти его старшаго сына, безпристрастіе заставляетъ видѣть въ этой

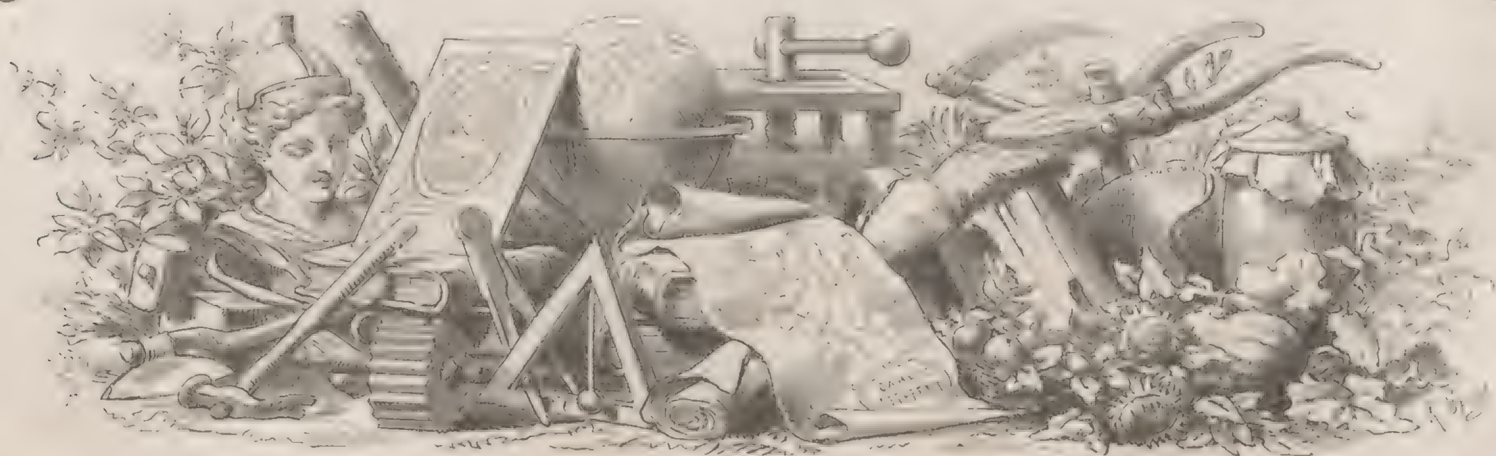

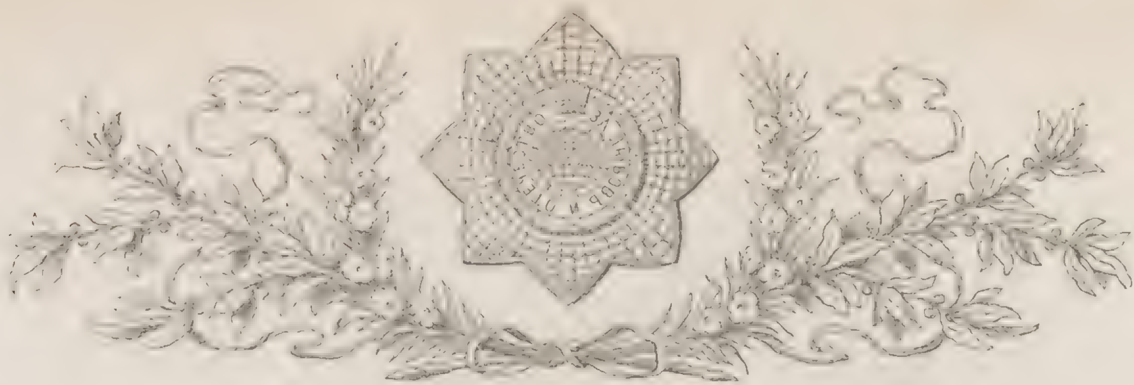

чертѣ одной, какъ далекъ былъ самъ преобразователь отъ мысли о голословномъ осужденіи Алексѣя и какъ искренно онъ желалъ чтобы судьи, выбранные изъ сословій, выказали полное безпристрастіе. Повелѣвая, чтобы они произнесли рѣшеніе *не флатируя*, «и не опасаясь того, что ежели сіе дѣло легкаго наказанія достойно, чтобъ противно было» ему,—за все могшее послѣдовать Петръ снималъ съ себя моральную отвѣтственность, и уже судьямъ ни въ чомъ не указывалъ. Преступленіе сына было, между тѣмъ, до того тяжко, что́ суровые законы царя Алексѣя Михайловича, для всякаго частнаго лица, за подобное дѣло изрекали смерть; процедура же судебная и не у насъ однихъ въ то время, а вездѣ, необходилась безъ пытокъ. Слѣдуетъ ли послѣ того обвинять Петра, что́ для сына своего — за отрѣченіемъ сдѣлавшагося обыкновеннымъ подданнымъ—не смягчена имъ суровость процесса и судьи приговорили виновнаго къ тому, что назначаетъ законъ?—По нашему мнѣнію, Петръ за это-то именно и достоинъ высшихъ похвалъ, что онъ, забывая въ себѣ отца, остался вѣренъ роли государя. Самъ онъ смотрѣлъ на дѣло виновнаго царевича очень серіозно и высказалъ даже поводы, заставившіе его именно такъ дѣйствовать. При открытіи коммиссіи о преступленіяхъ (превышенія власти и похищенія казны) сибирскаго губернатора кн. М. П. Гагарина—тоже человѣка нѣкогда къ нему близкаго и имъ очень любимаго—Петръ категорически выразился: «вы видѣли, что наказалъ я преступленіе сына моего, который по несчастію былъ неблагодаренъ, притворенъ и золъ, нежели бы кто надѣяться могъ. Я надѣюсь, что тѣмъ утвердилъ я главное мое дѣло, могущее учинить народъ россійскій сильнымъ и страшнымъ, а земли мои благополучными». Чтобы быть имъ такими, русскому народу, за строгими законами, недоставало неподкупнаго, не лицепріятнаго суда. Его-то, этотъ судъ, передъ которымъ всѣ ровны, Петръ и примѣнилъ къ дѣлу своему съ сыномъ.

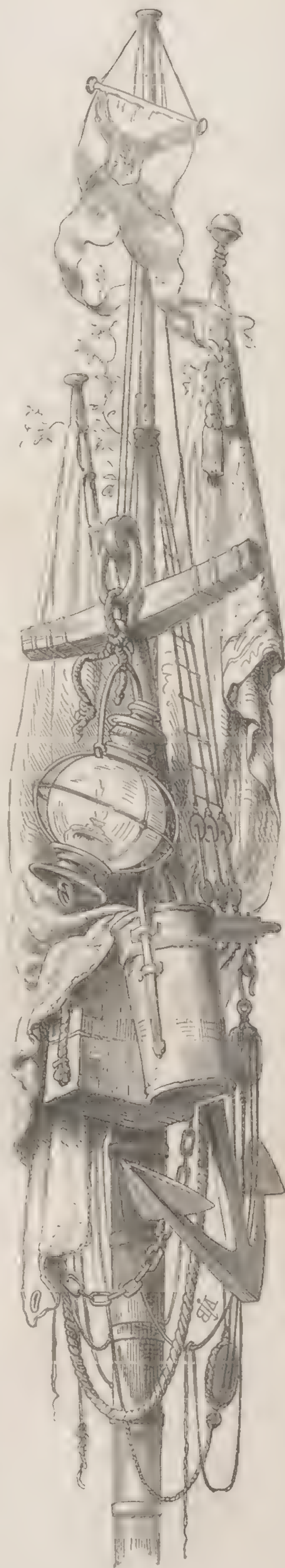
Прибавимъ съ своей стороны, что смерть осужденнаго Алексѣя очень естественна въ его положеніи; особенно въ виду предшествовавшихъ пытокъ и объявленія обвинительнаго приговора. Она, между тѣмъ, осуждателямъ Петра кажется насильственною, и они находятъ возможнымъ допустить лучше нелогичность, что́ царь,—человѣкъ на столько могучей воли,—остановился передъ формальностями не желая помиловать сына? Но, не онъ ли самъ, не Петръ ли писалъ въ своей резолюціи по дѣлу Гагарина «я презиралъ всѣ могущія быть въ свѣтѣ разсужденія, относительно строгости моей въ наблюденіи правды?». Онъ же былъ далеко не такимъ, чтобы намъ не довѣрять ему или видѣть аффектацію и фразы тамъ, гдѣ искренно высказывались его убѣжденія. Поэтому, долгъ всякаго честнаго человѣка — освободить память Петра Великаго отъ взводимаго на него голословнаго обвиненія, только на основаніи толковъ болтуновъ, записанныхъ въ процессахъ тайной канцеляріи! — Согласитесь, что для обвиненія это слишкомъ шаткіе аргументы.

Петру, въ то время занятому мыслію: подвинуть ходъ конгресса — было

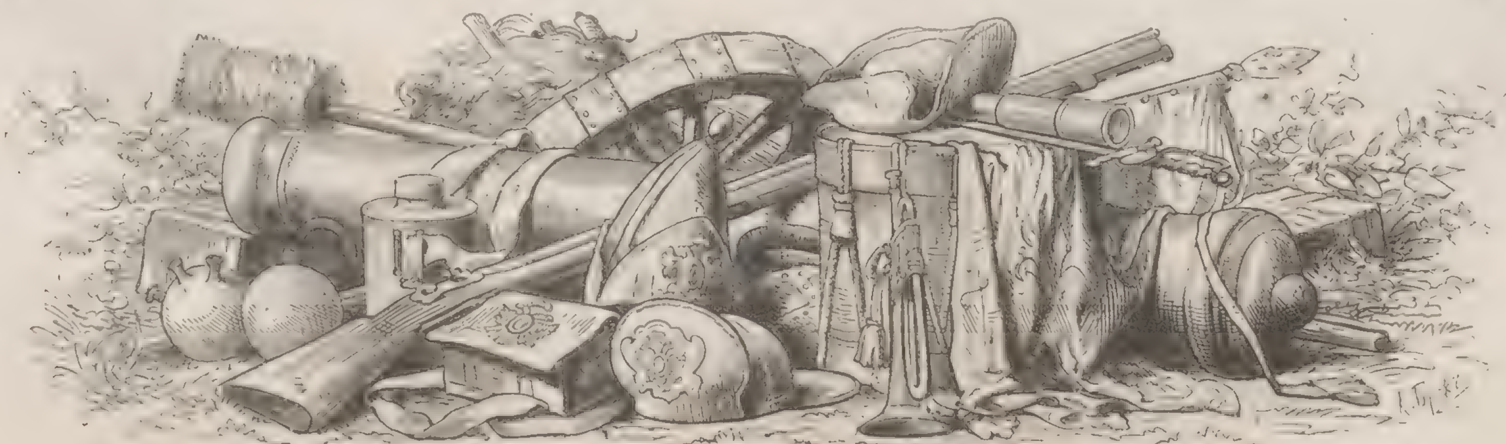
вовсе не до того. Пока тянулся процессъ сына, онъ вооружалъ сильную эскадру изъ 31 вымпела (гдѣ было 25 кораблей) съ экипажемъ въ 11,463 ч.; да съ 1,586 пушками. Мая 22-го Петръ самъ ѣздилъ даже къ Котлину торопить выходомъ этой финской армады, которая, впрочемъ, поведена царемъ къ Ревелю только 16-го іюля 1718 года.

На кораблѣ «Ингерманландъ», на которомъ привѣтствовали союзные флоты своего верховнаго командира при Копенгагенѣ (августъ 1716 г.), Петръ поднялъ свой флагъ и въ эту навигацію; пріѣхавъ къ эскадрѣ своей съ новымъ княземъ кесаремъ (сыномъ и преемникомъ Ѳеодора Юрьевича, умершаго 17-го сентября 1717 г., ранѣе возвращенія царя изъ послѣдняго вояжа въ Европу). Съ княземъ кесаремъ гостилъ у моряковъ и гетманъ Скоропадскій.

Двинувшись въ Ревель, Петръ заложилъ тамъ дворецъ въ Екатериненталѣ и 4-го августа переправился съ эскадрою къ Гангеудду; оттуда же съ галернымъ флотомъ доходилъ царь до мѣста стоянки его близъ Або, гдѣ происходили маневры съ 18-го августа.

И сюда приходилъ Петръ въ это именно время производить движенія галеръ—по сосѣдству съ Аландомъ—опять не безъ цѣли. Цѣль эта ясна: на всякій случай, показать неуступчивымъ шведамъ свои силы и сдѣлать ихъ сговорчивѣе для принятія заявленныхъ нами требованій. Герцъ соглашался уже на уступку остзейскаго края, но упорно отстаивалъ Выборгъ; тогда какъ Брюсъ и Остерманъ требовали еще Кексгольма. На этомъ требованіи и остановился конгрессъ, когда, осенью, Герцъ поѣхалъ уговаривать на уступку Карла XII, враждебно настроеннаго Мюллерномъ. Но вотъ прошолъ 4-хъ недѣльный срокъ, назначенный барономъ, а онъ не возвратился. Только уже 23-го декабря узнали, что Карла XII нѣтъ на свѣтѣ и баронъ арестованъ, а потомъ, единственно по злобѣ ненавистниковъ своихъ и королевы Ульрики, казненъ на эшафотѣ; хотя обвинить его въ чомъ-нибудь преступномъ было нельзя.

Смерть Карла XII измѣнила ходъ нашихъ дѣлъ, было счастливо устроившихся. Преемница умершаго короля заключила союзъ съ Англіею—уступкою ей Бремена и Вердена за 1,000,000 талеровъ;—думая при содѣйствіи этой державы достигнуть мира съ царемъ на менѣе тяжолыхъ условіяхъ. Петръ же, когда разрывъ аландскаго конгресса сдѣлался яснымъ,—къ навигаціи 1719 г. послалъ къ шведскимъ берегамъ галерную эскадру съ дессантомъ. И въ то время, когда посланный королевой Ульрикой — подъ видомъ любезности за присылку царемъ генерала Лефорта съ поздравленіемъ со вступленіемъ ея на престолъ—бригадиръ Коетъ расточалъ Петру привѣтствія, шведскія деревни на берегу моря запылали. Флотъ нашъ, посланный къ Копенгагену, находился тамъ вмѣстѣ съ англійскимъ и адмиралъ Норрисъ, довольный тѣмъ, что наши морскія силы, какъ онъ думалъ, этимъ парализованы, оставался въ полной неизвѣстности о всемъ, что дѣлалось далѣе. Между тѣмъ генералъ Ласси, сойдясь со шведами при Капелѣ, разбилъ ихъ войско и безна-

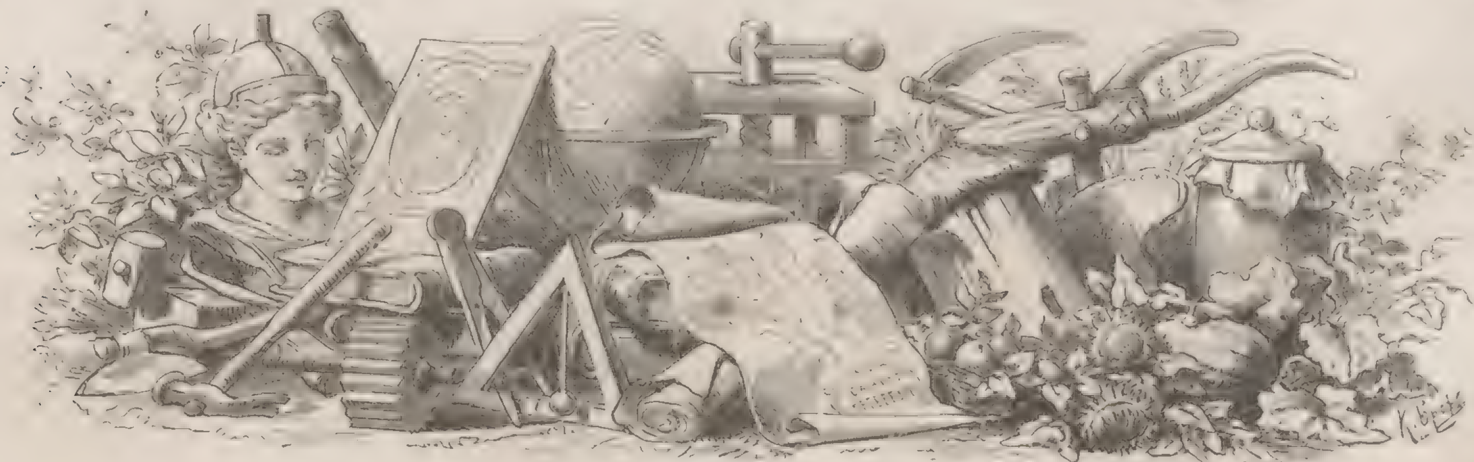

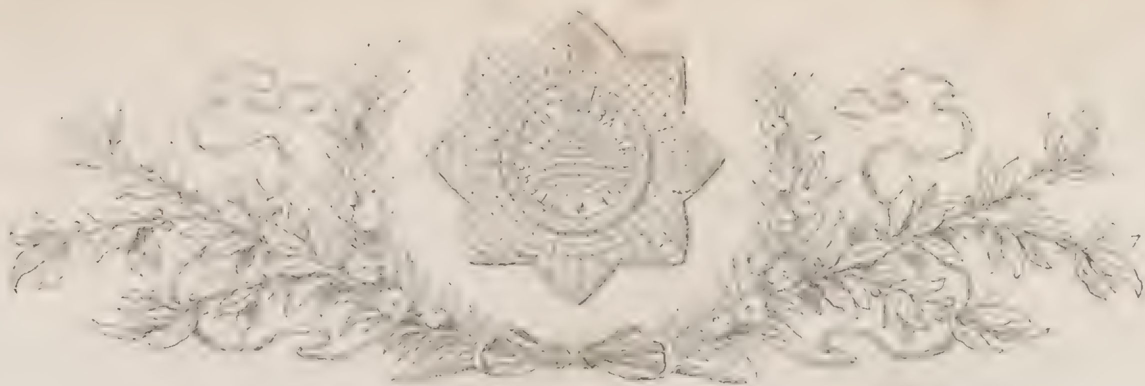
казанію сжогъ города Норкепингъ, Нюкепингъ, Зедертельѣ, Троза, Эстгаммаръ и Эрегрундъ; со множествомъ заводовъ. Казаки же снимали караулы шведскіе въ полумилѣ отъ Штокгольма!

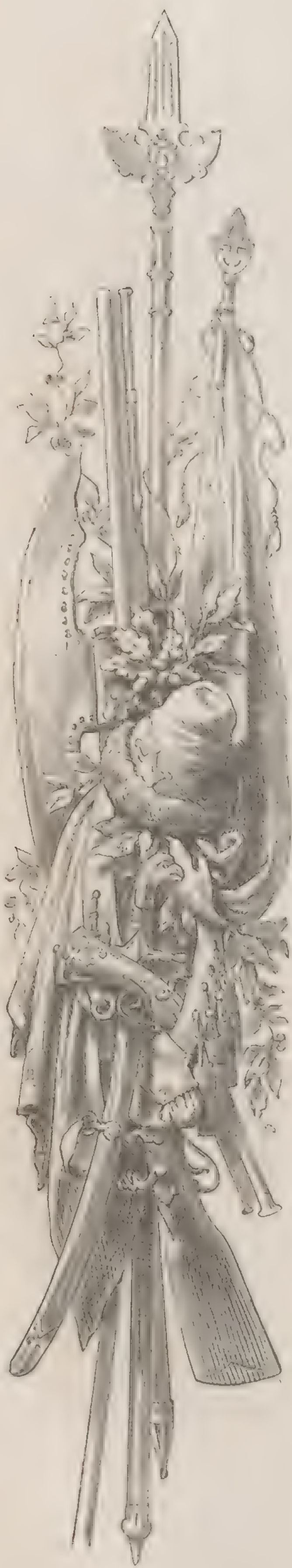
На столько жестокое опустошеніе богатой и лучшей части Швеціи заставило испуганную королеву сдѣлать,— черезъ бывшаго тогда въ столицѣ ея нашего дипломата Остермана,—предложеніе царю объ уступкѣ Нарвы и всей Эстляндіи съ Ревелемъ; а царь, поддерживая прежнія требованія, велѣлъ своимъ уполномоченнымъ, въ случаѣ отказа *на нихъ*, совсѣмъ уѣхать съ Аланда. На разрывѣ мирныхъ сношеній и заключилась компанія въ первомъ году царствованія Ульрики Элеоноры.

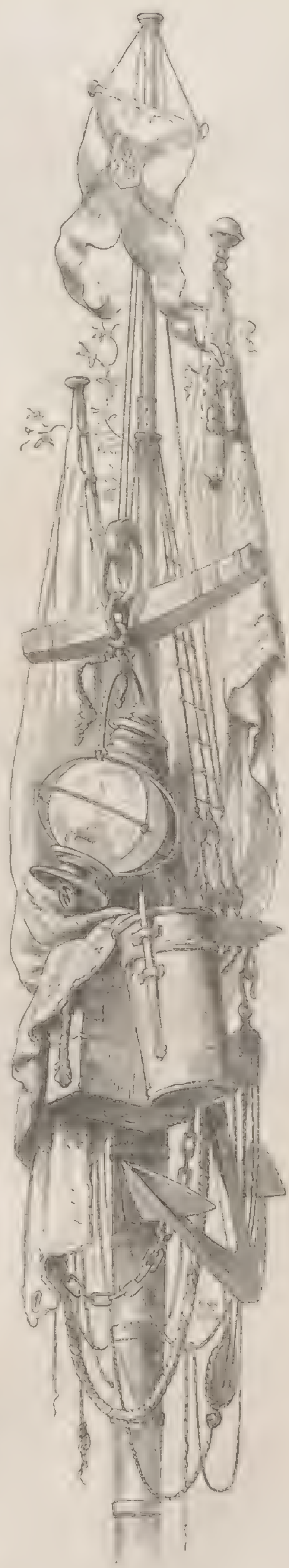
Въ теченіе 1718 года, двѣ, хотя и различныя по значенію своему, важныя мѣры приняты Петромъ въ его *невскомъ парадизѣ*. Указомъ 19-го сентября положено рыть Ладожскій каналъ съ поставкою работниковъ со всего государства, съ 20-ти дворовъ по человѣку:—трудъ колоссальный, съ Вытегорскимъ каналомъ упрочивавшій торговые сплавы на сѣверо-востокѣ европейской Россіи. А ноября 26-го—въ заключеніе кровавыхъ розысковъ по дѣлу умершаго царевича—послѣдовало распоряженіе объ ассамблеяхъ, гдѣ все, самое существенное, принадлежитъ перу самого Петра. Учрежденіемъ очередныхъ собраній, куда всякій, прилично одѣтый, имѣлъ право придти и видѣть своихъ знакомыхъ — достигалась двойная цѣль: русскіе люди дѣлались сообщительнѣе и привыкали къ дѣльной бесѣдѣ, въ которой и самъ царь принималъ живое участіе. Что же касается женщинъ, вывозъ которыхъ въ публику, не смотря на указы царскіе, все еще былъ ограниченный, то съ заведеніемъ ассамблей онѣ вступили, такъ-сказать, въ свою общественную роль и едва ли можно допустить, чтобы съ неохотою! Петръ также въ это время, находя шведскіе порядки административные къ намъ подходящими всего ближе, открылъ коллегіи по шведскому образцу и приказалъ перевести шведское земское уложеніе на нашъ языкъ. А въ январѣ 1719 г. послалъ экспедицію для промѣра, да описанія Каспійскаго моря, и самъ, въ первый разъ, поѣхалъ къ олонецкимъ минеральнымъ водамъ, на себѣ желая испытать цѣлебную силу этихъ источниковъ, не задолго до того открытыхъ и описанныхъ покойнымъ Арескинымъ. Самый проѣздъ къ нимъ не остался также безплоднымъ для наблюдательнаго государя, тщательно промѣрявшаго лежавшія на пути его озера: начиная съ Онежскаго. Продолжая курсъ водъ, царь здѣсь выправлялъ изготовленный проэктъ регламента коммерцъ-коллегіи и, окончивъ, послалъ съ указомъ сенату для распубликованія.

Въ это время, по возвращеніи въ столицу изъ Олонца, семейное несчастіе сильно поразило впечатлительнаго Петра. Объявленный наслѣдникомъ престола, единственный сынъ царя, трехлѣтній царевичъ Петръ Петровичъ, почти внезапно скончался, разрушивъ всѣ возлагавшіяся на него надежды великимъ отцомъ. Послѣ потери этой, замѣчали современники, Петръ сдѣлался особенно мраченъ; и до того разочаровавшись въ близкихъ къ себѣ людяхъ.

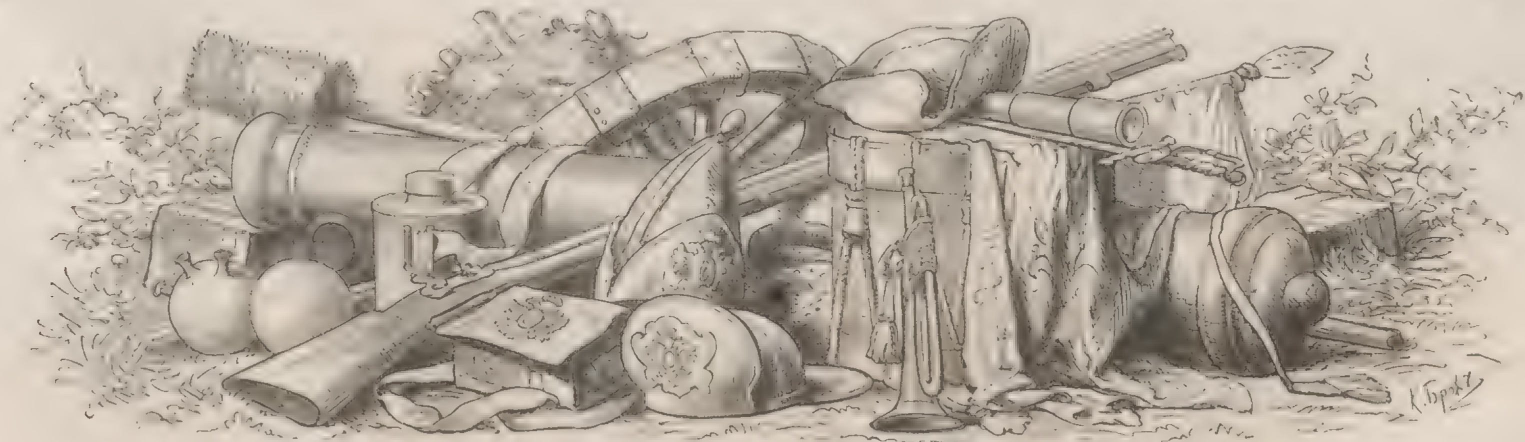

Что касается полнаго результата усилій въ борьбѣ нашей съ Швеціей, то Петръ въ немъ несомнѣвался, увѣренный въ непродолжительности упорства королевы Ульрики, надѣявшейся, что приходъ англійскаго флота помѣшаетъ намъ дѣйствовать. Дѣйствительно, въ навигацію 1720 г., съ появленіемъ у Ревеля соединившихся съ шведами англичанъ, парусный флотъ нашъ оставался въ гавани; но зло для Швеціи неуменьшилось отъ этого. Петръ, хотя и опасался за Котлинъ — и даже далъ приказъ командиру его «оборону флота и мѣста сего имѣть до послѣдней силы и живота, яко главнѣйшее дѣло»,—тѣмъ не менѣе неоставилъ высылку пораньше дессанта, на шведскіе берега.

Бригадиръ Менгденъ, заходя отъ моря миль на 5 и болѣе, въ теченіе мая мѣсяца уничтожилъ по берегамъ Ботническаго залива оба города Умео, два замка королевскихъ, 41 деревню, 17 мельницъ, 43 амбара, захвативъ 14 судовъ шведскихъ, да угнавъ 600 головъ скота; — чѣмъ довелъ до крайности, и безъ того бѣдное населеніе. По соединеніи же Менгдена съ главными силами, князь Голицынъ, открывъ между Гельсингфорсомъ и Або, отдѣльно стоящіе шведскіе: корабль и 4 фрегата, съ тремя судами меньшаго размѣра, 27-го іюля при островѣ Гренгамѣ имѣлъ съ ними бой, и послѣ сильнаго сопротивленія овладѣлъ фрегатами. Это блистательное дѣло подтвердило вѣрность разсчота Петра на плохую защиту Швеціи, такимъ союзникомъ, какъ Англія.—«Не малою Викторіею можетъ причесться, а наипаче, что при очахъ англійскихъ, которые равно шведовъ обороняли, какъ ихъ земли такъ и флотъ»—написалъ по этому случаю царь Меньшикову и приказалъ посламъ своимъ при разныхъ дворахъ публиковать печатныя реляціи о гренгамскомъ дѣлѣ, въ Петербургѣ устроивъ трехдневное празднество, съ пушечной пальбою. Эффектъ нашей побѣды и безнаказанность дессанта, на шведское правительство произвели благопріятную для нашихъ цѣлей перемѣну мыслей и супругъ Ульрики Элеоноры, Фридрихъ, объявленный королемъ на сеймѣ, принимая поздравленіе посланнаго царемъ Румянцева, предложилъ открыть въ Або переговоры о мирѣ, прерванные на Аландѣ. Петръ давно этого пламенно желалъ и, въ февралѣ 1721 г., выслалъ своихъ прежнихъ уполномоченныхъ въ городъ Ништадтъ, куда пріѣхали и шведскіе министры. Между тѣмъ, племянникъ Карла XII, герцогъ Карлъ Фридрихъ голштинскій, за воцареніемъ тетки и ея мужа потерявъ надежду не только на шведскій престолъ, но и на возвращеніе своихъ наслѣдственныхъ земель, отнятыхъ Даніею, черезъ посредство своего министра Бассевича вошолъ въ сношенія съ Петромъ, прося руки старшей дочери государя. Она была еще малолѣтна, тѣмъ не менѣе царь изъявилъ желаніе поближе узнать будущаго зятя и пригласилъ его пріѣхать въ Ригу. У Петра явилась мысль, заручившись законнымъ претендентомъ на шведскій престолъ и заявляя желаніе поддерживать права его—добиться выгоднѣйшаго мира съ королемъ, очень хорошо сознававшимъ шаткость своего положенія.

Въ началѣ 1721 года, частію для лучшаго знакомства съ герцогомъ

голштинскимъ, а частію и въ видахъ скорѣйшаго выполненія мѣръ защиты Ливоніи и Эстоніи, на которыя дессанта шведовъ и союзника ихъ Петръ все же ожидалъ, — царь придумалъ съ супругой поѣхать въ Ригу. Они прожили въ ней два мѣсяца. Герцогъ Карлъ Фридрихъ, во время пребыванія здѣсь ихъ величествъ, имъ, казалось, понравился (или по крайней мѣрѣ считали нужнымъ оставлять его въ этомъ убѣжденіи), и приглашонъ въ Ревель, гдѣ стояла часть нашего флота на зимовкѣ, да куда пришла и котлинская эскадра съ галернымъ флотомъ. Дессантъ на шведскій берегъ, генераломъ Ласси, по примѣру прежнихъ двухъ лѣтъ, произведенъ былъ еще раннею весною, нанеся истребленіе 17 приходовъ съ шестью стами деревень. Всѣ эти обстоятельства вмѣстѣ взятыя сдѣлали шведскихъ министровъ согласными на все, особенно когда просьбу о перемиріи и остановленіи истребленій царь отклонилъ.

Тутъ уже переговоры пошли необыкновенно живо. Тѣмъ не менѣе протекли іюнь, іюль и августъ мѣсяцы прежде, чѣмъ достигли наши уполномоченные до такого результата, о которомъ не смѣлъ мечтать и самъ Петръ. Августа 30-го 1721 г. подписанъ наконецъ миръ въ Нейштадтѣ, по которому Швеція уступила Россіи Ливонію, Эстонію, Ингерманландію и городъ Выборгъ съ его округомъ; выговоривъ только себѣ 2.000,000 рублей, съ разсрочкою уплаты на 2 года.

Петръ томился уже нѣсколько времени неизвѣстностію, что происходитъ на конгрессѣ, и даже послалъ уже своего генералъ-адъютанта Ягужинскаго съ полномочіемъ отказаться отъ Выборга,—когда Брюсъ и Остерманъ послали ему на ратификацію условія договора. Царь ѣхалъ въ Выборгъ, когда на дорогѣ близъ дворца своего Дубки, встрѣтилъ 3-го сентября посланнаго съ депешами. Прочитавъ содержаніе ихъ, Петръ сперва, какъ будто не повѣрилъ громадности уступленнаго, и для того, оставшись ночевать въ Дубкахъ, все еще ожидалъ другого гонца съ отмѣною. Только уже утромъ 4-го сентября, пріѣхавъ въ столицу свою, государь велѣлъ служить благодарственный молебенъ, произведя пушечную пальбу при чтеніи извѣстія городу.

Полное празднованіе, впрочемъ, отложилъ еще государь до ратификаціи мира шведскимъ королемъ; до того только отпраздновавъ 10-го сентября свадьбу второго князя-папы своего, Петра Ивановича Бутурлина, со вдовою его предшественника. Когда этихъ престарѣлыхъ-молодыхъ, облеченныхъ въ костюмъ древнихъ государей, вывели отъ вѣнца изъ Троицкаго собора, на площадь, самъ царь, одѣтый барабанщикомъ, ударилъ въ барабанъ,—служившій сигналомъ начатія маскарада,—всѣ костюмированные сбросили плащи и Троицкая площадь запестрѣла разнообразнѣйшими костюмами. Группы, сформированныя по церемоніалу, двинулись въ порядкѣ направленія, указанномъ нумерами процессіи. Шествіе же открывалъ Петръ, имѣя подлѣ себя также одѣтыхъ, какъ онъ—И. И. Бутурлина, Г. П. Чернышова и Мамонова — съ барабанами черезъ плечо на чорныхъ бархатныхъ перевязяхъ. Впереди царя шли три трубача «въ арабскомъ платьѣ», а за барабанщи-

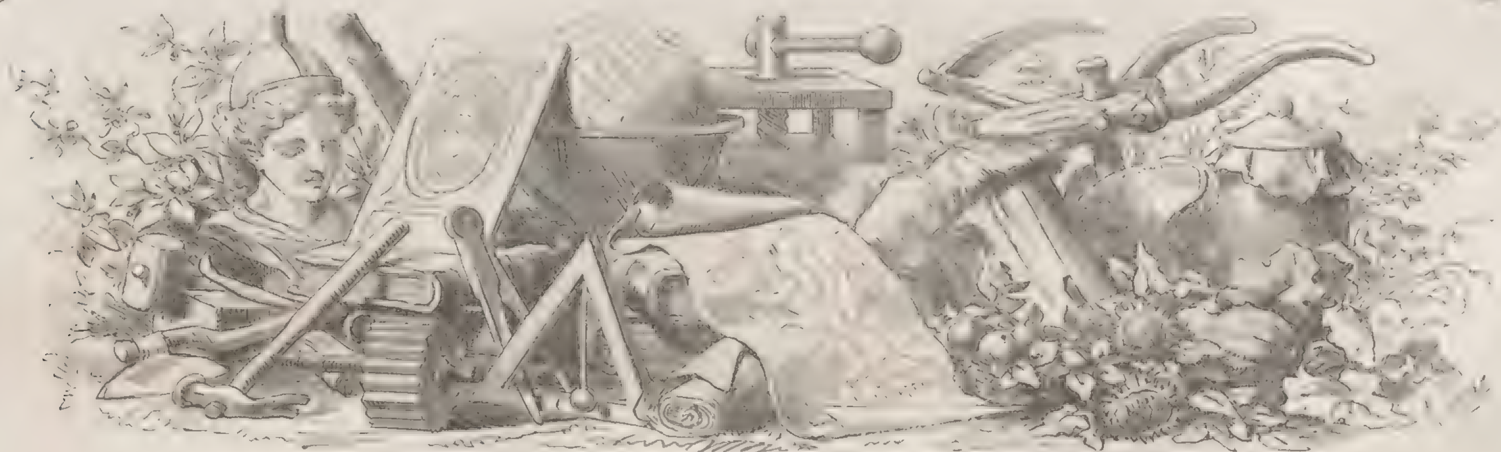

Рис. Г. Бролингъ, грав. К. Вейерманъ.

Празднованіе 30-го мая 1872 года. — Зданіе Сената въ С.-Петербургѣ во время торжества.

Рис. Г. Бролингъ, [illegible]

Празднованіе 30-го мая 1872 года. — Петровская площадь въ С.-Петербургѣ, послѣ торжества.

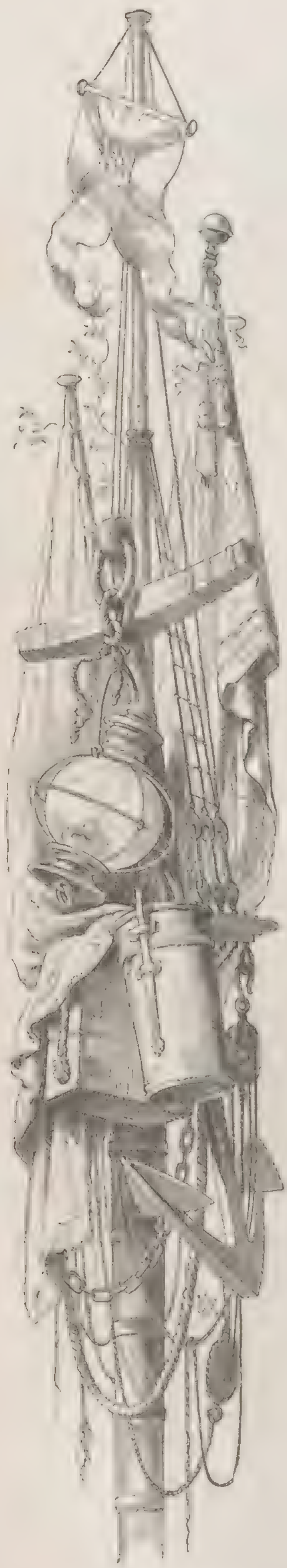

Рис. А. К. [illegible], грав. К. Вейерманъ.

Празднованіе 30-го [illegible] 1872 года.

Перевозка ботика „Дѣдушка русскаго флота" по Невѣ, изъ Петропавл[illegible]епости, къ станціи Николаевской желѣзной дороги 28-го мая 1872 г.

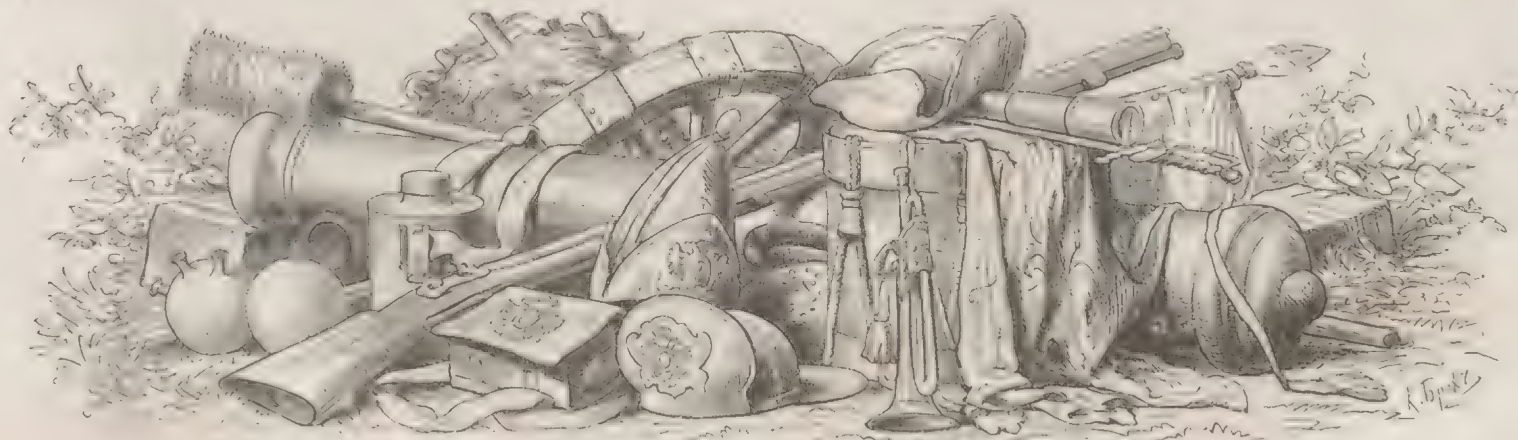

ками шествовалъ новобрачный кесарь, волоча по землѣ свою красную мантію на горностаяхъ. Передъ супругою же его, шедшею позади Екатерины, — одѣтой фрисландскою крестьянкою (въ юбкѣ и кофтѣ, обшитыхъ краснымъ) — шли гобоисты и камеръ-юнкеры; а по сторонамъ — арабы. Герцогъ голштинскій и его кавалеры одѣлись французскими виноградарями; Меньшиковъ и нѣсколько другихъ вельможъ — гамбургскими бургомистрами; гвардейскіе офицеры щеголяли въ римскихъ шлемахъ. Подъ пару же князю-папѣ были турецкій муфти, да бахусъ, обвѣшанный лозами винограда, съ барсовою шкурою черезъ плечо.

Послѣ процессіи масокъ — начался свадебный пиръ князя-папы въ зданіи сената. Брачный же чертогъ его устроенъ былъ по срединѣ площади, напротивъ—въ тріумфальной пирамидѣ, стѣны которой представляли рѣшотки. И подниманіе молодыхъ на утро не обошлось безъ попойки и безъ проказъ. При переправѣ князя-папы черезъ Неву, его съ кардиналами перевозили на нѣсколькихъ бочкахъ, соединенныхъ вмѣстѣ. Самъ глава пьяницъ былъ въ срединѣ, плавая въ громадномъ ковшѣ по чапу, до краевъ налитому пивомъ. Бахусъ заправлялъ поѣздомъ, а Нептунъ, трезубцемъ своимъ, время отъ времени, поворачивалъ ковшъ съ княземъ-папою, сильно ругавшимся. Несчастные кардиналы его ѣхали не съ большимъ покоемъ, какъ глава ихъ. Крѣпко привязанные къ своимъ бочкамъ, они тоже качались изъ стороны въ сторону, при малѣйшемъ движеніи рискуя окупуться въ холодной невской водѣ. Страдальцевъ освободили, наконецъ, по прибытіи къ пристани почтоваго дома, и повели упаивать до отвала; самого же князя-папу шутники еще совсѣмъ окунули въ хмѣльной брагѣ.

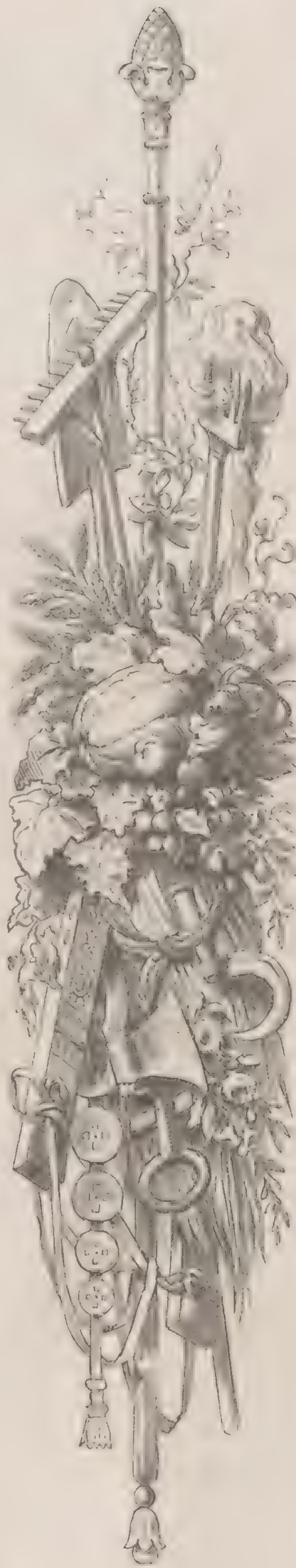
Эти шалости, впрочемъ, послѣ уже не возобновлялись. Что же касается маскированныхъ, то процессіи ихъ повторялись еще разъ въ теченіе трехъ дней, съ 24-го сентября—наканунѣ котораго получена, наконецъ, изъ Стокгольма ратификація договора. Между тѣмъ дѣлались приготовленія къ пышному фейерверку, отложенному до возвращенія войска изъ Финляндіи.

Праздникъ этотъ наступилъ 22-го октября. Послѣ литургіи въ Троицкомъ соборѣ, канцлеръ, отъ лицъ сената, поднесъ Петру челобитье вѣрноподданныхъ о принятіи титула *Великаго, отца отечества, Императора Всероссійскаго*. По соизволеніи же на то растроганнаго государя, сенаторы крикнули *виватъ!* и возгласъ этотъ подхваченъ голосами всего войска и народа. Раздался звукъ трубъ, литавръ и барабановъ, смѣшавшійся съ залпомъ крѣпостныхъ орудій и бѣглаго огня солдатъ, всѣхъ 23-хъ полковъ, прибывшихъ изъ Финляндіи. Когда же на минуту смолкъ этотъ гулъ и громъ, заговорилъ самъ Петръ, но, растроганный, онъ только высказывалъ отдѣльныя, крѣпко занимавшія его мысли въ эту минуту: «Зѣло желаю, чтобъ нашъ весь народъ прямо узналъ, что Господь Богъ прошедшею войною и заключеніемъ сего мира намъ сдѣлалъ. Надлежитъ Бога всею крѣпостью благодарить; однакожъ, надѣясь на миръ, не подлежитъ осла-

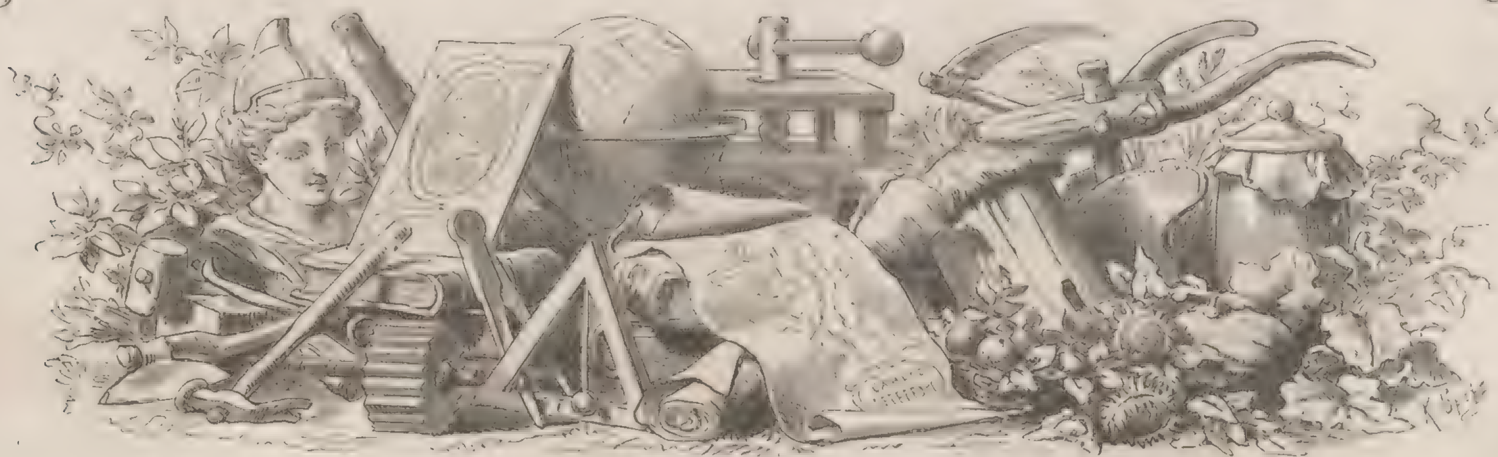

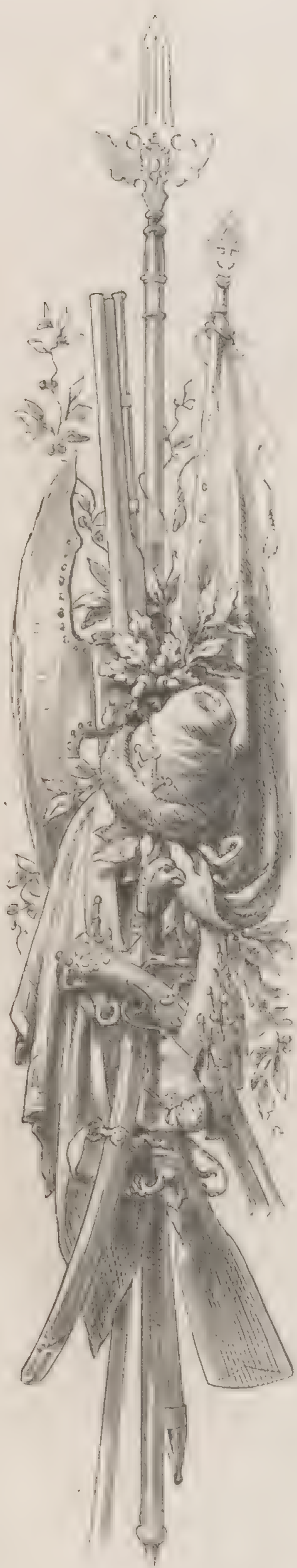
бѣвать въ воинскомъ дѣлѣ. Надлежитъ трудиться о пользѣ и прибыткѣ общемъ, который Богъ намъ передъ очи кладетъ, какъ внутрь, такъ и внѣ; отъ чего облегчонъ будетъ народъ!»

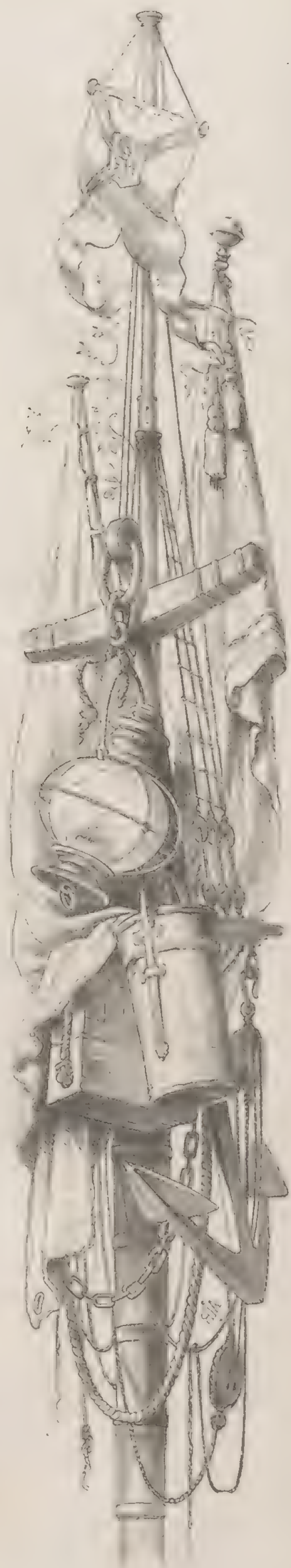
Молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ, обѣдъ въ зданіи сената для служащихъ и, вечеромъ, пышный фейерверкъ—были заключеніемъ этого дня. Небо осенней ночи обратилось въ день, когда тысячи ракетъ, взорвавшись букетомъ, при звонѣ колоколовъ и громѣ пушекъ — подали сигналъ къ зажженію главнаго щита, на которомъ изображонъ былъ корабль у пристани, съ девизомъ «конецъ увѣнчалъ дѣло».

Увѣнчать миръ праздниками въ одномъ Петербургѣ царь, однако, не думалъ и, переѣхавъ въ Москву, показалъ древней столицѣ свою непритворную радость объ успѣхѣ дѣла рядомъ новыхъ торжествъ, заключившихъ 1721 и начавшихъ новый, годъ 1722-ой.

XVII.

ПЕРСИДСКІЙ ПОХОДЪ.

(1722 годъ).

Въ Москвѣ празднуя миръ, Петръ, однако, привелъ къ концу и множество предложенныхъ мѣръ для внутренняго благосостоянія Россіи, которому посвятилъ теперь геніальный государь всю свою могучую дѣятельность.

Первое мѣсто въ ней занимаютъ, конечно, законоположенія, изъ ряда которыхъ, среди празднествъ московскихъ, Петръ написалъ вторую часть морского регламента, да наказы и инструкціи генералъ-прокурору, генералъ-рекетъ-мейстеру и коммиссару коммерцъ-коллегіи. Если послѣднія два положенія обезпечивали народъ отъ лихоимства сборщиковъ податей и притѣсненій по дѣламъ торговымъ, за то первое считалъ царь необходимымъ— и для того учредилъ самую должность наблюдателя за своимъ сенатомъ— удаляясь въ послѣдній разъ за предѣлы своей имперіи въ персидскій походъ.

Самый походъ этотъ, дальновидный Петръ предпринялъ больше всего въ интересахъ торговли и будущаго развитія ея на востокѣ; самъ желая обозрѣть и мѣстность, на легкое пріобрѣтеніе которой, по разсказамъ Волынскаго, государь сталъ возлагать большія надежды, уже гораздо ранѣе Нейштадтскаго мира. Положеніе дѣлъ Персіи, обезсиленной внутренними неустройствами, дѣйствительно было таково, что любому, желающему отнять у нея земли на берегу Каспія и на Кавказѣ вообще, держава эта не могла дать никакого отпора. Боясь, поэтому, чтобы не успѣли завладѣть дешовымъ пріобрѣтеніемъ турки, тогда еще не отказавшіеся отъ завоеванія, Петръ, не пуская въ огласку своихъ приготовленій, сдѣлалъ ихъ сколько возможно быстро. Зимою ничего еще не было извѣстно, а весною Петръ

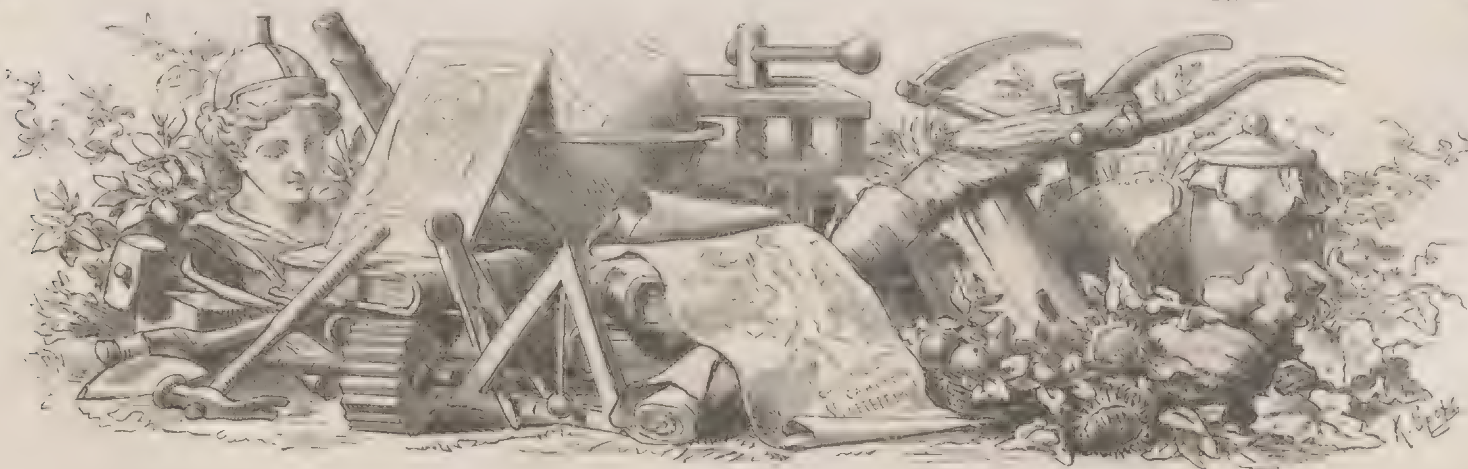

и Екатерина уже оставили Москву, направившись къ г. Коломнѣ, гдѣ собиралась рѣчная флотилія для спуска по Окѣ и Волгѣ до Астрахани.

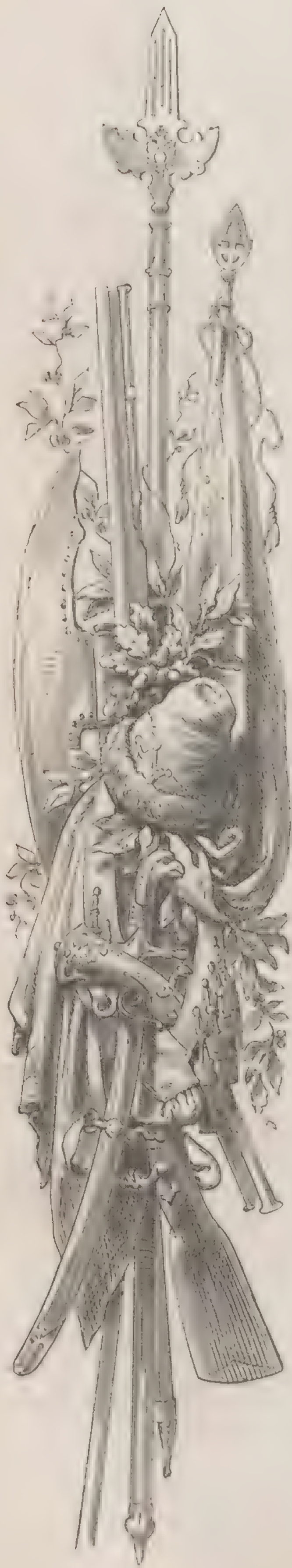
Мая 17-го тридцати-шести-весельный стругъ, подъ императорскимъ флагомъ, при пальбѣ пушекъ, съ музыкою отвалилъ отъ берега съ высокими путешественниками, впереди флотиліи, и въ первый день пути проплыли 20 верстъ. До Нижняго-Новгорода дошли въ 8дней и остановились на пять сутокъ. Здѣсь царь осматривалъ транспортныя суда, назначенныя въ экспедицію. Бесѣдовалъ съ умнымъ архіепископомъ Питиримомъ о средствахъ вразумить раскольниковъ, не прибѣгая къ строгости и наказаніямъ; посѣщалъ Строгоновыхъ, даже пользуясь гостепріимствомъ въ ихъ пышномъ домѣ; ходилъ поклониться праху Минина — считая этого великаго гражданина главнѣйшимъ дѣятелемъ къ освобожденію отечества отъ поляковъ — и очень сожалѣлъ, что не осталось его потомства. Затѣмъ, обозрѣвая верфь (29-го мая), гдѣ строились суда для волжскаго плаванія, во все вникавшій государь далъ приказъ о лучшей стройкѣ ихъ и немедленно велѣлъ прислать сюда корабельныхъ мастеровъ изъ Петербурга, да завести верфь и адмиралтейство.

Родину Минина Петръ оставилъ въ день празднованія своего рожденія,— когда исполнилось ему ровно пятьдесятъ лѣтъ. Черезъ три же дня Петръ былъ уже въ Казани, гдѣ опять множество дѣлъ и предметовъ для осмотра задержало его на четыре дня. Въ Казани царь обозрѣвалъ казенные и частные кожевенные заводы и найдя отличное устройство въ маленькомъ еще заведеніи купца Михляева,—когда обширное хозяйство казенное было не въ порядкѣ — ввѣрилъ ему управленіе казеннымъ кожевеннымъ дѣломъ, обѣщаясь оказывать всякую поддержку и выразивъ надежду на скорое достиженіе имъ такого успѣха, какого такъ желалъ увидѣть. Проѣзжая мимо развалинъ древняго города Болгаръ, Петръ также не преминулъ сойдти со струга и въ подробности осмотрѣть все замѣчательное; даже велѣлъ срисовать расположеніе развалинъ и—не портить ихъ. Затѣмъ, проплывъ мимо Симбирска, царь остановился въ Самарѣ и соизволивъ, по просьбѣ хана Аюки, видѣться съ нимъ,—пригласилъ престарѣлаго владѣтеля калмыковъ къ себѣ, далъ ему довольно продолжительную аудіенцію и, отправившись провожать, провелъ нѣсколько времени у него въ палаткѣ; одаривъ и самого хана, и его семейство (10-го іюня). Послѣ того въ пять дней царственные путники достигли Царицына, черезъ день встрѣчены были въ Черномъ Ярѣ и 19-го іюня—вступили торжественно въ Астрахань, гдѣ происходило окончательное формированіе экспедиціи, задержавшее здѣсь царя цѣлый мѣсяцъ.

Къ іюлю мѣсяцу 1722 г. всѣ войска, назначенныя въ Персидскій походъ, въ составѣ 22,000 пѣхоты, 5,000 матросовъ и 9,000 кавалеріи, собрались въ Астрахани. Пѣхота начала грузиться на приготовленныя для перевозки ея по Каспійскому морю суда, а кавалерія двинулась сухимъ путемъ, вдоль берега. Кромѣ того, многочисленнымъ отрядамъ казаковъ, татаръ и калмыковъ, было приказано идти степью и присоединиться къ арміи въ Дагестанѣ.

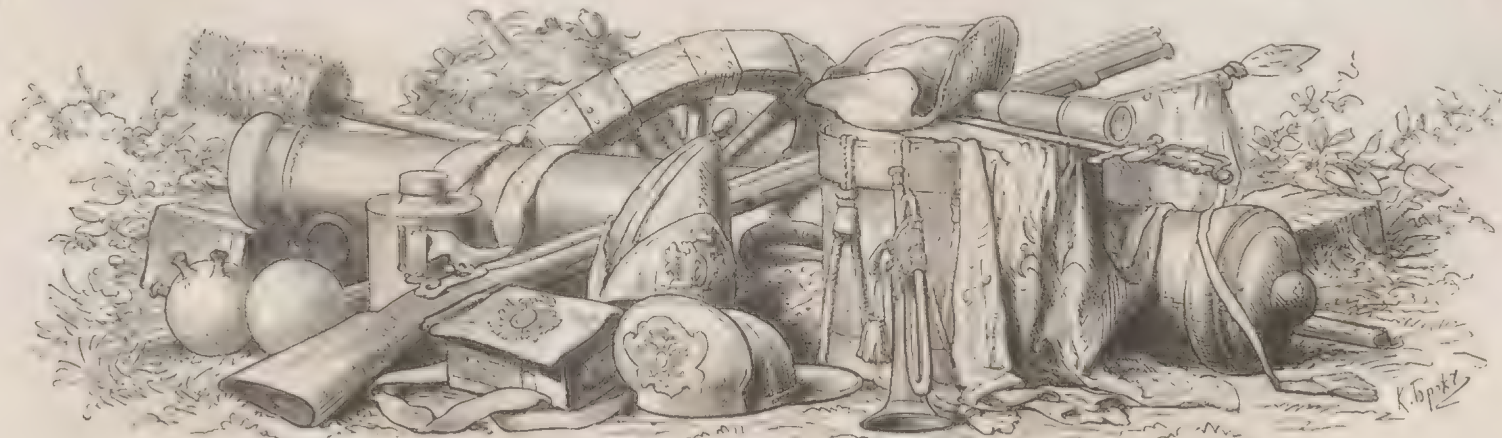

18-го іюля, генералъ-адмиралъ графъ Апраксинъ поднялъ свой флагъ на гукерѣ «Принцесса Анна» и далъ сигналъ къ выступленію. Флотилія его состояла изъ 442 различныхъ судовъ. Авангардомъ командовалъ самъ императоръ, находившійся вмѣстѣ съ императрицей, на большомъ корабельномъ ботѣ. Послѣ шестидневнаго плаванія, флотилія благополучно прибыла къ Аграханскому мысу, назначенному мѣстомъ высадки, которая совершилась 27-го числа съ большими затрудненіями, потому что суда, по мелководію, не могли приблизиться къ берегу и люди должны были, раздѣвшись по поясъ, перетаскивать на себѣ провіантъ и другія тяжести. Государь высадился первымъ; его перенесли на доскѣ четыре матроса. Осмотрѣвъ на значительное разстояніе берегъ, Петръ выбралъ мѣсто для лагеря и приказалъ поставить здѣсь, вмѣсто маяка для флота, найденную въ камышѣ татарскую мачту. На слѣдующій день, были разбиты палатки и лагерь укрѣпленъ валомъ, на случай нечаяннаго нападенія; вслѣдствіе чего и получилъ названіе «Аграханскаго ретраншмента».

Русскія войска простояли въ этомъ ретраншментѣ болѣе недѣли, поджидая кавалерію, задержанную въ походѣ недостаткомъ воды и фуража и неожиданнымъ сопротивленіемъ жителей деревни Эндери въ Дагестанѣ.

По прибытіи конницы, императоръ выступилъ 5-го августа въ дальнѣйшій походъ, разославъ къ окрестнымъ народамъ манифесты съ требованіемъ мирнаго подчиненія. 12-го числа, армія подошла къ городу Таркамъ и расположилась около него бивуакомъ. Шамхалъ Тарковскій, Адильгирей, встрѣтилъ государя за пять верстъ отъ города, сошолъ съ лошади, поклонился ему и императрицѣ до земли и поздравилъ съ пріѣздомъ. На другой день, Петръ, съ конвоемъ изъ трехъ драгунскихъ ротъ, осматривалъ Тарки и посѣтилъ Шамхала, который угощалъ его разными кушаньями, фруктами и горячимъ виномъ и на прощаньи подарилъ гостю сѣраго аргамака въ золотой сбруѣ. 16-го числа, армія двинулась изъ подъ Тарки къ Дербенту и 18-го достигла границъ владѣній султана Утемишскаго Махмуда. Къ нему были отправлены три казака съ требованіемъ покорности. Но султанъ приказалъ умертвить посланныхъ, а самъ съ десятитысячнымъ войскомъ пошолъ противъ русскихъ и 19-го числа напалъ на нашъ авангардъ. Послѣ непродолжительнаго, но упорнаго боя, непріятель, разбитый на голову, обратился въ бѣгство. Кавалерія преслѣдовала султана до его столицы, мѣстечка Утемишь, которое было взято приступомъ и разрушено до основанія. Въ этомъ дѣлѣ мы лишились всего 12 человѣкъ убитыми и ранеными, тогда какъ непріятель потерялъ до 600 чел. одними убитыми.

Усмиривъ Утемишскаго султана, русская армія двинулась далѣе и утромъ 23-го числа приблизилась къ Дербенту. Наибъ дербентскій, съ многочисленной свитой знатнѣйшихъ гражданъ, вышелъ на встрѣчу государю, палъ на колѣни и поднесъ ему два серебряныхъ ключа отъ города. Въ четыре часа, наши войска вступили въ Дербентъ. Императоръ, верхомъ, съ обнаженной шпагой, ѣхалъ передъ Преображенскимъ баталіономъ; за нимъ слѣдовали:

гобоисты и четыре пажа въ уборныхъ платьяхъ, потомъ остальная гвардія съ музыкой и распущенными знаменами; императрица съ гофъ-дамами въ парадныхъ каретахъ и наконецъ пѣхотные полки. Пройдя черезъ городъ, войска стали лагеремъ на равнинѣ близъ моря. На другой день, вечеромъ, государь съ государыней осматривали городъ и ночевали въ домѣ наиба, принявшаго ихъ съ большимъ почотомъ. 26-го числа, въ лагерѣ было праздновано мирное занятіе Дербента. Послѣ общаго парада войскъ, всѣ штабъ и оберъ-офицеры удостоились приглашенія къ царскому столу.

Петръ намѣревался идти отъ Дербента къ Баку, какъ вдругъ неожиданное обстоятельство измѣнило всѣ его предположенія. Въ устьѣ рѣки Мелукенти стояли двѣнадцать ластовыхъ судовъ, нагружонныхъ мукою. Приготовляясь къ продолженію похода, государь велѣлъ перепечь муку въ хлѣбы и изъ нихъ насушить сухарей. Въ ночь передъ выгрузкой, подулъ жестокій сѣверный вѣтеръ и въ судахъ открылась течь. Матросы выливали воду до полудня, но наконецъ, потерявъ силы, были вынуждены посадить суда на мель, при чомъ множество муки подмокло и испортилось. Около этого же времени ожидался изъ Астрахани капитанъ Вильбоа съ тридцатью судами, нагружонными провіантомъ и военными припасами; но Вильбоа, добравшись съ трудомъ до Аграханскаго ретраншмента, не рѣшился плыть далѣе, по случаю весьма худого состоянія своей флотиліи.

Неудачи эти, грозившія арміи совершеннымъ недостаткомъ продовольствія, побудили Петра отложить дальнѣйшій походъ и возвратиться въ Астрахань. Оставивъ въ Дербентѣ сильный гарнизонъ, государь двинулся, 5-го сентября, въ обратный путь. 18-го числа, армія пришла къ рѣкѣ Сулаку. Здѣсь Петръ заложилъ новую крѣпость Св. Креста, которая должна была прикрывать русскія границы, вмѣсто прежней Терской крѣпости, оказавшейся неудобной. Пока войска занимались строеніемъ новой крѣпости, государь послалъ атамана Краснощокова съ 1,000 донскими казаками и 4,000 калмыками разорять владѣнія Утемишскаго султана. Краснощоковъ опустошилъ все, что уцѣлѣло отъ перваго погрома, перебилъ множество жителей и захватилъ 850 чел. плѣнныхъ и 11,000 штукъ рогатаго скота.

30-го сентября, Петръ сѣлъ съ авангардомъ на суда въ Аграханскомъ ретраншментѣ и 4-го октября благополучно прибылъ въ Астрахань; но генералъ-адмиралъ, плывшій сзади, выдержалъ страшный четырехъ-дневный штормъ, причинившій не мало вреда русской флотиліи.

По прибытіи въ Астрахань, приписывая неуспѣхъ похода частію непрочности транспортныхъ судовъ, царь еще отсюда послалъ Румянцева въ Казань и Нижній Новгородъ, съ приказомъ готовить прочныя суда къ слѣдующей навигаціи. Между тѣмъ, въ бытность на рыбныхъ промыслахъ въ Камызякѣ, услыхавъ о взятіи Миръ-Махмудомъ Испагани (27-го октября), при чомъ жители Гиляни обращались съ просьбою о защитѣ, — Петръ послалъ туда полковника Шипова съ двумя баталіонами пѣхоты занять эту провинцію, и въ то же время поручилъ главное начальство

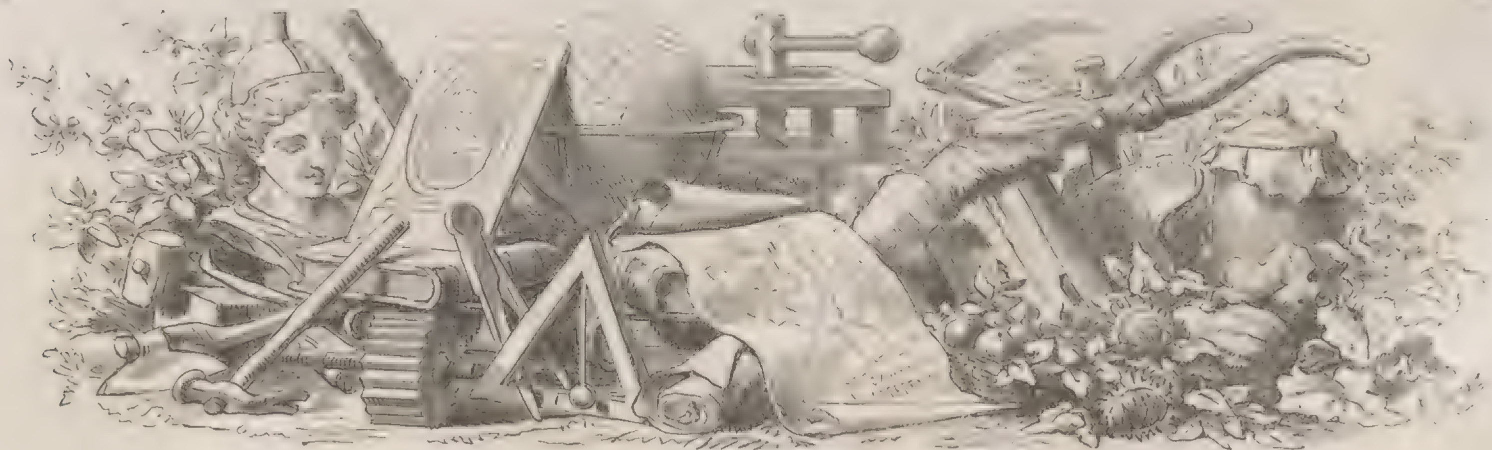

Рис. К. Брожъ, грав. Э. Даммюллеръ.

Празднованіе 30-го мая 1872 года.

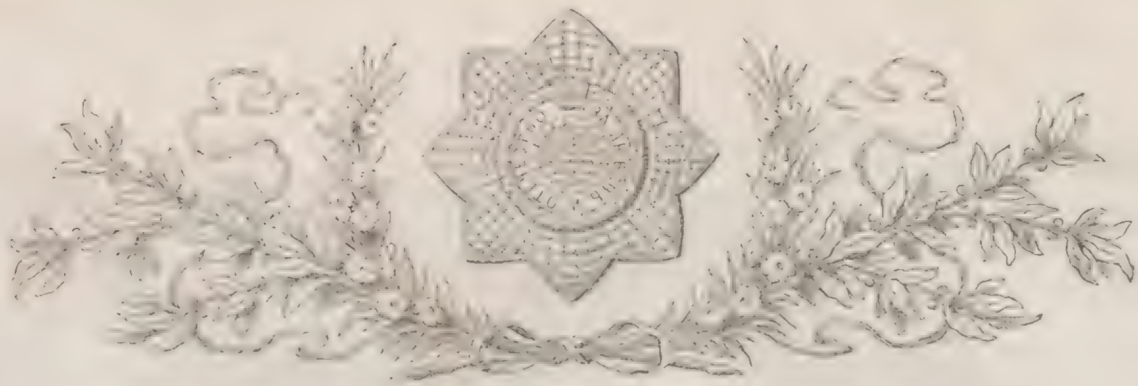
Тридцать картинъ изъ жизни Петра Великаго на Царицыномъ лугу въ С.-Петербургѣ, во время торжества.

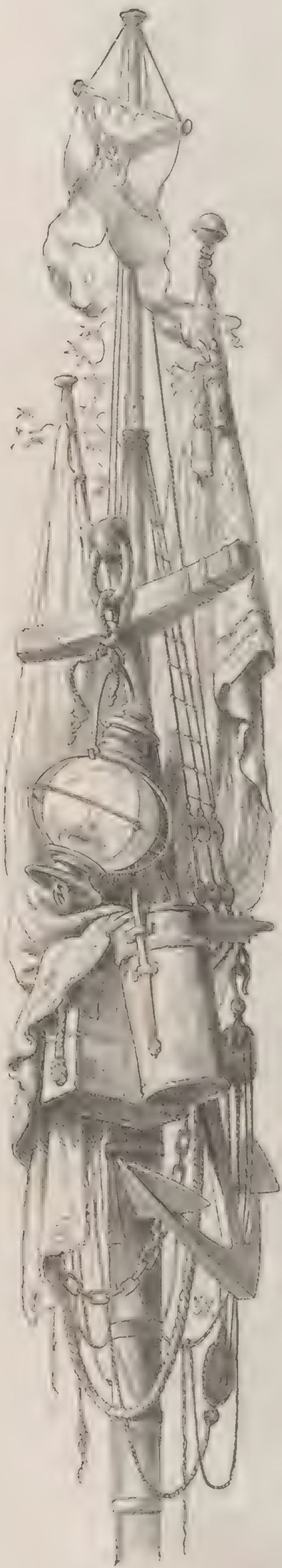

Рис. К. Брожъ, грав. А. Даугель.

Празднованіе 30-го мая 1872 года.

Народное гулянье на Царицыномъ лугу въ С.-Петербургѣ, въ день торжества.

надъ оставленными на Кавказѣ гарнизонами генералъ-маіору Матюшкину, котораго снабдилъ подробными инструкціями, относительно дальнѣйшаго образа дѣйствій въ мѣстахъ, занятыхъ нашими войсками.

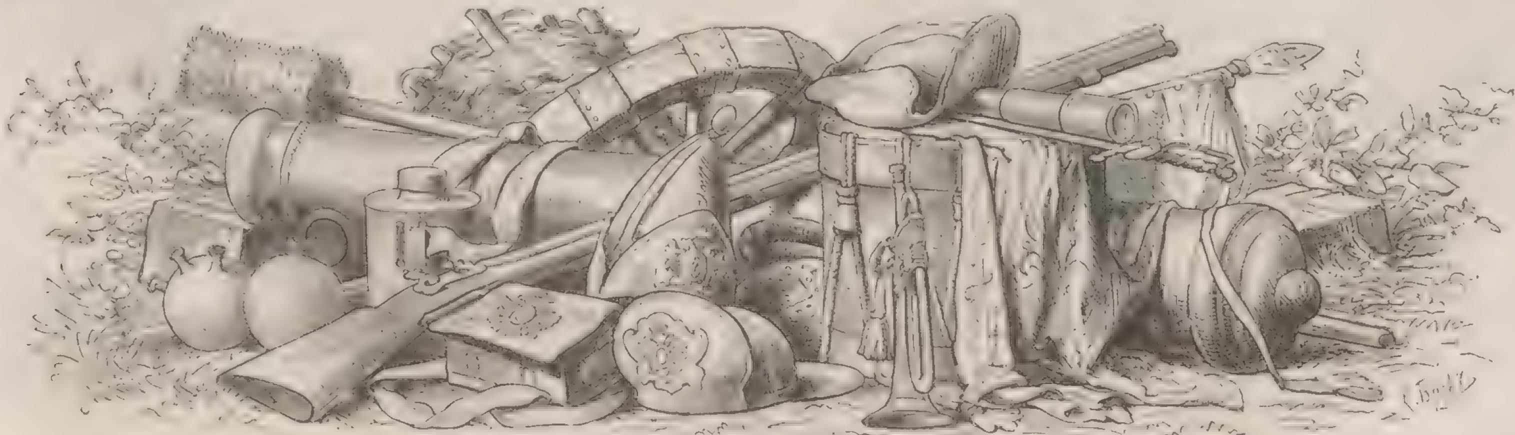
Оставивъ затѣмъ Астрахань 14-го ноября и застигнутый, недоѣзжая Царицына, наступившими неожиданно морозами,—изъ за которыхъ здѣсь пришлось прождать десять дней теплой одежды и зимнихъ экипажей,—царь 11-го декабря былъ уже подъ Москвою. Дождавшись же пріѣзда Екатерины, съ нею вмѣстѣ и съ войсками торжественно вступилъ въ древнюю столицу въ день Полтавскаго Тріумфа (18-го декабря).

Въ Москвѣ ждала царя непріятность, слухъ о которой дошолъ еще до него въ Царицынѣ. Въ полномъ присутствіи сената, вице-канцлеръ баронъ Шафировъ — выведенный изъ себя придирками Скорнякова-Писарева, правившаго временно должность генералъ-прокурора — наговорилъ много оскорбительнаго для него и Меньшикова; забѣжавшаго, какъ обыкновенно, прежде другихъ съ доносомъ. Петръ нарядилъ коммиссію, открывшую злоупотребленія многихъ, въ томъ числѣ и герцога Ижерскаго. Шафировъ и Скорняковъ оба признаны виновными и царь, не смотря на заслуги перваго, смягчилъ участь его только замѣною смерти ссылкою; еще разъ наложивъ начотъ на Меньшикова.

Процессъ Шафирова задержалъ Петра въ Москвѣ до конца февраля. Возвращаясь же въ Петербургъ, заѣзжалъ царь смотрѣть тверецкій шлюзъ на Цнѣ, построенный новгородцемъ Сердюковымъ за право держанья кабаковъ по этому пути. Торжественная встрѣча петербургскихъ жителей, съ княземъ М. М. Голицынымъ во главѣ, вышедшихъ въ Ямскую — сильно тронула государя при въѣздѣ въ *парадизъ его* (3-го марта).

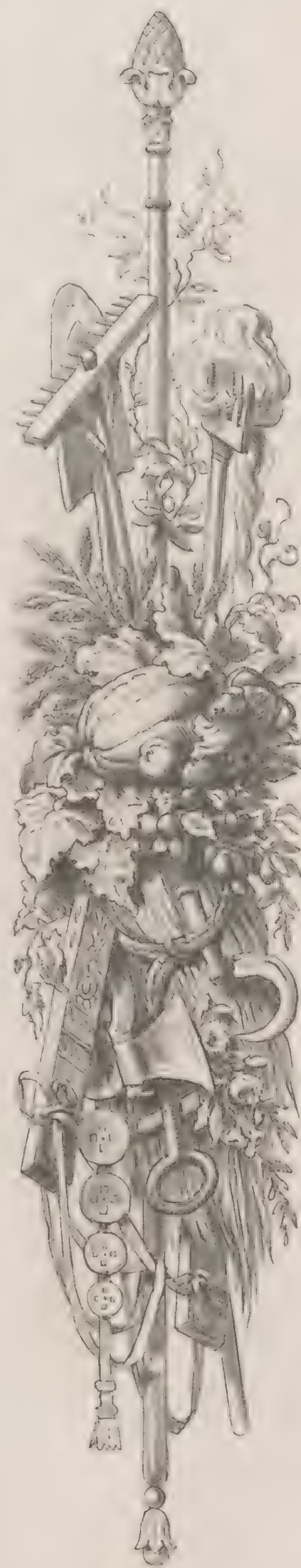
Весь 1723 годъ царь провелъ затѣмъ въ новой столицѣ, въ маѣ съѣздивъ только встрѣчать свой ботикъ, который велѣлъ привезти сюда изъ Москвы и торжественно провезъ его потомъ вокругъ всего флота, выстроеннаго на Котлинскомъ рейдѣ (11-го августа). Въ октябрѣ же (7-го числа) на Котлинѣ заложилъ царь портовый городъ, назвавъ его Кронштадтомъ; передъ тѣмъ же (15-го сентября) издалъ манифестъ о короновании своей подруги, дѣлившей съ нимъ труды и опасности двухъ походовъ (Прутскаго и Персидскаго). Съѣздивъ въ послѣдній разъ въ своей жизни на Олонецъ, чтобы пользоваться минеральными водами, (въ февралѣ 1724 г.), царь воротился въ Москву и тамъ 7-го мая возложилъ корону на Екатерину, пышно отпраздновавъ это торжество, а послѣ него, воротясь раньше императрицы— задержанной болѣзнію въ Москвѣ — приготовилъ ей въ Петербургѣ торжественную встрѣчу.

Весь конецъ іюля и августа государь уже почти непрерывно чувствовалъ болѣзненные припадки, приводившіе тяжолыя опасенія врачей его. Но день годовщины славнаго мира — захотѣлъ отпраздновать особеннымъ образомъ. Еще въ минувшемъ году перенесли мощи св. Александра Невскаго изъ Владиміра въ Шлиссельбургъ, а теперь, съ изготовленіемъ пышной раки, Петръ

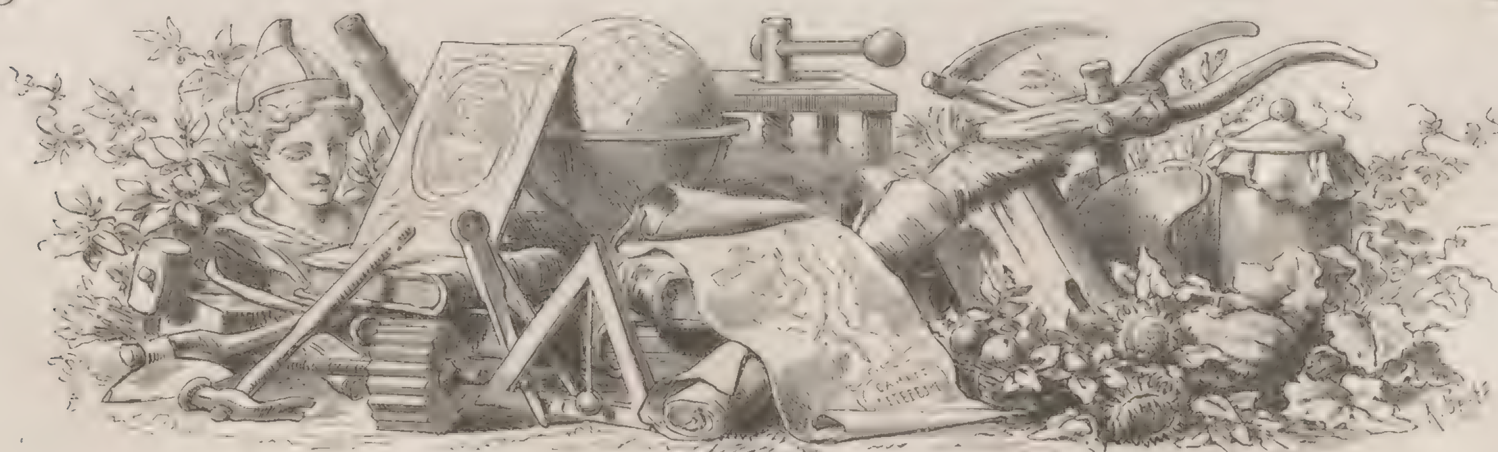

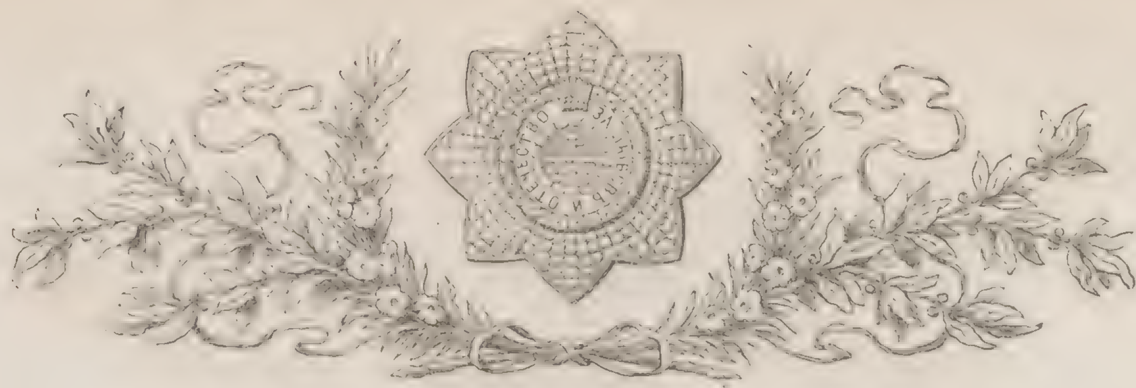

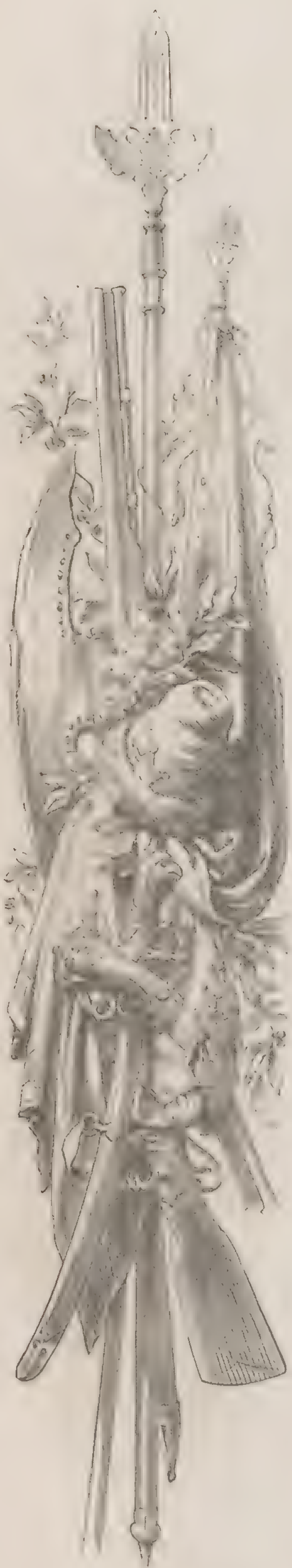
захотѣлъ изъ Шлиссельбурга перевезти останки древняго побѣдителя шведовъ въ свою новую столицу—на мѣсто его подвиговъ. Для этого, отправивъ пышную галеру принять драгоцѣнный грузъ и получивъ извѣстіе о приближеніи его къ столицѣ, Петръ самъ выѣхалъ на встрѣчу; пересѣлъ на галеру и самъ взялся за руль; посадивъ сенаторовъ въ весла. Весь невскій флотъ выстроенъ былъ на Невѣ и мимо его провезя мощи, царь самъ вынесъ на себѣ, при содѣйствіи первыхъ сановниковъ, раку на берегъ и до мѣста, назначеннаго для упокоенія останковъ праведника въ новой церкви, въ этотъ день освященнои.

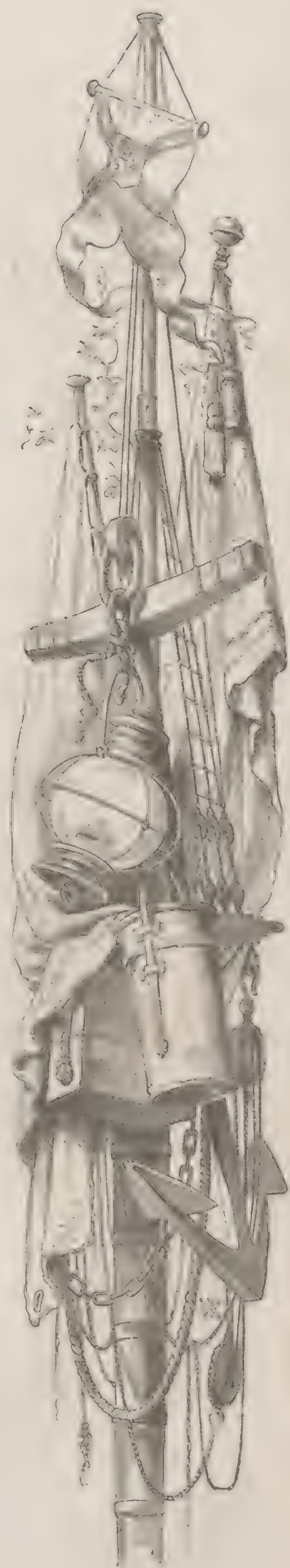
На пиру въ этотъ день вечеромъ, у Меньшикова, видѣли въ послѣдній разъ государя въ полномъ здравіи.

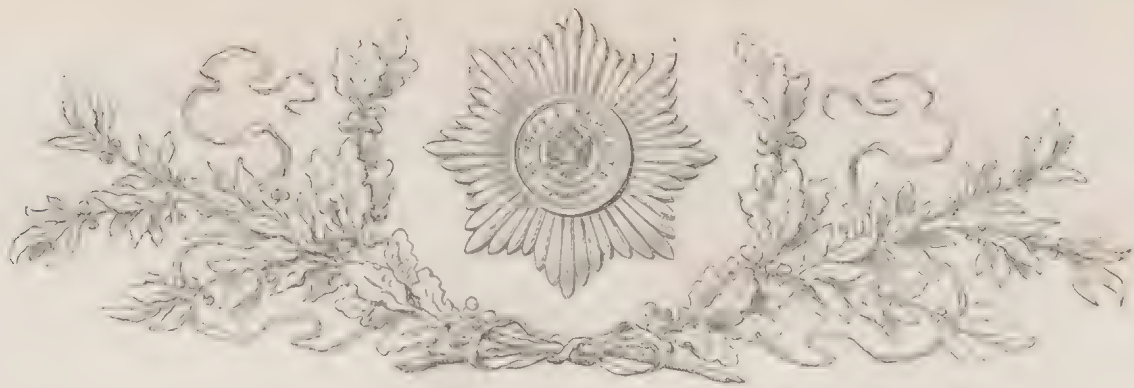
XVIII.

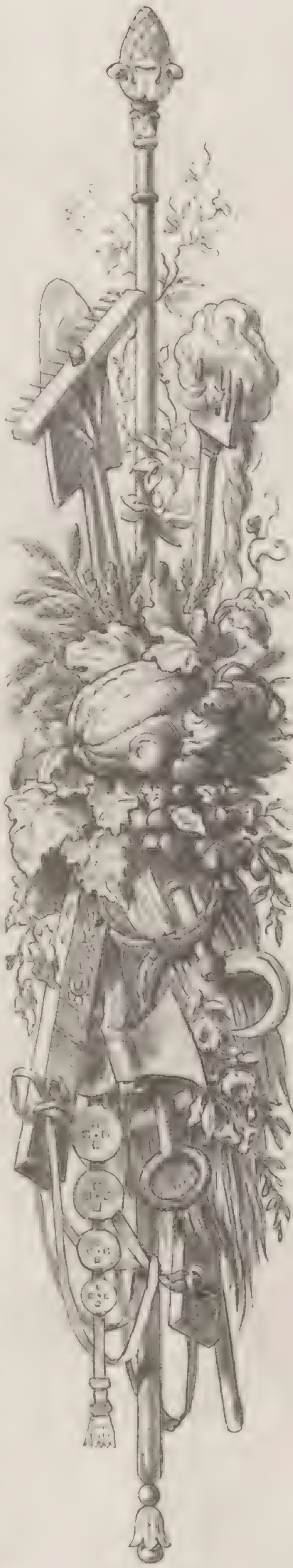
БОЛѢЗНЬ, КОНЧИНА И ПОГРЕБЕНІЕ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

(1724—1725 г.)

Не смотря на постоянно усиливающіеся припадки болѣзни, Петръ Великій, въ октябрѣ мѣсяцѣ 1724 г., предпринялъ поѣздку въ Шлиссельбургъ и на Ладожскій каналъ, гдѣ подробно осматривалъ работы, производившіяся подъ руководствомъ недавно принятаго въ русскую службу генерала Миниха. Государь остался очень доволенъ всѣми работами; въ особенности же понравился ему построенный Минихомъ водоспускъ «Красный Шлюзъ». Петръ такъ заинтересовался этимъ сооруженіемъ, что пожелалъ даже взглянуть на его внутренность, хотя для этого нужно было ходить согнувшись по поясъ и упираясь руками въ землю. На перемычкѣ, отдѣлявшей оконечную часть канала отъ воды, государь приказалъ подать себѣ заступъ и, сказавъ: — «Дай Богъ въ добрый часъ» — началъ прокапывать спускъ. Когда перемычка была открыта и вода, падая съ высоты восьми или девяти футовъ, устремилась съ страшною силою въ каналъ, Петръ сѣлъ съ Минихомъ и деньщикомъ своимъ Поспѣловымъ въ маленькую лодочку и пустился по быстрому потоку въ каналъ. Лодка едва не опрокинулась, но государь, не думая объ опасности, показывалъ, по словамъ Миниха, «внутреннее удовольствіе своего сердца». Проѣхавъ на лодкѣ по всей отдѣланной части канала, Петръ пересѣлъ въ буеръ и отправился черезъ Новую Ладогу и Новгородъ въ Старую Руссу. Обозрѣвъ здѣсь соловарни, государь снова вернулся къ каналу, обѣдалъ у Миниха, пилъ за его здоровье

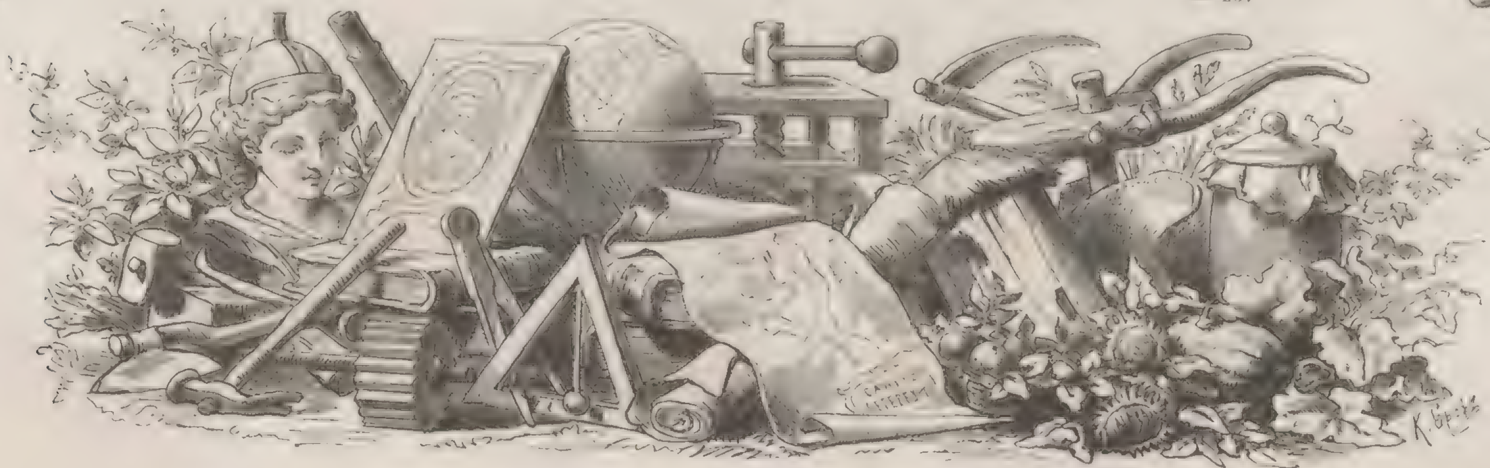

и поѣхалъ въ Петербургъ. Петръ казался очень бодрымъ и здоровымъ, такъ что императрица, встрѣтивъ супруга, выразила ему свою радость по этому поводу.—«Труды Миниха излечили меня»—отвѣчалъ государь,—«надѣюсь скоро сѣсть въ трешкотъ въ Петербургѣ и высадиться въ Москвѣ въ Головинскомъ саду».

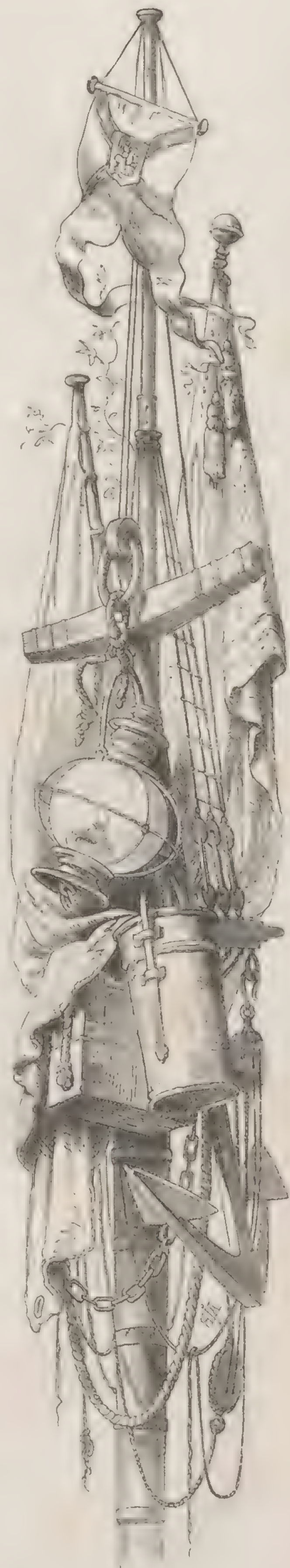
Отдохнувъ два дня, Петръ, вопреки совѣтамъ и просьбамъ лейбъ-медика Блументроста, отправился въ Петергофъ, а оттуда переѣхалъ въ Дубки и, возвращаясь оттуда, 1-го ноября вечеромъ, близъ Лахты, государь замѣтилъ стоявшій на мели ботъ, плывшій изъ Кронштадта съ солдатами. Погода была холодная и бурная. Петръ тотчасъ же послалъ на помощь бѣдствующимъ шлюпку съ своими людьми; но они, при всѣхъ усиліяхъ, не могли стащить ботъ съ мели. Между тѣмъ, нѣсколько солдатъ были увлечены волнами, а другіе замертво вытащены изъ воды. Побуждаемый высокимъ чувствомъ человѣколюбія, государь, въ порывѣ нетерпѣнія, самъ поѣхалъ къ мѣсту несчастія и, соскочивъ въ воду, словомъ и примѣромъ помогалъ спасать несчастныхъ. Наконецъ, весь измокшій и продрогшій отъ холода, Петръ долженъ былъ воротиться ночевать въ Дубки и ночью онъ почувствовалъ лихорадочные пароксизмы и болѣзненное жженіе въ животѣ, вслѣдствіе чего поспѣшилъ утромъ возвратиться въ Петербургъ. Оказанное ему немедленно медицинское пособіе уничтожило простуду; но за то припадки странгуріи стали возобновляться чаще и съ такою силою, что удерживали его иногда по цѣлымъ суткамъ въ постели. Скоро къ болѣзни присоединилось еще нравственное потрясеніе, едва ли не самое тяжолое для Петра, какъ супруга, имѣвшаго на своей сторонѣ все право требовать и ожидать взаимности и вѣрности. Государь перенесъ этотъ ударъ и даже простилъ главную виновницу, казнивъ только участниковъ преступленія: камергера Монса и сестру его генеральшу Балкъ. Исторія Монса ускорила, кажется, развязку сватовства герцога голштинскаго Карла-Фридриха къ царевнѣ Аннѣ Петровнѣ. 24-го ноября, въ день имянинъ императрицы, герцогъ былъ объявленъ женихомъ и торжественно обручонъ съ царевной. По увѣренію голштинскаго министра графа Бассевича, государь имѣлъ намѣреніе, послѣ бракосочетанія своей дочери, назначить ее даже наслѣдницею престола.

Весь декабрь Петръ перемогался, подавляя физическія и нравственныя страданія. Онъ, по обыкновенію, посѣщалъ всѣ общественныя празднества и ассамблеи, но уже мало занимался дѣлами и видимо слабѣлъ. Января 6-го 1725 года, впрочемъ, снова получилъ простуду, командуя войсками на Іорданѣ и вѣроятно, пробывъ долго на льду. Съ этого времени ему часъ отъ часу становилось хуже и 17-го числа онъ окончательно слегъ въ постель. Лейбъ-медикъ Блументростъ, сознавая опасность положенія больного, поспѣшилъ послать описаніе его болѣзни къ двумъ значительнымъ европейскимъ врачамъ,— Герману Бургаве въ Лейденѣ и Эрнсту Шталю въ Берлинѣ,—спрашивая ихъ совѣта. Вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ док-

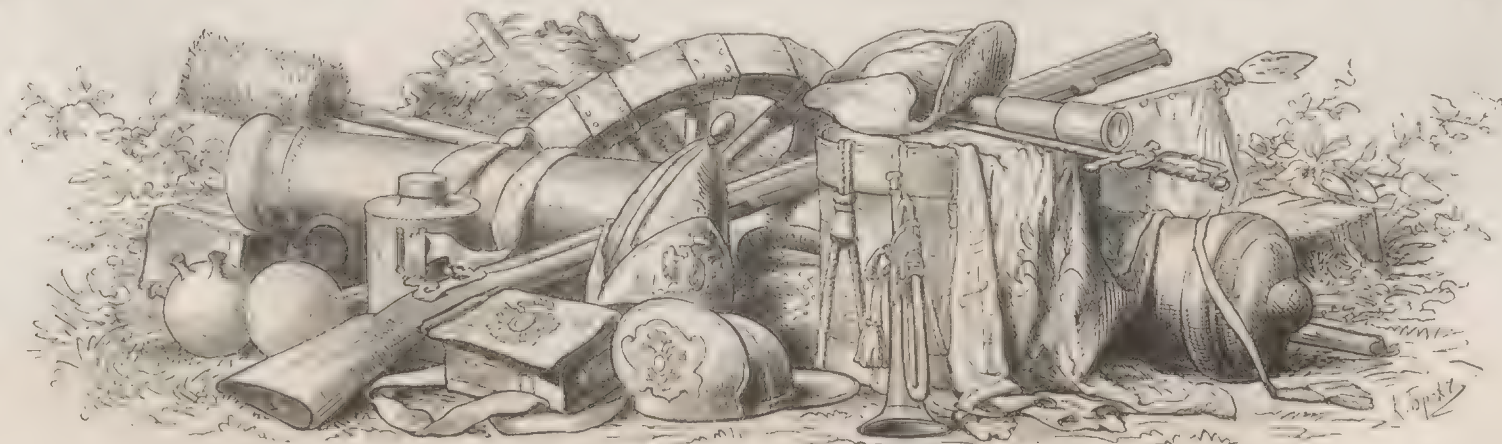

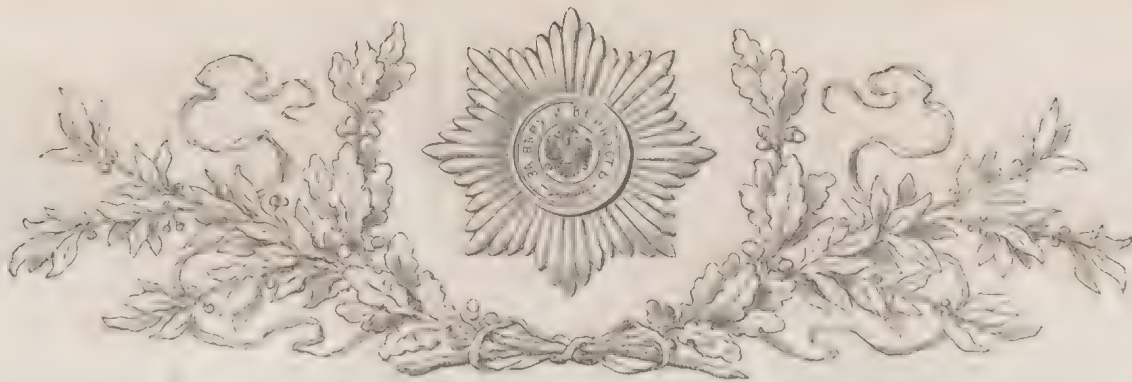

тора Петербурга были собраны на консиліумъ, который однакожъ не далъ ни какихъ результатовъ. Жестокая боль исторгала изъ груди Петра громкіе крики и онъ, обращаясь къ приближоннымъ, говорилъ: «изъ меня можно познать сколь бѣдное твореніе есть человѣкъ». Для облегченія страданій больного, врачи прибѣгли къ катетеризму; но вмѣсто пользы сдѣлали вредъ, усиливъ лишь этимъ разстройство и воспаленіе мочевого пузыря. Государь самъ начиналъ терять надежду на выздоровленіе и 22-го числа исповѣдался и пріобщился Св. Таинъ. По распоряженію св. синода, во всѣхъ церквахъ было велѣно отправлять молебствія объ исцѣленіи монарха. Сенаторы, высшія духовныя особы, многіе военные и гражданскіе чины, добровольно проводили день и ночь во дворцѣ. Императрица не отходила отъ одра супруга, предавшись вся заботамъ о немъ и своему горю. Обѣ дочери государя, въ отчаяніи и слезахъ, присутствовали постоянно въ сосѣдней комнатѣ, потому что больной не позволялъ имъ долго оставаться въ своей спальнѣ, не желая растрогивать себя и увеличивать ихъ горесть. 23-го числа надъ Петромъ былъ совершонъ обрядъ елеосвященія. Силы его упадали, онъ уже перестадъ кричать и только стоналъ. 26-го числа, чувствуя приближеніе смерти, государь повелѣлъ освободить отъ казни и каторги всѣхъ преступниковъ, за исключеніемъ виновныхъ противъ первыхъ двухъ пунктовъ, убійцъ и уличонныхъ въ неоднократныхъ разбояхъ. На слѣдующій день утромъ Петръ ослабѣлъ до такой степени, что присутствовавшіе, ожидая съ минуты на минуту кончины его, поспѣшили призвать двухъ архіереевъ Псковскаго и Тверскаго, да архимандріта Чудова монастыря, для христіанскаго увѣщанія и укрѣпленія умирающаго. Петръ выказалъ при этомъ рѣдкое присутствіе духа и самое живое и искреннее благочестіе. Когда одинъ изъ пастырей началъ говорить ему о страданіяхъ Христовыхъ и увѣщевалъ надѣяться на милосердіе Божіе и вѣрить въ отпущеніе грѣховъ и благодать вѣчной жизни, государь силился приподняться, и, поддержанный служителями, возвелъ руки къ небу нѣсколько разъ, хотя и съ большимъ трудомъ, повторилъ: «Вѣрую и уповаю. Сіе едино есть, что жажду мою утоляетъ и услаждаетъ меня». При произнесеніи же извѣстной молитвы, установленной для причащающихся: «Вѣрую Господи и исповѣдую и т. д.», Петръ прибавилъ: «Вѣрую Господи, помози моему невѣрію». Всѣ эти слова онъ произносилъ съ умиленіемъ, стараясь придать своему лицу радостное выраженіе. Послѣ принятія Св. Таинъ, сенаторы и другія знатныя особы стали входить въ комнату и, рыдая, прощались съ нимъ и цѣловали его руку. Петръ лежалъ молча и привѣтствовалъ входившихъ взглядомъ; наконецъ, утомленный этой раздирающей душу церемоніей, съ усиліемъ промолвилъ: «освобожусь ли отъ стуженія?» Тогда всѣ присутствовавшіе удалились. Вскорѣ параличъ лишилъ его употребленія языка. Онъ хотѣлъ письменно изложить свою послѣднюю волю и потребовалъ аспидную доску, да грифель, но слабѣющая рука чертила лишь неясныя слова, которыя было невозможно разобрать....

Петръ умиралъ медленно. Его крѣпкая натура еще долго боролась со

смертью. Поражонный параличомъ, онъ могъ двигать только правой рукой; постоянно стоналъ, но сохранялъ сознаніе и память. Когда же, по временамъ, архіереи обращались къ нему со словомъ утѣшенія и твердили о суетѣ здѣшняго міра и грядущемъ блаженствѣ, государь старался изобразить рукою крестное знаменіе, или показывалъ на небо. Ночью, на 28-е января, его вторично пріобщили. Въ четвертомъ часу онъ началъ холодѣть и тверской архіерей, повторяя умирающему на ухо благочестивыя увѣщанія, приступилъ къ чтенію обычныхъ молитвъ на исходъ души. И, въ первой четверти шестого часа утра — Петра Великаго не стало!

Вѣсть о кончинѣ государя, хотя и ожиданная, поразила всѣхъ. «Тотчасъ всюду поднялся страшный вопль» — говоритъ очевидецъ, — «всѣ комнаты издали плачевный гласъ и не было никого, кто бы могъ отъ плача удержаться».

30-го января, тѣло императора,—одѣтое въ верхнее платье, изъ шкарлета, богато вышитое серебромъ, въ камзолъ изъ серебряной парчи съ серебряною же бахромою, кружевные галстукъ и манжеты, высокіе сапоги со шпорами, при шпагѣ на боку и съ Андреевской звѣздой и лентой на груди,—было внесено въ большую дворцовую залу, превращонную, по этому случаю, въ траурную, и положено во гробъ, обитый золотымъ глазетомъ и обложенный по угламъ серебряными галуномъ. Гробъ былъ поставленъ на покрытый богатымъ златотканнымъ персидскимъ ковромъ подгробный одръ, который стоялъ на тронѣ, имѣвшемъ пять ступеней. Надъ трономъ возвышался балдахинъ изъ кармазиннаго бархата съ золотымъ шитьемъ и золотыми кистями, бахромою и подзоромъ. Середина балдахина была украшена царскимъ вензелемъ изъ золота и обложена шитыми узорами и золотымъ галуномъ. Отъ балдахина спускалась на четыре стороны парчевая золотая императорская мантія, подбитая горностаевымъ мѣхомъ и подобранная на каждой сторонѣ золотыми шнурками и кистями. На тронѣ, вокругъ гроба, стояли девять табуретовъ съ императорскими регаліями и орденами, а на ступеняхъ—четыре бронзовыя статуи въ человѣческій ростъ, изображавшія «плачущую Россію», сѣтующую Европу и «скорбныхъ» Геркулеса и Марса.

Стѣны и потолокъ траурной залы были обиты чорнымъ сукномъ съ фестонами изъ чорнаго и бѣлаго флера. Наружный свѣтъ не проходилъ въ завѣшанныя окна и мракъ озарялся только множествомъ зажжонныхъ свѣчей въ колоссальныхъ бронзовыхъ подсвѣчникахъ. На потолкѣ красовался огромный Андреевскій крестъ, изъ подъ котораго спускались пять богато убранныхъ паникадилъ. По угламъ залы были воздвигнуты четыре большія пирамиды изъ бѣлаго мрамора, въ 16 футовъ вышины, съ надписями на мѣловыхъ доскахъ. Внизу каждой пирамиды, оперпшись на пьедесталъ, стояли мраморные геніи, въ видѣ дѣтскихъ фигуръ.

Первая пирамида изображала «трофей церковный». Вверху, смерть держала вензелевое имя Петра Великаго. Надпись на доскѣ гласила слѣдующее:

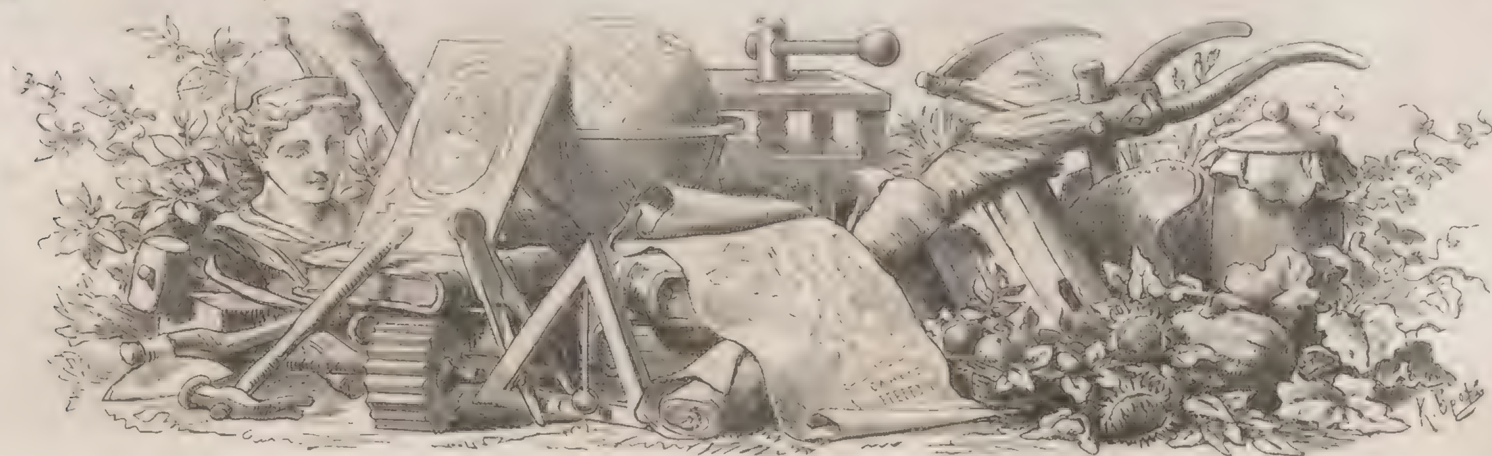

Рис. Н. С. Негадаевъ, грав. Л. А. Сѣряковъ.

Празднованіе 30-го мая 1872 г.—Представленіе на народномъ театрѣ въ Москвѣ.

Рис. Н. С. Негадаевъ, грав. Л. А. Сѣряковъ.

Празднованіе 30-го мая 1872 г.—Картина, выставленная въ думѣ въ г. Воронежѣ, въ день торжества.

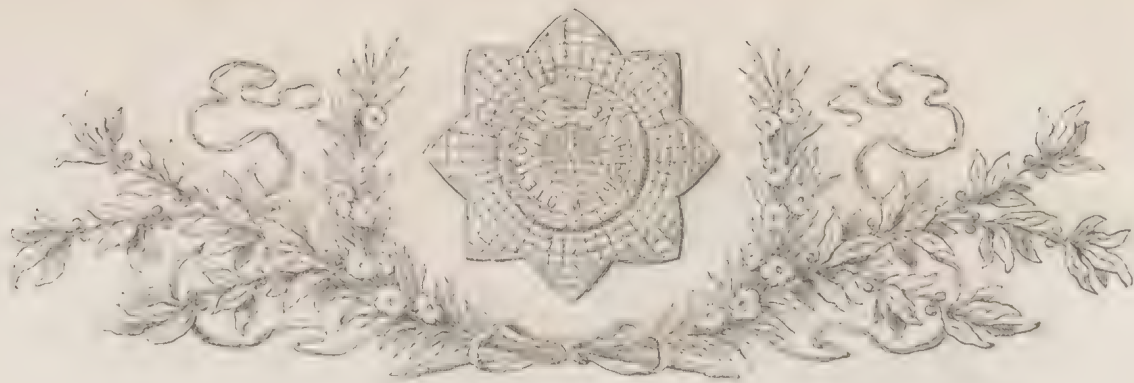

Рис. А. К. Беггровъ, грав. О. Май.

Празднованіе 30-[illegible]872 года.

Гонка судовъ на [illegible]-Петербургѣ.

«От попеченія о церкви.
«Именем и дѣлом Петру Верховному подражавый,
«Боговѣнчанный верх наш, Петр, остави нас,
«Ревнитель благочестія, рачитель исправленія,
«Суевѣрія и лицемѣрія ненавистник.
«О женише церковный, Христе, утѣши невѣсту Твою!

Вторая пирамида знаменовала «трофеи политическіе». Вверху, было изображено время; на доскѣ надпись:

«От исправленія гражданства.
«Что воздаси о Россія!
«Истинному отродившему тебя Отцу твоему?
«Он тебя уставы правительскими мудрую,
«Закона судебными здравую,
«Искусств различіем благообразную сотвори.
«Едина в тебѣ благодарствія сила
«В вѣрности и послушаніи к наслѣдницѣ Его».

Третья пирамида представляла «воинскія трофеи». Вверху парила слава; на доскѣ надпись:

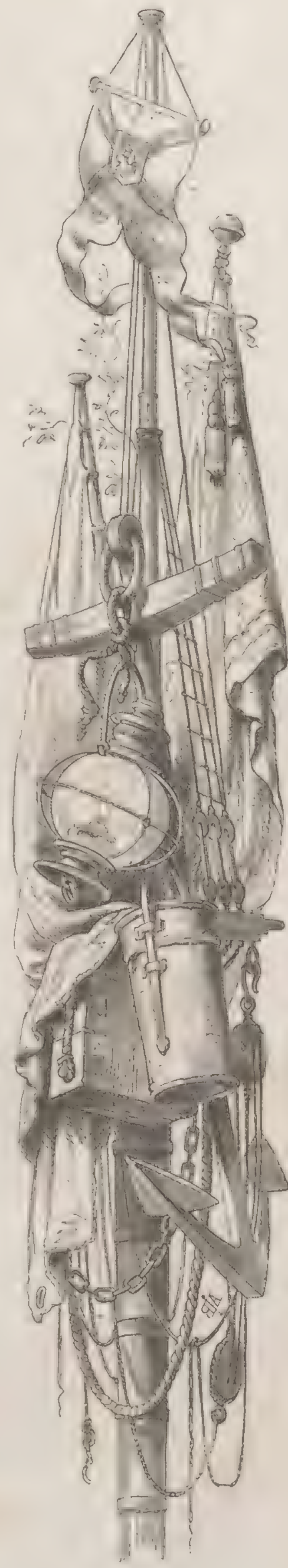
«От обученія воинства.
«Изнемог тѣлом, но не духом.
«Уснул от трудов Самсон россійскій.
«Трудолюбіем подал силы воинству,
«Бѣдствіем же своим безопасеніе отечеству.
«Но, о премѣненія жалостнаго!
«Почившу же ему временно, вѣчно торжествующу,
Стонем мы и сѣтуем».

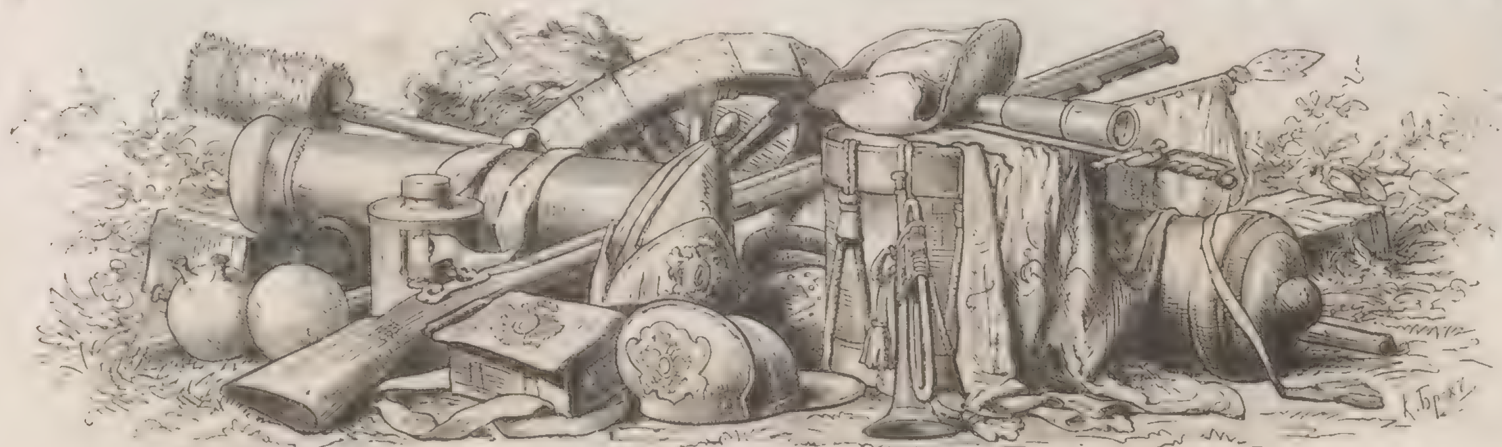
Четвертая пирамида изображала «морскія трофеи». Вверху красовалась фигура Побѣды; на доскѣ надпись:

«От строенія флота.
«Новаго в мірѣ, перваго в Россіи Іафета,
«Власть, страх и славу на морѣ простершаго,
«И нам в сообщеніе вселенную приведшаго,
«Плавающаго уже не узрим.
«Нынѣ нам воды,—слезы наши,
«Вѣтры,—воздыханія наши».

Против трона возвышался большой мраморный пьедестал, на котором мраморные геніи и скелеты держали портрет Петра Великаго и огромную зеленую завѣсу с слѣдующей надписью:

«Сѣтуй и плачь о Россія!
«Остави тебя отец твой Петр Великій
«Дарованный тебѣ свыше 1672, мая 30.
«Дѣлами же вѣру превосходящими
«Побѣдитель и мирователь
«И всяких славы и титлы исполнен,

«Горе возвращенъ 1725, января 28,
«Но и оставляя, не остави тебя;
«Подалъ тебѣ достойную державы своея наслѣдницу.
«Плачися о Россія и радуйся!»

Въ траурной залѣ было шесть дверей. Между каждой изъ нихъ стояли, на мраморныхъ пьедесталахъ, серебряные подсвѣчники, въ видѣ пирамидъ, вышиною въ 7 футовъ. Кромѣ того, по стѣнамъ были разставлены фигуры, въ натуральную величину, изображавшія добродѣтели усопшаго императора: «согласіе, премудрость, храбрость, благовѣріе, милосердіе, миръ, любовь къ отечеству и справедливость».

У гроба день и ночь дежурили, смѣняясь каждые три часа, двѣнадцать сенаторовъ и генераловъ, четыре гвардейскихъ офицера, въ строевомъ платьѣ, съ протазанами и двѣнадцать драбантовъ, въ чорныхъ эпанчахъ съ флеромъ на шляпахъ. Священникъ въ полномъ облаченіи читалъ постоянно Евангеліе.

Со дня перенесенія тѣла государя въ траурную залу, народу было разрѣшено приходить на поклоненіе къ усопшему. Люди всѣхъ возрастовъ и сословій густыми толпами стекались во дворецъ, обратившійся теперь въ жилище скорби. Всюду раздавались плачь и рыданія и слышались искреннія, сердечныя сожалѣнія, сопровождаемыя возгласами: «Отецъ нашъ! оставилъ ты насъ!»

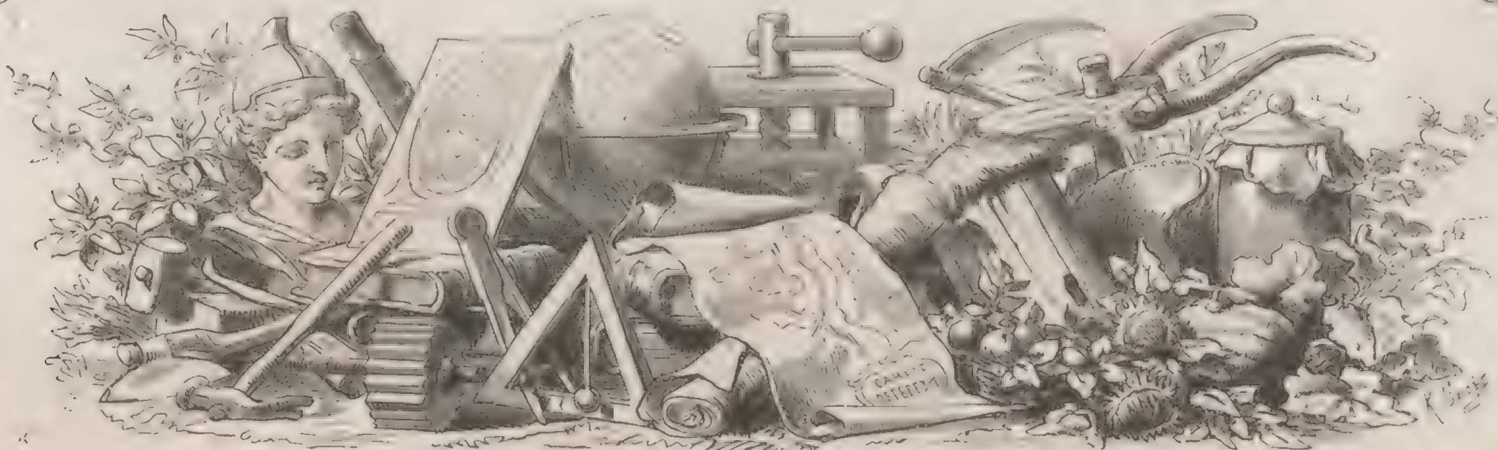
Между тѣмъ, для погребенія тѣла императора было велѣно поставить въ строившемся, но еще не оконченномъ, каменномъ Петропавловскомъ соборѣ, временную деревянную церковь, обить её чорнымъ сукномъ и приготовить въ ней катафалкъ подъ балдахиномъ, мѣста для императорской фамиліи и т. д. Днемъ похоронъ назначено 10-го марта.

Во время этихъ приготовленій, 4-го марта, скончалась малолѣтняя дочь Петра, царевна Наталья Петровна. Тѣло ея было вынесено въ ту же траурную залу и поставлено рядомъ съ тѣломъ родителя.

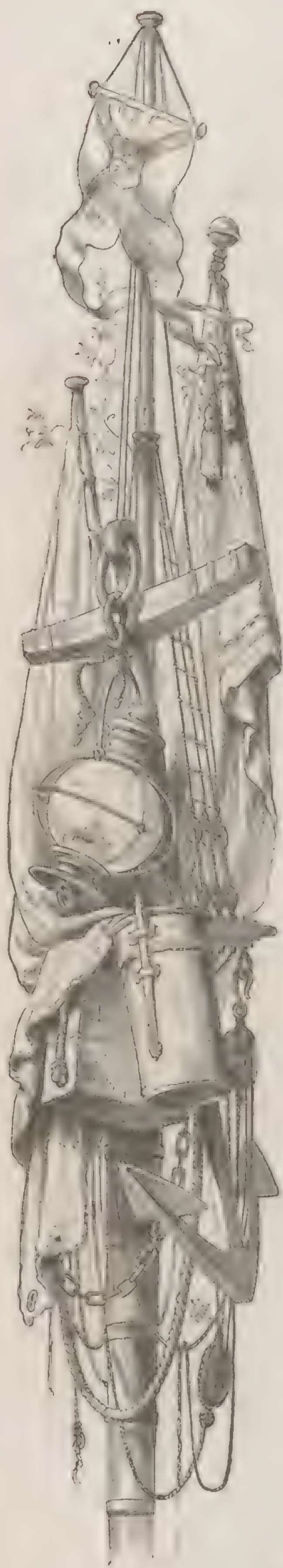
10-го марта, рано утромъ всѣ войска выстроились шпалерами, въ два ряда, отъ дворца, вплоть до крѣпости. Черезъ Неву былъ настланъ по льду деревянный помостъ, съ перилами, покрытый чорнымъ сукномъ. На крѣпости и адмиралтействѣ развѣвались чорные флаги.

Въ два часа, по сигналу, данному пушечнымъ выстрѣломъ, началось печальное шествіе, при заунывномъ колокольномъ звонѣ со всѣхъ церквей.

Впереди шли 25 гвардейскихъ унтеръ-офицеровъ съ траурными алебардами; потомъ гофъ-курьеръ, верхомъ, а за нимъ первый маршалъ, сопровождаемый трубачами и литаврщиками, 36 пажей, 36 придворныхъ служителей, 36 иностранныхъ купцовъ, 24 депутата отъ дворянства и 24 депутата отъ гражданъ вновь завоеванныхъ провинцій, по три въ рядъ. Затѣмъ слѣдовали: второй маршалъ; красное военное знамя; любимая лошадь императора въ великолѣпномъ уборѣ; 32 знамя съ провинціальными гербами; адмиральскій штандартъ; государственное чорное знамя; бѣлое знамя

съ вышитой на немъ эмблемой покойнаго государя, изображавшей «рѣзчика, дѣлающаго статую изъ грубаго куска мрамора»; латникъ на конѣ, въ позлащонныхъ латахъ и шлемѣ, украшенномъ бѣлыми и красными перьями; пѣшій латникъ въ чорномъ вооруженіи; большое траурное знамя; третій маршалъ; щиты съ гербами семи главнѣйшихъ областей; щитъ съ государственнымъ гербомъ; большой хрустальный, обдѣланный въ золото, крестъ; пѣвчіе, раздѣленные на три класса; 40 архимандритовъ и 11 епископовъ и архіепископовъ, попарно; четвертый и пятый маршалы; гробъ царевны Натальи Петровны, несомый 16 капитанами, подъ балдахиномъ, поддерживаемымъ 16 штабъ-офицерами; два герольдмейстера; государственные мечи; императорскіе регаліи и ордена; три маршала; два капитана драбантовъ; гробъ съ тѣломъ покойнаго государя, поставленный на траурныхъ саняхъ, обитыхъ чорнымъ бархатомъ съ золотыми галунами, и окружонныхъ 60 гвардейскими бомбардирами съ зажжонными свѣчами, подъ балдахиномъ, поддерживаемымъ семью бригадирами, восемью генералъ-маіорами и четырьмя тайными совѣтниками; императрица въ глубокомъ траурѣ, въ сопровожденіи знатнѣйшихъ чиновъ двора; цесаревны Анна и Елизавета, со свитой; герцогиня мекленбургская Екатерина Ивановна; царевна Прасковья Ивановна; дѣвицы Марья и Анна Нарышкины; герцогъ голштинскій; великій князь Петръ Алексѣевичъ; Александръ и Иванъ Львовичи Нарышкины, придворные чины и дамы; группы дворянъ и почотныхъ гражданъ. Шествіе замыкали гвардейскіе унтеръ-офицеры.

Процессія раздѣлялась на 166 номеровъ; всѣ участвовавшія въ ней лица, незанятыя какими либо обязанностями, имѣли въ рукахъ зажжонныя свѣчи.

Безчисленное множество народа, также со свѣчами, добровольно сопровождало процессію отъ самаго дворца до крѣпости.

По внесеніи въ церковь, оба гроба были открыты и поставлены по срединѣ на приготовленное возвышеніе подъ балдахиномъ.

Когда окончилось отпѣваніе, архіепископъ псковской, Ѳеофанъ Прокоповичъ, произнесъ извѣстную рѣчь, начинавшуюся словами: «Что се есть? До чего мы дожили россіяне? Что видимъ? Что дѣлаемъ? Петра Великаго погребаемъ!» Рѣчь эта произвела сильное впечатлѣніе и безпрестанно прерывалась громкими рыданіями и плачемъ слушателей и слезами самого оратора.

Во время надгробнаго пѣнія, изъ крѣпостныхъ орудій были сдѣланы два залпа, а войска открыли бѣглый ружейный огонь.

Всѣ находившіяся въ церкви особы начали отдавать послѣднее цѣлованіе усопшему. Императрица, почти безъ чувствъ, припала къ бездыханному тѣлу супруга и ее съ трудомъ могли удалить изъ церкви.

При закрытіи гроба и отъѣздѣ государыни, снова раздались пушечные и ружейные залпы, заключившіе это печальное торжество.

На кончину Петра Великаго были выбиты золотыя и серебряныя меда-

ли. На золотыхъ медаляхъ, разной величины и вѣса, отъ 4 до 50 червонцевъ, розданныхъ лицамъ высшаго сословія, былъ изображонъ, на одной сторонѣ, портретъ государя съ надписью: «Петръ Великій, императоръ и самодержецъ всероссійскій, родился 30-го мая 1672 года»; на другой—представлена вѣчность, несущая вѣнчаннаго лаврами императора на небо; внизу печальная Россія, окружонная эмблемами наукъ, искусствъ и торговли. На серебряныхъ медаляхъ, розданныхъ унтеръ-офицерамъ и рядовымъ, изображонъ на одной сторонѣ императорскій гробъ подъ балдахиномъ, съ короной и надписью: «общая печаль»—съ другой—слова: «Петръ Великій, императоръ и самодержецъ всероссійскій, родился 30-го мая 1672 года; преставился 28-го января 1725 года».

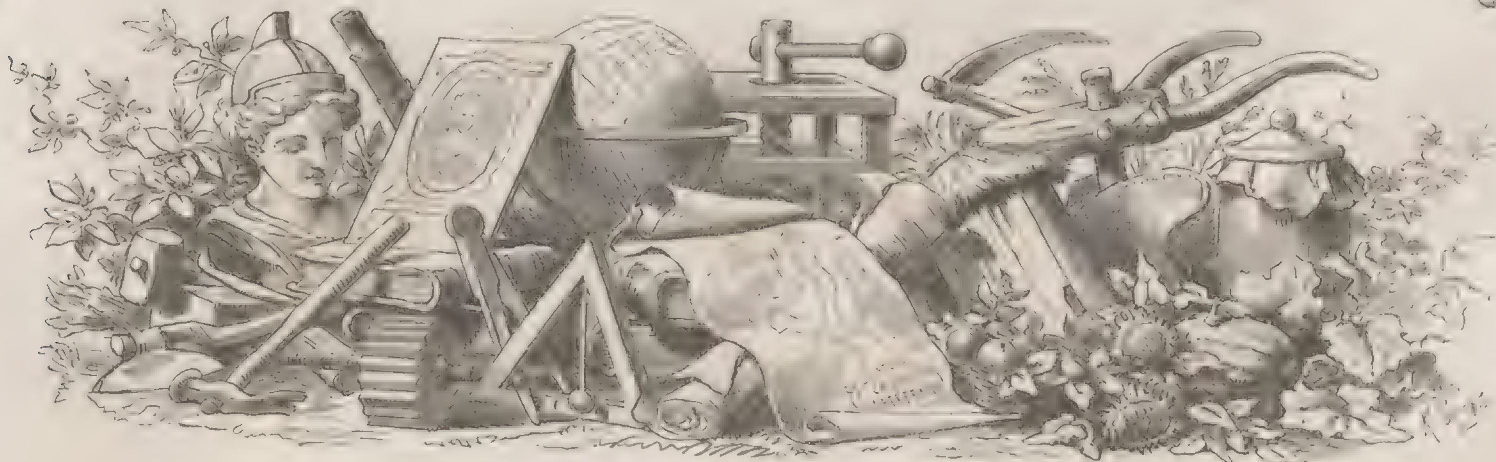
Прахъ Петра оставался во временной церкви, на вскрышѣ, до 1731 года, когда, по повелѣнію императрицы Анны Ивановны, былъ опущенъ въ землю. Надъ мѣстомъ погребенія поставлена гробница изъ гранита, безъ всякихъ украшеній, въ видѣ продолговатыхъ, четыреугольныхъ брусьевъ, закрытая богатымъ парчевымъ покровомъ и сверху чорнымъ суконнымъ чахломъ. На гробницѣ находится слѣдующая надпись: «Самодержавный всея Россіи императоръ Петръ Великій родился въ 1672 году, мая въ 30-й день; на престолъ возведенъ въ 1682 лѣто; оставивъ земная, преселился въ горняя въ лѣто мірозданія 7233, отъ Рождества Христова 1725, Іануарія въ 28-й день; жизни его было 52 лѣта, 7 мѣсяцевъ, 29 дней, а отъ коронованія 42 лѣта, 7 мѣсяцевъ, 3 дня.

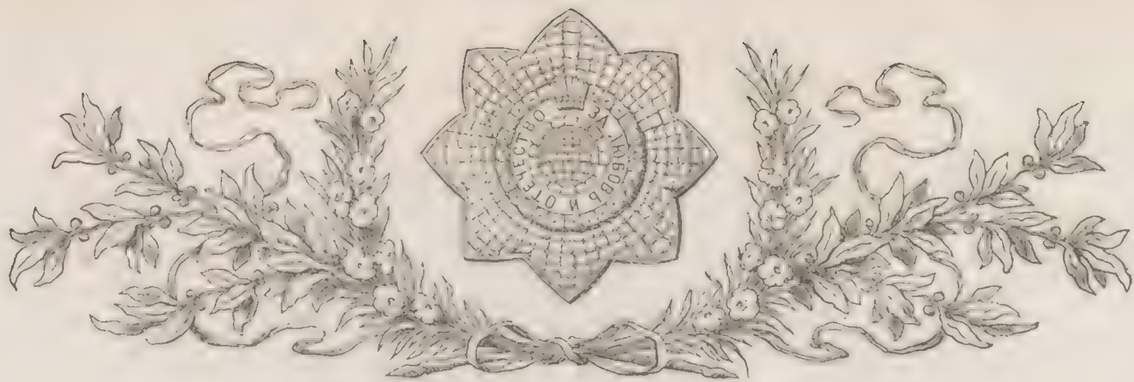
У подножія гробницы хранится собственноручно положенный императрицей Екатериной II, въ 1772 году, флагъ капитанъ-паши, взятый при сожженіи турецкаго флота подъ Чесмой.

Къ верхней плоскости гробницы придѣлана золотая медаль съ изображеніями: на одной сторонѣ — профиля Петра Великаго въ вѣнкѣ, съ надписью вокругъ: «отъ благодарнаго потомства», а на другой,—Геркулеса, покоющагося на основаніи С.-Петербурга. Медаль эта была поднесена петербургской депутаціей, въ 1803 году, въ день празднованія столѣтія города, императору Александру I, который повелѣлъ сенату внести медаль «съ подобающею честью и приличными обрядами» въ Петропавловскій соборъ и положить «отъ лица Россіи» на гробъ Петра Великаго «въ незабвенное свидѣтельство предъ грядущими вѣками, колико память его для Россіи священна».

Надъ гробницей находится икона Св. апостола Петра, писанная на кипарисной доскѣ, вышиной въ 11 вершковъ; она въ золотомъ окладѣ, въ которомъ вѣсу 1 фунтъ и 62 золотника и замѣчательна тѣмъ, что представляетъ мѣру роста Петра Великаго при рожденіи. Икона эта писана жалованными иконописцами Симономъ Ушаковымъ и Ѳеодоромъ Козловымъ и доставлена въ соборъ, въ 1827 году, по приказанію императора Николая I, изъ придворной ризницы, гдѣ она хранилась до того времени.

*Послѣднимъ дѣломъ Петра I, какъ кораблестроителя, былъ корабль

перваго ранга, во сто пушекъ, оставшійся за смертью Императора недостроеннымъ и по волѣ Екатерины I положенный назвать именемъ великаго ея супруга. О закладкѣ Петромъ своего корабля сохранилось оффиціальное извѣстіе, именно донесеніе мастера Козенца Адмиралтействъ-Коллегіи, слѣдующаго содержанія: «Прошедшаго іюня 29-го дня сего 1723 года заложенъ собственный его Императорскаго Величества 100 пушечный корабль 1-го ранга, длиною по палубѣ 180 футъ 2 дюйма, шириною безъ досокъ 49 футъ 2 дюйма, глубиною въ трюмѣ отъ верхняго киля до палубныхъ досокъ 18 футъ 10 дюймовъ и нынѣ оный строится на стапелѣ *)». *

Послѣ кончины Петра Великаго, корабль, почти оконченный вчернѣ, оставался на стапеляхъ и Адмиралтействъ-Коллегія поручила достройку его мастеру Броуну; но императрица Екатерина I, указомъ 21 февраля 1725 года, повелѣла возложить эту работу «на всѣхъ корабельныхъ мастеровъ съ общаго согласія».

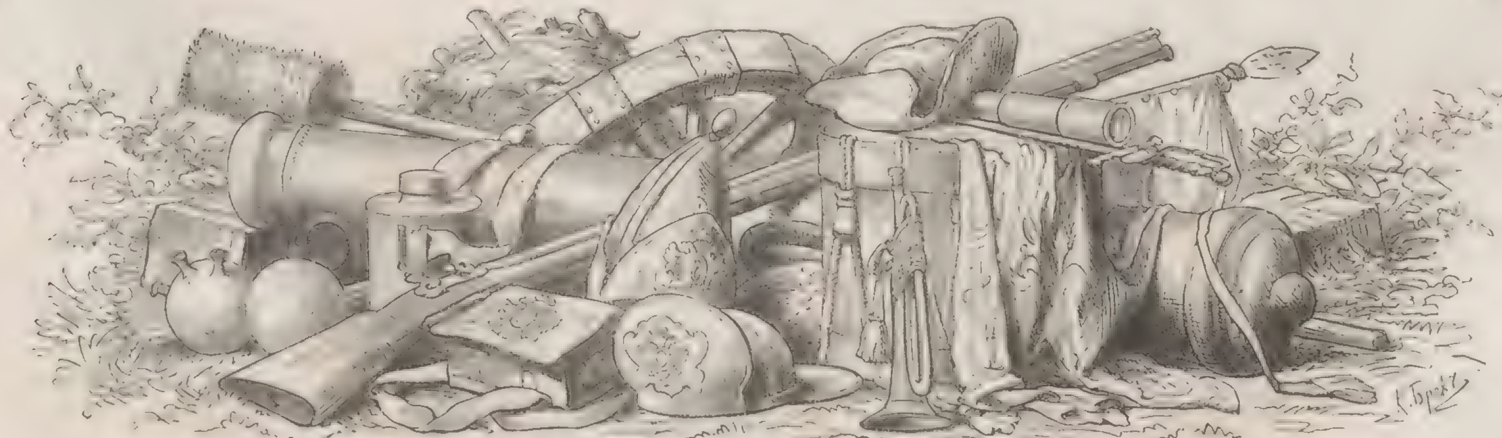
Возникшія вслѣдствіе этого между мастерами пререканія, козни и интриги, до такой степени замедлили производство работъ, что корабль былъ оконченъ и спущенъ на воду только 29 іюня 1727 года, причомъ къ названію его «Петръ Первый» было прибавлено «и Второй»—въ честь царствовавшаго императора.

* День спуска корабля Петра I на воду тоже замѣчателенъ до извѣстной степени. Меньшиковъ, опекунъ Петра II и правитель государства, былъ опасно боленъ въ это время, и отрокъ императоръ утромъ присутствовалъ при соборованіи больного, а вечеромъ (въ 7-мъ часу), съѣздивъ съ сестрою своею на спускъ корабля, еще разъ воротился къ князю; въ оба посѣщенія сопровождаемый генералъ адмираломъ Апраксинымъ. Болѣзнь продержала честолюбиваго регента еще цѣлый мѣсяцъ въ постели, а въ это время Долгорукіе успѣли на столько охладить къ нему царственнаго питомца и нарѣченнаго зятя, что «герценскиндъ Алексаша» съ высоты почестей брошенъ въ далекій Березовъ, оплакивать свои минувшія заблужденія и тамъ успѣлъ проявить такое величіе души въ перенесеніи несчастія, какого въ лучшіе дни свои никогда не выказывалъ.

Эта участь перваго изъ любимцевъ Петра въ высшей степени поучительна. Онъ самъ нанесъ несчастіе своему зятю Дивіеру и Толстому, на совѣсти котораго лежали убійства, совершонныя стрѣльцами 15 мая 1682 г. Низвергшіе Меньшикова—Долгорукіе и Голицыны—испытали еще большія несчастія при Аннѣ. Дожили свою жизнь въ почотѣ, изъ первостепенныхъ дѣятелей Петрова царствованія, только герой Нотеборга, Вазы и Гренгама, фельдмаршалъ князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ, канцлеръ Головкинъ, да генералъ-адмиралъ Апраксинъ.

Хотя, возведенный въ фельдмаршалы, но самъ видя, что уже не воротить былого значенія, — добровольно удалился отъ дѣлъ учоный графъ

*) Главн. Морск. Архив. Дѣло адмиралт. коллегіи 1723 г. № 18. *

Я. В. Брюсъ; въ Москвѣ, на Сухаревой башнѣ занимаясь въ полномъ одиночествѣ любимою наукою и умеръ онъ при Аннѣ (19-го апрѣля 1735 г.), оставивъ по себѣ въ исторіи репутацію величайшаго дѣятеля просвѣщенія при Петрѣ I и слывя въ народѣ даже *колдуномъ,* по поводу календаря съ предсказаніями, носящаго имя его, хотя и изданнаго Купріяновымъ.

Товарищу же учонаго Брюса—по заключенію Ништадтскаго мира — хитрому Остерману; при Елизаветѣ неудалось отдѣлаться отъ ссылки. Также какъ и сыну перваго канцлера Петра, гр. М. Г. Головкину, да фельдмаршалу Миниху—окончившему Ладожскій каналъ при Петрѣ II. При Аннѣ въ почотѣ дожили дни свои еще Петровы слуги Ягушинскій, возвращонный изъ ссылки еще Екатериною — Шафировъ и, дѣятель персидской войны, Матюшкинъ. Подвергся опалѣ кабинетъ-секретарь Петра, Макаровъ, и временно удаленъ былъ А.-И. Румянцевъ, впрочемъ, пользовавшійся потомъ полною благосклонностью монархини, какъ и краснорѣчивый Ѳеофанъ (Прокоповичъ), архіепископъ новгородскій, удержавшійся, губя другихъ собратій по профессіи.

Заканчивая разсказъ о Петрѣ, мы сочли необходимымъ сдѣлать и эти указанія о слугахъ его.*

Что касается корабля, то, въ 1732 году, императрица Анна Ивановна приказала адміралу Гордону вооружить небольшую эскадру для практическаго плаванія къ Березовымъ островамъ, и плаваніе это, продолжавшееся всего три недѣли, было первой компаніей корабля «Петръ I и II».

Въ 1734 году, Россія вступилась за права курфирста саксонскаго, Августа, на польскую корону, которую французскій дворъ старался доставить Станиславу Лещинскому. Адміралу Гордону было поручено вывести изъ Кронштадта весь флотъ и слѣдовать съ нимъ къ Данцигу, для содѣйствія русской арміи, осаждавшей этотъ городъ. Адміралъ Гордонъ поднялъ 11 мая свой флагъ на кораблѣ «Петръ I и II» и 16-го числа того же мѣсяца прибылъ съ флотомъ къ Пилау; но, узнавъ здѣсь, что около Копенгагена находится значительная французская эскадра, возвратился въ Кронштадтъ.

Третья и послѣдняя компанія корабля «Петръ I и II» была въ 1736 году и ограничилась обыкновеннымъ практическимъ плаваніемъ. По истеченіи десяти лѣтъ со времени его спуска, онъ началъ приходить въ ветхость и сдѣлался неблагонадежнымъ къ плаванію, вслѣдствіе чего было велѣно не употреблять его болѣе на службу, а сохранять въ память строителя. Прошло еще нѣсколько лѣтъ и корабль сталъ видимо разрушаться; тогда его ввели для поддержанія въ пловучій докъ, гдѣ онъ и оставался до 1752 года, когда, наконецъ, согласно указу императрицы Елизаветы Петровны, былъ разобранъ за совершенной ветхостью.

(П). Ш.*

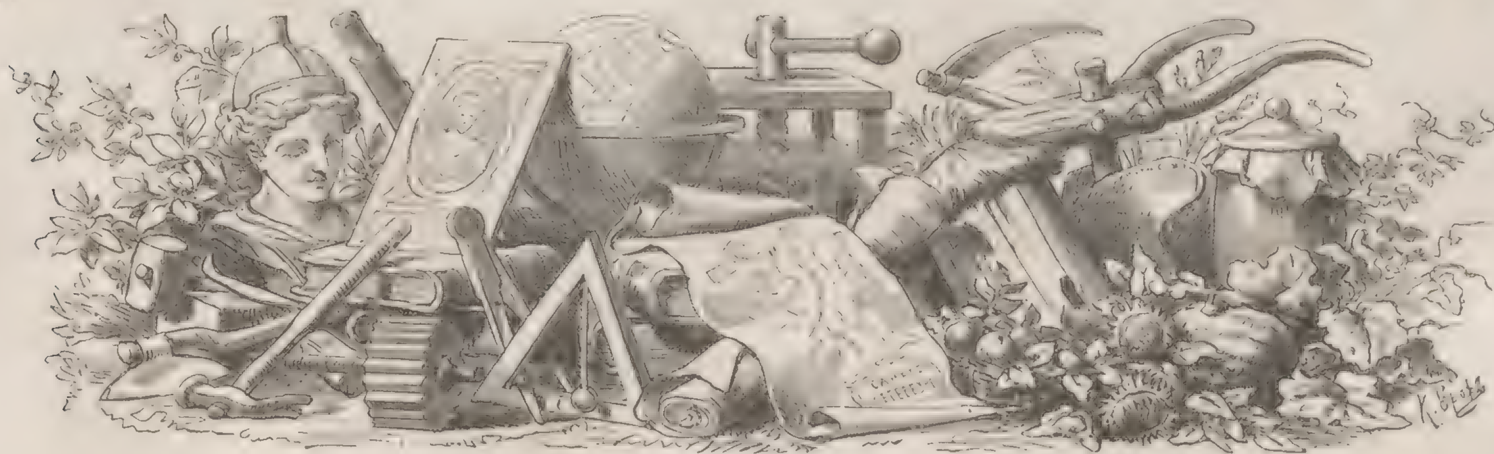

Рис. К. Брожъ, грав. Л. А. Сѣряковъ.

Празднованіе 30-го мая 1872 года.

Торжественное открытіе Московской Политехнической выставки.

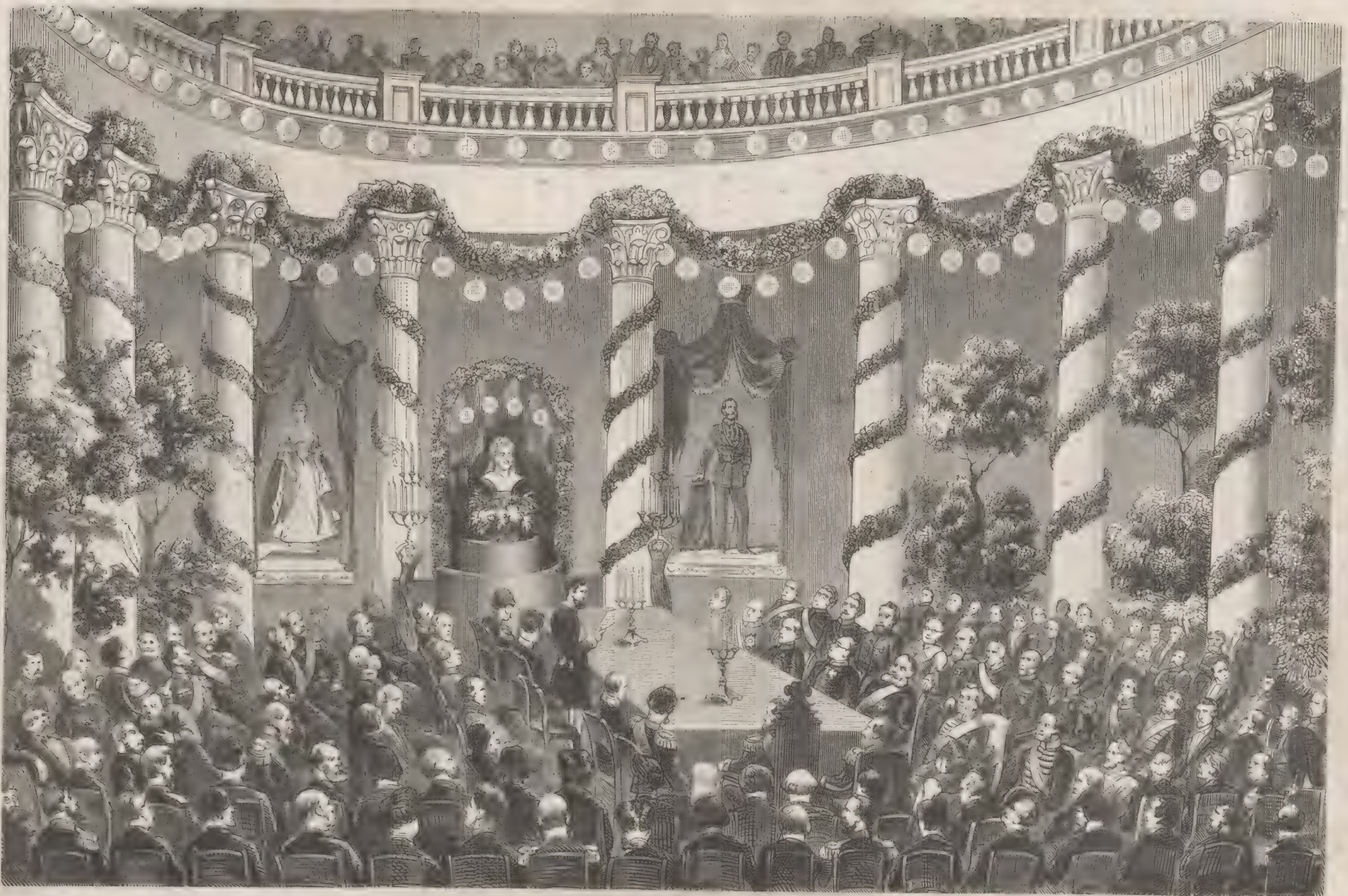
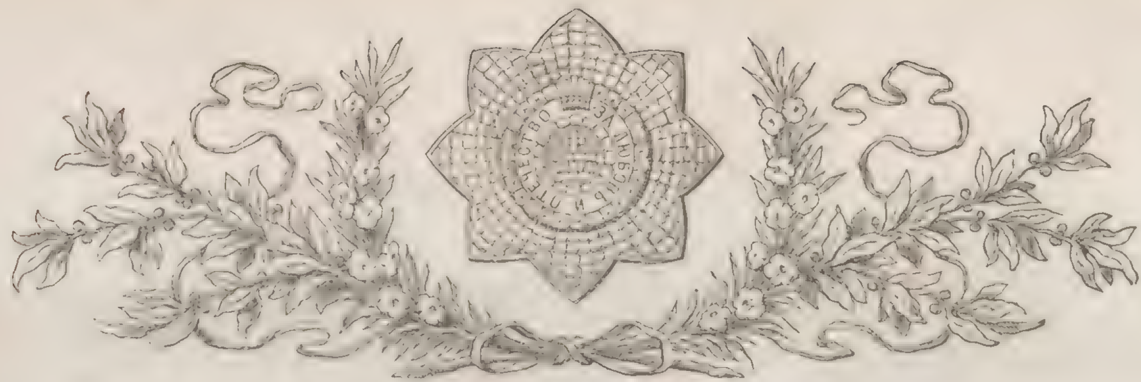

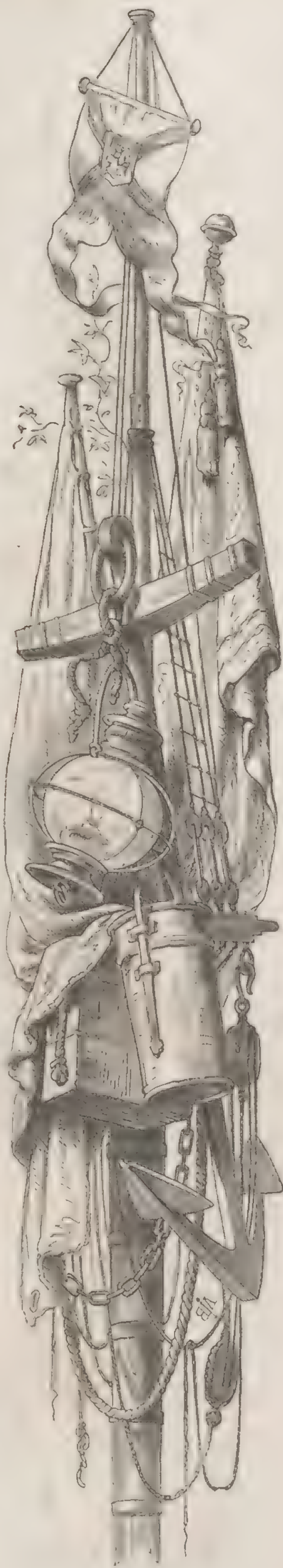
Рис. П. Ф. Борель, грав. Э. Даммюллеръ.

Празднованіе 30-го мая 1872 года.

Торжественное засѣданіе въ актовой залѣ Московскаго университета.

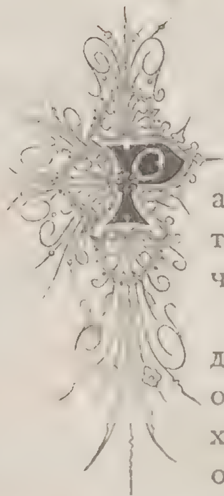

XIX.

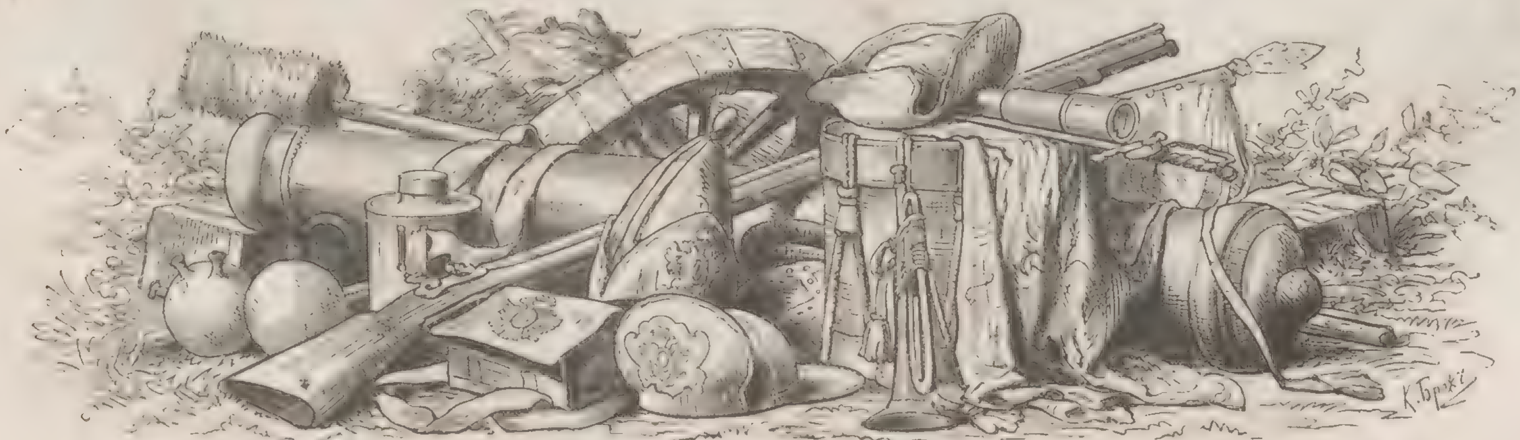
ПЕТЕРБУРГЪ И ПАМЯТНИКИ ПЕТРА I.

(1703 — 1872).

Разсказавъ жизнь Петра I, было-бы упущеніемъ не очертить, хотя въ общихъ чертахъ — предметъ самыхъ горячихъ попеченій великаго монарха — его Петербургъ.

Теперь уже не остается сомнѣнія, что въ «свое государево имя» Петръ заложилъ крѣпость Петербургъ въ одно время съ закладкою перваго храма во имя первоверховныхъ апостоловъ (29-го іюня 1703 г.). Земляная крѣпость о шести бастіонахъ поднялась уже къ осени и даже готова была къ возвращенію царя съ Олонецкой верфи, по уходѣ шведовъ отъ Котлина (въ началѣ октября). Ноября 5-го 1704 года Петръ основалъ адмиралтейскій домъ, выбравъ мѣсто для верфи наискось крѣпости, на Невѣ, на островѣ, омываемомъ этою рѣкою и болотнымъ ерикомъ, впослѣдствіи названнымъ р. Фонтанкою. Отъ адмиралтейскаго дома, первой балтійской верфи — самый островъ, принадлежавшій тогда шведскому маіору Конау и сперва величаемый потому (отъ русскихъ) *Кононовымъ*—потомъ прозвали *адмиралтейскимъ*.—Петръ, по преимуществу, назначилъ его для жительства морскихъ чиновъ. И самъ Петръ поселился на немъ, въ качествѣ корабельнаго мастера и контръ-адмирала, построивъ здѣсь первый зимній дворецъ (1710—12 г.) при впаденіи Невы въ Фонтанку, въ бывшемъ паркѣ Конау, гдѣ, еще въ 1704 году, уже разведенъ былъ государемъ лѣтній садъ. Первымъ жилищемъ Петра, въ его невскомъ *парадизѣ*, былъ, впрочемъ, маленькій домикъ на городскомъ острову (петербургской сторонѣ), на томъ мѣстѣ, гдѣ мы и теперь его находимъ, у

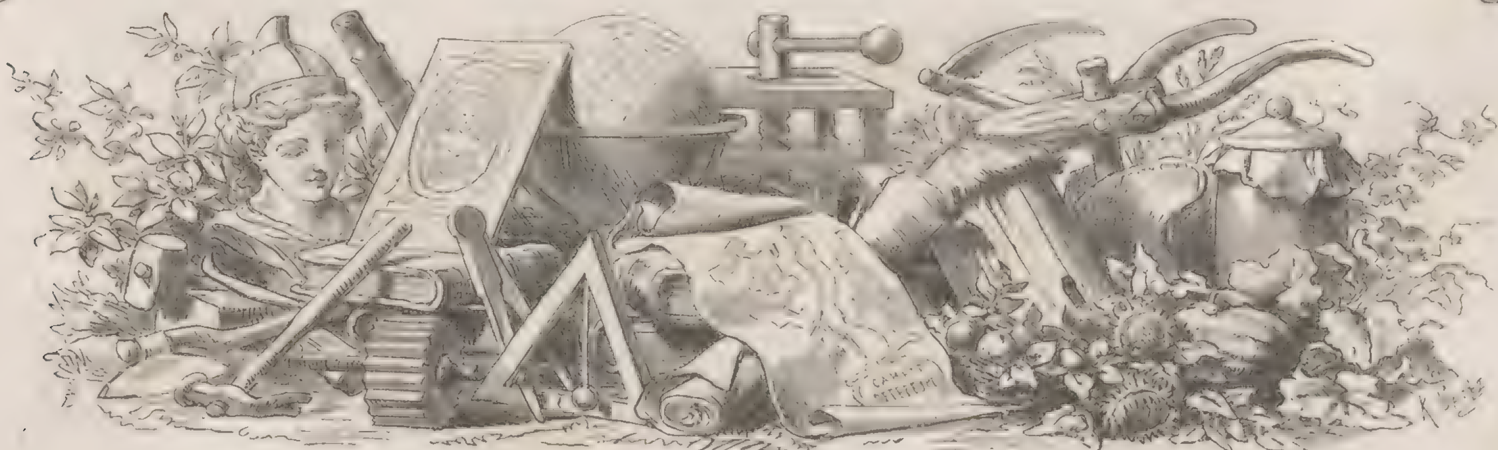

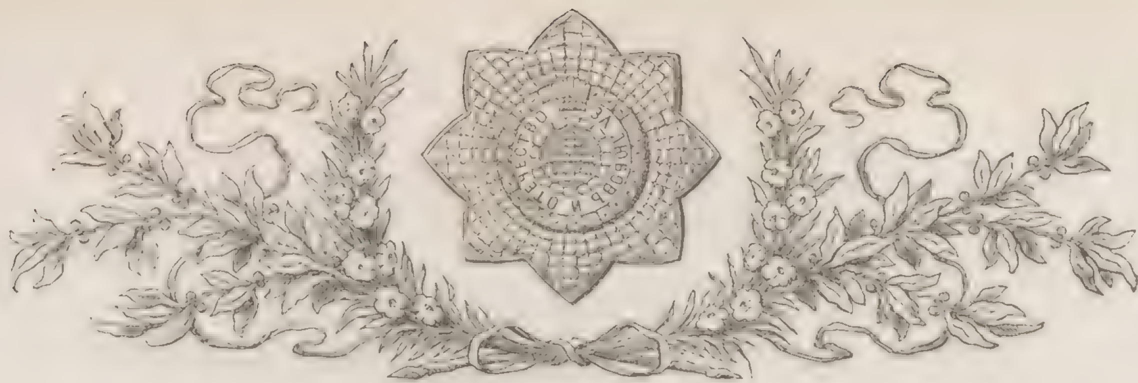

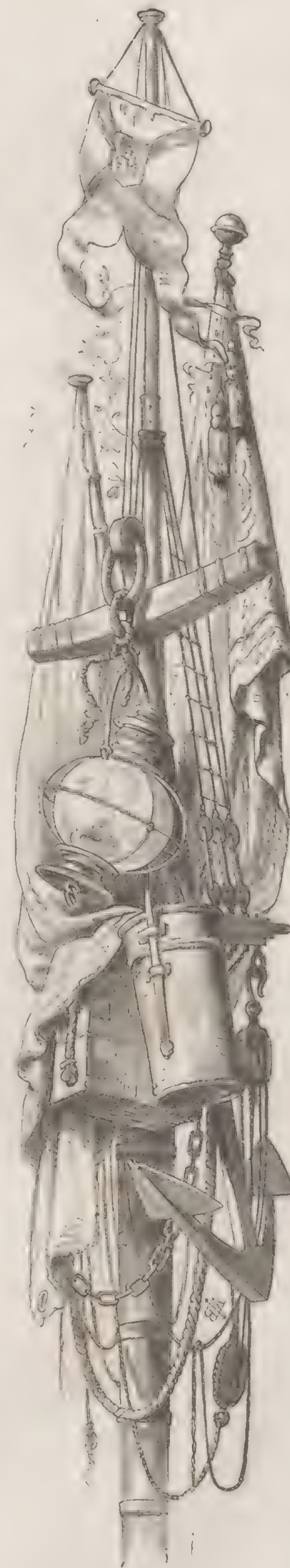

самыхъ волнъ широкой Невы, вставленный въ каменный футляръ державнымъ праправнукомъ. Застроенъ же этотъ домикъ одновременно съ земляною крѣпостью. Да и первое населеніе Петербурга, какъ города—замѣнившаго старый Ніэншанцъ,—началось собственно съ юго-восточнаго угла Березоваго, потомъ городского острова, гдѣ, при отдѣленіи отъ большой Невы широкаго протока (малой Невы), сухой возвышенный берегъ представлялъ больше удобствъ для застройки, тогда какъ западная, наиболѣе низменная, часть острова состояла изъ болотъ. Среди нихъ протекалъ и болотный притокъ, отдѣлявшій городской островъ отъ нынѣшняго Аптекарскаго, гдѣ при Петрѣ I еще заведенъ былъ ботаническій садъ, съ цѣлью выращать лекарственныя растенія, для аптекъ госпиталей, выстроенныхъ довольно рано въ сѣверо-восточномъ углу Березоваго острова, при впаденіи въ Неву рѣчки, называемой нами Карповкою—испорченнымъ финскимъ словомъ *Корпи-іоки* (болотная рѣчка). Въ юго-восточномъ углу городского (Березоваго) острова въ первыя десять лѣтъ существованія Петербурга было уже до десятка улицъ и слободъ, съ тысячью домиковъ. Въ улицахъ, приближавшихся къ Невѣ и шедшихъ отъ торговыхъ рядовъ, жилъ по преимуществу служилый классъ царедворцевъ и набережныя улицы по нимъ названы *Большою* и *Мало Дворянскими*. Въ первой имѣли дома всѣ приближонные къ царю вельможи, начиная съ губернатора А. Д. Меньшикова, до канцлера Головкина, включительно, окружая своими, и очень даже помѣстительными, жилищами маленькій домикъ государя—средоточіе общественнаго и дворскаго движенія. Пышный домъ Меньшикова назывался также посольскимъ, потому что въ немъ—зданіи, единственномъ по красотѣ и роскоши отдѣлки въ новомъ городѣ,—царь давалъ аудіенціи посламъ, пока не сгорѣлъ этотъ палацъ, на первый же день пріѣзда царицъ изъ Москвы (26 апрѣля 1708 г.). Ближайшій къ домику царскому, изъ выходящихъ на Б. Неву (въ большой набережной Дворянской улицѣ, къ самому изгибу Малой Невы) былъ домъ сибирскаго губернатора, князя М. П. Гагарина. За нимъ шли по порядку дома Головкина, оберъ-коменданта Брюса, вице-канцлера Шафирова, полковника Строева, князя-папы Зотова, переходившій отъ одного папы къ другому; также какъ и домъ князя-кесаря. Перпендикулярно къ Невѣ, отъ бывшихъ Ростовскихъ—*овощныхъ* рядовъ къ западу и служа границею съ юго-востока Троицкой площади—стояло мазанковое зданіе сената, въ два этажа, съ черепичною кровлею. Передъ нимъ, въ 1710 году построена и 10 іюля 1711 года освящена, деревянная церковь Троицы, сооружонная въ память троекратныхъ походовъ къ Выборгу; по обѣту царя, по взятіи этого города. Къ сѣверу отъ этого храма построенъ былъ обширный четыреугольникъ деревяннаго, двухъ-этажнаго гостинаго двора, черезъ который проходилъ ручей. На берегу его, внутри двора, стояла первая таможня петербургская. Къ западу же отъ гостинаго двора находился оружейный дворъ; а южнѣе его, мазанковый домъ петербургской типографіи, близъ котораго—у самаго моста, ведущаго въ крѣпость,—построена была *царская торжественная австе-*

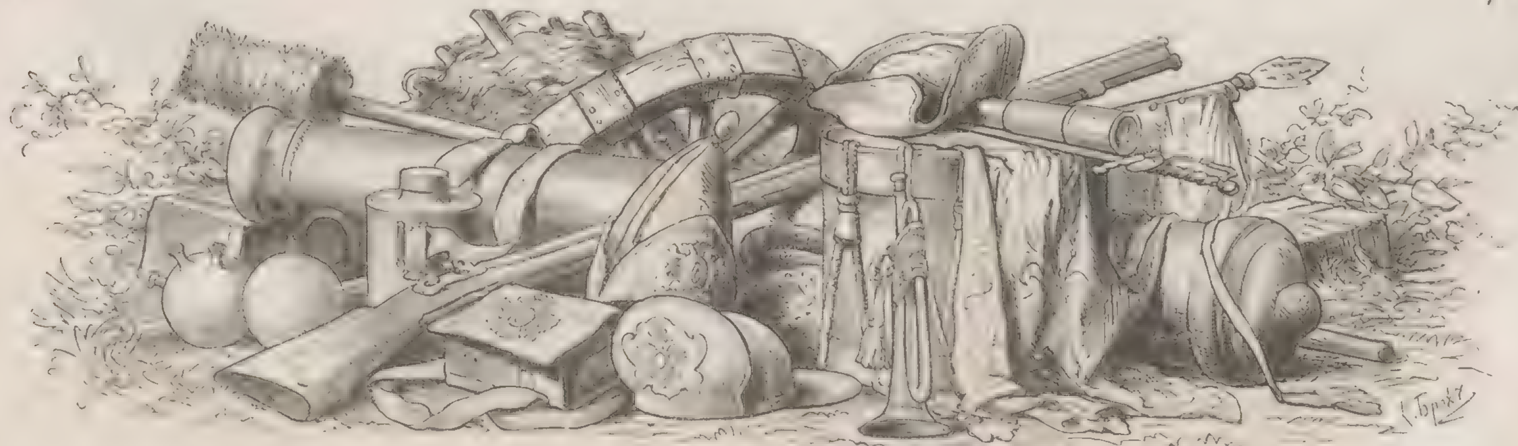

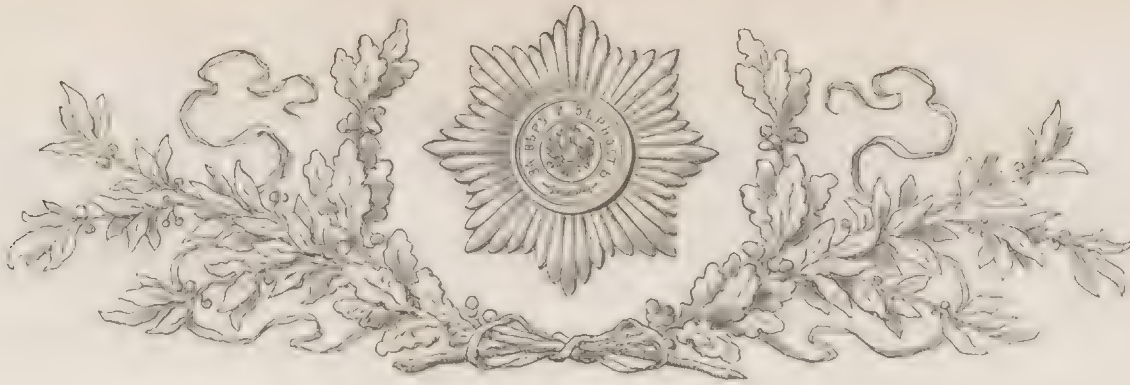

рія, гдѣ давались царскіе пиры; также какъ и на почтовомъ дворѣ и въ сенатѣ. Выходя изъ сената, не рѣдко Петръ заходилъ «въ адмиральскій часъ» въ эту австерію: выпить рюмку анисовки, да закусить кренделемъ. Между торжественною австеріею, сенатомъ и Троицкою пристанью на Невѣ не широкое пространство занято было площадью съ тріумфальною пирамидою, отъ которой, до пристани, въ дни тріумфовъ разставлялись декораціи и огненныя потѣхи съ транспарантами.—Вотъ центръ столичной жизни и мѣсто сборищъ народа въ лучшей одеждѣ, въ праздники. Послѣ литургіи, здѣсь бывало гулянье: толпы народа расхаживали по деревянной мостовой, людей смотря и себя показывая.

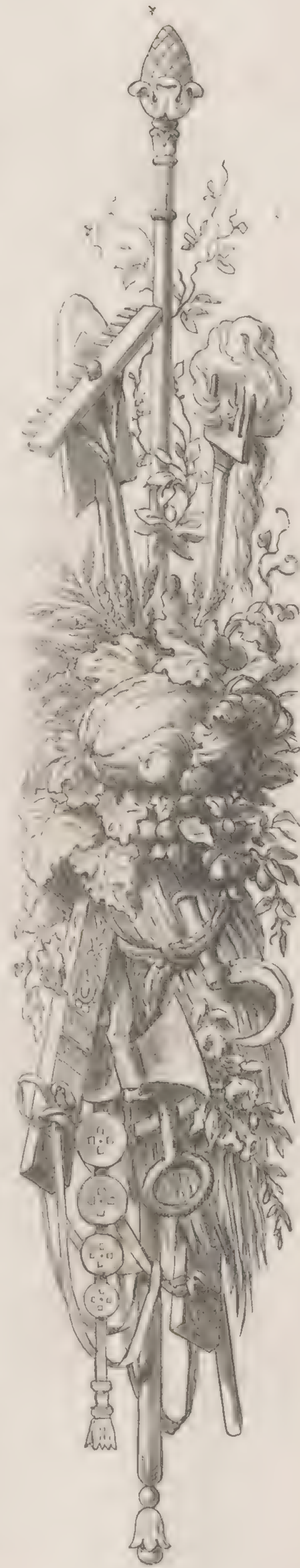
Адмиралтейскій островъ застроился уже въ 1705 г., изъ казеннаго лѣса и государственными работниками, благодаря могучей поддержкѣ администраціи, поставившей къ осени перваго года отъ учрежденія здѣсь верфи, уже 600 домовъ для служащихъ. Три-четыре тысячи человѣкъ постоянныхъ обитателей, обязанныхъ не отлучаться никуда, а жить непремѣнно тутъ, потребовали для прокормленія—по крайней мѣрѣ офицеровъ, оставшихся въ первые годы безъ семьи и хозяйства,—множества съѣстныхъ и харчевенныхъ заведеній, изъ которыхъ самое раннее завелъ, прибывшій изъ Гамбурга, Янъ Фельтенъ, получившій скоро, лестный для трактирщика,—титулъ *кухмейстера* Его Величества. Когда государь, у себя не державшій также хозяйства, сталъ самъ ходить сюда обѣдать; платя за столъ по серебряному рублю. Въ ресторанѣ Фельтена, вмѣщавшаго въ своемъ домикѣ (черезъ домъ отъ лѣваго края набережной улицы на Неву): и погребъ, и кухню, и продажу табака и, даже, бильярдъ. Скоро стали устраиваться здѣсь послѣобѣденныя собранія холостяковъ и безсемейныхъ. А когда, наконецъ, переселились семейства офицеровъ, или, благодаря смѣтливости общей свахи, жены Фельтена, устроились свадьбы многихъ изъ молодежи—собранія эти въ ресторанѣ получили характеръ нѣмецкихъ семейныхъ вечеровъ; гдѣ особы своего кружка, подъ музыку, предлагаемую даромъ содержателемъ, пускались въ танцы, конечно, расходуясь на угощеніе. Петръ былъ экономъ вездѣ и во всемъ и не могъ не подмѣтить накладности подобныхъ собраній для тощаго кошелька служакъ, жалованье которымъ, особенно изъ русскихъ, давалось очень умѣренное. Чтобы сохранить обычай, сложившійся самъ собою и обѣщавшій удобство: пріучить, мало по малу, русскихъ дикарей къ общежитію,—царь и завелъ даровыя, срочныя, *очередныя ассамблеи*, самъ написавъ для нихъ правила.

И вотъ чему обязаны своимъ происхожденіемъ эти собранія? — почитаемыя оригинальною выходкою Петра, на самомъ дѣлѣ, никого не неволившаго, хотя и совѣтывавшаго посѣщать ихъ, рекомендуя это и удостоивая присутствія своего собственнаго и всего семейства. Начало ассамблей, слѣдовательно, приходится искать въ первыхъ же годахъ заселенія адмиралтейскаго острова, т. е. по крайней мѣрѣ лѣтъ за десять до изданія указа (26 ноября 1718 г.), которымъ заявлено публичное учрежденіе ихъ.

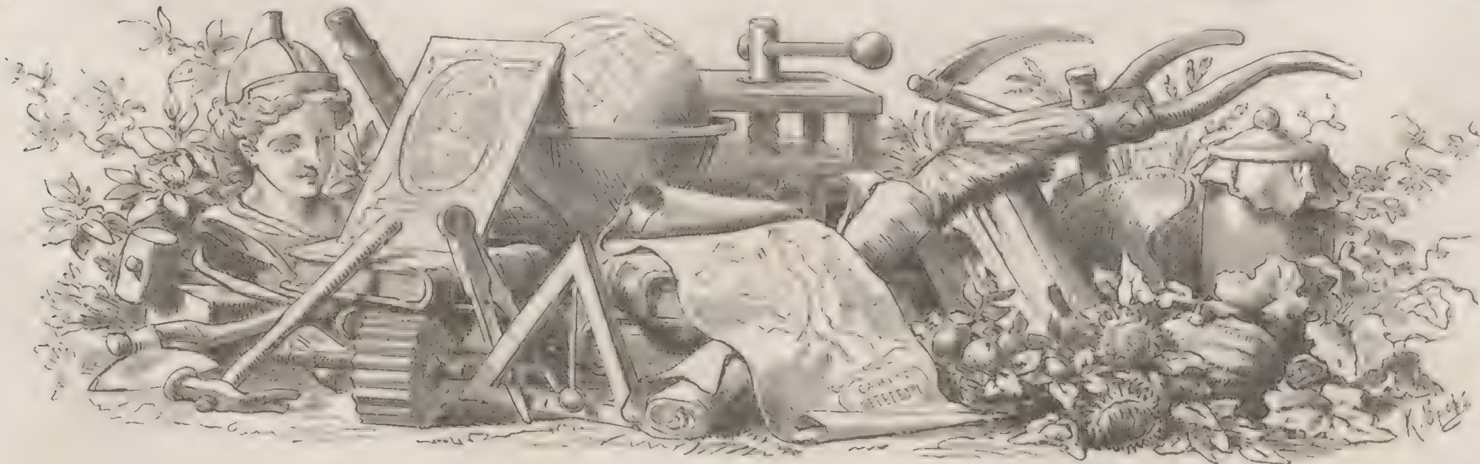

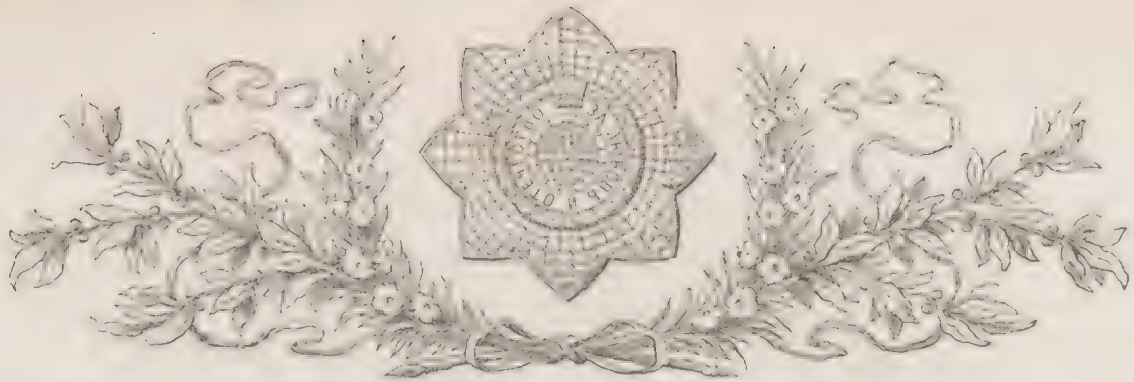

Адмиралтейскій островъ, въ двадцать лѣтъ Петрова царствованія, застроился, впрочемъ, далеко не весь.

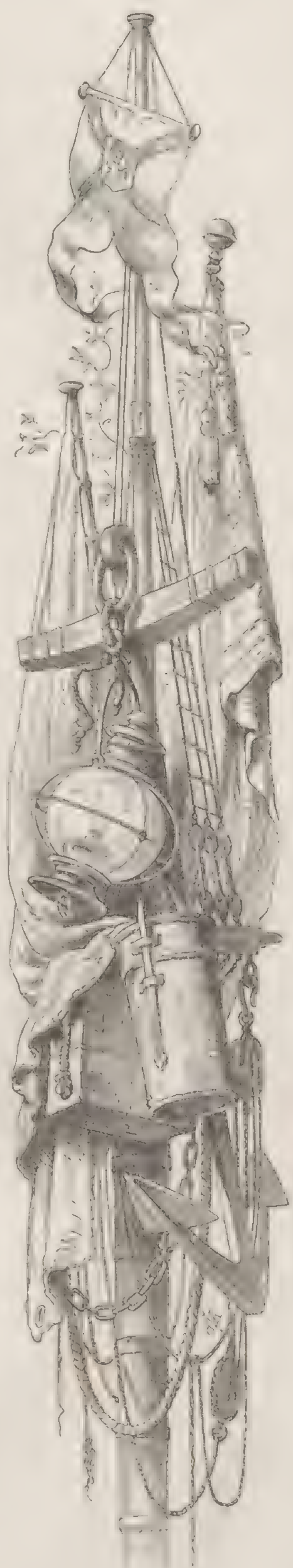
Сухія мѣста по берегу Мьи, (между нею и Невою, начиная отъ Царицына луга), въ первые четыре года (1705—9) заключали уже скученныя тѣсно четыре слободки, изъ которыхъ греческая—мѣсто жительство галерныхъ офицеровъ, была самая обширная. Она у нынѣшняго Конюшеннаго моста выходила на берегъ р. Мьи (Мойки) и шла по ней до *перспективой*—нынѣшняго Невскаго проспекта. Во время послѣдняго путешествія Петра въ Европу застроилась и набережная линія, начинаясь отъ почтоваго двора противъ Троицкой пристани до Адмиралтейской крѣпостцы. Первымъ стоялъ въ ней домъ молдавскаго господаря, князя Д. Кантемира; за нимъ слѣдовали дома: князя М. Голицына, Фельтена, двоихъ князей Долгорукихъ, прапорщика Чевкина, Корчмина «маіора отъ бомбардиръ» и интенданта царскаго Мошкова (отъ домика котораго въ 1718 г., царь велѣлъ пробить поперечную улицу къ Конюшенному мосту и теперь носящую прозваніе Мошкова переулка). За Мошковымъ переулкомъ уже все были дома морскихъ чиновъ, мастеровъ корабельныхъ: Ф. П. Пальчикова, Г. А. Меньшикова, Ѳ. Скляева, вице-адмирала Вильстера, мастера Ная и вице-адмирала Шельтинга, за которымъ слѣдовалъ домъ дворцовой канцеляріи, а за нимъ—*Зимній дворецъ*, выходившій *на дворцовый каналъ*, вырытый въ 1718 г. За подъемнымъ мостомъ, переброшеннымъ черезъ этотъ каналъ, шли къ адмиралтейству дома: корабельнаго мастера Броуна, гофмаршала Олсуфьева, адмирала Крюйса (на дворѣ котораго была первая церковь лютеранская Св. Петра, до 1728 г.), Шепелева, генералъ-адъютанта П. И. Ягужинскаго, члена адмиралтействъ коллегіи, генералъ-маіора Г. П. Чернышева, коммиссара флота графа Саввы Владиславовича Рагузинскаго и генералъ-адмирала, графа Ѳ. М. Апраксина—у самаго адмиралтейства. Домъ Апраксина, нанятый для герцога голштинскаго, передъ свадьбою его съ цесаревною Анной, завѣщанъ умиравшимъ Апраксинымъ императору Петру II, и сдѣлался при Аннѣ зимнимъ дворцомъ, перестроеннымъ графомъ Растрелли (соединившимъ его съ бывшимъ домомъ Кикина—потомъ морскою академіею). При Елизаветѣ Петровнѣ, утвердившей проэктъ обширнаго зимняго дворца, представленный графомъ Растрелли сыномъ — въ составъ общаго зданія вошли и сосѣдніе дома: Рагузинскаго, Чернышева и Ягужинскаго. При Екатеринѣ же II и всѣ остальные дома до канала присоединены ко дворцу; переброшена арка черезъ каналъ; да, на мѣстѣ второго зимняго дворца Петра I,—гдѣ великій скончался—возникъ эрмитажный театръ. И составился такимъ образомъ тотъ городъ соединенныхъ построекъ, который разумѣемъ мы подъ именемъ дворца императорскаго, *зимняго*.

Подлѣ адмиралтейства, у Невы, еще въ 1707 г. построена церковь Исаакія. За нею галерный дворъ съ адмиралтейскими мастерскими и кузницами, да рядомъ домовъ морскихъ чиновъ на Неву — граничилъ съ слободою солдатъ гарнизоннаго Шневенцова полка, доходившею до галернаго адмиралтейства (Новой Голландіи).

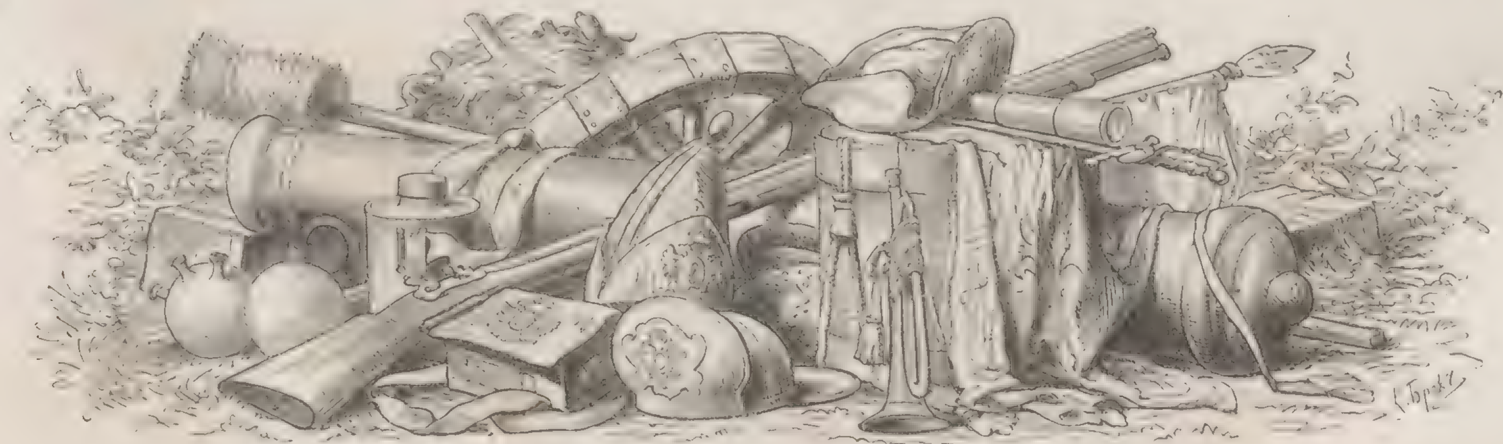
Противоположный берегъ Невы на Васильевскомъ острову,—сперва подаренномъ вполнѣ Меньшикову,—съ 1714 г. рѣшено застраивать. Дома на Неву, благодаря строгимъ настояніямъ правительства, передъ смертію Петра уже стояли сплошнымъ рядомъ. Домъ перваго владѣтеля — Меньшикова, застроенный въ 1710 году, занималъ своими обширными садами и хозяйственными устройствами почти весь юговосточный уголъ острова, къ Невѣ. Только въ двадцатыхъ уже годахъ минувшаго вѣка по берегу Невки построены первые каменные дома, по сосѣдству съ гостинымъ дворомъ, и началось сооруженіе зданія 12 коллегій (нынѣ университетъ). Рядомъ же съ нимъ, недостроенный дворецъ умершей царицы Прасковьи Θеодоровны назначенъ подъ академію наукъ, проэктъ которой утвердилъ Петръ за годъ до смерти своей.

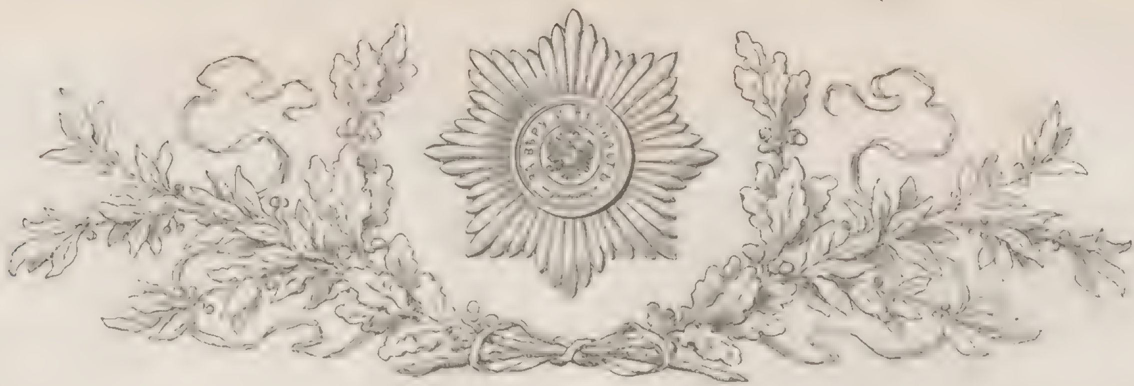
Если ко всему, очерченному нами, прибавимъ мы застройку берега Выборгской стороны—батальономъ строеній (отъ церкви Сампсона внизъ), начатыми госпиталями морскихъ и сухопутныхъ чиновъ на Неву; да, далѣе вверхъ, за слободою госпитальныхъ служителей, лѣсныя биржи на пристаняхъ—то съ сѣверовостока мы совсѣмъ опредѣлимъ границы Петрова Петербурга. Противъ Выборгской, берегъ Невы былъ застроенъ четырьмя артиллерійскими слободами и Литейнымъ дворомъ; тогда какъ, на Фонтанку, противъ Лѣтняго сада, уголъ къ Невѣ занималъ казенный запасный дворъ, а отъ него, къ Литейной, шелъ каналъ, на мѣстѣ Косого Дементьева переулка. Въ этомъ же направленіи, къ Невѣ, у Литейной улицы выходили бани и постоялые дворы, сгорѣвшіе въ 1722 году.

За Литейнымъ же каналомъ, на Фонтанкѣ, была построена въ 1717 г. партикулярная верфь, снабжавшая судами невскій флотъ. За нею шолъ Хамовный дворъ, съ слободой придворныхъ служителей (по Литейной улицѣ и у *Итальянскаго дома* на мѣстѣ Екатерининскаго института). За Мойкою, съ 1712 года быстро застроились слободы переселенныхъ изъ разныхъ губерній на постоянное житье, мастеровыхъ и работниковъ, образовавшихъ *шесть переведенскихъ*, а потомъ (изъ нихъ) *три мѣщанскія улицы*.

Вотъ и весь Петербургъ при Петрѣ I!—раскинутый на обширномъ пространствѣ, если угодно, но за болотами не могшій еще соединить разрозненныхъ, отдѣльныхъ членовъ своего богатырскаго тѣла, очерченныхъ широко самимъ еще державнымъ основателемъ.

Въ этомъ Петербургѣ,—какъ только умеръ Петръ I,—преемница его сочла первымъ дѣломъ почтить память Великаго вещественнымъ монументомъ, надъ прахомъ почившаго. Живописецъ Каравакъ, шведскій архитекторъ графъ Тессинъ и скульпторъ графъ Растрелли оспаривали другъ у друга честь порученія: выполнить надгробный памятникъ Петру I въ Петропавловскомъ соборѣ. Растрелли опирался на порученіе самого Петра: сдѣлать его конную статую по образцу римскихъ императоровъ, для украшенія (имѣвшейся въ виду по проэкту соперника его Леблона,) площади для экзерцицій, на Васильевскомъ острову. Поспѣшивъ снять съ умершаго Петра маску и форму всей фигуры,

Растрелли выполнилъ изъ воску дѣйствительно самую схожую, сидящую фигуру перваго нашего императора въ натуральный ростъ; одѣвъ ее въ то платье, которое было на Петрѣ въ день коронованія Екатерины и покрывъ голову монарха парикомъ, изъ его же волосъ. Съ помощью механизма, для полнаго обмана, искусникъ Растрелли сдѣлалъ даже, что монархъ поднимался съ своего трона;—чѣмъ приводилъ въ ужасъ неприготовленныхъ зрителей. Фигуру эту хвалили, ласкали и самого исполнителя ея, однако, передавъ статую на храненіе въ Музей Императорской Академіи Наукъ—о памятникѣ забыли. По крайней мѣрѣ, со смертью Екатерины и паденіемъ Меньшикова, уже не упоминали о немъ. Каравакъ, между тѣмъ, имѣя сильныхъ заступниковъ въ придворныхъ, хлопоталъ о мраморной группѣ на могилѣ царя, представивъ рисунки и смѣту и желая, чтобъ работу передали его брату. И это также не состоялось. Графъ же Тессинъ, бывшій въ Петербургѣ во время смерти царя, устроивалъ «castrum doloris» и рекомендовалъ украшенія траурной залы оставить въ Петропавловскомъ соборѣ, во временной церкви, въ томъ же видѣ. Поддержка со стороны голштинскаго герцога и цесаревны Анны совсѣмъ было устроила дѣло, но, неумѣстная и неосновательная ревность къ этому придворному художнику герцога Карла Фридриха — все испортила.

Снова, съ воцареніемъ Анны, начавъ ходатайство объ уплатѣ причитавшихся за старыя работы денегъ, Растрелли, все время жившій въ Петербургѣ, затронулъ самую чувствительную струну государыни: вылѣпилъ ея собственную фигуру въ пышномъ придворномъ нарядѣ; успѣвъ придать лицу суровой дочери царя Ивана особенную пріятность. Поэтому ходатайства получили ходъ и, послѣ заказа: выполнить статую Ея Величества изъ бронзы, въ полный ростъ, разрѣшено заказать Растрелли — памятникъ Петру I для площади противъ коллегій и академіи наукъ, бронзовый же. Для предполагаемыхъ большихъ работъ устроили Растрелли литейную мастерскую и дали артиллерійскихъ литейщиковъ, но самъ скульпторъ, настолько знаменитый интриганъ-прожектеръ, ничего почти не дѣлалъ для памятника Петра во все царствованіе Анны. Его, по модели Растрелли, вылилъ изъ металла уже при Елизаветѣ, и даже по смерти автора модели, литейщикъ Мартелли (1747 г.), трудъ котораго, начатый отдѣлываться въ форму памятника, остановленъ при подачѣ проекта Ломоносовымъ.

Безсмертный авторъ «Петріады», изобрѣтя самъ свою мозаику изъ стекла, задумалъ подъ куполомъ Петропавловскаго собора воздвигнуть мавзолей Петру изъ фигуръ золоченой бронзы, полудрагоцѣнныхъ камней, добытыхъ въ русской землѣ, и мозаическихъ картинъ, представлявшихъ побѣды преобразователя надъ врагами его. При посредствѣ Шувалова и Воронцова, идеямъ Ломоносова данъ полный ходъ. Для заведенія стекляннаго завода — гдѣ бы онъ могъ выдѣлывать смальту (цвѣтное стекло) — даны средства изъ казны и мыза Усть-Рудицы (въ Ямбургскомъ уѣздѣ). Такъ что, при необыкновенномъ усердіи и глубокихъ свѣдѣніяхъ въ химіи, Ломоносовъ ско-

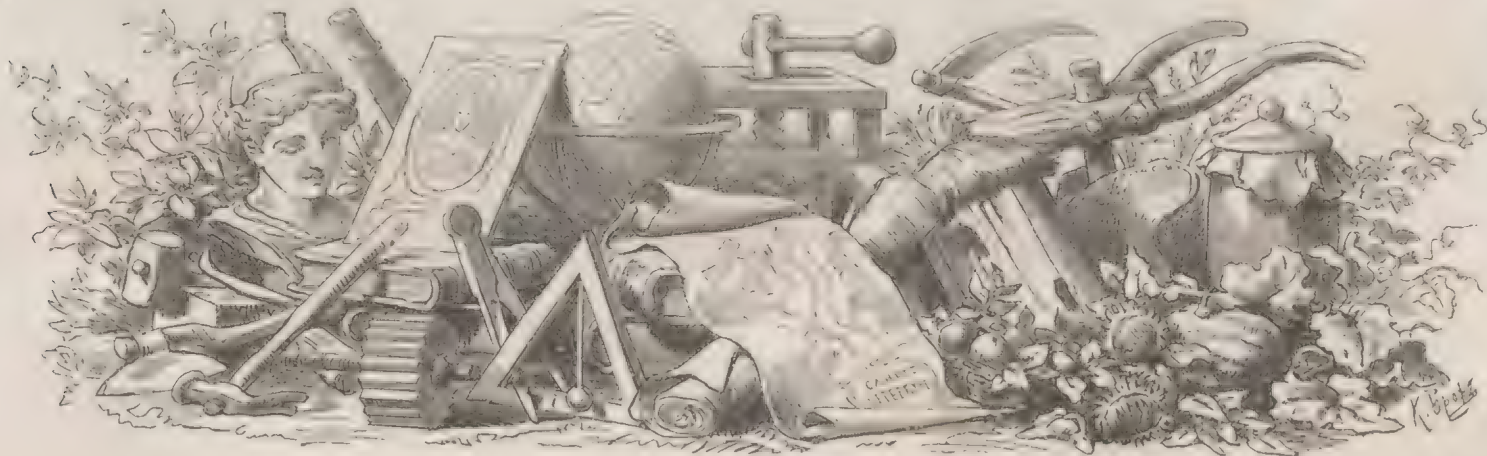

Рис. Г. Бролингъ, грав. К. Вейерманъ.

Празднованіе 30-го мая 1872 года.

Народное гулянье на Ходынскомъ полѣ, въ Москвѣ.

Рис. А. О. Адамовъ, грав. Л. А. Спряковъ.

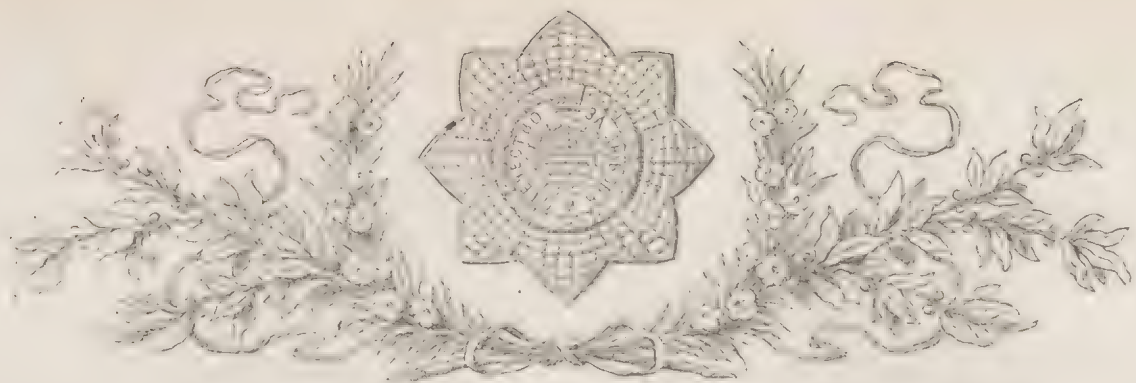
Медаль, выбитая въ С.-Петербургѣ въ память 200-лѣтняго юбилея дня рожденія Петра Великаго.

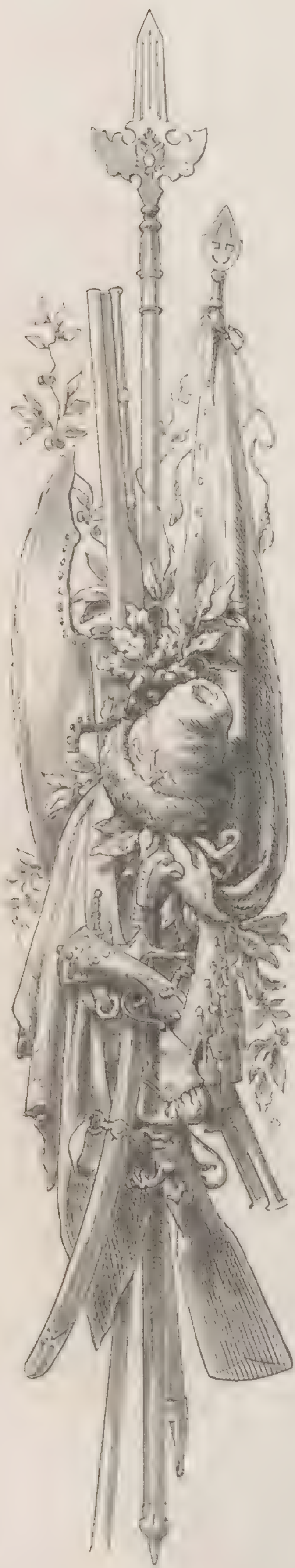

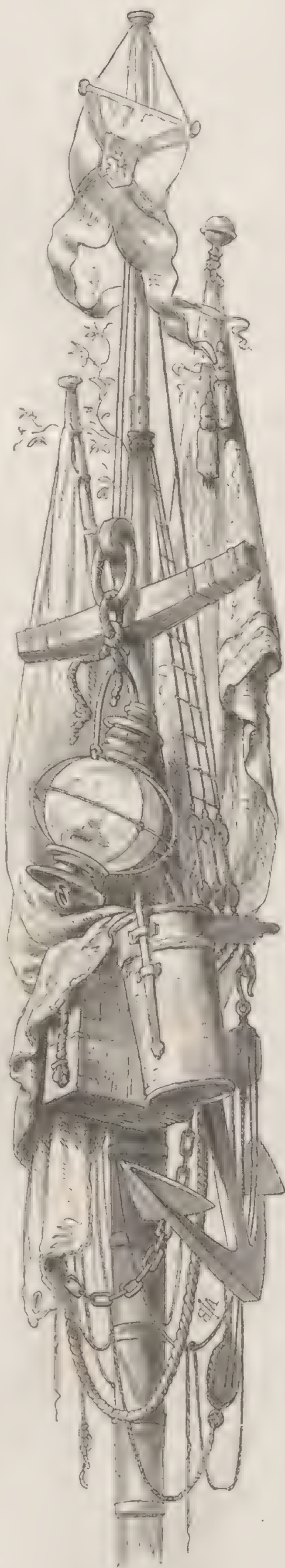
Рис. Г. Бролингъ, грав. К. Вейерманъ.

Празднованіе 30-го мая 1872 года.

Торжественный молебенъ въ г. Петровскѣ, на Кавказѣ.

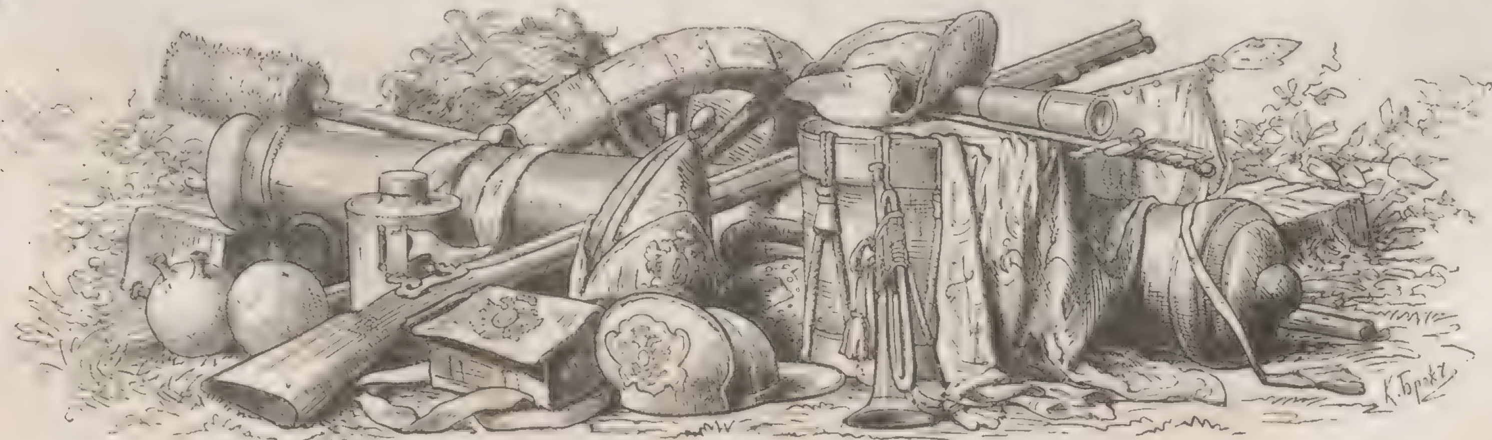

ро успѣлъ приготовить матеріалъ, научить работниковъ дѣлу, прибрать оригиналы для выполненія въ мозаикѣ и, всего въ пять лѣтъ, уже привелъ къ концу первую громадную картину (три сажени въ ширину и 2 въ вышину) «Полтавская баталія». И, не умри Елизавета въ 1761-мъ году, да самъ Ломоносовъ за нею (1765 г.),—лѣтъ черезъ пять еще—колоссальное предпріятіе его достигло бы полнаго осуществленія. Со смертью же геніальнаго учонаго-изобрѣтателя, Екатерина II не видѣла никакой возможности довести дѣло до конца, и остановившись на новой идеѣ: *памятника публичнаго*—объявила конкурсъ на него въ своей столицѣ и въ Парижѣ. Французскіе художники Фаю, Кусту, Васу и Фальконетъ откликнулись на этотъ вызовъ «Сѣверной Минервы» и представили эскизы. Судъ знатоковъ лучшимъ изъ нихъ нашолъ трудъ послѣдняго и Фальконетъ, ученикъ Лемуаня, въ 1765 г. получилъ заказъ, съ условіемъ окончить работу колоссальной группы изъ бронзы въ восемь лѣтъ.

Прибывъ въ С.-Петербургъ въ 1766 году, въ три первые года безсмертный художникъ успѣлъ выполнить совсѣмъ модель конной группы, *взлетающаго на скалу всадника;* въ ту самую величину, какъ должно было отлить ее изъ бронзы. Принялись искать цѣльнаго камня, который долженъ былъ служить ея натуральнымъ подножіемъ. Нашли наконецъ (въ сентябрѣ 1768 г.) отломокъ скалы, поверженный громомъ въ болото, въ 6-ти верстахъ отъ Лахты. Глыба камня пепельнаго цвѣта была длиною въ 44, шириною въ 22 и высотою въ 27 футовъ. Она сидѣла въ землѣ на 2 сажени. Съ неимовѣрными усиліями, 400 человѣкъ въ продолженіе 9-ти мѣсяцевъ, тащили ее восемь слишкомъ верстъ до залива, гдѣ успѣли погрузить эту массу въ затопленное судно (23-го августа 1770 г.). Екатерина осматривала камень, какъ его вынули изъ ямы, и какъ начали перетаскивать. День послѣдняго посѣщенія великой монархини (20-го января 1770 г.) обозначенъ на медали съ надписью «дерзновенію подобно». Мѣсяцъ цѣлый везли водою камень до выгрузки. Громадность операціи на столько казалась необыкновенною, что у зрителей слышались одни звуки, выражавшіе удивленіе. И это-то впечатлѣніе на современниковъ выразилось очень удачно въ четверостишіи Рубана на этотъ случай:

Нерукотворная здѣсь Россская гора
Внявъ гласу Божію изъ устъ Екатерины
Пришла чрезъ Невскія пучины
И — пала подъ стопы Великаго Петра.

Сентября 11-го 1770 г. каменная масса, наконецъ, заняла свое мѣсто; но появленія всадника пришлось ожидать еще двѣнадцать лѣтъ. Громадность размѣровъ колосса пугала литейщиковъ. Вызванъ былъ (1-го мая 1772 г.) изъ Парижа искусный мастеръ Эрсманъ и за 140,000 франковъ взялся произвести отливку. Онъ построилъ печь, которая всѣми знавшими дѣло найдена удовлетворительною. Съ Фальконетомъ ладивъ сперва, Эрсманъ

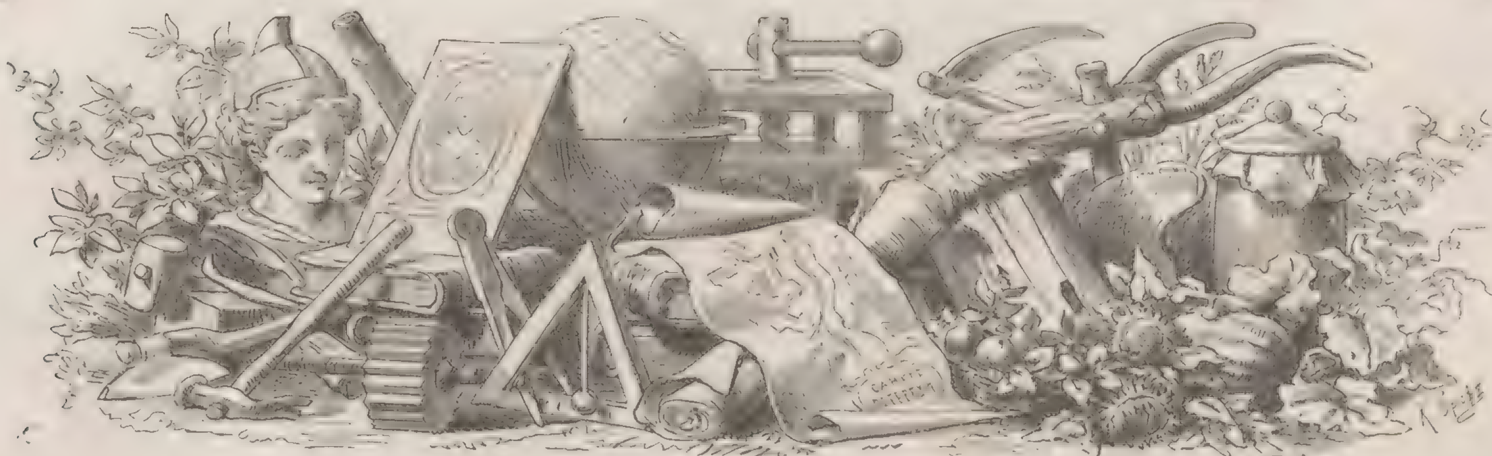

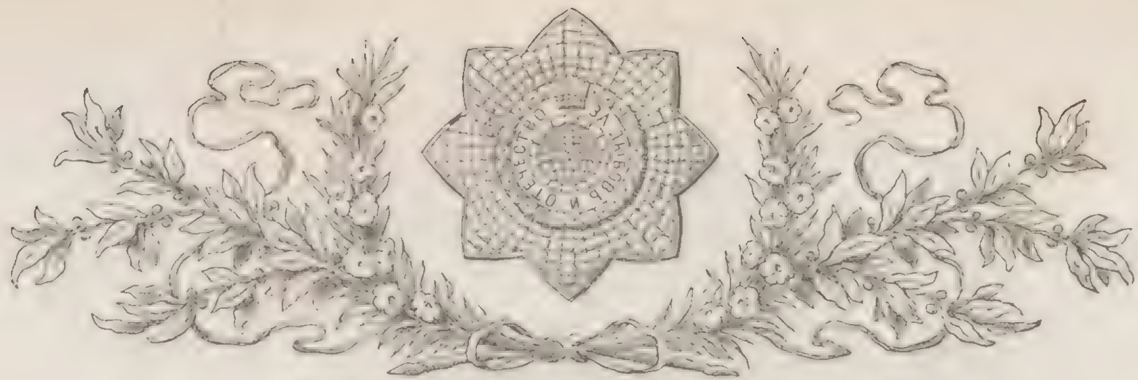
впослѣдствіи, однако, разсорился; расходясь во взглядѣ на толщину, которую слѣдовало дать бронзовому изваянію. Разсчоты Фальконета ему казались невозможными и авторъ группы самъ, съ удаленіемъ его (іюня 1774 г.) принялся приводить въ исполненіе свои намѣренія. Августа 25-го 1775 г. наконецъ отливка произведена и, можно сказать, удачно. Потому что, по случаю порчи одной трубки, грозившей несчастіемъ всему труду, задержанный во время металлъ не прошолъ только въ конецъ хвоста коня, въ двухъ мѣстахъ (на 2 фута всего). Это, при тридцати футовой высотѣ всего колосса, было такіе пустяки, о которыхъ и говорить не стоило.

Между тѣмъ, они навлекли, кажется, тѣ послѣднія непріятности, которыя заставили художника уѣхать изъ Петербурга при начатіи чеканки; не дождавшись открытія безсмертнаго своего творенія. Оно совершилось уже 7-го августа 1782 г. особенно торжественно. Екатерина II, истративъ на все предпріятіе около 425,000 руб., приказала передать въ гравюрѣ и подробности нахожденія, обдѣлки и перетаскиванія камня, въ ея августѣйшемъ присутствіи. Гравюры эти въ нашемъ изданіи переданы съ возможною точностію.

Пріемникъ Екатерины II поставилъ великому прадѣду памятникъ (по модели Растрелли, отлитый при Елизаветѣ) передъ Михайловскимъ замкомъ, въ 1800 г. Пьедесталъ исполнилъ строитель этого замка Бренна. Сыновья Павла I, Александръ I и Николай I, почтили тоже памятниками въ г. Полтавѣ и на мѣстѣ самаго боя, подвиги великаго Петра, какъ воителя.

Затѣмъ, при Николаѣ I, основанный Петромъ I, городъ Кронштадтъ украсился полуколоссальною фигурою великаго монарха, по проэкту скульптора Жака (1840 г.). Обелиски близъ Переяславля (на берегу Плещеева озера) и у Красныхъ Сосенъ на Невѣ—тоже сооружены въ предшествующее царствованіе. И мѣсто заведенія обширной верфи для Азовскаго флота—Воронежъ,—не осталось безъ вещественнаго представленія Петра, направляющаго впередъ ходъ русскаго корабля, до него не двигавшагося.

XX.

ПРАЗДНОВАНІЕ ДНЯ 30 МАЯ 1872 Г.

Какъ извѣстно, публичное почтеніе заслугъ составляло самую характерную черту въ жизни Петра I, и потомство относительно его теперь выполнило только свою обязанность, почтивъ заслуги Великаго — припоминаніемъ ихъ.

Благодаря повсемѣстному распространенію въ публикѣ слуха о предстоящемъ двухсотлѣтіи со дня рожденія Великаго Петра, этотъ высоко-знаменательный день въ исторіи русскаго просвѣщенія всюду поспѣшили отпраздновать, какъ только позволяли мѣстныя средства.

Въ основанномъ Петромъ Петербургѣ, еще за два года поговаривали о необходимости выказать общее уваженіе къ памяти преобразователя — празднествомъ, въ которомъ выказался бы и духъ того времени и даже мотивы, наиболѣе любимые нашимъ первымъ императоромъ. Но, пока здѣсь шли разсужденія и толки какъ бы достигнуть удовлетворительнѣе: разрѣшенія нелегкой задачи, — Москва заявила непремѣнное желаніе отпраздновать торжественно юбилей Петра, соединивъ его съ учрежденіемъ общей политехнической выставки, въ стѣнахъ своихъ. Въ минувшемъ году основныя черты московскаго празднованія были уже въ общемъ приняты и утверждены, когда, при С.-Пб. городской Думѣ образована комиссія для празднованія здѣсь *дня 30 мая 1872 года*. Между идеями, заявленными комиссіи, однимъ изъ первыхъ — было предложеніе повторить этнографическую процессію, въ томъ видѣ, какъ выполнилъ ее Петръ при праздновании Ништадтскаго мира, въ Петербургѣ и Москвѣ. Предлагалась также иллюминація съ транспарантами, на которыхъ бы выставлены были главнѣйшія дѣянія Петра съ

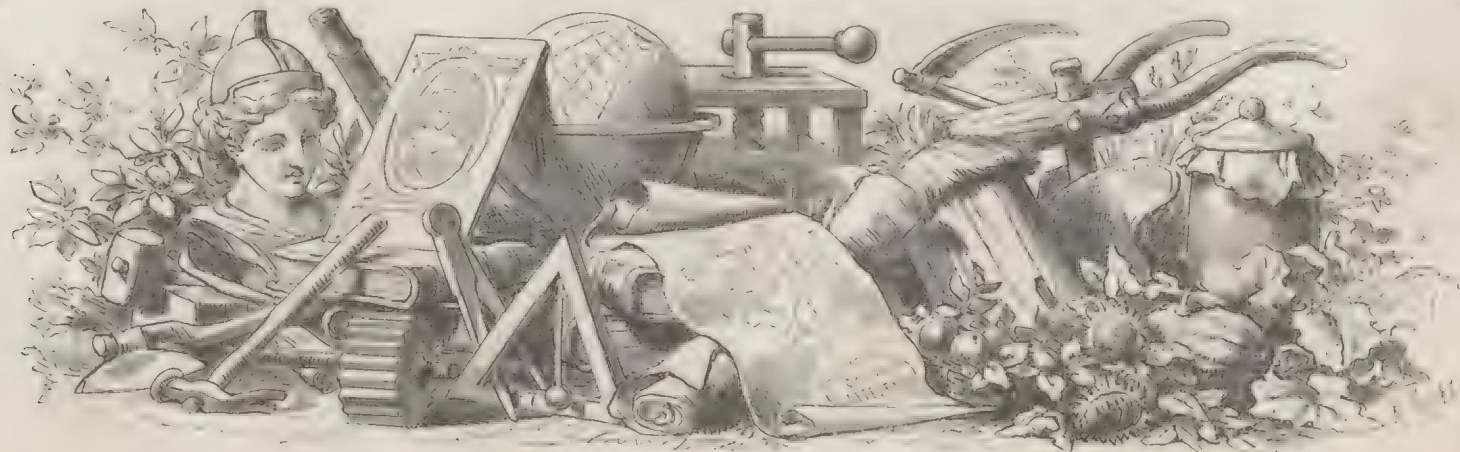
приличными, во вкусѣ его, надписями и девизами. Но, обѣ эти идеи оставлены за громадностью, какъ говорили, затратъ на нихъ. Комиссія вошла въ соглашеніе съ яхтъ-клубомъ и хотѣла сперва устроить нѣчто напоминающее эволюціи Невскаго флота Петра на Невѣ, гдѣ бы ботикъ «дѣдушка русскаго флота» занималъ главную роль, какъ непосредственный представитель великой эпохи и даже причина, хотя и случайная, самаго учрежденія морской силы въ Россіи.

Наконецъ, въ началѣ 1872 года, образована по Высочайшей волѣ правительственная уже комиссія изъ представителей министерствъ: внутреннихъ дѣлъ, военнаго, морского, императорскаго двора, совмѣстно съ представителями города, членами думы, подъ предсѣдательствомъ члена Госуд. Сов. П. Н. Игнатьева. Комиссія эта, въ избраніи мотивовъ торжества, остановилась на декораціи Царицына луга картинами изъ жизни Петра и устройствомъ народнаго гулянья на немъ, по составленіи приличнаго случаю церемоніала, устройствѣ мѣстъ на Петровской площади и изготовленіи медали.

Въ составъ церемоніала празднованія дня 30-го мая 1872 г. въ Петербургѣ, входило главнѣйшимъ образомъ почтеніе памяти Великаго основателя столицы. Для этого всѣ вещи и предметы, напоминавшіе Петра, какъ то: его верейка, мундиръ полтавскій съ простреленною шляпою и шпагу, вмѣстѣ съ иконою — спутницею походовъ, хранящеюся въ домикѣ на петербургской сторонѣ,—назначено нести въ процессіи.

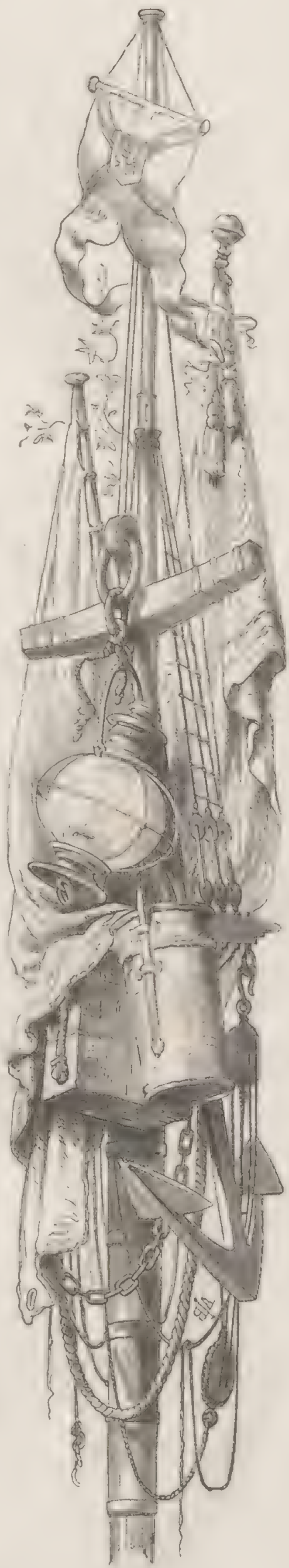
Торжество, возвѣщенное выстрѣлами съ крѣпости, началось съ передачи морякамъ верейки Петра, для перевоза къ памятнику его—къ Петровской площади. Въ то же время придворное духовенство, взявъ въ домикѣ икону, украшенную наканунѣ новою золотою ризою, съ крестнымъ ходомъ, въ сопровожденіи цеховъ и прочихъ городскихъ депутацій, совершило перенесеніе этой святыни въ Петропавловскій соборъ, гдѣ, въ присутствіи Его Величества, митрополитомъ совершена соборная панихида надъ гробомъ Петра I. Послѣ же панихиды Государь Императоръ, принявъ изъ рукъ министра финансовъ, выбитую по случаю настоящаго юбилея, золотую медаль, возложилъ ее на гробъ Великаго предка—какъ почотъ отъ признательнаго потомства за жизнь, посвященную всецѣло благу отечества. Послѣ панихиды Его Величество, съ особами Августѣйшаго Дома, изволилъ переѣхать къ Исаакіевскому собору, гдѣ, на площадяхъ Петровской и Исаакіевской, уже разставлено было по диспозиціи войско. Государь сѣлъ на коня и со свитою проѣхалъ по фронту къ Петровской пристани, на которой водружена была Петрова икона Спасителя.

Передъ нею совершено было установленное молебствіе и послѣ него, вслѣдъ за святынею, внесены въ Исаакіевскій соборъ *Петровы вещи* (названныя въ церемоніалѣ *достопамятностями*). Передъ вратами храма встрѣтило монарха обычнымъ образомъ духовенство; затѣмъ началась обѣдня. Послѣ же священнослуженія, крестный ходъ съ Петровыми вещами и иконою Спа-

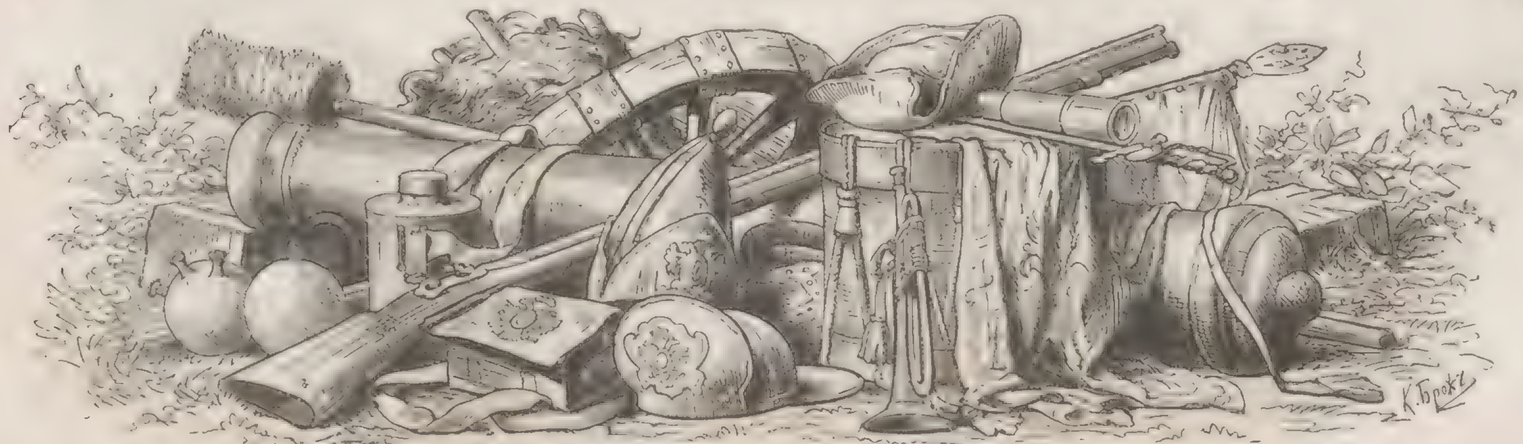
сителя, направился изъ собора къ монументу, украшенному цвѣтами и растеніями.—Передъ памятникомъ совершено еще разъ молебствіе, и по возвращеніи крестнаго хода начался парадъ.

Въ зданіи сената, декорированномъ довольно привлекательно, всѣ окна были открыты и полны зрителями обоего пола, въ пышныхъ туалетахъ. Всѣ заняты были и мѣста, устроенныя комиссіею и частными лицами, передъ зданіями, по обоимъ краямъ Петровской площади и далѣе около манежа. На мѣстахъ— зрителямъ, также какъ и на Царицыномъ лугу во время гулянья, раздавались отпечатанныя брошюры съ портретомъ Петра I *). Съ окончаніемъ парада войскъ открылся народный праздникъ на Царицыномъ лугу, гдѣ на двухъ открытыхъ сценахъ давали пьесы «Купецъ Иголкинъ» и «Дѣдушка русскаго флота».

Благодаря всѣмъ извѣстной заботливости о народныхъ увеселеніяхъ градоначальника столицы Ѳ. Ѳ. Трепова, за его управленіе праздники на Царицыномъ лугу приняли, опредѣлившійся вполнѣ уже, характеръ веселья совсѣмъ по вкусу тѣхъ классовъ общества, для которыхъ они назначаются, — потому объ упражненіяхъ охотниковъ до призовъ говорить особенно неприходится. Можно прибавить одно, развѣ, что гулянье въ полномъ смыслѣ на распашку, хотя безъ малѣйшаго безпорядка, къ полному удовольствію гулявшихъ, продолжалось до глубокой ночи: при звукахъ музыки, пляскѣ, пѣсняхъ и взаимномъ угощеніи земляковъ и землячекъ. Но, особенность этого гулянья заключается въ счастливо разрѣшонной комиссіею празднованія идеѣ наглядно показать народу подвиги Петра I.—По программѣ, зрѣло обдуманной, нѣсколько художниковъ выполнили для комиссіи клеевыми красками тридцать картинъ **) обнимавшихъ всѣ видные случаи, богатой событіями, дѣятельности нашего преобразователя. Надписи же подъ картинами дополняли поясненіе изображоннаго такими еще фактами, которыхъ кисть представить не могла, а онѣ, между тѣмъ, для цѣльнаго выраженія характера событій и эпохи, оказывались необходимыми. Народъ оцѣнилъ эту о немъ заботливость и нетолько въ день гулянья, но и во все время, пока стояли картины, толпы народа толпились около нихъ, слушая чтеніе грамо

*) «Петръ Великій», очеркъ жизни перваго императора, составилъ П. Н. Петровъ, и «Описаніе картинъ изъ жизни Петра I». Н. О.—Комиссія празднованія юбилея отпечатала и роздала по 10,000 экземпляровъ каждой брошюры.

**) Картины разставлены были въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Тиммерманъ показываетъ Петру употребленіе астролябіи; 2) Карстенъ Брандтъ спускаетъ ботъ на Яузу (1688 г.); 3) Петръ съ потѣшными у крѣпостцы Пресбургъ; 4) Петръ въ Лаврѣ (1689); 5) Петръ въ Архангельскѣ; 6) Взятіе Азова; 7) Петръ въ Амстердамѣ, на верфи (1697); 8) Петръ въ Воронежѣ снаряжаетъ флотъ (1699); 9) Петръ куетъ желѣзо; 10) Петръ испытываетъ знанія дворянъ, возвратившихся изъ Европы. 11) Взятіе Нотеборга (1702). 12) Бой въ устьяхъ Невы (1703). 13) Основаніе Петербурга. 14) Покореніе Нарвы (1704). 15) Бой при Лѣсномъ (1708). 16) Полтава (1709). 17) Основаніе Сената (1711). 18) Петръ при Прутѣ (1711) и 19) Гангеуддѣ (27 іюля 1714). 20) Командованіе 4-мя флотами (1716). 21) Петръ въ Парижѣ (1717). 22) Заботы Петра о фабрикахъ; 23) ассамблея; 24) посѣщеніе царемъ богадѣльни и школы; 25) извѣщеніе о мирѣ (4 сент. 1721 г.) 26) Петръ I—императоръ (22 окт. 1721). 27) Взятіе Дербента (авг. 23 1722); 28) Петръ I на Тверецкомъ шлюзѣ (февр. 1725). 29) Перенесеніе мощей Св. Александра Невскаго въ С.-Пб. (30 авг. 1724) и 30) Петръ на Лахтѣ спасаетъ утопавшихъ (1 ноября 1724).

гѣями подписей. Отходя же отъ картинъ начинались толки и споры, что лучше всего доказываетъ полное достиженіе цѣли: узнаніе народомъ *самой сути* дѣла и представленіи Петра вѣчнымъ труженикомъ, какимъ былъ Великій, ни передъ чѣмъ и никогда неостанавливаясь въ дѣлѣ ожидаемой общей пользы. Государь Императоръ также осчастливилъ картины благосклоннымъ обзоромъ. Картины на Царицыномъ лугу раздѣлены были павильономъ, гдѣ также выставлены были два портрета Петра (одинъ современный, очень схожій, работы Каравака) и бюстъ его, передъ картою Европейской Россіи.

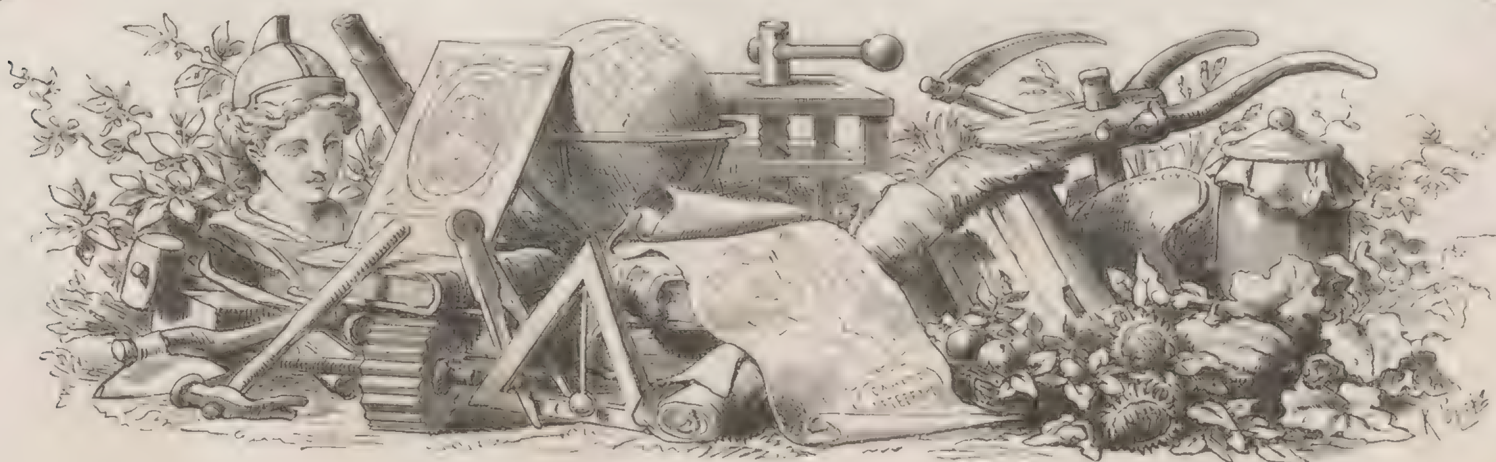
Между тѣмъ съ семи часовъ вечера началась противъ лѣтняго сада гонка гребныхъ судовъ; въ театрахъ же давались даровые спектакли по билетамъ, раздававшимся канцеляріею Оберъ-полиціймейстера. На Александринскомъ давали «Мельника», да «Саардамскаго корабельнаго мастера». Передъ окончаніемъ спектакля вынесли на сцену портретъ Петра I и, передъ нимъ прочтены стихи на настоящій случай.

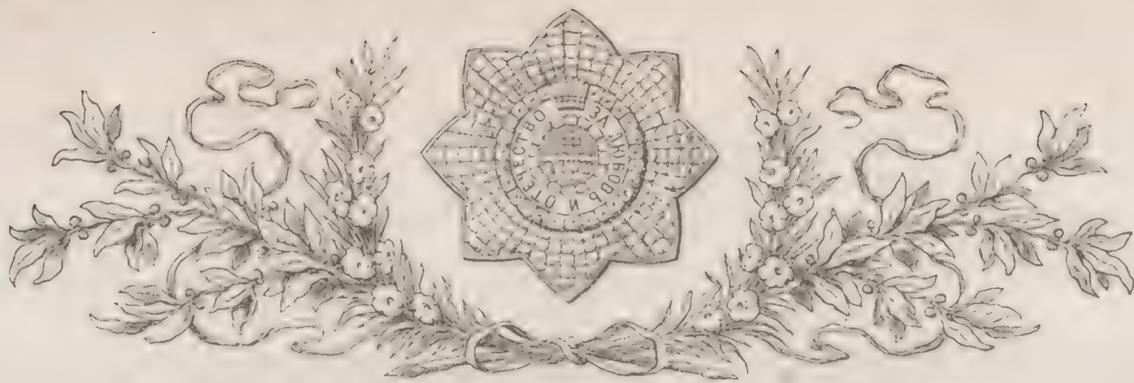
На слѣдующій день (въ среду, 30 мая) Академія наукъ сдѣлала торжественное собраніе и на немъ прочитаны были академиками: Веселовскимъ, Гротомъ и Струве статьи о Петрѣ *). Только іюня 4-го праздникомъ въ С.-Пб. рѣчномъ яхтъ-клубѣ,—гдѣ поставлены были декораціи и живыя картины изъ жизни Петра съ объяснительнымъ чтеніемъ,—заключилось въ Петербургѣ чествованіе памяти Петра.

И въ Москвѣ, какъ въ Петербургѣ, празднованіе юбилея началось съ вечера.

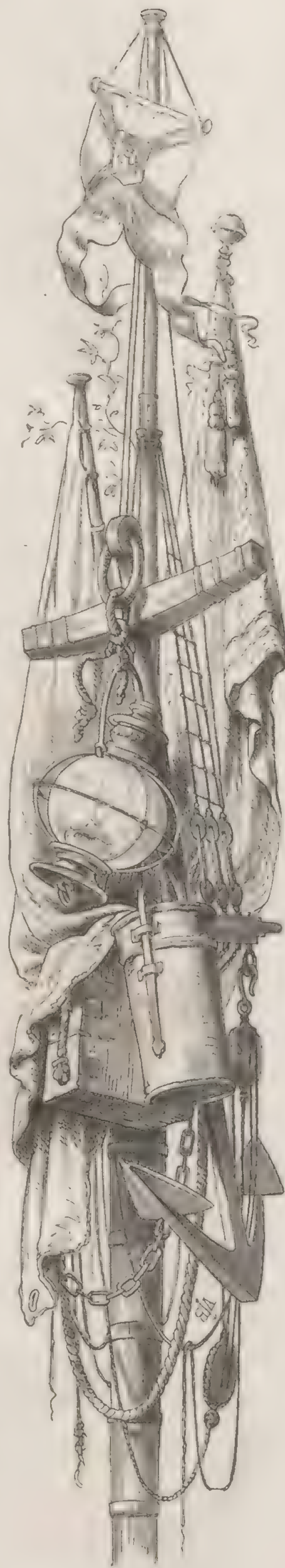
Мая 29-го отправлена была во всѣхъ церквахъ древней столицы всенощная. Въ самый же день юбилея, митрополитъ московскій совершилъ въ $9^1/_2$ часовъ соборную панихиду по Великомъ, въ Архангельскомъ соборѣ, и съ крестнымъ ходомъ пришолъ въ Успенскій соборъ, гдѣ совершалась заупокойная литургія. На престолѣ первоверховнаго храма древней столицы поставлена была въ этотъ день драгоцѣнная дарохранительница, принесенная самимъ Петромъ. А при священнослуженіи употреблялось евангеліе, устроенное царицею Натальею Кирилловною изъ драгоцѣнностей, ей принадлежавшихъ—въ благодарность Промыслу за сохраненіе, во время Стрѣлецкаго бунта, дней Петра I,—вмѣстѣ съ крестомъ, бывшимъ на груди его во время Полтавскаго боя. По совершеніи литургіи, крестный ходъ (въ которомъ принималъ участіе великій князь Константинъ Николаевичъ), выйдя изъ Успенскаго собора, направился въ Троицкія ворота и остановился на сводѣ моста, раздѣляющаго Александровскій садъ. Здѣсь духовенство совершило молебствіе и водоосвященіе, а также освященіе Политехнической выставки. За окропленіемъ святою водою части помѣщеній ея, крестный ходъ направился къ морскому отдѣлу: встрѣчать ботикъ — «Дѣ-

*) Петръ учредитель Академіи (Веселовскій); объ образовательныхъ цѣляхъ и средствахъ Петра Великаго (Гротъ) и заслуги Петра по части географіи Струве.

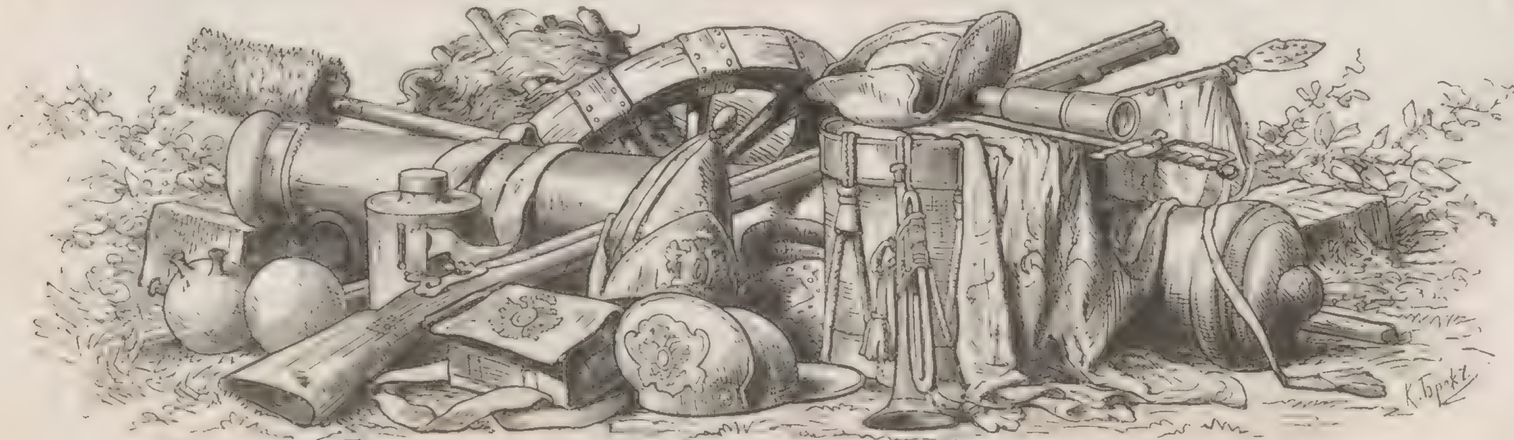
душку русскаго флота». Проба церемоніала встрѣчи его московскимъ яхтъ-клубомъ дѣлана была еще 15-го мая.

По прибытіи къ пристани морского отдѣла, ботикъ встащили на особое возвышеніе. На помостѣ, передъ утлымъ сооруженіемъ, пережившимъ два вѣка уже, митрополитъ произнесъ эктенію, окропивъ его Св. водою. Тогда послѣдовали выстрѣлы баттареи, помѣщонной на набережной и по звуку пальбы единственный корабль, находящійся на выставкѣ, украсился флагами. Линія яликовъ, окружавшая пароходъ, тянувшій ботикъ, производила здѣсь въ это время то же впечатлѣніе, какъ на большой водѣ флотилія.

Этотъ актъ перевезенія на время ботика для присутствованія на выставкѣ, и составлялъ для старушки Москвы самую суть празднества, не лишивъ, однако, Петербургъ возможности выгодно изворотиться своими средствами, не ослабивъ цѣльности общаго впечатлѣнія. Народный праздникъ на Ходынскомъ полѣ, опять составилъ почти повтореніе потѣхъ на Царицыномъ лугу, только безъ картинъ и открытыхъ сценъ. На дѣйствительной же сценѣ, для избранной публики поставила Москва того же «Саардамскаго корабельнаго мастера». Университетъ, вечеромъ въ день 30-го мая, устроилъ тоже торжественное засѣданіе, открытое съ прибытіемъ Е. И. В. великаго князя Константина Николаевича. Профессоръ С. М. Соловьевъ прочолъ съ каѳедры сущность своихъ лекцій о Петрѣ; послѣ же говорили гг. Давыдовъ, Делавосъ и Щуровскій только о выставкѣ.

Москвою одною мы не вправѣ, однако, ограничивать упоминаніе о праздновании дня рожденія Петра Великаго; почти во всѣхъ городахъ, гдѣ побывалъ великій царь, болѣе или менѣе чествовалась теперь память его. И мы считаемъ удобнѣйшимъ поименовать эти города въ томъ порядкѣ, какъ перебывалъ въ нихъ послѣдовательно Петръ I. Завести первую верфь для стройки судовъ, пріѣхалъ онъ, какъ извѣстно, въ Переяславль, — до того не выѣзжая изъ столицы, дальше ея окрестностей. Въ Переяславлѣ въ день 30-го мая совершонъ крестный ходъ въ село *Веськово*, (отстоящее на три версты отъ города) — гдѣ былъ дворецъ царя-юноши, а на мѣстѣ его поставленъ памятникъ Петру. Въ мѣстномъ храмѣ совершена заупокойная литургія по царѣ-морякѣ и передъ памятникомъ отслуженъ молебенъ съ водосвятіемъ. При произнесеніи *вѣчной памяти* державному основателю здѣсь верфи, прибывшая артиллерія произвела 31 выстрѣлъ. Во время же молебствія мѣстные рыбаки, выстроившись въ линію на своихъ лодкахъ, живо напомнили собою начало Петровскихъ затѣй судостроенія. Торжество скромное—вышло соотвѣтствующимъ цѣли. Не забыли даже любовь Петра къ огненнымъ потѣхамъ и вечеромъ сожгли фейерверкъ, у памятника.

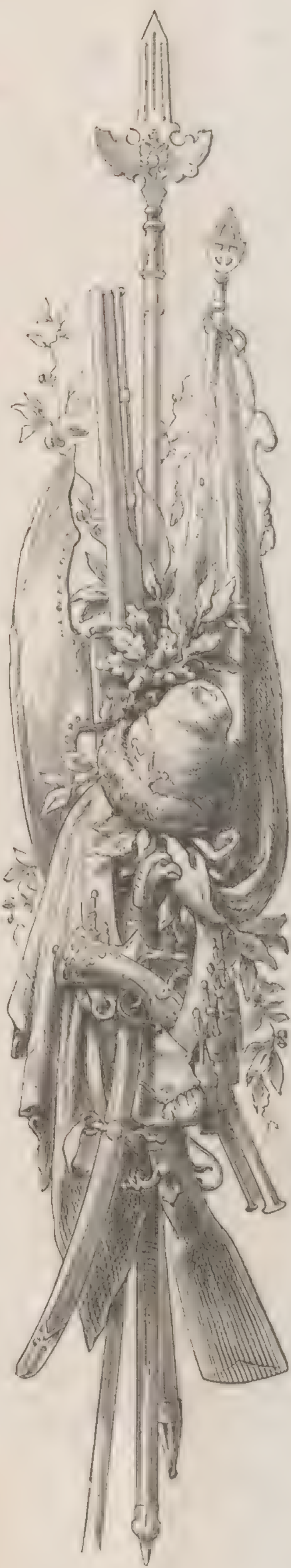
Архангельскъ—для поѣздки въ который бросилъ Переяславскую верфь свою Петръ — на торжествѣ его памяти задался тою же мыслью, какъ и петербургская коммисія. Изъ главнаго храма, послѣ литургіи, въ Архангельскѣ выносили на площадь съ крестнымъ ходомъ вещественныя напоминанія пребыванія царя въ этой сторонѣ: Пертоминскій крестъ, вещи, пода-

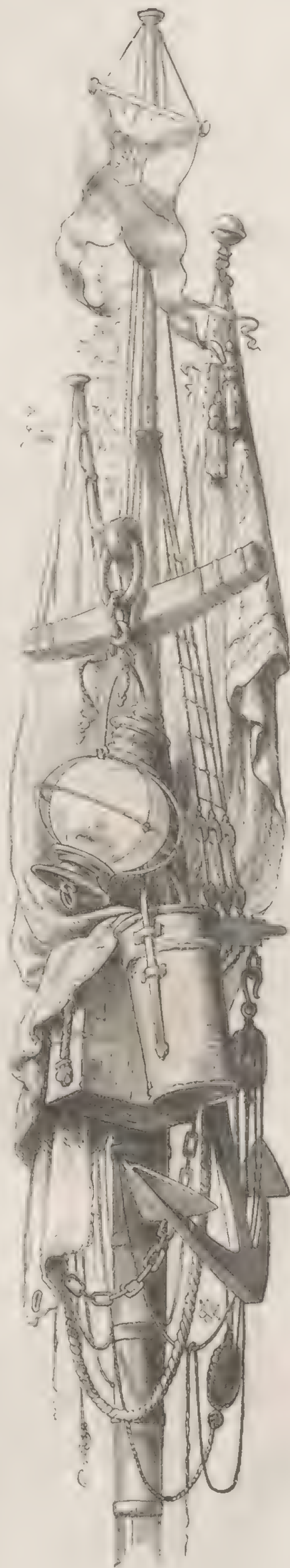

Гробница Петра Великаго въ Петропавловскомъ соборѣ, въ С.-Петербургѣ.

ренныя самимъ Петромъ архіепископу Афанасію и отнятыя у шведовъ знамена. Передъ крестомъ, на устроенномъ для этого возвышеніи, совершено молебствіе. Потомъ раздавали народу брошюру о Петрѣ I—Огородникова, и въ залѣ гимназіи Минейко прочолъ лекцію. Казенные же пароходы вечеромъ свезли желающихъ въ Новодвинскую крѣпость, гдѣ сохранился домикъ Петра.

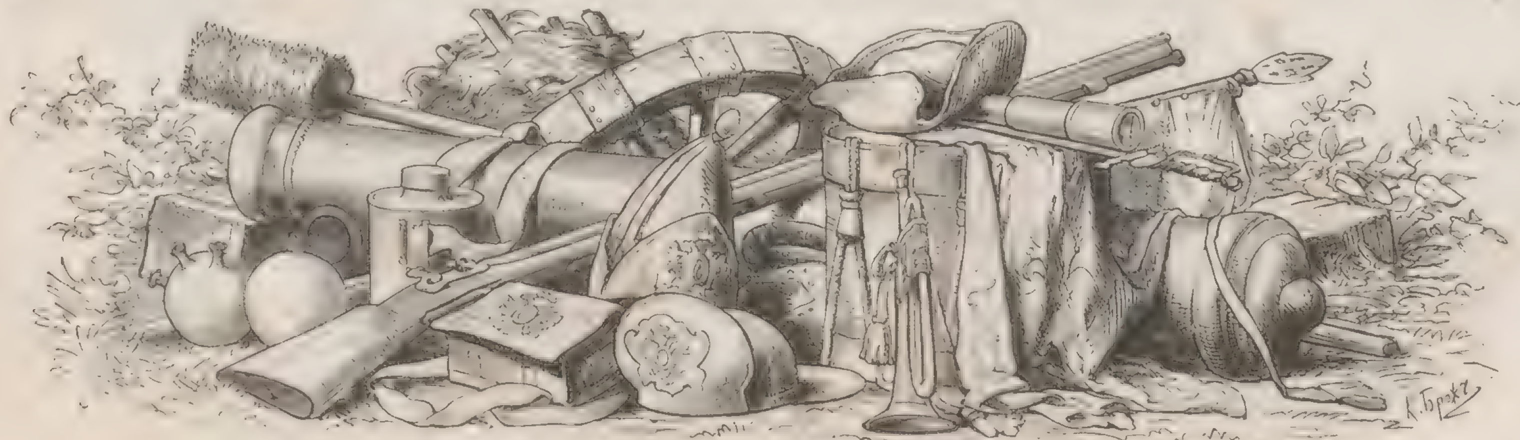
Близъ убогой деревянной церкви въ крѣпости Новодвинской — стоитъ простой деревянный срубъ — гдѣ жилъ Петръ въ третье свое посѣщеніе Двинской стороны (1702 г.). Сѣрымъ, унылымъ пятномъ оказывается эта безпріютная развалина среди зеленаго луга, занимающаго средину бывшаго укрѣпленія. Пустынная Новодвинка въ день торжества составляла рѣзкій контрастъ съ Архангельскомъ, куда изъ окрестностей сошолся народъ тысячами, оставшись, конечно, на нѣсколько дней. Въ мѣстномъ театрѣ, мая 31-го дана была драма «Иванъ Рябовъ», переносившая зрителей за полтора слишкомъ вѣка, въ эпоху Петра и начала борьбы его съ Швеціею. Самая пустынная обитель Соловецкая не оставила почтить память Петра празднованіемъ. Крестный ходъ совершонъ къ часовнѣ, поставленной на томъ мѣстѣ, гдѣ царственный молельщикъ присталъ къ берегу. При возглашеніи вѣчной памяти, съ монастырской башни грянулъ залпъ изъ 31 орудія, а надъ вратами обители выставлены были модели судовъ, на которыхъ пріѣзжалъ въ обитель Петръ, въ оба свои посѣщенія.

Воронежъ не отсталъ отъ другихъ городовъ, справляя двухсотлѣтіе дня рожденія того, который далъ подлинную жизнь городу. Передъ фасадомъ городской думы поставленъ былъ транспарантъ (4 саж. въ длину и 2 въ вышину) работы мѣстнаго артиста-самоучки Соловьева,—гдѣ средняя картина представляла Петра при спускѣ перваго корабля на здѣшней верфи, съ надписью «Императору Петру Великому Воронежская городская дума 1872 г.» Подъ картиною же въ вѣнкахъ цифры годовъ—рожденія царя и посѣщеній имъ Воронежа 1696, да 1709 гг.

Въ Черкаскѣ, сдѣлавшемся извѣстнымъ Петру одновременно съ Воронежомъ, выносились 30-го мая, въ войсковой кругъ, знамена и гетманскія регаліи, данныя завоевателемъ Азова своему храброму казачеству. Въ этотъ день положена закладка зданія гимназіи, а въ Липецкѣ—открытіе минеральныхъ источниковъ котораго тоже приписывается Петру и гдѣ поставленъ ему памятникъ—заложили часовню во имя апостола Петра.

Псковъ—послѣдній русскій городъ на пути Петра въ Европу въ первое его путешествіе—старательно декорировалъ въ день 30-го мая развалину того дома, гдѣ останавливался царь. Руину эту, съ помощью драпировокъ, обратили въ шатеръ, помѣстили здѣсь портретъ юбиляра и на верхъ дома, обвѣшанный гирляндами, взгромоздили музыку. Гулянье по сосѣднимъ валамъ и декорація вышли очень оригинальны.

Жители Дерпта праздновали 30-го мая актомъ въ университетѣ и гимназіи и рѣчами на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Одинъ изъ профессо-

ровъ университета (г. Энгельманъ), какъ юристъ, выбралъ темою для своей рѣчи заслуги Петра, какъ законодателя.

Рижане не отстали отъ согражданъ дерптскихъ, но придали характеръ торжеству меньше учоный, какъ и слѣдуетъ. На рижскомъ театрѣ прочитанъ былъ прологъ (сочиненія Штейнфельдера), приличный случаю и поставлены живыя картины: *Спасеніе Петра матерью* (съ Штейбена «Покушеніе стрѣльцовъ на жизнь царя ребенка»), Петръ на Саардамской верфи, Петръ на Ладожскомъ озерѣ и Апоѳеоза Россіи. Городъ былъ иллюминованъ очень красиво, особенно зданія ратуши и биржи, да бесѣдка на горѣ Бастей — самомъ картинномъ пунктѣ города, нами переданномъ въ одномъ изъ рисунковъ видовъ Риги, съ присоединеніемъ къ Россіи не только не потерявшей прежняго значенія, но еще достигшей большаго благосостоянія. Устройство богадѣльни для моряковъ—обѣтъ рижской биржи въ память Петра,—приношеніе, подходящее къ случаю.

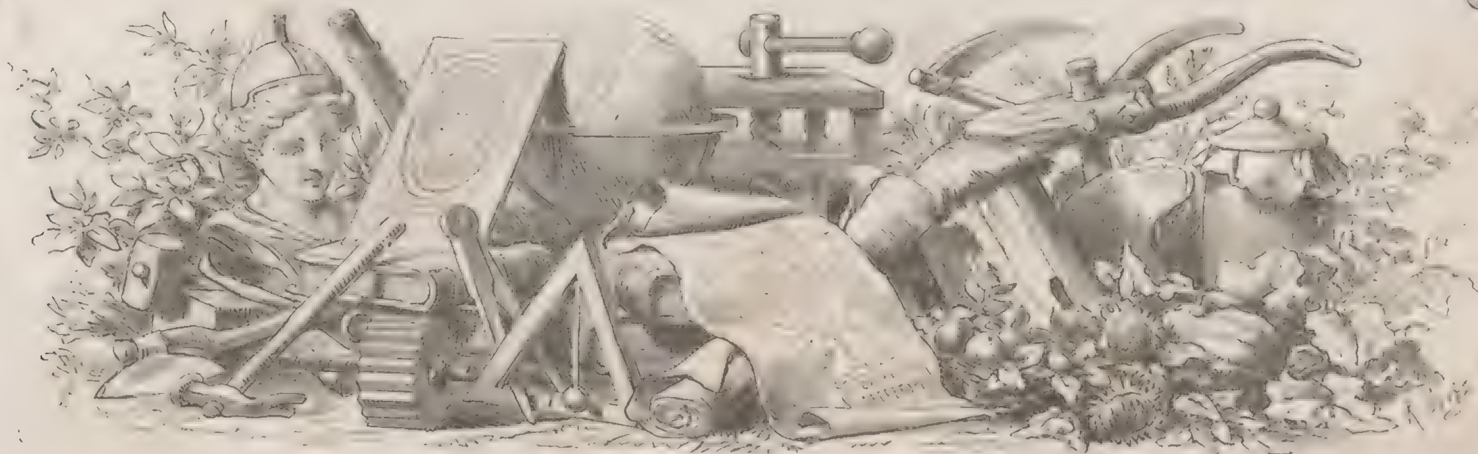
Либава же, гдѣ въ первый разъ Петръ увидѣлъ Балтійское море (въ апрѣлѣ 1697 г.), почтила память великаго самодержца наканунѣ его рожденія процессіею съ факелами и учрежденіемъ морской кассы для пособій матросамъ купеческихъ судовъ и семействамъ ихъ;—учрежденіемъ тоже въ духѣ Петра.

Въ Нижнемъ Новгородѣ совершили процессію къ тому ветхому дому, гдѣ останавливался Петръ I въ 1722 году; да устроили и праздникъ для народа.

Новая Ладога, основанная Петромъ—въ его память устроила процессію съ другимъ ботикомъ царя-моряка, хранящимся въ селѣ Дубнѣ (за 25 верстъ отъ города). Привезенный оттуда ко дню празднованія, ботикъ былъ выставленъ на площадкѣ, передъ домомъ купца Барсукова—гдѣ царь не разъ останавливался, обращаясь дружески съ умнымъ родоначальникомъ этой фамиліи. По совершеніи панихиды и молебствія, ботикъ спущенъ былъ на Волховъ и проплылъ въ Ладожское озеро; по возвращеніи же встрѣченъ съ музыкою и поставленъ у дома Барсукова, въ которомъ помѣщонъ былъ портретъ Петра.

Не мало оказалось и такихъ мѣстностей, гдѣ, пользуясь случаемъ, до того остававшимся вполнѣ неизвѣстнымъ, дѣлали его теперь предметомъ общаго вниманія, устраивая празднества. Жители Ямбурга, напримѣръ, основываясь на преданіи, что Петръ переходилъ съ полками р. Лугу къ Нарвѣ въ бродъ, указанный какимъ то Будынскимъ, близъ закола «Коза»,—будто бы за услугу эту и отданнаго проводнику—устроили у этого закола обѣдъ въ шатрахъ, послѣ молебствія, съ стрѣльбою и тостами.

Престольный нѣкогда Кіевъ, гдѣ Петръ былъ и въ тяжолую пору борьбы съ Карломъ и потомъ, побѣдителемъ его—не нашлось между тѣмъ, кромѣ приношеній священныхъ сосудовъ да саккоса, въ Лаврѣ, никакихъ болѣе прямыхъ и непосредственныхъ памятниковъ дѣятельности Петра завоевателя. И торжество мѣстное, кромѣ общаго и повсюднаго молебствія, обозначалось иллюминаціею съ аллегорическими картинами, да представленіемъ

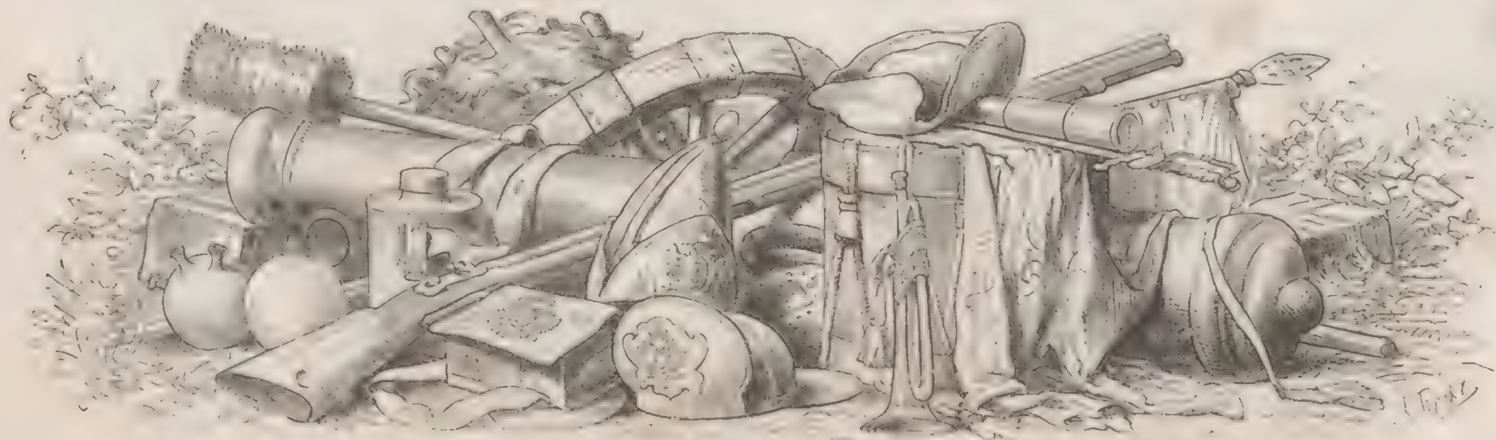

корабля на водѣ въ бою съ береговыми батареями. На сколько все это близко къ Петру, разсудитъ всякій знакомый съ дѣломъ.

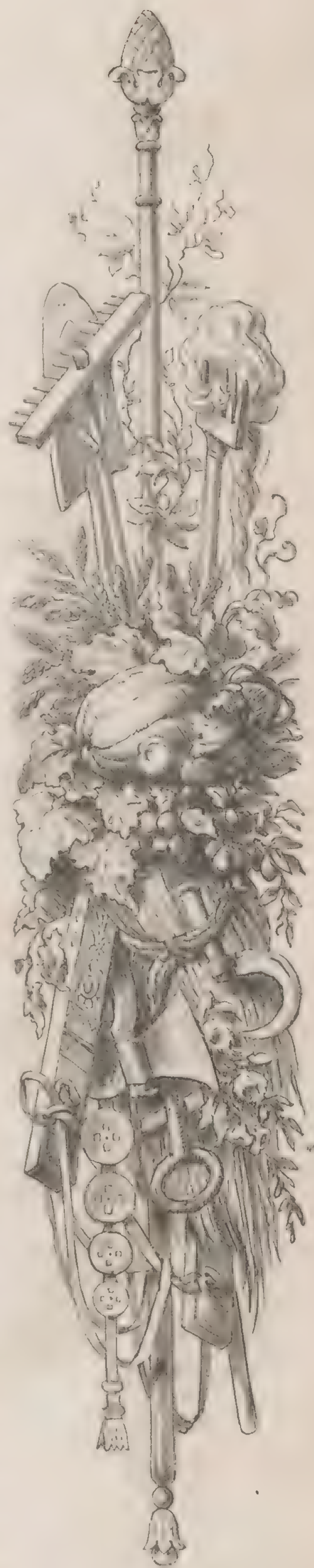
Между тѣмъ, мало кого интересующій собою, городъ Ромны отличился разумнымъ напоминаніемъ любви великаго царя къ садоводству; гулянье въ городскомъ саду съ иллюминаціею аллей и обозначеніемъ цифры 200 говоритъ само за себя. Благодаря нахожденію университета и празднованіе въ Харьковѣ дало возможность напомнить живымъ словомъ о Петрѣ; «о значеніи въ русской исторіи его» прочолъ Петровъ, а Кучинъ разсказалъ «о трудахъ къ распространенію медицинскихъ знаній». И простой актъ полтавской гимназіи, съ чтеніемъ Де-Пуле «Петръ и малороссы», послѣ молебствія и хода къ памятнику—сдѣлалъ свое дѣло для цѣли празднованія. Съ большимъ интересомъ совершился и праздникъ въ Калишѣ. При этомъ городѣ, въ тяжолый для Петра 1706 г., Меньшиковъ разбилъ шведскія войска. Жители Калиша припомнили этотъ случай и учредили гонку гребныхъ судовъ на своей рѣкѣ Просиѣ, въ память основателя Невскаго флота. Побѣду нашу представили въ лицахъ на иллюминаціи и въ живой картинѣ. Подобныя особенности уже не забудутся. А то, что оригинальнаго, напримѣръ, придумалъ Ревель, осчастливленный неоднократнымъ пребываніемъ Петра съ женою даже?—поставивъ только иллюминованную надпись надъ Екатериненгальскимъ дворцомъ. Слова «о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога и пр.—пожалуй, имѣли бы мѣсто въ Полтавѣ; здѣсь же, въ Ревелѣ, трудно добраться до смысла, къ чему бы это? Между тѣмъ, въ какомъ-нибудь селѣ Рубежѣ (Вытегорскаго уѣзда), гдѣ провелъ нѣсколько мгновеній предпріимчивый Петръ, обдумывая возможность соединенія Балтійскаго моря съ Бѣлымъ, по выполненной впослѣдствіи Маріинской системѣ, — но гдѣ поставленъ памятникъ великому монарху,—теплое слово послѣ молебна на шлюзѣ, произнесенное священникомъ передъ памятникомъ: о заботахъ Петра объ оживленіи промышленности на сѣверѣ, нетолько не осталось безплоднымъ, но живо представило образъ геніальнаго труженика, простымъ людямъ, собравшимся почтить его память. Отъ подобной сцены сильнѣе забьется сердце патріота и разумно сознаваемая цѣль почота человѣка великаго, возбуждаетъ желаніе жертвовать на сооруженіе памятника, даже людей совсѣмъ недостаточныхъ. На такой сборъ поставленъ памятникъ, — но не Петру, а его воинамъ, погибшимъ въ экспедиціи Бековича—чинами красноводскаго гарнизона (на Каспійскомъ морѣ). Пирамида изъ бѣлаго мрамора воздвигнута на томъ мѣстѣ, гдѣ партія Бековича построила въ 1716 г. первый Красноводскій фортъ (въ 15 миляхъ отъ настоящаго къ югу). Надпись «Красноводскій отрядъ сподвижникамъ Петра I» указываетъ, кто и кому соорудилъ этотъ монументъ.

День же торжества выбранъ и для закладки въ Петрозаводскѣ монумента Великому основателю этого города, по проэкту академика Шредера. Талантливымъ художникомъ — модель котораго красовалась на мѣстѣ закладки,— Петръ представленъ въ полный ростъ свой (съ пьедесталомъ же статуя должна

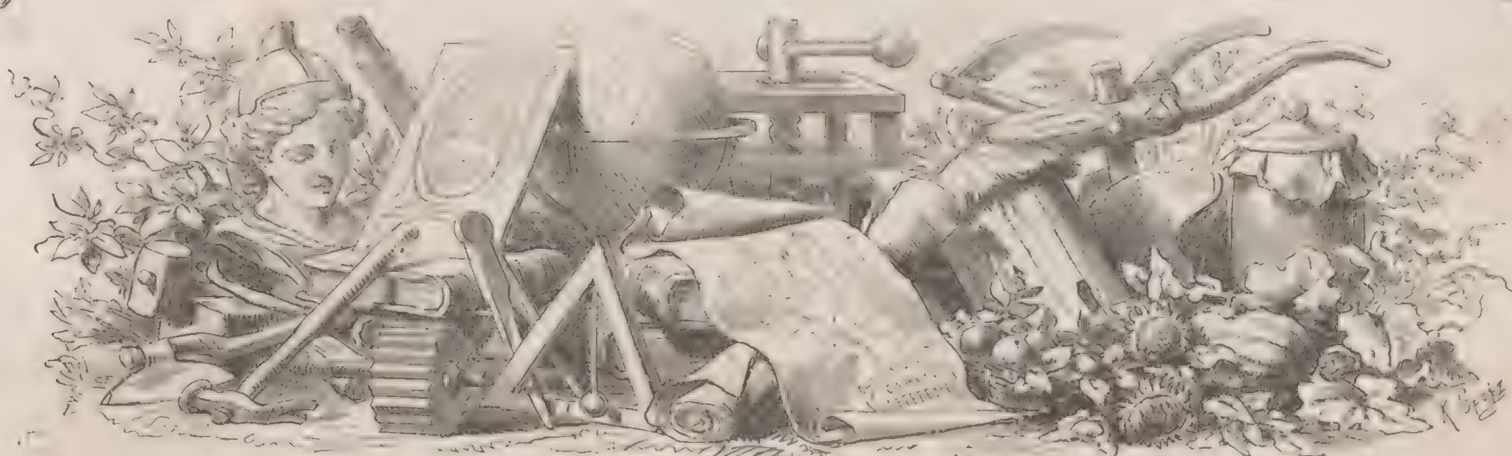

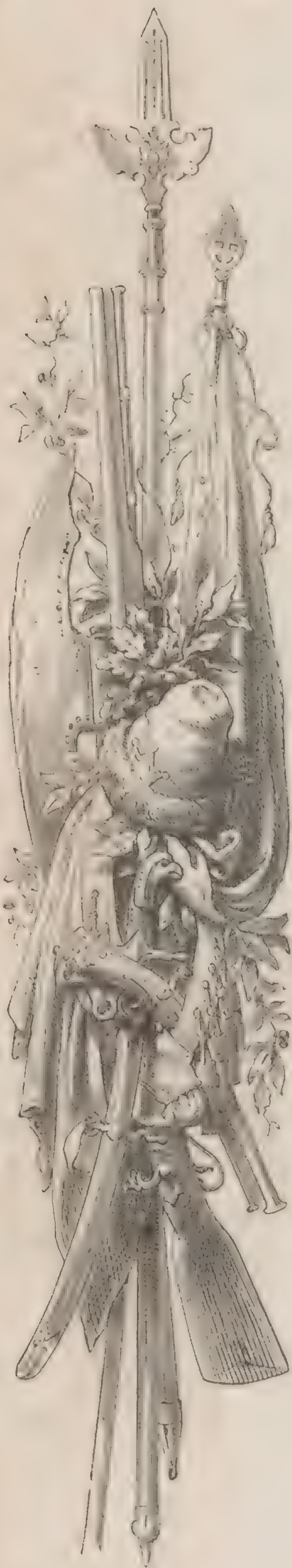
быть три сажени), стоящимъ съ открытою головою, со свиткомъ въ одной рукѣ, другою указывая на устроенный по идеѣ его заводъ. Независимо торжества закладки, Петрозаводскъ разумно отнесся къ организаціи и всего праздника. На домѣ губернской гимназіи выставленъ былъ, напримѣръ, старинный портретъ Петра и надъ нимъ выставлена надпись славянскими буквами «изъ школы бы на всякія потребы, люди благоразумно учася происходили» (слова Петра патріарху)—что можно лучше придумать надъ училищемъ? Петръ во всю жизнь и въ самыхъ тяжолыхъ обстоятельствахъ государства, всегда находилъ средства поддерживать въ народѣ образованіе. Очень кстати, поэтому, преподаватели саратовскихъ народныхъ училищъ придумали въ день юбилея Петра устроить для всѣхъ обучавшихся въ начальныхъ школахъ дѣтскій праздникъ, въ программу котораго входили чтеніе, пѣніе и игры. Между тѣмъ сосѣдній городъ Царицынъ, хвалясь подаренными ему Петромъ, при проѣздѣ въ Персидскій походъ, тростью и картузомъ,—ничего, кажется, не придумалъ для юбилея.

За то Астрахань, обладая яхтою и верейкою царя, передъ этими нѣмыми свидѣтелями пребыванія его въ городѣ, отпраздновала день рожденія Петра приличною церемоніей; передъ тѣмъ помолившись въ Успенскомъ соборѣ, передъ которымъ была торжественная встрѣча Петра и Екатерины въ іюнѣ 1722 г. Въ соборѣ этомъ, внутренность котораго нами представлена, Петръ самъ не разъ горячо молился, слушая литургію; отправляясь въ далекій походъ на Кавказъ и по возвращеніи оттуда. И въ далекомъ Петровскѣ (на Кавказѣ) не забыли царя-путешественника, посѣтившаго эту мѣстность за два года до пресѣченія своей жизни, такъ еще нужной для Россіи. Видъ этого праздника мы представили читателямъ въ снимкѣ съ фотографіи. Такъ что лѣтопись странствованій, совершонныхъ Петромъ, сложилась сама собою въ празднованіи дня 30 мая городами, имъ посѣщонными.

Но праздновали юбилей Петра много и такихъ городовъ,—какъ Одесса и Омскъ,—въ которыхъ не могъ быть Петръ I, по очень простой причинѣ, не нахожденія ихъ въ то время. Одно населеніе Верхнеудинска, если вѣрить оффиціальному донесенію исправника, не сочло себя обязаннымъ почтить память монарха-преобразователя. За то сколько мѣстностей постарались ознаменовать день признанія потомствомъ заслугъ Петра Россіи, жертвованіемъ на общую пользу достатковъ своихъ? Въ Тотьмѣ, напримѣръ, пожелали открыть *ремесленное училище*, назвавъ его *Петровскимъ*. Въ Красноуфимскѣ, мѣстная публика, собравшись въ существующее женское училище, устроила подписку на учебныя пособія для бѣдныхъ дѣвочекъ. Дума въ г. Семеновѣ (Нижегородской губерніи) постановила открыть *женское училище*, въ которомъ чувствовалась потребность. Начальникъ Вологодской губерніи предложилъ земству устроить въ память троекратнаго посѣщенія Петромъ г. Вологды: помѣщеніе для безпріютныхъ стариковъ, выпущенныхъ изъ военной службы. Нарвское городское общество и земство

заявили намѣреніе, въ память Петра I основать «*Техническую школу*, приснаровленную къ мореходному дѣлу и фабричной промышленности».

Учредить *городскую ремесленную школу* постановила и московская городская дума, въ засѣданіи своемъ 2-го іюня. А Воронежскій городской банкъ, по распоряженію мѣстной думы, долженъ отдѣлять 30% изъ своей чистой прибыли на учрежденіе въ Воронежѣ *Петровскаго политехническаго общестовеннаго училища*.

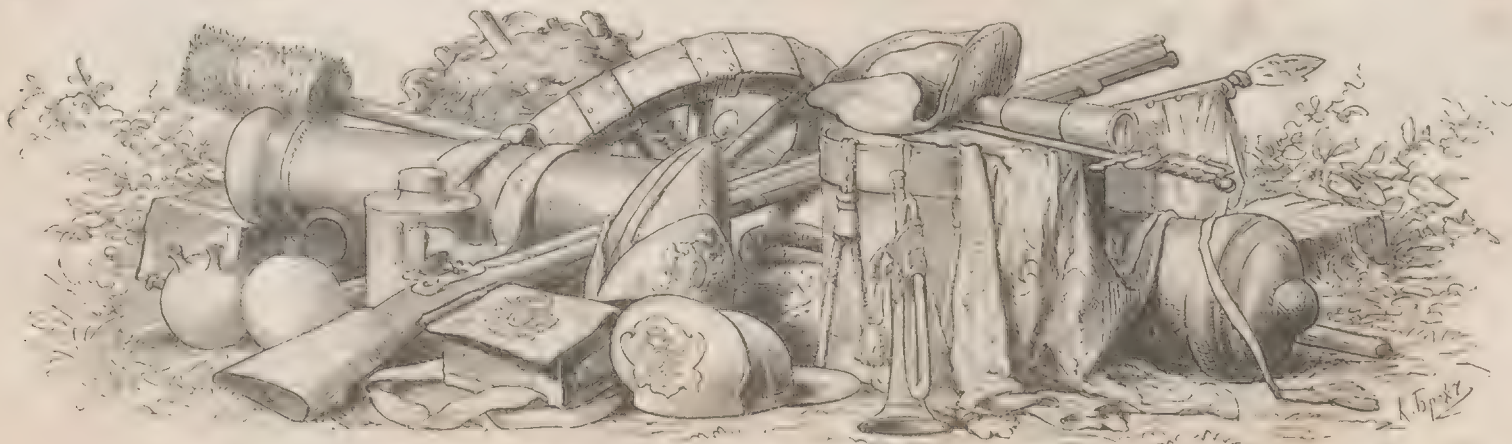
Комитетъ же общества для содѣйствія русской промышленности и торговли, по случаю юбилея Петра, постановилъ—въ средѣ членовъ открыть подписку на образованіе капитала, для выдачи пособія навигаціоннымъ школамъ для прибрежнаго населенія Россіи. Наконецъ, С.-Пбургская городская дума положила, независимо отъ предположенныхъ уже ею 28 начальныхъ училищъ, учредить еще *четыре* такихъ же училища на петербургской сторонѣ—центрѣ Петровскаго Петербурга; ассигновавъ на изданіе по исторіи, топографіи и статистикѣ столицы, кромѣ данныхъ 6000 руб., еще 500 р.— собственно на планы — съ тѣмъ, чтобы книга эта посвящена была памяти Петра I.

Вообще литература, по поводу настоящаго юбилея Петра, получила значительное приращеніе, особенно по части матеріаловъ, какъ для уясненія самой эпохи, такъ еще болѣе о самомъ царѣ. — Состоялось и Высочайшее повелѣніе, чтобы все напечатать, написанное рукою Петра Великаго, и для того составлена при министерствѣ народнаго просвѣщенія особая коммиссія. Архивъ сенатскій въ изданіи историческаго общества и въ трудѣ начальника его, сдѣлался нетолько извѣстнымъ, но далъ многое, до того совсѣмъ неизвѣстное изъ собственноручныхъ бумагъ преобразователя. И за границею изданы новыя свидѣтельства современниковъ *), бывшихъ въ Россіи въ эпоху преобразованій, и потому судившихъ о ней не на основаніи чужихъ показаній.

При такомъ богатствѣ внесенныхъ въ жизнь и въ науку новыхъ фактовъ настоящимъ празднествомъ, какъ не сказать, что дѣятельность великихъ людей благотворна для человѣчества.

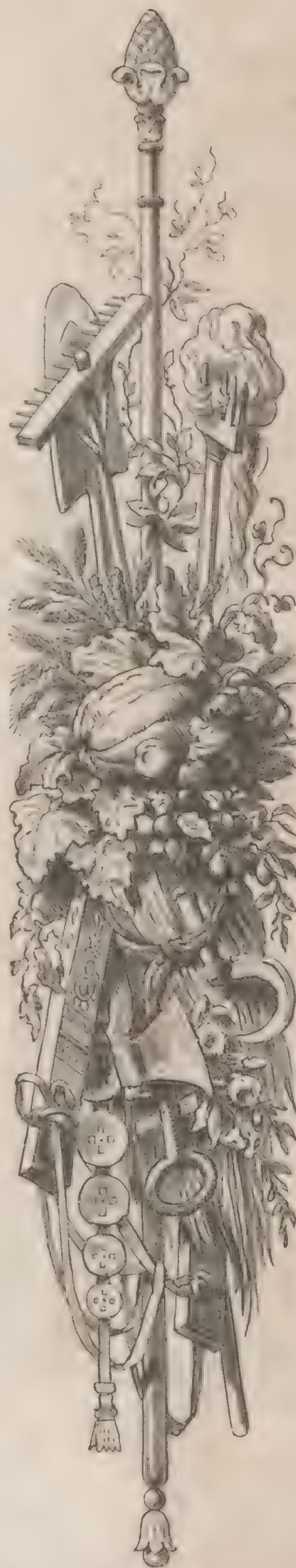
Скажемъ больше: дѣятельность генія остается полезною не только въ то время, когда онъ трудится, переживая чаще горькія, чѣмъ сладкія мгновенія, но и долго послѣ того, когда потомство, признательное къ памяти Великаго, обращаетъ вниманіе на поприще, со славою пройденное имъ. Петръ I былъ однимъ изъ немногаго числа подобныхъ избранниковъ, отмѣченныхъ рукою Провидѣнія. Россія, направленная имъ на единственный путь, доводящій къ успѣху человѣчество, исполняя завѣтъ своего преобразователя, теперь уже несомнѣнно развивается, а не прозябаетъ по прежнему. Доказательства этого—на лицо.

*) «Russland unter Peter dem Grossen». Nach den handschriftlichen Berichten *Johann Gothilf Vockerods* und *Otto Plegers*, herausgegeben von Dr. E. Hermann. Leipzig, Dunker und Humblot, 1872.

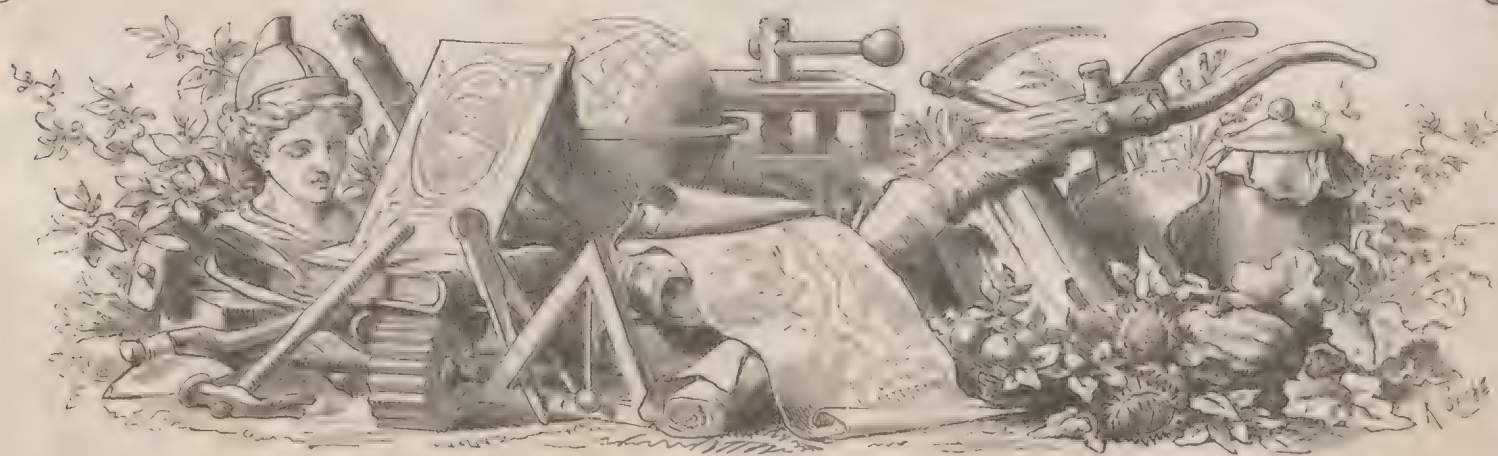

Сами собою русскіе люди, въ десяткахъ городовъ собравшись почтить достойнымъ образомъ память Петра, въ большинствѣ попадаютъ на ту же мысль, которою проникнуты всѣ начинанія великаго—*необходимость учиться.* Заводя всякаго рода воспитательныя заведенія и училища, русскіе люди поминаютъ Петра именно тѣмъ, что было ему всего пріятнѣе. И вотъ—награда генію, присужденная событіями! Покорное орудіе его могучей воли,—народъ,—за который не щадилъ жизни своей вѣчный труженикъ,—понялъ наконецъ цѣль Его стремленій и заботъ и самъ продолжаетъ идти къ развитію, на которое, за полтора вѣка назадъ указывая направленіе хода, въ такой формѣ и размѣрахъ, можетъ быть еще и не разсчитывалъ самъ Петръ Великій!

П.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ПОГРѢШНОСТИ ВЪ ПЕЧАТИ.

Стр-ница	Строка	НАПЕЧАТАНО:	ДОЛЖНО БЫТЬ:
29	подпись	знамя стрѣлецкое 1764 . . .	знамя стрѣлецкое 1684 г.
30	5 снизу	празднованію	коронованію
34	22 сверху	принесли повинную	принести повинную
40	верх. подп.	въ городкѣ Зоонламѣ	въ городкѣ Заандамѣ,
51	24 сверху	теперь писалъ	Петръ писалъ
[illegible]	1 снизу	28 Октября 1708	28 Сентября 1708 г.
75	7 сверху	Беревозскимъ устьемъ . . .	Березовскимъ устьемъ
79	5 ..	и по Воронежскому флоту . . .	и привело къ Воронежскому флоту
82	19 ..	польскаго приказа	посольскаго приказа
87	14 ..	помѣщонныя на двухъ таблицахъ, съ южной стороны воротъ, первая .	— помѣщены на двухъ таблицахъ, съ южной стороны воротъ. Первая
93	подп. въ ср. на лѣво	Графъ Ѳедоръ Матвѣевичь Апраксинъ, генералъ-адмиралъ русскаго флота .	Фельдмаршалъ князь Михаилъ Михайловичь Голицынъ.
..	подп. въ ср. на право	Фельдмаршалъ князь Михаилъ Михайловичь Голицынъ.	Графъ Ѳедоръ Матвѣевичь Апраксинъ, генералъ-адмиралъ русскаго флота.
96	1 снизу въ подписи	во время командованія 4 флотами въ 1718 году.	во время командованія 4-мя флотами въ 1710 году.
117	подп. справ.	графъ Яковъ Васильевичь Брюсъ . .	Графъ Яковъ Вилимовичь Брюсъ.
119	7 снизу	Кревсу	Кревету
120	10 сверху	Бенахтъ. И. Реэсъ	бенахтъ И. Реэсъ
122	8 ..	главна)	главное)
..	14 ..	въ солдаты. Съ имѣній . . .	въ солдаты: съ имѣній
..	27 ..	сдѣлать и что они.,, ...	сдѣлать, что и они?.,
[illegible]	15 ..	да нашихъ 8 фрегатовъ . . .	да для нашихъ 8-ми фрегатовъ
..	10 снизу	конницы, когда Мейдель, вѣрно расчитывавшій	Мейделя, когда тотъ вѣрно расчитывая
..	2 .,	не поддержанный дѣйствіями Мейделя генералъ поручикъ	не поддержавъ своими дѣйствіями адмирала, ген.-пор. Мейдель
161	4 сверху	Мейдель 28-го	Мейдель, 23-го
..	6 ..	но баттареи наши отбили шведовъ, и, прогнавъ ихъ, перешли . . .	но, баттареи отбили шведовъ, и, прогнавъ ихъ, наши перешли
..	7 ..	въ наступленіе сами; выбивъ . .	въ наступленіе; сами выбивъ
..	8 .,	русскихъ на линію	русскихъ за линію
162	15 .,	въ Литовскомъ замкѣ	въ Митавскомъ замкѣ
217	5 ..	голландіи шведскимъ правительствомъ, съ которымъ	шведскимъ правительствомъ въ Голландіи, съ которою
..	21 ..	Гера	Герца
223	19 ..	полянный	южный
227	19 ..	по концерту	по концепту
230	1 ..	въ 1703 г.	въ 1713 г.
232	5 ..	Кальера	Кальфа
232	2 снизу	Вильхеренъ	Вальхеренъ
234	18 .,	на одномъ изъ этихъ кораблей которыхъ	на кормѣ одного изъ этихъ кораблей
256	12 ..	оконечную часть . . .	оконченную часть
264	10 сверху	государственные мечи . .	государственный мечь

